Дневник 1984-96 годов

Сергей Николаевич Есин

SHOUT
SHARE
IT

- Есин Сергей Николаевич
  - 1984
  - 1985
  - 1986
  - 1987
  - 1988
  - 1989
  - 1990
  - 1991
  - 1992
  - 1993
  - 1994

Есин Сергей Николаевич
Дневник 1984-96 годов

1984

Всю жизнь мечтал писать дневник, но очень быстро, начиная, бросал. Наверное, в этом была не нравственная потребность, а чисто внешнее стремление сделать "как и у…?". А вот теперь, кажется, засела в меня эта идея крепко. Одновременно с другой стороны: дневник должен быть посвящен, скорее, не фактам моей жизни, а искусству, литературе, т. е. тому, на что растрачены мои дни. Все это сформулировалось еще летом, после того как мы с Валей посмотрели "Ревизор" в театре "Современник". Именно тогда и возник первый импульс — написать об этом спектакле, но все опять всосала в себя суета и — пшик.

19 сентября. Хоронили на Ново-Кунцевском кладбище Юрия Визбора. Видел Игоря Саркисяна — остались лишь прежний голос и острая манера думать, через сны, предчувствия, мистицизм и волхования. За те годы, что мы не виделись, он, по-моему, окончательно спился. Я стеснялся своей машины, пальто, хотя, наверное, вторым планом при всем моем "головном" стеснении присутствовал и некоторый садизм: он и Юра, когда мы вместе работали на Радио в ОЖС (иновещание; Отдел жизни Советского Союза, централизованная редакция, распространявшая материалы на другие редакции, вещающие на страны), относились ко мне скорее как к компаньону, нежели другу. Не было во мне этого легкого или привычного горлопанства, невинного артистизма самоутверждения.

На похоронах были знаменитые барды Клячкин, Ким, я их не узнал, все постарели, хотя молодятся, пытаясь запутать судьбу и очень близкую старость. Снаряды падают все ближе. С Визбором связаны эпоха "благословенных шестидесятых" (Ким на похоронах) и целое направление. И все же у меня ощущение, что он засуетился, не выразил себя. Торопился за сегодняшней, быстрой славой: и фильмы, и пьесы, и песни — "душа общества". Но, наверное, и знал, что его направление лишь региональное: рядом существуют Окуджава и Высоцкий.

Юра умер от рака печени. Лежал желтый, чужой. А ведь из всех, кого я знал, это был человек с самым большим обаянием. Смерть съела все. Оболочка меня не интересовала. Редко последнее время с ним виделся, переговаривался, но ведь всегда чувствовал его рядом, все время вел с ним неоконченный спор. Так и не доспорили…?

21 октября. Умер Вадим Михайлович Кожевников — "Прощай, Балуев!" — главный редактор "Знамени". Пытался вспомнить его книги и рассказы. Так, общие размытые

впечатления. Даже в "Балуеве", книжке юности, помню по картинке какую-то сварку трубы, которую где-то прокладывали. Вот так ничего и не осталось, кроме некролога, подписанного членами правительства. Можно только представить себе, сколько интриг и предположений в Союзе писателей. Охотников до административного наследства очень много. Делят. И башмаков еще не износив… Что станет с литературой Нади Кожевниковой? Ну, она-то еще немножко попишет. Мне кажется, что следующие писательские поколения с особым сладострастием отыграются на балующихся пером детях: за фору, которую те имели, за импульс, за ложку каши и кусок порога, которые они получили без очереди. Миша Озеров, Катя Маркова — все лауреаты — что с ними станется без помощи и могущественной опеки мам и пап?

1985

31 января, четверг. Пишу уже в новом, 1985 году. Все прокатилось для меня стремительно: в ноябре в Сочи, декабрь и январь — в Москве, в вязкой, бездельной полуработе. На октябрьские праздники и на Новый год много смотрел кино, и крутятся вокруг этого какие-то мысли. Совсем недавно видел "Мать" Донского. Сначала совершенно не принял театрализованную, приподнятую манеру Марецкой, а в конце картины подумал: какой был мастер! Как прекрасно и точно распорядился этим не самым легким для экранизации литературным материалом. Наверное, даже был смысл в этой приподнятости материала, в стремлении не распластывать искусство в жизни, как рыбу на разделочной доске. Мир искусства и мир повседневной жизни, они соприкасаются, но не сливаются вместе. Наверное, это лучше искусства, втоптанного в мелочность сегодня. Запомнил "Голубые горы" Шенгелая. Чудовищная социальная аллегория современного общества, вернее, сегодняшнего хозяйствования. Автор приносит в издательство рукопись, и люди, которые по должности обязаны ее читать, не читают. Они занимаются всем, чем угодно, только не своими служебными делами, прикрываясь легким, изысканным юмором. И вот что мне подумалось: все это уже совершенно не действует, не революционизирует жизнь и общество. И мысль эта страшновата, как всякая голая правда.

Вышел мой "Имитатор". В Москве очень хорошо об этом говорят. В "Новом мире" роман соседствует с новым романом Ю.В. Бондарева. Только что звонил С.В. Михалков, поздравлял с публикацией. Говорили о драматургии. Его пьесы идут только в Москве, Ленинграде и по ТВ.

4 февраля. Уже февраль. Столько звонков об "Имитаторе"! Звонила Джуна. Она в ярости: я использовал, дескать, несколько фактов ее биографии. Алла Киреева, жена Р. Рождественского, должна ее отговорить от демаршей. Познакомились мы с волховательницей на дне рождения Роберта, в Переделкино. А мне Джуну даже жалко. Наивная, легковерная женщина. Это первая реакция на журнал. Надо было бы мне смотаться из Москвы. Прототипы окружают.

Утром звонил Анатолий Алексин. Говорил о стиле: ах, какой стиль! Это об "Имитаторе". Но может ли так быть, чтобы в одном произведении у писателя стиль был, а в другом его не было? Даже грустно: написал модную вещь, и все вдруг заговорили о стиле. А что, разве раньше и я и стиль не существовали?

15 февраля. Уже несколько дней я в Ленинграде. Скорее сбежал, нежели уехал из Москвы, от шумихи и огорчения вокруг "Имитатора".

Последним звонил Г.Я. Бакланов. Моя Сусанна, оказывается, говорит обычный текст жены Бондарева: "Вы знаете, как тяжело жить с гением". Г.Я. своеобразно обрисовал Ю.В. - они ведь раньше дружили: этот человек не прощает ничего и не простит моего соседства в "Новом мире". Чья это черта — Ю. В. или Г. Я.?

В Ленинграде много размышляю над четвертой, заключительной повестью о В.И. - о его последней эмиграции. Высших зацепок, кроме несостоявшегося доклада в Выборге Спиридоновой, нет. Значит, надо строить на ленинских работах, а точнее, на "Удержат ли большевики государственную власть?" Читаю эту работу с карандашом в руках в гостинице: много разного, и возникают даже наивные пассажи, когда Ленин спускается к самой конкретной жизни (вселение в бывшую квартиру буржуев). Дерзкий был человек. А ведь он, пожалуй, на доклад Спиридоновой пошел бы и даже, наверное, что-нибудь там выкрикнул, вроде своего знаменитого "Есть!"

Последний из московских телефонных звонков. Звонил накануне отъезда Борщаговский. После демаршей Джуны и нервов с прототипами, которых мне определенно навязывают, его звонок успокоил своей серьезной разумностью: "Повесть о двух путях для художника в искусстве. Но всем удобнее отыскивать там прототипов".

Кстати: Глазунов, Шилов, Пономарев, Королев (директор ГТГ) и даже Салахов — вот кого называют. Меня это бы веселило, если бы не было так грустно. В Ленинграде был разговор с Женей Агафоновым: умница Глазунов сказал: "Это не про меня", хотя его клеврет и жополиз А. Бондаренко везде звонит, что прототип именно Глазунов: с Есиным надо бороться.

По ТВ видел выступление Г.В. Романова: толково и заинтересованно говорил о ленинградском горхозяйстве. ТВ показало сонных старых мужиков, командиров производства — они-то во всем и виноваты.

20 февраля, среда. Чуть-чуть, за неделю, кое-что прояснилось. Все было, как и всегда вначале: пустота, отчаяние, соблазн формального решения, ощущение стада — "как у всех!" — и пошлости, а потом забрезжил свет, и кое-что впереди стало обрисовываться. Маршрут ленинской последней эмиграции известен. В Выборг пока еще не ездил, может быть, и не поеду, хотя поеду, потому что я человек, по отношению к долгу, добросовестный. Все будет базироваться на "Удержат ли большевики государственную власть?" В повести промелькнет

сюжет четырех его предыдущих посещений Выборга и обычный, бытовой фон. Сейчас он — беглец!

Сегодня, читая примечания к тому В.И., понял, почему так мало написано о Хуттонене, редакторе "Тьюме" (Труд) — он остался с "теми финнами". И опять для меня новость: "С просьбой обязательно выпустить "Синюю тетрадь" В.И. обратился именно к Каменеву". В записке есть дважды повторяемое: "между нами". Вожди — странные люди!

Перед отъездом в Ленинград В.С. меня упрашивала повести о Ленине не писать. Но ведь не из-за денег же я все это пишу. Мне это интересно. Почему?

Много думаю и о своей новой "левой" повести. Кто герой. Фокусник, чародей, бюрократ? Он пожилой человек. Утро. Долгий туалет. С каждым годом машина запускается все труднее. Самое сложное — определить профессию героя. Артист балета? Журналист? Телевизионщик? Аэрофлотчик? Режиссер? "Я хочу стать Моцартом". Столкновение с бюрократическим сектором. Справка за квартиру, например. Оформление в гостинице. Современные микротрагедии. А что дальше?

22 февраля. Вечером был в Кировском театре на "Легенде о любви". Наконец-то увидел Кунакову в роли Мехменэ Бану. Как, оказывается, может быть стихийно талантлив человек. Сравниваю с остальными исполнителями и думаю, как исчерпывающе много знает эта еще молодая женщина о жизни, о любви и о ревности. Когда она выходила на сцену — шли слова, стоны, крики, когда танцевали другие — возникала честолюбивая гимнастика. И не более. Интересен был еще какой-то парень в роли Незнакомца, обещавшего выздоровление для Ширин ценою потери красоты для Мехменэ Бану. В его стелющемся по полу исполнении была какая-то мистическая тайна, угодливая и в то же время грозная.

Перед спектаклем заходил в музей-квартиру Блока на набережной реки Пряжки. Это минутах в десяти от Кировского, по улице Декабристов. Музей молодой, но с прекрасной, тщательно подобранной экспозицией. Потом оказалось (я обратил на это внимание), что всю коллекцию фотографий и книг купили у Ильина.

До слез горько было находиться в этом доме, особенно на четвертом этаже, где жил Блок с Л.Д. Квартира до сих пор пахнет несчастьем. Умер А.А. на втором этаже: в 20-е годы его уплотнили, и ему пришлось переезжать в квартиру матери двумя этажами ниже; ее, впрочем, тоже уплотнили, оставив только три комнаты: отгородив их, семья принялась ходить по лестнице для прислуги, по черному ходу. Господи, сколько же несправедливости в мире! Революция уплотнила первого поэта

революции. Сколько стоицизма и внутреннего осознания правды понадобилось временами поэту: сначала — чтобы жить, а потом — чтобы умереть.

В музее много автографов. Пожалуй, впервые после этого музея (осенью я, правда, прочел сборник о Блоке) у меня проснулся интерес к поэту, точнее, к его лирике.

Умер корреспондент "Известий" Саша Тер-Григорян. Я встречался с ним во Вьетнаме, потом, кажется, в Монголии. Помню его и по "Комсомольской правде", где я работал в начале 60-х. Международники для нас, молодежи, тогда казались богатыми, они видели зарубежные страны. Чужой мир, контур иной земли. Саша был удивительно всеяден и, как мне кажется, считал интеллектуальный труд — работой, которая должна поглощать все силы. Приносил мне, когда я работал на радио, какую-то пьесу о культурной революции — ловкое изделие. Стихи у него были тоже быстрые. В известинском некрологе стояло: "С газетчиком в нем уживался поэт, и, когда поэту становилось тесно в газетной публицистике, Тер-Григорян выражал себя в стихах. Из каждой своей загранкомандировки он привозил яркие книжки очерков, но, быть может, самым дорогим детищем был для него сборник стихотворений "Перекрестки судьбы".

24 февраля. Вечером был на спектакле в БДТ вместе с М.А. Смирновой. Моя дружба с ней продолжается. Смотрел "На всякого мудреца довольно простоты". Во-первых, приятно, что играют весь текст. Боже мой, какой текст! Как же так научиться писать! Уже не научусь. Сил становится все меньше, а время впереди все короче. Во-вторых: наверное, это самая серьезная попытка, по крайней мере, у Товстоногова, в освоении классики. Это гораздо значительнее, чем мюзикл "Смерть Тарелкина". Там понадобились приспособления, чтобы классику оживить, сделать участницей жизни, здесь — только текст. Здесь обошлись без Колкера; правда, Лебедеву, кажется, добавили каких-то цитат из трагедий Княжнина или Сумарокова.

Я сидел на литерном ряду, прямо против сцены. У Ильченко, игравшего Глумова, потекла носом кровь, и несколько минут он делал все вполголоса. Потом я увидел на носовом платке пятно. Вот она, образная метафора работы актера — тратит кровь. Я долго думал, почему Г. А. Товстоногов пригласил в театр киевлянина Ильченко с его отрицательным обаянием: он социальный герой нашего времени.

В спектакле почти ничего не раздражало, хотя я и не люблю школу представления: О. Волкова — Глумова, Мамаев — Басилашвили, Мамаева — Макарова, Крутицкий — Лебедев, Городулин — Стржельчик, Тарусина — Э. Попова. Какую-то

удивительную картинку сотворил Ю.В. Томашевский, "человек Крутицкого"? — тоже, как и Крутицкий (Лебедев), разноликий, но иного характера, похож на кузнечика.

3 марта. В Ленинграде потеплело. Моя работа над повестью о В.И.Л. остановилась. Накупил много книг, читаю. Вчера ездил в Выборг. Это уже второй раз, но надо обязательно поехать летом. Посмотреть парк Монрепо. Город расположен на островах. Был в Замке. На обратном пути прочел путеводитель. Интересно.

Накануне видел "Тщетную предосторожность" в Малом оперном театре. Я люблю ходить в театры в Ленинграде: здесь еще не перевелась эта театральная потребность. В Москве ходят из-за моды. Музыка скупая, танцевали хорошо, но без личностного оттенка, как надо бы в театре, а потому скучно. Исключение составляют характерные роли. Запомнился Г. Судаков — Мишо.

В Москве, по словам Вали, идет свистопляска с "Имитатором". Звонили Фокин и Ширвиндт. Оба готовы ставить в театре, я ничего решать не буду, пусть все идет само по себе.

4 марта, понедельник. Сложность моей новой ленинской повести в том, что я поставил для себя задачу не повторяться: быть ближе к монологу В.И. И еще сложности: сливки-то сняты, снято все внешнее, значит, надо строить на внутреннем интересе, на знаниях. Очень много последнее время читаю. Удастся ли все соединить, спаять, сделать интереснее? Недавно оглянулся: времени-то осталось мало, надо браться за дело.

16 марта, суббота. Я — в Костроме. Десятого уехал из Ленинграда.

Валя приезжала на праздники, а на следующий день собрался к Виктору и Ире Симакиным.

В день отъезда объявили о смерти К.У. Черненко. Уже в Костроме смотрел по ТВ, как покойного сухо и без интереса хоронили по большому ритуалу. Понравилось лицо Горбачева — спокойное, уверенное в себе, и его речь, объясняющая какую-то спокойную истину. После В.И. Ленина — это первый юрист у руля государства и, пожалуй, первый, получивший нормальное университетское образование. Смотрится Горбачев преемником Ю. Андропова, о котором не забыли и вспоминают с уважением. Будет ли через год кто-нибудь помнить о Черненко?

В Костроме кисну. Прочел книгу певца Николая Гедды. Хороши страницы о Караяне: жесткая точка зрения. Витя поставил очень хороший спектакль "Васса Железнова". Сравнивая с ним мою "Гибкую пластинку" и шукшинских "Петухов", я понимаю, что это были лишь подходы. Жаль, что кое-где артисты не дотягивают, читается лишь возможность…

В Костроме одновременно со мной был Валера Подгородинский, начальник управления из министерства. Подначил его выдвинуть "Вассу" на Госпремию.

Пишу очерк о Л. Свердловой, может быть, со временем написать маленькую книжечку "Костромичи"? Свердлова замечательно играла в моем спектакле.

С отдельной бумажки, на которой в театральном музее в Ленинграде я делал заметки, переписываю. Из поденной книги Александринки: *"Государь Император с наследником внезапно соизволил присутствовать и был чрезвычайно доволен, хохотал от всей души.*

Пьеса весьма забавна, только нестерпимо ругательство на дворянство, чиновников, купечество. Актеры, и в особенности Сосницкий, играли превосходно. Вызваны: Автор, Сосницкий, Дюр. В воскресенье 19 апреля".

Это "Ревизор". Автор — Гоголь. Император сочинителю подарил кольцо с бриллиантом. Вот как умели держать идеологический удар и отводить его.

4 мая, Обнинск. Надо бы начать писать дневник регулярно. С 30-го апреля по 3 почти мая провел в доме творчества кинематографистов в Болшево. И ситуация, и народ все те же, привычные. Из новых людей познакомился с Гр. Гориным. Безумно смешно рассказывал, как Андрей Миронов разыгрывал его по телефону. Григорий должен был уезжать в Женеву на какие-то съемки, а Миронов из Перми (с акцентом) допытывался: почему г-н Горин едет без "мадам". Вечером Е. Сидоров, я и Миша Козаков спорили о Евтушенко. У Миши проскальзывает некая зависть. У нас с Женей единая позиция. Евтушенко из времени не вынешь, его маска — слагаемое наших дней: как "Битлы", как сборище на Маяковской.

Пишется плохо, как и всегда, когда я между многими делами: пьесы по "Имитатору", спектакль пойдет в театре Ермоловой, (право постановки я отдал В. Фокину, забрав у Табакова, которому тоже сначала обещал. На афише будут стоять два имени: мое и С. Михалкова. Он — паровоз) и новой пьесой "Сороковой день". В министерстве, в сценарной коллегии, с прохождением пьес те же трудности. Все рутинно.

23 июля, Сочи. В том же цековском санатории. Я — муж своей жены, поэтому и здесь. Сегодня утром — приехали с В.С. вчера — уже кружочек пробежал. Кто мог подумать, что в 50 лет могу бегать трусцой! Снова в "ухоженном буржуазном садке": только соков в киоске сортов десять-пятнадцать, среди них есть мне неведомые, например, боярышниковый.

Вечером ходил на "Творческий поиск Владимира Высоцкого".

Много пленок с телевидения — перевели в кино, неизвестных: из Венгрии, из учебных фильмов. Очень талантливый человек, но много невнятицы. Часто интерес возникает на уровне протеста или социальной нескромности. Ведут: некий "искусствовед", актер Театра на Таганке, журналист из "Литгазеты" и "артист МХАТ" Всеволод Абдулов. Зал был почти полон, хотя в стране интерес к Высоцкому утихает — он с магнитофонов сходит. В своих выступлениях ведущие с провинциальным почтением похваливали товар. Например, что песни Высоцкого, даже заказанные для фильмов, не входили в картины, потому что своим содержанием как бы фильм исчерпывали. Я все же думаю, что феномен Высоцкого больше связан с его личностью, маской, его театральной грубостью и приблатненностью во времена тиши и глади. Своей судьбой поэт оплатил эти два с полтиной с каждого за нынешний концерт.

В машине я часто слушаю Высоцкого. Чем-то меня он околдовывает. Смесью литературной наглости (где другой литератор поискал бы тонности или постеснялся вторичного, он берет и повторяется или ставит самое расхожее, но, как у таланта, у него все в строку) и провидческого озарения. Сколько схожего… "Мне руку поднял рефери, которой я не бил…?"

В тетрадке, где все это писалось, вклеены театральные билеты, между страниц лежат записочки и письма читателей. Здесь же и интервью из "Советской России", которое Льву Колодному дал отец Высоцкого. Не приведи Господь родителям давать интервью о покойных детях. Остановиться здесь трудно: Высоцкий за концерт брал 70–80 рублей, теперь 2,50 перемножим на огромный зал санатория.

27 июля. Сочи. Обстоятельства жизни обычные, но с В.С. не ругаемся. Валя много пишет, для нее существует только работа. Что-то изобретает даже на отдыхе. Доделал — в первом приближении — все, что связано с новой повестью о В.И. Ленине. Был в санаторской библиотеке, взял два тома. Видимо, в этом учреждении, где отдыхает просвещенная партийная элита, я оказался первым, кто этого автора востребовал. Читал март-июнь 1917. Все же дерзкий я парень, поскольку у самого моего героя все сочнее, ярче, гуще. И опять поразился, как мало мы знаем.

Прочел речь на 1 съезде советов. Речь не в среде единомышленников, отчетливо представлявших, кто с ними говорит, а перед врагами и противниками, к тому же с парламентской стенограммы, т.е. живая, трепещущая. Пожалуй, я не читал более убедительного и страстного ленинского документа.

"Литературка" 24-го напечатала мою статью о Владимире

Дрозде, о его переводной с украинского книжке.

31 июля. Сочи. Два маленьких, так сказать региональных события. Был на концерте Махмуда Эсамбаева и снова через пять, или, по крайней мере, четыре года посмотрел "Агонию" Элема Климова.

Эсамбаев. Я думал, что уже упущу эту легенду. И, как случается, легенда уже приобрела вид довольно обветшалый. За его довольно безвкусными номерами и разъеденной немощью, как молью, программой вдруг блеснет миг неповторимый — значит, гениальный.

У Эсамбаева все капризно, кокетливо, по-детски себялюбиво.

Из новых номеров — "Портняжка". Это как будто из другого Эсамбаева. Современно, изысканно и чрезвычайно нелепо. Белые чулки, на каблуках закрытые туфли, голубой бархатный костюм. Мальчик!

Два слова об "Агонии": обидно, что фильм страдает из-за неполноты материла. Это сценарные огрехи не очень чувствующих историю людей — Лунгина и Нусинова, побывавшие потом в руках Климова. Возникла самостоятельная сверхреальность. Законченная, как планета. Она существует и требует места, и сочувствуешь Николаю (Ромашин), Распутину (Петренко) и даже Царице — у всех своя правда и своя боль. Вот так.

Искал функциональный кусок для задуманного "околотеатрального" романа, и хотя знал, какой он будет, не ошибся, однако же перечитал "Гамлета". Меня поразило, как же сокращают и калечат произведение при постановке! В пьесе есть все: и когда внимательно читаем — абсолютно все понятно. Даже отношения Гамлета и Офелии. Театральные "толкования" связаны с неполностью прочтения. Поразительно высчитанное и мотивированное произведение. Конечно, если что-то отсечь, то придется толковать.

Выписки:

Бывает и с отдельными людьми,
Что если есть у них порок врожденный —
В чем нет вины, затем что естество
Своих истоков избирать не может, -
Иль перевес какого-нибудь свойства,
Сносящий прочь все крепости рассудка,
Или привычка слишком быть усердным
В старанье нравиться, то в этих людях…
Все доброе проникнет подозреньем
И обесславит. (стр. 30).

…надо записать,

Что можно жить с улыбкой и с улыбкой
Быть подлецом (стр. 36).
И в небе и в земле сокрыто больше,
Чем снится вашей мудрости, Горацио, (стр. 40)?
… представь его грехи
Так, чтоб они казались вольнолюбством,
Порывами горячего ума,
Дикарствами неукрощенной крови,
Чему подвластны все. (стр. 42)?
Приманка лишь поймала карпа правды;
Так мы, кто умудрен и дальновиден,
Путем крюков и косвенных приемов,
Обходами находим нужный ход, (стр. 43)?
…?Наши годы так же склонны
Чресчур далеко заходить в расчетах,
Как молодости свойственно грешить
Поспешностью. (стр. 45)?
… краткость есть душа ума. (стр. 49)?
Гамлет, актеры, Полоний.
Полоний: Это слишком длинно.
Гамлет: Это пойдет к цирюльнику вместе с вашей бородой — Прошу тебя, продолжай; ему надо плясовую песенку или непристойный рассказ, иначе он спит. (стр. 64) Назначенье лицедейства — держать как бы зеркало перед природой: являть добродетели ее же черты, спеси — ее же облик, а всякому веку и сословию — его подобие и отпечаток. (стр. 75)?
Какая мне в тебе корысть, раз ты
Одет и сыт одним веселым нравом. (стр. 76)
Раз королю не нравятся спектакли,
То, значит, он не любит их, не так ли? (стр. 86)
В порочном мире золотой рукой
Неправда отстраняет правосудье. (стр. 92)?
Слова летят, мысль остается тут, мысли к небу не дойдут. (стр. 93)?
Воображенье мощно в тех, кто слаб. (стр. 98)?
Гамлет: Вы ничего не видите?
Королева: Нет, то, что есть, я вижу. (стр. 99)?
Что человек, когда он занят только сном и едой! (стр. 110)?
…?нас безрассудство
Иной раз выручает там, где гибнет
Глубокий замысел. (стр. 149)

14 августа. Сегодня утром бежал свою обычную пятерку — какое удовольствие! Хорошо думается, всю дистанцию забота одна — новый роман. Уже несколько дней пишется. Как гора с

плеч. И вместо отчаяния, которое владело мной последние месяцы, — умиротворение и бодрость. Сразу, лишь стоило начать, появилось много новых идей, вариантов к продолжению. Наверное, к чертям пойдет весь подготовленный на пляже в Сочи план, и Бог с ним, расширяется и прорабатывается образная структура, все как бы всплывает из подсознания, масленое, большое, оживает, требует своей пищи и продолжения. Уже появилось новое название — "Несчастный Кот в сапогах", уверен, что название временное.

Вчера был на концерте ансамбля Годенко. Сидел очень близко. Много молодых лиц, но есть и люди ближе к среднему возрасту. Когда перестают улыбаться — чувствуется возраст.

1 октября. Москва. Написал письма А. Латыниной и Юре Скопу в Ригу. Письмо от него было бодрое, хорошее. Сам в жутком раздерге, постепенно пытаюсь себя собрать. Валя вчера уехала отдыхать в Таллин.

21 октября. Смоленск. Вчера вечером приехал в Смоленск на заключительную декаду "Театр — селу". Устроил все это Ю.И. Кимлач. Утром проводил Валю в командировку во Вьетнам. Она едет на кинофестиваль от газеты. Вся неделя была задергана, ужасна. Ремонт в квартире продолжался, и было два давно мною обещанных выступления; 13 октября на 50-летие Кострова и 16-го — на секции прозы. Это значит, я не работал всю неделю, потому что голова была занята другим.

16-го на заседании секции прозы было ужасное выступление против В. Поволяева. Говорил Саша Кузнецов о секретарской литературе. Дня за четыре до этого звонил В. Шугаев. Я отказался от какого-либо выступления, говорил, что сказать мне нечего. Шугаев предлагал вариант: о творчестве Поволяева — "он пишет не хуже, чем Сартаков, а потом, надо его поощрить — стал писать лучше".

Значит, на эту тему они все-таки желающего нашли.

Саша Кузнецов говорил очень спокойно, хорошо и убийственно. Именно после его выступления Валерия Поволяева вычеркнули из списка для голосования на городскую конференцию.

Из впечатлений последних дней — "Король в Нью-Йорке" Ч. Чаплина. Видел в Болшево 7 или 8 октября. В сказочный сюжет вплетается удивительная история мальчика-предателя. Посмотрев фильм, я понял и количество дублей, и работу над сценариями и аттракционами, о которых много применительно к Чаплину писали.

Вчера снова набросал страничку в роман. У него уже третье рабочее название: "Где брат твой, Каин?", "Гладиаторы", сейчас —

"Ковбой". Я забываю отдельные придуманные и отброшенные пассажи и сцены. Идет ли работа, когда я не пишу? Думаю я об этом постоянно.

Кимлачу не понравилась наша совместная с Михалковым пьеса по "Имитатору". Меня самого интересует: прав он или в данном случае у него плоскостное литературное чтение? Честно говоря, я сам волнуюсь за пьесу, мне кажется, она очень трудна для игры в театре. Слишком многое держится на ремарках.

23 октября. Москва. Весь день — приехал утром в 6.40, сразу взял в гараже машину — мотался по делам Н.А. Назначенный на сегодня суд так и не состоялся. В машине адвокат Евг. Сам. читал отрывок из воспоминаний Еропкиной о И.А. Крылове — про обед, который ему давала родня. Я еще раз поразился, как обстоятельно и не торопясь умели писать в прошлом веке. Полное отсутствие аффектации, без размышлений о стиле — только суть, только подробности, кажущиеся современному прозаику мелкими, из этого слагается благоуханная проза. Ценили свое, наблюденное, взволновавшее.

Сегодня получил очень хорошее письмо от Латыниной. Диалог с ней хочется продолжать. Но это уже я работаю как бы над следующей книгой — "Неотправленные письма". Не слишком ли много я задумал?

Все мешает мне закончить "Ковбоя". Хочется писать и писать, но все мешает.

Из воспоминаний о недавнем. В Смоленске поразило следующее: удивительная статистика Ельнинской земли. Как оказывается, земля не оправилась после войны. Были нарушены основные, живородящие пласты бытия. Музей М.И. Глинки в Новоспасском. Восстановленный дом, церковь, пруды, удивительные пейзажи. Концерт в Смоленском театре — жуткие сцены из "В списках не значился", вульгарная Касаткина.

Познакомился с Мариной Лаврентьевной Попович — изумительный по откровенности и характеру человек. Она рассказывала о какой-то молоденькой женщине…?

7 ноября. Болшево. Суд, на который я ехал из Смоленска, решился благоприятнейшим образом. Н.А. "дали" два года условно. Извлечет ли он из этого уроки? Евг. Самойлович сказал: "Уроки — быть более осторожным". Только-то.

Не пишу. Все последние дни был сплошной ад в связи с ремонтом. Не пишу и поэтому бросаюсь на людей. Сам за собою замечал, что взрываюсь с полуоборота.

Вчера вышла "ЛГ". В статье Андреева новый пассаж об "Имитаторе".

13 ноября. Уже несколько дней живу в Рузе — семинар по

драматургии. Пьесой, естественно, заниматься не буду, а жаль. Опять начинается умственная чересполосица: пишу одно, думаю о другом. "Новый мир" мою "Баню" не берет — фельетон-де. Об "Имитаторе" в свое время С. А. Баруздин, тогда редактор "Дружбы народов", тоже сказал (в записке к завотделом прозы) — фельетон, потом, через несколько лет, правда, поздравил меня с победой. Посмотрим. Последние события. Из Вьетнама приехал муж моей сестры Светланы — Дима, я оставил его на хозяйстве, ликвидировать остатки ремонта. Очень неважно отзывается о своих сослуживцах-аборигенах: жулики, ленивые, с кораблей все тащат на продажу… А я-то думал о поразительном вьетнамском трудолюбии.

Два дня назад был Миша, сын тети Веры Конушкиной, моей няньки. Повидать бы ее. Это последний живой человек, вспоминаемый мною по раннему детству.

Завтра утром еду в Москву — отчетно-перевыборное собрание МО. Что-то будет. А будет обязательно. На фоне резких перемен в стране искусство и культура, пожалуй, единственная область, все еще остающаяся коррумпированной. Правда, и к ним подбираются. В сегодняшней "ЛГ" у С. Алешина есть такой пассаж:

"Трудовые династии — это хорошо, если им соответствуют истинные пристрастия и способности к тому делу, которому отдали жизнь родители. Но будем откровенны: часто ли мы встречали, скажем, в области искусства детей, добившихся результатов, хоть в какой-то мере соизмеримых с родительскими? Чаще это люди, хоть и обеспеченные связями, но не приносящие полноценной пользы обществу. А амбиции их и претензии, основанные на славе отцов и матерей, несоразмерные. Значит, в лучшем случае они бесполезны, в худшем — мешают делу, и при всех случаях занимают чужое место".

15 ноября. Вчера утром приехал в Москву. Состоялось отчетно-

перевыборное собрание Московской писательской организации. Итоги выборов объявили в 2.30 ночи. Все осталось почти по-

старому. Во главе Московской организации — Феликс Кузнецов. Он сделал удивительно холодный и формальный доклад. Циничное перечисление почти всех присутствующих. Боже мой, как может человек, всю жизнь занимающийся литературой, так холодно к ней относиться! Перечислил кого нужно. В конце собрания грубо заигрывал с залом в вопросе о литфондовских благах. Зал это видел. Все эти гримасы — налог на его должность. Раз в два года можно и потерпеть.

Интересно и остро говорил Бакланов.

Сколько конъюнктуры и лизоблюдства у писателей!

Во время партгруппы выкручивание рук в вопросе о Поволяеве. Все бросились его выручать: Гофман, Бондарев. Он нам нужен, он делает нашу работу. Потом все почувствовали страх перед какой-то возможностью быть грубо забаллотированными и лишиться всего. Не должно быть прецедента! Зал под взглядом президиума в 64 человека струсил. В списке Валерий остался, а дальше автомат: из 527 присутствующих против подали 125. Голосовали много еще против Ананьева — 105, Дементьева — 54, Мориц — 52, Вознесенского — 34 (это в правление). При голосовании делегатов на съезд цифры такие же.

Все не очень интересно. Валерочка, пойманный в плохом письме и в злоупотреблении служебным положением, снова будет управлять нами.

25 ноября, вторник. Уже несколько дней не пишу — значит, поослабло чувство одиночества. За последнее время, кроме правления, меня выбрали в партком. Это меня тревожит, надо работать, а нагрузок уйма. С трудом и с чувством радости от преодоления прорубаю последнюю ленинскую повесть. Постепенно, медленно ее структура приближается к моему внутреннему представлению о том, как должно быть.

Сегодня ночью плохо спал. Тревожит чувство смерти. Я стал чаще думать о ней, о том, как не хочется умирать, когда только-только подготовил себе площадку для житья. Грустно, что придут другие, неродные и холодные люди, и каждая вещь для них будет лишена души — только вещь…?

Прочел Радзинского, этого всю жизнь мальчика, "Театр времен Нерона и Сенеки". Какая удивительная простота в воплощении темы! Так близко источники и так престижно, в новом качестве их использует.

Вчера Андрей Смирнов сказал мне о романе. Смысл сводится к тому, что вещь слишком органично советская, т.е. я написал ее изнутри, с принятием времени и основных представлений жизни общества. Обидно. Хоть и старая работа, а очень искренняя. Значит, надо быть в постоянной конфронтации? Не такой я человек!

Сегодня напишу письмо Юре Скопу.

Добрался, наконец, до "Литературки" от 6 ноября. Ф. Чапчахов пишет об "Имитаторе". (Успех этого сочинения для меня самого загадочен.) *"Бывает и так, что авторское отношение к герою выражено вроде бы ясно и определенно — оно резко отрицательное. Но "отрицательность" героя выглядит опять-таки*

как порождение внешних обстоятельств. В повести С. Есина "Имитатор" ее герой, художник Семираев, одержим единственным стремлением "протиснуться и пробиться" к славе. Ради этой цели он не брезгует никакими самыми низкими средствами. В изображении автора Семираев потому чувствует себя хозяином жизни, что обстоятельства якобы за него. Вот и получается, что вопреки лучшим намерениям писателя его герой выглядит не наростом на теле общества, а его продуктом. Уязвимость авторской позиции в повести С. *Есина в том, что завышена сила и значимость ничтожного героя и сведено на нет противодействие окружающей его общественной среды. Вот и складывается впечатление, что наше общество не в силах бороться с семираевыми, не в силах противостоять им своими твердыми нравственными принципами".*

11 декабря. Сегодня открылся IV съезд писателей РСФСР. Все, как обычно, но есть и новости. Позавчера, еще на партгруппе в МК, резко выступил Борщаговский. Я все время удивляюсь А. М., его боевым качествам, умению рассечь проблему по сути. И на этот раз, со ссылками на проект программы, он говорил о вопросах, которые должны бы прозвучать на съезде: о трудном прохождении литературы в издательствах, о монстре Госкомиздата, о гласности в работе писателей. Назначают Приемную комиссию, правление "Совписа".

Доклад Михалкова был, как обычно, — все и про всех. Он соединил меня с Маканиным и единственным дал какую-то характеристику: "обладают жесткой манерой письма".

Новости на съезде следующие. Оборвали аплодисментами и топотом ног при первой же передержке регламента Алексеева, Исаева, Гамзатова. Прежняя циничная, пустая демагогия не проходит. Ну, и слава Богу. Боже мой, и это говорят писатели! Прилично выступил лишь один Бондарев.

Завтрашний день начнется с выступления Евтушенко.

12 декабря. Афронт Ананьеву был, по сути, спровоцирован Грибачевым. Он тренькнул звонком, стоящим на столе президиума. Сработала его привычка на Верховных советах РСФСР. Там всегда дружно кричат: "продляем, пусть говорит". Все демократы, все подчиняются закону и — большинству. Здесь оказалось по-другому. Договорить не дали. В президиуме, за кулисами, стояли матюки.

Сегодня — съезд продолжается в Колонном зале — Грибачев сел в пятый или шестой ряд на сцене. Не в первый, как всегда. Рядом с ним, как побитый, Егор Исаев. Лидеры прошедшего времени.

Евтушенко говорил об умолчании правды, о белых пятнах

истории, о том, что статья о гласности — это еще не гласность. Говорил о качестве в литературе.

Я все время наблюдаю за залом. Бедные люди, делящие писательские должности. Сколько ухищрений! Софронов, как опавший воздушный шар, смотрит, прежде чем сложить ладоши в аплодисментах, — хлопает ли Зимянин? Белов, Распутин, Залыгин говорили привычное — о нравственности. Экология, спасение Севера, поворот рек. По первому трагическому напору запомнилась речь Распутина. Поразила мысль Залыгина: время такое, которое может быть, а может и не быть, т.е. время, когда человечество может исчезнуть как категория жизни вообще. И такого времени никогда раньше не было. Я впервые принял Лиханова как личность. Его речь о детской литературе глубока. "Не пора ли защитить детство от родителей?" "Воспитание карьерное: учат музыке не ради музыки, а ради возможностей получить премию". Это тоже его слова: "Детский мир социален. Он делится на тех, у кого есть джинсы и кроссовки и у кого их нет. У детей возникает ожесточение".

Вечером ходил с В.С. на "Серебряную свадьбу" А. Мишарина. Это был и юбилей О.П. Табакова. Много интересного: показывается, как под лозунгом "наша советская власть", "наша партия" живут проходимцы и карьеристы. Интересно играют Невинный, Тулеева, Табаков, Щербаков — от легкомыслия до зловещей расчетливости, но в целом есть торопливая конъюнктурность, приемы не спрятаны, сам повод возникновения в пьесе внешнего конфликта — приезд на похороны — не вытекает из действиям и не связан с ним.

18 декабря, среда. Сегодня мне исполнилось 50 (пятьдесят). Грустно становится оттого, что этот фильм, который называется жизнь, движется к концу. Все грустно. Открыл утром "Литературку" и расстроился — стенограммы съезда правлены, да еще так, что живого места не найдешь. Меня это удручает. Где острота выступления Евтушенко? Где подлинный Распутин? Из выступления Анатолия Петровича Ланщикова вынули большой пассаж, посвященный "Имитатору". Запомнилась мысль, связанная с оценочным моментом в литературе: особенно трудно отличать подлинность от имитации в гуманитарных областях.

Вчера отменили в ЦДЛ регулярные посиделки "Критического дневника". Назывался он в тот день "Искусство и публицистика. Новые произведения Ю. Бондарева, С. Есина, В. Распутина". Кто испугался? Кто не согласен? Кого боятся? Чью репутацию спасают? За всем этим стоят люди, кажется, не только со своими убеждениями, но и со своими установками жить во что бы ни стало не хуже, чем они жили раньше. Я вижу их оплывшие

физиономии и понимаю, чего они хотят, как им мешают правда и талант. Как не хочется покидать насиженных мест в президиумах. Так что же — прав Гр.Як. и соседства Б. с Е. быть нигде не может?

А вообще, эта возня в Союзе раздражает. Мелкие страсти невольно в свою орбиту захватывают и тебя. Держаться надо от всего этого подальше.

Утро отметил тем, что пробежал километров 5–6. На улице холодно. Вечером будет большая пьянка. Позвал человек сорок. Всю неделю отыскивал, доставал продукты, а значит, унижался и унижался.

На последнем съезде меня выбрали в правление. Из списка делегатов на Всесоюзный съезд перед самой партгруппой — выбросили. Попцов сказал, что это Верченко и Беляев. Посмотрим.

1986

11 января. У же неделю живу в Ялте. Роскошный и удобный Дом творчества. Потихонечку, после первых дней раздрыга, начал работать. Приехал сюда на два срока, получить путевку зимой сравнительно просто. А вот летом я даже и не пробую. Пойдут "свои", с женами и чемоданами. У "Ковбоя" новый заголовок "Имя действия" — строка из "Гамлета". Давно не вел дневник, потому что первую неделю разгружался от накопившихся долгов — писал письма.

Сегодня утром посмотрел в библиотеке газеты и журналы и не могу работать: везде шьются свои маленькие дела, все пробиваются, и царит ничтожный уровень. "Современная драматургия" открывается пьесой И. Прута и Ел. Черняк "Незабываемая ночь" — я помню эту ничтожную пьеску еще по Радио, я ее дал-то, сильно поправив, потому что упросили: дескать, к пенсии для Е. Черняк. Боже мой, теперь эта пьеска — в альманах! В газете "Советская Россия" орудует мой друг юности Арсений Ларионов: публикацией проглядывается кружковщина. Как правило, русская, но ничтожная по своему содержанию.

Смотрю фильмы. Видел "Имре Кальмана" по сценарию Ю. Нагибина, который я читал раньше. Фильм очень средний, хотя сценарий я читал не без интереса. Вылетел эпизод с манто из платиновой норки в Америке и Верушкой, но появился жуткий по сусальности эпизод времен ленинградской блокады с "Сильвой" на сцене Александринки.

Имя В. Чичкова — гл. редактора альманаха — в траурной рамке. Он был мужик неплохой, но заинтриговался. В его смерти я вижу какое-то противодействие судьбы. В альманахе с мая лежит моя пьеса "Сороковой день".

По телефону Валя сказала: "Звонил Володя Иванов: "Сороковой день", наконец, вышел из распространения". Мне очень интересно, какая судьба будет у этой пьесы.

Вечером был на концерте Анат. Соловьяненко. Как он поседел с того времени, когда я последний раз его видел в Свердловском зале: ему вручали Ленинскую премию. Здесь пел с оркестром Крымской филармонии. Средне — Чайковского и дивно во втором отделении — Верди и Доницетти. Зашиб он меня. Яростно хлопал.

Эти дни работал хорошо, сделал, т.е. отредактировал 40 страниц. Писать легче ближе к подсознанию, раскованнее. Придумывай, но себя, а не других.

18 января. Ялта. Не веду дневника. Много пишу писем, и еще

есть списочек, кому написать. Работа особенно не идет. Переориентировал роман. Решил практически расширить, дожать вторую главу. Уже несколько дней выхаживаю идею эпизода. Голова пустая. Сейчас напьюсь чаю и попробую.

Прочитал "Степного волка" Германа Гессе. Роман интересный, жаль, что я узнал его поздновато. Каждый раз меня потрясает немыслимое мастерство С. Апта. Какое виртуозное владение лексикой русского языка! Хорошо запомнил этого переводчика по "Иосифу и его братьям".

Любопытно возникшее неожиданно сопоставление: "Степной волк" вышел в свет в 1927 г., "Мастер и Маргарита" задуманы в 1928-м. Герой Гессе спорит с обожаемым Гете — и проигрывает, Булгаков строит свой роман с эпиграфа из "Фауста". Ситуации в их странах подтолкнули немца и русского на схожий путь? И оба автора отдают создание "мистического союза" радости в руки высшей силе. Не вождям…?

В последней "Литературке" новый пассаж обо мне Вадима Соколова. Интересна и сама статья с любопытной классификацией литературы. Соколов пишет: "Наконец, события минувшего литературного года, быть может, самые важные в нарастающем движении к новому. Это "Имитатор" С. Есина в "Новом мире", характерный для нравственных исканий наших дней, и "Пожар" В. Распутина в "Нашем современнике", ставший выражением философского раздумья и социальных обобщений на новом витке истории".

20 января. Вписываю эпизод во вторую главу, получается вяловато, но необходим объем и для первой.

Много читаю газет. Похоже, что наступают новые времена. Лишь бы только и этот период не оказался кампанией. Сегодня в "Правде" отчеты со съезда КП Туркмении и с отчетно-перевыборной конференции Московской области. Что же будет, когда выбранные вновь секретари обживутся и привыкнут. Ведь материал-то старый. Дай Бог.

В "Сов. России" очень резкая статья Михаила Рощина "Пьеса жива правдой и доверием". По сути дела, это резкая критика положения дел в театре и Союзе писателей. Посвященные видят имена и адреса. Начнем с первого пассажа: "Было бы странно отделять драматургию от литературы. Читатель наш столь же недоволен, как и зритель…?" И дальше: "С каждом годом нас все больше и больше заваливают романами, которые нужны только их авторам, полотнам, которые и авторам не нужны… Это искусство похоже на нашу торговлю: чего хочешь, того не найдешь, а что лежит — того не нужно". Самое поразительное — пресса бьется и стучит в виноватого, а все безрезультатно.

Совершенно ясно, что во всем этом повинны конкретные люди, которые сделали из искусства себе кормушку.

23 января. Вчера очень пошла работа. Написал несколько страниц — даже самому понравилось. Заметил: становится интересно там, где пишу о продуманном — литературе, истории, морали.

В Доме творчества новая смена. Приехали ребята на две недели из Литинститута — у них каникулы. Смотрю на молодые свежие лица и думаю, что, возможно, некоторые из них станут известны всей стране.

У парнишки, который сел за мой стол — пятый курс, выпускник, я спросил: "Кто ваш мастер?" — "Егор Исаев, но я его видел два раза за все время учебы: один раз — в ЦДЛ, другой — по телевизору". Сидят, охраняя свои места, и из-за них "недополучают", страдают молодые ребята.

Позавчера ездил в Симеиз. Это, наверное, самое красивое место в Крыму. Центральная улица, упирающаяся в горы, меня потрясла. Кипарисы с двух сторон и "под античку" — скульптуры. Греция! А ведь все это будет стоять еще столетия.

Здесь, наверное, самое не тронутое в Крыму современным строительством место. Говорят, нет воды. Прелестные старинные дома, правда, все ветшает. Рядом с виллой "Ксения" (1906 г.) жуткий современный универмаг. Обратно дошел пешком до Алушты. Поеду туда еще раз. Глаз всем этим не насладился.

Вчера пришла телеграмма от Наташи Ивановой: "Знамя" приняло к печати "Незавершенку".

Валя здорова, настроение у нее среднее.

Утром получил письмо от Миры Смирновой. Как всегда, письмо очень доброе. Хохотал, когда прочел ее вопрос о "Ковбое": не о доярах ли это?

Утром бегал — от Дома творчества по набережной до конца массандровского пляжа, обратно до Ореанды — и искупался в море, температура воды +8, воздуха утром +5.

1 февраля, суббота. Вчера вернулся в Ялту из Москвы. "Знамя" меня все же "достало": попросили приехать и поправить две страницы. Звонили из Москвы в 15 часов в понедельник, а в 15.30 я, уже с сумкой, выехал. Все быстро и мобильно. В тот же вечер — Симферополь и поезд.

Когда подъезжали к Москве, в купе остался вдвоем с армянином, жителем Адлера, едущим в Мурманск, чтобы продать 500 хризантем, а главное, договориться о продаже 15 тысяч нарциссов. Я спросил, много ли на выращивание этой массы цветов надо затратить труда? Нет, не много, культура легкая. Он собирается взять за эту легкую культуру по 40–50 коп. за штуку.

Правда, накладные расходы и в "лапу" (если будет сдавать цветы государству) — по 10 коп. с цветочка. А за землю он платит — у него 15 соток — до 15 рублей за квартал.

Но разве какая-нибудь вологодская бабка сможет со своих соток снять столько рублей! Пора вводить дифференцированную ренту за землю. Земля в Вологодчине — и земля где-нибудь в Краснодарском крае и сам стиль жизни, когда не нужны пальто и свитера. Есть разница?

В Москве кроме "Знамени" заезжал в "Театральную жизнь". Они крепко испортили, сократив, мой очерк о Люсе Свердловой, приме из Костромы, и началась свистопляска: я очерк забрал, потом дома застал меня звонок ответственного секретаря, место все же нашлось, вечером ездил к Елене Владимировой домой вносить правку. Внимание публики заставляет меня с более ответственно относиться к своей работе.

В Москве, когда я был у Наташи Ивановой в "Знамени", прочел ее статью.

Она отвечает Соколову. Теперь из "крупных" обо мне не писал только Л. Аннинский. Удивился, как мне безразлично все то, что пишут об "Имитаторе". Пассаж Н. Ивановой следует за длинной раскаткой о В. Распутине — его, тоже за "монологизм", как и меня, она несет во все корки: "Откровенно публицистична и повесть С. Есина "Имитатор". Здесь с самого начала очевидна "неправда" героя, неистинность его жизни; и сюжет, и композиция, и конфликт направлены на одно: саморазоблачение Семираева (которого и разоблачать-то зачем: он уж и так голенький). Пафос и страсть С. Есина мне более чем понятны, однако художественная сторона подчас подменяется риторической. Подчиняясь эффекту журнализма, здесь литература открыто переходит в дело и способна стать силой эмпирической: задеть семираевых, разворошить их гнезда, заставить их узнать себя, самообнаружиться! Дело великое, но убедит ли силой художественности повесть через… два года? три? после Семираева?"

Чего они расписались? Мне интересно здесь только одно: вся эта писанина идет вокруг человека, в которого никто не верил! Недавно мне прислал письмо Саша Путко, с которым я в юности работал на Радио. Мысль такая: я в тебя верил, но никогда не думал, что ты так выплывешь. Верили в меня только два человека: я сам и милая мамочка, о которой я всегда вспоминаю. Да поддерживал Лева Скворцов. А рядом, с первых публикаций, рассказов, был Боря Тихоненко. Как многим я ему обязан…?

Из Москвы уезжать не хотелось, было тепло и уютно. Знал, что опять буду скучать о Вале.

Прилетел быстро и четко, в 2 часа, к обеду, уже был на месте. По дороге произошел инцидент: в автобусе не смог отыскать купленный билет, и меня оштрафовали на пять рублей. Как только автобус тронулся, билет я, конечно, нашел. Проверяльщица — довольно гнусная баба, это было видно по ней — знала и видела, что билет я брал, и в ней порядочность боролась с алчностью — работают, наверное, с оборота, — и алчность победила. Это все меня взвинтило, и уже в Ялте я вторые сутки не могу собраться.

Написал большое письмо Мире Смирновой.

6 февраля, вторник. Работаю медленно. Быстрее и не получается. Все выруливаю, а потом подгоняю до былого, до суперреальности. Читаю Бежина — Леня прислал мне книжку из Москвы — и хожу в кино. Видел "Иди и смотри" Э. Климова. Почти документальная лента, которая не останется как документальная, потому что страсти можно придумать пострашнее, и не стала художественной, потому что в этой художественности слишком много этнографии. Два дня назад все же посмотрел "Вокзал для двоих". Просто даже смешно, что ленту вывозили в Канны. Все безумно затянуто, многое построено на сугубо внутренних реалиях. Эпизоды жизни, не превратившейся в общечеловеческую реальность. Все это так и не взлетело до искусства.

Пришел N 1 "Москвы" со статьей Ф. Кузнецова. Какие книги завоевали общественное признание, признание критики и читателя? — начинает наш уважаемый критик. — Это — "военная проза, к примеру, романы "Берег" и "Выбор" Ю. Бондарева… "Три круга" М. Колосова, "Танки идут ромбом" А. Ананьева, "Победа" А. Чаковского, "Полководец" В. Карпова" (здесь очень удачно Ф. Кузнецов перечисляет четырех гл. редакторов: "Октября", "Нового мира" и "Литературной России".

Именно поэтому вклеиваю кусочек из более свежей "Московской правды" с его выступлением на столичной отчетно-перевыборной партконференции. В докладе секретаря МК Ельцина приводятся жуткие цифры очковтирательства и демагогии, оставшихся от Гришина. Все с большим интересом ждут съезда партии. А вот пассаж Ф. Кузнецова: "Попробуйте сейчас поспорить с литературной печатью, скажем, с философской концепцией Ч. Айтматова "И дольше века…?", или скажите правду о слабом, на мой взгляд, романе Чаковского "Победа". Попробуйте даже тронуть Юлиана Семенова за невзыскательность и затянутость его детективных повествований. Или историческую беллетристику Окуджавы, или посредственный роман Валерия Поволяева. Скандал в благородном семействе!

Отсюда "приписки" в литературе и этот благостный тон, ставший почти нормой".

Времена, я думаю, заканчиваются. А как нравы?..

20 февраля. Моя литература, видимо, литература обид. Только что в "Неделе" мне дали посмотреть статью В. Фокина.

"- Сегодня особенно часто говорят о драматургическом голоде.

— Во все времена жаловались на отсутствие хорошей современной драматургии. Мне кажется, что сегодня это было бы несправедливо. При Андрее Михайловиче Лобанове Театр им. М.Н. Ермоловой называли "лабораторией современной драматургии" — мы будем стремиться продолжать именно эту традицию театра, тем более, что драматурги на сегодняшний день есть. Очень интересно, на мой взгляд, работают Галин и Мережко, совсем молодые Буравский и Лобозёров, ленинградцы Разумовская и Волков. Проза интересная тоже есть: мы, например, будем ставить "Имитатора" Сергея Есина. А переложение повести для сцены сделали Сергей Михалков и я".

С Валерием Владимировичем у нас положение пассивного нейтралитета. Он обманул меня со всех сторон. Вначале о каком-либо его соавторстве не шло и речи, а вот теперь всем чего-то хочется. Целиком всю пьесу написал я. Фокин не внес ни единой строчки.

И вот еще вырезочки. Это из статьи А.М. Борщаговского в "Литгазете". Он спорит с В. Соколовым.

"А Юрий Трифонов? Неужели он был, а не есть? Есть в самом высоком смысле объективного существования художника, опередившего в чем-то и литературу прижизненную, и сегодняшние наши общие литературные усилия. Наличие таких художников — первый признак высоты и истинности всякой литературы. Как и В. Соколав, я ценю повесть С. Есина "Имитатор". Но как не увидеть, что ее автор не вознесся на некий более высокий "виток" литературной спирали, что он, скорее, ученик Ю. Трифонова. (Замечу попутно, что весьма произвольно отнесение "Имитатора" к повестям, характерным для "нравственных исканий наших дней", в то время как "Пожар" В. Распутина характерен якобы для "философского раздумья и социальных обобщений на новом витке истории". Эти знаки можно с успехом переставить, поменять местами, а лучше посчитать, что элемент нравственный и философский содержится в каждой из этих повестей.)"

Лес рубят. Я не против. Цену я себе знаю. У Распутина, Трифонова счастливая с юности судьба, а я свою судьбу выцарапываю.

Я ведь понимаю, что значит инерция слова, и представляю,

что для движения самой мысли можно пожертвовать частностями, но я ценю Борщаговского и целиком разделяю его пафос заинтересованности в литературе.

Закончил третью главу "Место действия". Остановился перед четвертой. Мой план написать еще и пьесу о В.И. Ленине за Ялтинский период — рухнул.

Много читал: коллег, критиков. В частности, В. Бондаренко.

Я пишу, чтобы избавиться от наваждения химер, которые в моем сознании плотнее жизни и заслоняют ее от меня. Как хочется быть дебилом!

22 февраля. Четвертая глава, которая еще недавно мне казалась неподъемной, дернулась и, кажется, пошла. Уже что-то маячит. Несколько дней назад я не знал, чем ее заполнить, а вот теперь думаю, как ей не дать особенно разрастись и вовремя сдержать словоизвержение.

За время жизни в Ялте довольно много прочел. Вчера принялся за Анатолия Игнатьевича Нинарокина, деда Ники Турбиной. Сама Ника, думается, печальный вариант сломленной психики. Не люблю вундеркиндов, в их возникновении велика воля родителей. Может быть, это моя зависть к неведомому детству?

Вчера пришла статья Наташи Ивановой о Руслане Кирееве "Плоды запоздалого чтения". Так сошлось, что накануне прочел его статью в "Литучебе" о письмах — "Реквием жанру". И тогда же возникла мысль о неорганике его начитанности. Это какая-то своеобразная мыслительная индукция: ему кажется, что стоит зажить жизнью большого писателя — повышенный интеллектуализм, чтение и т.д. — так этим писателем и станешь. Наташа взяла его за горло, просветила до абрикосов. Здесь все: и вторичность от литературы, и неумение остановиться, и т.д.

Как всегда, не обошлось без пассажа и обо мне: "Зато нас охотно познакомят с летающими героями и героями, превращающимися в птиц; зверями, превращающимися в людей, и т.д.

Сами образы Русланчика и Наташи, по отдельности, достойны литературы.

24 февраля. Завтра уезжаю. Уже несколько дней чувствую слабость, не бегаю и не купаюсь. Мои дела: хожу и читаю. Роман движется медленно. Но конец уже виден. Самый последний эпизод я решил написать в виде пробной главы — вымысла Вени. А потом, на абзац, послесловие автора. Посмотрим.

Подвожу итог прочитанному за это время. В. Шугаев в "Путниках у костра" — ответил Славе, здесь есть многое от сегодняшнего русского человека: "Мастер Дизайна". Попытка

запаковать в одну форму многообразие быта и сегодняшнего дня. Написал Вале письмо.

Прочел книгу Бор. Носика "Ты уже за холмом". Он жил рядом со мною. Удивительный рассказчик, человек с построенной судьбой. Жена у него француженка, он в основном живет во Франции. Раздражен, что его не печатают так часто и много, как бы он хотел. Но его записки об автостопе переизданы. А вот все, что связано с современной нашей жизнью, — очень поверхностно. Нельзя серьезно жить на два дома. Хотя был опыт И.С. Тургенева. В наше время, при той скорописи, когда литература — скорее наблюдения, чем метафора, так уже не получится.

Открытием для меня стали "Сорок дней, сорок ночей" Анатолия Игнатьевича Никаноркина. Это записки о десанте на Эленгтоне. В свой собственный список правды и литературы о Великой Отечественной войне я ставлю и его.

Прочел книгу Валерия Воскобойникова об Авиценне. Автор умеет вписать литературу в круг уже известных читателю знаний. Масса подробностей и работы.

10 марта. В Москве. Был на партбюро. Обсуждалось творчество Лили Беляевой. Она выпустила новый роман "Скандалистка". Писательница хочет всесоюзной славы.

18 марта. Был в парткоме. Встречался с членом комиссии, проверяющей партком от горкома. Видел Соколова-Микитова. Пока во главе парткома и правления не будет авторитетных известных писателей — порядка не будет.

19 марта. В ВААП встретился с итальянскими издателями. Были еще Михальский, Ким и Киреев. Нас заставили говорить о себе; жалка роль писателя, желающего понравиться.

Общественная деятельность заездила. Я посчитал — у меня более десяти нагрузок.

26 марта. Закончил "Гладиатора". Остался только трактат. Приехал из Костромы Витя Симакин. Говорили, потом вешали с ним книжные полки над письменным столом.

27 марта. Провел по поручению С.П. Залыгина совет по прозе в СП РСФСР. Обсуждали Михаила Петрова из Калинина. Интересен со своим видением. Как много талантливых людей и как мало о них пишут.

Умерла А.П. Зубева. Перечел стихотворение Б.Л. Пастернака "Талант — единственная новость, которая всегда нова". В центральных газетах некролог. Ни единого живого слова: *"Советское искусство понесло тяжелую утрату. 23 марта 1986 года на 90-м году жизни скончалась народная артистка СССР, лауреат Государственной премии СССР, артистка МХАТ СССР им. М. Горького Анастасия Платоновна Зуева.*

Ушла из жизни выдающаяся актриса, внесшая большой вклад в развитие советского театрального искусства…?"

5 апреля. Потерял интерес к дневнику. Он превратился у меня в собрание вырезок. Вот и еще две. Выступление Ананьева на секретариате СП СССР, с упоминанием в числе "подпирающих" его поколение и моего имени. Помещу в свое собрание "критики о С. Есине". Вторая — практически изложение выступления по ТВ Светланы Селивановой. Но она, видимо, женщина интересная. Этот текст впервые она произнесла по ТВ в прошлом году; в марте, кажется. Тогда он не был никем санкционирован.

"И как тут не вспомнить роман Сергея Есина "Имитатор" ("Новый мир" N 2, 1985), где, по существу, идет речь о том же явлении, о котором и пишет Надежда Кожевникова. Но какая разница между двумя этими произведениями! Роман Сергея Есина воспринимается как памфлет, как беспощадное развенчание того, что мы так ненавидим и презираем в жизни: подлости, бездарности, рядящейся в тогу значительности. Страница за страницей вводит нас автор в беспредельно циничный в своей неприкрытой откровенности мир человека, для которого нет ничего святого в жизни, который всю ее подчинил одной цели: завоевать право на несколько строк о себе в энциклопедии.

Конечно, роман Сергея Есина не лишен и некоторых недостатков, но тем не менее в нем есть, думается, главное: он заставляет нас осмотреться, всерьез задуматься над важными проблемами, помогает разглядеть в жизни опасные социальные явления. И совсем не случайно имя главного есинского героя Семираева и того общественного зла, носителем которого он является, — "семираевщины" уже успело войти в критический и читательский обиход, стало в нашем сознании олицетворением определенных социальных пороков. Это ли не высшая награда для автора? Ведь когда зло угадано, узнано и определено, оно теряет едва ли не половину своей силы".

Последнее время довольно много говорит об "Имитаторе" В. Фокин. Конфликт у меня с ним "организовался" с прошлого годах осени, когда мы с О. Гарибовой ехали в машине, и я довольно горько сказал, что Фокин не выполнил своих обязательств. Я уже понял, что он в сезоне 85–86 не успеет, а скорее всего — не успеет и в следующий, потому что занят конъюнктурой. Набирает очки в свою биографию.

Сейчас я думаю — такого же мнения и Витя Симакин — в глубине души Фокин просто боится браться за серьезную вещь, отдаляет от себя момент прямой работы.

Олечке ничего не оставалось делать — она еще выживает старую завлитшу, — как продемонстрировать свою лояльность к

главному режиссеру, но она в разговор внесла и свою толику раздумий. Она ведь тоже соучастница по неправде: помню, когда вместе с ней с центрального телеграфа мы отправляли телеграмму с моим отказом во МХАТ, она сказала: "Теперь я как завлит буду отстаивать ваши интересы". И вот теперь мы не перезваниваемся… Валера даже не пришел ко мне на 50-летие. Это я все к тому, что теперь Фокин довольно часто "поговаривает" обо мне: Есин удобная для прессы фигура. И вот новая публикация в День театра. На этот раз в "Комсомолке". Диалог В. Фокина и В. Якута:

"В.Я. Хочется, чтобы мы перестали врать друг другу. Перестали делать вид, что работаем, что любим, что увлечены чем-то. Недаром об этом так много говорилось на прошедшем недавно XXVII съезде партии. Мы никогда не раскроем до конца резервы таланта народа, если будем бояться правды.

В.Ф. У нас в репертуаре — спектакль по повести С. Есина "Имитатор". Меня тоже волнует проблема имитации чувств, слов, лозунгов. Но вот недавно я выступал перед довольно большой аудиторией и размышлял о том, что театр должен быть правдивым, честным, говорить о самом наболевшем… и вдруг заметил, что зал скучает, что слова мои мало кого задевают, хотя еще два месяца назад они воспринимались "на ура". Все дело в том, что, если правильные разговоры заменят неправильные разговоры, в нашей жизни от этого ничего не изменится. Мы столь хорошо научились разговаривать, что это наше умение может помешать двигаться вперед и делать дело…?"

Вот так.

Судорожно искал материал к "Гладиатору". Это практически последний кусок. Взял кучу книг в библиотеке на работе у Вали, но все скучно и не в тематике — мелко по мысли и факту. С легкой руки Наташи Ивановой взял книгу Выгодского. Еще со времен первого чтения "Алхимии слова" Парандовского не получал такого наслаждения от литературоведения.

Вышла в "Знамени" моя новая повесть "Незавершенка". 2 апреля был на встрече в библиотеке, читатели уже о ней говорят. На этот раз аналогия одна: сравнивают с распутинским "Пожаром".

Сегодня выступаю в ЦДЛ. "Как писался "Имитатор". Какая чушь, будто об этом можно рассказать? Для этого надо много лет поработать на радио.

11 апреля. Все дни прошли довольно бестолково. Но отредактировал весь готовый текст "Гладиатора". Осталось лишь написать эссе о Гамлете.

Позавчера было партийное собрание. Все идет под знаком

внутренних неурядиц. Многие критиковали Ф. Кузнецова за двоедушие. Борщаговский сказал, что на пленуме, который прошел осенью, Феликс практически избрал себя сам. На пленуме из 241 члена было лишь около ста (Борщаговский сказал — 60). Я тоже помню — народу было очень мало. В машине — мы живем рядом — Борщаговский рассказал мне, что когда-то давно очень левый Кузнецов позвонил ему: стоит ли подписывать письмо в защиту Даниеля? Борщаговский ответил: ни в коем случае. Потому что, если человек нацелен на поступок — не звонит по телефону, а подписывает.

Несколько дней назад кинематографисты на конференции не выбрали на свой съезд Кулиджанова (первый секретарь), Бондарчука, директора к/с Горького Котова и т.д. Еще раньше критики не выбрали главных редакторов "Искусства кино" Черепанова и "Советского экрана" Даля, ректора ВГИКа, директора Института кино Баскакова.

Здесь, конечно, много интриг внутренних, но и — само время. Боже мой, неужели оно становится другим! Как сопротивляется всему аппарат. Воистину, класс восстал на класс. Впереди жуткие битвы.

Забрезжила идея нового романа: о деде. Надо успеть съездить во Владивосток, к тете Вере.

Вклеиваю выступление Р. Щедрина на съезде композиторов. Его критические фрагменты.

"Мне кажется, что когда решение художественных вопросов начинает зависеть от финансистов, это знак беды!

Думаю, что такое положение сложилось во многом потому, что среди руководящих работников Министерства культуры СССР, в отличие от других министерств, практически нет сегодня компетентных специалистов-профессионалов. И последнее слово по любому вопросу, касающемуся музыки, принадлежит заместителю министра, немузыканту тов. Иванову. Тому Иванову, который оставил по себе печальную память в Большом театре, потом не нашел контактов ни с драматургами, ни с театрами, ни с художниками, а ныне наводит марафет по музыкальной части…?"

И, наконец, сюда же фрагмент из статьи Ю. Скопа.

"Из сегодня, вглядываясь в те тревожные и не очень-то сытые дни, думаю: сколъ загадочна все же эта штука — дарование…?

Обеспеченный им человек как бы заранее обрекается на крутизну и тягости становления. Судьба куда более снисходителъна и покладиста к тем, кто побесцветнее и посерее.

В основе творчества лежит поведение писателя. Он должен соблюдать в поступках величайшую осторожность. Эти слова принадлежат перу Михаила Михайловича Пришвина и запомнились

мне навсегда. Убежден также, что они таят в себе сокрытый — узкоцеховой адресованностью — универсализм, то есть практически применимы ко всякому творчеству, если оно, безусловно, натуральное, в самом широком человеческом плане.

Таким образом, я сознательно клоню к тому, чтобы основная пришвинская посылка звучала для всех: в основе творчества лежит поведение человека. Ведь жизнь-то уже сама по себе — творчество. А поведение — образ жизни".

14 апреля. Уже несколько дней я в Костроме, два дня назад приехал на машине. Игорь Дедков в телефонном разговоре очень удивился: приехал просто повидать В. Симакина? В семье Вити для меня какой-то аккумулятор нравственного здоровья. Сегодня весь день гулял по старинному городу.

Написать бы рассказ: Тупиченков — на пенсии. Это бывший глава местной идеологии, с которым мы спорили, когда выходила в театре моя "Гибкая пластинка". Теперь он смиренен, любезен и предупредителен.

4 мая. Пасха. Мы с Валей, как всегда на майские праздники, в Болшево.

Судорожно заканчиваю роман, работы еще на два-три дня. Но, как обычно бывает, в конце пути идешь медленнее и осмотрительнее.

Вчера по телевизору видел концерт БДТ, посвященный 30-летию работы Товстоногова в театре. Еще раз порадовался выступлению Лебедева. Удивительный вид лицедейства.

Актера такого масштаба у нас больше нет. Индивидуальность, рассчитанная на огромные аудитории. Его жест, повторяющий движение лошади, грандиозен. Мне кажется, он мог бы изобразить все.

Выступала приехавшая из Москвы Доронина. Она свой номер построила, как обращение Клеопатры Львовны Мамаевой к племяннику. Необыкновенно хороша, ярка, широка. В ее речи (почти все по Островскому) было много горечи и бесстрашной дерзости. Вот, дескать, и я — не очень-то вы меня в свое время жаловали. Хорош был и маленький Трофимов. Всегда выразителен и интересен. И все же телевизор — это другая стихия. На его экране пропадает театральный актер, делается менее значительным.

А. Гребнев сказал, что вышел номер "Театральной жизни" с моей статьей о Л. Свердловой. Интересовался этой актрисой для московского кино.

Умерли Катаев и Арбузов. Чувство потери, хотя к Арбузову относился спокойно. Какую жизнь выстроил Катаев, как точно и только для себя ее прожил! Об Арбузове хорошо и неказенно в

"Литературке" написал Леонид Зорин. В силу своей страстной любви к некрологам выписываю фрагмент. С какой-то печальной ревностью мы всегда читаем некрологи.

"Прощайте, Алексей Николаевич. Вот и настал этот горький час — окончилась Ваша яркая жизнь, омраченная тяжкими последними днями. Добрый и обаятельный сказочник, Вы создали много волшебных сюжетов — к несчастью, у Вашей собственной сказки оказался слишком жестокий финал… Столько лет мы прошагали бок о бок, и колокол нынче звонит по многим — завершилась большая и бо€льшая часть нашей прожитой вместе жизни.

Спасибо Вам за все эти годы. Прощайте, Алексей Николаевич".

Умер еще знаменитый Храпченко. Рассказали два эпизода о нем. В постановлении об опере Мурадели "Великая дружба" был еще один неопубликованный пункт: расходы по постановке оперы отнести за счет председателя Комитета по делам искусств М. Храпченко. Говорят, платил 15 лет. Второй эпизод связан с И. Сталиным. Где-то в Кремлевском дворце во время приема стояли и разговаривали Храпченко и Кафтанов (наука и образование). Бесшумно в своих кавказских сапогах подошел Сталин: "Разговариваете? А вы танцуйте, танцуйте". И вот маленький Храпченко положил руку на талию колосса Кафтанова (я его смутно помню по комитету радиовещания, где он был председателем: лицо какое-то испаханное и огромное, необъятное тело), и двое мужчин поплыли по Георгиевскому залу в вальсе.

11 мая, Обнинск. Несколько дней сижу на даче. Оторванный от мира, от свойственного мне ожидания несчастья я вроде бы спокоен. Тревожит будущее заседание Клуба рассказчика. У меня там что-то вроде бенефиса. В афише сказано примерно так: "Есин против Есина". Секреты мастерства. Как все же будет? Написал ответы на вопросы, которые для "Собеседника" подготовил Геннадий Щвец. Ответы длинноваты, но чувствую, получилось, потому что искренне и резко. Но как удивительно все умеют заставить меня работать на себя. Я ведь эти ответы делать не собирался: все должно было быть делом рук Швеца. Поговорили.

Несколько дней в Обнинск не впускали на машине, не проверив на радиацию. Это после страшной аварии в Чернобыле под Киевом. Впервые чисто академическая опасность — излучение — коснулась нас. В Калужской области в трех районах, говорят, закрыт въезд. Облако из Киева движется в нашем направлении, по тем же слухам в Киеве положение напряженное, город снабжается водой по аварийной системе.

Чернобыльское дело, видимо, станет важной вехой и в нашей внутренней жизни. Во-первых, почему возникла авария? Почему

нет второго защитного кожуха? Не наше ли "авось", не наплевательское ли по старинке "с молотком и в рукавицах" привело к трагедии? Не пора ли тряхануть начальников, принимающих "взвешенные", "неторопливые" решения? Пусть каждый отвечает за себя.

И второе; мы впервые вошли в тесную конфронтацию со средствами массовой информации Запада. Здесь возник вопрос о деталях, о широкой гласности, о праве граждан на большую информированность. Неинформированность, закрытость выгодны только чиновникам, втайне строгающих свои дела, а попутно и делишки.

Никак не могу кончить роман. Осталось несколько страниц. Он у меня, видимо, перестоялся.

7 мая, суббота. Обнинск. Во вторник, 12 мая, в "Правде" появилась огромная статья "Дар и душа" Анат. Бочарова. Наконец-то "Правда" написала об "Имитаторе". Кроме чисто литературной ситуации здесь сыграл свою роль и уход из "Правды" Сергея Абрамова, сводившего со мною счеты.

Наиболее ценным для меня в этой статье стал пассаж о художественной особенности повести: "Именно гротескностью, нажимом во многих деталях, ситуациях, репликах вся повесть поднята как бы на градус выше обычного". Приятно, что эту литературную игру Бочаров не только рассмотрел, но и принял.

Вчера, в пятницу, получил письмо от своей старой читательницы А.Г. Рушановой, она еще и старший библиограф Ленинки. А.Г. пишет об успехе "Незавершенки". Хотя я и написал ее между делом, но меня тем не менее волновал прохладный поначалу ее прием. Выступая по ТВ, Светлана Селиванова, довольно высоко отозвавшись о ней и об авторе со ссылкой на "Имитатора", тем не менее не отыскала привычного и дорогого ее сердцу психологизма.

Не могут критики судить о чем-либо не по рельсам уже привычных отношений. "Одно дело, — пишет А.Г. Рушанова, — разоблачать "сильных мира сего", и совсем другое — тех, с кем мы сталкиваемся повседневно и кто повседневно отравляет нам жизнь".

Время такое, что начальство ругают все напропалую. Но ведь дело-то в том, что долгие годы безответственности развратили народ. Об этом я, кажется, и сказал. Ни один молодой и энергичный начальник не справится, если пойдет против "дохода", пойдет против простого, а по сути дела деклассированного человека, выдающего себя за представителя рабочего класса. Повесть мною задумывалась как широкая метафора. Не могу отказать себе в тщеславном удовольствии

выписать еще одну цитату из А. Гр.: "Быть может, когда-нибудь, через тысячу лет образы этого произведения будут рассматриваться в лупу? И по ним будут судить о нашем времени и о себе. Не думайте, что я шучу — время все поставит на свои места".

Если бы! Критика всегда работает с запозданием. Пока я получаю за "Имитатора".

А. Бочаров: *"Отлично сознавая, что у него нет ни большого ума, ни большого таланта, Семираев беззастенчиво пускает в ход интриги, демагогию, коварство. "Шустрый гений", — вроде бы шутливо аттестует он сам себя, пытаясь смягчить иронической интонацией впечатление от своих неблаговидных поступков. Жестко и напористо, не отвлекаясь ни на какие заманчивые побочные истории, высвечивает С. Есин семираевскую неразборчивость в средствах ради достижения того, что он полагает жизненным успехом.*

Некоторые критики не почувствовали иронически-гротескную манеру автора и трактовали "Имитатора" как обычную психологическую повесть, благо, в ней встречаются и чисто психологические мотивировки некоторых поступков. Но нельзя правильно понять фигуру Семираева, опустив ее реалистичную гротесковость.

Именно гротесковостью, нажимом во многих деталях, ситуациях, репликах вся повесть поднята как бы на градус выше обычного".

Еще два события произошли за это время. В мае я выступал в клубе рассказчиков. Вечер назывался "Есин критикует свои рассказы". Второе — прошедший съезд Союза кинематографистов.

Я все строже и строже отношусь к себе и к своей жизни.

3 июня. Уже пятый день плывем с Валей на теплоходе "Лев Толстой" по Волго-Балту. Эксперимент ее отпускного времени: Москва — Ленинград — Москва. По дороге Кижи, Ярославль, Кирилло-Белозерский монастырь, Углич.

Все это сказочно, но все это — сказочное 4-е управление. В Москву вернемся 18 мая. За такое бытие стыдновато.

Последнее время много думаю о смерти, о том, что жизнь кончается без детей, без привязанностей, но надо не растерять, что имею, подготовиться к старости, а самое главное — с честью дожить. Сделать как можно больше. Вчера прочел, что Айтматов печатает новый роман "Плаха". Шевельнулось ревнивое чувство: много трачу времени даром. Впрочем, за последние дни, буквально перед отъездом, закончил роман.

Сегодня в Кирилловом монастыре вел экскурсию невысокий паренек по имени Валерий Михайлович. Надоели ему

экскурсанты до потери сознания. Знает, но сведения цедит. Удивило националистически-русское, северное направление, которое яростно просвечивало сквозь его слова. Трудно передать, но одна школа: Викулов, Арсюша, этот паренек. Я в этом вижу однобокость, даже какую-то неблагодарную узость. Впрочем, иногда меня убеждают, что их не видно. Но мы такая огромная и сильная нация, которая обречена на великодушие по отношению к другим.

В Кириллове глубоко потряс один факт. Я спросил, далеко ли кладбище, где хоронили братию. На склонах холма — тут же, в монастыре. Сейчас ничего уже нет. Но квадратные белокаменные плиты могил (имена, даты в конце XIX века, говорят, еще читались) ушли на мощенье дорожек в монастыре. Какое неслыханное кощунство и надругательство над памятью о жизни! И мы после этого чему-то удивляемся. Боже мой, сколько пропало! Из монастыря исчезли, отправленные в 32 году в переплавку, колокола по 12 тонн, голос которых, не оглушая вблизи, был слышен за 30 верст. Мне кажется, в звоне колоколов, в благовест, был какой-то психотерапевтический эффект.

3 июня. Несколько дней стоянка в Ленинграде. Ездим на все экскурсии. Были у Агафонова и Миры. Разговоры с Женей уже начали надоедать: служебные трудности и распространившиеся везде евреи. Рассказы о скандале, который шумит в Ленинграде, о Корогодском.

У Миры просидел весь день. Она удивительно помогает мне, разрешая бесконечно болтать о себе, и тут, излагая ей очередную задумку, я уточняю для себя замысел. Не утерпел, рассказал ей пьесу о В.И. И утвердился в своих предложениях, что писать надо ближе к своему замыслу.

Она почти не постарела, начала новую пьесу.

У Миры взяли последний номер "Литгазеты". В трех статьях есть упоминание обо мне: у В. Соколова, у С. Чупринина и у Ю. Скопа. Юра публично, вроде за меня, высказал мои обиды. Он пишет: "На VI съезде литераторов России, когда избирались делегаты на предстоящий съезд литераторов СССР, в списках для голосования не оказалось ни Гария Немченко, ни Анатолия Жукова, ни Эрнеста Сафонова, ни Николая Кузьмина, ни Сергея Есина, ни Юрия Галкина, ни еще многих интереснейших прозаиков и поэтов". В контексте это: "Не очень-то нас видит родной союз".

Его тоже не оказалось. Зато оказались "свои", верные.

Сегодня были в Царском Селе; осмотрели дворец и лицей, немножко погуляли по парку.

Вклеиваю в дневник еще две "цитаты" из последней

"Литературки". Это Сережа Чупринин. Он написал обо мне самым первым, но отношение его все же неопределенное: скорее всего, он рассматривает меня как неясный феномен. Я для него слишком знаком, привычен: *"И тут надо, наверное, провести грань между персонажами нашей статьи и фигурами типа Семираева из нашумевшей повести Сергея Есина "Имитатор". Бездарный, зато трудолюбивый Семираев занимался не своим делом — это верно, но ведь занимался же все-таки, себя не щадил! Он имитировал талантливость — и столько картин понаписал, столько полотен насоздавал, что имитация его, как строго к ней ни относись, все ж как бы овеществилась...*

У героев А. Курчаткина, Ч. Гусейнова, М. Холмогорова овеществляться нечему: фантомы, истинное слово — фантомы, болотные пузыри! Что же держит их до поры на плаву?.."

Последняя цитата — Вадима Соколова. Я для него стал каким-то знаменем, топором, при помощи которого он крушит свои обиды. Ключ к его обидам, мне кажется, в строке: "рядом с романом одного из лидеров современной прозы". Досадить, и поболезненнее, этому лидеру, разве не сладко?

"Подведем итоги: кто в выигрыше от таких кампаний? Если начинающий прозаик не просто молод, но свеж и нов в своем таланте, зачем придерживать его до очередного "месячника"? А если он только молод — зачем снижать гребень литературного процесса до уровня издательского конвейера, с которого и без того сходят в плановом порядке безликие книги сорока- и тридцатилетних? "Имитатор" Сергея Есина был напечатан в "Новом мире" рядом с романом одного из лидеров современной прозы — и ничего, не потерялся, был справедливо замечен и читателями, и критикой, занял свое законное (заметное) место в литературном процессе. И не потребовались ссылки на возраст автора, на его малозамеченные до того рассказы, на то, что он еще "сорокалетний". Как не потребовались Вячеславу Кондратьеву ссылки на то, что он совсем не "тридцатилетний" — уже первые его публикации убедительно доказали, что военная проза приобрела новый и свежий (молодой!) талант. Выходит, палка о двух концах. С одной стороны, авторов одного и двух прозаических сборников объективный литературный процесс (а не только злонамеренная критика) не замечает, не включает в себя потому, что они молодые, образованные, бойко и гладко ("пропорционально и симметрично") пишущие, почти как "сорокалетние", — на поверку оказываются не новыми. Количество публикаций не переходит в качество, и повесть молодой Надежды Кожевниковой "В легком жанре" (опубликованная в том же "Новом мире") при всех своих претензиях не становится новым "Имитатором". Тут уж ничего не

поделаешь — литературный процесс беспощаден к произведениям второй свежести. (Свежесть бывает только одна…?)" Завтра поездка в Петергоф. Пьеса идет трудно.

12июня. Пьеса вообще никак не идет. Чувствую себя плохо, вялость. Ох, это грустное прощание с молодостью! Кстати, прочел очень жесткие записки Лидии Гинзбург. Старость как социальная старость. Много других очень точных впечатлений.

Поразила Петрокрепость. Ничтожный клочок земли, вызывающий такие поразительные исторические ассоциации. Но это и служение человеческого духа. Наверное, над крепостью какое-то сгущение скорби и жалости, все здесь пронизано умственным электричеством.

Подъехали в Петрокрепости (мне по сердцу старое название — Шлиссельбург) в одиннадцать вечера, отплыли в полночь. Призрачные сумерки в тяжелом течении Невы. Запомнился современный памятник в разрушенном соборе. Стал вспоминать список узников.

Весь вчерашний день гуляли: были в Лодейном поле. Ничего. На памятнике, установленном радением купца, новая табличка: "кой ты купец, вон его из истории". Несправедливо все это.

Сегодня были на Марциальных водах и ездили к водопаду Кивач. "Алмазна сыплется гора. С высот четыремя скалами, Жемчуга бездна и сребра. Кипит внизу, бьет вверх буграми…?" Не ожидал, что попаду в эти места. И память о стихах Державина, и упоминание в документах Петра. Для меня это оказалось более неожиданным, чем если бы я попал в Америку.

13 июня. Тринадцатое — будь осторожен. Сегодня в полдень отплываем из Петрозаводска и едем на Кижи.

14июня. Пьеса немного продвигается, т.е. решается ее композиция — ближе к третьей повести книги. Мой широкозахватный метод терпит катастрофу.

Вчерашний день был посвящен Кижам. Как же велика Родина, какие удивительные формы есть у нее для счастливой жизни, чтобы радоваться каждый день? И сколько дерзости и веры в собственные силы нужно было иметь, чтобы построить два этих храма. Какой поразительный вызов! Что увидел и почувствовал дерзкий плотник, первый раз усевшийся на бревне на самой вершине сруба. Это был первый взгляд человеческий с верхней точки. До этого так мог смотреть в здешних местах лишь Бог.

Вот мысли, которые пришли в голову, когда смотрел я на разбегающиеся темно-зеленые острова. Когда отплывали, Кижи, две церкви еще долго виднелись вдали, меняя объемы и превращаясь в рыцарские замки, мечети, многобашенные города.

8 июля. Не писал бог знает сколько. Прошел съезд писателей,

который принес много разочарований. В выступлениях отчетливо читались собственные обиды, нежели стремление ратовать за общее дело. Я радуюсь только одному: не дал втянуть себя в склоки и перемазаться. Обошлось без доверительных разговоров и сплетен. На чем зиждется наше стремление говорить о чем угодно, только не о литературе? Съезд превращается в парад благих намерений. Все было бы нормально, если бы разговоры подкреплялись литературой. В этом мире писательское мнение должно быть выражено произведениями, художественным словом. Чего ждать от Рождественского, бывшего удачного поэта? Наша поэтическая гвардия — Вознесенский и Евтушенко — сыграла по спектаклю, сценарии которых предварительно оговорены.

В выступлении Бондарева был намек на "Имитатора" — окраска этого намека неясна, но, уж конечно, в соответствии со вкусом у Ю.В., не без раздражения.

За последнее время подготовил рукопись "Гладиатора", у которого теперь новое название — "Временщик и временитель". Название вытащил Б. Тихоненко. В моем сознании оно пока прижилось, но, чувствую, все еще тысячу раз поменяется.

Ленинская пьеса подвигается тоскливо, но я в нее верю, потому что нашел какие-то ходы. Дай Бог, все пойдет.

Сегодня в очереди за кабачками и помидорами прочел повесть А. Курчаткина "Бабий дом". Надо написать ему письмо, много терпения, уверенности в интересности этого сострадательного быта, но все это уже ушло. Есть фразы, которые меня просто пугают длиннотами и неуклюжестью. Хотя о литературе по фразам судить нельзя.

Сегодня на почте встретил Г.Я. Бакланова. Он рассказал историю о том, как Г. Марков еще на пять лет остался Марковым. Как известно, в Кремлевском дворце он своего доклада не дочитал. На 12-й минуте ему стало плохо, и он был госпитализирован. Тем не менее на следующий день к тов. Лигачеву пришла делегация: Катя Маркова, Агния Кузнецова и Георгий Тараторкин — дочь, зять и жена, и сказали: "Г.М. - полон сил, и он повесится, если не будет выбран". Повесится, дескать, от позора. Каково?

Еще пять лет писателям придется тащить на себе эту семью и слушать команды, передаваемые через Ю. Верченко.

11 июля. Вчера около шести сбил на Ленинградском женщину. Я ехал из "Знамени" весь окрыленный: взяли! Шел ливень, она бежала через дорогу на красный свет, накрывшись целлофановым мешком. Я ехал медленно, она буквально легла мне на капот. Когда вышел из машины, она, к моему удивлению, поднялась и хотела уходить. Скорее посадил ее в машину и

погнал в 62-ю больницу — это рядом. Правда, секунду колебался, не вызвать ли милицию, на другой стороне в будке сидел постовой, но боялся шока и знал, что доставлю в больницу быстрее любой "скорой помощи". Оказалось, и этого было делать не надо. Пострадавшая по дороге отряхнулась и сказала мне: везите-ка меня домой. Мы проехали мимо больницы в Теплый Стан. Вчера два раза звонил ей домой: жива-здорова. Капот у меня помят. Но все могло закончиться трагично. Никогда теперь не забуду чувство неизбежного столкновения: она бежит, а я понимаю, что на нее наеду, и ничего не могу поделать, и те мгновения, пока она не поднялась. Я подумал: все, она мертва. Суд, тюрьма или многомесячная трепка нервов (я-то невиновен), моя дальнейшая жизнь — все промелькнуло в сознании мгновенно.

Все мы живем над пропастью. Разве только от нас зависит наша дальнейшая жизнь? Вчера в "Советской культуре" вышла разгромная статья, связанная с творчеством И. Глазунова. Все не так просто. Ходят слухи, что статью написал не Вася Кисунько, а Чегодаев. Слишком много за всем этим стоит.

Правда и подлинность просвечиваются через хвалебные статьи, через статьи разгромные, через некрологи. Нашел вот этот, хранившийся более двух лет, некролог.

"Безвременно ушла из жизни Нина Александровна Виноградова-Бенуа, член Союза художников СССР, талантливый художник, добрый и чуткий товарищ, скромный труженик искусства, преданность которому составляла смысл ее существования.

Нина Виноградова была разносторонне одаренным профессионалом, необычайно эрудированным специалистом в вопросах искусства, тонким знатоком древнерусской живописи и архитектуры, искусствоведом и литературоведом, серьезно знавшим проблематику отечественного искусства и литературы XIX века и современности. Ее знания, беспрестанно пополнявшиеся каждодневным упорным трудом, подчас поражали ее друзей, слушателей, собеседников, так же как и тонкие анализы тех произведений искусства, которые приводились ею в качестве примеров на встречах со зрителями или друзьями-художниками. Нина Виноградова счастливо сочетала в себе знатока искусства и одаренного художника-графика, автора проникновенных русских пейзажей, живописца-колориста, специалиста по народному и театральному костюму, оставившего свой труд в ряде изданий, а также в осуществлении ряда постановок, таких как "Пиковая дама" и "Князь Игорь" в Берлинской Штаатс-опере, "Сказание о невидимом граде Китеже" в ГАБТ СССР.

Образ красивой, одухотворенной, высокоинтеллигентной Нины

Виноградовой, щедро отдававшей душевное добро многим людям вместе с помощью, поддержкой и сочувствием, навсегда останется в памяти тех, кто имел счастье знать этого человека.

Московская организация Союза художников РСФСР выражает искреннее сочувствие народному художнику СССР, профессору Илье Сергеевичу Глазунову, семье и близким покойной в связи с постигшим их тяжким горем".

На выставке Глазунова я видел несколько ее портретов. Да и сам помню, как она без рассуждений, молчаливая и безответная полуслужанка, подавала в мастерской мужа бутерброды: черный хлеб с отдельной колбасой.

В Москве много говорили в свое время о ее самоубийстве: написала письма, наказала, как себя похоронить, надела на голову зимнюю шапку, чтобы не повредить лицо, и выбросилась из окна.

Господи, не дай Бог быть пророком!

6 августа, среда. Я ничего не могу поделать со своей жизнью, она течет помимо меня, по необязательным законам, против которых протестует душа. Я подчиняюсь чужим, ленивым желаниям и тасовке карт, которые мечет чужая рука. Вся предыдущая неделя ушла на подготовку выступления на пленуме Краснопресненского РК, посвященного перестройке. Я делал это с большим трудом и, как всегда, на пределе сил, жанр не мой — устное выступление. Но зрителей для этого изящного балета оказалось всего несколько, включая меня. Как же медленно, лениво и неохотно тащится эта перестройка! Речь идет о перестройке сознания, о новой психологии, о новом отношении к людям, к государству — том отношении, почти библейском — "брат брату", которое нам прививали в школе. А куда же деть старую, вработавшуюся в кости психологию?

Весь пленум напомнил скверно репетированный спектакль, плохой, трудный, со скверной режиссурой. Почему так мало за всем этим стремления переделать жизнь? Почему такая снисходительность к неискренним словам и обещаниям? Я уже, наверное, не увижу той замечательной, счастливой и гармоничной страны, о которой говорила нам в первом классе учительница-идеалистка Серафима Петровна.

Пьеса о В.И. продвигается толчками. Совершенно прав Моэм, что это особый вид литературы, близкий к журналистике; и для меня написание этой пьесы — какое-то медленное логическое свинчивание. Правда, есть любовь и романтическое отношение к герою, и в работе есть места, преодоление которых заставляет сердчишко биться, как при возникновении озарений в прозе.

Отдал свой роман в "Знамя". Его неожиданно быстро прочли.

Все стеклось еще и потому, что в "Знамя" в качестве главного редактора пришел Г.Я. Бакланов. В субботу он мне звонил (прочел половину), сказал, что это значительно интереснее "Имитатора". В понедельник сказал, что берут в N 1, но финал надо сделать динамичнее и менее скучным. Как очень опытный литератор, он все просек. Но как это все сделать? И писался-то финал в Москве, в сутолоке и суматохе.

Вчера получил обратно свои права. Через несколько дней после наезда меня вызвали в ГАИ. Пострадавшей кто-то посоветовал, и она пошла в травмпункт со своим синяком. Это была скорее форма доносительства, я-то ведь не скрывался. При первом же свидании с дознавателями они мне посоветовали заткнуть все щели деньгами. Моя гаишная эпопея была не так проста. Милой старой даме возил деньги, говорил слова, но закон на ее стороне. Она, правда, сказала, что бежала на красный свет и т.д.

В этом во всем какая-то специфика чертовщины.

14 сентября, воскресенье. Дневник свой забросил. Очень часто "пишу в уме", а записывать ленюсь. Отсюда гнусное ощущение безделья. Я физически не люблю писать. У меня всегда, когда только начинаю, болит правое плечо. Боже, почему Ты не дал мне любви графомана к письму?

Сегодня был на выставке новых поступлений в Третьяковку. Много интересного, ранее закрытого. Время определенно подвинулось вперед. Кто мог подумать, что когда-нибудь в зале Госгалереи на Крымской набережной спокойно будут показывать Малевича, Шагала, Филонова. Наибольшее впечатление оставила небольшая картинка Шагала "Ландыши". В корзиночке — белые головки. Как написано! Еще одно свидетельство: чтобы писать "как хочется", надо прежде уметь "как надо". Только из полного освоения формы может возникнуть глубинное раскрытие предмета.

Август. Одиннадцать или двенадцать дней был в Польше. Вел особую тетрадь. В ней же — наброски очерка о Варшаве для "Октября", перепечатав, вклею их в дневник.

В одном поездка интересна — здесь большая часть и нашей биографии, связь чувствуется между нашими странами и народами, много знакомого или узнаваемого. В Варшаве все, как в Париже, узнается. Кино, литература.

ВАРШАВСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Может быть, это детский сон? Пряничный город с затейливыми башнями и разноцветными домами под черепицей

встает на берегу реки. Зеленая мурава покрывает высокие холмы. Вот сейчас из ворот выедет верхом на коне рыцарь в шлеме с перьями и боевым сверкающим копьем. Увы, уже невозможно. Отлетели рыцарские столетия. Флаги с затейливой геральдикой может установить на башнях только кинопроизводство. Лишь изредка, когда идешь средневековой реликтовой улочкой, слышишь непонятный грохот — будто бригада каменщиков дружно мостит дорогу… Непривычный звук. Это варшавский извозчик, его конь меланхолически бьет по мостовой подкованными копытами. Ах, пани Варшава, пани Варшава! Долго же ты манила, обещая свидание. И вроде близко, всего два часа лета, ближе, чем Сочи. Кажется, всегда успеешь. "Направо мост, — пелось в популярной когда-то песенке, — налево мост, и Висла перед нами…?" Но жизнь ходит своими кругами…?

Как все удивительно связано друг с другом, как соединено прошлое с настоящим, сегодняшнее с будущим. Возвращаясь вспять, мы стремимся вперед. А ведь было предопределено. Как воистину можно, оказывается, предугадать, что сбудется в нашей жизни.

Сейчас, с грустного жизненного уклона глядя вверх на кудрявые истоки, когда был горячий и молодой, вижу: предопределено. Можно сказать, материал собирал всю предшествующую жизнь. Оказалось, так немало знаю о городе на Висле, так многое с ним с детства связано. Спросить бы, помнят ли старые варшавяне бархатного певца Ежи Полонского? А вот мы, послевоенные молодые москвичи, помним. Ах эти песенки, п е с е н к и! Стол, уставленный блюдами с винегретом и тарелками с селедкой "под шубой". Какие сладостные, но робкие объятия творились под эти чужеземные мелодии! Какие воспоминания о самой сладкой, хрустящей поре жизни встают, когда перебираешь старые, заигранные пластинки! А пачка завалявшихся в столе самодельных открыток с фотографиями кумиров? Незабываемая улыбка героя в очках — Цибульского или восхитительный трепет в изменчивом, как летняя листва, лице Барбары Криштовны — "Как быть любимой?". Наша юность…?

Но предопределенность свидания была еще раньше, на заре самостоятельного школьного чтения, когда детское сердце восхищали "Крестоносцы" Сенкевича. Помню, как поразил мое воображение не только Збышко из Богданца, защищавший отчий дом, честь и свободу, но и немыслимая яичница из двух дюжин яиц, поданная доблестному шляхтичу. Мы только-только выходили из карточной системы и еще стеснялись досыта есть в гостях. А бестселлер сороковых годов "Петр Первый" Алексея Толстого! Прелестная боярыня Санька Волкова и пан Владислав

Тыклинский, рослый красавец в парижском, апельсинового бархата кафтане…?

Колдуя со своим университетским наставником, ныне покойным, профессором Черныхом над дипломной работой "Западноевропейские заимствования в петровскую эпоху", я приносил ему коротенькие списочки свежего улова, вытянутого мною из безбрежных дневников дипломата князя Бориса Куракина, из газетки "Ведомости", из иных волнующих сочинений эпохи. Я бросал профессору, как на плаху, эти самые заимствованные слова с собственным грубо-наглым ученическим этимологизированием: "Из французского языка", "Из немецкого", "Из голландского". Брякал на стол и потом грустно смотрел, как седенький профессор, специалист по "Уложению" 1649 года царя Алексея Михайловича, ядовитым карандашиком, бисерным почерком научного педанта правил мою студенческую науку: "Из немецкого в русский через польский", "Из французского через польский", "Из голландского через польский"… Вот так! Что-то происходило с западным словом, спешащим в дорогую Россию, на этих белых равнинах, по которым летала спесивая шляхта. Как-то подзадерживалось оно, обрастая славяно-польскими призвучиями, в дымных корчмах, в фольварках, в шляхетских замках и княжеских дворцах, выстроенных первостатейными итальянскими и немецкими зодчими. Как дробины меж сковородами, обкатывались эти путешествующие слова в шипящих и свистящих звуках польской гортани, а уж потом двигались дальше на восток в обозе купца, в пороховнице жолнера, в торбе странствующего монаха или неунывающего бурсака.

* * *

…?Извозчик осторожно, как китайскую картину на шелке, разворачивает панораму пряничного города. От площади Старого Рынка налево, если встать лицом к реке, через улицу Фрете к площади Нового Рынка — то же пряничное средневековье. Фаэтон катит по этой площади, где дворец, построенный для полумещанки, ставшей аристократкой, проданный ею француженке, королеве Марысеньке, чтобы Марысеньке сподручнее было выполнить свой обет: подарить Варшаве новый монастырь. А потом извозчик свертывает шелковый рулон теней, и снова — площадь Старого Рынка: "дом Фукеров" (винная торговля), "дом с головой негритенка" (один из двух, сохранившихся после гитлеровского расстрела города и горожан

в 44-м году), а я еще про себя отмечаю, что этот дом и с мемориальной доской Дзержинскому, он жил здесь в 1899 году. И опять квадратная вымощенная гранитной рубленкой площадь Нового Рынка, на которой художники-моменталисты за злотые, франки и доллары тут же, усадив клиента на стульчик, рисуют его портрет и продают акварели, гуаши и картины; мимо площади, на которой "Hortex" торгует вкуснейшим, очень дорогим мороженым с черникой, а дальше, через узкую улочку, на площадь с восстановленным на добровольные пожертвования Королевским замком, мимо колонны короля Зигмунта III (после колонны Траяна первой по времени в Европе), через улицу Краковское предместье с ее дворцами эпохи Ренессанса, по улице Новый Свят — это уже ближе к нашему времени, ближе к модерну, а еще дальше размытая архитектурная эклектика растворяется в современном функционализме окраины: нужно жилье, быстро строящееся, удобное.

Город повернут лицом к реке. Так он и развивался. Позже выросли за ним параллели. Как на поле битвы, за окопами первого оборонительного вала — вал второй.

Вот так едем мы тихо и мирно на варшавском извозчике — удивительно симпатичный анахронизм — с моей спутницей пани Марией, гидом и переводчицей, и она рассказывает, как восстанавливали замок, как горела Варшава (это ее детские воспоминания: они тогда жили на другом, восточном берегу Вислы, в предместье Варшавы), рассказывает всякие были и небылицы про дворцы и времена.

С пани Марией нам было о чем поговорить: об общежитии в Москве на Стромынке, о новом общежитии университета на Ленинских горах, о том, что "толстые" журналы печатали в шестидесятые (мы приблизительно в одно и то же время учились) и что они тогда не печатали, а напечатали, осмелев, попозже; даже на Московском радио у нас оказались общие знакомые. Надо сказать, что в Варшаве была еще одна пани, с которой можно было бы поговорить по душам о разных московских разностях, пани Алисия Володько, в университетские времена прозываемая Магдой: мы не только учились с ней в одном учебном заведении, на одном факультете, имели общих друзей, но посещали один и тот же знаменитый тогда лермонтовский семинар Владимира Турбина, и название известной в те далекие годы книжки "Товарищ время и товарищ искусство" нашего руководителя было как пароль. Итак, беседуя в фаэтоне с пани Марией о милых варшавских и московских подробностях, мы медленно передвигались от одного памятника к другому (подчеркну варшавскую географию: от монумента Яну

Килинскому, мимо колонны Зигмунта III, к бронзовой фигуре Коперника напротив Академии наук) и, сделав круг, от прежней Банковской площади поехали обратно.

Я недаром назвал площадь ее довоенным именем, хотя путь наш пролегал мимо горсовета, по площади Дзержинского, мимо памятника… Стоит Феликс Эдмундович, как и в Москве, высокий, худой, чуть похожий на Дон Кихота, над оживленной и крепко загазованной — как и в Москве — центральной площадью.

В Варшаве два памятных места, связанных с Ф. Э. Дзержинским. Одно, как уже было сказано, на площади Старого Рынка в доме с арапчонком: здесь на переломе веков Дзержинский проживал; другое — не очень далеко от Рынка, в Варшаве все относительно близко — не менее памятное, даже знаменитое, печально знаменитое — Варшавская цитадель. При этом феодально-царственном слове видятся башни, ворота, зубцы, контрфорсы, жестяные драконы на водостоках и знамена на шпилях. Варшавская цитадель — детище самодержавно-царской архитектуры, лишенное какой-либо эстетики, кроме эстетики функционализма. Огромно-кирпичное сооружение (вернее, целый комплекс построек) воздвигнуто в первой половине XIX века как база гарнизона одного из самых мятежных городов империи. Так сказать, гарант порядка. Но, как в страшной сказке, зло всегда за семью и двадцатью семью печатями, так и в Варшавской цитадели свой эпицентр зла — знаменитый X павильон, политическая тюрьма.

Поднимаюсь от реки к цитадели. Сколько жизней, думаю, уносит каждый раз захватническая власть в своем эгоистическом стремлении, поправ свободу, утвердиться. Длинная, идущая вдоль засыпанного ныне рва аллея, во рву голубые мундиры расстреливали и своих, и чужих. "Патриоты" самодержавия обороняли престол, гигиенически чистую, здоровую, не лишенную культурных запросов царскую жизнь и жизнь своего просвещенного класса. Квасные патриоты расстреливали просто патриотов, и вот эта аллея, уставленная символически крестами, это удивительно печальное памятное кладбище наводило на горькую мысль: путь к свободе выстлан лишениями и жертвами. Тут же возникает хрестоматийный поворот Одоевского: "Из искры возгорится пламя".

Не могу не сказать, что часто выслеживали, арестовывали и расстреливали мои соотечественники — русские. Но, с другой стороны, существует же классовый подход к историческому процессу, нельзя отождествлять захватнически-шовинистическую политику правящего класса с поведением загнанного кнутом, шпицрутенами в серую солдатскую шинель народа. С

захватнической политикой царя нельзя идентифицировать этику и гуманизм народа.

И еще одна мысль, меня поразившая. Когда через дворик, мимо черной зарешеченной арестантской кареты (редкий экспонат, не виданный мною прежде), входил я в пресловутый X павильон и вспомнил Петропавловскую крепость с ее знаменитыми казематами, подумал: как зловеще однообразен выбор средств, чтобы унижать и мучить людей — не дать света, не дать воздуха, не дать возможности видеть жизнь, слышать соседа. Не новые приемы, но, видимо, самые действенные, недаром с таким удивительным упорством беззаконие проверяет их на политических — от знаменитых петербургских Крестов до не столь близкой от Петербурга Варшавы.

Так вот, в этой самой тюрьме и находился во время одного из арестов Феликс Дзержинский. А всего, кстати, виднейший деятель революционного движения Польши и России арестовывался шесть раз, десять лет провел в заключении, на каторге, в ссылке.

* * *

Не так-то просто, не по закону рулетки и хаоса сопрягает память былое. Иногда интересно бывает исследовать, докопаться, почему выталкивает она то или иное событие в определенный час, в определенную минуту при виде какого-нибудь облака странной формы, поворота дороги или сломанной ветки. В конце концов, именно не сдавшийся стебель татарника напомнил Льву Толстому о судьбе Хаджи-Мурата.

Я теперь знаю одно: всю оставшуюся жизнь, если, конечно, выпадет случай вновь попасть в Варшаву, в тот момент, когда буду проходить по Замковой площади мимо колонны короля-алхимика Зигмунта, зимой, весной или осенью, вспомню распаленный летний день и четверых старых поляков. Они стояли под колонной Зигмунта, интересные и нужные друг другу, а толпа обтекала их, как Висла обтекает песчаные острова.

Сразу же их имена: Франтишек Павловский, Хенрик Даменцкий, Стефан Павлята, Антоний Зигмунт Войщ. Самому молодому — семьдесят лет, самому старому — восемьдесят. Это уже, наверное, второе поколение польских социал-демократов. Войщ, старший из всех, моложе Феликса Дзержинского на 29 лет. Впрочем, этим тоже досталось: буржуазная Польша, пилсудчина, послевоенная политическая борьба. В биографиях этой четверки, выбранной для встречи с московским писателем Городским

комитетом, много симптоматических совпадений с судьбой польских революционеров времен социал-демократии Королевства Польского и Литвы. Все они рано, почти мальчишками 19, 18, 17, 16 лет, начали революционную деятельность. Для справки и сравнения: Дзержинский, Мархлевский стали революционерами в 18 лет, с гимназии — Роза Люксембург. Времена разные, но одни и те же тюрьмы в их судьбах: Модлин, Павиак, Варшавская цитадель. У всех — политическая борьба с господствующим режимом, потом тоже одна на всех судьба — борьба с нацистской оккупацией. Павловский — командир отряда ОК-11 (отряд одиннадцатого округа Гвардии Людовой в Варшаве), Павлята с мая 42-го — в Гвардии Лядовой, организовывая диверсии на вокзалах, на почтах. Его мать и сестры стали узницами Равенсбрюка. Войщ — подпольщик, участник Сопротивления. Разыскивая его в 44-м, фашисты поставили к стенке жену и сына. Только чудом им удалось спастись. Сам Войщ остался жив потому, что, пока его искали в Польше, он был на принудительных работах в Германии. Есть любопытная подробность в его биографии: в 23-м году он оказался в одной камере с Нестором Махно.

И после 45-го опять у этой четверки общая судьба. А может быть, это судьба поколения? Павловский — начальник уезда: восстановление жизни — культура, быт, образование; Даменцкий — в органах безопасности. Павлята проводил земельную реформу, а значит, как обычно при социализме, — "землю крестьянам". Тоже труд не из легких: агитация, выстрел из-за угла, боязнь за семью, бессонные ночи; потом партия послала его работать в печать. Войщ так и остался строителем — мастер, бригадир, секретарь парткома, крупные партийные и профсоюзные должности. С поразительным упорством эти польские старые большевики выполняли свой долг. Долг и партийный долг неразделимы для таких. И всем им свойственно бескорыстие. "Хотя я и занимал эти посты, я себе особняка не поставил, машину не купил" — это Войщ. Вспомним упавшего в голодном обмороке наркома продовольствия Цюрупу.

В трудное время "Солидарности" вся эта четверка была непоколебима в проведении линии партии. Отстояли. Свою правоту? Свое понимание мира и миропорядка? Свое понимание свободы?

В записную книжку тогда же, во время встречи в Союзе польских писателей, я занес их рассказы, вернее, ответы на мой единственный вопрос: "Ваша жизнь и ваша партийная карьера?" Теперь расшифровываю свои торопливые записи. Ведь почти из каждой оброненной ими фразы можно "сделать" эпизод. А в какие

рассказы можно было бы эти эпизоды развернуть!

Но старые люди устают довольно быстро. Мы выпили казенного кофе с кондитерской снедью, распрощались. А через пять минут я вышел на балкон писательского дома. Все это в самом центре, над Вислой. Слева Королевский замок, площадь, колонна Зигмунта, несущего крест и поднятый меч, а под нею, среди сотен нарядных, молодых, праздных людей, четверка только что простившихся со мною стариков. Они стояли под колонной Зигмунта, то ли боясь оторваться друг от друга, то ли продолжая свои собственные дискуссии. Они стояли островком памяти в живом потоке людей. Соратники. И мне вдруг неизъяснимо жалко стало их уже уходящих жизней, испытаний, которые пришлось им пережить. Кто знает их? Разве есть у них хоть тысячная доля известности, которой обладает мальчишка-певец?! И бронзовый Зигмунт тоже смотрит на них равнодушно. Я понимаю: так и должно быть. Все справедливо. Это рядовые строители, но поделать ничего с собой не могу. Мне захотелось даже крикнуть с балкона: "Ну, взгляните же на них, люди!" Жизнь наша выстлана благими намерениями. И тогда же, стоя на балконе, я понял: всегда, когда пройду мимо колонны Зигмунта, непременно вспомню эту грустную четверку…

* * *

Приезжая в новые города, я вспоминаю знаменитое четверостишие Пушкина:

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

Великий поэт из своих наблюдений и ощущений вывел истину универсальную. Это свойство великой поэзии. И вот каждый раз, приезжая в незнакомый новый город, я, повинуясь инстинкту исторического узнавания, иду на кладбище и тут же вспоминаю "любовь к отеческим гробам". Отеческим ли? А разве мировая культура не наше отечество?

Вот так началось и в Варшаве: могила великого романиста Болеслава Пруса, великого литературоведа и эссеиста Яна Парандовского — это были мои немедленные, еще на аэродроме, пожелания пани Марии. С могилой и надгробьем Генрика Сенкевича — это я знал — мне не разминуться в подземных криптах собора Святого Яна. Но удивительно, что становится близким, сопережитым и то, что при блиц-посещении ты, невежда

или полуневежда, считываешь с надгробий и могильных плит: памятник Янушу Корчаку на заросшем дикой зеленью еврейском кладбище (в годы фашистской оккупации воспитатель, педагог вместе со своими подопечными, вместе с детьми пошел в газовую камеру), памятник ксендзу Максимилиану Кольбу, поменявшемуся местом во время очередной селекции в концлагере со своим соседом…?

Городские кладбища — это всегда не только история, но и нравы, не только эстетика, но и этика. И это неправда, что смерть уравнивает всех. Смерть воздает по памяти потомков. Памятник знаменитому кондитеру Блике (основатель кондитерской, которая и сейчас, как и столетия назад, достопримечательно существует в центре Варшавы и так же популярна, как в свое время "Норд" в Ленинграде), и поблизости памятник печально знаменитому министру графу Нессельроде, и памятник-надгробие доктору Юдвику Заменгофу — это изобретатель эсперанто, а вот Карл Нессельроде — это, конечно, и аристократ, и высокий чиновник Царства Польского. Но это родственник Марии, в которую был влюблен скульптор, писатель, художник Циприан Норвид!

"Смолистой головешкой в поле поток горячих искр бросаешь. Горишь — не знаешь: добудешь волю, а может, вовсе потеряешь. Чем станешь? Пеплом и золою, что буря разнесет по свету? А вдруг в золе блеснет зарею алмаз, как знаменье победы?"

Вторая жизнь по истинным заслугам.

Мне всегда кажется, что источающий запах хвои и цветов воздух на кладбищах неспокоен. В нем слышатся шорохи, шепот, молитвы и жалобы ушедших душ. Да и сам этот воздух, который ты раздвигаешь плечами, — какая-то материализовавшаяся, магнитная, живая субстанция, которую лишь надо принять и понять.

И вот на Повонзковском кладбище, кладбище воинской польской славы, проходя мимо схороненных меж берез рядов батальонов, полков и дивизий, где каждый боец обозначен традиционным крестом, проходя по аллеям, отделяющим подразделения армии Крайовой и Гвардии Людовой, проходя между подразделениями патриотов, бившихся в последнем сопротивлении, бившихся и с честью погибших в Варшавском восстании 1944 года, я будто слышу эти голоса: "Кем станешь? Пеплом и золою?.." Я слышу их, как гул, как тяжелую неразличимую массу звуков, и кажется, надо сделать лишь одно, последнее усилие, чтобы понять все и, как инструменты в оркестре, начать различать крик и голос каждого. Как же много говорят неразличимые голоса на кладбищах! А может быть,

подлинная история вообще пишется только на надгробьях?

Восемьсот тысяч человек потеряла в последнюю войну Варшава.

Эту цифру — восемьсот тысяч — я прочел в Саксонском сквере, где по утрам бегал трусцой. В центре, разбивая ткацким грохотом тишину, бил фонтан; скрипели под кроссовками гравий и толченый кирпич на дорожках. На утренних бегунов с холодной снисходительностью смотрели музы, скульптуры из потемневшего мягкого камня. Была среди этого сонма красавиц и муза Истории — богочтимая Клио. В одном конце сквера эта холодная созерцательница, а в другом, возле трамвайных путей, — мемориальный комплекс, цифры: 800 000 потеряла в последнюю войну Варшава, 6 000 000 — Польша.

* * *

Во время любой зарубежной и просто поездки всегда жадно впитываешь в себя историю. Не хватает истории!

— Где, пани Мария, музей Марии Кюри?

— На улице Фрета, недавно проезжали. Это в доме шестнадцать. Здесь родилась Мария Склодовская-Кюри. Музей этот находится под опекой Польского химического общества.

Под цокот копыт соединяется несоединимое.

Второй этаж. Фотографии Парижа начала века, приборы. Вглядываюсь в лица ученых, супругов Пьера и Марии Кюри, открывших радиоактивные элементы полоний и радий. И хочется — о неисправимый идеалист! — спросить: "Зачем ты придумала все это, Мария?". Однако, с другой стороны, тогда, "по закону подлости", была бы, наверное, возможна Третья "горячая", а не "холодная", мировая война. Чертова (или божественная?) диалектика!

Как современным городам не хватает музеев! И Москве, и, боюсь, Варшаве. Музей Мицкевича на площади Старого Рынка. Рядом с памятным домом с негритенком. Входишь — сразу же обступают дорогие знакомые лица русской литературы. Соратник Пушкина… А вот музея Розы Люксембург, мемориальной комнаты Дзержинского в Варшаве, да и в Москве тоже, нет.

Обществ химических, исторических, технических, литературных больше, чем музеев.

* * *

В какой-то мере Варшава как Париж: географию ее ухватываешь сразу. Столько встречаешь знакомых хотя бы понаслышке, по литературе имен: Ян Собеский, ставший королем; Потоцкие, их дворцы. Я даже нашел родную мемориальную доску: здесь в 1848 году жил и творил Михаил Глинка. А названия улиц! Есть ли человек, у которого не на слуху Иерусалимские аллеи, Маршалковская? Автомашин много, как в Москве. Но к истории в Варшаве относятся бережнее. Лишь два дома остались целыми после войны на площади Старого Рынка, а вот все восстановлено по прежним замерам и чертежам. И городские башни, и барбаган, и десятки дворцов и костелов, представляющих исторический интерес. А мы сами, своими руками уничтожили храм Христа Спасителя, памятник героизму русского народа, построенный на народные подписные деньги, Собачью площадку с домом Киреевского, где бывал Гоголь, да и почти все русские писатели.

Почему, скажем, смогли варшавяне поднять из руин Королевский замок, а Москва потеряла сорок сороков и дом, где родился Пушкин? Почему?.. Сколько я наберу этих архитектурных "почему". Да, трудно, да, плохо со специалистами, с материалами. Почему просто, без очередей можно почти на любом углу Варшавы съесть то "фасолысу по-бретонски", то гамбургер или кусок булки, разогретой на гриле с пластиком сыра? А попробуйте перекусить где-нибудь в центре Москвы. Булок у нас не хватает? Почему в маленьком кафе на улице Герцена с вывеской "Оладьи" этих оладьев нет, чего недостает — муки, дрожжей? В Варшаве определенно лучше с цветами, а в Москве — с продуктами. С чем лучше в Варшаве? С чем в Москве? Этот ряд можно тянуть и тянуть…?

Перед самым отъездом в Варшаву я побывал в музее М. И. Ермоловой, первой нашей народной артистки, в ее доме на Тверском бульваре. Там — свежая панорама Театральной площади Москвы конца прошлого века. Видишь еще целый Страстной монастырь, главы церквей и башен выше по Охотному ряду, к Лубянке, ныне площади Дзержинского. Уверен (я-то, наверное, не доживу), когда-нибудь будут восстановлены и Собачья площадка, и Зацепа, и храм Христа Спасителя, как уже сейчас реставрируется собираемая буквально по кусочкам Владимирка.

* * *

В чужих странах, неведомых местах порой уверуешь, что люди-то, в общем, везде живут почти одинаково, да и антураж

этой жизни не очень различен. Те же, что и в Москве, сочлененные венгерские автобусы развозят варшавян; почти все прохожие одеты либо в настоящий, как и в Москве, импорт, либо в лихой под импорт "самострок", да и в прозрачных пластмассовых сумках несут по летней щедрой поре то же самое: помидоры, другие овощи, молоко в бутылках и пачках, лузгают семечки так же весело, как совсем еще недавно и у нас (но здесь обычай иной: семечки продают на улице не россыпью, а по-деревенски, невышелушенными из подсолнуховых шляпок, и не считается зазорным сесть в сквере на лавочку и выклевать до голой щетки весь зонтик). Но все это мелкие совпадения. А жизнь ворожит по-крупному. Именно об этом будет мой очерк.

После моего возвращения из Польши состоялась редколлегия в "Знамени" по новому роману. К этому времени Г.Я. Бакланов объявил об этом в "Литературке". Контекст был в высшей степени для меня благоприятный: "Мы открываем год новым романом С. Есина, написанным на самом актуальном материале". А перед этим шел А. Бек, пролежавший неопубликованным несколько десятилетий. На редколлегии своеобразно повел себя Ю. Апенченко: очень хотелось Юрочке понравиться новому главному. Я все время смотрел на Бакланова. Он помолодел за последнее время. Только руки у него выдают возраст, но руки — я теперь уже это знаю — человека, работающего на земле (здесь припомнилось высказывание Трифонова в разговоре с Твардовским — как, дескать, Бакланов разумно ведет хозяйство на своей даче.

21 сентября, воскресенье. Был на премьере "Истории лошади" в студии Марка Розовского. Поразило все, что там происходило. Пожалуй, первое публичное дело о плагиате. Розовский повторил многие "ходы" Товстоногова, тем самым вслух сказав, что спектакль в Ленинграде почти целиком сделал он. Или только претендует? Есть вещи на спектакле поразительные. К своему удивлению, я узнал, что многие актеры — самодеятельные. Андрей Степанов оказался каким-то технарем и даже лауреатом Госпремии. Его Холстомер больше христианин, чем герой Лебедева. Запомнился еще Сергей Щеглов.

Читаю Дэвида Яллона "Кто убил папу Римского?".

Совсем не работается. Болит сердце.

Меня утвердили в редколлегии "Знамени". Списочек занимательный: Лакшин, Друнина, Маканин, Черниченко и я. Сережа, ты ли это, трубочист?

24 сентября. Состоялось обсуждение книжки Шавкуты. Это была демонстрация 40-летних. Господи, ну чего им всем надо?

Писать надо. Разве неясно, что общественное признание приходит только через читателя?

26 сентября, четверг. Пишу в машине: Валю привез на Шаболовку в ломбард за ее мехами. Она сдает в холодильник шубу и лису. Пока она стоит в очереди, ожидаю ее на улице. Бедных, несущих в ломбард последнее, меньше не стало.

Из последних впечатлений. Как жалко, что все давнее быстро забывается, стирается, мозг, эта стареющая пластина, уже плохо держит электромагнитные колебания воспоминаний. Так, значит, воспоминания — это электрические импульсы и одинаковость воспоминаний обусловлены одинаковостью, т.е. идентичностью емкости электромагнитных разрядов.

27 сентября, пятница. Вчера вечером смотрел фильм Маргарет фон Тротта "Роза Люксембург". Здесь два момента. Уничтожили так называемые фестивальные талоны, теперь в кинотеатре общая очередь, и сразу же исчез дефицит: парикмахерская и мясная лавка в очередь за эфемерным — за искусством — стоять не привыкла. Одним словом, в зале было зрителей процентов 5, от силы 10 от количества мест. И опять вывод: вся история советского биографического и историко-революционного кино отвратила зрителей от подобных лент. "Все равно будут врать!" А фильм — прекрасный. Меня, в общем, специалиста, поразил здесь объем изображения и галерея лиц: Бабель, Кугельман, Адлер, Каутский, Цеткин. Точна позиция автора в вопросе о кредитах, о мире, о классах. Совершенно ленинская точка зрения Розы на преждевременность выступлений немецкого пролетариата в 1918 году. Прекрасный фильм, и жалко, что его увидит мало народа.

11 октября, суббота. Десять лет, как умерла мама. Это произошло (Валя все помнит по часам и датам) в ночь с 11 на 12. Я редко хожу в крематорий, хотя часто проезжаю мимо его стен, бываю в Донском монастыре. Но моя связь с ней постоянна. Последнее время я все более активно вырабатываю новую теорию о сгустках электричества — волны, колебания, иллюзия и образ души, — которые остаются и еще долго, затухая, зацепляют волны других сгустков, живых. Вообще, сейчас я уже больше веду диалоги с покойниками, чем с живыми. Боже, почему так рано я стал старым? Почему так странно прожита жизнь? Почему я столько отложил на завтра?

Живу в Болшево. Скорее — прячусь от телефона, известий из Москвы. Все время болит сердце, но я продолжаю бегать, издеваться над собою, комментируя свое неправедное житие.

Позавчера, 9-го, отвез в "Знамя" уже переделенный роман "Временщик и временитель". Возможно, я крепко его подпортил,

по крайней мере сделал ординарнее. Уничтожил последнюю главу — "Дневник Вени" и снял тревожную предпоследнюю главу, теперь все развивается по хронологии. В этом есть обычная логика, но я чувствую, что сделал это напрасно.

В редакции был интересный разговор с Еленой Моисеевой Ржевской. Позже состоялась редколлегия. Я еще раз поразился, какой Бакланов умница, сколько доброжелательства и мудрости, центризма, сложного понимания природы человека и спокойного стремления успокоить всех. Сегодня принимаюсь за ленинскую пьесу. Но, судя по всему, Шатров ее уже написал.

14 октября, вторник. Мелкие долги за последние дни.

С чувством восхищения и зависти прочел рассказы В.П. Астафьева в "Нашем современнике". Мне дали комплект, состоящий из рассказов и "Печального детектива". Он, конечно, сейчас самый выдающийся мастер слова в нашей литературе. Такая поразительная изобразительность и ясность в обрисовке современного человека в приземленно-духовном "Месте действия", "Лове пескарей в Грузии". Из-за этого рассказа в свое время грузины ушли со съезда. Нет в нем ничего, против чего могло бы восстать народное сердце. А если В.П. и зол, то зол против того, за что зол и на русских: за хвастовство, хамство, хапливость и бессердечие. Современный плохой человек везде одинаков.

За "Печальный детектив" взялся с отчаянием. Я и не представлял, что может сделать в романе такой мастер, как Астафьев. А оказалось, все не так просто. В романе астафьевские художественные средства оказались трудноприменимыми. Так, иногда мощный тягач не может быть использован на слабых дорогах. Это интересно, но оставляет возможность писать самому.

Сегодня Владислав Александрович Пронин ругал меня за новый роман, не так хорош, но здесь — мизантропия ненапечатанного.

Оскоцкий — новый редактор прозы в "Знамени".

Вчера вечером ездил в Москву провожать Валю в Иваново. Вернулся к утру.

Дочитал "Последний год Достоевского" И. Волгина. Этой книге можно завидовать. Волгин ухватил время. Вот так почти самоуничижительная задача художника — лишь один год из чужой жизни — оборачивается его триумфом. И какая умная, многознающая книга! Об эпохе 80-х я узнал здесь больше, чем выпускники АОН из всех вместе учебников. Несколько дней назад проглядывал "Вопросы литературы". Статья В.М. Озерова на основе его выступления на VIII съезде писателей. Этот, по словам Светлова, мастер ходить по разминированным полям написал и

обо мне. Где он только был раньше? Как крутятся старые конъюнктурщики. Но время такого взгляда на жизнь закончилось.

"Не слишком ли долгое время требуется, чтобы рецензенты вникали в проблематику новых книг, в характеры их героев?

Вокруг повести С. Есина "Имитатор" завязались споры, читатели по-разному истолковывали изображенную в ней фигуру дельца от искусства. Не сразу нашли ответы у рецензентов. Алла Латынина посчитала, что "главный недостаток повести в упрощенном понимании характера, нащупанном было, но не раскрытом, "смазанном". Е. Шкловский объявил творческой задачей автора всего-навсего "портретирование". А. Образцов стал доказывать, что "вряд ли… "имитаторы" достойны романтического плаща и котурнов". Популярность повести и ее своеобразие точнее объяснил А. Бочаров в "Правде": С. Есиным нащупана "действительно болевая точка", а иронически-гротесковая манера письма помогла — не без сбоев — "раскрыть имитаторство, двойничество… героя".

Приходится признать, что значительная часть нашей критики оказалась не вполне готовой к появлению произведений, которые ныне в центре общественных потребностей. Ей нужна более тесная связь с народной жизнью — это наиважнейшая забота Союза писателей. Верим, новые произведения высокой художественной кондиции в свою очередь будут стимулировать литературно-критическую мысль".

29 октября, среда. Почти ежедневно езжу в Москву — редактирую с Олей Труновой "Гладиатора" для журнала. Мое внутреннее раздражение оттого, что она жмет из меня масло — по сравнению с Н.М., который не тронул, — умиротворяется ощущением ее фантастического опыта. Но, наверное, ближе мне более либеральная школа, где в оговорках сильнее ощущается писательская душа. Уже несколько очень интересных вставок я сделал по ее милости. Что будет дальше?

Приезжал Владимир Александрович Горячев, режиссер из Ульяновска. Прочел ему написанную пьесу. Ему нравится, берет. Сказал много добрых слов о незатасканности материала. Измотался с Олей Труновой до потери сознания. Убеждал ее, что необходимо сохранить возврат Пылаева. Она согласилась. Хорошо, что еще слушает.

Вечером смотрел "Покаяние" Абуладзе. Изобразительно сделано прекрасно. Лица и типажи замечательны. При всем том, хоть и в соответствии с темой, мне показалось, что поступок этот достаточно рационалистичный. Здесь вопросы умозрительного смысла и вопросы эстетики.

Смотрел "Св. Джона" Питера Богдановича. Это восток, белый.

Интересно. А вчера смотрел "Луну" Бернардо Бертолуччи. Боюсь, как бы мне не забыть эти картины.

11 декабря, четверг. Уже Бог знает, сколько не писал, хотя литературных событий было предостаточно. Нет сил, голова забита всякой ерундой, лавирую между Олей Труновой и Галей Костровой с их пониманием литературы, грамотностью и пристрастием. Это балансирование на проволоке: и отстоять себя, и не поссориться. Здесь, как у Гали, много своего регионально-национального. Многое в моем романе ей не нравится. Она бросается на защиту всего русского, даже если ей просто кажется, что "наших" бьют.

У романа последнее и окончательное название "Временитель", тем не менее в "Молодой гвардии" дали прежний, более доходчивый и коммерческий вариант — "Гладиатор". С каждым днем я все больше и больше боюсь за роман, особенно за его вторую часть. Меня страшат "разборка" главы о Гамлете и редакторская "подчистка", когда приходилось убирать много подробностей. Как все это будет?

Импульсом к моему сегодняшнему рывку в дневнике стал абзац во вчерашней статье А. Борщаговского в "Литературке". Он пишет об убитом в Душанбе писателе Фазлиддине Мухаммадиеве, последним чтением которого были повести Распутина, Астафьева, Быкова и мой "Имитатор".

Из запомнившихся событий были два: Ю. Бондарев собрал 40-летних, которым уже под 50. Удивительно, просили только одного: дайте нам славы, дайте нам известности. Их же собирал Г.Я. Бакланов.

Много сил отнимает очерк о Польше, сегодня его закончу.

Прочел Дм. Балашова, Марка Кострова.

19 декабря, Новгород. Вчерашний день рождения встретил в городе, где С.П. Залыгин проводит очередной выездной совет. Компания все та же: Р. Киреев, В, Крупин, Г. Кострова, Татьяна Александровна Полторацкая — наш тихий, как мышка, секретарь, подъехали северяне: В. Белов, В. Маслов (из Мурманска), Дедков. Большой неожиданностью для меня оказалось знакомство с Дмитрием Михайловичем Балашовым — невысокого роста, седой, в сапогах, с ясными живыми глазами, излучающими дьявольскую энергию, и Василием Ивановичем Беловым — какого удивительного таланта человек! Володя Крупин — человек редкого обаяния. Ему бы чуть поменьше заниматься русским народом, который и сам по себе не пропадет.

17-го были большая экскурсия и выступления. Не забыть бы собор в Юрьевом монастыре, его высокие, уходящие вверх стены, реставраторов Грековых и гусляра Володю Поветкина (светлая

рубашоночка, веревочка через лоб).

18-го, в мой день рождения, целый день заседали, я выступал. Говорил о душе и ответственности перед мертвыми. Дедков подарил мне колокольчик. Повешу его на даче.

Вечером — день рождения у Г. Костровой.

20 декабря, суббота. С утра была традиционная экскурсия по Новгородскому кремлю: София, памятник 1000-летия России, Грановитая палата и под вечер — отъезд в Валдай.

Самое интересное — разговоры Балашова об истории. Его точные и аргументированные мысли о России, о нации, о судьбе, о вере. По Балашову, доктрина христианства — свобода воли: Господа надо просить укрепить дух, судьба человека в его руках, только в последний момент, в невыносимую минуту, можно попросить Бога. А еврейская доктрина — предопределенность судьбы, все записано заранее. Интересна его мысль о том, как читать Евангелие, исторически: "Возлюби ближнего своего, не убий" — речь идет о людях одной крови.

Вечером приехали в Валдай: много снега, темно, небольшие домики, температура почти у ноля.

Пора, пора, Сережа, начинать новый роман! Постепенно все складывается. С мыслями о судьбе.

30 декабря. Состояние жуткой апатии. С большим трудом преодолеваю ее, но это чисто внешнее. Событий произошло больше чем достаточно. За это время сдали и уже три раза сыграли на публике "Сороковой день" в Театре Гоголя. В пьесе, наверное, есть какой-то феномен: я смотрел ее четыре раза, и мне не скучно.

Удивляет меня и зрительный зал: тишина мертвая, местами она напрягается, как растянутая резина, тронь — и зазвенит.

Закончил очерк о Польше и прочел все верстки "Временителя". Определенно, Оля Трунова заставила меня проделать нужную работу. Наверное, роман и должен быть написан демократично. Пожалуй, получилось. Теперь все зависит от читателя. В воскресенье в "Огоньке" Бакланов отметил, что "Временитель" не менее интересен, чем "Имитатор". Г.Я. много для меня делает, хочется, чтобы все так и оказалось.

Все время думаю о новом романе, его надо писать как исторический. Соприкасается несколько пластов жизни, и все в одном человеке. Постепенно вырисовывается характер. Место действия — Владивосток, Николаевск, Москва. История семьи.

Мы живем в удивительное время. Еще в Новгороде чуть ли не в один день были сообщения о возвращении в Москву Сахарова, студенческих волнениях в Алма-Ате и огромной контрабанде наркотиков через Союз.

Да когда же такое было?

Сейчас писатели попадают в сложное положение: разрешили писать почти обо всем. Из обихода скоро уйдут понятия "острота" и "смелость" и тогда со всей беспощадностью встанет вопрос "как?". Готовы ли к этому писатели? Пока о перестройке сужу по оглавлению только что вышедшего номера "Октября": Владимир Набоков, Владимир Еременко — один под другим. Классик и блатной директор издательства.

Сегодня написал письмо А.Д. Дементьеву — главному редактору "Юности", достаточно злое, но потом отослал письмо полегче. Собственные обиды надо уметь переживать внутри. Они отказались печатать роман "Сам себе хозяин". Это было несправедливо. Дементьев оставлял журнальную тетрадь для "нужных" людей. Я посчитал себя больше с журналом не связанным.

"Дорогой Андрей Дмитриевич!

Гороскоп для наступающего года Зайца рекомендует генеральную уборку и даже перестановку в квартире. Я тоже решил навести кое-какой порядок в своем хозяйстве и начать с того, что пора мне проститься с участием в редколлегии "Юности". Последнее время я от журнальных дел отошел, преодолеть организационный момент по доставке верстки мы не смогли, а, не читая журнал, не участвуя в его жизни, быть солидарным в ответственности за него я не хочу. Да и после пятидесяти, если специально не занимаешься юношеской литературой и литературной сменой, надо уступать свое место… а посему, как писал В.И. Ленин в работе "Кризис назрел", "мне приходится подать прошение о выходе"… из редколлегии журнала "Юность". Пусть станут новые бойцы.

Я сохраню самые теплые воспоминания о годах, когда мы дружно и хорошо работали, и о сотрудниках журнала.

Сергей Есин.

30 декабря 86 г.

P.S. Это моя официальная просьба. Дорогой Андрей, и с Новым годом, конечно. Жму руку. С.Е.".

1987

26 января. Вчера на два дня приехал в Ставрополь. Сюда перевели Луганского, и я приехал читать труппе пьесу. Вчера прочел "Сороковой день". Сегодня буду читать "Записки", т.е. инсценировку "Имитатора". Весь январь сидел на спектаклях в Театре Гоголя. Мне все это нравится, спектакль разыгрывается, хотя Сиренко сократил некоторые места, аргументация стала кое-где более плоской.

Появился, вышел в свет "Временитель".

3 мая, Обнинск. Раннее утро, я уже сбегал свой привычный круг, в этом году впервые искупался, вернее, на секундочку окунулся в реку. Может быть, войду в прежний ритм?

Зима в Москве меня ухайдакала. Время тянулось, как телега с камнями. Ни скорости, ни удовольствия. Прошли наши писательские скандалы, борьба левых и правых, бои местного и союзного значения на пленумах правления, а по сути — борьба за давно изжитую практику: скажем, деревенщики хотят, чтобы писать деревню в ее старом, довоенном виде, т.е. почти этнографию, стало бы единственно дозволенным и каноном — бывший словарь, синтаксис, тематика. Все остальное — от лукавого. Самое интересное, что свое признание "деревня" получила, в первую очередь, через город. В этих нынешних ее претензиях, кроме эстетической узости (диктуемой, впрочем, возможностями и образованием), есть еще и узость историческая. И все, естественно, замешано на национальном. Но разве националистическая узость была когда-нибудь свойственна нашему народу? Под маркой национальных, культурных интересов — этическая и эстетическая нетерпимость?

Много думаю о романе. У него уже есть два, правда однотипных, названия: "Эсхатология" и "Любовь к мертвым". Постепенно вырисовывается герой: кинорежиссер с претензиями сценариста. Кто у него выходит замуж за иностранца: дочь или сестра?

Сейчас окончательно понял: дневник надо писать. Боже, сколько пропустил!

21 мая. Я совершенно развинтился. Погасла воля, за ширмой обдумывания нового романа я ничего не делаю. Чуть-чуть по хозяйству, чуть-чуть общественная работа, чуть-чуть статьи и т.д.

Прочел верстку "Временителя". Романом я доволен.

Опубликована рецензия П. Ульяшова. Наше приятие или неприятие критика заключено не в его оценке, а в том, как он прочел произведение. Мы можем простить привходящие

обстоятельства — не можем простить искаженное чтение. Обязательно напишу П. Ульяшову письмишко.

Во вчерашнем номере "ЛГ" впервые упомянул меня В. Бондаренко. Критики "сорокалетних" не замечали меня несколько лет — пришлось, для ровности концепции были вынуждены.

Весь день вчера просидел на заседании СХ РСФСР. Было значительно интереснее, чем у писателей. Не образованнее ли они нас? Их сражение за модернистов и реалистов — сражение за художественную критику. Какая путаница у нас в определении предмета искусства!

25 мая, Самарканд. Пишу в 7 часов вечера уже в городе, где работал в юности. Здесь состоится конференция, связанная с историко-революционной темой. Проводит ее Суровцев. Он-то меня и пригласил. Вылетели вчера в 11.00. Вряд ли смогу передать то удивительное чувство, которое охватило меня, когда в 3 часа ночи прибыли в Самарканд. В памяти возникла молодость, удивительные дни в Навои, перелет 31 декабря из Душанбе в Самарканд и гонка на машине через всю пустыню.

На что разменялись годы?

Во время этого перелета много думалось о романе. Есть опасность, что он перестроится, появившееся пятно размоется. Пока ясно, удивительно, с деталями, плавание Харона через Стикс и теплая, фосфоресцирующая вода, стекающая с весла. Не хватает только острого внутреннего счастья. Ни домашнего, ни социального. Может быть, главный герой — актер, кукольник, театральный режиссер, но что же тогда делать с его воспоминаниями?

Все утро спал, а в 3 часа дня поехали на экскурсию. Моя жизнь — это тоже целая эпоха. Другой пейзаж вокруг обсерватории, расчищен садик возле Гур-Эмира, отреставрирован купол Биби-ханым. Развалины мне были дороже. Ценность памятника тускнеет от сознания, что в его строительстве применен современный башенный кран. Внутренние украшения мечетей, арабские письмена на голубом фоне, купола — все это напоминает мне Гренаду, которая еще так свежа. Удивительна загадка этой архитектуры, сотворенной из слов и абстрацкий.

Я впервые увидел Шахи-Зинда — город мертвых. Как он недалеко от города живых! Я много размышляю о том, как близко мертвые соседствуют с живыми. Об истекающем электричестве душ. Сегодня пойду думать о романе. И своем выступлении. Его основой станет пассаж о фильме "Роза Люксембург" и октябрь В.И. Ленина. Не пора ли нам кончать облегчать эти биографии?

26мая, Самарканд. Сегодня выступал на конференции. Все это было в зале университета. Без бумажки. На студенчество.

Много хлопали и подарили цветы. Вечером ходил в баню: так грязно, что даже не присел. Парилка ужасная — из крана сочится пар. Вечером на площади Регистан было представление цветомузыки. Жуткий текст, бездарные стихи. Вспомнил такое же представление в Красном форте, в Индии.

Роман яснее — тихое, спокойное течение, повествовательное. Отказался ехать в Нукус и Хиву. Нет времени, пора торопиться. Всего взять нельзя. Выступал о падении жанра историко-революционной литературы, об ответственности писателя.

27мая, среда, Самарканд. Плохо спал, как и прошлую ночь. Под окном черный ход ресторана, ночные шумы. Неподалеку истошно, как в кишлаке, лает собака. Вечером читал "Он и она" В. Маканина. Вещь не очень удачная. Мне стало еще яснее, что произведение должно иметь обычные беллетристические рамки, иначе не получится общей метафоры. Писать в экспериментальной, научной форме интереснее, но и легче. И все же Маканин и Киреев дают мне больше, чем кто-либо. Мне кажется, что избыток рационального сейчас начинает бороться в таланте Маканина, но это рациональное мне дорого

Мое выступление вчера было посвящено традиционным идеям дискредитации историко-революционной темы. Сегодня последний день и — домой! И еще недавно прочел статью Н. Говоровой в "Дружбе народов", там есть и обо мне. Сколько натяжек, силовых подтяжек в концепции, и сколько недодано.

Я вытерплю. Но ведь Маканин, его письма — явление очень незаурядное, "Он и она" — это не произведение ширпотреба. Где емкость письма, неожиданность мыслей, плотность их?

8 июня, Оренбург. Я дал согласие, и — "пленник чести" — уже в Оренбурге. Здесь дни советской литературы. Открытие их состоялось в огромном дворце культуры. Прежнее ощущение полной интеллектуальной беспомощности: пришел не мой читатель, а "зритель". Этот зритель не хочет беседовать, не хочет вести диалог, он хочет только, чтобы его развлекали. Эти "дни" надо перекраивать.

На сцене устроил маленькую перекличку с новым гл. редактором "Совписа" В. Муссалитиным. Несколько дней назад устроил такую же на партсобрании с Ф. Кузнецовым. Я становлюсь склочником. Хорошо, что скоро в Москву.

Вечером гулял с Клавой В.: не сделать ли одного из ее братьев секретарем обкома? История с костромским секретарем не идет у меня из головы.

10 июня, Оренбург. Пишу рано утром. Улетаю в Бузулук. Вчера было два выступления — в Пединституте и Институте нефти и газа. Оказалось интересным, народ расшевелил, и он был

активным. Меня поразила известность моих вещей. Сережа, милый стриженый мальчик военной поры с комплексом неполноценности, ты ли это? Вопросы, цветы. Меня удивляет серьезность отношения к моим вещам читателя.

Утром ездили по Оренбургу, были в музее. Как всегда, меня интересует, как человеческая цивилизация зарождается и крепчает на пустых и тоскливых местах. Не успеешь обернуться, а уже быт, культура, традиции. Уже легенда: Пушкин, Даль, генерал-губернатор Покровский.

Были в деревне Берды, где стояла Золотая изба Пугачева. По-хорошему удивил музей Пушкина в сельской школе, милые девочки в белых фартучках, славная, ласковая показуха. Это, наверное, путь развития народа — через интерес, через самостоятельность. Но все же не утерпел и задал девочкам, которые читали стихи, два вопроса: "Что такое приказный дьяк" и "Какого цвета изумруд". Не знают.

Вечером был у Николая Струзюмова. Это молодой писатель, проза которого мне нравится. Жена — Елена Генриховна, сын Дима, хорошо поговорили, милая семья, добрая гостеприимная женщина.

Вечером долго говорил с Григорием Колюжным. Тот — о своей жизни и самолете. В его высказываниях о литературе много механистического, хотя все довольно занимательно. Но любой экстремизм мне претит. Любой долг, возведенный в абсолют, раздражает.

11 июня. Весь день пробыли в поселке Северный. Иная земля, иной воздух. Увалы на горизонте, светлые травы на аэродроме, солнце, удивительный чай, которым нас напоили летчики. Весь день с нами Анна Федоровна — секретарь по идеологии райкома. Милая женщина в легкой белой кофточке. Женщинам отдали идеологию. Состоялось две встречи, на которых повторялось одно и то же: полупустой зал. Люди, пришедшие подивиться, и диалог в конце. Я ругаю себя за то, что не хватает цинизма говорить о перестройке, о сегодняшней литературе, о Сталине. В этих разговорах и я сам многое начинаю понимать.

16.30 дня. — уже в Бугуруслане. Утром же встречался с шефом местной культуры — Николаем. Фамилию и отчество в памяти не удержал. Он сказал: из 50 учителей лишь трое записаны в библиотеку и из них лишь один — словесник. Сам он за год прочел 44 книги, разных — это по его собственному библиотечному формуляру. Никто из учителей не выписывает "Нового мира" и "Знамени". А вчера начальник милиции интересно говорил мне, что город плодит нищету. Горожанин хочет лишь набить пузо. Его жизнь однотонна. Так и сказал.

Сегодня в "Правде" — большая статья А. Ерохина "Черные начинают и выигрывают" о "Временителе". Это опять огонь по мне, очерняю время.

12 июня, пятница. Пишу в самолете. Рано утром прилетели на маленьком самолетике из Бугуруслана в Оренбург, и целый день до 12.25 ждал в аэропорту. Благо, что было мало народа, погода летная и так хорошо, хотя и не кондиционирован аэропорт. Прочел целиком повесть Нагибина о Юрке Голицыне. Прочел запоем, но по беллетристическому суесловию и мелкости мысли Нагибин не отличается от Пикуля. Впрочем, я обоих ценю как беллетристов короткого материала, есть и культурные подробности ушедших эпох.

В Бугуруслан приехали, воспаленные жарой, отлаяли горначальство, отказались от коротких, как сношения в публичном доме, выступлений. Я долго объяснял, что выступаю не с концертными номерами, где тексты отлетают от уст. Каждое выступление перед читателем — это творческий акт, я могу взять только затратой энергии. Гордость и честолюбие не позволяют мне это делать плохо.

Причиной отказа стало и то, что на 18 часов был назначен вечер в городском ДК. Меня страшило, что я выговорюсь, проговорю отдельные блоки, не наработаю новых мыслей, старые, как бы они ни были эффектны, постесняюсь произнести второй раз. Вообще, общественная свалка меня, прозаика, страшит. Поэты читают все те же стихи, а мне при моем положении надо придумывать "кунштюк". В этом-то случае приходится еще говорить и под кинжальным огнем взглядов коллег в спину. Они-то уж заметят любой повтор. О милый мир литературы!

На этот раз, в отличие от свалки в Оренбурге, все было подготовлено, раздали вопросы, ведущая горкомовская девушка — собрала о каждом кое-какую библиографию. Я видел приводные ремни, ниточки, за которые дергали, творился по естественным законам большой спектакль, который был интересен и зрителям, и участникам.

Обо всем, что произошло в тот вечер, легко было бы написать статью в "Правду", потому что вечер еще не закончился — нас пригласили в музучилище. Старый, еще дореволюционный, наверное, домик, зал с колоннами не ампир и белыми колоннами и красными занавесками. Местная интеллигенция давала концерт и чаепитие в нашу честь. И трогательный директор, музицировавший на виолончели, и баянист, игравший собственные сочинения, и милые молодые женщины, исполнявшие в четыре руки венгерский танец Брамса. Какое очарование — живая музыка, она по-другому звучит и

воспринимается во времена механических записей! Выписываю на всякий случай имена: директор Юрий Михайлович Гришин. Потом показывали кино "Воспоминание о лицее", он — его автор и режиссер. Лидия Германова — ведет студию художественного чтения.

Из литературных знакомств: Таня Бек (мы с ней сдружились) Римма Д. из Челябинска — прекрасная самобытная поэтесса, ее народная поэзия результат чувств и культурных усилий; Гриша Колюжный с его "самолетом", нетерпимостью и узким кругозором и т.д.

14 июня, воскресенье, Обнинск. Корю себя за то, что не пишу дневник ежедневно, сразу же после события. Братья Гонкуры и мемуары Сен-Симона — это идеал неосуществимый. В тот же день побрызгать слюной, записать только что прозвучавший разговор. В поисках утраченного времени? Да так ли уж жалко времени, его истончающейся сути? Жалко момент переживаний, усилий интеллекта и духа.

Я уже второй день думаю над спектаклем Кабуки. Причем заметил: как и любое художественное впечатление высшего разряда, оно вползает медленно, без всхлипов экспрессии опиума. Программка этого театра, как давняя программа с "Сидом" и "Мещанином во дворянстве" "Комеди Франсез", теперь долго будет храниться у меня. Искусство Накамуры Уэтамоно так совершенно и так божественно, что непонятно — как о нем писать. Оно, скорее всего, боговдохновенно. Он не раскрывает сюжет, а перекрывает. Через внешнее позволяет зрителю войти во внутреннее. Самое поразительное — это отсутствие лишнего. И еще: мысль, что женскую роль играет мужчина, сама по себе экстравагантная, возникшая во время представления, не соединяется с художественным образом. Речь идет не о правдоподобии, не об удивительной похожести. Просто о другом. Актер и образ — вещи несоединимые, разные. А может быть, здесь в эти минуты и происходит какая-нибудь божественная подмена.

В другой одноактной пьесе — "Канузинте" действует другой актер, не менее великий — Накамура Томидзюро. Это школа более близкая мне в силу отстраненности, более яркого и подчеркнутого приема, но все же — о, великий Утаэмоно! Интересная деталь: один билет на Кабуки у меня пропадал. Я обзвонил человек двадцать: никто утром в субботу в театр пойти не захотел. Но какие были отговорки! Эх, люди искусства!

Мне кажется, роман мой все же будет о театре. Меня преследует образ поворотного круга.

Вчера утром позвонил Ю. Апенченко: в "Правде", видимо,

ощущение несправедливости по отношению ко мне. Н. Потапов, редактор отдела, через Апенченко, боясь нарваться на мою грубость, спрашивает, не хочу ли я от них куда-либо съездить? А может быть, им накрутили хвосты? Ерохин в своей статье совместил вещи трудносовместимые. По его высказыванию и оговоркам ясно, что он и сам понимал, что делает, но соблазн молодому критику напечататься в таком престижном органе пересилил.

От "Правды" я постараюсь съездить в Николаевск-на-Амуре. По следам моего деда, отжатого из краевой истории неким местным умельцем. Это решит и некоторые мои проблемы. Да и будущий материал практически готов — интеллигенция в маленьком городе. Не забыть взять фотографии для музея.

19 июня, пятница. С вечера среды — опять в Обнинске. Я не знаю, что меня преследует, но вчера написал первый абзац. Все готово, все выхожено. Кинорежиссер, три линии, "Черные начинают и выигрывают" — название. Все надо брать в переплавку, чтобы не проиграть. Теперь отступать некуда. Так как личную свою жизнь я — и оглянуться не успел — проиграл, надо писать роман за романом, выходить на первую линию. Если не литература, то присмотреть в старости за мной будет некому. Но сейчас главное — второй абзац, продолжение. Не хочу обнадеживаться, но уже в первом абзаце есть интонация… В последней "Литературке" обнаружил опять два упоминания обо мне. Все это в связи с конференцией в Самарканде. Вполне мог бы удовлетвориться лишь "протоколом", чтобы не забыть, с кем был в Самарканде. Но интересен и пассаж Ю. Суровцева.

"*Какой же вывод отсюда следует для художника, особенно современного художника? Ему необходимо правильно понимать классовую, социальную структуру, меняющуюся исторически. Свои задачи человековедения вне социальности мировосприятия он не решит или решит неглубоко. Имеющиеся недостатки в сегодняшней разработке исторической, в том числе и историко-революционной, темы, а именно: приключенчество, плоское бытописательство, стандартность сюжетов, которые предсказуемы, по выражению выступавшего на конференции Сергея Есина, как движение электрички по расписанию, — все эти и подобные недостатки свидетельствуют именно о слабости социального творческого мышления писателей*".

Боже мой, как по-звериному плохо на душе! Беру себя в руки, начинаю воспитывать и волю, хотя в моем-то возрастете не поздно ли это? Сегодня утром бегал: уже тяжело. После этого читал Щеголева и сценарий о Лермонтове.

20–21 июля, Обнинск. После эйфории первой страницы

начался спад. Дальше ничего не пошло. Всю последнюю ночь спал беспокойно, вернулось прежнее состояние: когда во время сна усталость чуть проходит, в сознании сразу же возникает роман. Все решит интонация. Роман должен быть проще.

Пока мне ясно: один из стилистических рядов будет проходить от первого лица.

Прочел "Дуэль и смерть Пушкина" Щеголева. По этой книге видно, как идеология орудует с фактами. Наибольший интерес у меня вызвало поведение царя, личность Натальи Николаевны и друзья поэта. Особенно Жуковский.

29 июня, понедельник, Обнинск. Здесь с пятницы. Вчера написал первые полторы страницы первой главы. "Отец". Удивляет чувство: полная отстраненность, ведь будут обвинять в биографичности, дескать, просто шью по готовой канве. Я слишком ранимый человек и поэтому свое берегу, прячу, стесняюсь.

Прочел в шестом номере "Нового мира" "Котлован" Платонова. Вот она, беспощадная трезвость художника по отношению к сегодняшнему дню. Котлован — фундамент будущего. Три образа поражают — котлован, тюрьма и дворец будущего, сплав кулаков на плоту и медведь-молотобоец. Какая удивительная, безжалостная, размозжающая жизнь антика, какой натуралистический психологизм! Здесь нет злости и раздражения, скорее, брезгливость, но холодноватая. Платонов вообще знает, что жизнь — мучение; когда так много пишет о счастье — это лишь слова, лишь литературные опоры, чтобы рядом с ним вязать привычное — мученье и несчастье.

Массу сделал помет на тему "радио".

Вслед за Булгаковым Платонов тоже нашел здесь добычу (стр. 77, 81, 106).

Платонов часто пишет о мертвых:

"Мертвых ведь тоже много, как и живых, им не скучно между собой" (стр. 29).

"Спустившись в убежище женщины, Чихлин поклонился и поцеловал ее вновь. "Она же мертвая!" — удивился Прушевский. "Ну и что ж, — сказал Чихлин. — Каждый человек мертвым бывает, если его замучивают. — Она ведь тебе нужна не для житья, а для одного воспоминанья" (стр. 29).

"Все мертвые люди — это люди особенные" (стр. 86).

О руководстве. "До самого полдня время шло благополучно, никто не приходил на котлован из организующего или технического персонала, но земля все же углублялась под лопатами, считаясь лишь с силой и терпением углекопов" (стр. 63). Надстройка. "Сбоку возвышалось сечение грунта, и видно было,

как на урезе глины, не происходя из нее, лежала почва. На всякой ли базе образуется надстройка?" (стр. 62).

Человек "Мы ведь не животные, мы можем жить ради энтузиазма" (стр. 60), "он боялся пустого домашнего времени, он не знал, как ему жить одному" (стр. 60).

Рабочий. "…?в их теле не замечалось никакого пролетарского таланта труда" (стр. 64).

"Новые землекопы постепенно обнажились и привыкли работать. Каждый из них придумал себе идею будущего спасения, отсюда один желал нарастить стаж и уйти учиться, второй ожидал момента для переквалификации, третий же предпочитал пройти в партию и скрыться в руководящем аппарате, — и каждый с усердием рыл землю, постоянно помня эту свою идею спасения" (стр. 73).

4 августа. Вот и пол-лета ушло. А куда уходят силы? Чувствую, как старею. Быстро и необратимо. Зарядка, бег — все это тяжелые средства удержать себя в норме. Лучше делать вид, что держу себя в норме

Пошел роман. Уже написал первую главу. Сейчас много всяческих долгов: рецензия на А. Яхонтова, предисловие к двухтомнику Ю. Скопа. Завтра в "Литературке" должна быть моя статья. Больших удач нет — все маленькие.

Из "не забыть" дал интервью итальянцу; с грустью думаю о том, что уехала Танюша. Вышла за своего француза и улетела.

21 августа. Вчера видел удивительный сон, один из немногих, который запомнился. Снилось, что я умер и положили меня в гроб. Своего мертвого лица я не вижу, но, как обычно, наблюдаю со стороны. И вдруг замечаю — картина и сейчас стоит перед моими глазами с поразительными подробностями, — что от ног и головы закрытого крышкой гроба идут, как из кастрюли, сильные струи пара. Потом к гробу подходит группка парней. Кто-то из них открыл крышку и отломил и съел (!) от горячего сварившегося трупа кусочек. "Ну, чего же ты, милый, жрешь покойника?" — "Да я не заметил, что покойник".

Сегодня еду продавать старую машину. Главное, гнать и гнать от себя зависть.

Две недели у нас был Витя Симакин с Ирой и детьми. Неделю прожили на даче. Он, как всегда, все мастерил, исправил мне радио, сделал перила на террасе, кое-что помолотковал в бане.

Валя задумала обмен, съезжаться — я этого страшусь. Не начнется ли завистливая гонка: кто кого переживет, кто будет доживать в большой квартире?

Скоропостижно умер Андрей Миронов, 47 лет. Вчера похоронили. Утрата личная — какой актер, кумир! Его лицо —

это мое время.

6 сентября, Минск. Приехал утром, как член жюри Всесоюзного фестиваля телевизионных художественных фильмов. Вытащил меня Валера Усков. Прекрасный, широкий город для жизни. Красивый незлобливый народ. Несколько лет назад я здесь был, на машине, у меня еще был "Запорожец". Но тогда рыли метро, города я не увидел. Центр чем-то напоминает киевский Крещатик. Современная архитектура, не такая безвкусная, как в Москве. Бедная Москва! Вечером, когда пошел пешком вдоль проспекта Ленина — по субботам и воскресеньям с него снимается движение,? — то пришел к грустной мысли, что Москва уже безнадежно потеряна. Сначала она была разрушена, а остатки размыты.

За последнее время двинулся роман. Написал три главы, три листа и остановился. Уже здесь появилась спасительная идея о жене Сумашедова — она диктор ТВ и сейчас на работе в Японии. Господи, дай еще сил.

Из последних событий, как всегда "литературных". В "Литгазете" читательская "летучка" признала мою статью "Начало всех начал" лучшим материалом номера.

3 сентября было мое интервью в "Соц. индустрии". Валя Макаров посвоевольничал, текст не показал, но сделал неплохо.

10 сентября. Как удивительно, но я постоянно делаю то, чего не должен делать. Ладно, сижу и смотрю телефильмы — это дело, готовлюсь к продолжению романа, собираю материал, слушаю разговоры. Но почему я в свое время от предисловия не отказался? Это не мой жанр, мне трудно. Все лето я читал Юры Скопа книжечки, не все мне нравится, много журналистики, слишком много нетерпимости и порой злости — откуда такая мстительность? — теперь взял книги сюда, и конечно, ничего не пишется.

Смотрю по 7–8 часов до пяти фильмов. Эмоциональная нагрузка для меня самая тяжелая. Все это — лучшее у ТВ — не всегда хорошее, но много для меня и полезного. Есть вещи, на которых я почти не могу сосредоточиться. Я недопонимаю мелкую вязь в искусстве, его крайние формы работы "под документ", "под жизнь". Игровое кино как бы смыкается с жизнью. Это опасная эстетика, дающая индивидуальный эффект, но вряд ли развивающая искусство. А впрочем, просто я люблю искусство более яркое, с "прицелом".

Я впервые в жюри. Самое трудное — это борьба с собственным конформизмом, с собственной бюрократической системой мышления, встроенной в сознание. Оценка фильма, его за и против — это не сложно, труднее будет не сдаться, не

погрешить. Очень противно, что надо мной и над всеми витают уже готовые решения, отвратительна клика ангажированных баб. Опирающаяся в своих мнениях не на собственное представление об искусстве, а на чужие интересы.

В жюри А. Дударев и С. Алексиевич. Мне оба интересны.

Каждый день бегаю на местном прекрасном стадионе. Держусь не ниже 5 км. Два дня подряд — по 16 кругов. Браво!

Как грустно, старость надвигается. Все не успел: детей, спорт, удовольствия. Сегодня утром по стадиону в одних трусах бежал парень лет 24–25, в расцвете. Красиво, широко, размашисто. Этого у меня уже не будет. И не было. А могло быть. Не успел оглянуться. Вся надежда теперь сделать, написать…?

Вчера Саша Косенков из Новосибирска (я встречался с ним на семинарах) рассказывал: в местных кругах "Временитель" расценен как антитеза "Все впереди" В. Белова. Какой бред, я об этом и не помышлял.

13 сентября. Естественно, хоть и взял с собою книги, ни строчки в предисловии к Ю. Скопу не написал. Мучаюсь этим, потому что невыполненный долг отбрасывает меня назад в моей работе.

Самое трудное не отстоять свою правоту, а жить с нею. Позавчера после долгих споров решили: главного приза не давать никому. Здесь есть правда и есть некоторая тенденция. Безусловно, нет ни одной картины-лидера. Но привычка получать по серьгам очень велика. Много народу приехало за призами, приехали поблистать в надежде на то, что что-либо обломится. Мы не дали ничего "Полутора часам в кабинете В.И. Ленина" Шатрова. Ни ему, ни Ульянову. Все устали от этой всепожирающей машины. Оба все уже получили. И оба все еще чего-то хотят.

Слухи о решении жюри уже просочились, зреет скандал. С большим, я бы сказал, напряжением я выбил приз для "Ломоносова", хотя и вижу недостатки фильма. Но это фильм о русском национальном гении, широко поддержанный народом.

Видимо, я не зря сюда поехал. Сейчас возникла идея написать главу в роман о скором отъезде — разговор с Сумашедовым. Это я все сделаю из рассказов А. Зобина — он мне очень нравится, и Наби Рахимов (ему 78 лет) нравится. В Зобине, чистом еврее, я почувствовал, как дорога ему наша страна, родина и наша русская культура.

14 сентября. Удивительное, привычное состояние: закончился фестиваль, отсидел я в президиуме при вручении призов и сразу же почувствовал свою полную ненужность. Это ТВ. За эту гигантскую, внутренне напряженную работу нас даже не

поблагодарили. О, милое русское хамство! Вчера вечером провожал В. Соколова, В. Зобина и др. Встретил О. Иванову, которая меня в жюри вербовала, потом доставала билеты и т.д. Она посмотрела на меня как на пустое место.

К 15.00 ходили с В.И. Усковым в гости к Ник. Ник. Еременко и Галине Александровне Орловой — отец и мать Ник. Еременко. Милый гостеприимный дом, умные, неактерствующие люди. Хорошо и интересно поговорили о театре. В.И., кажется, собирается ставить "Сороковой день" в Белоруссии. Что из этого получится? Завтра Москва.

1октября. Через два часа улетаю в Анапу. В связи с лермонтовскими днями будет поездка в Тамань, Тьмутаракань, изба контрабандистов. Летят Володя Мирнев и кто-то, кажется, еще. Вернемся через четыре дня. Я отказался от поездки в Ленинград. В конечном счете, зачем мне нужно еще раз вылезать? Перезимую и так, бочком, бочком.

За эти дни закончил предисловие к Ю. Скопу. Возможно, что и получилось. На будущее, если уж придется, брать надо явление крупнее.

Вчера звонил Саша Егорунин: не возьмусь ли я за статью о С.П. Залыгине. Конечно, взялся бы, но ведь я его почти не читал. А вместо него читал Юру Скопа.

За это время был на "Сороковом дне". Сиренко просто молодец, новый финал получился интересным, глубокими, главное, русским: идея греха и мучения за него — идея очень русская. Прорезалась наконец-то газетная реакция. В "Сов. культуре" на круглом столе несколько интересных и значительных слов сказала И. Мягкова. Как же это пропустила Неля Моисеенко? Но у меня ощущение: пьеса появилась не в свое время.

Валя вернулась позавчера из Кореи.

2октября. 21.00 Я уже в Тамани, в "скверном городишке". По дороге виден на той стороне пролива город Керчь. Господи, какие древние места, сколько поколений было счастливо и погибало здесь. Днем в Темрюке были у секретаря райкома. Толковый парень, знающий дело У всех на устах одно и то же: перестройка, как быть, жить, работать и стать счастливым дальше.

Вечером в гостинице говорили (Слава Шипов, Володя Мирнев) о России, о нашем писательском деле, о перестройке. Меня поселили хорошо, в люксе. Боюсь об этом сказать Мирневу, он сойдет с ума. Благо на разных этажах.

Начинаю выхаживать очередную главу. Пока есть в наличии сон в напольных часах, тетка, фотография, портрет, предательство.

3 октября. Очень полный и интересный день. Но почему память иногда стирает губкой времени эти картины? Вчера с утра ездил километров за двадцать с шофером Васей в школу N 5. Урока не получилось, школьники были на уборке помидоров. В зал собрали человек 200 учащихся 5-10 классов. Я выкладывался на полную катушку. Говорил о литературе, о том, что она "отражает". Очень интересно было посмотреть, как 7-й класс разыграл сцену из "Маскарада". Звездич и Шприх. Ребятам очень интересны длинные платья, кивера.

Их юношеское понимание светскости: княгиня помахивает лапкой. Лакей обносит всех бутылкой из-под шампанского "Салют".

Была осмотрена Тамань: музей Лермонтова, "хата контрабандистов", которая стоит не на том месте и не так. Экскурсию вел Владимир Александрович Захаров — блестящий специалист по Лермонтову. Жаль, что он уже переехал в Москву, потеряется. Видели развалины Тьмутаракани, археологические раритеты, первое на Кубани здание — церковь с колоннами, "турецкий" фонтан.

Вечером повезли на встречу с завотделами культуры. Очень интересен был Лихоносов — он мудрец, но человек лишь одной идеи. Я вспомнил его "Когда же мы встретимся" — роман моей юности.

Какой-то чернявый партработник с гладким лицом продавца обвинил меня в "очернительстве". Пришлось разворачиваться на полную катушку, сел под аплодисменты. Сколько в нас еще боязни, робости, лицемерия! Как мы еще несвободны.

Всю ночь болел живот, видимо, я чем-то отравился.

Утром по делам приемной комиссии дочитал книжечку Владимира Казарина "Как по Волге-реке". Рассказы и путевые очерки, мило, сердечно, со щемящим чувством любви к людям. Местами через самоспровоцированную благостность блестит истинный трагизм.

День начался с открытия праздника в Лермонтовском сквере возле "хаты". Думаю, напишу статью о роли культуры в маленьком городе, поэтому с жадностью ловил детали. Вчера еще пустой сквер сейчас был уставлен радиоаппаратурой. Возле памятника Лермонтову (как в Москве) стояли пюпитры оркестра, напротив — лавки для гостей.

В первом ряду сидели обкомовские и райкомовские работники, а уже за их спинами — писатели. Был сильный ветер. За оркестром, с его черными фраками и концертными платьями женщин, был натянут парус.

После небольшого концерта и выступления поэтов (играли

гимн) был круглый стол, ярмарка, а в 14.00 начался лютый КВН с участием московской телезвезды Саши Маслякова. В Москву, в Москву.

14 октября, Челябинск. Сначала о вчерашнем дне в ЦДЛ. Состоялись выборы первого секретаря. Процедура началась с партгруппы. Она продолжалась с 14 до 15, вел Карабасов, секретарь горкома, доктор наук, он мне понравился: все четко, ясно и определенно. Перед этим мне звонил Михалков, просил назвать, а потом и выкрикнуть двух человек — как он подчеркнул, любой политической ориентации, на порядочность которых можно было бы положиться, — кандидатов в счетную комиссию. Михалков намекнул, что при подсчете голосов бывало, дескать, разное. Боже мой, и это писатели! Я порекомендовал Скопа.

Кандидаты такие: в первом туре за Евтушенко — 55, за О. Михайлова и Славу Шугаева — по 15. Особо ощутим удар по Шугаеву. Сработали и моя фраза на парткоме: "Нам не нужно литературных лимитчиков", и его необеспокоенность литературой. За Михайлова были его опыт, война, а значит, кровь, работа на посту председателя ревкомиссии — он принимал в Союз всех так называемых "сорокалетних" и очень неплохо вел журнал "Литературная учеба".

Евтушенко был, как всегда, театрален. В его речи была масса приемов из американской выборной агитации. Он говорил, что будет добиваться, чтобы организовать некий пул из четырех первых секретарей. И назначил бы Ю. Черниченко, М. Шатрова, А. Приставкина и себя. Это, конечно, развязывало ему руки для поездок и прежней жизни. Он также рассчитывает, наверное, что вместе с этими кандидатами к нему придут и их голоса. Но всех это испугало: просматривается мафия, клан.

В половине первого я уже в Челябинске. В дороге написал пару абзацев. Города не видел. Чаепитие в Союзе с писателями, интервью Льву Александрову из "Челябинского рабочего", и встреча в библиотеке. Город какой-то большой, широкий, неясный. В центре запоминаются отдельные дома, а не улицы. Завтра уезжаем в Златоуст.

На встрече с писателями проводил свою обычную мысль о взаимозависимости жизни и планов, производства и культуры. Та же мысль и в моем выступлении.

На сцене любовался своими товарищами. Как все же интересны, остры и талантливы эти писатели из разных городов. Понравилась поэзия Лиды Григорьевой (Москва) и выступление, артистичное, чуть заискивающее, на публику Надежды Мирошниченко (Сыктывкар).

Вечером был в гостях, в цирковой гостинице у Ник. Ивановича Годины. Пили сухое вино. Година прочел свою новую книгу. Я опять удивился, как в этом городе, в этой неразберихе, в этой неустроенности он пишет стихи такого рода: философия и мысль. Квартиру ему, наверное, дадут очень нескоро. Это эпизод в статью.

Римму Д. почти не пустили в библиотеку в ее скромном платье с белым воротничком в полосочку: если вы так одеты, то можете пройти в пальто. А ведь она такая замечательная поэтесса.

Ах, Челябинск, Челябинск… В гостинице живу в номере с каким-то толкачом. Культура-а! Секретарь обкома по идеологии — инженер Химков.

Именно во время интервью для "Челябинского рабочего" выкристаллизовалось название: "Исполнитель".

15 октября. С утра — в Златоусте. Уже поселились в гостинице, осмотрели музей, часть города, побывали на встрече с читателями. Город лежит вокруг пруда, и его не так-то легко сразу объехать. Меня опять удивила стабильность стремления к мирному течению жизни. Хотя соборы и церкви разрушены в 1934 году, но кое-что чудом сохранилось. Сейчас остатки бережет общественность. Прошла выставка по истории города, и общественность пытается что-то спасти. Адреса указала эта выставка. В частности, отстаивают от "наездов" дом, который, возможно, дом Бланков, тех самых, ульяновских.

Интересный музей, но тесный. Мечи и сабли Амосова, каслинское литье, современный отдел. Здесь, в Златоусте, впервые появился восьмичасовой рабочий день в России. Это после 54-дневной забастовки в 1896 году. В музее 40 тысяч экспонатов в запасниках, в том числе полотна Левитана. Не кризис культуры — кризис жизни.

Завтра четыре выступления.

17 октября. Пишу уже в самолете. Рано утром — автобусом до Челябинска, где немножко погулял с Таней Набатниковой по центру. Видел памятник Пушкину Головницкого — прекрасный, романтизированный, чуть барочный, какой-то южный пра-Пушкин. Запомнился и прекрасный театр со смелыми и неожиданными вставками каслинского литья на фасаде.

С Таней пошли к ней в гости. Заспанный Володя, ее муж. Хорошо поговорили о Достоевском, о силовых центрах в его прозе.

Вчера день был очень тяжелый. Утром горком, где я все поменял и рассказывал о падении интереса к революционной тематике, об ответственности читателей и партийных работников

за этот протест. Перед этим разговаривал с библиотекаршами. Довольно скучные, отсутствующие лица девушек-библиотекарей и библиотекари-асы, это уже мой возраст. Если мы потеряем и эту категорию интеллигенции — дело швах.

Днем, в перерыве, вместе с зав. отделом культуры горисполкома Виктором Алексеевичем Беловым смотрели выставку "Фотография на память". Ее снял местный уроженец Владимир Александрович Минаев, кинооператор. Снял бесплатно, за отпуск. А "историческую" часть подготовил преподаватель музыки, краевед Владимир Иванович Трусов. Выставка о гибели города, о том, как разрушаются народные ценности. Можно только представить силу гнева местных хозяйственников.

Не забыть бы Белова, его подвижничество. В "Челябинском рабочем" сегодня большое интервью со мной. Есть ошибки, но в целом довольно точно.

31 октября, суббота. Второй день я в Репино, под Ленинградом, а еще раньше на неделю сюда приехала Валя. Как всегда, в Москве мне некогда, хотя никаких особенно дел и нет и оглянешься — одна суета. Правда, за это время написал огромную, в 28 страниц, статью. Я давно собирался сделать это для "Правды", обещал, но вместо 7-10 страниц для партийного органа получилось больше печатного листа. Отдам в "Лит. Россию". Бегал свою обычную норму и купался в заливе. Купание заняло не больше 20–30 секунд, но удовольствие огромное. На кромочке, на прибое уже лежит снег.

После обеда приезжал Сакуров, с ним какой-то парнишка, Леша. Валя брала у него интервью. Очень интересные мысли Сакурова о неоправданной гордыне кино, и очень хорошо говорит об экранизациях — о том вреде, который кино наносит литературе.

Вчера я видел его фильм "Скорбное бесчувствие" (говорят, это медицинский термин). Целый ряд поразительных метафор. Мне было интересно.

С грустью я выслушал один из рассказов Сакурова о Бакланове. В последний момент Бакланов снял свою фамилию с "Разжалованного", оставив Сакурова один на один со студией. Аргументация: "Я не могу рисковать, когда, возможно, мне дадут Госпремию".

Много сил отнимает внутреннее рецензирование, на которое живу. Роман почти позабыт.

2 ноября, понедельник. Сегодня на ТВ передавали доклад М. Горбачева на совместном заседании, посвященном 20-летию Октября. По тексту чувствуется борьба в Политбюро,

формулировки о Сталине двойственные. Осталась непримиримость к Троцкому, но по-другому высвечены Рудзутак и Бухарин. Много М. Горбачев говорил о перестройке и ее врагах.

Смотрю много фильмов — каждый день. По утрам бегаю и купаюсь в море.

3 ноября. Я, как аквалангист, с каждым годом спускаюсь все ниже и ниже, все глубже в глубь истории. Кстати, в обозримой истории я больше доверяю интуиции, внутренним, как кольца на деревьях, следам, нежели документам. А потом приходится свою фантазию подтягивать к этим документам.

Вчера был в Ленинграде. Разговаривал с Р.В. Николаевым, председателем Радиотелекомитета, о перестройке, о времени. Два концентрических круга, летящих в разные стороны. Сжимание наступило в центре. Я отпустил на все 5–6 лет, Николаев — на год. Но думали кажется, о разном.

Много говорили о Ленинграде. У меня появилась мысль написать статью о гибели Ленинграда. Бремя этого города под силу лишь всей стране, а не одной России.

11 ноября, среда. Сижу в гостинице "Одесса". Восьмого вечером внезапно получил известие: в Одессе премьера "Сорокового дня". Вылетел из Москвы сегодня в 11.30 утра.

Поразила сама Одесса. Я-то думал, что помню ее по своему пребыванию в 1955 году. Я жил тогда в гостинице "Лондон" на Приморском бульваре. Снимали "Аттестат зрелости" с Василием Лановым в главной роли, и я был занят, как тогда говорили, в "окружении" — ближайший фон главного героя: "наперсники", друзья, свита.

Оказывается, — вкусы и направление были другими — я не обратил внимания, какой дивной красоты был город. Город бывших богатых людей. Мы немножко с Владимиром Владимировичем Шумаковым походили по городу: Европа — все это похоже на Варшаву, Мадрид, Петербург.

Спектакль на меня произвел странное впечатление. С одной стороны, довольно большие потери вкуса и текста, с другой — завораживающая тишина и внимание зрительного зала. Спектакль разыгран как немножко крикливая сцена в одесской квартире, с аффектацией и заламыванием рук. Очень выразительным получился Зусман. Есть с кого писать картинки. Много нового в решении музыкой: Рахманинов с колоколами и "Солдатушки бравы ребятушки" в конце первого акта.

Завтра утром иду в литературный музей.

Вчера звонил В.И.: надо срочно делать роман, который я обещал журналу. А я все отлыниваю. Еще раз о пьесе: перед праздником звонил, после одного из спектаклей, Л. Марягин.

Смысл его высказываний в том, что он знает меня по "Имитатору" — "роману собственной художественной, не как у всех, аргументации", а вот в "Сороковом дне" — я обычный, как очень и очень многие. Все больше и больше я начинаю думать — не прав ли Леня? В этой пьесе, хотя я ее по-прежнему люблю, я не вышел к себе. Выйти к себе — наверное, это главное в искусстве.

12 ноября. Очень рано проснулся. Под окнами громыхает трамвай. Утром похожу по городу, музей литературы, может быть, еще какой-нибудь, в 15 часов в театр, обедаю с директором и главрежем — и в Москву.

Обедали в "Красной", меня поразило, что, войдя в гостиничный ресторан, я узнал и зал, и хоры, и расположение столиков. Сколько же лет прошло, а море и небо все те же! (В море в этом году было два выброса фекалий, рыба уничтожается, да и с небом над Одессой не все в порядке.)

15 ноября. Событий два: сместили несколько дней назад Б.Н. Ельцина со всех его постов. В среде интеллигенции это вызвало известное неудовольствие. Ездил выступать в Черноголовку вместе с Баклановым, Шатровым — половина записок об Ельцине. Почему не опубликована его речь? Человек он невиданного мужества. С его уходом, с самим фактом его ухода могут заглохнуть все наши надежды.

Вечером видел "Туманные звезды Большой Медведицы" Висконти. Этот фильм меня утвердил: надо работать резче.

5 декабря. Белоруссия. Дом творчества "Ислеч". Как всегда, в конце года С.П. Залыгин решил проводить Совет по прозе. На сей раз это семинар литераторов, членов СП или тех, кто на пороге вступления в Союз — следующий эшелон. Но С.П. внезапно уехал в Америку вместе с Горбачевым и семинар, всю подготовительную работу оставил на меня.

Компания обычная: В. Крупин, Г. Семенов, Д.А. Гусаров, И. Евсеенко. Из людей для меня новых — Иван Чагринов.

В общении с этими людьми я всегда теряюсь, мне скучно, не хочется выпивать. Определенные трудности и в том, что СП поручил мне все в то время, когда в совете два секретаря: В. Крупин (СССР) и Д. Гусаров (РСФСР) и присутствует третий — Чагринов (Белоруссия).

Приехали утром. После обеда я совершил полуторакилометровую прогулку. Места благословенные: прелестная чистенькая речушка, петляющая по пойме; с обеих сторон по берегам сосновые леса, и тишь — несусветная. Дом творчества тоже роскошный, удобный, современный, комфортабельный. Живу в 2-комнатном на два этажа номере, на втором этаже роскошный кабинет. Блаженствую…?

Долго не вел дневник и из последних событий должен отметить два. Во-первых, увидел четырехчасовой вариант "Людвига" Висконти. Припоминая прежний, 2,5-часовой вариант, скажу: как уродуются сочинения при волевом сокращении! Насколько полный вариант яснее, отчетливее и осмысленнее сокращенного, коммерческого. Сколько здесь о судьбе таланта (судьбе артиста), сколько о сдержанном сердце!

Второе. Медленно, но неуклонно я строю свой новый роман. Все время отнимают дела вроде этого семинара, но, может быть, в этом отделении от непосредственной работы она лучше продвигается. Вчера практически дописал одну главу. Но что первоначально предполагалось сделать на 3–5 страничках, выросло в лист. В срок я не укладываюсь. Сегодня еще не работал, сижу над рукописями семинаристов.

6 декабря. Завтра открываем семинар. Надо подумать над вступительной речью, все чаще и чаще я не доверяю экспромту, как раньше. И надо сказать, не пристраиваясь ни к кому. Главный тезис: литература — последний бастион интеллектуализма. Именно в силу того, что это не массовое, а индивидуальное искусство.

Мне трудно прожить в литературе, не общаясь, как я хотел, или общаясь реже со своими коллегами. Начинаю к ним немножко привыкать. Особенно меня радует — я его по-своему люблю — Володя Крупин. Поражаюсь его взгляду на явление как бы со стороны, той мудрости, которой отмечен еще С.П. Залыгин. Например, он сказал о семинаристах: "Все они пишут довольно стандартно, ангажированно под местную сегодняшнюю традицию, поэтому должны очень нравиться нашему правительству". В "Ислоче" мне нравится. Сегодня утром, еще по темноте, бегал и купался. Пока не заболел.

8 декабря. Вчера выпал снег, на холодную землю — значит, не тает, и сегодня все белое, нарядное. Прочел уже несколько работ Кутузова, Бушкова, Дегтева. Оценивать очень трудно, во мне нет жестокости судьи, везде я пытаюсь найти хорошее, и тем не менее пока все прочитанное в ровных законопослушных рамках, ни одной попытки взорвать структуру, поставить слова поплотнее.

Утром ходил в Раков с Картушиным. У нас много общего в понимании литзадач, мира, писательского собщества.

Я помню его еще по приемной комиссии Союза писателей, он проходил через нее быстро, как бесспорный профессионал. Бедно, по рассказам, почти нище живет. Дай Бог ему удачи.

19 декабря. Пишу с огромным перерывом в Болшево. В Москву вернулся 16-го, прямо к приемной комиссии.

Доволен ли я поездкой? Впервые у меня, пожалуй, возникла идея смены поколений. В этом смысле на семинаре я старался быть честным. Заинтересовали меня и лица вокруг. Запомнились Олег Кораблев, Николай Курочкин, Рая Мустонен, Андрей Малышев и уже совсем мои Вячеслав Дегтев (редкая, изобретательная сила письма, но мало общего образования) и Татьяна Горбовская с ее романом "Расстаемся живыми" и повестью. Как это сильно, как близко мне по психологизму!

Расстроили интриги ленинградских экстремистов: прислали почти уровень литобъединений. Один, Геннадий, уехал домой сразу после обсуждения; другой, Николай, попал в сумасшедшим дом. Взволновала меня и рознь между семинаристами, антисемитские выступления. С этим что-то происходит тревожное; слова вызывают действия, действия множат рознь.

По ТВ прошел вечер Рязанова; выступавшие — одни евреи, ну зачем же так; хотя люди все это вполне приличные.

"Литературная Россия" требует новых поправок к моей статье "Власть культуры" — буду забирать. Последняя новость: отдал на машинку предисловие к Юре — "Апология Скопу".

Впереди самое серьезное: роман пока стоит, в нем многое неясно. Но за время моего отсутствия Сережа перепечатал очередную главу, в ней оказалось 20 страниц (мелко, полно, как печатаю я сам). Это значит семь листов уже есть, жить можно. Теперь надо договориться с Викторией Исааковной.

26 декабря, воскресенье. Вечером был на концерте "Виртуозы Москвы". Дирижировал Владимир Спиваков. Я сидел на "неудобице", ничего не видел, зато слышал. Играли Моцарта. Меня потрясло, что почти алгебра звуков, которой начинается концерт для фортепиано с оркестром ля мажор, еще много столетий будет властвовать над людьми. Думал о Колонном зале; кого он только не видел! Вспомнил похороны Сталина, оркестр на сцене, гроб, пухлые руки Сталина. Они и запомнились. Дочитал Яхонтова. Завтра буду писать рецензию.

31 декабря, четверг. Половина одиннадцатого вечера. Последняя запись этого года. Снова в Болшево, как и два года назад. Тогда мы брали коттедж, и в гостях у нас были Яша и Коля со своими Галями. Веселились напропалую, но вскоре Коля и Галя развелись.

Дочитал рассказы С. Залыгина в 12-м "Новом мире". Сухая, залыгинская, манера, но на этот раз в рассказах много иррационального, холодно-мистического. Много и современной желчи. Это какой-то новый виток у С.П.

Вчера я отчитывался на Секретариате. Отчитался хорошо. Пошучивал с Михалковым и Бондаревым. В глазах у Поволяева,

Попцова — этой молодой предприимчивой своры — ревнивый блеск: кто-то предлагает иной уровень общения.

Каким же будет этот новый год? Много ли их впереди, веселых праздников? Вечером был Марягин, рассказывал о Горбачеве. С его слов, а он, в свою очередь передавал со слов отца, дружившего с Горбачевым — сын еврея-лекаря Сафронов, — это "топор в руках… Симонова". Не забыть использовать слова некоего секретаря райкома: "Разбегайтесь, ребята, я чувствую, меня скоро посадят".

1988

1 ***января, пятница, Болшево.*** Перешагнул. Постарели на один год. Утром погода чудесная, солнце, ветра нет, мороз градусов восемнадцать. Год тысячелетия Крещения Руси. Все, что происходит сейчас на этой земле, — итог христианской цивилизации. Но разве мало в нас языческого? Живет все это. На мгновенье, на дороге между соснами, я почувствовал себя эдаким лесовиком в холстяных портах. Стареет человек, но душа-то остается молодой.

Может быть, мы так много думаем и размышляем об истории страны, об истории времени, потому что в ней хотим найти ответы на причины собственных неудач?

На праздничном ужине сидел напротив М. Перельмана, мужа Инны Макаровой, я знаю его уже лет десять. И весь вечер проговорили; публика, как и всегда, резвилась по своим законам — эдакий кинематограф всеобщей любви. Мы-то знаем, что это за любовь.

Миша, оказывается, в 51–53 годах консультировал — был главным хирургом Рыбинска — больницу лагеря в Переборах. В это же самое время отец сидел здесь в лагерях. Я сразу вспомнил путешествие два года назад на пароходе, пристань Переборы — отец уж умер. Все это ворожит в мой роман.

Из медицинских известий два удивительны. Реабилитирован Плетнев — знаменитый терапевт, лечащий врач Горького. Вот тебе и враги, уморившие классика литературы! Также Миша рассказал, как Бехтерев из Ленинграда приезжал в Москву консультировать Сталина. Это был единственный психиатр, который осматривал вождя. Надо еще, рассказывал Перельман, представить характер Бехтерева: в медицине для него существовал только больной, а не привходящие обстоятельства. Бехтерев поставил и зафиксировал диагноз: "угнетенное состояние, мания преследования и маниакально-депрессивный психоз" (приблизительно, по восприятию, не дословно). В тот же день Бехтерев уехал в Ленинград; на следующий день скончался. Вот это работа! А может быть, апокриф "героя"? Сейчас полагалось бы нацарапать роман.

Записал ли я, что Витя Симакин получил Госпремию РСФСР за "Вассу Железнову"? Очень за него рад.

11 января. "Достигли, наконец, и мы ворот Мадрида". Пишу в гостинице в Кабуле. Когда я год назад начинал роман, мне казалось, что обязательно должна быть глава из Афганистана. Сейчас все определеннее: мой режиссер в поисках темы отвергает

этот сюжет.

Впечатлений пока никаких нет, кроме потрясающих рассказов Веры Борисовны Феоновой и Захара Львовича Дичарова. В частности, не забыть бы мне его устного рассказа, как он начал сохранять стихи в одиночке: на папиросных бумажках, закладывая их в сухари, может быть, отца заставить писать стихи, как спасение от одиночества? О чем не забыть: в 78-м через каждые две минуты садился самолет. Как брали Амина.

Сейчас в Кабуле комендантский час с 18 часов! Раньше был в 21–22. Гостиница в центре города, напротив президентского дворца. Ночью вдруг раздается тяжелый грохот: танки и БТРы. Поразил сам аэропорт: огромная долина в горах. Самолет стоял на полосе, как чужой гость. Все время в воздухе вертолеты. Говорят, они летают парами: если через десять-пятнадцать минут не приходит второй — жди несчастья. Много разнообразной техники, бочек. На выезде с аэродрома трое ворот, возле каждых — солдат. Вечером Дичаров, перед сном, не говорит — он снимает челюсти: ему выбили во время допросов зубы.

Как, наверное, хорошо было приезжать в эту страну раньше.

12 января, вторник. Весь день хлебали раздолбайство военных властей. Милый полковник из ЦДСА с отчеством Карпович, естественно, телекс в Кабул не дал. То, что нас с Дичаровым не встретили, это оказалось неслучайным. Сегодня утром Вера Борисовна созванивалась с полковником Кучерей (и вчера тоже), и он ничего не сделал. Советник Наджиба Виктор Петрович Поляничко утром пообещал В.Б. "сидите и ждите", что Дичарова заберут в госпиталь (он хотел писать повесть о врачах), но обещание не выполнил. Что это — развал в войсках или полный неавторитет главного советника?

Утром ездил в писательский Союз и познакомился с Абдуллой Нейби — милый и интересный парень, зам. первого секретаря Пондишери. На встрече присутствовал Михаил Алексеевич Коноровский. Очень внимательный, умный человек и специалист-

дипломат. Мы уже забыли, что это тоже профессия. М.А. очень точно ориентировал Абдуллу на подготовку бумаг к симпозиуму афро-азиатских стран.

Оба афганца говорили о перестройке партии в условиях отхода советских войск. Первого мая начнется вывод. Партия полна решимости с оружием в руках отстаивать свое дело. Все клянут ситуацию, которая сложилась с нашей поддержкой Бабрака Кармаля. В открытую говорят, что из 50 млн долларов советской помощи половина ушла в Пакистан, а часть другой половины осела в руках партийных чиновников. Пондишери —

бывший министр первого правительства. Его мысль о забытии классовой сути кажется правильной, но я уже привык, что жизнь сложнее. Жутко матерят всех советских советников. Если советчики останутся после вывода войск — их всех, местных функционеров, вырежут.

Под вечер ездили под Кабул в курортное местечко, на озеро. Прогулочка. На стенах домов щели от пуль. Совсем рядом запорошенные белым снегом горы — там уже душманы. Рассказывают, как душманы продают оружие властям. Все продают оружие друг другу. Власть анонимности. Практически Кабул осажден. Из машины нам не разрешают выходить. Таким же полуарестантом я был в Китае и во Вьетнаме в 1968-м. Все очень похоже. Смертоносные особенности режимов?

13 января, среда. Только что приехал от Ады (Викторовны) и Михаила (Борисовича) Лещинских. Это старые друзья, я хорошо знал их по Радио. У них ужинали: что-то вроде встречи старого Нового года. Приехал Виктор Петрович Поляничко, еще утром я познакомился с Лидией Яковлевной, его женой: мы с Верой Борисовной возили ей письма. Виктор Петрович здесь самый главный, он представляет ЦК КПСС. Должен сказать, что генерал-губернатор мог бы жить и получше: двухкомнатная квартира не в центре. Небольшой поселочек. Шлагбаум, но рядом стоит танк. Л.Я. очень похожа на Таню Скворцову — такое же милое доброе лицо, любовь к детям и внукам, стать. Кормила нас пшенной с пережаренным луком кашей, налила и по рюмочке виски. Рассказывала об афганских мальчишках, которые дают нашим раненым наркотики. Первые два раза — бесплатно. Сажают на иглу. Деньги. Говорили о Ельцине.

Вечером у Петровых я снова встретил ее. Когда приехал В.П., много говорили о Ленине. Он рассказал о том, что партия входит в правительство с декретом о передаче и выкупе зданий и предприятий партии.

Из всех разговоров (утром с Азефом) становится ясно, что Афганистан, когда мы уйдем, уже прежним не будет. Сколько все это будет стоить человеческих жизней!

У Лещинского показывали пленку с хроникой нашей высадки и душманской деятельности. Война не в кино — вещь страшная. "Взрослые" много говорят о героизме "мальчишек". Это и хороший тон, и сопричастность той серьезной и невыносимой для взрослых жизни.

Л.Я. рассказала о "каскадерах". Это наши ребята, которые живут на вершинах, среди заминированных полей. Для них проблема погибнуть — проблема воды. Со своих заминированных высот они должны спускаться к родникам. На одной из таких

горных застав вниз с солдатами бегает собака, а на другой — осел, на котором в канистрах возят воду, животные отлично знают: когда начинают свистеть пули, надо затаиться и лечь на землю. Очень хитрые. Тем не менее трагизм жизни здесь вряд ли можно свести к какой-либо словесной фигуре. Просто это отвлекает от общего ужаса. Рассказали о парне, "каскадере", который по первому снежку пошел за водой и подорвался на мине. К счастью, он оказался только ранен. Глядя на попытки своих друзей вытащить его с минного поля, он закричал: "Ни с места, я выберусь сам!" Героизм или героизированный стиль поведения?

Вот момент, когда надо воскликнуть о tempora, o mores!

Вопрос для советского человека в Афганистане — это вопрос о справедливости этой войны. Раненый: за что? Живой: зачем? В месяц гибнут приблизительно 40–50 человек. А если бы мы не вошли в Афганистан? Надо ли считать чужие потери? Дети ли мы человечества?

Если я буду писать материал, то напишу его в форме главы из романа. Роман не пишется, но я все время о нем думаю.

14 января, четверг. Сразу записываю разговор с Абдуллой, замом Пондишери. Он говорит о том, что за последние два года в афганской литературе угас традиционный интерес к стихотворениям и рассказу. И тут же он начал фантазировать о семинаре современного романа. Мечтает сопоставить "Тихий Дон" и "Сто лет одиночества".

Днем до обеда ездили смотреть дворец Бабура. Это мне напомнило Генералиду под Кордовой. Как, наверное, ни один памятник в мире, он теперь обсажен жилыми районами. Над дворцовым садом гнездится, возносясь все выше и выше, саманный самострой и так же, уступами, террасами, спускается к реке.

В сад Бабура, говорят, можно было раньше съездить всегда, но теперь уже не пробиться. На крыше павильона, фланкирующего ворота, лежат мешки с землей. Два-три года назад здесь еще была свободная территория. Ощущение некоторого, как раньше во Вьетнаме, стыда: в воюющей стране занимаюсь изысканными культурологическими сопоставлениями. Когда стыдно и со вкусом обедаю, воспоминаю всеобщую нищету.

Я все чаще и чаще думаю об этом "грязном" азиатском противнике. Я насчитал 16 колонн у входа во дворец. Девять на языке дари уже означает "множество". Правда, у шаха Аббаса был дворец с двадцатью колоннами, но дворец стоял на острове, и там было еще 20 строений, большой парк, террасы, вид на Кабул.

На обратном пути издалека видели другой дворец. Здесь

сейчас помещается штаб 40-й армии — ассоциация с таким же многоэтажным зданием — штабом Квантунской армии. И еще один поблизости — дворец Афганской армии. Кстати, в первом при всех режимах был штаб военного корпуса. А что касается ассоциаций, они смутно диктуются целями. У себя спрашиваю: имперские завоеватели или поиск геополитического порядка?

Лавки, люди на корточках — это все мусульманский мир.

Сейчас в Афганистане комиссия, члены которой пытаются отобрать двух афганцев-ребят для космоса. Оказывается, это сделать очень трудно: плохое здоровье — недостаточное питание, много туберкулеза. Жизнь на свежем воздухе.

На карте все ближе Герат, Исфагань, Темран. Но хотят ли во всем мире, чтобы было так, как в Иране?

Вечером долго говорили с Пондишери и гуляли с Верой Борисовной.

Около 17 часов позвонил Лещинский — моя поездка в Герат отменяется: нелетная погода. Напрасно музыка играла.

Нужно обязательно узнать биографию Пондишери. Во дворце Бабура я разорвал на ленточки носовой платок и привязал на ветку самой старой чинары (дупло ее заложено кирпичами) — задумал желание когда-нибудь вернуться сюда обычным туристом, без сопровождающих пошляться на базаре и съездить, купив билет на автобус, в Герат. О, люди будущего!

Весь вечер ходили вокруг гостиницы и разговаривали с Верой Борисовной. Она практически знает всех. По мере того как я буду вспоминать, начну записывать ее рассказы. Ее отношения с Лонком. Бабрак Лонка не любил (в свое время Амин заставил того написать статью против Бабрака), и поэтому все время Лонк старался уезжать в провинцию. У самой Веры Борисовны здесь служил сын — Олег. Как мать она все время проговаривалась о его прошлом. Постепенно я узнал, как она с ним здесь впервые увиделась: по приказу гл. военного советника парня отпустили из части на три дня для встречи с матерью: его переодели, кто-то из делегации дал костюм, рубашку, белые трусы. Тогда-то он и узнал "дядю Лонка". У Лонка четыре сына. Обычно, когда он уезжал из своей южной, очень опасной зоны, он, чтобы не было никаких разговоров, всегда оставлял сына. И вот Олег сидит в казарме, пьет чай. "Михайлов, на выход!" Идет дядя Лонк, он-то знал, что надо молодому солдату: блок "Marlboro", четыре пары шерстяных носков: время к осени.

Рассказ Веры Борисовны, как Олега вызывали в Кабул: "Лейтенант, ты как со мной приехал, так же и уезжай" Потом ситуация изменилась, сын Лонка в Москве. И он очень переживал, что Олег в Афганистане, встретил Веру с облегчением. Интервью

с Пандишери: 650 членов Союза. Кроме того, Ассоциация молодых писателей, в нее входят писатели до 25 лет. В Союз — с 25 лет. Я так и сказал: глупость. 150 человек военных, в газетах и учебных заведениях.

Прозаиков не больше 10 человек. Он не очень понимает значение художественного уровня. При всем уважении к П. Союз не смог отобрать и одного стихотворения для перевода.

В Ревсовете часто люди стоят по разные стороны баррикад.

15 января, пятница. Утром был доктор Дежвит. Запишу интервью с ним в особую тетрадь. После двенадцати с Лещинским поехали по городу и заехали в штаб 40-й. Приехал в тот момент, когда Г.В.С., Захаров А.И. и Громов Б.В. - нач., уезжали на газиках в Гордез. У меня была секунда, чтобы не пропустить свой шанс. Улетел в новом костюме без блокнота, зубной щетки, теплых носков в Гордез.

16-го доехали почти до Хоста, который только что освободили. Вернулись. Баня. Разговоры с Захаровым.

17января, воскресенье. Утро в Гордезе. Госпиталь. Парень, которого при мне ранило. В два часа улетел вертолетом в Кабул. Вечер у Лещинских. Два его фильма.

18января, понедельник. Прилетел Саша Проханов. Я обратил внимание — он поправился. У него все закрутилось быстро. Он сбагрил на меня выступление на симпозиуме, ради которого он летел. Я взялся — это о роли писателя, я об этом много думаю. С ним прилетела группа западных корреспондентов, направляются в Хост по приглашению МИДа. Инициативу проявили военные — товар лицом. Здесь, кажется, тоже вовсю бушуют полководческие амбиции. Вечером приехал к Лещинскому и Аде и ночевал у них. Встал в 2 часа ночи.

19января, вторник. В 3.30 улетели в Хост, вел записи в тетради. Несколько раз обстреливали. Когда отстали от группы и возвращались на газике в Хост, ощущение было неприятное. Нет револьвера — нет возможности распоряжаться своей судьбой. В тот же вечер улетели. Аэродром обстреливали. Перед посадкой мы с Лещинским и с его ребятами: Сашей, Олегом (ТАСС) и Борей (оператор) — хорошо врезали за гостиницей, на травке.

20января, среда. В Кабуле. Передал записи, сделал зарядку.

21января, четверг. В четверг пришла телеграмма для Сафронова. Это Поляничко. Сафронов должен представлять Союз обществ на похоронах Гафур-хана. Здесь уже В. Б. и я подключились на все спирали, как всегда, проявил решительность Поляничко, и я улетел в Джелалабад с группой. Впервые надел парашют. К счастью, пользоваться им не пришлось. Видел ли я город? Провинциальный комитет, где генералы в зеленом и

Виктор Петрович строили стратегию на следующий день. Те же — переводчик Сережа, охранник в легкой курточке, без лишнего движения, с автоматом за спиной, приказы, под которыми не всегда есть подпись.

Тут же повезли ужинать во дворец короля. Я видел только роскошную приемную и кусочек подсвеченного сада. Везде охрана. дворец реставрируют (медленно). Орнаментальная живопись по стене, пронзенная, как в Средней Азии, фрагментами мозаики из зеркал. За приоткрытыми дверями белые скатерти и вазы с апельсинами — ужинают индийцы и др. гости. Поскольку нам накрыли чуть ли не на лестнице, в боковой проходной комнате — складные стулья, стол, и на него положили по лавашу, — Миша сказал: мы отсюда уходим! Мы, конечно, друзья-товарищи, но не лакеи, которым по-свойски накрывают на кухне.

Ужинали в гостинице — в одной комнате по 12 человек, без воды и тепла — остатками…?

22 января, пятница. Похороны Гафур-хана. Подняли в 4 часа. С похоронным кортежем доехал до Джелалабада. Считается, что было 200 тысяч человек. Лицо Вали-хана, ему 83 года. Несколько раз толпа нас чуть не смяла. Виктор Петрович Поляничко в толпе, в охранении. Похоронили во дворе его усадьбы. Индия, Пакистан, Афганистан — на одной политической трибуне. Такого еще не было.

Вернулись военным самолетом. Мне очень нравится Лещинский с его замоскворецким кодексом чести. "Прощай, шпана замоскворецкая!"

23 января, суббота. Весь день в отеле шел симпозиум "Писатели и национальное примирение". Я выступал в конце первой половины. Кажется, успешно. Это довольно традиционные для меня мысли. Боже мой, мне уже 52, а я все еще пробиваюсь к правде. Мне интересно наблюдать за собой, как какому-нибудь энтомологу — за тараканом. А в принципе, в стране льется кровь, а мы, как ни в чем не бывало, думаем о романах.

После речи меня поздравляли. Я, правда, и сам знаю всему цену. На меня произвела впечатление еще и речь афганского писателя Акрама Усмана. Я ее даже записал в блокнот. Тут же послал ему записку. Позже Поляничко сказал мне, что тот — родственник короля, чуть ли не племянник. Его речь была о восстановлении гуманитарных ценностей.

Вечером в гостинице был Виктор Петрович с женой и охраной. Ужинали в номере Сафронова. Поляничко и Сафронов оба ростовчане. Мальчонка-охранник два часа стоял в коридоре у открытой двери, качаясь от усталости. Зовут Сережа, он из-под Тулы. Виктор Петрович — тип интересный, он искренно болеет за

дело, но не хватает интеллектуального окружения. Сафронов, как и привык, все видел в прелестном официозно-розовом свете. Отец Поляничко когда-то работал в одной бригаде с Сафроновым на Россельмаше. Поляничко что-то от Сафронова ждал, какого-то интеллектуального обоснования. Но этот старый везун ничего сказать не мог. Он лепетал что-то о миссии мира, борьбе. В.П. выражал недоумение, что в борьбе за мир не находит народ сплочение. Вот если бы война с агрессором. В том-то и дело — народ сплачивается идеей защиты от конкретной угрозы. Рассуждая о Гафур-хане, мысль о политических династиях на Востоке, Ганди. Вот только на этом полумонархическом, полусоциалистическом что-то и получится. Но ведь социализм изобретен для того, чтобы люди жили лучше.

И все же как-то удивляет решимость Поляничко распоряжаться чужими людьми и чужими судьбами, его решимость к перестановкам.

Здесь, в Кабуле, мне достали номер "ЛГ", новогодний. Вклею по традиции. Это мне кажется интересным — реплика Анат. Бочарова на большом круглом столе.

"Начну с того, что этот литературный год начался чуть раньше, чем календарный, — может быть, с публикации "Нового назначения" Бека в осенних номерах "Знамени" за 1986 год. И определяет картину года непривычное для нас сплетение четырех литературных слоев. Первый из них составляют произведения двадцатых годов — "Повесть непогашенной луны" Пильняка, "Собачье сердце" Булгакова, "Котлован" Платонова. Далее идут "Новое назначение" Бека и другие произведения шестидесятых годов, созданные, если можно так выразиться, на волне XX съезда. Затем, в третьем слое, мы видим вещи, которые из глубины застойного периода долго не могли пробиться к читателю. Я имею в виду повесть Приставкина "Ночевала тучка золотая", "Пушкинский дом" Битова, "Любавиных" Шукшина и опять-таки многое другое. И, наконец, книги, которые пришли к нам естественным путем, без мучительной паузы между написанием и напечатанием. Такие, как "Зубр" Гранина, "Временитель" Есина, "В тумане" Быкова. Так что атмосфера действительно создалась очень своеобразная, и у нас появилась возможность нового взгляда не только на современную прозу, но и на литературу всего XX века".

25 января, понедельник. День отъезда, пишу в холле, постепенно за этими выпивонами и "мероприятиями" превращаюсь в функционера. Во всей этой поездке не хватило содержательности, самоуглубления, работы с авторучкой. Все время была жадность до рассказов, жадность до общения. Несмотря на весь мой рационализм, это приятно.

Вчерашний день — переходящие одно в другое мероприятие. Утром чай у посла Павла Петровича. Смесь обычного обломовского и современной информированности. Радость от любого крошечного интеллектуального открытия. У него роскошная прическа. Всю беседу я думал о том, как конструируется это сооружение. О, муки мужчины, который, как привычная с детства женщина, все время думает, что прическа может разрушиться. Потом я узнал, что ежедневно этим занимается одна из парикмахерш. Разная оценка в восприятии ситуации у меня и у Сафронова. Когда я гляжу на него, я думаю, какой недостойной выглядит суетливая старость. Как бы не стать таким. А ведь все очень близко. Мне кажется, что делает он это, чтобы кем-то остаться даже и в глазах семьи — дочери, жены. Не женитесь на молодых, писатели! Престарелые писатели говорят о разнице в возрасте между собой и женой, как о томах полного собрания сочинений. Но дело не в этом, я думаю о крови своих соотечественников.

Сегодня утром Вера Борисовна рассказала: "Вчера на дороге Герат — Хост бойцам идущего маршем афганского батальона сказали, что впереди засели душманы. Те открыли огонь. Но впереди были советские бойцы. Наши умеют и наступать, и обороняться. Есть убитые, и есть раненые".

С чая у посла — сразу на пресс-конференцию в Союз журналистов. Сидели молодые ребята, девушки. Это уже новое поколение журналистов. Что у них в душах?

Какие разрушения более заметные — на земле или в душах, которые могут обернуться многолетними развалинами?

На пресс-конференции я говорил свои обычные тезисы: литература и жизнь, стиль, литература как феномен духа — вопрос у меня был простенький: "литература и перестройка". Стыдоба.

И вот встреча с Наджибуллой.

Наджиба я вижу уже второй раз. Первый раз — на похоронах Гафур-хана и второй раз — на беседе в здании ЦК. Долгая двухчасовая беседа. Пометки остались у меня в блокноте. На столе лежали новые карандаши и стояли блюдечки с миндалем и почти прозрачным изюмом. Все говорят о бедности, всем веришь, никто не виноват, но где же истина? У Наджибуллы розовый рот и белые зубы молодого животного. Медленная повадка человека, хрустя, идущего к своей цели. Проповеднический тон муллы. Кстати, много говорил о религии.

Через час-два — в Москву. Господи, прости меня!

3 февраля, среда. Неделя в Москве пролетела, как чаще всего здесь, — безрезультатно. Принципиальным для себя считаю два

момента: решение не писать срочно Афганистан, хотя его и начал, и, наоборот, довольно быстрое движение следующей главы в романе. Чуть выкристаллизовывается и идея — тема греха и недуга в творчестве как искушение.

В понедельник встречал на аэродроме Л.Я. Поляничко. С нею прилетела Ада Петрова. Обрадовался им, как родным. Позвал сегодня в театр на свою пьесу.

Накануне был в филиале Малого на премьере пьесы Юджина О'Нила "Долгий день уводит в ночь". Играет Вилькина, но спектакль не получился. Театр пошел по пути ближней конъюнктуры: пьеса о распаде семьи. Мать — наркоманка, сын — алкоголик, отец — скряга. Смотреть скучно, все из знакомого, психологизм бесчеловечный, фрейдистсткий, хорошо отработанный в литературе. Перевод тоже очень средний — Виталия Вульфа. Сережа Яшин, который ставил пьесу, не смог создать "огненной атмосферы". Как быстро, оказывается, стареет искусство. В 1959 году, по словам Виталия Яковлевича Вульфа, пьесу собиралась играть великая М.И. Бабанова. Может быть, тогда все бы получилось?

1 марта, вторник. Копенгаген. Вот это да! Вряд ли неделю назад я предполагал, что окажусь здесь, и по совершенно невероятному поводу. Внезапный звонок: свободен, занят? Я и не предполагал, что есть случаи, когда оформление за границу проходит так стремительно. Это первый раз в моей жизни, когда в семь часов вечера я получил паспорт с визой, а в девять утра уже улетел. Я оказался казначеем чего-то вроде группы, поэтому так легко могу написать списочек: Г. Я. Бакланов, М. Шатров, Я. Засурский, О. Попцов, Ф. Искандер, В. Дудинцев с женою, критики Галя Белая и Наташа Иванова.

Я ведь знаю, что именно сейчас надо записывать и записывать, но и мои последние дни перед этим отъездом тоже требуют нескольких строк. Первое мое появление в качестве ведущего в передаче "Добрый вечер, Москва" состоялось 5 февраля, и за месяц уже было три передачи. Меня они увлекают, говорят, получается. Но это отлынивание от главного — от романа либо попытка найти для себя общественно значимое дело? Тщеславие и хвастовство. Морду эксплуатирую.

Накануне отлета провел как председатель С.П. Залыгина в СП РСФСР Совет по прозе. Обсуждали книгу Лихоносова "Ненаписанные воспоминания. Мой маленький Париж". При всех выдающихся произведениях последней поры эта книга выделяется своим корневым, народным характером. Я порадовался не только тому, что столько интересного народа пришло на ее обсуждение — В. Гусев А. Гулыга. В. Коробов, Р. Ибрагимбеков, Ю.Кузнецов, Р.

Киреев, Б. Потанин, Ал. Михайлов, О. Михайлов, Г. Корнилова, Б. Захаров (из Тамани), М. Рощин, В. Крупин, — но и тому, что большинство эту книгу освоили, называли имена, помнили сцены, сюжетные повороты, плели отношения. Может быть, разойдется книжечка по миру, зацепит людей, даст Бог. Культура времени и культура письма.

Встречал на аэродроме посол СССР Б.Н. Пастухов, бывший знаменитый первый комсомольский секретарь. Почему-то он сделал вид, что мы с ним знакомы, стали перебрасываться шуточками. Я думаю, просто посмотрел "объективку" на меня — работал в "Комсомольской правде". С аэродрома сразу повезли в посольство, где долго рассказывали, давали информацию о стране. Пастухов и его рассказ понравился. Мужик, конечно, опытный. Самое главное, зачем мы приехали: состоится на нейтральной территории первая встреча писателей-эмигрантов и писателей, которые живут на родине. Так сказать, воссоединение семей. Посольство очень молодое. К каждому писателю прикрепили молодца. По нынешним временам — очень деликатного. Боятся, что сбежим, что ли?

Уже днем в Луизиане — роскошном музее, вернее, комплексе, минутах в сорока езды от Копенгагена — впервые увидел легендарных диссидентов А. Синявского, В. Аксенова. Это люди почти из былин. Заметно, что все они жмутся к нам. И, в общем, очень их жалко. Не дождались своего часа. Как важно в литературе дождаться. Поселили тут же в каком-то специальном пансионате. Я человек без претензий, мне нравится.

2 марта, среда. С вечера разведал дорогу и утром хорошо пробежался. Дорога идет вдоль залива Зунди, и вдалеке, в тумане, видны силуэты Швеции. Как все в натуре оказывается близким, становится понятным! Действительно, почему бы принцу Фортинбрасу не прогуляться было в Данию? Дания для меня, выученика социализма, конечно, тюрьма, но весьма комфортабельная. Накануне Б.Н. Пастухов рассказывал, что здесь 150 тыс. человек создают продукт для 15 млн (в Дании живут 5 млн). Это продукт самого высокого качества. И образование здесь с 1914 г. всеобщее среднее. Вот так. Это обучение сопровождает человека всю жизнь, с 17 до 75 лет. И каждый раз государство, пусть символически, платит — ты повышаешь квалификацию.

Вчера, разведывая утреннюю пробежку, шел вдоль дороги. У датчан, видимо, вечером не принято закрывать шторы. Добропорядочные граждане не пьют вина, не печатают фальшивых денег и не курят гашиш. Каждая такая открытая для обзора комната — музей. Во всех, часто пустых, комнатах горит

свет. Нужны поколения, чтобы накопить эти богатства, эти мелочи комфорта.

Единственное, что здесь плохо — коровы дают очень жирное молоко (в продажу поступает с уже сниженной — 3,5 % — жирностью) да и к тому же 6–6,5 тыс. литров. Бедная песчаная и глинистая Дания!

Говорят, вчера приехали А. Гладилин и Л. Копелев, последнего я никогда не видел. Утром Бакланов рассказал, как М.В. Розанова, жена Синявского, тайно, пока никто не видит, дождалась его, чтобы передать "Синтаксис". Господи, какая чушь, мы сейчас печатаем то, что им в их эмигрантских журнальчиках и не снилось. Почти публично попросил М.В. дать журнальчик почитать и мне.

Я уже позавтракал. Бедная Дания: молоко, корнфлекс, кефир, йогурт, яйца, масло, ветчина, кофе. Идет снег, мелкие, как песок, хлопья. За столом кто-то на меня неосторожно налетел: когда мы с женой, дескать, едем в Нью-Йорк, в Израиль и т.д., мы всегда, дескать, торопимся в Данию. Я уколол: меня тоже после Нью-Йорка или Афганистана тянет "любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам".

3марта, четверг. Утро. Бегал опять вдоль моря. Купался. Ветер. Настроение грустное. Вчера весь день сидел в зале заседания и записывал выступающих. Сколько вокруг литературы неправды, тенденциозности, самолюбий. Я все время разглядываю двух людей: В.Аксенова и А.Гладилина — обоих жалко, особенно Аксенова. Он делал доклад о русском авангарде.

4марта, пятница. Пять утра. С четырех читал книгу Раисы Давыдовны Орловой, жены Копелева. Это об эмиграции. Много интересных подробностей, спокойный тон. С небольшими купюрами книгу можно было бы издать в СССР — ее грусть тоже многому научает.

Вчера, как мне кажется, очень плохо выступил. Я вообще был в ложном положении: в программе мне слова не было, а надо "отработать".

На встрече много "оттуда", в том числе целая группа из Мюнхена. Я постепенно стал во всем этом разбираться. Это люди ангажированные, довольно настойчивые, принципиальные, враги нашего порядка. "Ребята" из "Граней", Кронид Любарский, ведущий список политических узников.

Как и в первый день Е. Эткин, Любарский в своем докладе непримиримо не только попытался свести счеты с прошлым, но и дискредитировать настоящее. Он сидел, его можно понять. Но желает ли он добра и перемен нам? В его выступлении была какая-

то передержка, какой-то расчет на эмоции аудитории. Пришлось выступать мне. Удачно ли я это сделал? Думаю, для себя лично — неудачно. Наташа Иванова трещала в интервью "Голоса Америки", ко мне никто не подходил. В перечислении писателей я оговорился, эта оговорка как-то коснулась Г. Белой. Я говорил о том, что, несмотря на то что мой отец сидел по знаменитой статье 58–10 и я сам рос обездоленным ребенком, у меня нет ненависти к стране. Эмоциональный накал по возможности снял. Председательствующий все время меня одергивал. Бог с ним, сегодня последний день. Эти люди все между собой знакомы, я — нет. Лишь бы хватило сил. Еще эти поганые деньги, которые надо истратить.

Все время думаю о романе. Может быть, следующую главу сделать с материалом этой поездки? Мой герой обращается к сестре: куда ты поедешь? Воспоминания о событиях?

5 марта, суббота. Слава Богу, вчера все вроде закончилось. Закрылись. Мы уже в Копенгагене. Из-за досадной оговорки с Белой мы не разговариваем.

Господи, как велико у всех наших стремление понравиться! Как велико чувство модного несогласия. Под конец мне понравился Дудинцев, и естественен Искандер.

Вечером состоялся прием в издательстве "Гюльдендель". Старинный, XVIII века, дом, наверху, в бывших "складских" помещениях, нас покормили ужином. Обычным, по датским меркам, но вкусным. Понравился фруктовый салат, это я возьму на вооружение.

На вечере Г. Белая произнесла тост, который мне кажется очень занятным по психологии. Она рассказала, как в свое время ее позвали обсуждать спектакль в Театре на Таганке по мотивам произведений Исаака Бабеля. Поставил его Ефим Кучер. Спектакль ей не нравился. Муж, когда она уходила из дома, ей сказал: ты там особенно не эстетствуй, дело касается не Бабеля, а Юрия Любимова. И она пошла "воевать за". С гордостью потом она привела слова Любимова, сказанные ей после обсуждения, о том, что он, Любимов, не знал, какого друга приобрел в этой сече.

За ужином сидел с переводчиком. Его зовут, кажется, Флорейом, по-московски, как он говорит, — Коля. Рассказал целую историю своей женитьбы в Москве. Как девушка оставила его на старом Арбате в коммунальной квартире. Как старухи допытывались, кто он — осетин или болгарин. Как он женился на ней, перипетии оформления этого брака. Как датское посольство написало бумагу, почему его надо срочно женить: предоставляют работу, необходимо выехать, опоздает — работа пропадет. Какое у этих посольских датчан знание русской и советской

психологии! Но поразительно, как посольство страны занимается судьбой и счастьем одного человека!

Подарил вчера Анатолию Гладилину, с которым знаком еще года с 62-го, работая в газете "Московский комсомолец", книжку. Сверху написал из Пушкина "Клеветникам России" и т. д. Шутка. Две дивные книги мне подарила М.В. Розанова.

Все утро читал "Синтаксис". Поразительные вырезки участия писателей в 37-м году. Все это в основном, из "Литгазеты" за 1937 год. В поддержку процессов писали В. Шкловский, А. Новиков-Прибой, Вс. Вишневский, Л. Леонов, Л. Савин, В. Гусев ("На Дальнем Востоке, в тайге суровой, Боец-пограничник на землю упал. Это его благородной кровью Бандит Сокольников торговал. Школьники киевщины в тетрадях Пишут стихи о своей стране. Это их счастливое детство Радек хотел спалить на фашистском огне. Страна заводы свои растила. Зажигала огни молодых городов. Это их, нашу гордость и нашу силу, Взорвать и разрушить хотел Пятаков"), М. Ильин, С. Маршак, Мих. Зощенко, Саянов, Л. Соболев, Ю. Либединский, Мих. Кольцов ("Убийцы из Ленинградского центра", 22.XII.34), Н. Огнев, Скиталец, Н. Тихонов ("Честные советские работники смотрят на них сейчас и не понимают, откуда взялись эти кровавые шуты…?" — Какой стиль!), Джамбул, народный поэт Казахстана ("Спасибо, Ежов, что, тревогу будя, Стоишь ты на страже страны и вождя!"), Киршон, А. Фадеев, Ю. Тынянов ("В этом все дело, они — чужие всей стране, всем людям, которые дышат ее воздухом"), К. Федин, Р. Фраерман ("Мы вытащим их из щелей на свет"), К. Финн, Е. Долматовский, И. Бабель (в статье "Ложь, предательство, смердяковщина" — "Скоро двадцать лет, как Союз Советов, страну справедливую и созидающего труда, ведет гений Ленина и Сталина, гений, олицетворяющий ясность, простоту, беспредельное мужество и трудолюбие"), Г. Яшвили, В. Ставский, Е. Габрилович, Б. Лавренев, Мих. Голодный ("Напрасно взгляд от страха мутнеет, Зовет на помощь мир господ. К вам, Тухачевские и Пути, никто на помощь не придет").

31 марта, четверг. Совершенно разленился и не пишу дневник. События есть или их нет? В "Советской культуре" опубликовали мою статью об Афганистане, а в "Собеседнике" — письмо. По ТВ рассказывал о Дании. Страшно злобствовал на Н. Иванову. Смотрел "Собачье сердце" в Детском театре в постановке Г. Яновской — очень понравилось. Все это время много думаю и занимаюсь ТВ. Скорее, играю в него. Много думаю, что надо сосредоточиться на главном — на литературе по сути, ничего, кроме литературы, меня не интересует, но каждый раз собственное честолюбие и чужие дела подхватывают меня и

несут. Пишу роман. Много думаю о перестройке и стране. Что же со всеми нами будет? Быть без родины, только с самим собой — этого мало. Жизнь почти проиграна. Если бы хватило сил и получился роман. Но теперь вопрос: будет ли он прочтен? Болею, насморк. Но скоро расцвет весны и лето.

3 мая. Как и всегда, когда идет роман, дневник не пишется. На майские праздники в Болшево сделал несколько страниц, но ключевых. Не потерять темы и — дальше. Вчера вечером были с Валей у Абуладзе в гостинице "Москва". У меня есть с ним схожесть не декларируем! Пора уезжать на дачу.

8 мая. Приехал с дачи. Занимался там романом, чтением, красил полы. Долго гулял вдоль реки, придумал концепцию "развода" для романа.

10 мая. Сегодня уезжаю в Тамбов на Совет по прозе. Опять скликает С.П. Залыгин. С утра написал свою страницу. На роман времени катастрофически не хватает. Ведь как писатели в прошлом веке писали: они сами себе ботинки не чистили, рубашки не гладили, белье не стирали. Кухарки готовили обед. Я взялся за слишком большой кусок. Много думаю о перестройке. Все газеты и "Огонек" полны разоблачительных материалов. Я ведь хорошо знаю прессу. В этой ситуации главное — заниматься своим делом.

11 мая. В 8.00 приехали в Тамбов. Обычное по расписанию размещение, обком, заседание, выступление, вечер. В сознании гудит — Тамбовское восстание. Город интересный, в нем еще не разрушили массу того, что могли бы разрушить, хотя хамства хоть отбавляй. "Тамбов на карте генеральной". Я сделал кое-какие записи у себя в блокноте по выступлению в обкоме Вячеслава Егоровича Зверева. Много удивительных людей жили здесь, остались их следы. Безобразный — плебейское отличие в общей похожести — памятник В.И. Ленину. Залыгин рассказал: "В Омске купили 27 гипсовых скульптур, расставили их по всему городу". Другой рассказ: "в Коврове небольшой памятник Ленину и огромный — местное представление о монументальности — Дегтяреву, конструктору пулемета. Еще из безобразий: рядом с собором на площади (б. Дикое поле) взгромоздили 4-этажный жилой дом — не понимали, что ли? Понимали. Собор Преображения — без крестов. Были 21 церковь и два монастыря. Зачем?

Дом фабрикантов Осеевых — на берегу реки — модерн с прекрасным мрамором и живописью (средней) внутри. И все же сохранили. Люстры, несколько бра, переплеты на дверях. Говорят, один из руководителей здравоохранения поставил сверху, как на Кремле, рубиновую звезду (цена ее — 148 тысяч).

Был конфликт во время моего выступления по роману "Державин". Автор, Иван Евсеенко, требует славы, признания выдающихся своих данных. Я в этом ему отказываю: только писатель из провинции.

Вечер в УВД.

После этого были в гостях у Николая Алексеевича Никифорова на улице М. Горького. Дому 106 лет. Рядом еще шесть семей. Я это к тому, что здесь и вопреки собралась уникальная коллекция. Комната заполнена, как окоп, всякой всячиной. Схематично, для памяти. Переписка с Давидом Бурлюком, его картины. Полка Есенина. Кольцо Шаляпина. Подлинный светильник с Мойки, 12. Вещи Лермонтова. Золотая монета в 20 франков, выпущенная в 1914 году в честь короля Людовика XVII. Хозяин много говорил о Есенине, Маяковском (дескать, импотент). Тяжба с городом. Ему 75 лет (60 лет коллекционерует, даже на фронте — собирал немецкие ордена) — отдать дому-музею, потом разберемся Эх, жизнь, все пропадет, разбредется!

12 мая. Сегодня очень долго заседали.

Выступал в НИИ радиотехнического машиностроения вместе с Мих. Чернолусским, Р. Киреевым, Виктором Мустафовичем Чекировым — гл. редактор из Воронежского издательства, с Василием Кравченко. Много говорили о перестройке, о партии. Из выражений "Перестройка — это смена начальства". Байка: "В старые дни Главлит потребовал вырезать в газете "романовскую овцу" — не о царизме ли?"

13 мая. Вечер в гостинице. По телевизору Горбачев встречается с работниками с. х. У него стало больше морщин. Показан репортаж из Афганистана. Было приятно рядом с Лещинским увидеть Александра Ивановича — генерала, которому в Кабуле я подарил браслет.

Сегодня — в Мичуринск, бывший Козлов. Все-таки хоть и много, очень много, но не все уничтожили в России. Прекрасный небольшой провинциальный город, но я представляю, каким он был. Уничтожено два огромных монастыря.

На Тамбовщине мне нравится, к культуре, как ни странно, здесь относятся довольно либерально. Посмотрел дом-музей Мичурина и музей художника Александра Герасимова. У Мичурина в его маленьком доме очень много часов. В доме трудолюбца и энтузиаста все вызывает удивление.

Что-то мне все нравится?

Музей наркома Чичерина, с пристроенной к нему галереей. Дело даже не в этом писателе, художнике, общественном деятеле, личность которого так деформировало время — у города навсегда

эта галерея и навсегда быт начала века.

Беседа в Генетической лаборатории. На столе яблоки, чай. Потом встреча в Пединституте. Определенно спасение второй раз, как при Минине, придет из провинции. Ели яблоки, пролежавшие всю зиму, вкусно. Судя по всему, здесь идет работа под зимостойкий сев. Озабоченность вызывает хозрасчет. Директор лаборатории (Курсаков Геннадий Александрович) — правнук Мичурина.

В Пединституте было много записок о Сталине, о перестройке Ненависть к Сталину у меня растет. Вопрос не в его гениальности, а в том, что без нее мы не имели бы столько потерь. В Пединституте был и подарок. Наверяка кто-нибудь из читающих преподавателей: "И ВСЕ-ТАКИ ЛУЧШЕ ВСЕГО У ВАС — "ВРЕМЕНИТЕЛЬ". Разбираются!

14 мая. Утром в музее Чичерина. Это определенно музей дворянского быта. Картинная галерея. Портрет Остуева, Боровицкого. В 12 большая встреча с местной интеллигенцией. Вести пришлось мне. В присутствии Залыгина было трудновато. В Москву!

24 мая. Вчера вел по ТВ программу "Добрый вечер, Москва!" По этому поводу куксюсь, но все же это мой путь к влиянию на общество, к участию в его жизни. Сегодня вместе с "Литературной Россией" выступаю в Библиотеке им. Ленина. Состав уже привычный: Н. Шмелев, Ф. Искандер. Был еще В. Соколов, критик. После нас всех выступил с юмореской "Письмо президенту" Мих. Задорнов. Стремление понравиться, конечно, неизбывно, когда публика аплодирует — исполнителю порой безразлично, "за что", каково качество этих аплодисментов. Зал был в восторге! Я подумал, как быстро можно "опустить" аудиторию, как быстро она, масса, делает переход от возвышенного, тонкого и духовного к низменному.

Прочел 3 рассказа Саши Путко. Отослал их ему обратно. Это война, но в ней, кроме привычного "страха вождя", ничего нового. Любопытен третий рассказ "Написано пером" — о мемуарах Маршала. Завтра собираюсь на дачу.

25 мая. Обнинск. Сегодня утром написал начало статьи об Афганистане. Строгал теплицу и думал над последней главой. Пока мерещится свидание с отцом, закрытым белой пеленой, и прогулка с комиссаршей. Зыбкость — в похоронах Сталина, если я их напишу. Их надо делать, как в жизни. С неверием в его смерть, с неверием в его жизнь. Его смерть — в фигуре отца.

Завтра побегаю и попробую набросать.

26 мая. Сейчас 11 утра. Встал с намерением сдвинуть последнюю главу с места. Бегал, что-то брезжит. Господи, пошли

мне желание и силу. Головою мне работать легче, чем рукой и пером!

К прошлой записи. В. Соколов о своем ощущении до перестройки. "Обходил острова в своей душе". Соколов читал стансы о Сталине. Перед этим рассказал небольшую историйку: в 61-м году Я. Смеляков — он был редактором "Дня поэзии", — прочтя стансы, воскликнул: "Мы откроем ими книжку!" Когда "День поэзии" вышел без этих стихов, то Соколов, чтобы не смущать Смелякова, ничего у него не спросил.

Рассказ: человек, которого *распирает* сказать. Идея возникла, когда я увидел сумасшедшего, схватившего микрофон. Две пословицы от Ф. Искандера: "Рукой дурака ловят змею", "Когда быки пашут по жесткой земле, они косятся друг на друга" (это он сказал о национализме. Азербайджан и Карабах). Самое сложное в прозе — найти точку отсчета.

30 мая. В Москве — президент США Р. Рейган. Ему 75 лет. Все эти визиты превращаются в сплошное ТВ-шоу, не более; за обедами, прогулками, туалетами, интерьерами уже не видно политики.

Три события случились у меня за этот день.

В 18.00 (я выходил из метро "Библиотека им. Ленина") увидел демонстрацию отказников-евреев. Человек сорок, все довольно рассчитано — плакаты, типы людей, тексты на русском и английском языке, но что-то в этой группке людей, мужественно стоящих во враждебной им толпе, (впрочем, уже привыкли, особо никто и внимания не обращал), было мучительно жалкое. Да стоят ли какие-нибудь секреты или обстоятельства того, чтобы мучить людей! Я заплакал. Да… у меня уже давно не было слез по таким обстоятельствам. Слезы были радостные. Это значит, жив, душой еще не зачерствел.

Вечером, выходя от В. И. Юдина на Калининском проспекте, я увидел кортеж машин — ехал Рейган. Совсем рядом. Я поднял руку и махнул. За зеленоватым стеклом его лицо. Удивительно, я в это уже не верю, но мы встретились глазами.

Сразу же после окончания романа напишу рассказ "Эксперимент" — герой участвует в перестройке, прекратил работать, и никто этого не заметил. В "Огоньке" статья К Рудницкого о Мейерхольде, как Эйзенштейн решил у себя спрятать архив режиссера. Это описание мужественного поступка.

Это из "ЛГ" от 25 мая.

Вс. Сурганов: *"Не могу согласиться, что воплощаемая писателями в последние десятилетия личность современника утратила качество социальной активности. Другое дело, что в застойную пору появились персонажи вроде есинского "Имитатора"*

или кимовских оборотней — их порождало время. Но ведь это еще одно подтверждение "зоркости" нашей литературы: в лице подлинных мастеров она ни на день не отворачивала взгляд от застоя. Неустанно готовя почву для необходимых перемен, она атаковала Борзовых и Имитаторов, поддерживала подлинно активных героев — Мартыновых, Пряслиных, Чаузовых, защищала "чудиков" и мальчика из "Белого парохода", горько прощалась с Матерой…?

То было широко развернутое наступление на многоглавое сталинское "наследство", наступление во имя победы завещанных Революцией идеалов. И думается, что в писательских открытиях, совершаемых на ключевом направлении этой тридцатилетней "битвы в пути", как некогда, в 20-е годы, вновь проступили черты социалистического реализма уже в современном, если угодно, "платоновском" его обличье и понимании, обогащенном трудным опытом минувших лет, а главное — напрочь лишенном каких-либо претензий на монополию…"

2 июня. Утро. Вязники. Пишу в машине возле гостиницы. Все-таки решились поехать вдвоем с Валей на спектакль Симакина в Горький. По дороге заскочили — на съемки к Ростоцкому. Ростоцкий снимает здесь "Федора Кузькина" по Можаеву. У группы в четверг был выходной, и всю вторую половину дня Станислав Иосифович провел с нами. Интересно рассказывал об Эйзенштейне. Он был его учеником, и тот скончался чуть ли не на его руках. Он знает о нем много, подробно говорит не все. Самое интересное — рассказ С.И. о присуждении Ленинской премии Брежневу. Комитет собрали по трубе. Первым выступил Георгий Марков. Он первый секретарь СП СССР, ему хвалить положено по должности. Естественно, его поддержал, подхватив песню, Шауро. Он тоже раб должности — зав отделом культуры ЦК, в его приемной министры сутками ожидают. Единственный, кто робко заикнулся, был Николай Матвеевич Грибачев. "Не торопимся ли мы — ведь страна не читала еще, хотя все и публикуется, вплоть до газет — с этим присуждением, не оказываем ли дурной услуги?.. Я вот и сам еще не прочел". — "А что, товарищ Грибачев разве не выписывает газет?" — змеиным голосом спросил Шауро. Голосовали открыто — единогласно".

Рассказал С.И. о том, как Райзман позвонил из Канн Фурцевой: "Надо снять с программы "На семи ветрах" Ростоцкого — не будет иметь успеха". Потом где-то на торжественном обеде эта двурушническая позиция Райзмана для Ростовского выяснилась. Они все сошли, оказывается, с ума, плохо говоря друг о друге. Великие! Сейчас Ростоцкий снимает, как я уже написал, по Можаеву. В главной роли у него Саша Суснин. Я встретил его

на лестнице. Весь просохший, выбитый временем, только глаза сияют зелено-

сумасшедшим блеском. Я его не видел лет 30, с того времени, когда снимались в "Аттестате зрелости", Саня считает не так. А может быть, и виделись раньше? Куда исчез тот плотненький, полный горячих сил паренек? Но как он подходит к Кузькину. Его глаза, его сухое и пропойное лицо.

Из рассказов Ростоцкого увлекателен и другой — про Галича. Его неуравновешенность, женолюбие, блатные песенки — это мелочь. Ростоцкий утверждает, что Галич был наркоманом. Отсюда и его постоянная страсть к инфарктам: от болей ему делают пантопон и т. д. Рассказывает Ростоцкий, как врач в доме отдыха на Валдае, куда он привез Галича писать сценарий, не удержался: я выселю вашего друга, если он постоянно будет вызывать меня по ночам. Все разговоры о том, что Галич сидел, воевал, по словам Ростоцкого, не имеют под собой почвы. Это плод тщательно создаваемой легенды. Днем, отчаянно ругаясь с Валей, приехали в Горький. Симакину после Костромы дали маленькую квартиру, довольно тесно. Вечером идем на его "Турандот". Я умею гордится своими друзьями.

И последнее о Вязниках вспомнил. Это опять фрагменты рассказов Ростоцкого. Областное начальство начало по-новому относиться к городу после съемок. Народный артист кое-что им объяснил. Но еще до этого они райком, клуб и гостиницу не стали строить в старой части города. Старая, глубинная скромная Россия. Интересно — отсюда в войну вышли 22 героя Советского Союза.

Со вторника 14 июня сижу в Обнинске. Пытаюсь закончить роман, идет, как никогда, мучительно. Закругляю и довожу до литературной логики то, что придумал. Мне кажется, что в целом эта гирлянда вин, прозрений и предательств, эта цепь взаимосвязанных людей, должна выскользнуть из неясного небытия и приобрести очевидность действительности. Все ведь придумано. Все. Но разве в искусстве нас интересует не сама личность говорящего?

В двух словах вдогонку о Горьком. Поездка была тяжелая. Ругался с Валентиной. Мне жалко ее, ненавижу тех демонов, которые заставляют ее страдать и мучают меня. Иногда такая жизнь мне кажется невозможной.

"Принцесса" у Вити получилась, но опять лишь с намеком на "Турандот" и Гоцци. Он очень многое синтезировал из своих бывших находок. Прощание с бывшим ужасным временем. Боже мой, как трудно жить и писать и как хочется плакать!

Из неожиданного — из того, что я тщательно фиксирую, ибо

это свидетельства распространения влияния моих идей и видения — внезапные аплодисменты, когда Бригелла объявил, что Есин, автор "Имитатора", в зале. Шуточки театра: помню, как Олег Табаков тоже в своем театре лепил некую отсебятину о Есине.

Мой новый роман не поиск популярности на знакомом пути разоблачений — сейчас разоблачают все, — это углубление каких-то идей о человеке и его страдающей доле.

Живем, чтобы страдать. Последнее время все загадываю, какой мир будет без меня, через 100, 200, 300 лет. Боже мой, как, наверное, интересно, но как мучительно в том времени станет жить.

Прошел дождь, стучал по крыше и оконному стеклу, и я вдруг почувствовал себя полностью и беззаботно счастливым, как в детстве.

15 июня, среда. Вчера приехал в Ленинград на съемки телефильма по "Сороковому дню". Это по спектаклю в Театре Гоголя. Снимаются И. Макарова, Е. Соловей, Тотосов — всех остальных, пусть и известных, я не запомнил. Прочел сценарий — это облегченное возвращение к пьесе, но как они ее сократят, не знаю. Это тяжело, у меня не получилось. Я очень надеюсь на Олега. Советовать ему тоже не берусь. Хочешь не хочешь, а это брак, а перед венцом жениху не советуют, что надо сменить невесту. Понравилось киношное решение. На Фонтанке они нашли огромную квартиру, из которой уже выселили жильцов, сделали косметический ремонт — город все время за окнами. С балкона — Большой драматический, комбинат "Ленинградская правда" и улица Росси. А ведь в этом соприкосновении с улицей Росси я вижу нечто символическое. Может быть, еще один круг замкнулся?

Вчера поговорил с Женей Агафоновым. Как они всегда кормят! Он рассказал мне о своих взаимоотношениях с сыном — я обязательно пунктиром вставлю это в роман. Поэтому надо пунктиром прочертить линию Золотцева — жены, сына, семьи.

Сегодня вечером, если все будет в порядке, — в Москву.

Еще одно, последнее чудо нашего кино и хозрасчета: директор картины сказал, что не может оплатить мне ни гостиницу, ни билет. О времена, о нравы! Наша бюрократия продолжает чудить. Пожалуй, есть смысл продолжить тему "Автомобиль и майонез".

Вторая половина дня. Написал рецензию на "Турандот". Средне, зазывно, спектакль ускользает. После полудня поехал в музей-кабинет Дзержинского — это в самом конце Невского. Традиционно неуютно, золоченая мебель, без единого клочка личного, без попытки понять, что происходило здесь. Но в этом

доме, на 2-м этаже, у камина, перед зеркалом, Вера Засулич стреляла в Трепова. Доски об этом на доме нет. Да, наверное, нельзя по каждому поводу ставить доску, но подобное — единственный и неповторимый факт русской истории.

Опять ездил в декорацию, посидели со Славой Иванцовым и Олегом Павловичем Ерышевым. Кое-что придумали, но я очень боюсь, потому что текст транскрибируется в любую строчку, а хватит ли у режиссеров и актеров психологической силы все дотянуть.

Долго сидели, после этого с Р. В. Николаевым на Радио. Говорили о делах перестроечных. У нас обоих складывается ощущение, что волна, накат спадает. Сетовали на то, что много людей потеряли совесть в перестройку. Реабилитировали Каменева и Зиновьева — но это лишь юридическая реабилитация.

17 июня, пятница. Только что приехал с Николо-Архангельского: хоронили Михаила Алексеевича Борисова — редактора "Московского комсомольца". Все промелькнуло на глазах, я его помню молодым, Новый год, комнату, стол, девушек, которые приходили. Народу было много, из знакомых — Флеровский, Бугаев, Изюмов. Я даже не могу написать, как сжимается сердце. Лежал он в гробу чужой, смерть его уже забрала. Все подчеркивали, что был он добр — действительно.

Вчера у меня был гость — Ришард Важович, выпили бутылку, поговорили о литературе, о трали-вали. Валя сегодня едет в Ярославль на съемки к Хуциеву. До чего же у нас трудолюбивая семейка!

19 июня, воскресенье. Два дня на даче. Строю теплицу, редактирую роман и читаю "Разговоры с Гете" Эккермана. Прекрасная книга, и, может быть, даже хорошо, что она попала мне в руки столь поздно. Зрелому человеку.

15 июля, пятница. Очень давно не писал. Роман не то что поглощал все силы, но оттягивал, я боялся делать на бумаге лишнее. Сегодня отдал на машинку предпоследнюю главу. Настроение хорошее, то же ощущение, когда был написан "Имитатор" — я уже в другом ряду, хотя многие об этом и не догадываются.

Прошла партконференция. Отношение к ней сложное. Очень много личной злобности и — в выступлениях писателей — националистических подтекстов. Мне кажется, внимание придают словам излишнее.

Вчера был у Веры Туляковой, вдовы Н. Хикмета. Рисунки Пикассо, Гончаровой. Надо бы включиться в битву за музей в этом деле. Сегодня уедем с Валей на дачу. Не пишется. Все думал о романе.

20 июля, пятница. Господи, господи! В воскресенье, 17 июля скончалась Антонина Дмитриевна — Валина мать, моя теща. Она умерла спокойно, дома, практически не болея, 84-х лет. Мы похоронили ее без скандалов и лишних разговоров. Я очень плакал. Мне всегда кажется, что покойники, эти умершие люди, обладают каким-то дополнительным и серьезным знанием, а быть может — и исчерпывающим.

Почти сразу же стало известно, что очень плохо с Юрием. Скорее всего — самое страшное. Я отправил его в Институт им. Герцена. Мы все не боимся смерти, а боимся нашей медицины. Вся душа изболелась за него. Повторное исследование назначили лишь на 3-е число. Это так долго. Я представляю, какие мысли проносятся у него в эти минуты.

Мне кажется, что последнее время я все отбиваюсь от преследующей меня судьбы. Как я в таком состоянии закончил роман — не знаю. Но привкус последних событий в нем бесспорен.

Видел два фильма, о которых много говорят, — "Соблазн" Славы Сорокина и "Маленькую Веру". Люди оба очень талантливые, но у авторов "Веры" не хватает вкуса, фильм держится на социальных подначках — вот, дескать, каков рабочий класс, вот до чего, дескать, вы довели Россию. Этого для искусства мало. Интересные характеры.

В понедельник сдам роман в издательство. Это "Соглядатай".

9августа, вторник. Интерес к дневнику пропадает в дни наибольшей апатии, когда жизнь с размаху щелкает по голове. Такого клубка самых черных мыслей не собиралось давно. Да-да, сдал роман в издательство. Виктория Исааковна звонит, хвалит, говорит, что я очень вырос. Через неделю после того, как я сдал ксерокопию в "Знамя", позвонил Виталий Гербачевский, сказал то, что я, по сути дела, думаю и сам: это совершенно новый удар по культу, новое осмысление истории, много говорил о форме.

Когда сегодня днем я встретился с ним, он сказал, что поражен, как я держал весь роман в голове. Но на самом деле все было по-другому: я писал, а потом придумывал, чтобы оправдать написанное. Сегодня уже дочитывает роман Вал. Оскоцкий, судя по всему, его будут печатать. Роман взял Бакланов. Это не его литература, но я надеюсь.

Как бесконечно жаль Юру. Несколько раз был у него в больнице, буквально сжимается сердце. Он держится хорошо и старается не говорить о болезни. Я все-таки надеюсь, что все обойдется. Операции ему не избежать, но дай Бог, чтобы она состоялась. Что откроется этим вооруженным ножами медикам? Где граница между сегодняшней жизнью и вечной смертью?

Я опять болею — третий радикулит за последние два месяца. Как бы не отнялась левая нога.

Новая поездка в Афганистан, видимо, состоится.

11 августа. Весь день провел на ТВ. Вел передачу с прокуратурой Москвы. Их не пробьешь! Наш закон в надежных руках, которые его не собираются выпускать. Но, судя по письмам, как много недовольных.

16 августа, вторник. Вечером ездил в больницу к Юре. Завтра у него операция. Он совсем старый. И сколько лучшего нашего фамильного, доброго и самотверженного проявилось в нем. Мы прощались и встретились взглядом — зрачок в зрачок. Будто по этому лучу соединились две души, два сердца и смогли сказать друг другу о боли прощания. Я потом долго рыдал в машине.

Вечером поздно позвонил Валера: у Юры, кажется, саркома. Судя по всему, я прощался. Это было прощание при жизни. Господи, спаси и помилуй!

Вчера звонил Бакланов, он прочел роман, сказал, что это хорошо. Очень болят ноги. Через два дня я уезжаю в Афганистан. Бегу я, бегу от жизни. Надо бы написать статью об упрощении жизни скульптуры в Манеже и т. д.

19 августа, пятница. Кабул. Даже писчий — дневниковый инструмент — сопротивляется. Психика вообще очень умело сопротивляется. Сколько боли и страха за последние дни. Семнадцатого Юре сделали операцию. Все безнадежно, зашили обратно. За что так заставляют мучиться моего брата? Он веселый, большой человек, если и делал кому неприятности — это его болезнь, его психическая неуравновешенность. И теперь такие страдания. Всю эту боль и все его отчаяние я, кажется, принимаю на себя. Не такой ли конец ожидает и меня? Только еще более беспощадный — без родных и близких. Все эти дни, пока собирался, летел, думал о Юре: представляю, как располосованный лежит он под капельницей. Вечером же 17-го позвонила медсестра из реанимации: он очнулся, рассказывает анекдоты, передает мне привет. И ничего не знает. Все страдания напрасны, и впереди — новые. Сколько семейного, нерасторжимого я чувствую сейчас.

В Кабул прилетел совершенно больной, в самолете не мог сидеть, все эти дни у меня глубочайший ишиас. Не могу найти себе места. Здесь семинар по роману, который был задуман еще в январе — начал писать выступление. Может быть, удастся что-то сказать и выговориться. Все здесь меня лечат. Таривердиев — это не композитор, а дипломат — привез таблетки и мазь. Сейчас намазал: щиплет зверски.

24 августа, среда. Кабул. Мне кажется, что я все время умираю вместе с Юрой. Я представляю его, перебинтованного, догадывающегося, страдающего, когда я еще свободен от смерти и близкого ожидания ее.

Моя жизнь здесь осложнилась жутким скандалом с Юрой Скопом. Тот полускандал, который вспыхнул в Москве, здесь рос, хотя диагноз здесь один — не Моцарт он. В нем нет легкости работы и легкости оригинального мировоззрения. Все же все это довольно больно. Я раздражаю его, а я ведь привык хотя бы к контактности. Мне его жалко, сейчас у него кое-что обострено с нервами.

Под окном гостиницы слышно, как садовник поливает цветы — это герань в горшках. Где-то вдалеке поет муэдзин. Весь этот пучок звуков: вода, муэдзин, шум машин, а сверху еще гул самолета.

Из садика, когда я там гуляю по утрам, ритуал подъема самолета производит праздничное зрелище. В очень ясном, нарядно-голубом небе летит серебряная стрелка — это только умом ты понимаешь: торцовые балки, многотонные турбины, электроника, откидывающиеся кресла, заправленные специальной жидкостью туалеты, — так летит эта стрелка, и через равные, довольно короткие промежутки времени отстреливаются от нее фейерверочные звезды. Самолет отпыхивается ракетами от снарядов теплового наведения. Мирное небо столицы.

Семинар уже закончился. Несколько дней подряд я создавал свое выступление, и оно мне понравилось: искренне, естественно и про роман, и про художника и жизнь, и довольно неожиданно. Писать в общем было довольно легко. Многое здесь уже знакомо по собственным романам — по "Временителю" и "Эсхатологии". С присущим мне мелочным тщеславием я хотел бы даже отметить, что немка Урсула меня расцеловала, многие подходили, жали руку, и Парванта сказал, что это даже изящно.

Во второй день семинара вечером сидели у Вадима Акулова — корреспондента "Правды". Люся, его жена, знает всех женщин Кабула: она сказала, что всех посольских жен и жен специалистов выслали. Говорили о статье Проханова. Интересная, в известной мере аналитическая статья, но время, в которое она появилась, — подлое. Мне кажется, все это не по-граждански.

На следующий день Вадим Акулов все утро просидел на симпозиуме. Поручение "Правды". Чего это они так заинтересовались культурой? Я никогда так не уставал. В то утро, наверное, еще из-за склоки со Скопом, у меня практически отнялась левая нога, да еще пришлось три четверти часа стоять на трибуне. После моего семистраничного доклада пошли

вопросы. Я рад, что очень хорошо и красиво все это переводил Гайрат.

Несколько человек из военных, еще из старых знакомых, говорят, что все афганцы — жуткие предатели: не очень-то я в это верю. Я люблю Акрама, Гайрата, Зарьяба — людей, близких мне по духу. Неужели?

Два раза встречались с Виктором Петровичем Поляничко. Он рассказывал о себе, о своей службе кузнеца, о комсомоле, об армии, о Москве. Его все ругают, и, действительно, инструмент советников — это не так хорошо. А как хорошо?

Мне он определенно нравится. Ему нравится власть, он понимает ее бескорыстную тяжесть, умеет принимать решения. Это филиологическая особенность человека. Я попросил у него не забыть об обещанной поездке в Герат. И удивительно — завтра летим.

Сегодня вечером в гостях у Акрама Усмана. Говорил о литературе пушту. Это здесь не модно.

26 августа, пятница, Кабул. Никаких сил не было записать все вчера. Господи, пошли сил Юре, пошли чудо! Я тоже очень болен, я чувствую, что жизнь из меня уходит, истекает жизненная энергия, а быть может, переливается в литературу. Утром позвонил Миша Лещинский: оказывается, Валя через ТВ, через Люсю Маторину передала, что сама она никуда не уехала. Юра еще в больнице, и ему делают химиотерапию. А вдруг?! Господи, даруй чудо, сколько раз я молил Тебя, но уже ведь почти не осталось у меня и поводов для этих молитв. Неужели такой дорогой ценой приходится мне оплачивать мои жизненные впечатления?

Вчера были в Герате. Два часа от Кабула грузовым самолетом до Паншера, час вертолетом от аэродрома до Герата и на бронетранспортере от Герата до города. Как же удержать в памяти все, что видел: дорогу, обсаженную в два ряда соснами, приближение города, элеватор, госпиталь, здание генерал-губернаторства с башней для часов, центральную улицу, торговые кварталы, городскую мечеть с махрабом из мрамора, ее бескрайний двор, старинный колодец, а рядом цистерну на металлических фермах, возраст этого огороженного архитектором и Господом пространства? Напоминание, что до десяти тысяч человек, плечо к плечу, помещались в этом дворе, оставляя туфли у входа, и дух просьбы к Аллаху, и желания этих десяти тысяч, умноженные на столетия — их пять, потому что мечеть XII века, — дух этих желаний клубится над минаретами. Не забыть! — восклицаю я, как хоккейный болельщик восклицает: шай-бу!

Сегодня день рождения у Сережи!

Как бы не забыть и дерево в центре Герата, огромную сосну с кривым стволом, почти прислонившуюся к одному из горящих домов, проезд бронетранспортера с лежащими на броне, как тюлени, людьми — зеленые штаны, легкие рубашонки, кеды. Бронетранспортер пробирается через торговые ряды, крепость, крепостные ворота — дизайн из дюймовых труб с захватами. Серпантин вверх, на стену, на башню, а внутри, во дворе — минометы, нацеленные на город. Сверху конца нет подробностям.

Величественный и мелочный Герат, рай земной! Вот для этих считаных минут и вожу с собой из страны в страну мощный двадцатикратный бинокль. Голубое, с отблеском белка, стекло медленно сосредотачивается, переплывая неподвластное из-за шальных пуль расстояние. Случайная дверь, дувал, цвета земли, цвета Бухары и Самарканда, и вдали — так близко и так далеко — несколько пятен: могила Низами, "черный камень", и еще где-то могила.

"Женский сад" — 5 минаретов, а раньше их было двенадцать, и купол, под которым уже пять веков истлевают останки Низами. Здесь же могила.

Джами — у него юбилей, кажется, отмеченный ЮНЕСКО. Бронированная машина туда не может пройти.

Конспект. Воинская часть. Утки, водоем, ужин. Трус сопровождающий. Распри.

Бандиты на договоре. Вывод войск без потерь.

Роман надо писать с того, что знаю, может быть замена корреспондента? Видел с вертолета, с высоты кишлак Инженера. Это кличка знаменитого бандита. Вечером с 18 до 21 были у посла Николая Григорьевича Егорычева. Вот уж не ожидал, что когда-либо встречусь с этим человеком. Знаменитый первый секретарь Московской парторганизации. Очень интересно рассказывал об Афганистане и Москве. Скорее, говорить хотел лишь о прошлом. Постараюсь записать его рассказ в надежде, что кое-что пригодится, не утонет.

О выводе и сокращении посольства. Его собственное наблюдение: сократив посольство наполовину, он не заметил, чтобы работа стала хуже.

О повинности Хрущева в репрессиях. Оказывается, все, что касалось членов Политбюро, — изымалось из всех учреждений. Из Бауманского училища изъяли даже дела Маленкова, который там учился. На Октябрьский пленум (снимали Хрущева) он шел с целой папкой выписок из докладов Сталина 35–36 годов. Пример: "Враги в спорте — тренеры". Эти документы все изъяты. Случайно в горкоме был 3-й экземпляр стенограммы. Поправляет Аджубея с

его мемуарами. Фигура Сизова. Он, а не Хрущев потихоньку назначил его на пост начальника Управления внутренних дел.

Много интересного Н.Г. рассказывал о Москве. О стремлении в свое время рассчитать Москву и ограничить ее 7–7,5 млн. Каждый архитектор хочет поставить себе в центре свечку. Но это чушь, когда он говорит, что к дому, который он строит, не надо вести коммуникаций. Генерального плана Москвы и не было, и нет — есть техническая проработка на 7,5 млн чел. до 90-го года. Эту проработку выдают за генплан. Гришин — это об удачливом сопернике — разогнал людей, которые помнили, в каком году и какого диаметра трубу водопровода ставили. Много проблем в Москве было дутых. Например, разговоры о нерентабельных детских садах. Когда подсчитали (всего 4 % годового объема строительства), это сразу дало огромный прирост высвобожденной рабочей силы (женской). Он не говорит плохо о Гришине, но в разговоре неприязнь к нему из-за Москвы.

Я опускаю здесь трагическую политическую ситуацию в Афганистане. О посольстве, об экстренных мерах в случае катастрофы, действиях по тревоге — держу в памяти, не на бумаге.

Похолодало, в горах выпал снег. Н.Г. Егорычев также рассказал множество и других случаев, наверное, я ими воспользуюсь на ТВ. Но вот один: он по утрам, чтобы ездить на дачу, брал свою собственную машину, и каждый раз на повороте его, первого секретаря горкома, гаишник сгонял с левого ряда, когда по тому же Минскому шоссе мчались на те же дачи на казенных машинах маленькие начальники. Такая инструкция, такое распоряжение, такой порядок.

28 августа. Утром были в Музее истории — один из лучших музеев мира. Бактрия. Ее культура. Как же мусульманство разрушило весь этот мир!

В обед — в четыре Музее этнографии, расположенном в одном из королевских дворцов. Тут же Вера Борисовна рассказала, как девочкой ходила в Кремль при Сталине. На каждого ребенка было изготовлено удостоверение.

Перед ужином был в доме у 77-летнего Парванты, книжника и ученого, посвятившего жизнь книге. Сидели в комнате сына, тоже уже профессора. Весь потолок затянут парашютным шелком, много резной мебели и европейского фарфора. Потом хозяин показал свои комнаты и сад. Фотографии. Он у могилы Хафиза.

4 сентября, воскресенье. Обнинск. Вчера уезжал в Москву. В МТЮЗе открытие сезона, "Собачье сердце". Спектакль в фонд памятника жертвам сталинизма. Делали досъемку в передачу 6 сентября. Взял два интервью у Ник. Петр. Шмелева и его семьи,

дочка Катя — юный зритель, и у М.М. Плисецкой. Очень любопытно. Я: "Почему вы не в Большом театре? Сегодня там открытие сезона с "Иваном Сусаниным". Она: "Эта опера идет уже двести лет". Оператор мне потом сказал: в каждом ушке у нее бриллиантов на 20 тысяч и пуговички на платье (к сережкам, кругленькие ушки) — по 10. Я у нее спросил: "Какие у вас творческие планы?" Она: "В этом сезоне я танцую "Чайку" и "Кармен", и у меня работа в Мадриде с испанским балетом". Я ей сказал: "Ну, слава Богу, что вы немножко потанцуете и у нас в Москве".

Плисецкая, как и Уланова, небольшого роста, довольно проста и непритязательна в общении. Очень трудно совместить этот ее образ вместе с ее бриллиантами и то громадное художественное впечатление, которое она производит. На руках, вокруг рта старая, как у ящерицы, кожа. И тем не менее, и вопреки!

Наконец-то познакомился с Генриеттой Яновской. Кстати, в ее спектакле, мне показалось, очень много новых деталей. Может быть, она дорабатывала? Нет. Плотность театрального текста такова, что не все сразу замечаешь. Говорят, вокруг ее манеры и ее спектакля какая-то возня, которую поднимает О. Ефремов. Завидуют, суки. Здесь есть воображение, смысл, настоящий театр — как я говорю, на коврике — и прекрасные актерские работы. Через все это нагромождение "правдой таланта" просвечивает вечно непримиримый Булгаков.

На спектакле был Б.Н. Ельцин — ему устроили овацию. В антракте в кабинете у Яновской Ельцин пил со всеми чай, я рассмотрел его: энергичен, румян, здоров.

Из последних событий: через день после возвращения из Афганистана был у Ю. Верченко, тот предлагал мне на выбор — брать издательство "Советский писатель" или еженедельник "Литературная Россия". От "Советского писателя" отказался, отвертелся — счастлив до безумия. Дай Бог, и "ЛР" меня минет, хотя стремление посадить меня за работу есть у всех. Нужен специалист, чтобы работать.

6 сентября, вторник. Вчера утром ездил на Большую Молчановку: Валерию Юдину должны были привезти купленный шкаф. Сидел, караулил. Возле Верховного суда на ул. Воровского — толпа из "зарубежных" корреспондентов: судят Чурбанова. Вечером по программе "Время" ничего, естественно, не показали, но перечислили подсудимых из МВД — по-моему, сплошь узбеки. Делают все, чтобы отвести от Москвы. Вот тебе и гласность!

К вопросу о гласности и моей работе на ТВ. Пленку из Театра Яновской уже смонтировали: отрезали кусочек от Плисецкой,

кусочек от Шмелева. Все очень мило, никого не обидели.

Пришел "Огонек" с новой статьей Натальи Ивановой. Все о том же. Читать не стал. Вот написала бы она о бесстилевой литературе этого периода. Раньше было проще: десяток цитат из "великих" — и все в восторге от остроты. Как мешают литературе злоба и ангажированность!

Читаю книгу Г. Вишневской — в книжке полно прелестных подробностей. Но все политические пассажи очень раздражают. Все это сиюминутно. Господи, помоги быть честным и искренним!

Сегодня впервые иду в Литинститут. На работу туда меня пригласил Е.Ю. Сидоров.

7 сентября, среда. Вечером вел "ДВМ". Как всегда, проект был интереснее и лучше. Обидно, что в последнюю минуту кто-то из начальства снял с эфира (по рассказам, то же самое произошло и накануне) сюжет о суде над Щелоковым. Сама формулировка, пропущенная через ТАСС, свидетельствует, что процесс пытаются свести, ограничив до узбекского: узбеки и Щелоков. Оберегают Москву и другие благословенные места.

8 сентября, четверг. Утром чуть-чуть работал. Из "Знамени" от Эли никаких известий — а она знает, что мне надо уезжать. Сегодня в 15.00 выступил в Музее Толстого на Кропоткинской. Я был один, без пиджака и один рядовой. Тезисы я набросал в метро.

1. День рождения. 160. Это лишь день рождения ребенка. Жизнь Толстого — это еще нам урок, как человек делает из себя гения.

2. Храм культуры. Много колонн и имен. Столпов, на которых все держится, немного. Один из них — Толстой.

3. В чем заслуга? Диалектика души, бытовизм, государство и человек, сострадание? Внедрение, как достижимого, положительного идеала. В этом смысле он — АнтиДостоевский.

4. У Ленина: "Гениальный художник и никуда не годный философ". По-разному они философию воспринимали. Толстой — как свободу личную. Философия личной свободы.

5. Толстой — один из первых установил этические нормы поведения писателя в обществе.

Ю.С. Мелентьев и Мясников все время двигали меня вперед. Вот так я и пробрался к ленточке на открытии. Буду помнить. Все успокоится — приду в музей один.

9 сентября, пятница. Вечером из Фрунзе вернулась Валентина. Приехала ночью, в 3 часа, уже в пятницу. Всякая утренняя суматоха, и к 3 часам дня я поехал, не выспавшийся, на семинар. Обсуждали Валеру Терехина. Это самый молодой парень из моего семинара — 22 года, похож на грузчика. Рассказ.

"Дождь". Сложная, но не выполненная полуфрейдистская коллизия. У парнишки очень плохо с языком, не держит в сознании сцену, все разрежено, огромное количество штампов и привычных на слуху словосочетаний.

Чтобы заниматься культурой, надо ею заниматься.

Дочитал мемуары Н. Мандельштам в "Юности". Произвели глубокое впечатление простотой, сдержанностью и стремлением докопаться до дна. Как это важно, когда человек понимает, с кем он живет. Интересно, что в этих мемуарах проскользнула тема имитаторства, внешнего выполнения долга и вторая, очень для меня привычная — страха, летаргии эпохи. Как жалко, что и ко мне, и к тысячам людей это чтение пришло так поздно. Наверное, и в своем романе я бы кое-что сделал по-другому, если бы прочел прежде.

15 сентября, четверг. Завтра ТВ — московская программа. Из последних событий: выступление 12-го на ВДНХ в "Неделе журналов". Два с половиной часа были вопросы только о политике. Я свое выступление построил как размышление о литературе. Очень смущает политизация читателя.

Во вторник был семинар в Литинституте. Я ведь столько занимался молодыми и воспринимал все это как досаду, а здесь эти ребятишки постепенно входят в меня. Отсутствие детей или синдром учеников? Обсуждали рассказ Миши Лайкова — какая возвышенная и полная одаренность. Один недостаток: он более одарен, нежели умен! Но я думаю, что фонарик засветится.

Валера Терехин принес мне, как индивидуальное задание, монолог припорожного коврика. Все через раз, то "видит", то "знает". Собиратель смысловых штампов. Выучу. Я уже думаю о дипломах ребят.

Сегодня утром ездил к Вячеславу Афанасьевичу — сделали мне блокаду. В.А. прекрасный и отзывчивый человек. Написал письмо в Афганистан Геннадию Клюкину (переводчик, подполковник).

24 сентября, суббота. Живу в Ялте с 17-го и уеду 26-го. 27-го у меня семинар в Литинституте. Я заметил, что студенты все плотнее и плотнее "залезают" мне в душу. Недавно подумал, надо начать говорить с каждым и постепенно делать с ними дипломные работы. Старательно и упорно разнашиваю ногу. Минутами, особенно по ночам, прихожу в отчаяние, что это навсегда. Да, в общем-то я, пожалуй, простился с молодостью. Надо переходить на другой ритм и на другой стиль, а главное, перестраивать себя внутренне. Впрочем, этим я уже и занялся. Природа мудра, постепенно она приводит человека к решению необходимых задач, он с грустью, но, пожалуй, без сожаления

прощается со своей молодостью. Прощай, прощай. Да было ли в этой молодости счастье? Пожалуй, были признаки успеха и признаки счастья, а так посмотришь — одни мучения и видимость успехов и блеска.

Долго не звонил в Москву. Как всегда, боюсь связи с внешним миром. Боюсь стрессов, которые не дадут мне жить и размышлять. Все, собственно, получил полной мерой. Из новостей — звонила литовская переводчица — кто? зачем? И звонили Ю.Н. Верченко с Борей Тихоненко: оба, наверное, по поводу директорства в СП. Я чувствую, они меня сломят. За ночь вчера я выработал, пожалуй, план и решил: кого куда поставлю.

В Ялте довольно много сделал по мелочам: написал рецензию на Валентину Соловьеву, рецензию на книжку Саши Цыганова, это мой ученик еще по сыктывкарскому семинару, сформулировал план телевизионной передачи. Сегодня, пожалуй, займусь романом, он у меня с собой. Я даже жалею, что оставил замечания Оскоцкого — сейчас самое время их реализовать. Великое дело — отторжение от близких и знакомых.

Очень много думаю о сервисе, о сфере обслуживания — это здесь меня окружает — и через все это прихожу к каким-то более обобщенным идеям. Все довольно безрадостно. Бардак в ресторане, жалобы туристов, ленивая ялтинская новь, отсутствие у большего числа молодежи высоких человеческих целей — все это вызывает чувство тревоги. Может быть, вторую главу "Власти культуры" начать с сервиса? Был на гастролирующем Вильнюсском варьете. Понравился канкан и несколько номеров из старого рока и буги-вуги. На память в тетрадь дневника приклеиваю билетик. Очень интересная на этом варьете произошла история. Я "высчитал" двух молодых людей — он и она — с их постоянным дивертисментом в жизни они действительно артисты.

Читаю сборник "Мой любимый рассказ". В этом чтении крепнет уважение и радость к профессиональному умению моих сверстников. Пока особенно понравился Баженов. Как ни странно, потух мой любимый Руслан Киреев — мелкая, по деталькам, многословная жвачка. Из мимолетных впечатлений уже делает рассказы. Эти мимолетные впечатления надо копить, прессовать. Много пишущий писатель — враг себе, если внимательно не следит за возникновением нового качества — следи за этим.

Много начинаю думать о новом романе. Возникают, высвечиваются из темноты отдельные эпизоды: телевизионный комментатор, нажимающий на кнопку микрофона, мальчик, сидящий в Ливадии на дереве — забрался и не может слезть, страсть к могилам (бабушка).

Заголовок, видимо, тот, который придумал СП — "Эффект Близнецов".

30 сентября, Рязань. В понедельник вечером приехал в Москву, а на следующий день уже уехал в Рязань. Во вторник утром провел семинар. Обсуждали Диму Сучкова. Как почти обычно, есть виртуозные пассажи, но с трудом выстраивается концепция, и материк весь дрожит, желеобразный, не стойкий.

Для меня все началось с вечера в филармонии. Говорят, что я был первым, с кого народ начал слушать. Сделал эссе минут на 10–15, несколько раз аплодировали. Комплекс обычных мыслей. Меня поражает, как писатели присваивают себе право говорить за совесть и человечество. Все было, как обычно. Распутин (рок и конкурсы красоты), Бондарев — о литературе. Все это продолжалось и на заседании секретариата, но еще с выходом (Ю. Лощиц, С. Лощенков) на еврейскую проблему. Такой большой народ — и вдруг его захватили 2 млн евреев. Как же они умудрились?

На экскурсии 27-го числа показали Рязань. Теперь никогда не забуду этот Кремль и стать собора.

Вчера вечером выступал с кучей провинциалов — слабо и неинтересно, кроме двух произаиков — Вл. Арсентьевича Ситникова и Юр. Борукина. Задавали вопросы о Солженицыне, о подписке, об "Огоньке", о Н. Ивановой, о "забытой литературе", как оцениваю литситуацию?

Сегодня продолжение, и у меня две встречи: с воинами Афганистана и авторский вечер вместе с Вл. Костровым.

1 октября, суббота. Утреннее заседание, плотные, интересные выступления Бондаренко, Лобанова. Очень неинтересно — о пьянстве, узко и однобоко — Викулов. Дал интервью ТВ, встреча с афганцами. Здесь пришлось дать маленький бой Бондаренко (дети партработников — Севрук и Лещинский), и потом авторский у нас с Вл. Костровым вечер. Все прошло нормально. "Приокская правда" напечатала мое выступление на вечере. Местное ТВ дало его тоже. Видел себя только краешком.

2 октября, воскресенье. Вчера ездил в Спас-Клепики. Было два выступления — на ватной фабрике и в ПТУ. По дороге заезжали в Солотчу. У меня было превратное представление о Рязанщине, как о земле достаточно пустынной. Красивый монастырь, стоящий на речной, окской стороне. На другой стороне в ясный день видно Константиново.

Сегодня утром проснулся от крика. Выглянул в окошко — внизу люди собирались на праздник Есенина. Вся площадь запружена. Вот и один из ответов об интуитивной тяге к

культуре. Моя надежда найти в Спас-Клепиках Е.И. Федуттинова, моего сержанта в армейской службе, не осуществилась. Никто из встреченных мною такого человека не знает. Вот и оборвалась армейская ниточка. Прощайте, товарищ старший сержант!

Вечером с автобуса на автобус — поехал на вечер "Нашего современника". Пробыл только один час и уехал — все было скучно, Куняев, А. Кузьмин повторяли уже сказанное. Викулов, по обыкновению, нес полуграмотную чепуху. Грустно. Такое ожесточение в "русском направлении" иногда связано с собственной недостаточностью художественной практики.

Спас-Клепики теряют свой "Спас". В городе, куда бы ни пошел, "Клепиковский" район, "клепиковская" школа, карта и административные документы еще держатся.

Был в прекрасном Музее Есенина. Как все же многому мы обязаны неутомимому Ю.Л. Прокушеву!

Сегодня в Константиново и — в Москву!

21 октября, пятница. Я даже боюсь дневника. Так страшно жить и получать известия. Юра снова в больнице. Вечером был у него. Он вышел из палаты такой худой, как мальчик, я его не узнал. Когда прощались, я обнял его. Родное памятное тепло, пригладил голову — тугие с сединой волосы. Вспомнили маму, отца. Он очень мучается.

Позвонила Лена, сестра Валентины, — все очень плохо, метастазы в печени, надежд нет. А я не хочу этому верить. Какая же будет смерть у меня? Когда? Все время идет редактура романа. Мне кажется, Эля старается очень многое сократить, я сопротивляюсь и уже не знаю, что получится. Жизнь — сплошное страдание. Значит, надо мучиться на полную катушку.

28 октября, пятница. Продолжаю редактировать роман для "Знамени". Заголовок вроде утвержден — "Соглядатай". Это быстрая придумка Валентина Курбатова, с которым я жил в одной комнате в Рязани, критик из Пскова. Вроде бы такой же заголовок есть у Набокова. Меня это мало смущает.

Совершенно деморализован всей историей с Юрой. Два раза в неделю езжу к нему в больницу. Мне кажется, я наблюдаю собственную смерть. Пожалуй, теперь надежд нет уже никаких. Он худеет на глазах, ничего не ест. Меня все время преследует мысль, что изнутри его кто-то быстро пожирает. Сколько в нем, оказывается, доброты, юмора, бесшабашной решимости. Но это удел всех: узнавать после смерти.

Мысли о смерти все время меня преследуют. Успокоило только высказывание Толстого, что если за день человек ни разу не подумал о смерти — значит, день он прожил напрасно. Я ведь думал, что это моя какая-то аномалия, и вот — жизнь без детей.

Умирать мне стыдно — одному! Господи, пошли смерть внезапную, безболезненную и трагическую!

Надо начинать новую работу. Сознание двоится и вибрирует: пьеса с афганцем, проституткой и гомосексуалистом и рассказ. Я все же по-настоящему доберусь до "Имитатора". А может быть, написать "Имитатор-2"?

О Есенине и селе Константиново. Не написал в свое время, так нужно сейчас. Все произвело огромное впечатление. И дом, который, оказывается, сгорал и был восстановлен, и река, и природа.

Недавно в статье в "Моск. литераторе" прочел о неизвестном сыне Есенина — Василии.

3 ноября. Вчера был у Юрия. Он чудовищно похож на мать, беспомощен и безумен. Господи!

Утром написал письмо С. Демиденко по поводу его статьи. Вот текст: "*Дорогой Сережа! Я прочитал твою статью в "Московском литераторе". Наверное, это наше свойство — нравственная объективность. Последнее время я много размышляю, почему у Н.И. Бухарина была такая эстетическая глухота к стихам С.А. Есенина. Видимо, чувство справедливости пересиливали групповые интересы и прозападная ориентация, т. е. многие годы эмиграции.*

Все это особенно интересно в плане развития дискуссии об исключении Б.Л. Пастернака из СП. Одни считают героизмом, что не пришли, другие — что промолчали. Я думаю, неуютно перед совестью всем, а особенно тем, кто говорил, говорил. На молчании ведь многого не возьмешь, а за говорение хорошо получили. Мне кажется иногда, что гибель Есенина — это выход из ситуации молчать и слушать или протестовать. В такой трагической ситуации русский художник мог распорядиться только собою. Ряд продлен: Пушкин, Лермонтов, Есенин, за ним — Маяковский.

Статья интересная. С праздником и здоровья. 3 ноября".

Завтра уезжаю к Вале на несколько дней в Ригу, она там в Доме творчества кинематографистов в Мелужи.

6 ноября. Очень быстро, без волнений и особой усталости долетел. Вечером пошли на взморье. Я здесь впервые — ухоженный пляж, объявления, лесочки, за дюнами дачки, пансионаты. Пустынно, одиноко, хорошо, можно только представить себе, что здесь делается летом.

Вечером 5-го ходили на "Ностальгию" Андрея Тарковского. Личность художника так сильно приваривает к сюжету, что уже неясно, где миф творит художник, а где зритель. К крупной метафорической вещи все присовокупляется.

11 ноября, пятница. Девятого в обед в Мелужи сообщили,

что умер Юра. Ожидал ли я по своей некритической манере, что "все обойдется"? По крайней мере, я думал, что его болезнь продлится еще несколько месяцев. Болезнь — жизнь. И все же первое чувство после этого известия была радость за него. Жизнь всегда жизнь, но его мучения впереди были безграничны. А может быть, я уже простился с ним в среду, перед праздником, когда был у него в больнице? Господи, худой, с "уткой" на постели, он рассказывал мне анекдоты. Валера по телефону сказал мне, что 7-го в 9.36 у него горлом пошла кровь — опухоль нарушила что-то в желудке, — и это кровотечение остановить не удалось. Прощай, Юра, Юрочка! Как и всегда, столько недоговорили, сколько вопросов я тебе не задал!

9-го же я уехал поездом в Москву. Можно было, конечно, улететь и 11-го (билет пришлось сдать), но как бы я сидел там и отдыхал? Похороны завтра. Я почти холоден. Юру кремируют. Выхожу на последний рубеж. И вот любопытно: думаю о похоронах и о том, как бы уехать на дачу. Прихватив стекло для теплицы.

Юра умер на праздник 7 ноября, в 9 часов 36 минут. Я хорошо помню то утро. Завтрак в столовой, ленивое полусидение-полулежание на койке в комнате — ждали трансляцию парада из Москвы. И прогулку по берегу вдоль моря тоже хорошо помню. Но в ту ночь я плохо спал.

Похоронили его 12-го у Митинского крематория. Ослабнет ли когда-нибудь в моей памяти его лицо в гробу, как слабеет постепенно лицо мамы? Как он бесконечно похудел, и волосы, когда я коснулся их, были не его, желтые. Или умерли и волосы? Брат мой, теперь уже терпимый ко всему, все понимающий, прости. Мама, отец! Я много плакал — в морге Боткинской, в машине, когда на поворотах придерживал гроб, в крематории… Но тем не менее заметил деталь, которую никогда не видел раньше: в самый последний момент гроб перевязывают широкой лентой, на которую пришпилен кружевной конвертик, в который кладут документ, концы ленты пломбируют (у распорядительницы пломбир и свинцовые пломбы). Ворье наступает.

На поминках видел Лену, Понкина, Ляльку с Николашей Георгиевским. Хороший, славный парень.

15-го, на девятый день, вел на ТВ передачу.

7 декабря, среда. Уезжаю в большое путешествие как турист: Индия, Непал, Таиланд, Сингапур. Как всегда, все довольно случайно. Может быть, даже бегство от зимы, от неописуемости, оттого что кризис и надо поворачивать судьбу, искать новую тему, другие изобразительные средства. Та, прежняя жизнь,

закончилась. Очень надеюсь на новый начатый рассказ — эссе, публицистика и мои впечатления. Но не много ли в моих писаниях мстительности? Как же я жажду положительного идеала, но где он? Какая-то бытовая гонка и неустроенность заставляют меня работать в общем-то с короткой формой.

С романом все закончено. Верстка второго номера, выход в свет первого — все это без меня. Вчера узнал новый тираж "Знамени" — 930 тысяч подписчиков. Мне стало страшно тиража, тысяч подписчиков, огромного количества людей, которым — всем — роман мой понравиться не может.

Все время веду занятия со студентами. Я их наконец-то различаю по лицам, скоро, наверное, начну различать по литературе.

Довольно много последнее время читаю разных мемуаров. Как часто проговариваются эти мемуаристы. Совсем, например, не идеальный образ Н.И. Бухарина вырисовывается из апологетичных воспоминаний Н. Лариной (Бухариной). Они там, в высших эшелонах партийной власти, не спали-дремали: столько интриг, междоусобиц.

10 декабря, суббота. Вчера поздно вечером вылетел с группой в Индию. Наш маршрут — Индия, Непал, Таиланд и возвращение через Сингапур. Группа большая, известинцы, кое-кто знаком еще по прошлым поездкам: Эля Меркель, Лида Ивченко. Из новых интересует пока Андрей Мальгин и Толя Рубинов. Я живу с ним в одной комнате.

После обеда поехали по Дели. Может, я начинаю объезд прошлого? Все сегодня воспринимается по-другому, чем 10 лет назад, основательнее. Все в иной тональности и освещении. И первое — как хороша столица, которая ради своих правительственных задач не портит сам город, как столичность портит Москву. В городе, оказывается, нет промышленных предприятий и этажность регламентирована: несколько высотных гостиниц в центре и пятиэтажки.

Центр смотрели уже в сумерках, парламент, президентский дворец, офисы таинственно выплывали из тумана. Во всем целесообразность и "рост", сделанный на многие годы вперед. Как, кстати, точно Англия сумела уйти, вроде бы даже признать свои исторические ошибки. И оставить целую страну с английским языком и английской культурой.

Большое впечатление произвело место кремации Ганди. В ту пору, когда я был здесь последний раз, на широкой долинке не было и следа камней, доставленных из Гималаев к месту кремации Индиры Ганди. Печальная долина великих заселяется.

Вечером национальные танцы и еда. Не забыть о Шиве

(историю с обманом и женщиной, которая его переплясала).

Живем в пятизвездочной гостинице "Ашока". Кормят хорошо и разнообразно.

11декабря, воскресенье. Дели. Повторяюсь: по-другому смотришь через десять лет на те же памятники. А может быть, тогда еще казалось "все впереди", а сейчас — "все в последний раз". Удивительно и то, что в прошлый раз те же памятники были восприняты не так ярко. Делийский мавзолей, например, выразительнее мавзолея в Агре и рядом с Кутеб-минаром комплекс храмов IV–V?веков. Все эти камни поворачиваются к людям, и за строениями читаются отношения, быт. А, в принципе, очень после себя немного оставляет человек. Удивительно и то, что начинаешь "сшивать" разноместные явления и памятники: Сады Бабура в Кабуле и мавзолей его сына в Дели. Легкий камень на его могиле под городом в Афганистане и царское кладбище с почти тысячью захоронений и тяжелым камнем над могилой второго Могола. Но тут же еще один полупрозрачный камень над могилой Тимура в Самарканде. Как между этими камнями перетерлось человечество, народы, семьи, люди, личности. А память ведет и дальше — к мечетям Кордовы, Севильи и Толедо.

По-другому воспринял Красный форт. За десять лет сильно поприбавилось народа в музеях, но и все пообветшало заметнее. Весь тот хоровод перед входом в магазины — галантерейный ряд дешевых инкрустаций и украшений — уже меня не волнует. Не волнует и кожа, которую покупали наши женщины, не волнуют и "чейнджи", которые они совершают. Кстати, простой народец русские слова "мыло", "утюг", "духи", "сигареты" — подвыучил прилично.

Дом-музей Индиры Ганди. Очень целеустремленная и честолюбивая жизнь. Одному из застреливших ее охранников 23 года, второму 28. Один из них, этих сикхов, был чуть ли не ее приемным сыном. Это о доверии на Востоке. О национальном, интернациональном и родовом.

Несколько слов, чтобы не забыть о быте: вчера обедали в индийском ресторане, ужинали — во французском, завтракали сегодня в ресторане "Самовар" и обедали в китайском. За пару дней турист получает целый веер гастрономических ощущений. И контраст: наши огромные, как вокзалы, тупые и без почерка рестораны при гостиницах. Боже, я все о нашей стране!

Начал и потихоньку двигаю "Смерть геодезиста". Медленно. Завтра уезжаю в Агру.

12декабря, понедельник. Джайпур. Под вечер, когда автобус, обгоняя слонов, несущих паланкины на спинах, спускался к городу, сверху, из крепости навстречу прорвались женщины с

какими-то светильниками, которые они несли, как мешки, на голове. Сезон свадеб: готовятся! Уже две свадьбы я видел. Одну роскошную в Дели. Кратко описываю: жених на белом коне, на расшитом седле, впереди оркестр в какой-то немыслимой гражданско-полицейско-корнетской униформе, распорядитель. Между оркестром и женихом на лошади — пляски. С боков молодые рослые ребята с лампами дневного света (провода протянуты к грузовику, идущему сзади), а впереди, перед оркестром, несут еще на шесте и горящую люстру.

На следующий день меня тронула бедная свадьба. Детишки, оркестр, женишок на лошадке, попонка. Днем — значит, без ламп, без люстры. Сверстнички или родственнички наяривают перед лошадкой. Трогательно, сердце сжимается, когда видишь эту бедноту и лакированные штиблеты и новенький, с иголочки, но недорогой костюм. Впереди жениха совсем маленький мальчик — это опекун будущих детей молодой семьи, если что-нибудь случиться. Жених едет за невестой…?

Эти фонари вместо факелов и этот белый конь… Где традиция, до какой границы она держится, когда умирает?

Постепенно я все узнаю — туристские маршруты меняются медленно — и очертания гор с зубчатой стеной и башенками замка, загородный дворец магараджи на озере (за десять лет озеро еще больше затянуло ряской), город таким и остался, дремлет с XVII века, и базар окружает городской дворец. Дворец еще до сих пор остается собственностью магараджи, видимо, поэтому поддерживается в порядке. Сон, явь, узнавания или новые впечатления, внутренние дворы, бабочки на мраморных панелях, резные решетки, вделанные в стены и покрашенные терракотой, и дворец за городом. Вот крутую дорогу со слонами, на которых везут туристов, помню — но обезьян, кажется, прошлый раз не было.

Чтобы не забыть: колокол в храме (ходили босые), наружные росписи, без реставрации существующие с XVII века, слоны с паланкинами, долина — вид вниз. Поразительные миниатюры во дворце.

Все остальное, как и всегда: соотечественники, позабыв про честь, меняют утюги, мыло, сигареты и т.д. В этот раз я злобствую меньше. Завтра Агра. Лавочки, грязь, море цветной капусты — надоели.

13 декабря, вторник. Сегодня у индийцев какой-то специфический мужской день. Все моются, постятся, молятся богам. Пока пять часов ехали из Джайпура в Агру, все время у колодцев моющиеся мужички. В одних трусах, окатывают себя водой. Выехали в 8, приехали около двух, и в три — экскурсия.

Все, как обычно, — Тадж-Махал, новый Красный форт, магазины.

Как же трудно сохранить неожиданное впечатление после магазина с его гвалтом и мелкими страстями! В этом смысле все, как и всегда, — роковые, унизительные страсти. Люди подготовленные, закаленные в обманах и корысти. Как же воспаляет все это человека, оскудевает его душу! После этих низменных картин надо удержать в памяти и возвышенное.

Как удержать этот торжественный, будто висящий в воздухе Тадж-Махал? Его теплый мрамор под босой ногой, вид через реку. Я посмотрел в бинокль: взрослый и мальчик шагают по отмели.

А Красный форт! Стервятники на зубцах, огромная дверь, зал аудиенций — я сразу его вспомнил, фонтан. Вообще-то довольно однообразные представления о роскоши: вода, мрамор, гарем.

Не забыть бы еще вчерашнюю сцену. В ресторане ужинают двое европейцев, семейная пара. Рядом, на кресле, уткнувшись носом в обшивку, мальчонка спит, ножка свешивается на пол, на локотке ссадина, заклеенная розовым пластырем, белая головка. Я поглядел, как отец поднялся, уже увидел, как пара уходила — через плечо этот спящий мальчонка был перекинут, как котенок, как заяц через плечо охотника.

14 декабря, среда. Уже в Дели. Ехали на автобусе 5 часов. Накануне вечером долго с Толей Рубиновым гулял по саду — наши "девочки", естественно, ушли гулять по местным помойкам, "меняться". Толя рассказывал массу интересного о Москве — он пишет книгу — о банях, туалетах и т.д. Утром я минут 20 бегал по этому роскошному, ухоженному саду.

О двух вещах я размышлял в автобусе. Какая по сравнению с нашей экономная страна! Нигде не валяется никаких отходов и остатков, все сложено, складировано, продано и снова ищет своего покупателя. Но, с другой стороны, как широки и разветвлены связи, как старательно "продавец" ищет покупателя. Много говорилось о жизни на улице, подчеркну еще раз спят чуть ли не на проезжей части, завернувшись в одеяло, стригутся, ремонтируют машины, варят и едят, вулканизируют шины, трещат электросваркой, красят, продают, обрабатывают дерево. Но самое интересное другое — эта весьма современная простая жизнь продолжается в библейском единении с природой и животными. Все как бы в едином цикле бытия, вместе, питается с одного поля и спит, согревая теплом друг друга. Собственно, это и есть мое второе. По мелочи: в этот раз значительно больше стало людей и машин, нахальнее и наглее продавцы и менялы. Престиж русских, видимо, сильно упал. Но интернационализм проявляется в том, что с одинаковым энтузиазмом русские, эстонцы, латыши, дагестанцы и украинцы, как с туземцами, а

вернее, как туземцы, меняются с местным населением.

После обеда попытаюсь истратить свои деньги — пойду на Тибетский базар.

16 декабря, пятница. Варанаси. Это то, что англичане называли Бенарес. Из легенд, из детских книжек, из кинофильмов? Ожидания были. Но еще вчера, когда мы с приключениями, ожиданиями и кружениями прилетели в Варанаси, я вокруг увидел все то же: лавчонки, пыль, открытки, уличная жизнь, свиньи, сидящие на корточках продавцы, дымки над лотками и передвижными кухоньками, кипящий жир, сладости, закрытые стеклянными колпаками, пирамиды фруктов, бананы, цветная капуста, манго, кокосовые орехи, коричневые тела, инвалиды, попрошайки, нищие, дети, собаки и ленивые, роющиеся в мусоре и газетной бумаге коровы, так вот еще вчера, еще вчера ничего не предвещало легенды — только предупреждение гида: святая река, пепел после кремации, каждый хотел бы умереть здесь. И еще: в сплошном, как осиный рой, потоке моторизованных рикш — мотороллер с полированным лаковым кузовом — гид вдруг показал на одинокий, назову возвышенно, экипаж. На крыше, на багажнике, привязанный тоненькими веревками из желтой копры большой сверток, свободно закрытый алой шелковой материей, — это привезли без гроба труп для кремации в священном городе. В кабине автомобиля сидели родственники, а наверху — ушедший, умерший, навсегда сгинувший.

Сам город меня не поразил — я просто не знал, что он, его истинное лицо, группируется вокруг одной артерии. Во время духчасовой экскурсии нам показали "обезьяний храм" — он посвящен одной из ипостасей Парвати, университет с индуистским храмом, археологические раскопки и буддийский храм.

Наверное, и это благо, в этом залог долголетия — слову, преданию и памяти человека придается большее значение, нежели камням и тяжелой, ритуальной стороне жизни. Совсем скромен буддийский храм на месте первой проповеди Будды, скромен Золотой храм и совсем непосещаем храм Родины Индии, той новой религии, которую пытался организовать Махатма Ганди. Но ведь нация-то сохранилась во имя религии. Единство народа гарантировано образом жизни и незлобливой общностью религий. В детстве все чисто и наполнено разумным состраданием и разумным равнодушием.

Наши туристы много говорят о грязи, о пыли, о неряшливости. Но вот что интересно: когда сегодня утром мы возвращались с берега Ганга, то у "прокаженных", инвалидов,

больных и попрошаек были свежие, еще не испачканные за день бинты. С другой стороны, когда едешь, то у любого колодца, почти у любого маленького инфицированного озерка моются или стирают люди. Поражает и в больших городах — на кустах вдоль дороги, на балконах, на заборах, принимая их форму, висят или разложены одежонки. Возле гостиницы, например, на траве сидят с допотопными ружьями солдаты-охранники, но на кустиках вдоль дороги их майки, трусики. Солдат служит — белье сохнет.

Будет ли еще время записать поподробнее? Чтобы не забыть — для памяти. Археология. Органическая мощь и вера в древней скульптуре. Ступа на месте, где говорил Будда. Ощущение фундамента Вавилонской башни и подлинности. Место, где родилась религия. Предчувствие мифа и жизни. Долгая прогулка по городу. Самолет опоздал. Бассейн,

17 декабря, суббота. Катманду. Итак, единственный город мира, где живет живая богиня. Ее зовут Кумари. Существуют какие-

то легенды о мальчике и девочке (короле и королеве), играющих в лото. Сам дворец, в котором она живет с 5 до 12–14 лет, пока она девушка. Рассказ об избрании: день, час испытания — ночью в Золотом храме, залитом бычьей кровью, она должна в южной темноте сначала войти в храм, а потом отыскать среди сотни белых цветов один красный. Все это напоминает избрание Далай-ламы или Богуэ в Монголии. Для Кумари существует 32 свойства, которыми она должна обладать.

Все это для меня сразу же каким-то немыслимым образом соединилось с Гангом, с этими проплывающими вдоль берега огоньками, огромными дворцами магарадж и храмами, со ступенями, на которых моются люди, с кострищем на самом берегу, остывающим от проведенной кремации, с горой дерева, оккультно нарубленных и наготовленных поленьев — для другого кострица, с сидящими на корточках людьми, чистящими зубы водой, в которой только что был, может быть, развеян чей-то пепел — все это живая религия и живая жизнь.

Здесь невольно с горечью вспоминаешь все, что уничтожили в свое время мы — "сорок сороков", терпение, богобоязненность и скромность; о "сорока сороках" мне еще много раз придется вспомнить.

У русских туристов определенно есть некоторая страсть к помойкам. В день приезда в Непал, спасая оставшиеся от Индии рупии — дальше их, как и несчастные рубли, в магазинах не принимают, — мы пустились в торопливое плавание по базарчикам. Странствуя от лотка к лотку, от лавочки до лавочки, передаваемые от разносчика к разносчику, мы дошли до "Сити оф

Глорора", огромной площади блошиного рынка перед королевским дворцом. Еще двадцать метров — но может быть, мы сами открыли бы этот поразительный, такой прекрасный и независимый мир. Закопались в свитерах и сувенирах.

Все это тысячи раз запечатлено на слайдах, снято на кинопленку, исследовано и зафиксировано. Я думаю, эта страсть к исследованию близка страсти "присвоения". Открыть — это не только перекрыть чужое значение своим толкованием, но и приобщиться.

Я понимаю: удержать в памяти в конкретных деталях эту удивительную архитектуру, сочетание темно-коричневого кирпича и черного дерева, эту покрытую пылью резьбу, иногда от времени "оплывшую", ставшую рыхлой и теряющей форму, словно сахар в стакане, удержать в памяти оригинальные, не знаемые ранее толкования религиозных сюжетов — невозможно. Все это погибнет, окажется засыпанным пеплом дней, как Помпеи. И все же, и все же, ну, расскажу эту сказочку для себя. Для единственного читателя.

Сказочку про огромную площадь, огромные ритуальные барабаны, три храма-пирамиды, посвященные трем главным индийским божествам, про окно, из которого выглядывают Шива и жена его Парвати, которую он бережно и охотно поддерживает за круглую грудь. Про храм, посвященный женщинам, где рельефные картины, часто далеко не невинные и даже развратные, несут взгляду единение полов. А дверь, на которую израсходовано две тонны золота! А десятки людей, в чьей истовости обращения с божествами не приходится сомневаться. Но не приходится сомневаться и в их с этими божествами отношениях, переходящих порой в амикошонство. Вот так!

Вид на городки и долину с вершины холма. Здесь установлен буддийский храм. Ему более чем 2,5 тысячи лет. Еще не было Христа, а этот храм уже стоял, и обезьяны обживали эти места. И все это было — омовения, крики детей, стремление к усовершенствованию, дизентерия, холера, солнце утром, роса, шорох листьев, стремление понять. О Господи!

Во второй половине дня был в Патане (одном из трех городов, составляющих большой Катманду). Многое повторилось: королевский дворец, ванна короля, его омовения, которые продолжались до трех часов, храм в виде колесницы, память сожжения тридцати жен короля в день его смерти, эротический храм (мальчишки, выслуживаясь перед туристами, смешно выговаривают слово "эротика"), и, конечно, здесь же присутствует его величество "чейндж". Английское слово, которому русские придали свое специфическое толкование. О, вездесущие русские!

18декабря, воскресенье. Мне исполнилось 53 года. Встал в 6, пробежался до форума Патана и обратно. Неповторимая предутренняя жизнь: мокрые улицы, оптовики, раздающие торговцам зеленый товар, подметальщики, люди, чистящие зубы у колонок, жаровни, электрические лампочки, отрывки радиомузыки — декорации, превращенные в среду обитания.

Писал в холле гостиницы дневник. Во вчерашний день надо бы внести посещение дома владелицы фирмы. Дом, гостиница, склад антиквариата. Я произносил речь.

В 9.30 уезжал к подножию Гималаев.

19декабря. Мне уже на год больше. Увлекательный и мучительный сеанс продолжается. Вчера вечером вместе с Андрюшей Мальгиным, Лидой Ивченко и Анатолием Рубиновым выпили бутылку коньяку. Говорили, как всегда, о литературе, жизни. Часов в десять выглянул в окно и — вечно готовый к обману света — увидел: все дорожки, крыши домиков, горы, террассы, все. Единственное сомнение — очень уж быстро. Открыл дверь и, Фома неверующий, вышел проверить. Лунный свет! Феноменальный и чудовищный обман, но это так: волшебство создал лунный свет.

Сегодня подняли в 6 утра и повели смотреть рассвет над Гималаями. Через деревушку, каким-то тропочками, наверх к небольшому плоскогорью и обзору. Описать это невозможно, но, наверное, не смогу этого и забыть. Здесь самое время, конечно, поскулить над невозможностью и трудностью подобных изображений, но ясно одно — с появлением кино и телевидения возможность прямых, как в XIX веке, описаний очень сузилась. Все это можно производить только опосредованно, через человека, через его психологическое состояние.

По дороге сюда, в этот черный гималайский кампус со всеми удобствами и почти совершенным сервисом, нас завозили в третий знаменитый город долины — Котманду.

Наш очень маленький гид — будем звать его Маленький — определенно имеет свою тщательно продуманную систему. Снова храм Шивы, храм Парвати, дурбан — городская площадь, колокол, храм с эротическими сценами. На этот раз, предлагая рассмотреть эти эротические сцены, Маленький высказал несколько гипотез о причинах их создания. Во-первых, есть поверье, что богиня молнии, женщина добронравная, может испугаться этих картинок и, следовательно, обойти деревянный храм стороной; во-вторых, возбуждая в людях чувственные желания, способствовать увеличению населения. Но у него, у Маленького, оказывается, есть еще своя, третья теория. Разнообразные позы и методы сношения вели к зачатию людей с

разными свойствами. В то время не существовал как таковой секс. Перед зачатием люди предавались медитации, посту. Ребенок по заказу. Я уже придумал и фразу: "За границу люди едут, чтобы лучше разобраться со своими делами".

Сразу же после завтрака посадили в автобус и — на аэродром. Открылась гряда торжественных, как скульптуры в храме, гор. Сахарные восьмиконечники. Опять под крылом самолета Катманду с рисовыми террасками, зелень, городки, кирпичные домики. Изнурительная и урожайная работа цивилизации.

Наши женщины болеют одна за другой. По дороге в аэропорт возили показывать в госпитале Лиду Орлову. Тем не менее не успел автобус остановиться, дамы брызнули по лавчонкам. Их баулы неистощимы. Самое пикантное в том, что некоторые наши дамы, оказавшись в горах, не пошли смотреть рассвет, и вообще, что они видели? У госпиталя, говорят, они меняли консервы.

21 декабря, среда. Несколько вещей, поразивших меня в Таиланде. Естественно, это означает, что наша туристская группа прилетела в Бангкок.

1. Небольшое панно из камня в Розовом саду, скорее барельеф. Четыре туловища волов и одна голова. Но кажется, что у каждого из этих четырех волов, лежащих в разных позах, есть своя голова — это полная фигура со своим выражением. Здесь есть мысль о лаконизме и многозначительности искусства.

2. В том же Розовом саду дрессированные слоны. Здесь не было клетки, арены, дрессировщика, тумб, но зато какая точность и поразительная виртуозность работы животных, ничего лучше я не видел. Животные ласково и послушно работали вместе с людьми, как, впрочем, они и живут.

3. Искусство туризма. Все совмещено: культура, познавательность, ремесла, их развитие, занятость. Это, в первую очередь, поездка сегодня в Розовый сад и на Плавучий рынок.

4. Посещение королевского дворца. Эти храмы, повторенные с образцов, свидетельствуют о попытке создать свой Рим или Мекку. Все довольно плоско, кичливо. Очень понравилась скульптура изумрудного Будды. Я смотрел на нее в бинокль: еще один удивительный в искусстве момент — детализация и обобщение. Вот она, возможность создать истинное впечатление. Все очень надоело, устал, волнуюсь о доме. Совершенно не пишу.

24 декабря, суббота. Наконец-то под вечер нашлись чемоданы. Это в Потае, курортном местечке, на берегу моря, в нескольких часах езды от столицы Таиланда. В Бангкоке, в гостинице, утром их поставили на тележку другой группы, улетающей в Японию! Собственно, я пропускаю весь Бангкок,

осмотр города, рынок, работающий ночью. Невероятной дешевизны хлопчатобумажные брюки и рубашки. Покупки. Наши вытаращенные глаза на эту восточно-западную жизнь. Так называемые капиталистические контрасты. Мы с Толяшей Рубиновым оказались в курортной, тропической Потае без вещей. На празднике, так сказать, жизни. Где плавки, рубашки с короткими рукавами? В моей сумке-чемодане оказался даже дневник — огромная амбарная книга. После этого я поклялся себе дневник всегда носить с собою.

Еще до счастливого возвращения чемоданов сюда приехали Бор. Че-ин и его жена Мила, старые знакомые многих известинцев. Это удивительная пара. Как сказала Наташа Колесникова, знавшая ситуацию: "Че-ин, чтобы продержаться здесь лишний месяц — его отправляют на пенсию — и чтобы купить лишний резной столик, готов на все". Итак, сначала они посчитали, что потеря чемоданов — это какая-то месть тайцев, какая-то слежка ЦРУ, а под конец, напуганная Боренькой, вся группа не пошла на шоу трансвеститов, обозначенное в программе. Пропускная способность этого шоу, как следует из газет, две с лишним тысячи человек в день (3 представления), и эти две тысячи такое невинное и известное в мире зрелище смотреть могут, а 30 советских (полу)интеллигентов — нет.

Все это напомнило мне одну сцену, потрясшую меня еще лет двенадцать назад, во время путешествия с туристами по Перу. Мы ехали из Мачу-Пикчи, и вместе с нами, в том же поезде, возвращалась в Лиму группа американцев. Настроение было хорошее, и стихийно все запели какие-то общие песни — "Катюшу", "Подмосковные вечера" и т.п. Желая сделать приятное нам, американцы вдруг, без слов, одними губами, замурлыкали вальс Ларисы из к/ф. "Доктор Живаго", все подхватили, и вдруг в нашей группе какой-то ревнитель общественной нравственности и лояльности закричал: "Не поддавайтесь! Это провокация". Возникла долгая стыдная пауза. Пауза продолжается.

Итак, на "Алькасара, или Тиффани" (как обещала наша программа) мы не попали, но весь вечер и день провели чудесно. Вечером гуляли по городу, а днем ездили на острова.

25 декабря, воскресенье. Стоит поговорить о Лере, о наших дамах. Мы уже в городе Чингмайе, состоялся праздничный ужин в гостинице, свечи, 27 градусов тепла, открытый воздух, веранда, бассейн, детский хор исполняет рождественские песни. В Потайе, в роскошной, вышколенной гостинице я видел, как Лера четыре раза подходила к прилавку со шведским столом, складывала в сумочку тосты, пачечки с маслом и джемом. Это все будущие зарубежные сувениры. Советский человек, привыкший воровать у

государства, переносит свои принципы и на частную собственность за границей. Ему кажется, что все — общественное, и пройти спокойно мимо этого он не может. Мы даже стали к подобному снисходительны — видим в этом чуть ли не доблесть. И наша Лера — чемпионка доблести, я поленился за ней записывать ее милые приговорчики. В день приезда разгорелся скандал с появившимися тут же Чехониными: начал Феофанов. На следующий день Поляновский во что бы то ни стало захотел объясниться. Поехали.

29 декабря. Боже мой, как надоело. Душа совершенно глуха. Знакомое ужасное чувство интеллектуальной слепоты и магазинного утомления. Уже тысячу раз я говорил себе не поддаваться на этот психоз и каждый раз не могу справиться с собой.

Уже в Сингапуре, который не видели, а только стадом проходили по магазинам, но начну по порядку.

Утром 26-го в Чингмайе поехали "к слонам". Этот аттракцион добил меня окончательно. И опять главное: сочетание, органическое единство слонов и людей, никаких загородок, особых предосторожностей. Слоны с разумом, охотой и старанием делали свою работу. Запомнил, как большой слон подкладывал ногу под бревно, чтобы перехватить его хоботом: это уже была не дрессура, а прием работы.

Перед самолетом заехали на ферму орхидей. Здесь нечего описывать, и все же очень много моих соотечественников, видимо, глухи ко всему этому.

Вечером уже в Бангкоке, где переночевали в той же гостинице, были — Рубинов, Федоров и я — в посольстве. Оказывается, за всем этим тоже разыгрывались страсти. Приходил Чехонин. Все, что нужно, ему высказал Поляновский. Я добавил.

Утром вылетели в Сингапур. Хочу в Москву!

1989

3 января, вторник. Встал еще до шести. Настроение плохое, тревожное. Спрашивается, а чего, собственно, мне горевать? Очень подействовал разговор с Г.Я. Баклановым еще 29 декабря, в день приезда. Только сейчас и мне стало ясно, какое непростое сложилось положение. Может быть, зря я в свое время отказался от "Совписа"? Ведь рано или поздно зажмут, перекроют кислород, начну писать в стол. Власть захватывает коротконогая деревня.

Прилетели 29 из Сингапура. Впечатления от этого города записывать не буду, только отмечу сад птиц и сам город — какая мощь, какая красота, элитарность!

На Новый год ездили в Болшево. Все, как обычно, около 2-х я уже спал. Прочел окончание верстки "Соглядатая". Опять кажется, что ничего уже больше не напишу. Сегодня еду за версткой книги в "Современник". Грустно и плохо.

В свое время не записал сна: снились мне Юра и мама. По-моему, они меня ждали. Было радостно от встречи с ними. Господи, Господи, Господи. Потихонечку пишу рассказ "Реквием геодезисту".

5 ***января, четверг.*** Читаю верстку книги. Роман в ней значительно живее, дыхание органичнее. Вчера смотрел новый фильм Сакурова "Дни затмения". Огромное впечатление, хотя и чувствуется некоторый у него кризис. Это обычно, когда человек насильно хочет обрести философию. Философия — это органика и — все. В фильме довольно много "закрытых" цитат, и тем не менее…?

13 января, пятница. *С* электричкой в 8.17, как всегда, приехал в Обнинск. В магазин за молоком и через лес, мимо дачи Кончаловского, к себе на участок. Тепло, около 0. Печку не топил, включил все электроприборы. Сейчас, к 18.00, уже около 14 градусов. За пять с половиной часов.

Как много, оказывается, значат для человека сосредоточенность, тишина и оторванность от иного мира. Здесь, когда остаюсь один, сразу начинаю чувствовать сладостное движение мысли, будто весь погружаюсь в переливы. Почему же в обычное время так трусливо и пустовато сознание?

Дневник уже довольно давно не пишу. Старею? Ленюсь? Мало за день скапливается "стоящего"? Или живу тихой, на отшибе, жизнью, которая не дает повода к событиям?

Вышел из печати, пришел домой, наконец, "Соглядатай". Во мне крепнет уверенность, что роман получился. Может быть, получился и значительным.

В прошлую пятницу раздался звонок из Литературного музея: просят мои рукописи. Я почему-то ужасно этому обрадовался. А вдруг? Я знаю этих кротов: в их действиях и оценках инстинкт и реальная, вне нашей писательской конъюнктуры, стоимость предметов. Может быть, не так уж все у меня и проиграно?

Сегодня долго глотал присланные Г. Елиным стенограммы Пленума правления СП РСФСР. Я проездил этот пленум по загранкам. Какая пленительная себялюбивая чушь! Они все мелят, только чтобы покрасоваться, сколько несправедливости в оценках, преувеличенного самомнения, желания обратить на себя внимание. Как мало трезвых голосов! Честно говоря, в положительном смысле удивил меня Г. Горышин. "И, если мне будет позволено, я выскажусь по поводу очень сильных выступлений, заявлений и выражений, которые прозвучали здесь в отношении русского народа, нашей судьбы, журнала "Огонек". Признаться, в том месте, где я живу, такие разговоры неприняты и даже невозможны, поэтому мое выступление — это как взгляд со стороны. Мне кажутся странными претензии той или другой стороны, той или иной группы, целого клана — высказывать как бы последнее слово, выступать последней инстанцией правоты. Мне никогда не приходит в голову, что позиция Коротича или "Огонька" представляет существенную опасность для судеб или репутации русского народа… в такой постановке вопроса мне представляется некоторая чрезмерность и некоторое излишество, ибо расчленение и нагнетание внутри нас самих разжигаемого огня, по-моему, совершенно непродуктивно в наше время". Не забывая о совести и объективности, говорили А. Турков, И. Филоненко, Ю. Рытхэу.

14 января, суббота. Чуть-чуть пошел рассказ. Мне иногда кажется, что мои родные живут и умирают, чтобы снабдить меня темой и ходом всей работы.

19 января, четверг. Три последних дня шел Пленум Союза. Выбирали депутатов в Верховный совет. Как много несправедливости, суеты, переоценки собственного значения во всей этой кутерьме! Список был чуть ли не в 80 человек, и большинство не захотело даже взять себе самоотвод. Что это? Вдруг проскочит? Г.Я. Бакланов перед последним голосованием снял с выборов свою кандидатуру. Это был не только расчет. Поступок этот вызвал во мне уважение. Когда в открытом голосовании не прошел, не собрав голосов, Астафьев, я крикнул: "Надо отменить голосование!".

А на слова Верченко: "Но это по закону", ответил: "Тогда я ухожу, если таков закон".

Сегодня у меня при закрытии Пленума, произошла история:

говорили о "Совписе". Боже мой, сколько демагогических ухищрений! Ведь, в принципе, все просто: не пустить в издательство жулика.

Получены первые отзывы на "Соглядатая" — они обнадеживающие, а как лениво я начинал этот роман.

21 января, суббота. Сегодня по Ленинградскому ТВ показали "Сороковой день". Отношения к этому у меня, пожалуй, нет. Но из-за чего в свое время я беспокоился и волновался? Куда делись все эти переживания и страсти? Один час текста, где не очень даже чувствуется аргументация. Господи, а жизнь проходит.

Позвонил Ник. Арк.: "Было понятно?". Это по поводу "Сорокового дня". "Как же не понятно, если половина списана с меня?"

Вчера утром смотрел фильм о Визборе — интересно. Летний костюм, купленный в "Березке", мне маловат. Я сказал в этом фильме то, что мог с себя спросить. Все по чести.

Вчера вечером вместе с Баклановым, Шатровым, Искандером, Евтушенко — на выступлении в Доме кинематографистов. Были вопросы.

Дальше писать нет сил. Все у меня плохо. Сижу, слушаю шумы.

25 января, среда. С годами все больше и больше хочется писать тот вымысел, который есть правда.

27 января, пятница. Вел "Добрый вечер, Москва". Согласился немножко поговорить со мною Бакланов. Все те же нравственные вопросы: почему он снял свою кандидатуру со второго этапа выборов?

Я разодрался с Валей Демидовой, моим редактором на телевидении — пробивал свою идею о Церкви как утешительнице. Но пробил ее через старого соратника по Радио Александра Рудакова. Сегодня вместе с Сашей были в Патриархии у отца Матвея — секретаря. Очень интересная беседа, душой я поживел. Отец Матвей подарил слайды и крошечное Евангелие от Иоанна. Сейчас иду в библ. Ленина брать "Московский некролог" Модзалевского.

Прочел "Франциска Ассизского" Честертона. Произвело впечатление. "Реквием", материал о могилах и кладбищах, идет плохо, но идет.

8февраля, среда. Вчера вечером выехал поездом из Москвы и сегодня в Дубултах, в Доме творчества. Здесь семинар молодых писателей, много читаю. За окном все время шумит море. Болит сердце. Здесь Юра Скоп, излучающий недоброе. Залыгин приедет 14-го.

Вечером приходил Саша Дегтев. Вспомнили семинар в

Сыктывкаре, Сашу Цыганова, Харитонова, Балакшина, Лену Грабову. Цыганов переехал в Вологду. Ему как кандидату для приема в Союз дали четырехкомнатную квартиру.

9февраля, четверг. Читал весь день. Встретил Наташу Иванову. Она тоже в Доме. Долго говорили, гуляли по берегу. Сказал, что перестал ее читать.

Она: "Это твой факт, а не факт общественного сознания". Она пишет книгу об Искандере. Я сказал, что это не интересно. Читал. Думал.

10февраля, пятница. В 10.00 обсуждали Сергея Стешина. Очень вяло, без смелости, но с претензиями. На обсуждении ребятами были сказаны две интересные фразы. "За великими пути нет. Их путь исчерпан", — Вася Белоглазов. "Видеть надо, когда работаешь, живого человека — тогда получится тип. А не типаж", — Л. Яковлев. Утром бегал много и окунался. На море у берега наледи.

После 15.00 обсудили Леву Яковлева. Немножко я разошелся с Евсеенко и Баженовым.

13 февраля, понедельник. Приехала на несколько дней Валя. Вчера обсудили Петю Куркова на семинаре Лукьянина. Мысль Лукьянина об изображении жизни не в самих формах жизни.

Сегодня — Ал. Никонов из Ульяновска. Интересный язык.

16 февраля, четверг, Юрмала. Настроение очень невеселое. Я понял, что две недели потратил, как всегда, не на себя, ничего не приобрел.

Сегодня утром прочел статью Галины Егоренковой в журнале "Москва" с огромными кусками о "Временителе". Вот тебе и правая пресса! Может быть, и в литературе есть смысл любить лишь тех, кто любит тебя? Внутренний конфликт с Баженовым и Евсеенко углубляется. Наверное, я больше ни на какой Совет не поеду. Пожалуй, и Залыгин со своей тихой осторожностью меня начинает раздражать.

17 февраля, пятница. Вчера вечером уехала Валя. Хорошее было утро, побегал, искупался, тем не менее утром устроил склоку с Полторацкой из-за Ермакова. Врал так, чтобы было видно, что я врал.

В том же N 1 "Москвы" — "Змеиный посох" Астафьева. Цитата с первых же страниц: *"И вообще, крики в литературе, битье себя в грудь и заверения в том, что ты вот любишь родину, но другие вроде бы уж и не любят ее и не умеют любить, свойственно больше нашим литвождям. Отвратительная черта! Ее не было ни в какой литературе, в русской тем более!".* Далее Астафьев пишет, что это "отвратительная" черта в характере, как правило, бездарных московских писателей.

19 февраля, воскресенье. Через два часа уезжаю из Риги. Вчера ездили в Рюндальский дворец и в Митаву — старый дворец, построенный на месте замка Кестнеров. Бирон в своей нетерпимости приказал снести замок и именно на этом месте, на старых фундаментах Растрелли, заложил герцогский замок, обезображенный ныне пристройкой общежития. В Митавском дворце показали место, где стояли саркофаги герцогов, в Рюндали — сами саркофаги. Говорят, что после войны, в 44-м, видели, как мальчишки катались на коньках, таская за собой мумию одного из герцогов. А взрослые? Как мы привыкли воровски обращаться с памятью!

От дворца в Рюндали получил огромное удовольствие. Все известно, все узнаваемо, но нескладно.

Здесь, в Юрмале, я почувствовал свой общественный возраст, меня уже даже стараются пропускать вперед в туалете.

И этот семинар не кончился без греха. Сегодня вызывали врача к Саше Драчеву.

23 февраля, четверг. Ну вот и свершилось. Вчера вышла "Литературка" с огромным аншлагом "Новый роман Сергея Есина", мечта идиота исполнилась, а принесло ли мне это счастье?! Рецензия, хотя и гладкая, но умная. Анатолий Карпов прочел роман хорошо, социально точно, но мне кажется, написано все у меня добрее. Недавно я понял, как сильно мой предыдущий роман проиграл из-за неточного заглавия. Буду его издавать только под названием "Временщик и временитель".

Вчера был в Литинституте на методологическом семинаре Игоря Виноградова на тему "Искусство дискуссии, полемики". Увидел впервые своих коллег в большом количестве. Довольно экзотическое зрелище. Все это зоопарк, оставшийся от старых времен. Правые, т.е. русские, так же нетерпимы, как и левые.

Все больше прихожу к выводу, что буду писать роман о Крупской. Видимо, не зря я собирал материал. Какое-то у меня было предчувствие.

1 марта, среда. Вчера закончил труд по "чтению" — состоялась приемная комиссия. Меньше чем за месяц я прочел и отредактировал более 120 листов. Вечером был на бюро секции прозы. Полагаю, что идет медленный захват самой некультурной частью Союза всех его органов и представительств. Мозг этого — Шугаев. Все катится к усреднению.

Появилось несколько тем для рассказов. Надо вернуться к своему юношескому периоду. Средняя Азия. Театр. Капитолина. Любовь. Старость в ожидании рока. Нашел момент, когда увидел, что стар. Размышляю над фантастическим романом. Пока, кроме начала, ничего нет. Может быть, чувство обиды?

Вчера поздно вечером смотрел фильм Дэвида Линна по "Доктору Живаго". Во-первых, напоминание сюжета — довольно банального, но очень русского по своим основам. Поиск единственного существа. У Пастернака надо учиться создавать в литературе образы производства, действия. Живаго — врач и поэт. И нигде об его психологии творчества, нигде нет стихов. Поэт и все. И получилось. Негении подводили бы сложные сачки и сети. Во-вторых, как крепко и значительно показана революция. Какая талантливая, подкорковая метафора: революция — и разрушение, и нарушение человеческой жизни, которой до этой революции нет дела.

И вот еще, забыл: на бюро стали говорить о приглашении Сахарова в Союз. Естественно, многие были против. Я говорил, что€ этот человек сделал для свободы у нас на родине, что, в случае его приема, этот человек сможет нас защитить — он патологически смелый, а закончил, отбиваясь от всех: просто его боитесь, боитесь как сильного конкурента.

6 марта, понедельник. Был на даче, красил теплицу. Хорошо, одиноко. Веду борьбу с ТВ — определенно, это наркотик. Немножко написал. Сегодня я как-то удивительно остро понял идею саморазрушения человека. Много звонков по роману. Спрашивают, откуда я все это знаю? Завтра "Книжное обозрение" будет снимать с меня "показания".

Наконец, ночью снились Скоп и Сафонов. Что меня беспокоит? Ведь дал же себе слово ничего не хотеть. Надо смиряться с ролью писателя, иначе не выживу. Вся суета писательская — не для меня.

17марта, пятница.Обнинск. Удивительная оттепель. В доме тепло: 18°. Включил электрокамин. С крыши падают тяжелые капли и бьют в жесть на наличниках. Как только приехал, сразу отомкнул сознание творческое: наплывают мысли по поводу судебного эпизода в "Реквиеме". А в общем-то — не пишу. Последнюю неделю был занят "ЛИК" (литература — искусство — культура) — передачей (5 часов), которая по субботам идет по радио. Сюда пошли мои фрагменты из "Власть культуры" и два новых эпизода, которые я написал: Тельман и Сергея Демиденко. Два поэта — Пушкин и Есенин. В этих очерках и интервью я пытался быть предельно справедливым. Эта моя "центристская" позиция многим не нравится. Все вербуют соратников, навязывают и боятся, что кто-нибудь может иметь возможность поступить по-другому. Не четко или искренне — а именно по-другому.

Валя 15-го вернулась из Австрии. Она подружилась с Аскольдовым, режиссером "Комиссара". Он ведь тоже "центрист".

Мы все боимся банальности партии.

Второй день идет Пленум ЦК по с.х.

18марта, суббота, Обнинск. Я буквально чувствую, как время утекает, обтекает меня. Почему так медленно сотворение мысли? Любая фраза ворочается во мне как булыжник в камнедробильной машине. Мне кажется, я умышленно все затягиваю.

Вчера много думал о "биографическом" в своем творчестве. Почему так всем хочется найти подоплеки, приписать все имевшее место личности, все превратить в лай стриптиза. Какие вехи отправные для такой точки зрения у меня в романе? Отец сидел, сестра — за границей. Но ведь тысячи сестер уехали и миллионы отцов были репрессированы! Но нет, с упорством маньяков меня затаскивают в похожее, в привычное. Через биографическое читателям легче проникнуть в тайны творчества, легче стать на одну доску с писателем? В конце концов, ведь у каждого есть биография и любой считает ее значительной.

19 марта, воскресенье, Обнинск. Вчера весь вечер читал материалы XIV съезда. Много интересного, те же приемы невежественной демагогии. Разговоры Сталина о демократии. Вчера поздно приехал С.П. - топили баню.

Утром занимался садом и хозяйством. Рассказ опять приостановился, но "моторчик" уже работает. Прочел в "Юности" рассказ Тани Набатниковой. Это школа без пропусков: все довольно понятно, но обращено внутрь собственной жизни.

23 марта, четверг. Вчера вышла "Литгазета" с рубрикой "Впечатление художника" — большой невыразительный рисунок к "Соглядатаю". Это немножко подсластило пилюлю. Два последних дня шел пленум СП. Выборы в Верх. Совет прогремели как салют, но практически два дня шел спор из-за правления "Сов. писателя". Стреляный, который добивался места директора, вышел из игры. Судя по спискам, издательство захватывается силами мрачноватыми. В конце первого дня я в реплике сказал: все, что происходит — незаконно. Действительно, не было кворума. Полное число избирателей — 539, участвовали в выборах в депутаты — 341, но в выборах в "Совписе" (в голосовании за Стреляного — 60 с чем-то за и 70 с чем-то — против. Округляем —70 и 80 — 150, нет и половины). Утром И. Дедков сказал о ликвидации выборов. Проголосовали. "Мы не формалисты" — это припев Сталина на XIV съезде. Хотя закон начинается с воплощения формальности.

Вся Москва оклеена плакатами в защиту Ельцина. Да не так уж хорош этот Ельцин, но ведь Зайков не осмелился баллотироваться по Москве. Вчера по ленинградскому ТВ

выступали Чичеров и Паршина — фамилии этих двух рабочих в сообщении ЦК, в той части, которая касается "будущего" дела Ельцина. Судя по всему, они отмывались и отмазывались от оппортунистских шалостей. Хотя и в их репликах (особенно Паршиной) — генетическая неприязнь "рабочих", ставших в наше время членами ЦК именно из-за своего социального статуса (рабочий, партия), к крепким управленцам, да еще к такому политику, который готов вынуть почву из-под создавшегося порядка, из-под их членства в ЦК.

Итоги голосования в депутаты: против Астафьева — 70, Распутина — 55, Залыгина — 48, Воронова — 87, больше всех.

29 марта, среда. Москва. Совершенно забросил дневник. Вялость и подавленность чувств. Все то же ощущение обойденности, с которым борюсь. Все время уговариваю себя: писатель должен сражаться другими методами. Но слово "сражаться" также не подходит: жить иначе, нежели обыватель. Жить с народом — это не значит жить в хлеву.

Прошли выборы. По Москве они отличились безоговорочной победой Б.Н. Ельцина. Этого воспитанника системы и по-крестьянски скрытного демагога мы сделали национальным героем. Посмотрим, что будет дальше, средства массовой информации до конца боролись против него. В день выборов во "Времени" "ненароком", "мельком" показали несколько бюллетеней: из них три с зачеркнутой фамилией Б.Н. Ельцина и лишь один — с зачеркнутой фамилией Бокова. Даже в своих мечтах, в подсознании, ТВ сражалось до последнего. А как меня отчитали за упоминание его во время избирательной кампании.

Вышли в "Литроссии" два моих материала: рецензия на А. Цыганова и интервью из Дубултов. Не молчу, что хорошо.

Позавчера, кажется, придумал новый роман. Чувствую, хотя опасений здесь много, остановлюсь на этой идее. Роман будет называться "Казус". Некий историк пишет учебник и думает, как бы обойти "казус" с перестройкой. На трибуне мавзолея Чурбанов, Нина Андреева. В романе. А может быть, это молодой аспирант, приходящий к профессору на консультацию. Коротич — консультант по той смутной эпохе и т.д. Закончу повесть, начну писать. Повесть сейчас меня волнует больше всего: задерживаю.

Вчера обсуждали Витю Обухова: интересно, но все доказывают не то, что они пишут, а что могут писать. Отдал Килундина Кирееву. Не плохо ли я поступил? Но так слабо по языку!

31 марта, пятница. Закончил трехдневную голодовку с яблоками для очистки печени. Возможно, было несвежее оливковое масло. Жизнь медленно и мучительно крутится вокруг

своих осей. Потихонечку пишу "три верблюда" (Реквием) и подхожу к "Казусу". Духовная жизнь застыла на месте, очень низка работоспособность, потому что не хватает времени. И еще гнетет меня возможность остаться без денег.

Сегодня "Добрый вечер, Москва". Деньги ли это для меня? Конечно, в первую очередь, возможность высказаться.

Ночью, в 2 часа, проснулся и читал Бёлля. Его "Дневники", фрагменты которых напечатала "Литгазета". Очень много близкого мне. "Если я становлюсь похожим на других людей, я умолкаю. Именно поэтому лишь я твердо сознаю свои отличия от других. Но сразу перестаю быть в чем-либо уверенным, едва начинаю подпевать хору" (1939). "Я считаю, автор ни на йоту не должен чем-либо поступаться ради публики, ни шагу не должен делать ей навстречу".

4 апреля, вторник. Забыл написать, что в прошлый четверг выступал у пенсионеров где-то в районе м. "Аэропорт". Сегодняшняя библиотека, типичная обстановка. Старые люди жмутся друг к другу, понимая, что только в этой общности, слушая друг друга, воспринимая друг друга всерьез, они будут вызывать уважение.

Параллельно слушанию: пока идет работа мозга, идет жизнь. Моя литература — это литература моего данного момента.

Сколько моих рассуждений стали рассуждениями людей.

Точка зрения по "Имитатору": расчет делается на мелкость людей.

Вчера читал Набокова (начал роман "Пнин").

В "Иностранке" N 1 несколько интервью т.н. эмигрантов. Георгий Владимов: "Дети Арбата" Анатолия Рыбакова, может быть, и сенсация для советского читателя, но не для эмигранта, располагающего куда более обширной информацией. Вообще, на мой взгляд, писатель тогда может сильнее себя выявить, когда пишет о вещах, всем известных — именно поэтому так трудно высказать нечто новое о том, скажем по Чехову, "как Иван Иванович полюбил Марию Ивановну". Роман Рыбакова наводит на грустные размышления, пример того, что книга в СССР может быть обязана своей популярностью лишь затрудненному доступу ко всем сторонам мировой культуры".

Вчера заключил договор с "Орбитой" на "Соглядатая".

23 апреля, воскресенье. Чувство отчаяния и неисполненности моей судьбы владело последнее время. Отчетливо осознаю, что, получив понимание литературы слишком поздно, я проигрываю жизнь. Собственно, она уже проиграна. Но оставшись в одиночестве, я надеялся на литературу. Самое тяжелое потрясение — это организация Пен-клуба. В смысле

организаторов: Маканин и Ким. Но почему я думаю о несправедливости? В конце концов, они начали на 10 лет раньше. Что же из того, что я знаю о себе, — все-то этого не знают.

Уже в Москве рассказал Афанасьев, какой скандал Рыбаков и Наталья Иванова устроили ему за робкое упоминание в "Литературке" о художественной недостаточности "Детей Арбата". В качестве компенсации с удовольствием процитировал в передаче (пойдет 27 мая) Владимова.

24 апреля, понедельник. Утро. Я и не писал дневника — не хотел разжигать в себе обиды. Меня все раздражает и делает нетерпимым. Этому способствует удивительная политическая ситуация. Постепенно — выборы это показали — к власти приходят демагоги. Кто такие эти политические обозреватели и писатели, которые прут к власти? Почему они дают невыполнимые обязательства? Почему есть стремление все разрушить дотла?

Последнее время очень много переживал из-за общества "Апрель". Когда оно организовалось, Бакланов говорил о нем пренебрежительно. Теперь вместе с Коротичем и Рождественским он в него вступает. Это, как бы ни был плох СП, опять общество по разрушению. Определенно всем надо пройти через ученичество. Только на садовом участке ты понимаешь, как легко что-нибудь разрушить — сараюшку или грядку и как трудно сделать вновь. Я не понимаю логики "Апреля" и его созидательной программы, кроме: СП — плохой. А могут ли быть "хорошими" секретари, не созидатели? Они живут на вторичном.

В прошлый четверг была редколлегия в "Знамени". Съезд победителей. Я чувствую себя там лишним при всем моем уважении к Бакланову.

Очень интересно говорил В. Маканин о национальном вопросе, о разрушении последней империи. Стоит ли так волноваться из-за отпадения периферии?! Законы роста поверхности и массы клетки. Назревает момент, когда к центру клетки питание не поступает, и она делится. Это дело жизни. О, Россия…?

Очень волнует все, что происходит в Грузии. Как очевидны политики, хотя бы в подтексте стремящиеся все переложить на русских. Как будто бы уже и Берия, и Сталин — не сыновья грузинского народа? Сегодня ночью читал сборник об А. Белом.

Исполнилось 25 лет со дня основания "Кругозора". Какими оперирую сроками!

28 апреля, пятница. Пишу, как всегда, утром и, как всегда, о вчера. Получил, наконец, паспорт для поездки в Корею. Дитя прошлого времени, я нервничал, когда узнал, что поездку на

неделю отложили? Что? Как? Почему? Обычно все в графике. Объяснение, что ошиблась девушка, покупавшая билеты, я не принял.

Утром был в церкви напротив французского посольства, по пути в Центральный дом художников. Опять, глядя на полную соотечественников церковь, с их корявыми, но дорогими мне лицами, я подумал, что на Руси будет только так, как захочет этот народ. Лишь бы он проснулся. В чем смысл православия? Еще и в объединении, сращивании, параде перед миром единой веры, единых глубинных интересов.

В ЦДХ был на выставке Г. Назаренко и каких-то французских… Но до этого зашел на выставку новых поступлений скульптуры в ГТГ. Как коряво и старомодно работает литература, скульптура ее обгоняет. Пока мы, сытые, распухнув от чванства, пыжились — полуголодные художники работали. У Назаренко надо думать о кино. Она не может вложить в содержание еще и время, еще и некий смыслово-временной приварок, отсюда "наплывы". Это триумф современного содержания и болезнь формы.

Вечером в ЦДЛ был на хронике. Все это очень интересно, и Сталин, полуобнявший Бухарина на XII съезде, и портреты "вождей" на все время.

Вглядываясь в титры, сделанные из цитат (многие фильмы немые), думаю, что взяли они нас на крик, на фразу, на магию примитивных, часто повторяемых слов. И этот Бухарин в косовороточке и сапогах — честолюбивая маска "лидера". Потрясли: первое — дети, подобие взрослых вождей, и второе — как постепенно в нашей жизни росла и совершенствовалась трибуна. Трибуна на XII съезде, эдакий пюпитр, и трибуна-агрегат с гербом, с которой Черкасов приветствует Сталина. Незабываемое. Это из моей жизни.

30 апреля, воскресенье. Уехал в долгожданную поездку в Корею. Это, надеюсь, материал к моему новому роману. "Заряжал" на лето дачу, сажал, поливал рассаду в теплице, приехал около 3-х в Москву, ставил мою бедную машину — несколько дней назад ее ночью вскрыли и вынули приемник. Малые несчастья страхуют от больших. Теперь клею, перерисовывая из записных книжек, свой дневник. Брать "гроссбух" не решился.

1мая, понедельник. Около 12 дня прибыли в Пхеньян. Смотрю на все с жадностью — последний оплот (!) тоталитаризма. Аэропорт. Крутится японская техника. Я заглянул в телевизор — реклама русской водки. Гостиница, обед. Прогулка по набережной. Ужин. Переводчик Цой — студент, 5 курс. Переводчик Пак.

Вечером на центральной площади Пхеньяна по случаю 1 мая народные танцы. Фонтаны. Памятник. Вся страна выступает. Первый ряд танцоров — профессионалы. Транспаранты над головами. Над домами — военный прожектор, который крутят за оглоблю. Падают сумерки. Цвет праздничный — розовый. Пхеньян готовится принять у себя Всемирный фестиваль молодежи. Репетиция?

Нет ни одного здания, которое строили бы, говорят, дольше двух лет. Вечером собрались у меня в номере. Здесь прелестно — ни о чем не надо спрашивать. Или не расскажут, или все расскажут сами. В холле отеля "уголок природы". Скалы, чучело медведя, цветы и растения в горшках, а надо всем на пластмассовой леске висит чучело горного орла, поворачивающееся и подрагивающее под дуновением ветра.

2мая, вторник. Встал в 6.30. Долго бежал по набережной среди многих корейцев, занимающихся джогингом. Прошли две байдарки и восьмерка. Посередине заповедника чистого воздуха.

Отвезли к дому Ким Ир Сена. Крышу каждые два года меняют. В каждом детском садике есть макет этого дома. Корейцы изучают эту жизнь, а точнее, житие с детства. Все намечено и все планируется под житие. Наверху, на горе над домом, огорожено "место борьбы": Герцен и Огарев на Ленинских горах.

Здесь невольно вспоминается и рассказ, как собирали музей В.И. в Ленинграде. В доме М.В. Фофановой нет ни одного подлинного предмета, признавались музейщики, кроме наперника. Беседка "10 000 видов сверху". Неизбежное фотографирование, атмосфера мавзолея. Символика весов, расстояний, чисел, цвета и объемов.

Толю, который мне нравится, иногда надо выпускать в намордник: очень много слез, хочется его, как радио, выключить. Это я о спутниках.

Забыл в свое время записать — в разговоре с Н. Ивановой мой ответ: "Ты никогда меня не поймешь, потому что не сможешь перешагнуть через родственное и национальное".

Видел репетиции к фестивалю. Люди уже вовсе не молодые. Потом узнал объяснение этой грации, этим почти балетным па. Пение и танцы — один из основных предметов в школе.

Ходили в театр. Билеты, которыми "премируют ударников". Поразительный концерт, где пять тысяч артистов и пять тысяч зрителей. Сам огромный театр построен с умопомрачительной роскошью: везде резная, ручной работы мебель, хрустальные люстры, драгоценные ковры. Удивительный розовый с фиолетовым "восточный цвет". Два любимых символа: восходящее

солнце и путеводная звезда. Эстетика фонтанов.

3 мая, среда. Были утром на плотине. 3 км стоимостью 4 млн. долларов. Плотина сделала течение реки судоходным, отгородила долину от паводков.

После обеда немножко поработал и поехал к памятнику воинам Сов. Армии, погибшим в 45-м. Хорошая надпись на обелиске.

Вечером видели грандиозный концерт во Дворце профсоюзов. Около 4 тыс. зрителей, 5 тыс. участников. Проблема зрителей и участников. Очень хочется не забыть детали. Отстегиваемые с боков занавеси, хор, состоящий из сотен и сотен человек. Панорама, как в старинном театре, вроде декорации к "Спящей красавице" в Большом. Местами это картины Пхеньяна и страны. Детали суперреализма. Летящие аисты, чайки и огромные рыбины. Совмещение песен, исполняемых на сцене, и кинокусков. В каждое их появление — аплодисменты. Страна, которой надо гордиться. Вот отличие от телевизионного показа. Условные куски: "Падает снег" — "Великий поход"; "Маленький горнист" — баллада-балет; "Рыбаки уходят в море", "На стройках страны", "Детская сюита" (девочки, на плечах еще девочки, 5 этажей). Сотни аккордеонистов. Поющие люди на сцене в орденах. Тексты песен на четырех языках на порталах сцены. Длинные платья на певицах. Все с тщательной парадностью.

Много размышлял над своим футурологическим романом, читал.

4 мая, четверг. Утром были на Тэсонсанском кладбище революционеров, деятелей революции и освобождения Кореи. Новое, построенное за 3 года, кладбище-учебник. Чьи только там кости? Открыто 10 сентября 1975 года — 30 га 3 тыс. могил. За 2 года перезахоронены политические деятели с 1930 по 1984 год. Кто умер позже — тем не повезло. Наверное, есть могилы-фикции. Все строго, чтобы не портить замысла. 106 скульптур-портретов. Сначала хотели сделать эти скульптуры из черного камня, а Он посоветовал красный. Вазы с искусственными георгинами у могилы матери Ким Чен Ира (умерла в 32 года от простуды).

Оттуда — в Ботанический сад. Все довольно бедно, показали цветок в честь Ким Ир Сена и цветок в честь Ким Чен Ира (вид бегонии). Для разведения этих именных цветов выстроено специальное помещение. Честно говоря, больше хотелось погулять. Потом пили чай с женьшенем. После обеда были в школе. Директор школы — мой ровесник. Говорил о своей карьере: по годам все сходится. Он закончил Университет в Москве в 61-м, я — в 60-м. Быстро провел по лабораториям, не

скрывая, что это показуха. В лаборатории крутились все машины, дымили все паяльники, были вынуты все вышивки, куда тыкали иглой. Перед этим, в беседе, он сказал, что он сам любимец вождя — тот голосовал за него в горсовет, — а значит, и вел себя как любимец. Танцы и песни в массовом порядке, как обязательный предмет в школе. Танцующая школа. Эпизод об этом надо поместить в статью "Власть культуры" — по части эстетического воспитания скромные корейцы далеко нас обогнали. Теперь ясно, почему так хорошо танцует целая толпа.

Естественно, ничего не пишу о политике! Вечером уехали в горы Мехян в поезде из двух вагонов и вагона-ресторана. Это обязательная экскурсия для иностранцев. Наверное, лучшие в Корее пейзажи, среди которых расположена "Выставка дружбы между народами" — шестнадцатиэтажное здание. Выставка подарков Ким Ир Сену. Звучит знакомо. Путешествие к святым местам. Прекрасный ужин с вином, свежими помидорами и корейской едой.

5 *мая, пятница.* Приехали поздно вечером. Машины подали самые современные, японские, прямо на перрон, к вагону. Несколько для меня диковато: машина возле дверцы вагона. Само по себе увлекательно и путешествие на поезде. По-моему, в этих трех вагонах, кроме нас, никого не было, хотя, возможно, несколько позже и подсели: официантки после нас снова накрывали ужин. Параллельно идет поезд, набитый пассажирами, как селедкой. На станции из вагонов глядят друг на друга два мира.

Еще деталь: пока я шел в вагоне по проходу, приоткрылась одна из дверей купе — жаркий и распаренный лежал на койке охранник. Наверное, им с проводником лучше всего.

Утром разглядел гостиницу, которая вечером мне показалась шикарной. Она довольно скромная, но это скромность роскоши. Совершенно замечательно здание вписано в сопки, связано с рекой. Внутри, правда, гостиница слишком современна.

Во время огромной пятичасовой экскурсии меня как ударило: вождь сделал для себя гробницу. Он вполне может быть похоронен в аванзале в окружении своих вещей. В записной книжке я сделал огромный список вещей из этого музея. Эдакая погребальная камера древности.

Боюсь забыть впечатления от этого музея памятных вещей. Во-первых, он повторяет традиционную архитектуру храмов. Они совсем рядом, мы их осмотрели после обеда. Во-вторых, в отличие от храмов музей без единого окна, весь сделан из камня и бетона. Шесть этажей с залами, забитыми подарками вождю и партии (по континентам и регионам), и огромный собор, главный

зал. Роскошные люстры, лакированные двери, полы, затянутые ковролином.

Много думал о романе и нашел некоторые ходы, из них главный — Тутанхамон.

Во второй половине дня ездили смотреть буддийский храм. Я куплю по этому поводу книжку. Храм, кажется, XI века. Я ведь много видел подобного. Поражает величественность всего ансамбля — сада, притаившегося у подножия горы. Хорошо запало: небожительница, играющая на флейте, скульптурка бодхисатв VII века, и доски, с которых печатались буддийские книги. Показывали металлическую литеру XII века. Так ли? Но интересно.

Как раз напротив храмов и садов — музей подарков. Расчет очень точный и правильный. Кстати, туда вход по предъявлении паспорта. Видимо, хотят придать значение посещению. Конспективно: отдыхающие, спящие в креслах экскурсанты. Они ведь приехали на автобусах. Наша прелестная девушка-гид сказала: она закончила факультет истории революционной славы (человек 50 в год, из пяти пединститутов).

Экскурсии у всех приезжающих одинаковые: три дня. Музей, храмы, пикник…?

То же самое было и с домом — родиной вождя. Там рядом знаменитый детский парк. Впечатление комплексное. Подарок Родины. Личный подарок вождя трудящемуся человеку.

6 мая, суббота. Это, наверное, один из самых светлых и чистых моих дней в жизни. Сегодня утром мы, нашим маленьким коллективом, совершили восхождение на гору.

Две проблемы. Первая — организация маршрута. Тропа, которая вся маркирована, расчищена, снабжена перилами ограждения из цепей, висящих на вделанных в гранит металлических штырях, через особо недоступные места проложены мостики, отдельные выбоины подлиты бетоном. Потрясает количество работы, проделанной здесь, ведь каждую ступеньку приходилось выбивать вручную, долотом, потому что вряд ли сюда можно было бы затащить сжатый воздух и т.п. Ну, допустим, даже затащили, но сколько бетона, цемента пришлось носить на плечах, сколько тащить этих самых цепей, и все чисто, без бардака, который оставляют наши строители. По дороге, где-то на середине пути, меня поразила одна сцена: на смотровой площадке девушка убирала листья и сор. Она смела все это в большой квадратный совок, схожий с теми, которым у нас пользуются дворники, и вдруг, к моему удивлению, понесла этот совок по боковой кромке, по дороге, на которой стрелочкой было указано — "туалет". Не сбросила все это вниз, в ущелье, чтобы

мусор там гнил и смывался в реку, а аккуратно убрала. И еще: уже на обратном пути, пока я, не торопясь, в меру сил, спускался по ступенькам, обогнали меня два спутника, бегом, по-молодому перепрыгивая с камня на камень. Я увидел целую компанию таких же ребят наверху, возле смотровой площадки. Вытягивая из потока заранее заложенное туда пиво, разложив крошечные судки и кастрюльки со съестным, они тихо и без шума и гама пировали. Так вот, один из этих, летевших сверху пацанов за горлышко — вот я и опять пишу слово, которое неизбежно будет часто посещать мои корейские записи — за горлышко, аккуратно держал пустую бутылку. Из-под пива. Теперь и понятно, почему совершенно чисты окрестности, почему нигде ни осколка стекла, ни листа бумаги, ни смятой упаковки от печенья.

Что это — народная привычка, внушаемый с детства инстинкт к чистоте, к коммунальной жизни или строжайшая дисциплина поведения? Не знаю, в этом еще предстоит разобраться. У любого народа есть, наверное, поведенческая этика, которая меняется не так быстро, как многое другое. А может быть, она меняется, когда хотят, чтобы она быстро поменялась? Но это я, кажется, уже о наших, домашних делах.

Промаркированная эта тропа, пропускающая в день, видимо, по нескольку сотен, а может быть, и тысяч человек, не обошлась, естественно, и без агитационного рисунка. Наверху два красных пылающих иероглифа, означающих "чучхе". Иероглифы достаточно хорошо видны снизу и, следовательно, размеры их внушительны. Гид сообщил: до четырех метров в длину, отдельные элементы до метра в ширину и до 80 см в глубину камня. И это опять долотом, можно только предположить как, повиснув на веревках, энтузиасты долбили камень. Сколько труда было принесено в жертву идеологии.

Естественно, не обошлось здесь без личных указаний, без выдолбленных на нескольких стенах гимнов и слов песен, где "слова и музыка народные". Тоже египетская серьезная работа, красота, аккуратность, алая краска, втиснутая в ложе, выбитое в граните долотом. О вездесущие боги!

Много думал о власти культуры над идеологией. О том, как религия, особенно формирующаяся, цепляется за первую. Новая религия аргументирует старой, привычной культурой. В свое время новое христианство готовилось символами и установлениями греческой идеологии и культуры.

Вторая проблема — это несовершенство человеческого языка перед красотой природы. Зеркало неспособно отразить мир, я не думаю, что когда-нибудь способно будет это сделать и электроника. Всегда будет упущен один из компонентов. Это

пение и мелькание птиц, зелень и аромат, какое-нибудь ощущение свежести, которое испытываешь кожей, или внезапное эхо, сбой песни ручья, застоявшаяся духота, в которую внезапно вступаешь, или падающие на лицо иголки хвои. А это незабываемая субъективщина в виде обожженных на солнце плеч, усталости в ногах, тяжести сумки через плечо и блаженств двухминутного привала.

Я боюсь приступить прямо к делу и набиваю строки только потому, что не могу словами передать картину, стоящую у меня перед глазами. Недаром, как говорит гид, в легендах этот край был населен феями-небожительницами. И вот невольно вспоминаю фей в развевающихся одеждах, причудливых и необычных, как на рисунках Бердслея, с неизменной флейтой, испуганными пальчиками, волшебным дыханием вызывающих божественные звуки. Вчерашнее, из музея: словно бабочки и стрекозы, летали они среди струй водопадов, купались в жаркие дни в своих идеально отполированных ваннах. Все это недаром называется страной 10?000 водопадов, и описать это невозможно. Можно лишь с благоговением созерцать этот поразительный сад природы, один из самых сокровенных ее заповедников. Действие этих струй, идеально отполированных и таких замысловатых, что не поддаются никакому самому современному дизайну, впечатление, производимое этими камнями, акведуками, бассейнами на душу, так сильно, что для многих, посетивших эти прославленные места, облик десяти тысяч водопадов сливается с обликом страны, перерастая в символ Кореи, сказочной, прекрасной страны.

Опять туристский эпизод. Спускаясь вниз с вершины по этой тропе, я услышал песню. Здесь, в этом прозрачном воздухе, любой звук приобретает стереофонический эффект, словно в лучшей звукостудии, и вот, под серебряный аккомпанемент воды раздалась песня. Я быстро сориентировался и достал из сумки бинокль: метрах в семидесяти ниже стояла группка распаренных от подъема мальчуганов-солдат. Ах, какие у них были прекрасные розовые лица! Одеты они были совсем не по уставу в забавной смеси воинского и спортивного платья. Военные брюки и спортивная куртка. Тренировочный костюм. Я специально дождался на этом своем месте нашего переводчика. "Что они поют?" — "Песню о родине". Прекрасной, счастливой, солнечной войдет Родина в юное сознание этих ребят! Это будет главным, что переживут юные воины за три дня в стране десяти тысяч водопадов.

Но последнее соображение, думаю, — к идеологам. Очень рад, что поработал сегодня. Постепенно уточняется огромная

статья — "Власть культуры". Я всегда пишу что-то "боковое" за рубежом. Надо включить Индию, Непал и, главное, накрутить этику, парадиз из этики поведения. Надо больше писать и меньше заниматься хозяйством.

7 мая, воскресенье. Утром снова была экскурсия в горы. Эта гора каким-то образом связана с боевым прошлым Ким Ир Сена. Сын, естественно, был рядом. Почти такая же тропа, как и в предыдущий день, и все же другое — горы как бы раздвинулись шире. Начало маршрута — буддийский храм XII века. У подножия горы, ближе к людям, небольшое буддийское кладбище: на могилах стоят тяжелые, как бочки круглые, памятники. Кое-какие разрушения и здесь, на кладбище, но позавчера, при осмотре монастыря, это списывается на бомбежки 53-го года. Может быть, в этом есть резон, но многое, наверное, и в людском небрежении. Памятники реставрированы довольно аляповато, черепица красится к фестивалю молодежи масляной краской. Наше посещение Северной Кореи — тоже к фестивалю, обкатка маршрутов, гидов, туристских уголков. Обычная ситуация: сначала варварство по отношению к религии и памятникам, а потом поиски объективных якобы причин. Опыт показал, что памятники держатся, лишь когда они живут своей жизнью вместе с людьми. Поток посетителей и бесцеремонность журналистов не дает Богу сосредоточиться. Я помню буддийские ступы Таиланда, здесь те же молитвенные мельницы, звон колоколов. Может быть, это характер корейцев? Сам храм — длинная разноцветная коробочка. Тяжелые, 12-метровые стропила и разновеликие ступени… Видимо, сейчас подобных деревьев, какие использовались при древнем строительстве, уже нет. Что не забыть — резкую политизированность этой тропы: очень много высеченных в скале изречений о борьбе с империалистами. Огромные письмена высечены на храме — гигантскими иероглифами. Все это мне напоминает один из романов Фейхтвангера с высеченной в скалах летучей мышью. Несколько огороженных камней — места, где когда-то сидели Отец и Сын. Традиция подобного увековечения не нова: возле храма на скале затертые временем иероглифы — приходившие сюда паломники тоже послали свои открытки в вечность. Что скажут об этих безумствах люди XXII-XXIII веков?

Попытка установить легенды новой религии.

В памяти о восхождении и каком-то партизанском лагере — небольшой садик. Гид рассказывает, как во время партизанщины здесь бойцы питались травами. Травы, таблички на корейском и латыни. Рецепты мифологизации. Школьникам это интересно.

Окруженное металлической решеткой дерево магнолии. Это

новый символ страны. Магнолия цветет два раза в год. Раньше был другой — цветок кинафа.

Легенда о тигре, который показал путникам дорогу в снегу, его следы на скале.

Колодец возле храма — и рядом скала с пожеланиями иероглифами долголетия Ким Ир Сену.

Написать бы главу об экскурсоводах!

8 мая, понедельник. Вчера по местному ТВ видел концерт А. Пугачевой. Запись трансляции без специального света и без подобострастия к ней. Большая, в поте работающая баба. Особенный предел, на котором она работала каждую песню. Утром дождь. Не бегал. Повезли на стадион. Невероятная по дерзости архитектура. Фантастическое сооружение будущего. Мысли о том, как дорого такие вещи обходятся нации. Но и как они долговечны. На таком мощном корабле, как этот стадион, нетрудно закинуть свое имя в обозримое будущее. Колизей XX века. Много думал о романе. Все вертится, как всегда, от точки отсчета: далекое будущее или близкое, герой-патриарх, экстремист или, как было придумано раньше, архивариус, наконец, абстрактная страна или родная Россия? Потихонечку появляется импульс, не подорвать бы его.

9мая, вторник. День Победы. Представляю, как славно у нас на даче. Но описываю день вчерашний.

Во Дворце пионеров. Выяснили одно важное обстоятельство: детей сюда принимают по направлению из школ, пионерских организаций либо комсомольских. Во имя объективности: этот санкционированный питомник производит очень большое впечатление. Но! Не прикрепляют ли детей к "избранной" специальности? Я не очень уверен, что все эти вышивальщицы страстно хотят заниматься своим вышиванием. Для Кореи есть разные направления: песни, танцы, музыкальные номера и т.п. Глубинный для меня интерес в другом — в лицах педагогов. Воистину, лица рабочей интеллигенции во всем мире, точнее, выражение лиц — одинаково. Это сосредоточенность, это уверенность в правоте своего искусства и т.д. Какая-то надежда все же есть у меня по отношению к этим детенышам. Не так ли мое поколение, не очень уж конформистское, набрало сил и зоркости в домах пионеров и в библиотеках?

Из Дворца пионеров сразу на спектакль "Сказание о девушке Чунхян". После первого спектакля, который мы посмотрели в день приезда, декорациями и костюмами не удивишь, и этот спектакль по богатству красок, музыки, костюмов, количеству занятых людей был под стать первому. Прекрасная режиссура, сплавляющая старинную легенду с микрофонами,

ревербирациями, хором. Традиционная для многих народов сказка о верности влюбленных смотрелась взахлеб, как ни странно, в местах замедления сюжета, в "страданиях" и т.п. Но так ли уж далек от нас конфликт о сословных перегородках! Рядовые и партэлита. И опять современная мысль: а так ли уж они, эти перегородки, непроходимы? И все же паутина этих театральных картин затягивает вглубь. В чистой любви есть приложение сил.

Утром думал еще об одном сюжетном ходе: а если это рассказывает человек, случайно законсервировавшийся, скажем, во время землетрясения?

И последнее: вчера, в течение спектакля, читал английские титры. Почти все понимаю. Интересно: в зале нет программок, не объявляют актеров, режиссера, художников. Обслуживающее, анонимное искусство.

10мая, среда. Немного с утра побаливает голова. Вечером собрались по случаю Дня Победы: пришли наш сосед Роман, радиоинженер-авиатор из Пензы (он здесь в командировке), переводчики Цой и Пак — и долго сидели. Ругаю себя, что вступил в интеллектуальную перепалку с моим товарищем по "выездной бригаде" Анатолием. Я уже давно не пишу рассказов-портретов, но, боюсь, меня подмывает. Эдакий цветок-пенсионер с ухватками разнорабочего культуры.

Утром были в Народном дворце учебы. Как говорят, это — база интеллектуализации страны. Считается, что сюда может записаться каждый после 17 лет. О самом Народном дворце — чуть позже. Поделюсь впечатлением о двух потрясших меня помещениях. Вестибюль с драгоценным мозаичным полом и огромной мраморной скульптурой Ким Ир Сена, опять же на фоне мозаики пламенеющих гор. Комментировать все это не берусь. А на 6-м этаже, словно футбольное поле, гостиная. Разве можно описать дверные ручки, врезанные в них стеклянные имитации драгоценных камней, светильники, роскошные кресла, панно, затягивающие стену, огромный ковер ручной работы! Этот ковер, говорят, спускали на кране через потолок, а уже потом ставили перекрытия.

В самом дворце много новой электроники (лингофонный и музыкальный кабинет, лекционный зал и т.д.): невозможно понять — ею почти не пользуются, потому что берегут или к ней вообще никого не подпускают? Утром были в другом Народном дворце. Опять огромный холл, мозаика, изображающая современный город, бесконечные и несчетные комнаты. А может быть, это лабиринты, в которых жирует бюрократия? Постоянно действующая выставка произведений вождя. С интересом ее осмотрел. Много портретов молодого Кима. Может быть, у

каждого вождя два периода — до завоевания власти и потом, с превращением власти в диктатуру? Уловить бы момент этого психологического перелома.

После обеда посетили кладбище, где похоронены советские воины. Я списал фамилии первого ряда могил. Денисенко Андрей Григорьевич (1924–1946), подполковник Сигонга (1909–1946), Спарышев Виктор Иванович (1951), Михайлов В. П. (1916–1949), Головин Борис (1922–1946), Щукин Евгений Александрович (1951), "полковник" — и больше ничего. 277 граждан Советского Союза — 15 августа 1945 г.; 45 воинов Сов. Армии — 15 августа 1945 г., - это братские могилы. Всего 742 человека, 102 ребенка.

Неподалеку стоял госпиталь — здесь хоронили. Потом в 1985 г. Ким Ир Сен приказал с запада Республики свезти все захоронения сюда. Раньше были могилы с фотографиями, подписями. Но все это обошлось бы в огромную сумму. Сейчас чисто, скромно, все в порядке. За могилками еще метров сто пустого пространства. Я боюсь своего провидческого видения: а не заполнится ли оно опять русскими душами?

Вечером был в потрясающем цирке — о посещении Кинофабрики. "Из всех искусств…" это было ухвачено, видимо, сразу. В центре огромного двора исполинских размеров многофигурная скульптура: он Сам, дающий указания; два актера, режиссер, ассистенты режиссера с тетрадкой, куда записываются все слова, оператор с киноаппаратом. Огромная масса стратегической бронзы.

Выстроена целая деревня с натуры. Объекты были распределены среди министерств, и каждое возводило дома на китайской (30-е годы) и японской (40-е годы) улицах. Возведен даже целый комплекс Сеульского университета. Все это в кирпиче и камне, т. е. навсегда. Мне почему-то особенно знаменательным кажется последний объект: будем, дескать, постоянно снимать волнения в университете и не очень представляем, что объединение рано или поздно произойдет.

Показали те же отрывки из кинофильмов и тот же фильм, которые показывали два года назад Вале.

Специфика актерской игры: с постоянными ожидаемыми масками состояний.

12 мая, пятница. Пожалуй, все закончилось. Во второй половине дня состоялась беседа в СП. Вряд ли стоит записывать всех, особенно председательствующего, ну да ладно. Главное не забыть, Ки Нын Бо — писателя и переводчика. Боже мой, как у него разгорелись глаза, когда я с невинностью рассказывал о перестройке и проблеме качества в литературе. Я собой доволен, но с ленивым мальчонкой Цоем мне бы не справиться без Ки Нын

Бо. Ри Зон Рер — первый подкрашенный кореец, которого я вижу. У Цой Чхан Хака серый костюм, старая, очень живая физиономия. Кто и что написал о контактах советских и зарубежных писателей, никого не интересует. Хватит. Интересно говорил Лаврентий о советских корейцах и т.д.

Я ничего еще не писал о вчерашнем дне. Два очень мощных впечатления: посещение Пханмунгжома и гробницы короля Конгмина.

Конспектирую по порядку.

Выезжаем поездом около 12 ночи еще 10-го. В 6 утра — в Кэссоне. Город просторный, дождь, пьяный Таран, пишу страничку, в 8 завтрак в ресторане. Едем на машине в демилитаризованную зону. Впервые так близко вижу работающих крестьян. Пейзаж напоминает вьетнамский, но мягче. Плантации искусственного женьшеня под пленкой и циновками. Выращивают его — называя парниковым — еще с династии Корье. Надписи — "до Сеула 70 км". Все рядом. Ряды колючей проволоки, рвы, по дороге сложенные бетонные плиты: выбей из-под них кубик, и сразу загородят дорогу от танков. Гранитные надолбы. Перед последним этапом из машины вывешиваются красные флаги и желтые. Они что-то означают. Меняют на машинах для маскировки номера. Восточные хитрости. Везут к зданию, где сначала велись переговоры, потом к зданию, где было подписано знаменитое перемирие. Американцы не хотели оставлять "мемориала", предлагали подписывать в палатке. 158 раз заседали. 270 раз собирались по секциям. Вот сила ожесточения. В зону можно входить с оружием, в стволе которого только один патрон. Показали стол, за которым подписали документы, и фильм, довольно убедительный. Но ни слова о первопричине, Толю совсем развезло. Он спрашивал: "Был ли здесь маршал Жуков?". Все смеются. С нами рядом оказалась монгольская делегация. Показывают и им. Едем дальше. Здания комиссии по примирению: смотрю с балкона — напротив лица американцев. Фотографируют нас. Все напряжено. Подходим ближе. Толя совсем пьян, начинает жать руку солдатам. Они на посту, пугаются нас. Выговариваю: ты не на своей территории, уважай. Раньше его отчитал Лаврений. Возвращаемся в город.

После обеда едем на могилу короля. Записей не делаю. Купил книжку. Опять сердце щемит в присутствии великого и величавого.

Днем гуляли с Цоем и Лаврентием по городу. Памятник "протестующему" чиновнику. Мостик, где убили "верного" чиновника.

Вернулись поздно ночью в Пхеньян. В поезде нашли мои

очки. Долго разговаривали с Паком в поезде. Утром была экскурсия в музей искусств.

Большей пошлости я не встречал в искусстве. В записной книжечке кое-что у меня записано. Чудовищно. Особенно указания вождя, которые тут же приводились в исполнение. Ни одной фамилии переводчика, ни одного актера.

ТВ: взаимные встречи и визиты с участием всего народа. Утром и вечером.

13 мая, суббота. Утром ездили на выставку достижений народного хозяйства. Особенно интересны машины для посадки рассады риса. Мы ведь, кажется, рис просто сеем и получаем в 1,5 раза меньше урожая. Увидел много интересного, но в одном выставка традиционна: мы с таким энтузиазмом при социализме делаем все для выставок и совершенно ничего не хотим творить для магазинов. Не забыть бы записать два потрясших меня случая. Первый. Весь Пхеньян, как в цветах, в хорошеньких девушках-регулировщицах. Они все одеты в прелестную голубую форму и сапожки, изысканно подкрашены и делают свою работу лихо и изящно. Но наряду с этими милашками существует система светофоров. Я постоянно обращал внимание, что и девушки машут своими палочками не в лад с разноцветными огнями, и машины поворачивают на красный свет и стоят, когда зажигаются зеленые фонари. Сегодня, видимо, решили попробовать, в преддверии фестиваля, европейскую, со светофорами, систему, девушки отошли в сторонку, ближе к обочинам, и тут транспорт застопорился. А ведь давненько, видимо, эти фонари, как в Европе, висят и мигают на улицах.

Второй эпизод. У меня под окном гостиничный сад, а в саду, опять видимая из окна, чудесная площадка — беседка со столом и креслами, водопад с журчащим фонтаном. Под скалами, на которых стоит беседка, фигуры раскрашенных краской журавля и оленя. А рядом водоем, где очень занятно вылита из бетона фигура кита. Насмотревшись на этот ландшафт с балкона, я решил ознакомиться с ним поближе. Но вот что интересно: парковые дорожки обрываются в двух-трех метрах от этой "выставочной" зоны. Наверное, можно пройти в беседку и посидеть, но неловко. Как говаривает бывший уголовник Толик, подрабатывающий у меня на даче: "видуха".

В связи с этим вспомнилось, может быть, самое сильное впечатление сегодняшнего дня. Наш новый знакомый аэрофлотчик Рома отвел нас в три часа в баню. "Баня" — это спортивный бассейн в центре города, который после строительства фестивального комплекса превратился в городское оздоровительное предприятие. Насколько это соответствует

действительности — не очень ясно. Но в течение дня у дверей стоят какие-то люди. Речь не о том. Суббота — это день, когда комплекс посещают только иностранцы (цена — 1,5 вана). Все роскошно, огромная ванна для плавания, для прыжков в воду, теплые полы, сауны, бар с пивом, но крошечная, в которой можно разоблачаться лишь стоя, раздевалка. А сколько места в вестибюлях, где журчат фонтаны, и бесконечных, с гранитными полами, коридорах.

Вечером смотрели кино "Приказ". "Приключенческий" фильм с "участием нереализованных возможностей человека" на роскошной пленке. Какие удары, выстрелы, как все победительно. Во время посещения выставки достижений: на стенде "Спортивные достижения" выставлены все медали, завоеванные корейскими спортсменами. "А разве они не являются личной собственностью спортсменов?" — "На выставке они лучше сохранятся".

Когда я встаю достаточно рано, часов в 6, то с разных сторон столицы, из-за реки, звучат стройные, прекрасные мужские голоса. Думаю, это голоса поющих солдат.

16 мая, вторник. Прилетел в Москву. Вечером позвонили от В.К. Егорова, из ЦК.

17 мая, среда. Был. Предлагают создать вместе с Крупиным и Прохановым альтернативу "Апрелю". Володя должен суетиться за свою должность секретаря, Проханов — за свою должность гл. редактора. Сказал, что альтернативы, кроме открыто русского, социалистического направления, — нет. ЦК хочется, чтобы кто-то вытащил каштаны из огня. Они создавали секретарский СП, который не может себя защитить.

В тот же день записал на радио два сюжета: с Афанасьевым — о политике и беседу с М. Казаковым о Мариенгофе. Это к моей будущей передаче.

18 мая, четверг. Закончил вчерне рассказ "Техника слова". Писал я его довольно долго.

25 мая, четверг. В Обнинске. Открылся съезд народных депутатов. Сколько иллюзий! Слушал, вынеся приемник во двор, работал на участке. Со всех участков доносилось радио.

28 мая, воскресенье. Вчера весь день слушали по радио, а потом и смотрели по ТВ съезд народных депутатов. Я все больше и больше укрепляюсь в своем первоначальном чувстве. Огромное количество политических амбиций, и довольно низкий уровень общий. Социальный, национальный и политический эгоизм. У "демократического" крыла есть попытка разрубить и сломать все, что есть, в надежде: а вдруг что-то получится? Как всегда, премьерствовал Юрий Афанасьев. Ему я вовсе отказываю в

искренности, а, впрочем, многим и многим. Мелкий прагматизм многих депутатов: давайте решать главное! — может обернуться в дальнейшем не самым славным. Из мелочей может сложиться или не сложиться здание. Хорошо: все это на глазах у народа. Народ получает огромный ликбез политического и нравственного характера. Постепенно становится ясно — кто есть кто. Я здесь больше надеюсь не на знания и анализ, а на чувство справедливости, свойственное каждому. И на съезде, и в городе много говорят о Т. Гдляне. Эта фигура для меня одна из самых ненавистных. Сухой и голый политический карьеризм, отсутствие милосердия и, боюсь, совести. Герой эпохи. Но народ за этого отвратительного героя. Дай Бог, чтобы его разглядели. Он — тенденция.

Вчера по III программе радио прошел литературный канал, который я вел. Конечно, он был никому не нужен. Там кусок о Корее, беседа с букинистом, разговор о Мариенгофе с Мишей Казаковым. Во время записи он несколько раз напирал, что он из еврейской семьи.

Соображение: последнее время все любят подчеркивать свое дворянское происхождение. Синявский в статье о диссидентстве ("Юность", N 5) и по ТВ. Бэлза сказал: "Даю слово коммуниста и дворянина". Какая безвкусица.

12 июня, понедельник. Наверное, действительно, дневник — это когда не пишется, тогда пытаешься остановить и смоделировать время в своих собственных словах и образах. Закончил "Венок геодезисту". Здесь смерть брата, горечь от поездки с группой известинцев. Отдал на машинку, сегодня поеду брать и подписывать финал. Осталось только привести в порядок "Технику речи" и — за роман. Правда, последнее время очень увлекает публицистика, хочется сделать ряд статей: кладбище, "чудики" и т.п. Но роман уже постепенно начинает меня заполнять, как воздух камеру для мяча.

Только что прочел роман Оруэлла "1984". Как и роман Замятина, читаю лишь с одной мыслью, чтобы не повториться. Ведь, по сути дела, на весь роман всего несколько метафор, но какой крепости: "двоемыслие" и роль, структура государства.

В качестве подготовки к роману все время слушал съезд. Параметры его уже определены: с одной стороны он ничего не дал, но, с другой — очень сильно расшатал общественное мнение. Целый ряд идей, которые в начале съезда звучали как гипотетические, под конец озвучивались как само собой разумеющиеся. Я слушал все это, еще и думая о собственном воспитании и конформизме. Где боязнь жизни в моих отрицаниях, а где чувство справедливости и внутренней логики?

Где трусость перед будущим, а где убежденность в особой линии государственности?

14 июня, среда. Пишу вечером. Утром рано уехал в Обнинск на электричке. Бессмысленное сидение за рулем чертовски надоело, да и времени на это нет, все время голод: почитать бы, побыть с бумагой… Но — о, это эпическое, без объявления причин, рабское: "Электричка до Калуги в 9.16 отменяется. Ближайший поезд в 10.18". Эти несколько божественных отмен заставили меня — рюкзак на плече — погулять. По привокзальным окрестностям. Вот тут-то, пожалуй, и решился план моего нового романа. Описать надо сегодняшнее время с его бытовой неустроенностью, взятками, бюрократией, но назвать — завтрашним. Зазор — минимальный, лет в 10, а может быть, в 15.

Теперь герой: возможно, он уже отсидел при новом строе. Дернули и устроили в институт. Не пишет ли он детский учебник по истории и думает о "Казусе"? Не забыть в новом романе: взоры детей, морщины, Шереметьево, скульптура Брежнева и т.д. Можно ввести фигуру "цензора", которого боятся продавщицы. Теперь нужен любовный сюжет.

Весь день читаю прозу Мандельштама. Все это грандиозно. Плохо только, что книга эта Евгения Самойловича, — он педант, на его книгах нельзя ставить пометок, поэтому делаю отметки точками. Придется все переписывать, но это богатство. Сегодня напишу страничку про съезд к давнему интервью в "Кн.обозр". Уеду в пятницу утром.

В воскресенье Валя вернулась из Италии.

24 июня, суббота. Очень трагически перенес 22 июня — день постоял и покатился вниз, к осени. Для меня в этот день всегда заканчивается лето. Последнюю неделю занят был тем, что красил дом — вагонный, железный сурик. Не очень красиво, но, вероятно, надолго. Чего крашу, чего берегу — ведь все равно вещи переживут меня.

Получил с машинки и вычитал "Венок геодезисту". Как всегда, неясно, что я сделал: хорошо ли? Плохо? Общую ситуацию не вижу, но отдельные страницы нравятся, есть напор, мысль. Остались последние штрихи по предыдущим работам, в первую очередь по "Технике речи", потом — пристроить "Венок", и остаюсь один на один с ужасом нового романа.

Записывал ли: Москву захватили вороны, город — свалка.

И есть еще одно условие: герой отсидел три — пять лет. Действие практически разворачивается при новом Брежневе?

27 июня, вторник. Не могу себя заставить писать ежедневно дневник. Многое пропадает, я пишу "в уме", про себя, и порой мне кажется, я это уже записал. А часто не пишу из-за какого-то

чувства отчаяния. В понедельник (сидел почти весь день) проредил "Технику речи", мне кажется, конец все же вяловат, нужен еще один поворот. Может быть, посмотрю рассказ с точки зрения своего отношения к студентам.

Литературная жизнь вроде бы затихла, но чувство обделенности по-прежнему меня преследует. Жизнь страшит.

Теперь главное, из-за чего я взялся за дневник сегодня: посмотрел Ж. Кокто "Орфей", прочел "Русофобию" Шафаревича (N 6 "Современника") и "Все течет" Василия Гроссмана ("Октябрь", N 6). Все это вещи, способные вызвать сильнейшую ипохондрию от собственного несовершенства.

Шафаревич, конечно, вооружает русскую мысль неким импульсом. Его статьи интегрирует движение, лишает каждого русского крайнего беспокойства за судьбу Родины и предостерегает. Интересно, что мысль Шафаревича — не изображать Россию как страну рабскую — перекликается с Гроссманом.

"Подобно тысячелетнему спиртовому раствору, крепло в русской душе крепостное, рабское начало. Подобно дымящейся от собственной или царской водки, оно растворило металл и соли человеческого достоинства, преобразило душевную жизнь русского человека" (с.92, N 6, "Октябрь").

"Девятьсот лет просторы России, порождавшие в поверхностном восприятии ощущение душевного размаха, удали и воли, были немой ретортой рабства…?" Я совершенно с этим не согласен. Наше "рабство" если и выводить, наше умение идти в рабство — это из-за совестливости, из-за чувства судьбы, из-за ощущения всевышней воли, стремления пострадать, чтобы в этом страдании искать и обрести правду. Мы ведь никогда не знали душевного рабства.

"Орфей" — это фильм 49 года! Как много, оказывается, значит, что мы вовремя не видели, не читали и не знали. Удивительно, что фильм не постарел. Фильм с самодеятельным режиссером, с "литературщенным" сценарием, с очень простыми мыслями. И как современно.

Испортилась машина — я в отчаянии. Значит, надо идти на поклон во внешний мир!

3 июля, понедельник. С утра возил Валю в Болшево к Райзману, а после был в "Молодой гвардии" у Галины Степановны Костровой — отвозил мои предложения по книжке учеников и забирал рукописи Васи Белоглазова. После был в "Новом мире" и "Знамени" — развозил рассказ. Я, как всегда, сделал его на ксероксе — кто быстрее напечатает. Но ведь ненапечатанный рассказ никому не нужен!

Выяснились детали относительно публикации Солженицына. В прошлую среду С.П. Залыгин был у секретаря ЦК Медведева, тот категорически против, С.П. пригрозил отставкой. Как всегда, партийная власть не соображает, с какими калибрами культуры имеет дело. Передали все на секретариат Союза писателей. На секретариат, который состоялся в пятницу, не приехали ни правые (Бондарев), ни левые (Шатров, Бакланов, Коротич). Говорят, Шатров писал по поводу Солженицина письмо в ЦК — причина одна: А.И. плохо относится к иудеям.

Вчера вечером был в театре. К. Сергиенко "Собаки" (Собаки!..) Смотрю Ставропольский театр исключительно из-за афиши — типичная афиша провинции. Театр погибает из-за стремления потакать зрителю. Пьеса, сконструированная на остатках эстетики Шарикова, полна любимых зрителем манков, а не ходят. Ходят на название "Я стою у ресторана" — все билеты проданы. Мой любимый Ростов, переехавший из Костромы в Ставрополь, холоден и ложно-темпераментен.

5 *июля, среда.* В понедельник вечером снова был в театре. "Свалка"

Н. Коляды — высчитанное, рассчитанное на публику произведение. Театр уверяет публику, что она-то, в отличие от сцены, другая, у нее есть надежды. Какое все-таки у театра безошибочное чутье на пошлость, как он бежит от всего, что может по-настоящему взволновать и заставить сделать интеллектуальные усилия. Воистину, последнее, — самое тяжелое. Недаром на современном театре так охотно эти духовные усилия заменяют пластикой: танцами, дзюдо.

Встретил Веру Максимову, долго говорили. Меня очень увлекает ее борьба с Шатровым. Весь съезд ВТО, оказывается, был отрепетирован у него дома. Зачем? — спросил у Веры. За два последних года у него 41 зарубежная поездка и 20 — у Смелянского. И, честно говоря, я все же не понимаю — зачем?

Сегодня все утро ездил по строительным магазинам: переделывал крыльцо, ищу шифер. Купил пластмассовый, дорого.

Два последних дня взахлеб читаю Сем. Липкина "Декада". Очень узнается Р. Гамзатов (Мансур). Интересные мысли о Боге и науке.

Прочел С. Каледина "Стройбат" — литература наблюдений. Интересно, мастеровито. Путь ли это литературы?

9 июля, воскресенье. Вчера вечером сорвался и на электричке поехал смотреть "Франциска Ассизского" Лилианы Кавани — финал московского фестиваля. Возможно, это и будет самым моим большим впечатлением от начавшегося фестиваля. Сейчас все во мне обострено в размышлениях о религии и судьбе России.

Уже вызрела мысль, что родина выше порядка и политических стереотипов. Ради нее, если будет необходимо, надо жертвовать и этим.

В дороге прочел "круглый стол" о религии и христианстве в "Московском литераторе" (все это соотнесено с Грэмом Грином). Под впечатлением "Воздуха свободы" Л. Габышева ("НМ", N 6). Сильно, хотя с моей точки зрения литература — не совсем судьба. Это еще и некая разведка независимого. Не завидую ли? Нет. Мое все впереди, быть может, уже после смерти.

Пишу на пути в электричке. О фильме, повести, "круглом столе", — потому что все это фон, лишь фон для размышлений о романе. Ясен герой: преподаватель атеизма. Есть и некий вариант названия: "Тринадцатый апостол". Рай должен кончиться некоей религией неповиновения. Не так ли?

На даче Иван построил новую терраску.

25 июля, вторник. Утро. Надо немедленно начинать работать. Прошедший фестиваль очень меня поколебал. Может быть, раздражает суета, в которой лично я не участвую. С моей точки зрения, фильмов нет. Куда все это делось? Обмельчало, исчерпав себя, искусство, постарел я, публика? Оба написанных рассказа раздал по журналам. Никуда не звоню: как?

Начал новую работу для "Кругозора", но ушел в сторону, в мемуары. Это о первой звуковой записи А. Солженицына. Возможно, получатся мемуары редактора. Надоумила меня "Автобиография" Евтушенко в "Неделе". В какие юные годы он овладел искусством политической конъюнктуры!

Сейчас попробую побегать. В 13.00 поеду в Москву.

Надо начать роман, и все тогда пойдет.

Бегал. Поле с травой и подсолнухом уже начали косить. Жизнь зреет и проходит. Вода в реке прохладная.

В роман: кающийся за свои публикации Андрей Дементьев — время повернулось. Чтобы не забыть: в пятницу по ТВ передача "Добрый вечер, Москва".

28 июля, пятница. Уезжаем с Валей на дачу. Утром работал — пошло "Говорящее слово" (о радио), потом ездил в Музей В.И. Ленина, смотрел выставку, посвященную Н.К. Крупской. Эта фигура — верная спутница — все больше и больше меня увлекает. Счастливая и трагическая. Одна из тем книги — "Альбом": в альбомчик с заголовком "Ильич" она сама подобрала фотографии. В музее выставлены интересные книги из спецхрана — просто история партии, а в картине И.Н. Бродского "Торжественное открытие II съезда Коминтерна" — почти 200 документальных портретов. Этим надо попользоваться на ТВ.

Завтра женится С.П.

Определилось кое-что и для нового романа. Мучительные отношения героя с женой. Именно она его по доносу и посадит!

Вчера слушал телевизионную пленку, которую дал мне Андрей Мальгин: прелестные у него старухи и переговоры с Карповым.

2 августа, среда. О предыдущем. Валя, жена С.П., мне понравилась. Четкое ощущение собственной социальной ниши, много такта и сдержанности. И он молодец, без помпы и страданий, скромно. В "Украине" посидели втроем. Было еще какое-то безобразное шоу на эстраде. На следующий день, в воскресенье, вернулся на дачу.

Упорно работаю над мемуарами, идут. В понедельник был в "Кругозоре". Мою статью они развалили. Видел Велтистова, который вернулся в журнал. Из ЦК он ушел, попав в реорганизацию. Сегодня партийный Женя Велтистов — это беззубая развалина, мне с ним страшно.

"Вопли" вернули мне "Технику речи". Великовато.

Вчера сдал в Библиотеку Ленина в отдел рукописей первую порцию своих рукописей. Теперь, наверное, и все оставшееся окажется там. Даже более того, Валя после моей смерти сможет все недорого продать. Сдал в отдел рукописи "Эсхатологии" и "Имитатора", рассказов последних лет и письма: К. Чуковского, Г. Бакланова, С. Залыгина, автограф М. Исаковского.

Сегодня уезжаю на дачу, в Обнинск.

17 августа, четверг. Видимо, когда идет работа, нет необходимости в дневнике. Почему-то сейчас даже проблема публикации у меня с прежней остротой не стоит. Мемуары идут, хотя третий день ничего не делаю. Запомнились брежневский эпизод и цензура на радио.

Довольно легко перенес статью Н. Ивановой в "Дружбе народов". В общем-то мне это даже смешно. Я вдруг понял, что Наташа, напрягаясь, воображает, имитирует себя писателем и мыслителем. А чем острой девочке кормиться? Занятно, конечно, как она старательно расчищает от возможных крошечных конкурентов площадку перед "Детьми Арбата" — тесть. Но как все перемешалось, тесть — председатель русского отделения Пен-клуба — оказался плагиатором ("Комсомольская правда"). Сегодня в один день прочел статью Бушина в "Молодой гвардии", в которой упоминаются Евтушенко, Бакланов, А. Беляев и (основной герой) Дементьев. И в тот же день в "Огоньке" письмо самого Дементьева, этот об обратном. Публика, конечно, многое не понимает. Вот бы организовать журнал "Досье события". (Печатать все материалы сразу "за" и "против". Надо предложить кому-нибудь.)

Волнуют ли меня события в Эстонии? Думаю, что есть логика в развитии этого сюжета. Все более крепчает русское самосознание, по мере того как жизнь сбивает с нас ложный интернационализм, возникает и лепится национальный характер. В пользу русских, бастующих в Эстонии, уже идет сбор денег. Поговаривают о северной автономии в Эстонии.

Вчера был на выставке этрусков в музее на Делегатской. Интересно невероятно. Кассирша сказала: пять посетителей в день. Интеллигенция, где ты?!

4 сентября, понедельник. Сейчас иду в институт. Обучение студентов мне уже надоело. Это держит меня, и я чувствую бессмысленность задачи. Хорошо ли В. Крупин набрал курс, который доводить до диплома придется мне? Последнее время много занимаюсь ТВ и строительством на даче. Мало читаю. В связи с появлением повести Набокова роман мой присмирел. Я должен сжевать одинаковость заголовка…

Кажется, "Венок геодезиста" я буду печатать в кооперативе. "Знамя", по-моему, ко мне охладело. По крайней мере, Бакланов сказал, что в один год два раза Есина печатать не следует. Я-то наивно полагал, что поддерживаю *свой* журнал. "Новый мир" обещает напечатать "Венок" на следующий год, во 2-й половине, Рита Тимофеева сказал мне, что это, дескать, "уже в какой-то части проговоренное". Бог и с ними. Из "Октября" "Венок" заберу.

Возможно, кооперативные издания создадут некоторую свободу для маневрирования писателей. Посмотрим.

В стране начались забастовки. Скоро у нас все будет, как на Западе. Меня очень занимает русская идея.

Вечерняя запись. Утром позвонили из "Кругозора": умер Е.С. Велтистов. Ездил на похороны, на Троекуровском кладбище — спецкладбище. Как удивительно потрачена жизнь — на т.н. партийное руководство, но написал несколько дельных книг. Я долго буду испытывать боль от потери этого человека, которому многим обязан.

11 сентября, понедельник. Надо бы записывать каждый день. Очень увлечен записями на радио: делаю огромный, на 23-е или 24 сентября радиоканал ЛИК — "Литература, искусство, культура". Вчера, в понедельник, провел интервью с В.Н. Крупиным о "Байкале" Распутина, а сегодня — с С.П. Залыгиным о Солженицыне. Я сам удивляюсь, как это довольно ловко у меня получается: видимо, уже нажито определенное количество идей и наблюдений. Если б молодость знала.

Опять был потрясен мудростью Залыгина. Его удивительно простые решения необычно емки и выразительны. Он мастерски идет вглубь, в сердцевину вопроса.

На прошлой неделе видел в "Советской культуре" "Око" Сергея Овчарова по М. Салтыкову-Щедрину. Валя сделала из моих и Апенченко высказываний об этом фильме материал. Интересно.

В стране все идет к развалу и безверию.

19 сентября, вторник. Валя увезла меня в Сочи, в тот же, как и всегда, санаторий. Уже третий день, и я втянулся в комплекс здоровья. В санатории встретил В.С. Олейниченко — мы с ним вместе работали на Радио, Ю. Грибова и Генриха Зигмундовича Юшкявичуса, нашего родного зампреда.

Много и интересно говорил с Г.Ю. Его идея о "возможном" диктаторе (скажем, прототип — Громов).

20 сентября, среда. Ездил в санаторий "Актер". Долго говорил о радийных делах с Алексеем Покровским. Встретил Тамару (Т-р Гоголя).

Постепенно вырисовывается сюжет романа: РСФСР отделилась, Союз ввел танки.

22 сентября, пятница. Идет пленум по национальному вопросу. Вчера "Правда" поместила статью о Ельцине в Нью-Йорке. Сегодня ее опровержение. Судя по всему — это нажим госдепартамента: кого вы присылаете встречаться с госсекретарем и президентом?

23 сентября, суббота. Вчера был у врача мануальной терапии. Распял он меня очень удачно. Весь день проходит в физических мучениях: бегаю (всегда — 9 км, сегодня — 6), лечебная физкультура, плаваю, хожу, стараюсь меньше есть. "В России писатель должен жить долго". Я понимаю, что есть судьба, и против нее не попрешь. И все же, и все же… Ведь все это направлено на одно: успеть реализоваться, выжать из себя максимум до того, как сомкнутся над лицом черные шторки крематория.

Лег рано спать, но ночью несколько раз просыпался из-за болей в спине, все время мерещится роман. А может быть, перемешать "роман" с моими собственными "изданиями"? Роман-размышление, роман — правдивая история. Роман — история написания романа. Роман — дневник.

Еще одна история: Саппоро. Из рассказов Юшкявичуса. Подходит спортивный комментатор из ФРГ Шмидт: интервью с Родниной и Улановым, но нет студии, советской, русской студии. В конце Роднина — говорит по-немецки — оговаривается: "У меня есть друзья, как в Восточной, так и в Западной Германии". Гэдээровцы уходят, когда зазвучала подобная формулировка. Переговаривают дубль. Через некоторое время Г.Ю. узнает, что на ФРГ проходят оба дубля. Сначала первый, а потом, после комментария: "к Родниной подошел советский политический

надсмотрщик…", прошел второй.

В пресс-баре Юшкявичус (это уже время визита Л.И. Брежнева, друзья встречаются вновь) подошел к Шмидту: ты свинья, а не профессионал!

Но помни, С.Н., реальность способна погубить роман!

26 сентября, вторник. Вчера началась сессия Верховного совета. М.С. Горбачев раздражен, депутаты со своими запросами не дают спокойно жить, как малые дети, полны эгоизма. При голосовании отвергли все до одной поправки демократов.

Все сейчас концентрируется на экономике. Был запрос и о Ельцине.

Вчера сидел над планом "Казуса". Многое проясняется. Главное — специальность.

Вчера начал — частью на Ривьере, платно — курс массажа. Контраст нашего ЦКовского санатория и "общего" на Ривьере. А нельзя ли это в роман?

30 сентября, суббота. Ездили с Валей на премьеру в Театр Ермоловой "Новый Декамерон", новая пьеса Радзинского — монолог для Догилевой. Подобное я уже видел по П. Нилину с Дмитриевой: "Впервые замужем" в Театре на Бронной. Виктюк, работающий виртуозно, прилагает немыслимые силы, чтобы "поднять" этот текст Радзинского. Но за всем этим видится лишь Догилева, отыскавшая ходы еще в "Спортивных играх". Высчитанное, не затрагивающее душу зрелище. По нашей сцене уже пошли проститутки, "голубые", наркоманы и сутенеры. Мы, через газеты, уже приучили зрителей воспринимать внешний абрис жизни, психология ему стала тяжеловата.

2 октября, понедельник. Сочи. Вчера показали по ТВ американские съемки Ельцина. Лучшего антиматериала придумать было нельзя. Для нас, русскоязычных людей, это и оскорбление нашей истории в его словах, и оскорбление наших чувств к нему. За всеми его уклончивыми ответами я увидел гигантское тщеславие и бешеную интригу — свалив Горбачева, сесть на его место.

Интересно, смотрела ли на эти съемки Бехтерева? Каков будет ее диагноз: под каким кайфом был этот человек? Поразительно и другое — как и у нас, ряду американцев эта клоунада нравилась: в звуке все время возникал смех аудитории, но как скрытно ироничны были все комментаторы, которые, конечно, все разгадали.

Вчера написал первый абзац в роман. Дай бог, чтобы пошло.

Вклеиваю заметочку из "Книжного обозрения" (из большой статьи Оскоцкого от 15 сентября): "Уже вышли, вот-вот на выходе или выйдут в 1990–1991 годах роман Александра Бека "Новое

назначение", повести Василя Быкова "Карьер" и Анатолия Приставкина "Ночевала тучка золотая", книга Анатолия Жигулина "Черные камни", роман Сергея Есина "Имитатор", проза Виля Липатова, Вячеслава Кондратьева, Владимира Маканина, книги Натана Эйдельмана "Лунин" и "На рубеже веков"… "

5октября. Слава богу, все к концу. Вчера позвонил С.П. -

19-го мне вылетать в Африку; а до 10-го надо сделать прививку от желтой лихорадки.

Чуть-чуть подвигается роман. Задумал два цикла: "История разрушения русской культуры" и, масштабом поменьше, "Ненаписанные рассказы" — цикл небольшой публицистики, когда темперамент перехлестывает художественные возможности. Кое-

что не написано из-за лени, кое-что из-за упущенного времени, а потом заглохло.

Сегодня выступал перед врачами. Обычный комплекс вопросов. Что опять поразило — меня знают. К Юле, которая делает массаж, сегодня уже специально пришел ее родственник, чтобы познакомиться со мною. "Соглядатая" знает очень подробно.

Говорил с Валентиной Александровной Толстик, моим врачом, о санатории, о цене за все это, о детях — "внук секретаря ЦК" (живет в полулюксе), о сыне Жданова (бывает два раза в год), о Никонове ("пенсионер союзного значения" — сам, сыновья с женами и внуками — "может быть, последний раз"), о прикрепленном к ним катере и т.д. В отсутствие сановных и именитых стоят пустыми люксы, полулюксы, госдачи, в которых цветные телевизоры, шелковые занавески, люстры. Скучают горничные, собачники и пр.

"Куда же летишь ты, Русь?"

8 октября. Пишу в самолете. Завтра последний день для прививки, поэтому поменял билет, еду раньше, но очень этому рад. Много времени занимало любимое занятие Вали — смотрение ТВ и чтение газет. Бессмысленное все это дело, но надо подчиняться правилам.

Вчера ходил на выставку Н.С. Хрущева, переехавшую в Сочи. Поразил в этой рассчитанной на потребителя выставке ее очень низкий уровень — дворцовая. Ее-то обыватель жадно и потребляет. И второе — цена. Полтора рубля — это опять косвенное подтверждение первого. За дворцовую-то жизнь отдадут и дороже.

Улетаю: в Сочи жарко, в Москве холодно. Утром купался и бегал десятку. Роман опять встал, нет сил разбежаться и — вперед.

12 октября, четверг. Разминулись на аэродроме с Валей. Она вернулась из Сочи, и все мое спокойствие и работа рухнули.

Вчера был в Большом на спектакле "Капулетти и Монтекки" Беллини. Удивительное искусство и чувство меры. В нескольких местах я "поплыл". Особенно хороши были хоры.

Сделал прививку. 19-го, кажется, улетаю по линии Союза писателей в Гвинею.

19 октября. Состоялся пленум Московской организации — выборы редактора "Московского вестника" и руководства издательства. Перед началом меня встретил Шугаев — не выдвину ли я Л. Бежина? Он ли забыл или я запамятовал "куда"? Я выдвинул его в главные редакторы "Вестника". Оказалось — надо было в главные редакторы издательства. Потом все уладилось. Может быть, из-за этой двойной агитации Леня получил наибольшее количество голосов. На пленуме я два раза выступал. Поразила настороженная тишина, с которой меня слушали.

Не написал: в пятницу, значит 13-го, отвез Апенченко "В родном эфире" — в воскресенье он позвонил мне: берут в 3-й номер (если, конечно, приглянется Чупринину и Бакланову). И тем не менее если будут купюры — заберу.

Забыл вплести в дневник новый скандал с Ельциным. Удивительное разоружение авторитета на глазах у всего народа. Боже, как все врут и передергивают!

Ежедневно бегаю и купаюсь.

24 октября, вторник. Обсуждали в Литинституте повесть Саши Чернобровкина "Одесситка". Интересно, но что же делать с языком у мальчика?

28 октября, суббота. Вчера вел передачу на ТВ. Я отчетливо осознал, что не могу притворяться, как все. Говорить, "чтобы от губ отлетало" — не моя специальность. Это дается мне с огромным трудом.

Передача состоялась в день закрытия сессии Верховного Совета РСФСР. В качестве гостей были Дмитрий Афанасьевич Волкогонов и Давид Никитич Кугультинов. Кугультинов — о русской прозе. У Волкогонова — много странной грусти. Его предложения на сессии не прошли.

Еще на день раньше, в четверг, вместе с Саней Авдеевым ездили в Филимоново (по Киевскому шоссе), в 5-й психоневрологический интернат. Разрушенный бесцельно монастырь. Потрясло забытое между этими домами кладбище. Его уже несколько лет назад закрыли, но там лежат предки тех, кто сейчас живет в этих домах. Все кладбище окружено холмами свиного навоза: продуктов в магазинах нет, а надо кормиться,

разводят свиней. Свиной навоз — между могилами, и моча уходит в подпочвенные воды… В передаче на фоне съемок из Филимонова цитировал Евангелие от Иоанна.

13 ноября, понедельник. Вероятно, я охладел к дневнику. События: на 7–8 был с Валей в Болшево. Читал "Записки баловня судьбы" А. Борщаговского. Прочел запоем — это моя эпоха, воспринятая по радио и через заголовки газет. Здесь взгляд изнутри, со знанием дела. Довольно объективно, хотя, естественно, акцент "на своих". Но и своих не щадит: ужасно разделывается с Я. Варшавским — "соавтором" драматурга Сурова. В телефонном разговоре А.М. подарил мне еще подробность. Черновик пьесы "Зеленая улица" Сурова сделал К. Рудницкий. В журнальной публикации "Записок" его пощадили — только что умер.

Из событий. Смотрел фильм "Сочи — темные ночи" Пичула. Любит автор эту полуживотную, полудуховную жизнь.

Вчера был в Оперном театре Станиславского и Немировича-Данченко, "Кофейная кантата" Баха и "Колокольчик" — восхитительные спектакли, но, несмотря на воскресный день, народа нет. Это — культурные потребности народа.

Сегодня пленум СП РСФСР. Сейчас иду.

14 ноября, вторник. Весь день шел пленум. Все крутились вокруг еврейского вопроса и вокруг захвата еще одного журнала. Весьма порядочная грязь. Уровень аргументации моих коллег — ужасающий. Все разговоры вокруг Синявского и Гроссмана. Я не все понимаю, хотя система доказательств коллег мне ясна. Конечно, в Гроссмане велико еврейское интеллектуальное высокомерие. Говорить и думать об этом не хочется. Проголосовали за уход Ананьева. А собственно, чего так переживать за очень среднего писателя, взобравшегося на этот воз неизвестно каким образом, не за наш ли это счет? Бог с ними…?

Во время перерыва довольно много говорил с Кимом — очень интересна система внутренней ограниченности. Говорили о студентах. Он о своей методе: вытянуть из каждого только то, что свойственно лишь ему. Надейтесь на нутро. Надейтесь на одиночество.

26 ноября, воскресенье. Вчера поздно позвонили со "Взгляда". Попросили выступить после Дмитрия Васильева. Поразился открытой неприязнью к строю и происходящему в студии. Оставляю пока вне записок, что случилось. Все воскресенье писал реплику для "Литературной России".

ВЗГЛЯД НА "ВЗГЛЯД"

24 ноября меня пригласили принять участие в популярной передаче Центрального телевидения — программе "Взгляд". Эту передачу готовят работники молодежной редакции. Они попросили меня высказать отношение к деятельности общества "Память" и поучаствовать в небольшой дискуссии, которая должна была состояться в студии после телеинтервью одного из руководителей "Памяти" — Д. Васильева.

За два часа до эфира я посмотрел это интервью и составил для себя план выступления.

В два часа тридцать минут началась передача, которая "живьем" пошла для жителей Дальнего Востока и самых ранних в нашей стране часовых поясов. Одновременно велась видеозапись, с которой эту передачу повторили для зрителей Восточной Сибири и т.д.

Я сказал в эфире все, что счел для себя нужным и необходимым, и у меня не возникло ощущения, что я покривил душой и сказал не то, что думаю.

Передача на Москву и центральные области — практически дубль того, что уже прозвучало в эфире, — должна была начаться после одиннадцати вечера. Она, как и самая первая передача, идет "живьем". Но, как я узнал, существует в редакции порядок, при котором те сюжеты, которые прозвучали раньше и которые устраивают редакцию, повторяются в записи вечером. В записи решили давать отдельные эпизоды передачи и ту дискуссию, в которой участвовал я.

Вместе с ведущим передачу, "ее хозяином" популярным тележурналистом Александром Любимовым мы еще раз посмотрели на мониторе эту дискуссию и решили относительно одной совершенно не принципиальной, носящей скорее косметический характер вырезки, а также решили переставить финальный кусок моего текста ближе к середине — несколько моих фраз о позитивной деятельности общества: о реставрации памятников и т.п.

Еще раньше, сразу же после окончания передачи, мы все встречались с главным редактором, посмотревшим программу, и у него не было замечаний ни к тому, что я говорил, ни к тому, как.

Успокоенный и отчасти обрадованный, что не надо возвращаться в Останкино в одиннадцать часов вечера, я уехал домой, на всякий случай предупредив, что готов приехать на ЦТ в любую минуту после телефонного звонка.

Я пишу об этом так подробно лишь потому, что не понимаю, почему существуют телезрители двух сортов: для одних передачи могут идти в соответствии со свободой слова, а для другого сорта передачи надо "рафинировать". А может быть, во втором случае

существует опасная близость начальства? Я не понимаю, и почему из речи писателя выбрасываются без попыток согласования с ним и без попыток поиска компромисса абзацы и мотивировки, превращающие его искрение размышления над сложным и неоднозначным явлением общественной жизни в тенденциозный и ангажированный текст.

Я думаю, ясно, что случилось?

И коли телезритель "второго" сорта уже ознакомился с моими мыслями на этот счет, я позволю себе через газету для телезрителей сорта" первого" рассказать, что телевидение сочло необходимым изъять из передачи.

Во-первых, довольно большой пассаж о тех внутренних причинах, которые, с моей точки зрения, привели к созданию общества. Это естественная реакция заинтересованных людей на бедственное положение России в семье советских республик. Здесь говорилось об отсутствии в РСФСР обычных для всех союзных республик общественных и государственных институтов: Академии наук, ЦК партии. О бедственном положении с памятниками культуры. То есть о том, что стало постоянным требованием широкой, и в частности писательской, общественности, о чем говорили на сессии Верховного Совета СССР и РСФСР. Кстати, — это не относилось к передаче — я совершенно уверен, что после выборов в марте эти институты у нас под давлением народа появятся.

Во-вторых, исчезло рассуждение о шовинизме. Автор небезосновательно считает, что это французское словечко последнее время загуляло преимущественно с одним эпитетом — "русский". Русский шовинизм, русский национализм. А по авторским, как ему кажется, справедливым наблюдениям этих "шовинизмов" по крайней мере пятнадцать — по количеству союзных республик. В России — шовинизм, а в других республиках — национальное самосознание?

В-третьих, исчезло из телевизионной речи автора и, как уже было сказано, то, чем "Память" успешно занимается: сохранение памятников, реставрация и к чему автор еще раз хотел "Память" призвать. Конкретные дела ведь часто отвлекают от несовершенствованного философствования.

И вот теперь я в раздумьях. Ко мне ли "Взгляд" плохо относится либо к идее здраво и непредвзято порассуждать над горячей проблемой или кто-нибудь относится плохо ко мне еще? И кто так доблестно монтировал пленку? Чья была инициатива? Обаятельного Саши Любимова, цензуры или их величества административного аппарата, на который сейчас так удобно списывать все свои пристрастия?

Мне вся эта история кажется особенно странной, потому что "Взгляд" начался с записи на пленке интервью А.Н. Яковлева, члена Политбюро. И А.Н. говорил о терпимости, об умении слушать и вслушиваться. И вроде бы Саша Любимов с ним согласился. В начале передачи.

Сергей Есин

30 ноября, четверг. Ничего не пишу. Каждое слово дается с трудом. Из последних событий. На семинаре обсуждали Мишу Килундина, его прекрасный, строгий рассказ. Вся первая половина дня была посвящена разъездам: забирал у родни прах Ант. Дмитриевны, ездил в крематорий. Меня всегда тревожат "открытые" могилы. Стоит чашечка того, что осталось от Сергея Сергеевича. Вдвинул в нишу и то, что нынче стало его женой. Все дело Антонины Дмитриевны рушится: исчезла, заменившись новой, семья ее внука, разрушается дача.

Вечером ходили в Театр Советской Армии — "Павел I" Мережковского, наверно, одно из самых грандиозных, после Лебедева, театральных впечатлений — Олег Борисов, поразительная подлинность.

Днем был в Московском союзе на совещании у А.А. Михайлова — "соглашательская платформа": Окуджава, Кондратьев, Горин, Киреев, Орлов, Левитанский, Злобин, Радзинский (со своей лукавой улыбкой). Говорили о пленуме, об общем собрании. Вадиму Соколову хочется склоку. Интересно, что большинству писателей из противоборствующего "Апреля" — интересным и крепким Эд. Радзинскому, Гр. Горину, Ю. Левитанскому — не хочется разговоров и склок, как, скажем, Вад. Соколову и А. Гербер. Как они похожи, и евреи, и русские, когда они художники или нехудожники.

Известие: Крупин возглавил "Москву", Личутин должен возглавить "Октябрь". Ребята они, конечно, русские. Бойся, Сережа, людей, много говорящих о совести.

Умер Володя Амлинский, которого я не любил — от честолюбия, и Н. Эйдельман — диагноз, я думаю, тот же. Можно ли ему забыть провокацию с В.П. Астафьевым?

6 декабря, среда. Луанда. Поездка возникла внезапно — позвонил из Союза писателей Г. Черненко: хочешь? Да! Я никогда ни от чего не отказываюсь. Прилетели рано утром. Африканская неразбериха. Встретили лишь из посольства. Приехали в советское посольство — гостиница будет только после 4-х, практически слонялись по посольству, пили чай у секретаря по культуре, Михаила Ивановича, потом обедали у корр. "Правды"

Володи Тюркина. Он когда-то работал на радио, помнит меня. Дивный парень. В отличие от многих за границей — нежадный.

Много разговоров о перестройке. Вечером поселили в отеле "Турио". Проехали по городу. Побережье у океана, крепость, длинная ночная улица, ветхость. Очень красивые люди. Все писатели, которых пока видел, — белые.

7 декабря, четверг. Ночью в ванне упал плафон. Весь пол в стекле. Встал рано, в половине шестого. С лоджии увидел чернокожих двух ребятишек, бегут вдоль набережной. Хочется тоже побегать. Силы надо беречь на две-три или четыре встречи в Союзе писателей, в посольстве, на радио, телевидении.

Утром написал страничку в "Казус". Здесь главу надо бы закончить. Три эпизода — "портрет" у МИДа на Смоленской площади, "книга" у Манежной, походная кухня "Белорусская". После этого вернусь к 1-й главе.

Утром на радио. Самое удивительное — открытость, все за стеклом. Диктор в окно видит маленький садик и стоящую на одной ноге цаплю. Было довольно интересно, но заполошный Михаил Иванович сорвал нас с мест: скорее, скорее в СП — придет интервьюер из журнала "Ангола". Ряд более или менее ловких догматических блоков. Но в основном: свобода, свобода! Я думаю, что ангольским писателям тоже с нею придется помыкаться.

После обеда небольшая, но интересная экскурсия в музей археологии. Из новых сведений: возвращение на родину бывших рабов из США. Они даже стали строить дома другого типа. И второе… Но сначала о поразительном старинном доме-музее. Мне запомнились библиотека и кабинет директора. Зеленые, крашенные со стороны улицы ставни, двери из прекрасного, гладкого, как кожа, шелковистого и теплого дерева и удивительная мебель, красивые стулья с резьбой и обтянутые тяжелой, задубевшей до каменности кожей. Библиотека — стропила из бревен, корявых, обструганных, но не ровненных.

Поразил меня факт. Из музея украли фигурку "мыслителя", являющуюся национальным символом. Директор привел и дату — август 1986 года. В свое время белые вывезли карточки собранных коллекций. Теперь очень трудно все восстановить.

Прелестный черный паренек-экскурсовод. Я еще не старый человек, перемалываю в себе предубеждение, выдуманное нашим подкожным расизмом.

Вечером ужинали вместе с А. Кордозой. При португальском владычестве он сидел 12 лет в тюрьме. Привожу его мысль: "Зря, дескать, часто говорят, что я европеец. Я, как любой анголец могу говорить о кухне, языке, местных обычаях. Я родился здесь и

впервые попал в Европу, лишь когда из тюрьмы на острове меня перевезли в Лиссабон".

Его мысли о том, что третий мир не может существовать без социализма.

Много думаю о русском языке. Именно здесь, в Анголе.

8 декабря, пятница. Утром немножко побегал. День нелегкий. Все прошло, как обычно: мои, почти бросившие меня на растерзание камере спутники в результате недовольны, что они не проблистали, как бы им хотелось. Сабит, повторяющий уже в третий раз один и тот же текст про Казахстан.

После обеда были у посла Владимира Николаевича Казимирова. Первый этаж виллы, кожаные кресла и т.д. В.Н. работал еще с Андроповым. Интересен вопрос о Бродском, товарищ очень светский…?

В 18 часов опять встреча с писателями. Говорил я хорошо. Мануэль Руй после расцеловал меня. То же самое сделал Пепетела. Мне очень нравятся эти ребята.

Воротились в посольство, оттуда нас вызвонили, и поэтому через 3 часа встречу закрыли. Хотелось бы побольше поговорить, особенно с молодыми черными ребятами. В них какая-то особенная, в интеллектуалах, подлинная чистота.

Перед встречей заезжали на рынок. Продают все: коренья, соль, молоко. Как звереныши, внизу возятся дети.

Вечером много говорили о быте дипломатов, о нищете русских. У нас нет никаких здесь экономических интересов. Сегодня летим куда-то.

9 декабря, суббота. Вчера долго не спал — "добивал" "Лолиту". Еще ни одну книгу я не читал с таким захватывающим интересом.

Сколько мы потеряли, не зная подобной литературы раньше. Как значительна она для нашего формирования.

Утром Мих. Ив. опоздал, и в результате мы дружно припозднились на самолет. Разговор о посольских — это разговор особый. Здесь два аспекта: их жизнь в отвратительных углах, рядом с чернокожим населением и почти такой же бедностью во имя "равенства", и с другой стороны — их просвещенное бюрократическое обилие. Наших посольских — 40, англичан — 5 (и у тех, и у других счет идет лишь на дипломатов).

Мы помотались по аэродрому и вскоре вернулись в гостиницу. Хорошо, что за нами были оставлены номера. Н.И. повез меня по городу. Все это материал к моей книге "Власть культуры". Крепость. Скульптура колонизаторов, свезенная из города. Роскошные осыпающиеся изразцы. Старинные мортиры с разрушающимися лафетами. Какая натура для киношников! Сад

фарфоровых (мраморных) роз. Упадок. Коллекция деревьев. Раньше здесь жила огромная черепаха. Обезьянник. Бесконечные горшки с цветами. Дом Эйфеля из чугуна, скатывающегося с двух сторон. Дерево с сидящими на нем цаплями. Почему в таком упадке культура? Английское посольство. Домик Левенгука.

10 декабря, воскресенье. До обеда немножко продвинул "Казус". Не ввести ли мне в него "эвтаназию"? У меня ничего не остается, как роман написать.

После обеда заехал Ник.Ник. Целой компанией поехали на океан. Удивительное, ни с чем не сравнимое удовольствие. Все по-другому: вода, волны, накат ветра. Рядом француз поймал рыбу килограммов на сорок. Сразу ассоциация — "Старик и море". Впервые я увидел, как это делается.

Не забыть имена: Ник. Ник. Окинин, жена — Елена. Мих. Алекс. Павлов, жена — Надя. Руслан, Сережа — "Совэкспортфильм".

Жарили шашлыки из рыбы. В жаровне — три курицы. Когда мы уезжали, трое негритят, приготовившись, уже ждали, чтобы "просеять" остатки: что съесть, что унести с собой.

Были у художника Агусто Ферейры. Полукубист. Конечно, по сути своей он график. 43 года, 11 человек детей. Опять культура: его мастерская — это длинная лоджия. Стол спиной к свету. Несколько аквариумов.

17 декабря, воскресенье. Пишу в электричке, по дороге из Обнинска, куда приехал в пятницу днем. Тишина, снег, много сделал.

Меня оглушило случившееся раньше, но ставшее мне известным только по ТВ — известие о смерти 68-летнего Андрея Дмитриевича Сахарова. Я ехал в электричке, покупал молоко, а он уже был мертв. Потеря для общества и времени! По сути, я видел обратной ему судьбу России и нашего государства. Как опасно единомыслие моих сторонников. Весы предполагали продвижение к свободе. И все это в тот момент, когда, правый, я сильно полевел.

Я не симпатизировал ему при жизни, но как он был нужен нам и как безвременно ушел. Никого вокруг, кто бы так мессиански и по-детски честно осознавал свою роль в этом мире, нет. Духовная пара Сахаров — Солженицын распалась.

Вспомнил, как, кажется, Афиногенов, на бюро прозаиков в свое время предлагал обратиться к А.Д. Сахарову и пригласить его в СП. Я на том заседании его поддержал. Но наше доблестное бюро, наши безукоризненные русские загалдели: в очередь, в очередь… Будет ли к гробу кого-нибудь из них такая очередь, какая был, чтобы проститься с Андреем Дмитриевичем?

Я прилетел в ночь со среды на четверг. Всю дорогу —12 часов — работал, написал несколько эпизодов в роман. В четверг в 15 часов оппонировал по диплому в институте. Кстати, мне и Битову подняли зарплату (230 рублей).

Что, кажется, не вошло в дневник. Три последних дня пребывания в Анголе. Поездка в Дунду на американском "Геркулесе". Атмосфера грузового самолета, Мануэль как бармен — он хозяин, он юрисконсульт компании — угощает гостей. Вечер в "хижине", бокалы с монограммой правительства, два старых седых негра, обслуживающих прием, второй секретарь партии (негр), он заканчивал АОН у Бурлацкого, но уже на юго-западе. Поселок и поразительный музей антропологии. Записи хранятся у меня на "желтых листочках".

Вечером накануне посол Владимир Николаевич Казимиров устроил прием. Лена совершила маленькое предательство: на приеме не соглашалась со мною по поводу мыслей, которые я вроде с нею согласовал раньше. Посол проводил нас до трапа.

Интересно также было наблюдать, как при подлете к Москве надувался Сабит, наш доблестный спутник. Он даже "посоветовался" со мною, этот живой классик из Казахстана — становиться ли ему депутатом, не помешает ли, дескать, это его писательской работе.

28 декабря, четверг. После дополнительного голосования (выдвинули Эр. Сафонова) был в "Знамени". Мое выступление в "ЛР", видимо, вызвало там шок. Та же самая групповая нетерпимость. Психология рабов группировок. Если уж быть в рабстве, то только у самого себя.

30 декабря, суббота. Как и обычно, теряю интерес к дневнику, когда начинает работаться. Со скрипом, но "Казус" двигается. Беда в том, что этот роман видится мне уже почти написанным, по крайней мере чертежи уже в достаточной мере готовы, строительство отстает.

О чем не писал, но необходимо упомянуть. Три дня, с прошлой субботы до среды на этой неделе, были с Вал.Серг. в Репино, в Ленинграде. Игра по поводу создания Союза кинематографистов РСФСР. Интересно. Те же разговоры, за которыми два пути, но все кипит вокруг собственного благоденствия. Ну, знакомых встретили, Алексея Германа (его рассказ о поездке в Америку и двух паспортах — наша традиционная дикость — служебном и общегражданском). Встретился со Славой Сорокиным. Я его начал называть "удивительный рассказчик". За последнее время он очень расковался, и его рассказы — это поразительные импровизационные полеты. Запомнились два — о Гассмане и

Лилиане Ковани. В последней новелле есть еще гипнотический пассаж из славиного детства. (Лариса Латынина "качает" в гимнастическом зале.) Если буду писать роман о гомосексуалистах, обязательно внутренне начну с этого эпизода.

Смотрели "Охотник за оленями". Какой прекрасный фильм и какое дивное произведение искусства! Как многоемко! Создали ли мы хоть один фильм, в котором так ярко отразилась бы любовь к нашей родине, как в этом фильме — любовь к Америке.

Рассказ Бакланова о его старенькой, засаленной курточке.

В четверг было выдвижение кандидатов в местные советы и в Верховный Совет РСФСР. Ходил, как член правления. Устроил некоторую бучу из-за Приставкина, который вовсе не мой герой. Новая демократия в наших писательских кругах намного хуже старой власти партаппарата. Те хоть играли "через одного". Одного своего, другого — "за заслуги". Факт общественного мнения совершенно отошел в сторону, дрожат только за своих. Провели выборы, хотя не было кворума. В вестибюле встретил двух девушек из студии, которую я раньше вел на Писемского. Они пришли поболеть за "своих" и очень весело голосовали. Считается, что голосовало правление.

1990

3 января, среда. Сначала несколько слов о прошлом. С субботы все новогодние праздники пробыли с Валент. Серг. в Болшево. Виделся и интересно говорил с Мих. Перельманом.

2-го ездил в "Знамя". Бакланов печатать "Эфир" не будет. Отношения натянуты. Хорошо поговорили с Апенченко о Гумилеве, о разрушении этноса и т.д.

Сегодня встречался с С.П. Залыгиным, который повторил свое предложение переходить к нему в редколлегию. Аверинцев, Астафьев и я — последний призыв. Я склонялся, оговорив необходимость разговора с Баклановым.

Днем говорил с Юрием Сергеевичем Карабасовым о согласии стать его доверенным лицом вместе с Голданским. Он много интересного рассказал о Ельцине, Лигачеве, последнем пленуме в Москве. Кое-что пригодится мне в роман. Ельцин размышляет: как бы покритиковать власть? Гришин ездил проверять овощные базы, зная сорта капусты. Деталь: однажды потребовал открыть капустник, а в нем — бочки с огурцами.

Вчера придумал еще одну сцену в роман, эпизод "Калининский". Завтра надо записать.

6 января, суббота. В. С. уехала на несколько дней в Киев. Много работы, на дачу не поехал. Недавно видел объявление: "Институту философии требуются: слесари, сторожа". Философы не требуются никому.

20 января, суббота. Несколько дней, как живу под впечатлением крошечного упоминания о "Соглядатае" в "Новом мире". При том якобы неуспехе романа, который я считаю незаслуженным, это свидетельствует о справедливости моей точки зрения. Значит, есть люди, которые читают, которые имеют независимую позицию в отличие от той, что оккупирована нашими присяжными критиками — ленивыми или повязанными родственными, клановыми и национально-групповыми связями. Значит, мое собственное мнение о романе и моя гордость им, делом, которое я своротил, не спесь и не самохвальство. Значит обида, которую я скрываю, горечь, которая тайно кипит во мне, не случайны.

С четверга я в Обнинске. Удивительно, почти двое суток я не перемолвился ни с кем ни словом. Многое придумал к "Казусу". Например, электронную блокаду, словно рисунок "сфер" в учебнике географии. Возможна, и новая фамилия героя — Можай. Никита или Сергей?

В среду был у Левы Скворцова, говорили о лингвистике. Как

всегда, в трудную минуту своей творческой жизни я иду к нему. Он бескорыстно слушает, соглашаясь со мной, пока я мну свой роман.

Во вторник был на полугодовой редколлегии в "Знамени". Все время ощущаю враждебность по отношению ко мне. Или я все это придумал? Сцепился с Ю.Жуковым по поводу Армении и Азербайджана. Только ли две религии? Еще и две лжи. Много думаю о статье С.Чупринина. Воюя с русофобией, эта статья открыто, объективно способствует возникновению антисемитизма. В статье для автора имеют значение, как факт рассмотрения и констатации, лишь две нации: евреи и русские.

Очень надеюсь, что удастся немножко еще пожить и кое-что написать. Я ведь только-только начал понимать, как надо, доверяя себе, писать. Я ведь только-только научился думать. Что заставляет меня писать: честолюбие? Но почему же так много думаю я, человек без детей, о будущем страны, о родине, о следующей жизни.

В понедельник часа три-четыре занимался разбором повести Валеры Терехина "Детские игры". У парня безнадежное положение. А вдруг, дай бог, выпишется?

24 января. Состоялась приемная комиссия в СП на Комсомольском. Я пробил какого-то литературоведа из Кемерова, Казаркина. Додолев и Кожухова были против, и тем не менее счет 18х6 — принят. Чувство выигранной схватки. Додолев, который действует в соответствии с конъюнктурой, сообщил вслух: если русский, дескать, мы принимаем. Я напомнил ему, как совершенно несправедливо он завалил еврея Тоболяка с Сахалина.

25 января. Состоялось собрание писателей с повесткой "Каким быть нашему Союзу?". Много говорили о безобразной истории неделю назад во время заседания "Апреля". Была перепалка с представителями "Памяти". Даже крики: "Убирайтесь в Израиль!". Как всегда, шли разговоры: "Хорошо это евреям или плохо?" Выступавший Байгушев — человек со стилем русскоязычного писателя, пишет плохо — сказал: США лишили советских евреев права политических беженцев, а это деньги. Значит? Значит, сообщил Байгушев, необходимо, чтобы этот статус был возвращен.

В своем докладе А.А.Михайлов назвал нескольких писателей, которые в наше время, когда все выскочили на трибуны, занимаются делом, пишут: Маканина, Кима, Афанасьева, Киреева, меня.

29 января. Понедельник. Вчера вечером ездил в ДК "Красная Пресня" на вечер "Литература русского зарубежья — "Посев".

Вот так всегда и бывает, ожидаешь чего-то, тратишь время в надежде: а вдруг! Чудовищно низкий уровень выступающих. Подтасовка фактов заведомая, правдоподобная неправда, а главное — ничтожное, мелкое слово. Все можно простить за убеждения, но бездарность не простишь. Выступали московские авторы "Посева" — Васюков (поэт), Марина В., (училась у Трифонова, "чернуха" без чувства слова), Сергей Ларионов (слабые стихи и претенциозное выступление о 18 января в ЦДЛ, с намеками на КГБ), Юрий Аднунг — "бард и будущий автор" (лишь с одной интересной песней о "свободе"), Анатолий Щукин (50 лет, "поэт с площади Маяковского", однообразные стихи), Борис Губин читал стихи Сергея Морозова, покойного молодого поэта — это хорошо, Александра Казарловина, интересная, но, к сожалению, злобно-политизированная молодая поэтесса и т.д.

В вестибюле по бешеным ценам торговали книгами издательства и принимали подписку на журнал. В зале продавали листовки: "Господа, купите — "Ленин — преступник N 1". Я купился, и за два рубля приобрел список ленинских, уже давно опубликованных статей и телеграмм.

Сегодня в "Правде" статья Ю.Жукова. Впервые я с ним согласился.

1 февраля. Ленюсь записывать в тот же день. Боюсь бумаги, не люблю писать. Писатель — это всегда графоман, мне это не дано. Позавчера, в среду, был в Министерстве культуры РСФСР на совещании по выработке концепции Булгаковского центра. Выступал вторым, резко, памятуя, что уже 20 лет мы говорим об этом. Впервые увидел М.О. Чудакову.

Ни одной литературе, как русской, так не повезло: великий роман. Миф и живая реальность, лежащая над этим мифом. Было две точки зрения: за Центр — люди, которые поняли величие Романа и его предстоящее будущее, за музейчик — это присосавшиеся.

Горжусь своим выступлением: здесь я рву со своим бытовым конформизмом.

В романе решил сюжетом сделать "казус". Идет мучительно. Идет и нелепый квартирный размен.

9 февраля, пятница. Вчера вернулся из Калининграда, куда вместе с бригадой из "Октября": Будников, Осеев, Назарова, Мих.Павл.Капустин и Галя Нерпина — ей 25 лет и она хорошая поэтесса. Интересный вечер в Кукольном театре (бывшая церковь Королевы Луизы). Я был честен и выступил неплохо. В поезде — забегая вперед — Назарова, изрядно хватив, сказала: С.Н., надо определяться. Выдал ей — с кем следует определяться и во имя чего? Меня пока кормит самостоятельность.

Самое любопытное в этой поездке — материалы к моей книжке "Власть культуры": встреча с Ольгой Феодосиевной и ее рассказ о Канте. Я все записал на магнитофон и обязательно об этом напишу. Интересна сама проблема: город в России и его история. Имеет ли право народ во имя своего будущего ломать историю?

Вчера позвонили: "Литгазета" набрала в полосу тот же кусок "Эфира", что и "Неделя".

За время моего отсутствия дурацкая история с Сашей. Его остановили с 20 долларами, которые я ему дал на кассеты. Так защищены мы в правовом государстве или нет?

10 февраля, суббота. Вчера вечером был в Большом театре на вечере, посвященном столетию со дня рождения Б.Л.Пастернака. В.И. меня пригласил. Сидел рядом с В.Смирновым, с другой стороны — Михалков-Кончаловский. Валя называет это, раздражаясь, бриллиантовой комнатой, полагая, что я люблю эту светскую суматоху. Культура — повод для сбора. В десятом ряду сидела Раиса Максимовна, в первом — Лигачев и Лукьянов. Хохолок Лигачева торчал над стулом. За мною — Бакатин. Тут же остальные партийные товарищи. Что им Гекуба?! Пообщались, отсветились. Это первый неформальный, врезающийся в память юбилейный вечер. Плох был А.Вознесенский, совершенно переделавшийся из поэта в актера. С Е. Евтушенко они разделили, как всегда, амплуа: один актерствует на политической сцене, другой — на культурной. Но я подумал, что этим вечером, в принципе, Б.Л.Пастернак обязан тому, что в свое время приголубил мальчика Андрюшу. Еще были декорации Левенталя: лампа, светящаяся в окне дачи, и "звезда Пастернака", крупно мерцающая на звездном небе.

Вечером долго сидел у В.И.Юдина, ели рыбные консервы, говорили о его поездке в Армению.

15 февраля. Вечером позвонили из телепрограммы "Добрый вечер, Москва". После моей реплики в "Литературной России" о "Взгляде" — и я это предполагал — я оказался вытесненным с телевидения. Своя национальная рубашка им ближе. И вот звонок: не выступлю ли я в передаче, посвященной И.С.Глазунову. Глазунов мне не друг, человек суетный, но ведет дело нужное. Бог с ним, с его личными амбициями и пристрастиями. Я отказался. Но какие заразы — наверняка хотели еще раз подставить, хотели от меня ругани.

16 февраля. Выступал на приемной комиссии. Рекомендовал Г.Цуканова из Волгограда и Г.Соловьева из Сибири. Оба прошли. Как много в России по-настоящему интересных людей. Вот и эти двое. А ведь не укрупнят свой талант — не пробьются к

постоянному письму, к потоку.

Звонил Г.Будников, предлагает мне интервью о "Бородино". Надо начинать готовить материалы. Роман стоит.

21 февраля, среда. Вчера в Доме кино смотрели с В.С. "Империю чувств" японского режиссера. Фильм 1976 года. Фильм с совершенно новой эстетикой отношений мужчины и женщины. Киношники, как всегда, невежественно на все это прореагировали. Не могут ни понять, ни перешагнуть через свою художественную практику. На меня фильм произвел впечатление. Как виновата наша идеология перед творческими людьми! Несколько книг, не прочтенных в юности, несколько фильмов, увиденных с опозданием, — и художническая судьба оказалась не до конца реализованной.

Днем был в бане, писал, потом ходил в "Литгазету" — заслали новый кусок из "Эфира". Обещают дать в среду.

26 февраля, понедельник. Вечером ходил на почту — прислали очередной перевод: "Имитатор" вышел на польском языке отдельным изданием. На обратной стороне книги "компания" писателей, вышедших в издательстве в этом году: Симона де Боувар, Петер Боул ("Мост через реку Квай"), Александр Бек, Кен Кизи ("Кто-то пролетел над гнездом кукушки"), Богомил Райнов, Эрих Мария Ремарк, Курт Воннегут.

На почте же слышал разговор. Мужчина, стоящий в очереди передо мной в отдел доставки, отказывался от "Знамени". Я подошел и спросил: читал ли он журнал или "по слухам"? Читал.Внимательно. Мужчина прямо сказал, что не хочет иметь дело с еврейским журналом. "Мне надоели космополиты!" Здесь определенная, давно ощущаемая мною тенденция: журналы существуют за счет читателя. Резкий скачок с тиражом "Литгазеты" — пример этого ряда. К сожалению, газета заняла не интеллигентскую, а просемитскую позицию. Явления жизни оценивает по одному критерию: будет евреям хорошо или нет. Но ведь читатель-то в основном русский. Раньше этот простой русский читатель с этой позицией соглашался: всем было одинаково плохо, и оппозиция еврейской интеллигенции несла в себе некую всеобщность, однако перестройка ощутимые плоды принесла в первую очередь еврейской интеллигенции. У нее по сравнению с русской появились преимущества: есть свое лобби на Ближнем Востоке. Ее агрессивность в переустройстве России тоже понятна: в случае непредвиденных событий есть куда уехать. У русских же запасной родины нет. А "Литгазета" талдычит все о том же. Аминь.

27 февраля, вторник. Утром ходил в бассейн и вел семинар. Обсуждали Лену Трифонову, я радуюсь каждому ее успеху. Я не

ожидал от себя, что так привяжусь к этим мальчикам и девочкам, все они мужают, взрослеют у меня на глазах. Во мне растет чувство уважения к ним и ощущение нашего равенства.

Володя Крупин прислал фотографию: ребята на 1-м курсе. Так она мне мила и столько вызывает у меня размышлений.

28 февраля, среда. Вчера вечером целая история: Валентину Сергеевну опять вытесняют из поездки. Нервничал, пил корвалол.

Долго на ТВ смотрел дебаты в Верховном совете. Все определилось: выявились позиции. С восторгом читаю литературоведение Моэма. Готовлюсь к выходу "Знамени". Все время подбираю материал к книге "Власть культуры". Сегодня в "Литгазете" вышел отрывок из повести "В родном эфире".

8 марта, четверг. После большой ругани — мы с В.С. в "Отрадном", санатории МК. Сразу покончу с описанием: я и не предполагал, что у нас возможно такое. Ах уж эта скромная, неброская красота. Правящий аппарат рассчитывал на вечное царствование и для себя ничего не пожалел. Какой бассейн, зимний сад, корпуса, какая огромная, еще до конца не освоенная территория! С грустью надо признать, что и моему поколению достались катаклизмы. И эти дворцы перейдут к другим хозяевам. Все опять пройдет через фазу разрушений и потом собирания.

Теперь за последние дни все по порядку.

Во вторник, 6-го, утром провел семинар. Рассказ Ж.Зелениной "Бессонница". Очень обрадовался проблескам языка и чему-то интересному именно у нее. Все больше и больше начинаю жить судьбой и делами своих учеников. В тот же день заезжал в "Октябрь" говорить насчет Лены Трифоновой (в рукописи она оказалась Обуховой).

Во вторник же был на выставке фотографий царской семьи. Все интересно, это наша история. Хочется поумиляться над царем, но человек он, конечно, был разный. Одно бесспорно — искренний и убежденный. Особым чувством душа наполняется от мысли об убийстве людей невинных: его детей, да и его самого и царицы. Кто определил эту меру, за которую надо лишать жизни? Кто дал право выполнять Божью функцию — судить? Кто дал право затоптать чуть проклюнувшийся росток?

Тут же, на выставке, вспомнил А.Я.Юровского — профессора, мужа Г.М. Шерговой. Вспомнил удачливую их жизнь, квартиру на Чистых прудах, павловскую мебель, машины, Г.М., разговоры об интеллигентном. И все сразу стало ясным: их преимущество на жизненном старте было обусловлено одним маленьким обстоятельством: кажется, именно отец Леши был участником расстрела царской семьи в Екатеринбурге. Я.Юровский кончил жизнь в ЦКБ — кремлевской больнице. Семья Романова — в

шахтном колодце!

После выставки — я был с Леной, невесткой Л.И. Скворцова — приехали на улицу Александра Невского. Лена — милая, хорошо воспитанная молодая женщина — показывала мне свои фотографии, свадебные, детские. В детских был один рефрен: это Швейцария — Женева, итальянская часть. Смотреть мне на это было достаточно тяжело: сетование на несправедливость моей судьбы?

Вечером долго говорил по телефону с С.П.: втихаря он был на "Сельской чести". Почему-то стало его жалко, с грустью думал о его порядочности, чувстве долга, которые, видимо, будут мешать ему жить. На праздники пригласил его с Валей пожить у нас.

9 марта, пятница. Ездили в Москву, в гости к Н.П.Мошовцу. Был восхищен большим, по-настоящему семейным домом. Он живет в бывшей квартире Наровчатова. Говорили о создавшейся в России ситуации, о письме 74-х. Оно очень истерично, агрессивно, хотя по существу в нем много правды. Интересно, что не подписали ни Залыгин, ни Астафьев. Писатели более терпеливо и мощно должны говорить с обществом. В "ЛГ" уже появился ответ Вознесенского, Евтушенко, Черниченко, В.Соколова, Приставкина, Дудинцева. Прежние аргументы: во-первых, личность подписавших (прочитывается Алексеев М., Проханов и т.д.), во-вторых, старая песня с 18 января: в следующий раз придем с автоматами.

Видели Валю и С.П. Толкачева — они были оба грустные, праздники им тяжело даются.

16 марта. Пропустил три дня и начну с событий 14-го. Как жаль, что нет организованности и времени писать день в день. Несколько дней подряд кипят телевизионные страсти — выборы президента. Я понимаю, каждый телезритель — зритель исторического события. Наблюдения: страсти, полустрасти, амбиции. Из эпизодов: перепалка Н.И.Рыжкова с А.Собчаком. Для меня не факт и первооснова скандала, а три обстоятельства: а) Собчак был не понят, и реакция адыгейцев и якутов от его выступления была неправомерна. Собчак заигрался со своим безнаказанным адвокатским красноречием;

б) Удивительно на фоне разыгрываемых страстей было видеть искреннюю реакцию Рыжкова. Искренность вида побеждает, хотя сказать ему практически было нечего; в) Но основное — новые сведения о любимом еще совсем недавно М.С.Горбачеве. Как удивительно быстро, как настоящий политик, он бросил и Собчака, который зарабатывал хлеб для него, и Н.И.Рыжкова. Обоим он не захотел помочь — первому, разъяснив характер его высказываний, но тогда он "хоронил Воротникова и

Власова". Второму — который, как тяговая лошадь, тянет неподъемный воз.

Самое интересное было потом: здесь опять у меня два соображения. Мне вообще кажется, что я очень быстро улавливаю ощущения народа. Эти дни понадобились Горбачеву для полного отката волны. Пока сопротивлялись региональщики — было одно, но вдруг стало видно, чего он очень захотел и что идет к цели, переступая холодно, как политик, через все.

Мое второе сильное впечатление от этих дней связано с примерами мужского бесстрастия, которое я так люблю. И самое яркое впечатление — выступление седого делегата из Кузбасса. Ощущение, что честь и совесть у нас в стране, сколько бы об их потере ни говорили, сохранены. Я представляю, сколько надо иметь мужества, чтобы сказать такое.

Все время борюсь с собою, чтобы не запустить в себя антисемитизм. Ежедневно — отдельные талмудисты, конечно, распустились — очередная порция вползает в меня и ежедневно приходится чиститься.

17 марта. Бедная Валя страдает от уколов, которые ей делают от бешенства. В день отъезда из "Отрадного" ее покусала собака. Были с ней у главврача — молодая довольно циничная самка, улыбающаяся с внутренним презрением, сглаживая конфликты. Об этих собаках, стая которых бегает по территории, вот не раз говорили, но ведь забота ее в умащении своего тела и в ублажении приезжающих в санаторий персон. "Отрадное" принадлежит МК — аппарат такое не отдаст.

Вечером были В.И. Юдин и В.К. Егоров. Крепко выпили и хорошо говорили.

18 марта. Пленум СП СССР, который должен был состояться вчера, состоялся сегодня. Говорили об Уставе. Встретился с Баклановым — холодно подали друг другу руки. Я выбрал тактику. Избегаю Чупринина — он заискивает. Не люблю ренегатов и провокаторов, особенно не без способностей.

Вчера, когда приезжал на неоткрывшийся пленум, встретился с Н.Б.Ивановой. В буфете я сидел без очков и поэтому ее не узнал. Эта лиса два раза прошлась мимо столика.

На пленуме — те же страсти. В самом конце В.Карпов просил отставки и жаловался, почему его никто не защитил, когда пресса принялась его травить. Пленум, конечно, его поддержал. Но… почему? Ни один из писателей никогда не жил в квартире бывшего министра внутренних дел, покончившего жизнь самоубийством. Ни один еще из первых секретарей (по рассказам В.Ф…?..ой) в Афганистане не менял собственный фотоаппарат на какую-то дохлую шапочку для жены.

19 марта. Я в Новосибирске. Несколько дней назад позвонил Илья Картушин: чтения Гарина-Михайловского. Не хочется подводить Илью, хотя в доме переезд. Мы с В.С. наконец-то съехались. Как всегда, нас обштопали, потери по площади, но — соседний подъезд, над бывшей квартирой мамы, 5-й этаж. Валя все, естественно, кинула на меня. Уже несколько дней не работал, таскал вещи.

В гостинице в буфете встретил Мишу Успенского из Красноярска. Ругаю себя, что сказал ему о Союзе. На прошлой комиссии его не приняли, хотя я, Шугаев, Турков голосовали за него. М.П.Лобанов говорил относительно оскорбления Успенским в какой-то из повестей царя Алексея Михайловича (хороший был царь, писал книжки о соколиной охоте, создал Уложение 1649 года).

С 10.00 все закрутилось. Выступили на заводе, где делают "Комету", потом, вечером, открытие Гарин-Михайловских чтений. Я за их региональность. Из Челябинска приехал Кирилл Александрович Шишов, в прошлом году вступил в партию, выдвинул в депутаты Пимена.

Встретился с Ильей. Вечером ужинали.

20 марта. Два выступления: в институте и в обществе книголюбов. С удовольствием наблюдаю за Кириллом Алексеевичем Шитовым. Он председатель Фонда культуры в Челябинске, победил на областных выборах. Где искренность его политических высказываний, а где конъюнктура?

Вечером, были вместе с Мих.Глеб.Успенским у Картушина. Переели копченых кур, голова тяжелая. Звонил домой. Валя чувствует себя плохо.

Приехал в Москву, в переезд. Это уже 4-й или 5-й в моей жизни. Дни переезда запоминаются намертво. Шкафы и полки — в Бескудники, книги, шкафы, полки — на Проспект Мира, книжные шкафы — на ул. Строителей. И это изнурительное хождение и ношение из подъезда в подъезд. Смерть мамы. Ее первое появление во второй квартире, ночной разговор, осыпавшиеся в день ее смерти цветы. Маляры на своей спускающейся лебедке-люльке, внезапно появившейся в окне — шел ремонт дома. Они спускались по мере проделанной работы и могли видеть, что происходит в квартирах. Их ужас и отчуждение, когда увидели, что в комнате лежит мертвец. Похороны, уборка, поминки, которые я сам вел, потому что думал: как я сам, мою боль никто лучше не смог бы выразить. И вот новая квартира в подъезде, где мама жила раньше. На один этаж выше. Это, пожалуй, первая квартира, где мне хорошо. Светло — это самое главное, и, наверное, дай бог, будет спокойно.

3 апреля, вторник. Валя — это ее манера из неустроя и грязи уезжать, бросая все на меня, — уехала в Прибалтику на четыре дня, а я вечером ходил на спектакль Леши Шипенко "Смерть Ван-Халена". Интересно, театрально, умно по философии с этим "ныряющим" и идеальным миром. На меня все это произвело впечатление. В малом зале, мало народа, а так хорошо.

6 апреля. Я должен был улететь в Индию на конгресс какой-то ассоциации. В последнюю минуту, когда билеты и деньги были уже на руках, не пришло подтверждение. Я должен был лететь вместе с Конст. Алексеевичем Чугуновым. За два часа до отъезда из дома все отменилось. Воспринял даже с облегчением, ну и слава богу.

9 апреля. Медленно пишу каждую фразу. Постараюсь сегодня закончить главу "Общежитие", тогда начну следующую — "Правительство", постепенно собираю материал и на сам основной сюжет. Ясно одно — все будет написано от первого лица; но не забыть о теневой хлопковой экономике. Мы люди бедные, у нас все идет в дело. О распродажах, которые сейчас идут в Москве, и т.п.

17 апреля, понедельник. Вчера, в 7-м часу, с Казанского вокзала уехал в Ижевск, где пройдет заседание Приемной комиссии. В купе долго разговаривали: А.А.Бологов, М.П.Лобанов, Ю.Пшенкин и Женя Попов. С нами едет Женя Некрасов, мой ученик, которого я когда-то случайно встретил в гостинице в Горьком. Он едет от "Литроссии". Вот так человеческая жизнь меняется под влиянием одного разговора. Изредка в купе заходил Юрий Кузнецов, первый поэт России. Я смотрел на его вечно сонное, блоковско-печальное лицо, стареющую, в морщинах, шею. Много говорим о России, о современном ее положении. Пшенкин пересказывал любопытную теорию о выращивании душ на земле, как некий продукт для инопланетян.

День Пасхи. Накануне я был на даче и вернулся в Москву утром, написал предисловие к книжке "Я и я" — молодые писатели и ученики. Книжку собрала моя ученица по студии на улице Писемского Рада Полещук. Закончил вторую главу — "Общежитие". Теперь впереди "Правительство".

Вечером в Ижевске состоялась первая встреча. Нам представили молодую литературу — жуткая проза, но мне очень понравились Вячеслав Кириллов, мальчик-поэт (стихотворение о рыжем афганце), и Алла Кузнецова, ей пятьдесят, пишет стихи о любви и о праздной весенней земле. Но их комиссии по каким-то местным соображениям не представляют. Потом был концерт Удмуртского народного ансамбля. Интересно, как среди их песен

живут "Семеновна" и другие русские песни.

С приехавшим позднее Славой Шугаевым говорили о моей идее неприсоединившихся писателей. Друзья и по ту, и по другую сторону баррикад. И с теми нехорошо, и с этими противно.

25 апреля, среда. Обычное дело — не получается изо дня в день вести дневник. Уже в Ижевске нахлынули заботы и неудобства, которые постоянно меняли распорядок дня, а уже возвращение в Москву. Летели поздно вечером, и четверг обернулся невероятными хлопотами. Летели со Славой Шугаевым. Пьяный Шугаев — тяжелый груз, еле-еле нашел машину, чтобы отправить его на дачу.

Пришла открытка — дали автомобиль, который надо получать и о котором надо заботиться. Потом пришла открытка из Союза писателей на "видак". За видаком ездил в магазин вчера и весь сегодняшний день провозился, его настраивая. Естественно, ничего не получилось. Все одно к одному — как патроны в пулеметном рожке, но что поделаешь — деньги так быстро меняют курс, так неясна наша дальнейшая судьба, что приходится покупать все это барахло. Машина у меня только три года, видак тоже есть. Из впечатлений ижевских главные — это писатели. Все больше и больше я начинаю любить моих товарищей такими, какие они есть, с интересом наблюдал за Мих. Петр. Лобановым, Юр. Полик. Кузнецовым, Вик. Иван. Кочетковым. Новые для меня в известной мере фигуры — это Женя Кузнецов, референт СП, с ним очень интересно говорили о текущем общественном процессе и сошлись, что единственное, чего еще боятся радикалы, — это память. Она все ставит по местам. В поездке был еще и Сережа Иванов, тот самый, с которым я когда-то встречался у Льва Ивановича Скворцова. С тех пор он уже успел получить Госпремию и стал известным детским писателем. Немножко подпив, в автобусе и при Славе Шугаеве он рассказывал, провоцируя мою искренность, совсем забытую мною историю нашего знакомства, что, дескать, и писать-то он стал, чтобы именно мне доказать, что он тоже может.

За эту поездку особенно сблизились с писателем Александром Ал. Бологовым из Пскова. Прекрасный человек твердых убеждений и высокой искренности. В его биографии много необычного и интересного — и море, и бокс — он в молодости был чемпионом. Очень чистый, счастливый в своей порядочности человек. Порода для писателей почти переведшаяся, а для остальных редкая.

В пятницу и субботу был на даче, вернулся в воскресенье вечером. Сейчас придут проверять сигнализацию для охраны. Жить с каждым днем становится все страшнее. Умер Юра

Стефанович. Еще недавно мы с ним работали на семинаре в Дубултах.

23 апреля, пятница. Утром уехал в Обнинск. Встал, как почти ежедневно, в 6 часов. Бегал до бензоколонки на Ленинском и там купался в пруду. Болят ноги, но бегать мне нравится, будто молодое преодоление себя, будто бегу марш-бросок в армии. У меня надежда, что смогу пересилить. Никому не признаюсь, ноги сводит, и боль пульсирует в икрах. Все это похоже на наши фамильные беды. У мамы все начиналось с ног и спины.

В Москве распустились тополя. До сих пор не могу забыть: позавчера прошел дождь, и как мучительно молодо пахло распустившимися почками. Сегодня, уже под вечер, ходил гулять. Теперь я как на чудо смотрю на новую встречу с лугом, где я бегал в прошлом году, за рекой. Бунтуют птицы, среди голых ветвей такой веселый базар и такой молодой.

Вчера вечером в "Ударнике" видел на большом экране "Казанову", фильм Феллини, о котором я так мечтал многие годы. Лет восемь назад мне на пленке подарил этот фильм В.Юдин, я его знаю по кадрам. Все нужно смотреть в свое время. Море в первом эпизоде — искусственное, сделанное из какой-то синтетики. Другое искусственное море у Феллини в фильме "Корабль плывет". Опять размышления о правде вымысла…?

Последние два дня перечитывал "Сатирикон". В этот раз с особым вниманием смотрел почти пропускаемую ранее главу "Пир Трихмалиона". Кстати, пришла мысль о новом романе: аферист-депутат, подлец и авантюрист. Здесь же нашел интересную мысль о вымысле в литературе. Я очень много думал об этом. "Ведь дело совсем не в том, чтобы в стихах излагать факты — это историки делают куда лучше, нет, свободный дух должен устремляться в потоке сказочных вымыслов, по таинственным переходам" (Б. Ярхо).

Написал первый абзац в новой главе. Как всегда, пришло на помощь время: вспомнил выборы, голосовали тогда за Сталина и т.д. А не назвать ли роман "Плюс квамперфектум"?

ТВ все время говорит о Литве. Жить с каждым днем все страшнее, но мне все же кажется, что путешествие "под гору" заканчивается…?

5 мая, суббота. Обнинск. Все праздники были с В.С. в "Отрадном", санатории МК. Перешли и они на хозрасчет, поэтому берут очень дорого, по 12 с лишним рублей с человека. Мы были такими, кто платит, наверное, единственные. Аппарат еще получает всякие дотации и подкорм, все понаехали с детьми и тещами, но, полагаю, вскоре этих шальных денег у партии уже не будет. Все время порывались подсчитать — сколько я заплатил за

последние год партвзносов, и куда же эти деньги подевались. Я-то ведь вступал в партию, которая совершенствовала и организовывала народную жизнь по относительно справедливым законам. Что делать? Кому все же верить? После этих санаториев во мне впервые начал просыпаться гнев. Как хорошо кормится вокруг всего этого прислуга.

В пятницу был в СП на комиссии по литнаследству реабилитированных писателей. Шанталинский зачитал из личного дела Ставского. Например, письмо Ежову по поводу стихов Мандельштама. Автор, наверное, понимал, что это лояльное письмишко означало для поэта смерть! К письму прилагался литературный отзыв на эти стихи поэта-прозаика Павленко. Вот так куется литературное счастье. Гнев начал застить глаза. Я перебил Шанталинского и предложил посмертно исключить Ставского из СП. Кого же мы избирали и что это за структуры СП, кого они выращивали? Ведь это особая корпорация творцов, а творчество подразумевает в том числе и терпимость. Я предложил свою меру посмертной ответственности, хотя был всегда против какого бы то ни было шевеления трупов. Пусть покойники тлеют в своих могилах. Но этот эпизод, быть может, один из самых за мою жизнь глубоко меня потрясших. По-моему, на мою реплику никто не обратил внимания. И правильно.

Продвигается роман. Говорил со Славой Шугаевым относительно нашей ассоциации непримкнувших и с А. Жуковым о вроде планируемом кем-то выдвижении меня на Госпремию. Он сказал: обязательно дадут. Но, боже, незачем мне этим заниматься! И палец о палец не стукну.

8 мая, вторник. Был у меня дома Женя Широких, мой ученик по семинару в Дубултах. Веселый, нарядный, пьяный. У него идет роман в издательстве "Стиль". Интересно поговорили о сегодняшнем дне и о его романе. Как бы научиться писать весело и небрежно. Женя выпил бутылку шампанского — я в это время занимался легкой уборкой на кухне. Вечером уехали с В.С. в Обнинск.

9 мая, среда. Утром смотрел телевизор. Колонна стариков — Героев Советского Союза тронула до слез. Ведь тогда были юные и чистые, какие горизонты расстилались впереди перед каждым!.. Вечером читал Бакунина. Интересно, какая удивительная порода людей, как мало мы о них знаем. Время обглодало все, оставив как остов, одни имена.

17 мая, четверг. Около половины третьего дня выдалась минутка. Все накапливается и мусорит голову. На несколько дней лечу с группой писателей в Ташкент, там какой-то юбилей. Собственно говоря, спроворила меня на это путешествие

Р.Ф.Казакова, но сама расчетливо не полетела: "Узбеки меня плохо издают". Бог с ней и с ее издателями, отступать мне было нельзя. Еду на юбилейные торжества и открытие памятника узбекскому поэту Хамиду Алимжану. Беру на всякий случай с собой в библиотеке Дома литераторов том истории узбекской литературы.

Из последних событий. 14-го мая умер Валера Коксанов, ему нет еще и 42 лет, инфаркт.

Патологоанатом сказал: ноги и сосуды у него были зверским образом объизвествлены. Видимо, существует и какая-то своеобразная плата за пользование благами. Сколько раз я был у них в гостях, сколько раз там выпивали, но как обильно и через край там и кормили. О, эта жирная и сочная пища из кремлевского распределителя! Доброжелательные, щедрые люди. Вчера был у его родителей. Мать, еще недавно цветущая женщина, совершенно раздавлена. Но на столике рядом с ее креслом — стопка красных правительственных соболезнующих телеграмм. Их пододвинули ко мне, и я, мелкий садист, не стал никого радовать, не начал читать. С Валерой были связаны многие этапы моей жизни на радио, в литературной редакции. Именно он был редактором мемуаров Брежнева, выпускал их в эфир. Сколько сразу всего вспомнилось!

Валерина свадьба, где мы с В.С. были свидетелями. Уже в дверях встретил его вдову Зинаиду. И женихались, и женились на моих глазах. Мало ты насулил нам жить вместе! Рассказала: "Когда легли спать, заткнула бирушами уши, чтобы он мне не мешал храпом, но в половине первого меня как бы толкнуло. Проснулась, он был неподвижный, тяжелый, но еще горячий". Пожалуй, я напишу о нем страничку в "Эфире". Эта мысль возникла параллельно с давней мыслью написать об умершем Дмитрии Морозове. Тоже работали вместе на радио и дружили. Это мой долг. Информационным поводом для рассказа может стать недавний звонок жены Дмитрия Лоры: она разбирала бумаги и нашла рукопись моей первой повести "Живем только два раза".

Валере с огромным трудом достали место — со слов Инны, матери — на Ново-Кунцевском кладбище. Мест нет, вмешался чуть ли не Рыжков. Но ведь меня-то там не захоронят! Грустно, что в эти минуты похорон младшего товарища я думаю о социальной справедливости. Но столько обид!

Похоронили Валеру рядом с недавно умершим Венечкой Ерофеевым. Поговорят о литературе.

Вчера приезжал домой мой ученик, тоже Валера, но Терехин: правил ему текст дипломной работы. Валера каждый раз

старательно переделывает те несколько страниц, которые мы с ним разбираем.

Вечер. Пишу уже в Ташкенте. Стараюсь сделать все это подробнее. Молодость прошла здесь, в Ташкенте я заканчивал первый год учебы в университете, здесь работал в театре. Круглый сквер под курантами в центре. Как выросли платаны. Сад у Театра ТуркВО. Мои старшие товарищи по театру: Валера Шаврин, Елена Паевская, Капитолина Гавриловна Ламочкина, которой я так многим обязан, Роман Ткачук!

18 мая, пятница. Поселили в гостинице Совмина. Сразу же ушел гулять и умилялся. Ходил по прежним местам. В сквере другой — уже Марксу — памятник. А ведь в центральном сквере помню еще и памятник Сталину. Зашел в садик Дома офицеров, и сразу же вспомнились первая репетиция и сбор трупп. Какой нахал, никогда не играя даже в самодеятельности, устроился артистом.

Утром рано встал, час ждал машину, чтобы ехать в Джезак. По дороге сплошные поля хлопчатника. Я еду в машине вместе со знаменитым узбекским писателем Шукрулло. Я никогда не думал, что после пленума по выдвижению в народные депутаты мои пути пересекутся с этим человеком. Шукрулло единственный, кстати, запомнившийся мне узбек в нашем многонациональном художественном радиовещании. А проработал я на этом вещании почти десяток лет. Он сидел, освободился в 54-м. Подробности из разговоров в машине: Панджекидзе, Кугультинов и он, Шукрулло, сидели в Норильских лагерях. Рассуждение его о лагерной шпане — дети кулаков. Ему говорили: "Ты недоволен советской властью?" — "А почему я должен быть ею доволен? Исключали из школы. Раскулачили родителей будущей невесты, потом она пропала перед свадьбой". Рассказывал о личности Хамида. Его руки, как и руки многих писательских начальников, в крови.

Джезак. Впечатление от города. Открытие музея и сам музей. Мое интервью русскому радио. Открытие бюста. Двоюродный брат поэта — ныне министр иностранных дел. Обед в колхозе "Москва". "Москва, Москва, люблю тебя, как сын…?" Именно здесь родился и поэт Шараф Рашидов. Рашидова помню по встречам с ним в Навои на правительственной даче. Изысканный был человек. Много слухов о его смерти. Открытие еще одного памятника. Ужин на траве. Замечательное, но очень дорогостоящее гостеприимство. А в полях с утра до вечера гнут спины женщины и дети, счастливый труд. Встреча в обкоме.

Утром читал Чаадаева. С жадностью, с огромным вниманием. Вроде бы все доказательно, но так ли все?

Вечером открытие памятника. Большая, в человеческий рост,

фигура, вознесенная на платформе, на столбе. Все густо посеребрено. Поэт в тройке с заметно выступающими гениталиями. Ужинали тут же за огражденным белой материей участком. Столы выстроены квадратом, водку подавали в чайниках: "белый чай", "холодный чай".

19 мая, суббота. Боюсь, что юбилейные дни в первую очередь запомнятся непомерными трапезами. Три выступления: в колхозе "Навои", школе имени Алимжана, в пединституте и в городском театре. Мне все труднее и труднее извлекать нечто из неизвестного. Пока выяснил, что Алимжан — лирический поэт, кажется, даже переводил Есенина. В гостинице нет воды, вообще она вроде только что открылась. Дело оправдывается тем, что все здесь — площадь, фонтан, памятник, гостиница — возведено за три месяца. Здесь, как в Египте, прикажут — шапками накидают гору земли. Перед гостиницей огромная круглая площадь, на которой раньше стоял бюст Рашидова. Его сняли. Все готовилось к новому открытию. Надо сказать, что современная космическая архитектура Джезака восхищает. Это надо обязательно сделать перед глазами русских писателей. Широкий, чистый, продуваемый проспект одной стороной упирается в горы. Само ложе бюста, подставка под безделушку, сделано далеко не случайно. Использованы все архитектурные приемы, известные с древности и вызывающие чувство приниженности человека перед идолом. От гостиницы, от партера, с одетыми в камень на разных уровнях островками зелени, лестницы амфитеатром спускаются вниз к огромному низкому блюду, вылепленному, словно Дворцовая площадь в Ленинграде: гранитные ленты и розы из бледной брусчатки. А там уже пологие лестницы — для цветов — ведут на низкий холм с одиноким деревом. Великий человек неприступен в своей тайне. Пуп земли. Здесь одинокий, как орех в пустыне, стоит бюст правителя и строителя. И все это со временем разлетится прахом.

21 мая, понедельник. В 15.00 в Москве. Вылетел около 7 утра.

Утром 20-го уехали из Джезака, председатель горисполкома рассказывал, как снимали бюст Рашидова. Всю площадь рано утром окружили солдатами, боялись волнений, но в Джезаке, оказывается, никто из жителей на улицу не вышел, все сидели по домам и плакали. Через три часа после прощания в Джезаке, уже в Ташкенте, напротив музея В.И.Ленина, мне показали то место, залитое асфальтом, где была прежде могила Рашидова. Странные путешествия совершают подчас у нас покойники.

Ни на рынок — а надо бы прихватить с собой какие-нибудь гостинцы, — ни в город не ходил. Писал речь для торжественного

заседания в Театре имени Алишера Навои. Через 30 лет мне предстояло выйти на ту же самую сцену. Только в молодости так хорошо помнишь былое. На 7 ноября Театр ТуркВО играл одну, финальную картину из "Кремлевских курантов" во время праздничного концерта. У меня здесь была роль: впустить в ленинский кабинет зарубежного писателя и принести стакан чая. На этой сцене наши декорации казались макетом. Я шел, шел, шел, пока мне не пришлось говорить свою единственную реплику. Хорошим актером я не был, я слишком много рассуждал. Слишком много рассуждающий человек не сможет стать и хорошим писателем. И вот через 30 лет я снова иду, иду, иду из президиума к трибуне. Но тогда все было как-то больше, зал напоминал черную яму. Речь свою я произнес с одной ошибкой. Зал мне ее не простил. Он мне просто хорошо похлопал. Писательница Майя Борисова, с которой я сдружился во время этих узбекских дней, сказала мне: "Ты — умница и молодец! Если бы не оговорка вначале: Хаким вместо Хамид, свою "скандирку" бы ты имел. А вообще, без дураков — хорошо сказал. Точно. Просто". Ах, эти трудные и такие похожие иностранные имена.

22 мая. Был на девяти днях у Валерия Коксанова. Сначала ездили на кладбище. Плохое утешение для родителей — количество цветов, уже планируемый дорогой памятник. Это бессмысленные жертвы забвению, которые не выправят ничего. На девяти днях пришлось говорить первым. Я постарался сделать это искренне и просто.

С годами стало тяжело лукавить. Жалко, был умен, мог бы сделать замечательную карьеру и выстроить очень интересно свою жизнь. Достаток если и не сгубил, то и не помог. Люди, не занимающиеся творчеством, должны раньше иметь детей.

24 мая, четверг. Обнинск. Приехал вчера. Сразу же поехал в церковь, в Спас-Загорье. Какое-то удивительное чувство охватывает меня в храме, будто я пытаюсь вспомнить детское, забытое. Очень хочется поверить и примкнуть душою. Во всяком случае, не "бессмертие" и "бездетство" тянет меня в церковь, а нечто большее. В церкви вспоминаю одну и ту же картину из давнего: покупку на рынке в Калуге Евангелия. Как только такие книги продают и как их покупают! Продавала какая-то женщина с платка или рогожки, разложенной на земле. Я читал Евангелие вслух неграмотной бабушке Евдокии Павловне. Вспоминаю опять реку, огромные льдины на берегу в половодье, и дальше картина раздваивается: мы сидим с бабушкой на скамейке, и я читаю: "Енох родил…?" или бабушка в сером суконном пальто, с фигурными прошивками, от "тех времен" идет в "штунду", я помогаю ей, и мы ищем молельный дом баптистов. Поразителен

ее приход к вере. Кто "совратил" ее, рязанскую крестьянку, воспитанную в строгой и привычной религиозности, в другую веру? И как прочно она поверила именно в эту, без икон и хоругвей, церковь. Господи, Господи, обрати меня хоть в какую веру, но только всей силой душ и… Утром еду в Москву на приемную комиссию в Литинститут. Все время читаю присланные работы и над каждой много думаю. В отличие от любого другого института здесь "испортить" или "создать жизнь" предоставляется не самому студенту, а преподавателю.

29 мая, вторник. Сегодня избрали Ельцина. Душа моя протестует, но думаю: может быть, к этому политику я подхожу предвзято как к человеку?

Вечером сидел и смотрел альбом "Благовещенский собор" и вдруг впервые не умом, а сердцем, всем естеством понял, вдруг нашло: тихо и спокойно для меня зазвучали иконы. Не как картинки, а как реальные живые сюжеты.

Хочется заниматься реальным милосердием. Душа моя невостребованна.

Мой новый роман встал на картине семейной жизни. Звонил из Горького Слава Филиппов. Он прочел "Технику речи". Очень хвалил и передал мнение своих студентов: "Есин — очень несчастен в любви". Вычитали!

5июня, вторник. Все утро разговаривали с Элей Шугаевой — интервью для "Литгазеты". Все записал и на свой магнитофон. Надо расшифровать и внимательно посмотреть. Информационный повод — юбилей радищевского "Путешествия". Был в "Сов.России" у С.П., вечером заходил к Валере Юдину. Долго говорили о Горбачеве, о ситуации. Как Горбачев заискивает перед публикой!

6 июня, среда. Появилось заявление "независимых писателей". Мы об этом много и давно говорили с Шугаевым и А. А. Михайловым. Хорошо, что почти нет случайных людей, но удивительно — все здесь русские, именно русскому, наверное, сердцу ближе всего независимая позиция. Обидно, что наши устроители засуетились и не дали возможность В.И. Астафьеву стать первым в этом заявлении. В этой композиции сильнее всего был бы алфавитный принцип.

11 июня, понедельник. Весь день провел в "Литгазете". Эля Шугаева очень прилично сделала мою статью. Тем не менее я все время караулил, делал вставки, следил за сокращениями и дуростью начальства.

13 июня, среда. Вечером видел Сергея Ивановича, говорили об архитектуре. Под мозаиками Коринова в метро не душно. Метро вообще меня занимает. Читаю книжечку Ивана Панкеева о

30-летних. Написано жидковато, много журнализма, но сама информация нова и систематизирована. Обратил внимание на мысль, что критика — это текущая философия.

25 июня. Занят лишь двумя вещами: своим новым курсом в Литинституте и романом.

Еще немножко почитываю. Прочел "Убийство евреев в Бердичеве" Гроссмана — произвело впечатление скрытой, затаенной, почти не возникающей на поверхности страстью; какая-то новая ипостась современного эпоса, прочел "Проект Вышинского" Аркадия Ваксберга. Последнее просмотрел с жадностью: в романе я многое проделал, что он уже давно открыл. В частности, его соображения относительно преподавания пения в школе. У меня — балет.

Политические страсти все время на периферии; в моем возрасте уже можно иметь достаточно доказательств, что все это — грязь. Милые общественные деятели уверяют народ, что надо еще потерпеть. За этим терпением проходит жизнь.

В "Литгазете" объявили, что "Апрель" скоро выйдет, значит, появится мой "Венок геодезисту".

Крепко я купился со сроками в этом альманахе.

2 июля, понедельник. Любимое мое время года с длинными, светлыми вечерами, — вершина года, пик жизни.

Мало пишу в дневнике, ленюсь. Но все, что происходит, по сути, меня мало трогает. Волнует только, что так все бурлит и перерыто, что не останется места для могил. Недавно получил из Костромы книжку от Виктора Бочкова — на одной из первых страниц написано: в райкомовском гараже, где-то в Кологриве, нашлась чугунная плита с могилы графа Федора Толстого — "вернулся алеутом и крепко на руку нечист". Что делается в нашей стране! Отбило у всех память и совесть.

Много размышляю о партии, все здесь для меня открывается в ином свете. Смущает не 37-й или 20-е, хотя это ужасно, но это кровь истории, однако каков наш-то сегодняшний, просвещенный и независимый день. Выйти из нее — не позволяет гордость. Самые серьезные открытия — открытия сегодняшние. В пятницу состоялось заседание приемной комиссии. Из 25 или 27 рекомендованных рецензентами работ я отобрал, допустил до экзаменов только 18. Ощущение собственной жестокости, несправедливости и совершенного греха. Волнуюсь: какой же будет новый курс?

Вчера, в воскресенье, вернулся с В.С. из Обнинска. Утром, во время пробежки, удалось "увидеть" судьбу Ламары — сделаю ее Верховным судьей. Дай бог, все потихонечку в романе пойдет. Мне кажется, многое уже в роман не помещается.

Утром Валя прочла, что умерла Раиса Давыдовна Копелева, я с ней встречался в Копенгагене. Она была самой разумной и сердечной изо всей компании.

Эпитет — продлевает время глагольного движения.

1 июля, суббота. Утром в Обнинске видел два чудовищных объявления: "Меняю десять талонов на спиртное на один талон на мужскую обувь". Вот тебе и нравы, вот тебе и особенности экономики. И другое объявление: "Меняю новый японский видеомагнитофон на автомобиль". Здесь и с той и с и с другой стороны в обмене участвуют соблазны.

Думал о сегодняшнем дне, о политике, о партии. Я постепенно ломаю себя. Народ имеет право даже на заблуждения. Новое поколение хочет построить свое счастье, пусть даже на обломках. В разрухе, во всеобщих перестановках у них больше шансов на первенство, на возможность обойти сверстников.

Вечером вчера дочитал Георгия Гапона "История моей жизни". Это аспект точки зрения на возникновение и развитие революционной ситуации в 1905 году. Все осветилось несколько иным светом. Сколько, оказывается, крови и на царе Николае II. Его смерть — мучительную и безнравственную казнь — я никогда не смогу оправдать, нет оправдания ни одному человеку, к ней причастному, но его смерть — это следствие его кровавых решений и черствости в 1905 году молодого надежи-царя. Какая жуткая картина бойни возникает под пером Гапона!

Днем по "Свободе" Володя Матусевич говорил о кино и нравственности. О нравственности — человек, который сбежал от двух малолетних детей, оставив жене записку: "Я тебя никогда не любил" и неоплаченный кооператив. Человек обязан быть счастлив и реализоваться, но какой ценой?!

14 июля, суббота. Обнинск. Приехал поздно вечером вчера. В. С. в больнице, у нас все время идут кошмарные сцены. К ее болезням, дающим такие ужасающие удары по психике, примешивается еще и установка на исключительность, первенствование, неуступчивость. Чем теснее мы живем, тем меньше покоя. Возрастное падение наших собственных творческих сил мы приписываем друг другу.

Заканчивается съезд, он меня разочаровал своей мелочностью. Мих.Серг. манипулирует мнением участников, как хочет. Страна с ее надеждой на социализм заканчивает свою историю. Будем считать, что эти идеи проиграны и отложены на долгие десятилетия. Лжедемократия управления даже без собственности победила лжедемократию идеологии. Из самых последних теледействий — это жуткий результат голосования в члены ЦК для Ульянова, Гельмана и Абалкина. О зав. отделами

ЦК не говорю — всего 14 человек. По отношению к Ульянову у меня мстительное чувство: я как-то удивительно понимаю эту породу великого лицедея — куда бы понадежнее переметнуться!

Читаю повесть Миши Лайкова — талантлив и умен.

17 июля, вторник. Вчера случайно видел Виктора Воеводина. Человек с удивительно светлой душой. Но у меня от жалости к нему разрывается сердце, когда вижу его или слышу его рассказы. Наивный и прекрасный человек. Он купил за 1600 рулей персидскую кошку. У кошки возник цистит, другой бы все пустил на самотек, но Виктор, нищий и бездомный, схватил машину, поехал к какому-то знаменитому ветеринару. За кошку он еще был должен 800 рублей. При его-то заработках — в 160. Какое удивительное умение жить своей внутренней, не схожей со всеми жизнью! Огород, экзотические растения, рыбки, кошка, больная мать, нездоровый брат. Всем стремится помочь. Жизнью доволен, а сам ходит в разорванных ботинках.

Видел по видаку фильм о Троцком, привезенный. Очень аккуратно творцы обходили все сложные моменты. Но — как я мало всего знаю, как трудно установить истину. Ее нет, она всегда интуитивна. Сила интуиции — это сила истины. Подумалось: хорошо бы сделать новое издание моего романа "Константин Петрович" с добавками и комментариями. В фильме очень интересно показано, как из подлинных снимков и документальных кинопленок вышелушивался якобы подлинный Троцкий. Подлинного нет, не было и не будет.

27 июня, пятница. Сегодня — собеседование с новыми моими студентами. Собирается целый консилиум во главе с ректором. Молоденькие преподавательницы радуют яркими платьями и свежими личиками. Но уже вчера меня огорчили: двое из моих студентов, может быть лучшие, — Маштаков и Исаев — напились, а ректор Сидоров крут.

Вчера с 10 до 15 часов собеседовали поэзию (С.И.Чупринин, Т.А. Бек), потом драматургию (И.Л.Вишневская и В.С. Розов) и критику (В.И. Гусев). Серг. Иван. набирал студентов, будто шел с ними в разведку.

— Если вам потребуется обратиться к кому-нибудь из поэтов, к кому вы обратитесь?

— Если вы посылаете стихи, в какой пошлете журнал?

Студенты, чуя разборчивый вкус доблестного С.И., дружно и правильно отвечают. Лучшие поэты — Бродский, Кушнер, Мориц.

Впрочем, Бродского называют почти все. На Бродского нынче мода. Вот и вывод, диктуемый временем: самое сложное и трагическое — это не неофиты, чего с них возьмешь, а матерые жрецы.

Очень интересные ребята, все сплошь дворники и сторожа. Милые лица, занятные ответы.

— Кем вы работаете?

— Пела в хоре, псаломщица.

— Чья строчка "Девушка пела в церковном хоре"?

— Моя.

Или:

— Вы хотите печататься, посылаете стихи в журналы?

— Нет, не хочу. Рукописи в редакциях не регистрируются, не возвращаются и не печатаются. Во второй половине дня давал интервью в "АИФ" о своем членстве в партии: "Уходить из нее не позволяет гордость; оставаться в ней — совесть".

29 июля, воскресенье. Состоялось собеседование у меня на курсе. Накануне — писал ли я об этом? — были "изгнаны" из общежития Л. Г. Исаев — прекрасный, уже сложившийся 30-летний литератор, я с удовольствием и радостно читал его вещи — и его соучастник по спиртному Маштаков, 23-летний прозаик с мягкой и точной бунинской манерой. Четверо из моих предполагаемых студентов — это много! — не приехали, да еще дней за десять до этого Е.Ю. Сидоров обрезал мой семинар с 22 человек до 18. Я очень волновался, потому что ребята показывали себя на собеседовании без блеска, темноватыми, забитыми. Все это вроде мой отбор, а значит, мой изъян, но я-то знал, как многие из них пишут. Четверых мне в семинар добавили из отбракованных ранее А.Е. Рекемчуком: это Кузнецов (30-летний летчик), Руслан Надреев (средний, с претензией и амбициями модернист), мальчонка Королев (тексты вялые) и автор крошечных плотных рассказов Ильющенко. Что я буду с ними делать, еще не очень представляю.

В 15.30 смотрел "Рембо. Первая кровь". Мировой боевик, чушь порядочная.

30 июля, понедельник. Сегодня студенты писали сочинение. Я не думал, что так быстро начну к ним прикипать. Все время волновался, подсчитывал, мысленно прикидывал — кто останется, кого придется отжать. Очень переживаю за Вьюгина, слесаря из Риги. На конкурс он прислал прекрасный рассказ о войне "Мародер". Ребята все пишут эти свои сочинения, а мне кажется, что повторяется мое университетское время. Как свежи были чувства, кажется, все это происходило лишь вчера. У меня уже никогда не будет времени так внимательно вглядеться и влюбиться в их лица. Групповой портрет любви. Похоже, я не могу пожертвовать никем. Хожу, из-за плеча смотрю: крутые формулировки, интересные наблюдения. Первым сдал Чесноков — 13.35, вторым татарин Руслан Марсович — 13.37. Принимаюсь

читать.

Два сочинения меня просто восхитили, надо обязательно их сксерокопировать. Тем всего было четыре: "Муза Н.А. Некрасова"; "За что и кем наказан Раскольников?"; "Почему нам необходима классика?"; "Новые имена в современной литературе".

Назиров, парень из Подмосковья, написал чудесное, со своим голосом, сочинение о классике; Чесноков — "новые имена", но это, правда, "крутые" имена андеграунда. У меня есть даже ощущение, что цитаты у него придуманы им. Молодец! Когда во время этого писания я положил руку на плечо Чеснокова, он весь дрожал от волнения.

7 августа, вторник. Сегодня мои студенты сдают историю. Вчера по ТВ показали "круглый стол": споры Белоруссии и центрального правительства в Грановитой палате. В том самом зале, который освящен идеей собирательства государства, демократическим путем идет разрушение. Был в "Литературной газете" — восемь человек вышли из партии. В первых рядах О.Мороз, Ю.Щекочихин. Можно представить себе, как оба витийствовали на партийных собраниях. Партия пока — это прибежище рабочего класса и людей повседневного труда, возможно, только они и встанут ее защитить. Время полных витрин и пустых кошельков!

8 августа, среда. В 12.00 состоялось заседание приемной комиссии. У меня прошли девять 9 человек. Остальных ребят жалко, я уже с ними сроднился. Проходят все, кто получил 22 балла: Олег Ильющенко, Вьюгин Анатолий, Алексей Чесноков, Олег Сотников, Руслан Надреев, Елена Семенова, Э. Шилкявичуте, Володя Кузнецов, А. Королев. Виделся с Валерой Терехиным — отдал ему крепко мною проработанный рассказ. Это уже второе мое чтение рассказа. Постепенно в его дипломной работе все становится на место.

6 сентября, четверг. Терял тетрадку с дневником, долго не писал. Записываю все скопом.

4 сентября провел первый семинар с новым курсом. Как бы даже прочел лекцию о профессии и педагогике.

5 сентября, вчера, побывал в "Знамени". Они, наконец-то, в соответствии с духом времени зарегистрировались у Полторанина. Присвоение собственности состоялось. Сразу же объявили: с нового года редколлегии не будет, это означает — меня выперли. Я пожинаю плоды своей статеечки в "Лит.России" по поводу "Взгляда". Обошлись они там со мной хорошо.

Читаю мемуары Бенуа, пишу роман. Вчера вечером ходил на "Бориса Годунова" в Театр Станиславского и Немировича-Данченко — недотянуты солисты, и музыка звучит непривычно

для меня, но оформлял С. Бархин. Тем не менее ощущение, что постановку создавали в Мюнхене, а не срисовывали наш Успенский собор. И это сделано на продажу.

Удар с редколлегией я сдержал: "Свободен, свободен, наконец-то свободен". Ответил дешевенькой туристской поездкой в Венгрию.

Еду с Мурманской группой. Устроил все Саша Мамай, товарищ С.П. Это мой первый зондаж нового общества. Отличался некий Миша Немчук. Он украинец, массажист, говорит, что был в Англии и т.д. Заклинился на отъезде за границу на постоянное житье. Для него существует только купля-продажа, на меня смотрит как на идиота. Группе очень повезло на таможне, когда пересаживались из советского поезда в автобус. Таможенники попросили показать три самые большие сумки: мою (датскую, дорогую, покупал сам в Копенгагене), Сергея Петровича и какой-то женщины — ничего в сумках, естественно, не было, а оказалось, что у всех полно чем торговать.

Почти ежевечерне в холле гостиницы Миша-массажист расставлял шкатулочки и северные сувенирчики на продажу.

8 сентября, суббота. Дебребецен. Ретродневник. Выехали поездом из Москвы 6-го. Глаз не могу оторвать от родины. Захватывающие картины Закарпатья. Прямая равнина под Мукачевым. От границы — плохоньким автобусом. Это все уже частная инициатива, я впервые опробываю частный, а не государственный туризм. Очень плохая гостиница, все номера на двоих, с душем.

Утром какая-то экскурсия вместе с Марком (хорошо говорит, естественно, по-русски, 51-го года рождения, закончил Институт стали и сплавов в Москве), много всяких рассказов: о Венгрии, о советских солдатах: убил таксиста десантным ударом, воруют, обманул девушку и т.д. Все очень ненавязчиво. Ходили в пивнушку и славно поговорили, попивая красное вино. Во второй половине дня музей — большая эклектическая коллекция. Интересно оружие и предметы крестьянского быта. Особенно меня заинтересовали пресс для винограда и масла и деревянная мельница. Сколько прошло десятков лет, пока не выработалась эта инженерно-завершенная изысканная форма.

После музея — протестантская церковь. Забыл там во время службы на одной из скамеек зонт. Шла серия бракосочетаний. Когда спустя несколько минут с другой командой брачующихся вернулся в собор, то Сережа через головы еще видел мой зонтик на пюпитре одной из скамеек. Через несколько секунд толпа разошлась, и зонтик этот со своего Богом освященного места исчез. Меня это и расстроило, и удивило.

10 сентября, понедельник. Со вчерашнего дня в Дюле. У меня совершенно иное отношение к заграница, нежели у моих спутников по группе. Главное, везде не только видеть, но жить, получать удовольствие от особенностей чужого бытия.

Вся группа по-детски обрадовалась гостинице. Многие из ребят в группе рабочие, и они счастливы, что эта гостиница поддерживает их представления о заграница и ее радостях. Но сразу же возникает вопрос о рынке. Как оказывается, за несколько последних лет наши люди продвинулись. Рынка здесь, кажется, нет. Но, забегая чуть-чуть вперед, скажу: уже сегодня на дороге, ведущей к гостинице, на парапете сидела половина нашей группы. Продавали мельхиоровые колечки, тельняшки, военно-морской флаг, обручальные кольца (с пальца, с руки — теперь "оно мне не нужно, я человек свободный!"), продавался большой фолиант "Петровская эпоха в собраниях Эрмитажа", на самодельных прилавках лежало несколько штук часов. Затоварились мои соотечественнички. В это самое время мы с нашим гидом Марком осматривали крепость и гуляли. Виноваты ли люди в этой торговле, в таком проведении своего отпускного времени? И все же, и все же…?

В этом смысле интересен другой попутчик — Витя Суэтин (говорил, что шофер, но, кажется, милиционер), который вначале скромно советовался, не являются ли его рублевые и трехрублевые ложки, которые он с трудом достал у себя в городе, контрабандой. Он, дескать, хочет, вернувшись из поездки, прямо из Москвы съездить к сестре и ей эти ложки подарить. Все потом, как и многое другое, распродал. Поразительно, что эта торговля теперь вошла в программу туристских маршрутов. Гид говорит: не покупка сувениров, а рынок, а как быть, если в городе рынка нет? Туристы требуют. Немолодые женщины выходят на промысел в город с большими бутылями водки, купленной "по талонам за два месяца".

Вчера прекрасно провели время в роскошных минеральных ваннах, это еще из буржуазного прошлого Венгрии. Огромное количество немолодых людей сидят в бассейнах, по краям которых сделаны специальные скамеечки. Крытые и открытые ванны с разной температурой воды. Падающий со специальной башенки фонтан — для массажа позвоночника. Вода густая, ржаво-багряного цвета. Какая была бы жизнь, если бы ежедневно не надо было писать.

Вечер с красным дивным венгерским вином. В город не ходил. Читал "Вехи" и немного писал. Сегодня гуляли по городу. Почти светская живопись в католическом соборе и прекрасный памятник Петефи. Он, как гвоздь, идет штатский, с саблей наголо

навстречу судьбе. Чем-то — своей худобой, аскетичностью — напоминающий Н.Островского. Во второй половине дня снова ходили в термы, а перед обедом тридцать минут побегал по городу. Я отношусь к этой поездке, как к отпуску.

11 сентября, вторник. "Я знаю, гвоздь у меня в сапоге, кошмарней, чем фантазия у Гете". В.Маяковский, стр. 183.ПСС, 1955. В Агерте, крошечном курортном городке возле Секешфекервара, неподалеку от ранее знаменитой Альба-Регии. Прелестное озеро с берегом, уставленным домиками с красными черепичными крышами. Несколько церквей. Телевизионная башня, маяк. Настроение у меня плохое. Это ветер и низкие берега. Усилием воли отгоняю надвигающееся безумие. На волнах с огромной скоростью летают виндсерфингисты. Холодно становится, глядя на них. Настроение плохое еще и потому, что не писалось.

Утром скандал с программой, все чего-то требуют. Поехали в Альба-Регию. В центре сквер с акведуком и некрополем древних венгерских королей. Прелестные барочные церкви, типичный западный центр. Целый час сидел и работал.

Вечером бегал, купался в озере — дно илистое и мелкое. Прочел главу из "Театрального романа". Пожалуй, мне пора написать рассказ о русских за рубежом. Я ведь столько раз видел этот оскорбительный "ченч" и эту нелепую и жалкую русскую торговлю, но раньше этого хоть стеснялись. Теперь вся группа не только торгует, но и говорит беззастенчиво о том, кто что продал. Чемпионом оказался все тот же Миша. Одна молодая дама с гордостью сообщила мне, что сменяла обручальное кольцо на кассетник. Сына хотела побаловать! А мистическое значение обручального кольца?

Разговор с украинцем на рынке в очереди за оладьями. Украинец регулярно ездит торговать. Он здесь уже совсем свой, все у него подкуплены — и наши таможенники, и венгерские, подмазаны, свои. В ходу инструменты, электромоторы, металлическая посуда, все, что наши соотечественники вывозят по дешевке.

Будапешт, гора Гелер, Рыбацкий бастион все это в дневник не попало, все слишком мельком. Даже в знаменитые бани не сходил. А оперетта?

19 сентября, вторник. Обсудили на семинаре рассказ Лены Смирновой.

30 сентября, воскресенье. Утром улетел в Египет — туристская поездка с писательской группой. Вечером уже в Каире, побывал у Димы Великого и Тани. Это дочь и зять главного редактора газеты, в которой работает В.С. Сам Дима —

корреспондент "Известий". Много говорили о сегодняшней жизни, о неоднозначном восприятии действительности. Меня накормили ужином и увезли угощать в какое-то кафе на берегу Нила. Баснословно дорого! Ели жареных голубей — распластанная тушка, начиненная чем-то, похожим на рис и перловку. Совсем рядом, почти возле столика, по масленой протоке, по ночной реке проходил сверкающий корабль."Фараон"! Дима степенно объясняет мне, что это пятизвездный плавучий отель, "в которых любят путешествовать богатые иностранцы". Я это видел в кино. Но ведь кино — это сказка, которая может быть и невоплощенной в жизнь. Нет, идет за жизнью.

Рядом со столиком за низкой балюстрадой все время медленно масляно катится таинственная река. Мне важно еще и еще раз услышать это слово. Я все время спрашивал: "Это Нил? Тот самый, что тек и приносил на поля ил еще при фараонах?". Совсем под нами на мелководье стоит на одной ноге маленькая цапля. Не в зоопарке, она может вспорхнуть и улететь. Для полноты счастья мне не хватает крокодила, но крокодилы ниже Ассуана после возведения плотины не живут.

Утром из окна гостиницы поразительней вид на Каир. В прохладном тумане не пирамиды и сфинксы, а огромные, как бы парящие над землей современные дома. Это в глубине пейзажа. На окнах домов поближе сушатся низки белья. Проносятся стаи голубей. Первый пронзительный звук утром, который влетел в окно, — деревенский крик петуха. Всегда мечтал на даче или на балконе держать белого петуха. Первые петухи, вторые… Между домами крепко укоренившиеся тяжелые, мощные купы деревьев и конструктивистские зонтики пальм.

10 октября, понедельник. Живу в одном номере с Сашей Кузнецовым. Лет тридцать назад мы вместе с ним совершили путешествие на Север, реки вскрывались, и мы охотились. Саша человек бывалый, я впервые ел утку, нами добытую и зажаренную на костре. У него я многому научился и о многом узнал. Он отзывчив и доброжелателен. Потом Саша написал об этом путешествии книгу. Мы оба мечтали стать писателями. И в новом рассказике из новой, только что подаренной мне Сашей книжечки — опять упоминание о той поездке и обо мне. Все сбылось, а когда сбывается, становится грустно. Сейчас Саше 63 года, он только что перенес операцию аденомы простаты. Показал мне красненький, шнурочком шов, идущий от пупка к лобку.

С утра из окна долго наблюдали, как внизу, под нашими окнами копают котлован. Котлован большой и глубокий, метров на 7–8, видимо, под серьезное многоэтажное здание. Поначалу все казалось весьма традиционным. К распластавшемуся в яме,

как доисторическое чудовище, экскаватору подошли рабочие, сели в кружок, курили, разговаривали. Потом достали какие-то старые газеты, на них положили печеные, словно блины, тонкие хлебцы. Я с девятого этажа наблюдал за всей картиной в бинокль. Хлебцы эти были каким-то образом красиво поджаренные, масленые. Ели долго, и мы с Сашей, передавая друг другу бинокль, переговаривались, посмеивались над тем, что вы, дескать, работаете, мальчики, по-арабски. Иногда рабочие поднимали кверху лица, улыбались. Видимо, на них смотрели с многих этажей. Их было человек 8–9, все в длинных, до полу рубахах, которые я видел и в Афганистане, и вообще в арабском мире. Называется такая рубашка "галабия". Молодые и старые, двое, которые помоложе, были в спортивных трусах и майках. Я все ждал, когда они начнут раскочегаривать экскаватор. Потом они пошли работать, я через бинокль разглядел и мощные белые ступни, и сильные руки. Я, в общем-то, и веду мысль к крушению расхожего мифа об арабской лени. Может быть, он и имеет под собой какое-то основание. Но откуда тогда и огромные мечети, и крепости, цитадели, пышная храмовая застройка? Это ведь все на этой земле…?

(Все остальное — в записной книжке. Меня понесло, и я начал писать нечто беллетристическое о поездке. Вклеивать сюда нет смысла. По крайней мере, все это надо сначала перепечатать. Египет как Египет. Потом пойдет Турция с самым привлекательным для меня местом в мире — Гиссарлыкским холмом. Это холм, где Шлиман раскопал Трою. Будут еще Стамбул и Святая София).

Но как работали эти арабы! Свой экскаватор они так и не включили, это, наверное, слишком дорого; без остановок, корзина за корзиной, они носили землю, углубляя котлован. За кем будущее в этом мире?

В дни приезда в Москву на столе у меня лежала открыточка — приглашение выступить в Колонном зале на вечере Хамида Алимжана. Я как бы уже в теме и достаточно апробирован, по крайней мере узбекам понравился. Сел было перепечатывать свое старое выступление в Ташкенте, но тут последовал новый звонок: обещал выступить Борис Олейник. На фоне уже почти написанного романа я к этому отнесся спокойно: Бог с ними, бедными правительственно-главными суетунами.

В Москве все острее разворачивается противоборство захвату "коллективами" изданий. В основном это касается толстых журналов и крупных издательств. Все хотят разбогатеть на чужой собственности. Оправдываясь, Бакланов упоминает меня. Знает ли он, что накауне отъезда в Египет я в ответ на телеграфный

референдум СП о саморегистрации этих бывших органов Союза писателей дал телеграмму, что считаю все это узурпацией и присвоением коллективной писательской собственности?

22 октября. Вчера вечером купил только что вышедший из печати альманах "Апрель" с моей новой повестью "Смерть геодезиста". На обложке имена: Марина Кудимова, Сергей Есин, Борис Слуцкий, Анатолий Приставкин, Людмила Петрушевская, Юлиу Эдлис, Фридрих Горенштейн, Владимир Маканин, Андрей Мальгин.

Я давно ожидал этого выпуска и очень рад.

В Большом зале вручили премию им. А.Д. Сахарова Лидии Корнеевне Чуковской. Отвечая учредителям премии, она говорила о страданиях человека и о необходимости его самоусовершенствования. Искренняя и благородная речь. Но все это не бывает самовозникающим, на инстинкт правильной и правдивой жизни надо потратить жизнь.

12 ноября. Подъезжаю к Таллину в компании Суровцева и Левы Аннинского. Зачем? Что-то вроде десанта русской культуры в Эстонии. Судя по прессе, здесь откровенно антирусские настроения. Разве что-нибудь писатели могут починить? Империя распадается, все должны, прежде чем снова воссоединиться, на собственной шкуре понять удобство жить вместе.

Мало пишу дневник. Это стало неинтересным, потому что все, видимо, ушло в новый роман. Кажется, я все (кроме линии забастовки культуры) закончил. И опять появляется чувство "Ай да Пушкин, ай да сукин сын!". Такое же чувство владело мной, когда был написан и еще даже не напечатан "Имитатор". Посмотрим.

Снова получил по морде от своих коллег-писателей: 102 голоса против, 88 за в выборах на съезд. Каждый ведь у нас знаменитый писатель, и каждый рассматривает в престижной ипостаси лишь себя. Думаю, забаллотировали меня исключительно правые и русские. Надо потом внимательно посмотреть список. Но, конечно, не посмотрю. Вносил список для голосования Еременко-младший, сын В.Н. Еременко. Мальчика двигают. ЦКовские должности — по наследству. Это должно стать лозунгом. Помню серию прошедших с ним, со старшим, скандалов, что-то о тиражах и плагиате.

10-го ходил в Музей революции. Там выставка "На пути к плюрализму" — подарки Горбачеву. Что поразило — уголок "Апреля" с подаренными музею авторскими книгами. Дарители — Приставкин и Рыбаков. Здесь же фотографии с митинга в защиту Сахарова. Музей идет, порой опережая, в ногу с новым обществом. На одном из снимков моя старая знакомая и старая

лагерница Ф.А. Наушютц. Я ведь помню, как она учила меня аккуратно создавать липовые счета и акты, когда мы работали вместе. Куда ни посмотришь, везде двойная бухгалтерия.

Вечером в поезде, идущем в Эстонию, интересно говорили о журналах и о ситуации в литературе. В.И. Гусев придумал хороший термин" "конокрадство".

13 ноября. Утром Таллин. Гостиница "Олимпика". Поражают цены, они нас будут преследовать по всей Эстонии. Завтрак — 3 рубля, обед в Тарту, в студенческой столовой — 7 рублей, ужин — 3 р.50 коп.

Республика в три раза повысила цены по сравнению с российскими. Это первая плата за национальную спесь.

Ездили в Тарту, встречались по проблемам русского языка с преподавателями университета. Лотман дипломатически болеет. Очень жаль, что я его не увижу. Говорили о русском и эстонском менталитете. Об Интерфронте, здесь испуг и неприязнь. С особой, неангажированной остротой говорил об этом молодой парень Александр Данилевский (из Ногинска, как я у него узнал). Но уже никакой другой парень из Ногинска в Тарту больше никогда не попадет. Да и нужно ли ему будет ехать в эту провинциальную Европу? Одно очевидно: историческая точность победителей — у русских. Много раз муссировалась тема: кто живет — тех и земля, т.е. Эстония — эстонцам. Далеко так можно зайти. В Таллине — более 45 тыс. русских. Весь северо-восток республики русский. Много в нашей компании в связи с этим говорилось о Грузии и Молдавии. Стало одно очевидно: плохо здесь преподают русскую литературу, ленивые студенты. Все это напоминает мне мой курс в институте.

Экскурсия по городу. Памятник Бурденко, разрушенный собор, памятник "костям всех народов" — тем неизвестным, кто копал котлован под университет. О русской воскресной гимназии рассказывала Любовь Королева, студентка: 25 рублей — семестр. Началось, дальше будет платное высшее образование.

На обратном пути много говорили с Аннинским о почвенничестве. Он немножко зациклен на этом. Удивила меня стройно разработанная его теория о лени русского народа, его нежелании работать, но за этим и восторг, и боязнь этого народа. У нас с Левой много общих оценок. Меня, в частности, порадовало его отношение к Ф.Искандеру — нет боли, слишком много иронии.

15 ноября. Пишу уже в поезде. Сел на промежуточной станции в Пихве. Тороплюсь в Москву на заседание приемной комиссии. Видимо, это последнее мое в ней участие. Наверняка на съезде меня в нее не выберут. Сколько бы она ни отнимала у

меня времени — это заработок. Круг полуумеющих писать волчат сужается, они никому ничего не отдадут. С некоторой боязнью думаю о завтрашнем дне.

Вчера утром уехали из Таллина в Тойлу — здесь стоял дворец бакалейщика Елисеева и здесь доживал Игорь Северянин. "Ананасы в шампанском!.. Весь я в чем-то испанском". Под вечер был в Пюхтинском женском монастыре. Увез альбом, как работают монашки: косьба, пахота и т.д. Благостное, счастливое ощущение. Положил в копилку 10 рублей.

Вечером встречался с читателями (очень мало), поили и кормили. Как ни странно, все организовал РК КПСС. Сила пока — только здесь, все остальные говорят, говорят.

14 ноября. Поезд все же опоздал, но к 13.00 на приемную комиссию я успел. По дороге еще прочел три бурятские пьесы. Нет ни таланта, ни даже свежих мозгов, а человек всю жизнь провел при театре, да еще закончил Литинститут. Последнее время все острее мысль о том, какое огромное количество людей выбрали литературу поприщем жизни, не имея на это права. На приемной поделился со Славой Шугаевым идеей о некоем втором объединении прозаиков, он зажегся, договорились встретиться.

15 ноября. Вечером был в Детском театре у Генриетты Наумовны Яновской. Играли "Гуд-бай, Америка". Это ее постановка по стихотворению Маршака "Мистер Твистер". Здесь не обошлось без лукавства: через весь спектакль проходит некая бессловесная пара — образ чудаковатого народа. И все же все, скорее, о двойственности жизни и идеологии в 30-е годы. Спектакль с пародиями и песнями на фоне некоей подлинности, все в телогрейках и ушанках — зэки. Страна сидит. Внутри спектакля есть фразы: "Не обманул нас дядя Маршак" (цитирую приблизительно). Это о национальных отношениях, об их лжи. Внутри спектакля звучит пародия на знаковую песню Дунаевского "Спи, мой беби" из "Цирка" Александрова.

16 ноября. Был в "Знамени". Ездил за рукописями Вьюгина, Лайкова и Сотникова. Все рукописи вернулись. Сотникова читал Чупринин — как всегда последнее время, с завистью и нелюбовью ко мне и, как обычно, с определенным заискиванием к нерусскому делу. Говорил с Баклановым, он подобрел, больше стало недругов в связи с отделением журнала от СП. Это нормально, я тоже этим недоволен. Пленум по поводу журнальной самостийности готовится в СП. Видел М.В. Розанову и А.Д. Синявского — они входили в редакцию, я их обогнал. Почему у меня нет какого-либо к ним человеческого раздражения?

Но вообще с людьми надо быть жестче. Опыт показал, на

сдержанность и суровость они реагируют скорее. Всю жизнь я хочу проходить в любимчиках.

16 ноября, пятница. Обсуждали в 16.00 Олега Ильющенко. Я еще путаю имена и фамилии ребят, не привыкаю. Моя влюбленность в курс еще не проходит. Олег, бедняжка, принес на обсуждение очень немного. Его сокровенная мысль — о непосредственной передаче мировой вибрации в прозу, т.е. не через сюжет, не через даже слово, от "первичных ощущений".

17 ноября, суббота. Весь день был дома. Привезли от Ген. Будникова секретер. Красивая, изысканная вещь, которую мне уступили почти даром. Когда я захожу в комнату, у меня возникает чувство радости. Это мое плебейское детство — люблю красивую мебель. К этой мебели еще бы горничную с петушиной метелкой, которой стряхивают пыль.

Смотрел "Бен-Гура" — слабый, с акцентом на непомерную доблесть еврейства, и сентиментальный фильм. Но эпизод "Бег колесниц" — у меня, видимо, всегда будет стоять перед глазами. Жалко, что именно на этом сюжете сломался мой старенький, советского производства видеомагнитофон.

18 ноября, воскресенье. Приехала В. С. из Миласа в Крыму, где она отдыхала. Много всяких бытовых рассказов. Попутно говорили о последней свалке в Верховном Совете. Складывается ощущение, что наши завистливые депутаты устраивают Горбачеву головоломку перед каждой зарубежной поездкой. Иногда он выпускает когти. На этот раз — мысль о референдуме. Дескать, именно таким образом надо решать, должна отделиться та или иная республика или нет.

Все время работаю над редактурой романа. Одновременно пишу короткие главки-прокладки. Выкристаллизовалось для них постоянное название "Из дневника романиста".

20 ноября, вторник. Семинар. Обсуждали работу Романа Назирова. Он вынес на обсуждение небольшой рассказик "Дожди", в котором действуют Корнилов и Деникин, сегодняшние дни, ад, рай и некая галактическая цивилизация, которая ставит свой спектакль. Был Петя Курков, восстановившийся с четвертого курса. Наверняка что-то украдет. Ход обсуждения мне понравился. После семинара отвез на машине двух заклятых семинарских врагов — Олега и Романа — в кино в "Сов. культуру". Здесь показывают фильм Масленникова "Царская охота" (княжна Тараканова). Мальчиков надо образовывать. Почему-то фильм вызывает много размышлений. Это фильм о нации очень сильных людей и об очень сильной державе. Поражает, по крайней мере меня, точность в интерпретации XVIII века. Здесь есть какая-то определенность и свежесть мысли о

власти, чести, о жажде во что бы то ни стало прожить благополучно.

21 ноября, среда. Весь день занимался машиной, мыл, чистил, чинил, но утром в бане писал одну из главок "романиста". Вечером заезжал к В.С. на работу. Боря Тихоненко уж прочел пятую главу, говорит, что сидел до 4-х ночи. Я допытывался: скучно или нет? Говорит, что нет, но есть влияние Замятина. Как же ему не быть?

В это самое время в СП на пленуме разворачивался жуткий скандал из-за выступления Личутина, бросившего обвинения Карпову. Все — вокруг отъединения "Литгазеты" и журналов.

22 ноября, четверг. Проснулся около 4-х утра. Перепечатал две странички. К двум часам уехал в СП. Скандал продолжается. Видимо, перетягивание каната становится определеннее. Накануне говорил с Борщаговским и Баклановым относительно отъединения. Оба "за". Бакланов — полил С.П. Залыгина за его выступление против "Литгазеты". Ему, дескать, сегодня принесут пленку. Система поставлена — желающие пишут на диктофоны. Борщаговский резко говорил о демократах, их настроении, агрессивности. Борщаговский ли это? Когда от собственных слов грозит опасность, начинают соображать. Мне-то все это было видно раньше и резче. По словам Борщаговского, Старовойтова ездит по миру и везде кричит: "Союз уже развалился. Надо разговаривать только с республиками". Вот так-то. Сам я, чувствую, ничего в политике не понимаю. Надо только жить вольнее.

Неля Моисеенко из "Советской культуры" рассказала мне, что мою любимую Яновскую очень сильно ругали или в Дании, или в Голландии. Мотив ее выступлений: "Все это нам не разрешают, все это мы делаем как бы вот эдак!". Ах, какие мы смелые и гениальные. Это по словам Нели.

В 19.00 приехал на дачу в Обнинск. Отоспался. Завтра займусь хозяйством.

23 ноября, пятница. Утром бегал и купался. С удовольствием вклеиваю вырезку. Кража за кражей. Еще не забыт Гребнев, а уже новый. Как дорогой Фиалка меня обхаживал, как крутился вокруг "Незавершенки". Почему такая беспардонность — красть у знакомых. Воровство у своих на зоне. Как сильно за это в зоне наказывают!

28 ноября, среда. Сегодня "ЛГ" опубликовала рассказ Миши Лайкова, тот самый, который я разбирал на семинаре. Дали и фотографию, Миша в курточке, которую я ему подарил, а врезка подписана Б.Томашевским, нашим преподавателем, доцентом. И ни слова, у кого Миша учится. Его я не виню, но твердо знаю, что

первых предательств надо ждать от учеников.

Видел Анатолия Голубева, с которым познакомился много лет назад, когда был в турпоездке по Франции. Не пошел на годовое собрание писателей в ЦДЛ и больше вообще туда без острой надобности ходить не буду. Кстати, 19 ноября, в день показа фильма "Имитатор" в Доме кино, звонил Олег Фиалка. Была попытка объясниться, и, наконец, главный его вопрос: "Не подайм ли я в суд?" — "Нет, не подам, это унизительно". Но кражи в кино постоянные, у меня это началось с Гребнева — я об этом когда-нибудь напишу. Пока мне не разрешает в кино скандалить Валя, она с этими всемогущими людьми работает.

Сижу на пленуме МК КПСС. Как всегда, подолгу не веду дневника и пропускаю много интересного. Все произошло еще 27 ноября, когда мне прислали билет на партконференцию. Уже тогда многое, оказывается, было предрешено: моя кандидатура в члены Московского комитета партии была согласована с ректором Сидоровым. Я согласился на это из-за огромной жадности к жизни. Раньше бы меня сюда никогда не пустили, значит, ослаб напор желающих. 28 и 29-го, когда продолжалась конференция и когда проходили выборы, у меня по-настоящему не было времени, пришел на конференцию уже к объявлению результатов. С чувством невезения уезжал в Ленинград на традиционный фестиваль по приключенческому и фантастическому кино. Там видел несколько фильмов, которые не показались мне особенно интересными, отредактировал линию Мамая в романе и ко вторнику вернулся в Москву. Мой календарь теперь диктуется одним неизменным днем — это вторник, постоянный день семинаров в институте.

3 декабря, вторник. Вел семинар. Обсудили два слабых рассказа Павлика Лося. Ему 19 лет, значительная, мешающая непосредственному восприятию культура, есть уже какой-то выверенный тургеневски-чеховский язык, но нет крови. Нет зацепляющей строки. Во второй половине дня отбирал текст "Казуса" для газеты "Экран и сцена". Стал ювелирно сокращать, но очень болели после этого глаза.

Вечером надо на пленум МК. Для меня все это ново и очень интересно — люди, обстановка, буфеты, ковровые дорожки. Выбрали первым секретарем Прокофьева. Я записался в комиссию по культуре. Может быть, этим я ответил своим друзьям-писателям на выборы в депутаты съезда.

6 декабря. "Экран и сцена" опубликовала 18–20 страниц моего "Казуса". Но похоже, роман не будет прочитан.

18 декабря. Очень сутолочно прошел мой день рождения. Было около 20 человек. Все испортили старые друзья — Галя и

Яша. Напились и превратили все происходящее в свой вульгарный нескончаемый бенефис.

23 декабря. Утром был в Манеже на выставке студии Белютина. Через 28 лет в том же здании царской конюшни! Наверное, выставка в Манеже — одно из ключевых событий духовной жизни моего поколения. У сегодняшней молодежи этого не будет. В наше время все было крупнее, менее расцеплено, и в эту "крупность" вовлекалось все общество. Наверное, уже в наше время последним таким событием стали "Дети Арбата" Рыбакова. Выставка произвела равномерное впечатление. Работы самого Белютина с определенными цвето-формальными символами, ряд работ его товарищей и учеников. Но очень опасно смотреть все работы в один ряд, отойдя, окидывать общим взглядом. Будто бы одна рука. Как все это соотносится с литературой? Увлекательный, остроумный, хорошо "выделанный" текст, но до тех пор, пока не прочтем другой.

Несколько дней назад был в Музее изобразительных искусств Пушкина. Как все видится по-новому. Смотрел готику и ренессанс. Был на выставке Пикассо — опять совершенно новый и очень радостный художник.

24 декабря, понедельник. Выступал в Литинституте на партсобрании. Говорил о необходимости комплексного развития студентов, необходимости их раннего выезда за рубеж. Памятники культуры должны работать уже в их возрасте. Это во мне бунтует горький опыт моей невыездной молодости.

Прочел диплом своего студента вьетнамца. С именами их я не в ладах. Молодец, есть интонация, удивление перед сложностью мира, но есть и опыт.

Вчера был в Доме кино на встрече с В.Аксеновым. Выступил В.П. сдержанно, блестяще, вроде бы с любовью к стране и с пониманием многоемкости проблем. Интересны рассуждения о романе. Об угрызениях совести, которые поднимаются к окончанию романа, что автор использует в своем произведении даже собственный нарциссизм. Я живу в романе, как его сын, он не мое детище, а он — мой отец.

Прислали бумагу из вневедомственной охраны. Цены за охрану квартиры поднимаются в 2,5 раза. Мы будем платить вместо 6 рублей 14 (это минимум).

25 декабря, пятница. Сегодня хоронили Тамару Апенченко, жену Юры. Она умерла в четверг. Как со временем все высвечивается иным светом: была она гостьей в этом мире и путницей. Много говорили на поминках о ее самоотверженности и одержимости. Протиснулась в отряд космонавтов и первой, так сказать изнутри, написала о Ю.Гагарине. Она пронесла через

жизнь две идеи: своей любви к мужу и своей верности журналистике, как она, правда, ее понимала. Это ее и вело. Но она точно знала еще одно свое предназначение: оставить, рассадить в этом мире детей. Все остальное — лукавство, вся материальная, грубая сторона жизни ее не занимала, будто она твердо знала и твердо верила в случайность жизни. Одинокий путник забрел в становище, которое жизнь.

Прямо с поминок уехал на концерт, который дает труппа Юлия Взорова "Москва — Нью-Йорк" в концертном зале "Россия". Я узнал об этом, встретив вчера в Доме кино Иру Хургину. Боже мой, столько прошло лет, я не предполагал уже увидеться с ним когда-либо.

С Взорозым мы учились в ШРМ — Школе рабочей молодежи — и потом вместе готовились к экзаменам для поступления в университет. Он только что закончил отделение Хореографического училища при ансамбле Моисеева. Впереди расстилались зарубежные поездки, но Юлик играл за две команды. Подготовка к экзаменам происходила у меня в коммунальной халупе на Качалова, учили, как помню, географию. Потом, лет уже через десять, был концерт какого-то его, взоровского, ансамбля в Зале Чайковского. Парень был редких организаторских способностей при своем томном виде. Это было что-то очень современное, романтически-экстатическое и мною, в принципе, не ценимое. Какие-то пляски, шарфы, заломанные руки. Хорошо запомнились только сам Взоров и Слава Зайцев, уже тогда становившийся легендарным. Слава оформлял балеты и пляски Взорова. Оба были одеты в одинаково-экстравагантные фиолетовые костюмы. Потом Юля как-то незаметно уехал.

Но стоило ли уезжать, чтобы "реализоваться" только так? Очень вторичная режиссура, в основном "ручная" работа, заламывание, всплескивание, размахивание, бесконечные "цитаты".

Недаром принципом его сценической работы стала невиданная ранее у нас машина, производящая сценический туман. Хорошо запомнил и стоящий рядом с этим заморским чудом вентилятор. И прекрасную, с лазерным устройством и электроникой, осветительную аппаратуру. Аппаратура, как основа искусства. Искусство гарнира. За кулисы не пошел, расстроился.

Кажется, не записал, что в субботу, 22-го ходил на спектакль "Иосиф Сталин. Триумф и трагедия" в постановке Игоря Сиренко. Он ставил в Театре Гоголя мой "Сороковой день". Теперь Игорь открывает новый театр "Сопричастность". И в названии театра, и в названии пьесы Олеся Бенюха "Иосиф Сталин. Трагедия вождя и народа" много конъюнктурно-экстатического. Режиссер Игорь

интересный, но не ясна позиция, какая-то очень быстрая перемена. Но как Сиренко смог заставить так сложно работать актеров? Как все это пробил? Мне уже интересно, что будет с этим театром в дальнейшем.

1991

14 января. Мало пишу, потому что занят устройством романа и кое-какой другой работой. Перед Новым годом был в Киеве с В.С. - видели "Марат-Сад" К.Вайля с Недашковской (она играла Шарлотту Корде). Новый год встречали дома, потом началась жуткая гонка с отъездом В.С. на кинофестиваль в Индию. Не давали визу, я позванивал в посольство, и, слава богу, в воскресенье,

13 января, она улетела.

Писал ли я, что новый роман взяли в "Московском вестнике"? Рукопись у меня лежит еще в "Октябре". В "Знамя" роман я не относил, но, может быть, только я и знаю, что со "Знаменем" я в ссоре.

Перед Новым годом, 26 декабря, сдал рукопись в издательство "Современник", но одновременно и в "Советский писатель". Относил фотографии и расширил аннотацию.

Вчера вечером был Дима Сучков, заезжал за своей рукописью. Пришел, как всегда, в легком пальтишке, шляпе и белом шарфе. Замерз. Покормил его, дал рюмку. В мойке оставалась еще посуда от моего обеда: "Помой, голубчик". Я представляю, сколько было у Димули внутренних мучений, он мужественно мусолил две испачканные тарелки. Сказал мне, что в своих мемуарах отметит. Интересные у нас в институте ребята. Так кому метить в мемуарах?

В "Московском литераторе" накануне Нового года, в N 52, появилась на меня пародия. А. Алексин, Лиля Беляева, Ю.Бондарев, Т.Глушкова Ю.Друнина, Ан.Жуков, В.Калугин, Л.Корень, Ю.Кузнецов, А.Приставкин, А.Чаковский, Л.Щеглов и я. Так сказать, объекты славы.

Написал рецензию на книжку Н.Молевой, жены Белютина, для "Экрана и сцены".

Вечером звонил Боря Берман — все в порядке.

20 января. В 15.00 ходил на венчание Коли Георгиевского, моего внучатого племянника. Процедура произвела на меня огромное впечатление. К счастью, проводил венчание молодой и современный священник, делавший для молодежи понятным это таинство. Венчалось пять пар, среди них и двое уже не самых молодых людей. Колечка был хорош, и в душе его происходили какие-то чистые и возвышенные процессы. Невесте, Наташе, я подарил белые каллы, а ему в конверте 1000 рублей. На свадебный пир в кафе не поехал.

Писал ли я, что перед поездкой в Иваново был на комиссии

по культуре МК. Я внес два предложения: о проведении особого пленума горкома по современному искусству в Москве и о свободе совести для коммунистов.

Очень надеюсь, что Виталий, у которого кафедра в Мединституте, поможет мне разобраться с моими недомоганиями. В Иванове у меня признали облитерирующий эндертерит. Плохие сосуды. Теперь необходимы барокамера и куча лекарств.

Смотрел фильм "Повар, вор, его жена и любовник" Питера Гринуэя. Аллегория с сильным и интересным содержанием. В Москве идет фестиваль "Неизвестное европейское кино".

В прошлую среду выступил о вильнюсских событиях Невзоров. Единственный, кто смог противостоять всему телепсихозу.

21 января, понедельник. Сегодня объявили, что какой-то колхоз отказал Ю.Черниченко, народному депутату, в отчуждении 500 га земли под его фермерские идеи. Возникают новые помещики, они же депутаты. Весь день смотрю зарубежное кино: "Маргаритки" Хитиловой (ЧССР), "Один день Ивана Денисовича" (Норвегия), "Не укради" (Польша), "Навострите ваши уши" (Великобритания) — писатели, подлинный и мнимый, заключенные, гомосексуалисты.

29 января, вторник. Вчера день провел на даче. У С.П. родился сын.

Решилось с "Казусом", я буду печатать его в "Московском вестнике" у В.И. Гусева. "Знамя" для меня закрыто после моего выступления по "Взгляду". Для Володи Крупина с его "Москвой" я недостаточно православен, и "Казус" не в его духе. "Октябрь" все продолжает печатать Деникина, а потом найдут что-нибудь другое. Милая Назарова мямлит, на сколько номеров у них все спланировано. Пока "Октябрь" не решил, но, как бы ни решили, — поезд ушел, печатать у них не буду.

25 января. Был на пресс-конференции в СП. Кожинов, Рытхэу, Сидоров, Сильва Капутикян. Все кружилось вокруг одного и того же. Чудовищный эпизод, я все время живу под впечатлением рассказа Капутикян. Убили кого-то из мусульман, остался мальчишка-сын. Надо было вывозить гроб с телом, и вот стояли вокруг христиане, и никто не помог. Так где же христианское милосердие?

"Казус" прочел Ваня Панкеев. Написал мне уклончивую записочку. Какая удивительная боязнь высказать собственное мнение!

В душе презрение и гадливость к разрушителям, занимающимся политикой. В "Литературную Россию" отдал

рецензию на роман Жени Коротких.

20 февраля. Вчера утром на семинаре в Литинституте обсуждали рассказы Толи Вьюгина. Он или очень талантливый, но неграмотный человек, или я сделал ошибку? Отдельные кусочки из его "Мародера" у меня вызывают зависть. Здесь жизнь, а не умствования. Любопытна маленькая демонстрация, которую устроил Руслан Марсович. Как, оказывается, заразительна политика, как, оказывается, трепещет сердце в этом разделении людей и племен. После окончания семинара он предложил выразить сочувствие Элине, которая только что вернулась после каникул из Литвы. Он, татарин, заявил, что сейчас стыдно быть русским. Со всей прямотой я сказал, что семинар не место для политики, и подчеркнул, что не считаю и никогда не считал, что в любых обстоятельствах стыдно быть русским. Из-за моего плеча выглядывали сотни тысяч моих курносых и простецких родственников.

В 15.00 начался пленум горкома. Все тихо и мирно тянулось до без чего-то 21, но вот Прокофьев (я был у него на беседе в пятницу с 20.40 до 22) на секунду нырнул в свои кулуары. Не успели мы проголосовать последнюю резолюцию, как он выныривает: "Ельцин зачитал по ТВ заявление об отставке президента. Надо принимать резолюцию в поддержку". Сутолока. Через 15 минут в зале поставили ТВ-приемник и в записи получили это выступление. Б.Н. Ельцин вел себя нагло, молодо, предприимчиво. Я наблюдал за О.Попцовым с его подслуживающим глубокомыслием. Тихо после этого просмотра приняли резолюцию и разошлись.

22 февраля, пятница. Вышла "Московская правда" 20-го утром с моей фотографией на пленуме, это было очень неожиданно. Я, вроде ничем не отличился. Видимо, при всем моем внешнем безобразии, нормальных лиц для фотографа было не очень много. Партийная элита. Продиктовал одному из моих знакомцев, бывшему афганцу Диме, который сейчас учится в МГИМО, его выступление сегодня на заседании в Кремле. Справится ли? Стилистика сложновата. Вот так начинаются карьеры. С речи, написанной не самим.

Вчера ездили с Львом Ивановичем на кладбище, на могилы его родителей, Ивана Егоровича и Валентины Гавриловны. Зашел на могилу к брату Юрию. Он все так же молодо глядит в ночь и в день. Уже прошло два года. Поставили памятник Валере Коксанову — все чисто, цветы, протоптанная в снегу дорожка.

Идет кризис в правительстве РСФСР. Вчера видел сессию Верховного Совета РСФСР — сколько злобы и массовой ненависти к коммунистам. Антикоммунизм стал удобным сюжетом.

15 марта. Пришла телеграмма из Костромы: "Виктор Бочков умер. Лариса Васильевна". Телеграмма долго шла, потому что был указан старый номер квартиры. В тот же вечер я собрался и уехал в Кострому.

16 марта. Был на похоронах. Новое, пустое кладбище, как необжитый новый район. Надо утерпеть и не написать рассказ. Это репетиция и моих будущих похорон. Виктора отпевали в церкви Спаса на Дебре, которую, когда мы были юношами, он мне показывал. Был из Москвы Игорь Дедков с Тамарой, Стасик Лесневский. Всех нас эта скоропостижная смерть оглушила. Пришлось говорить на поминках. Приехал в Москву рано утром. Может быть, мне начать писать новую повесть — инструкцию В.С., как меня хоронить?

Вчера "Московская правда" напечатала то, что осталось от трех страничек моего текста. Если по просьбе Прокофьева я это написал, вообще-то как бы обращаясь к интеллигенции, то зачем мне, специалисту по интеллигенции, помогать и "выправлять" меня? Эх! Это все партийная печать и партийная правка. Вспомнил, что в Костроме на похоронах Бочкова, когда собралась вся городская интеллигенция, идеологи местного партийного аппарата блистательно отсутствовали. Нельзя руководить интеллигенцией, не являясь ею.

Все время думаю о Викторе, который там. Мы все еще не можем избавиться от любви и жалости к тем, которые там. Но ведь думать-то надо о чем-то другом.

26 марта, вторник. Семинар. Обсуждали повесть Виталия Амутных "Образы". Много говорил о смысле, о духовном содержании литературы, о ее мощи. После семинара ездил в "Правду", читал верстку статьи "Ренегат" — очень крепко, но опасно. За партию я борюсь? Меня просто интересует справедливость.

Валя в Ленинграде. Перед отъездом поссорились — впервые я ее не провожал.

В прошлую среду были первые мои защиты: В.Терехин — я написал и выправил за него — на четыре; Витя Обухов — стихи — тоже на четыре. Завтра — Миша Лайков.

28 марта, четверг. Открылся Съезд народных депутатов РСФСР, состоялся митинг, Москва была заполнена военными машинами, бензовозами и машинами связи. Тем не менее, митинг в защиту Ельцина прошел на Маяковского и Арбатской площади. Согласия у моих соотечественников не будет. В этот день отчего-то в Москве свободно продавали вино в розлив. У метро "Университет" продавали литровые банки с "Розовым столовым". Вечером в метро много пьяных. К чему бы это? Хорошо бы

написать статью о гласности (Б.Куркова) и повесть о смерти.

Завтра приемная коллегия, на которую меня внезапно пригласили, и первая верстка в "Московском вестнике".

2 апреля, вторник. Повышение цен. Идет съезд депутатов РСФСР. Интересно держится С.П. Горячева. Выдержанно и твердо. Вечером ходил на "Макбет" — балет К.Молчанова и В.Васильева. Первый акт, обычно идущий в театральном тумане, на этот раз чист как стеклышко. Из-за повышения цен не смогли договориться и достать сухого льда, который идет на создание этих туманных волн. Экономикой ударило по искусству.

На сегодняшнем семинаре говорили о "Митиной любви" И.Бунина. И все же много головного. Конструкции, использование пленительного, но неудержимого словописания. Многовато для сегодняшнего дня головного.

3 апреля, среда. В 16.00 защита у Миши Килундина. Мой нажим на страсть успеха особого не принес, хотя всем было ясно, что Миша на голову выше остальных. Миша тоже получил общую четверку. Много интересного узнал о нашей прославленной профессуре: как, оказывается, профессора вешают лапшу на уши! Сколько Лев Адольфович Озеров плакал о своей студентке, но обнаружилась такая лабуда, когда А.М.Турков, возглавляющий комиссию, стал читать цитаты. Еще раз поразился фронтовой бескомпромиссности Туркова.

4 апреля, четверг. Гулял по Москве, беседовал с В-ом, ездил к Г.С. Костровой. Забрал статью из "Советской культуры". Сегодня везу ее к Саше Проханову. Вечером видел по ТВ съезд депутатов РСФСР. Опять в восторге от Горячевой, она все, что связано с Б.Н., просекла. Постепенно вырисовывается коварный и себялюбивый портрет Хасбулатова.

24 апреля. Не пишется. Перечислю публикации в "Советской культуре" и "Экране и сцене" за последние 10 дней: рецензия на спектакль К.Гинкаса в ЦДТ "Играем "Преступление"; рецензия на книгу Молевой о Манеже 1962 г. и рецензия на фильм Марягина "Враг народа подсудимый Бухарин". Это стоило жизни нескольким людям, а уложилось в двух строках. В этих рецензиях важно одно: отстаивалась точка зрения. Не очень-то мне жалко КПСС, но чудовищен уровень предательства.

Новостью является письмо Г.Я. Бакланова. Письмо пришло заказным, чтобы не было никаких кривотолков. Значит, придают письму особое значение. Они вышибают меня из редколлегии. Вежливо. Надо бы сразу ответить, но проходит кураж. По сути дела, вся моя политическая деятельность — это результат обиды, нанесенной мне "Знаменем". Но ведь и они, судя по письму, поиспугались. По крайней мере, мой новый роман, как они знают,

не у них.

Вчера состоялся пленум МК, посвященный текущему моменту. Я даже отменил семинар. Точка зрения одного из выступающих — парнишки-аспиранта из МГУ: "Если Михаил Сергеевич хочет войти в историю, как Альенде, у нас нет желания следовать за ним". Каждый раз, когда в здании МК я вижу лица своих товарищей по партии, мне хочется из нее выйти. Тут я и начинаю понимать, что наше дело давно проиграно.

Кажется, завтра у меня в "Правде" идет статья.

29 апреля. Утро. В конце прошлой недели, в четверг, вышла моя статья в "Правде". Мнения резко поляризовались; у очень многих она не могла вызвать восторга. Отчаянно недоумевают ("Как Есин мог") люди, вышедшие из КПСС, которым отступать уже некуда. Ведь статья-то не о том, что "не выходите", а о том, что незачем было вступать, уходите спокойно, не хлопая дверью, по совести. Многочисленные телефонные звонки, все интересуются: кого автор имел в виду? Но ведь под эту статью, как в модель, подходят многие и многие.

Был на даче. К сожалению, во время последних заморозков подмерзли помидоры. Может, отойдут.

10 мая. В Иванове у Виталия Федоровича, попытаюсь пройти курс в барокамере. Настроение сумрачное — это реакция на отклики статьи в "Правде". Через В.С. и С.П. отклики все время до меня доходят. Левая "переменчивая" интеллигенция почувствовала себя неуютно. Конечно, хорошо быть при деньгах, но обязательно чистыми и моральными.

Из последних событий: прочел крепкий роман Игоря Николенко "Смерть Катона". Больше всего меня в творчестве восхищает первый импульс: как возникла идея? Образ? Первое лепетание? Сама дерзость задуманного.

Во вторник был семинар. Обсуждали рассказ Ромы Назирова. Прелестный эпизод с тараканом, но много случайного. На семинар хват Сережа Запорожец принес "Литературу и искусство" — ежемесячное приложение к "Русскому курьеру", который редактирует Александр Глезер (я его смутно помню еще по "Юности"). Здесь очень точный пассаж о моей прозе, и в частности, о "Венке геодезисту". Написала Татьяна Поляченко. Очень хочется отослать ей письмо.

16 мая. Уже неделю не пишу дневник, жизнь довольно размеренная. По утрам бегаю, днем хожу на барокамеру — кажется, помогает; вечером читаю Бенуа и всякие книжечки. В том числе Сильвию Бурдон "Любовь это радость. Воспоминание порнозвезды". Новая литература. Тем не менее, еще раз можно посожалеть, что все это не прочел в свое время. Воспитание в

литературе — это контекст и проникновение за контекст. Наверное, главное, что случилось в Иванове — я здесь впервые за многие последние годы прочувствовал приход весны. Как я балдею в этом городе, где среди многоэтажек целые улицы старинных дедовских домиков! По одной из них ежедневно 30 минут иду в больницу. Как постепенно выпрыскивает зелень, как меняются атмосфера и пейзаж. Какое немыслимое волшебство! Но разве заметишь все это, чтобы потом, как последнее утешение, вспоминать перед смертью. Изменение цвета, оттенков зелени, взвращение листвы, вибрирование и дрожание воздуха! Вот и переход к моей следующей повести о смерти, к которой я давно подбираюсь. Предвидеть и описать собственную смерть. Эта мысль, от конкретного импульса, появилась у меня, когда, лежа в барокамере, я чуть приподнял голову, чтобы взглянуть себе в ноги, как устроено ножное закругление, нет ли там какого-нибудь клапана. И тут я увидел свои белые и сухие ноги в гробу. В принципе, довольно мало они займут места.

Написать о том, как пахнет черемуха, о том, что на улицах, никем не охраняемая и никем не ломаемая, растет вишня. Как здесь спокойно и прозрачно живется. В магазинах, естественно, пустовато, но все без московско-телевизионного надрыва и озлобления. Народ видел и не такие времена.

23 июля. Кажется, я и забыл, что у меня есть дневник. Все лето прошло во взвинчивании себя политикой. Сам-то успокоился несколькими статьями в "Трибуне" — это одна большая статья из "Дня", с которой тянул Проханов.

Обстановка разрядилась после избрания Ельцина. Все стало ясно и, хотя бы формально определилась воля народа. Как-то ехавший со мною военный, прапорщик, разъяснил: неграмотные узбеки и азербайджанцы голосовали за Ельцина — это была единственная фамилия, которую они знали. Сегодня стоял в очереди за сахаром, весь магазин был полон милиционеров. Я слушал их разговоры, видел их бедную одежду: повышение цен, новые законы, тенденции жизни — это удар и по ним. Винят Павлова, но к этому повышению подталкивали демократические обстоятельства. Пенсионеры, уже отработавшие и имеющие право на отдых перед смертью, за все и заплатят. Заплатят, в том числе своими могилами ценами на гробы, на похороны.

Вчера опубликовали указ Президента РСФСР о департизации. С этого все и начнется. Но будет ли впереди борьба? Люди еще не дошли до ручки, им кажется, что капитализм, без их труда и участия, особенно престарелым, принесет умиротворение.

Сегодня в "Московской правде" призыв бюро горкома к признанию ельцинского указа неконституционным. Сегодня же

призыв к объединению и созданию патриотического движения. По стилю я сразу же определил — Юрий Васильевич Бондарев, и не ошибся. Прошел фестиваль кино. Почему меня лишали увидеть это все раньше? Надо приучиться записывать каждый день.

25 *июля. Обнинск.* Вчера стоял в очереди за водкой. Народ по-прежнему безмолвствует, хотя недовольные нынешним правительством России разговоры цветут.

Утром читал "Убийство царской семьи" Соколова. Много интересных деталей, непереносимо больно. Какая азиатчина! Невольно приходит в голову сравнение с казнью короля во время Французской революции и Марии-Антуанетты. Там-то хоть была соблюдена видимость суда и закона. Ровно настолько мы и сейчас отстаем в своем "европейском" развитии. Но были еще "ступени", самые низменные и чудовищные инстинкты народа. В книжке Соколова потрясает приложение: список и описание вещей, которые охранники присвоили себе после казни царя и его семьи. И для себя брали, и для своих дам-с! Не брезговали рамочками для фотокарточек, игрушками Алексея и бюстгальтерами великих княжон. Прочел воспоминания-дневники З.Гиппиус 14-19-х годов. Огромное количество параллелей с нашим временем. Сделал выписки, вернее, подчеркнул отдельные места.

В середине дня ходил в Манеж на выставку Афганской войны. Я уже не могу сказать — хорошая она или плохая. Несколько раз ком подступал к горлу: очень много прекрасных молодых лиц на фотографиях. Никому не дали вкусить жизни. А ведь каждый думал, что бессмертен. За что? Есть на выставке и контрасты: на телеэкранах все время какие-то выступления Брежнева, его награждения, соратники и т.д. Маразм времени и жуткой партийной системы. Но рядом с телевизионной хроникой огромная фотография: голосующий, и всегда единодушно, прежний Верховный Совет. Ах, эти "персонообозначенные" причины. Интересна "живопись" — лица, характеры, молодость, и почти за каждым портретом — смерть. Это-то и придает, как правило, совсем плохоньким произведениям искусства немыслимую остроту. Много подлинности. Но остается вопросом: правильно ли мы сделали, что вошли в Афганистан, и правильно ли сделали, что из него ушли? За мир всегда платят войной.

В интерьер выставки встроены солдатские кровати (на каждой лежат фотографии) и полевой госпиталь с бедным, почти нищенским оборудованием.

Вечером уехал на дачу с В.С. С утра собирал малину, консервировал огурцы.

26 июля, пятница. Рано уехал в Москву, оставив машину на даче. Сегодня собеседование: это мои прошлогодние абитуриенты

— Амутных, Назаров, Питкевич и Азарян. Здесь все было, как обычно, интересно другое. Вел обсуждение В.И. Новиков. Вопросы-ответы. "Я всегда считал, даже имея в виду вершинные произведения Распутина, что он средний писатель". Тихая Таня Бек задала студенту вопрос: как он относится к произведениям Кушнера? Никак. Что же ты хочешь? Василия Белова. В этой ситуации я не думаю, что долго в институте продержусь.

На обратном пути на дачу в электричке прочел в "Московской правде" разворот Кургиняна — альтернативная программа. Интересно и вызывает некоторую надежду по отношению к собственным поступкам. Жизнь в нашей стране все равно найдет русло.

27июля, суббота. Солил огурцы, ездил в городскую баню с Володей.

28июля, воскресенье. Утром уехали с В.С. в Москву. В 12.30 повез на аэродром сестру Таню вместе с Вуатюром (это прозвище, которое я дал двухлетнему Коле, своему племяннику). Прелестный малыш, который и сейчас у меня перед глазами. В Тане, в отличие от Т.А., есть острый и живой есинский ум и хватка. По дороге мы долго говорили о материальных сторонах жизни. Вот интересный факт: они с Марком готовы купить ей для разъездов вторую машину — машина-то стоит гроши по их масштабам, — но налог на машину огромен, дорого. Сравниваю с нашими делами — это у них социализм.

Вечером с женой Валей приехал из Бердянска С.П.

30 июля, вторник. Видел фильм Геворкяна "Пегий пес…". Интересно по этнографии, плотно, с неожиданными подробностями. Не от Айтматова, а от музея этнографии. Литература с трудом протискивается в другие искусства.

"Независимая газета" вернула мне статью о кадровой политике в КПСС. Чем-то я им не угодил.

10 августа, *суббота*. Неделя, как В.С. лежит в больнице — тромбоз правого глаза. В основном, живу на даче, но уже несколько раз ездил к ней. Вышла моя статья в "Правде": орган, конечно, уже выморочный, два месяца держали статью, она безумно устарела, сделали все, чтобы снивелировать, пригладить, чтобы я оказался не похожим на себя. Стыд и позор. Несколько дней, забравшись в нору, я зализывал свои раны.

С огромной жадностью дочитываю мемуары Мориса Палеолога — сколько ума, наблюдательности и эрудиции. Удивительно, как этот человек быстро и верно схватил предреволюционные и революционные брожения в обществе. Сделал много пометок в книге.

Понемножку подвигается "Возвращение в Ташкент" — книга о

прошлом и о психологии творчества.

Много самых невыносимых мыслей о нищете, о болезнях, о смерти, о надвигающейся старости. Меня очень держит хомут партии. Все прогнило и затаилось перед новой схваткой.

Думаю над "Барокамерой". За последнее время я написал: "Ренегаты" — 10 стр.; "Портрет дурачков" — 10 стр.; "Годы Союза" — 10 стр.; "Культура смутного времени" — 23 стр. Есть еще интервью в "ЛГ" — 10 стр.; "Перевертыши" — 10 стр. Возникла идея: "Современные предатели".

11 августа, воскресенье. Написал врезку к статье "Перья сокола", читал Палеолога — прекрасно, умно, сделал выписки. Собирал помидоры. День хорош и погода хорошая. Мой сосед Иван кладет из кирпича душ и туалет. Вчера вечером приехали на дачу С.П. и Валя — ели шарлотку и немножечко выпили. Всех я примиряю.

16 августа, пятница. Вечером в московской передаче "Добрый вечер, Москва" вдруг Владимир Познер вспомнил о моей недавней статье в "Правде" и процитировал ее — все, оказывается, читают.

19 августа, понедельник. Утром — переворот. Переворот — это явление радио и телевидения. Я думаю, что основная масса населения этот переворот приветствовала. Нашлись смелые люди, которые взяли на себя ответственность. Но если кто-нибудь сдрейфит, то проиграют все. Днем ездил на радио, забрал свою, не пошедшую в "Независимой", статью. Страшновато. Говорил с Прохановым — ситуация сложная, но мы будем защищать — это слова Проханова — либеральную культуру.

В центре танки. Вся Москва как вымерла. Очереди на бензоколонках. Я вспомнил летний день, когда арестовали Берию, в воздухе то же самое ощущение.

20 августа, вторник. В Москве вечером все, как обычно, работало метро. Возвращался около 1 часа домой, какие-то мальчики в метро клеили листовки. Ельцин вроде проснулся и призвал к бессрочной забастовке: джентльмены готовы на все ради власти. Судя по первым приготовлениям, они пойдут до конца, потому что на кон стала их жизнь. Ельцин тоже призвал ко всему — он тоже понимает, что на кону ставкой лежит и он. Сначала медицинское обслуживание, дачи, власть, иностранные президенты, а потом — Россия. Знаменитый парикмахер Ярцев, дружок В.С., говорит: забудьте слово "Россия", теперь будет слово "Ельцин".

По телевидению пресс-конференция. Выступления журналистов с инвективами. Девочка-журналистка: "Консультировал ли вас Пиночет?". У меня ощущение: все это не

без ведома Горбачева. Некрасиво отсветился Бовин. Мораль быстрого реагирования. Газеты, кроме центральных, закрыты, идет "перерегистрация". Партия вроде бы выведена из переворота. Вчера видел танки под мостом у университета и возле путепровода на Комсомольском проспекте.

З.Гиппиус справедливо писала: "Записывайте мелочи, крупное не пропадет и без вас". Утром повез в "Гласность" статью, после дошел по улице Куйбышева до ГУМа. Совершенно пустые, словно в воскресенье, улицы, виден кусок кремлевского строения и огромный красно-бело-голубой флаг России. На уровне 1-й гумовской секции — кордон милиции. Проглядываются пустая площадь и открытые Спасские ворота.

Театральную и часть площади у музея В.И.Ленина перегородили танки и бронетранспортеры, много лиц кавказских, агитаторов и беседчиков. По всему центру расклеены листовки. Рассказывают, что войска перешли на сторону Ельцина. Симпатичные, хорошо одетые ребята. Народ настроен однозначно: незаконный переворот. Все перевороты не бывают законными. Восьмерке придется идти до конца, наверное, они это и предполагали. Скоро станут известны и подробности форосской истории. Горбачев с семьей пока там. Стало известно: восьмерка уже прибыла туда и требовала отречения, Горбачев отказал.

21 августа, среда. Как ни странно, новое правительство пока держится.

Они даже проявили определенную ловкость. К утру передали сообщение — трое молодых людей погибли под гусеницами танков. К счастью для новых, в Москве с утра идет проливной дождь, это может спасти новый режим. Если партия поддержит какое-нибудь беззаконие, буду выходить.

Пишу, не заглядывая в предыдущие тексты. Путч закончился. Вчера вечером выступил Горбачев: он собирается реформировать партию. Поздно вечером, после программы "Время", позвонил Г.Бакланов. Его заинтересовало, не его ли я имел в виду в статье в "Правде". Такого мата я давно не слышал. Он сказал, что я говно, что умру в говне, что *они* будут теперь размазывать меня по стене и будут размазывать по стене мою жену. Через трубку я слышал, что у Бакланова происходило праздничное застолье. Судя по некоторым оговоркам, у меня возникло мнение, что в комнате находился и Ананьев. "Вот мы здесь с Анатолием Андреевичем интересуемся…?" Видимо, баклановская жена тихо уговаривала не очень трезвого мужа: "Ну, хватит…?" Все-таки у меня ухо радиста. Весь разговор проходил в комнате В.С. У нее в это время шел страшный приступ почечных колик, температура поднялась до 41. Она мне потом сказала, что если бы часть

разговора не слышала сама, она никогда мне бы не поверила, что Бакланов мог так говорить.

Утром разговаривал с Шальманом, который живет над Домом Советов, у набережной. Двое суток он с балкона наблюдал за происходящим. Его потрясло — 20–50 тысяч молодых мужчин, стоящих вокруг Белого дома. Молодые ищут перемен, это естественно.

Прелесть звонка Бакланова еще и в том, что за два дня до этого мы с Прохановым говорили: если, не дай бог, прижмут — надо сделать все для того, чтобы спасать либеральную культуру. Вот тебе и оскал этой либеральной культуры.

4 сентября, среда. Дни отчаяния и отупения. Счастье, что ужасный путч не состоялся, но отвратительна вся ситуация в стране. Второго сентября выступал на митинге на открытии учебного года в Литинституте. Со мною вместе выступали М.Чудакова и Б. Томашевский. Чудакова была в фиолетовом костюме, как кардинал. Поглядывала она на меня подозрительно. Говорили о счастье школы, о неповторимости и фотографической точности по отношению к прошлому и об одиноком пути художника. Сумел говорить точно. Но не лезть в политику.

В понедельник не был на общем собрании московских писателей. Практически — это контр-"Апрель" и контр-Черниченко. Говорили о захвате Союза писателей на Воровского и о выстоявшей ночевке добровольцев на Комсомольском проспекте. А как просто, нахрапом, захватили. Силен тот, кто схватил, а потом оправдывайся себе…?

Сегодня вечером был у племяша Валеры — видел нового его малыша, Алексея. Выяснилось, что у нас есть значительные новые родственники — фирма "Алиса". Сестра моего племянника Николая Георгиевского замужем за Германом Стерлиговым. Именно собака племянницы все время в качестве рекламы солирует на телевидении.

10 сентября, вторник. Вчера утром уехал из Обнинска. Надо признаться, что сижу в Обнинске, потому что боюсь: начнут чистить, придут и ко мне, члену МК. А по опыту прошлого знаю, надо иногда отсидеться и этого бывает достаточно. Был на "Ночном портье", фильме Лилианы Кавани. Еще раз убедился: кинолитература эта высокого класса. И еще раз очень простенькое: литературу не создает "сюжет", хотя существует она не без него.

Вечером звонил Толе Афанасьеву и Леве Скворцову. В воскресенье, оказывается, шла передача по радио, которую я назвал "В мире слов".

Сегодня вел в институте семинар: а) как писателю вести

дневник; б) разобрали этюд Димы Гнатюка; в) читал отрывок из "Романа без вранья" Мариенгофа.

Вечером вернулся в Обнинск и отвез В.С. к электричке — ей на работу.

12 сентября, четверг. Читал "Бодался теленок с дубом" А.Солженицына. Все время думал о своей подлой, неправильной и сломанной жизни. Как все случилось легкомысленно, неглубоко и неумно. Очень близок к самоубийству. Но, может быть, жизнь длиннее и время что-то вылечит? Как жить? О чем писать и где истина? На сердце сплошная боль. Вчера пробовал писать — за весь день одна страничка. Не пишется, верный признак — значит, вещь не получится.

15 октября, вторник. Владивосток. Ну вот, собственно говоря, и все: в Москву! Может быть, я вышел из апатии, которая продолжается уже пару месяцев. Совершенно ничего не мог писать, сил хватало, только чтобы чуть-чуть продвигать новую повесть.

3 октября, в четверг, В.С. приехала на дачу с известием: звонили из Союза писателей — мне предстоит лететь во Владивосток, на празднование юбилея А.А. Фадеева (90-летие). Собственно, обещание я дал еще в середине лета, но думал, что в свете новых и новейших событий все будет похерено. Однако в пятницу С.П. привез мне в Обнинск авиационный билет, в субботу мы съехали с дачи, и в воскресенье я улетел.

О линии впечатлений: собственная моя родня, размышления о Фадееве, его месте и политике, люди на конференции, природа.

В первый же день, вернее утром, с аэродрома приехал к Светлане, и сразу же — самое сильное: наш милый и скромный капвторанг — ухажер Дима ушел от Светланы Анатольевны. Этот-то семьянин, страдатель и влюбленный, которому я, вернее, его юношескому роману, посвятил вдохновенные строки. Света рассказывала мне все это с подробностями: и мальчик Женя, который учился в военном училище, и с чьей матерью Света познакомилась, а потом Дима и т.д. Вообще семейно-нравственные открытия — самые любопытные. Милая Светик (младшая дочь Светланы) тоже поменяла жизнь. Тоже целая история. Ее брак с Игорем (которого я, впрочем, не знал — они посылали мне приглашение на свадьбу, фотографию я видел: чернобровый, и она в воланах, фестончиках, буклях, перчатках и вуалях) распался, но очень быстро Светуля привела некоего соседа и одноклассника Сашу (называет, растягивая и нажимая на "а") и с ним благополучно проживает на раскладном диване. Третье впечатление — Светлана-старшая, т.е. моя двоюродная сестра (мать и уже бабушка) заканчивает в этом году горный

техникум.

Все это меня потрясло, как и присутствие на конференции одного доцента из МГУ, Сергея Ивановича или Борисовича, который, как рассказывали, первый на кафедре вышел из партии, но в свое время по велению сердца писал работу о художественных особенностях прозы Л.И. Брежнева. Может быть, такая самопровокационная торопливость — свойство русского характера?

Все мои фадеевские размышления, в общем-то, изложены в речи, которую я произнес в субботу на открытии памятника в с.Чугуевке. Я знал, что речь сложна для аудитории, что значительно лучше я выступаю в жанре импровизации. Что мне Фадеев? Что я Фадееву? А впрочем, не отрывок ли из "Молодой гвардии" читал я, когда поступал в театральное училище? Здесь край, которого надо держаться. Умер, ушел бывший кумир, автор мифа, которому мы поклонялись. Не надо самоутверждения за чужой счет. Так примерно на торжественном вечере в Доме культуры я и высказался: "Всегда болею за слабого и обиженного в настоящее время. Фадеев сейчас слабый…?"

ЗА УБЕЖДЕНИЯ ПЛАТИЛИ ЖИЗНЯМИ

Речь на открытии памятника А. А. Фадееву

В этом году ритуал начала учебного года в Литературном институте им. Горького в Москве был изменен. Надо, конечно, сразу иметь в виду, что произошло это лишь через десять дней после попытки антигосударственного переворота. Так сказать, в пылу. Надо, конечно, вспомнить наэлектризованность общества, активность прессы, пересаливающей доказательства своей лояльности в плясках на побежденном противнике, надо, конечно, еще раз вспомнить о своеобразном статусе городского центра в эти дни, когда еще не выветрилась гарь от солярки танковых двигателей. Но в этом-то и парадокс нашего диалектически вольно подкованного мира, что хотя все в нем можно, казалось бы, сосчитать, предусмотреть и "по разуму" изменить, но есть факты, которые в своей библейской наготе остаются фактами. Впервые за многие годы наши литературные студенты, начиная свой учебный год после митинга и вдохновенных слов ректора, профессуры, не поехали к могиле Горького, к ячейке в Кремлевской стене с заделанным в нее прахом пролетарского писателя, не пошли поклониться Великому мастеру, чьим именем назван институт. Их повезли к местам, где была пролита во время августовских событий кровь их молодых сверстников, им — москвичам и

иногородним — показали Белый дом России, цокольный этаж которого еще был заляпан плакатами и листовками, а на площади перед ним еще располагались палатки защитников, и можно было понять и почувствовать, где и как стояли хлипкие баррикады, предназначенные противостоять танкам.

Кровь всегда священна и вызывает в человеческой душе незабываемый трепет. Свежие следы новых исторических событий откладываются, как в копилку, в молодую душу, и еще неизвестно, как отольются эти следы в биографиях будущих мастеров искусств. Все правильно, все справедливо. Возможно, ректорат в этот момент искренне беспокоила элементарная безопасность студентов на Красной площади. Среди возбужденного народа и проще, и спокойнее было лишь ненадолго выпустить своих студентов из автобуса. Во имя объективности я еще должен сказать, что ректор, мой давний товарищ (слово это утверждаю не в его новом семидесятилетнем значении, приобретшем ныне плебейско-иронический оттенок, а в первоначальной семантической осмысленности), ректор, отправляя ребят к местам нового паломничества, сказал, выгребая против расхожей литературной конъюнктуры, о месте Горького в нашей и мировой литературе, о его качествах писателя, человека и общественного деятеля. И все равно, хотим мы или не хотим, как бы мы это ни называли — благородная память, отзывчивость сердца, пытливость юношеского ума, нравственная потребность, — но, повторяю, даже если мы бы назвали это нашим христианским долгом, свершилось то, что в масштабах нашей еще недавно социалистической, а ныне товарно-рыночной цивилизации свершилось и будет свершаться, к сожалению, неоднократно: литература уступила место политике.

Я полагаю, что все присутствующие здесь, на церемонии открытия памятника прекрасному русскому писателю Александру Александровичу Фадееву, приуроченной к его 90-летию, хорошо понимают, почему я употребил эту аналогию и так долго рассказывал о начале учебного года в Москве. Многие из вас, приехавших сюда, в Чугуевку, в это неблизкое село на самом краю русской земли, село, которое писатель считал своей духоформирующей родиной, — я имею в виду гостей, — проделали очень большой путь и свою жизнь исследователей, литературоведов и историков культуры связали с именем этого писателя. На конференции во Владивостоке разгорелась даже маленькая дискуссия — вот она, животворность традиции! 5 или 6 раз состоялись уже в Приморском крае Фадеевские чтения, но вы, старожилы этих дискуссий, да и приморцы, да и жители Чугуевки, помните, какие в прошлые годы были здесь писательские десанты!

По 50, по 60, по 80 человек! Вы помните наших вальяжных мэтров, клявшихся в верности идеям соцреализма и высокому горению революционного духа? Где они? Где нынче леволиберальная "Литературная газета" и праворадикальная "Литературная Россия", всегда с энтузиазмом освещавшие это литературное событие? Где властелины дум, писатели? Где их торжественные прилюдные клятвы? Какую разрабатывают новую политическую конъюнктуру? За приватизацию какой общеписательской собственности или профессионального сообщества борются, какие пишут воззвания и на что кладут живот свой, если забыли клятвы и святую святых — память о покойном товарище-писателе? Если хотите, память о своем господине и управителе, прежнем раздавателе советов и благ.

И все равно гордость охватывает сейчас меня, потому что вместе с вами я присутствую при созидательном моменте! Еще совсем недавно я проводил со своими студентами по Литинституту семинарское занятие, как я про себя называл, в Саду монстров. Это была небольшая площадка возле Дома художника на Крымской набережной, куда свезли свергнутые со своих пьедесталов фигуры политических деятелей прежнего режима. О, мы, люди старшего поколения, знаем, как недолговечны и хрупки, казалось бы, вечные памятники. Еще совсем недавно, лет 5–6 назад, я писал о боли, которую испытываю, видя памятник Александру III работы замечательного русского скульптора Павла Трубецкого во дворе Русского музея. Зачем снесли и сдвинули его с площади возле Московского вокзала? Разве не поучителен любой памятник? Любой вызывает ассоциации и стремление поделиться ими, этими ассоциациями, с ближними. По-разному можно относиться и к Свердлову, причастному к расстрелу царской семьи. Зверскому, не имеющему аналогии и прецедентов в мировой истории. Убийству детей и обслуживающего персонала. По-разному можно относиться к кровавому генералиссимусу Сталину, тишайшему, но вечно все подписывавшему Всесоюзному старосте тюремных лагерей Калинину, но это не только памятники этим людям, но еще и память наших нравственных, а чаще безнравственных уроков. Эти бронзовые идолы, которые возвышались на своих пьедесталах, как ни странно, еще долго могли бы экзаменовать нас по катехизису истинного гуманизма, цивилизованности, подлинной демократии и правдивой и искренней нравственности. Так уж педагогика устроена, что часто лучшие уроки у нее — от противного.

Это удивительно, что в разрушительное для культуры время мы открываем памятник не коммерсанту, не рокеру или политическому скандалисту — любимым и ласково

затетешканным героям нашего времени, а писателю, существу по сегодняшним меркам гонимому, и писателю, вдобавок ко всему, не вполне прошедшему нынешний политический рентген, и это происходит, как я уже сказал, не как поступательная тенденция действительности, а вопреки ей. Кто же сопротивляется властной идеологической моде, безумию голого прагматизма и пустоутробию полуобразованных политиканов? А сопротивляются несколько слабых женщин, один бесправный музей да несколько властных, а по сути дела, безвластных начальников, потому что принадлежат они не к элите нефтяных, судовых, военных или строительных магнатов, а к управлению тощими стадами культуры. Расшифровать? Расшифрую. Я имею в виду местных приморских музейщиков Владивостока, краевое и городское управление культуры, энтузиастов университетской кафедры. Как иногда, оказывается, мало надо, чтобы сотворить и воздвигнуть чудо.

Но в этом процессе утверждения культурно-исторических ценностей кроме наших редких читателей участвуют еще те ученые, литературоведы, критики, толкователи текстов и биографы, которые, кстати, являются создателями мифа вчерашнего и сегодняшнего, нового Фадеева. А что стоит писатель? Ровно столько и не больше, сколько стоит его миф. А миф этот только таков, каким его видят и чувствуют общественное мнение и его лидеры. И парадокс в том, что без настоятельной критики, собственного литературоведения, без поддувки сразу после смерти или гибели писателя и, к счастью, не без некоторого сопротивления среды или власти этот миф не вызревает, не лепится. В случае с Фадеевым миф Фадеева принадлежит писателю по праву и мощи его творчества, по врожденной и органичной писателю — слова Пастернака — "любви пространства", но миф этот не то чтобы не лепится, но имеет тенденцию к постоянно подталкиваемому разрушению. Здесь несколько трудноразрешимых по сегодняшним дням противоречий. Во-первых, конечно, Фадеев — подлинный писатель со своим благоуханным точным словом, значение которого само по себе для творчества самодостаточно. Во-вторых, Фадеев — писатель социальный, со своей тенденцией и конструкцией совершенствования и воссоздания мира, в настоящее время признанной де-факто несостоятельной. А в-третьих, крупный партийно-государственный функционер, по сути дела, министр литературы в опасное время. Это при нашей-то нелюбви к министрам будто бы мы и позабыли, что Мальро был министром, а Гете даже премьер-министром.

И все же это не то. Коллизия, особенно для нас,

интеллигентов, заворачивается круче и сводится, по сути, к довольно простому: спас или не спас? Спас или не спас, когда мог спасти? Насколько близко, если сопротивлялся, подходил к грани последнего риска? Все это вещи для нашего поколения, которое свою генеалогию прочерчивает через Карагандинские и Щербаковские лагеря, не пустые, но, думаю, по отношению к Фадееву по-христиански не совсем справедливые. Если он виноват, то, как заметил еще один писатель, современный и бесспорный классик, он закрыл свой счет. И плата за искренность его покаяния была самая высокая — кровь и жизнь. Ранняя смерть, но искупленное, омытое кровью творчество. И здесь бессмысленно для меня говорить о пороке пьянства, вести счет жизней за эту писательскую одну. Пусть мертвые, если они так же безжалостны, как живые, разбираются между собой! Счет закрыт, есть покаяние и жертва, и тогда считать надо не на ветхозаветный мстительный манер, где повинны все до седьмого колена, а по Новому Завету, который принес нам Христос, где сила покаяния и сила прощения выше низкой силы мстительности и греха. Здесь мы имеем дело не с бунтом и духом алкоголя, а с освежающим кризисом совести. С самораспятием и с покаянием за собственные грехи. И тогда остается только нагота творчества. И тогда остается миф, остается одна из конструкций мира по Фадееву, которой мстительные ригористы от литературы, расчетливо раздвигая место порой для себя, хотят нас лишить. Миф романтического порыва, миф Левинсона и, возможно, самый великий миф заканчивающегося XX века, миф Молодой гвардии.

На голом Крымском плато, в стене одного из домов, по милосердному недомыслию названного дворцом, торчит кран. "Фонтан любви, фонтан живой, принес я в дар тебе две розы". Какое отношение к легенде о любви, к сказке о Бахчисарайском фонтане имеет эта жидкая струйка воды?

Есть ли предатель Евгений Стахович, и как это было? А было и в том числе, так: перед Новым годом в Краснодон, бывший — отдаю дань моде — Екатеринодон, пришла немецкая машина с сигаретами и подарками. Машину ломанули. Беспризорник, торговавший сигаретами, сразу выдал Земнухова, Третьякевича и Машкова. Может быть, все бы и обошлось. Но совершенно случайно из окна собственного дома машину с пленными увидел Геннадий Почепцов: "Значит, уже хватают". И он пишет в полицию: "В Краснодоне создана подпольная комсомольская организация "Молодая гвардия", в которую я вступил активным членом. Прошу в свободное время зайти ко мне на квартиру, и я вам все подробно расскажу".

Если вы хотите исторической правды, то вот она. Возможно,

эта правда малодушия и предательства кого-то и удовлетворит. Но была еще другая историческая правда: и сопротивление, и верность, и идеалы, и эти мужественные дети, погибшие от фашистской пули или живыми сброшенные в шахтный ствол. Вот она, плата за свободу и убеждения.

История эта полна удивительных и уникальных подробностей, которые тем не менее обязательно умрут и рассыплются с годами. Но многие и многие годы предстоит жить мифу о бескорыстной любви к Родине, о противостоянии правды силе. Этот миф о современной молодежи не уступает легенде о царе Леониде и сорока юношах, остановивших врага в Фермопильском ущелье. Там ведь тоже были противостояние и Родина. А может быть, для нашего неверного времени избыточен миф о верности?

Вот все, что я хотел сказать возле нового памятника замечательному русскому писателю Александру Александровичу Фадееву на его родине, почти на краю России, в тревожные для России дни.

12 октября 1991 года, с. Чугуевка, Приморский край.

Теперь вспоминаю две поразительные экскурсии: одна — в Чугуевку, здесь что-то вроде "поминок". Длинные столы, белый хлеб, красная рыба, шурпа, шашлык из свинины, чай с травами, прогулка по реке с Серафимой Николаевной. Мне на конференции понравился ее доклад. Потом, 14-го, я провожал ее к поезду, и мы говорили о Мандельштаме. Она первая, в ответ на мою реплику о том, что после Мандельштама мне хочется прочесть Бродского, сказала, что, наверное, в нем много еврейской поэзии. Я бы сказал, слабый замес русского глухого начала.

Мандельштама мне подарил Леня Быков (Свердловск). Очень я ему за то благодарен, читал несколько дней. Отдельные стихи потрясают. Как всегда, не бегу за модой, но, наконец, Мандельштам ко мне приплыл.

Вторая экскурсия была сегодня. Катер принадлежит университету. Напротив острова Попова ловили рыбу, камбалу, на 20-метровые донки. Но перед этим дивная панорама Владивостока, огромные суда, заставленные ими сплошь берега, высокие на сопках здания, пустынные берега Русского острова — география, самая знаменитая, наяву.

Особо надо бы сказать о милых женщинах из университета, об их стремлении превратить все в радость: тортики, печенье, красная икра, пирог с красной рыбой, морковь с хреном и т.д. Плакать хотелось, как все прекрасно. Не забыть бы их имена, фамилии, лица, глаза.

Дал интервью на радио. Парень — кажется, я знал его еще по

Москве, тянул и выламывал мне руки: плох Фадеев, плохая литература. Сделает какую-нибудь подлянку, так же как и снимавшее телевидение.

22 октября, вторник. Вяло и пусто прошел семинар в институте. В моей душе пустота и безысходность. После семинара встретился с вечно радостным Баранниковым у памятника Пушкину. Чуть ли не шел снег, ветрено, проводил его до Детского мира, вокруг которого самая мерзкая барахолка, и пошел в "Гласность". Отдал статью о Фадееве, но было как-то бедно. Изюмов. Говорили, о Фадееве и о статье в "Курантах" — никакой охраны и никакой блокады в Форосе не было. М.Г. придумал себе "паузу", чтобы ни во что не вмешиваться. Сейчас утверждает, что новый Верховный Совет — это новое Учредительное собрание. Но ведь то Учредительное собрание было выбрано народом. Все довольно мерзко. Видел Мишу Синельникова — маленький, суетливый, — в какую компанию я попал!..

За один день закончился альтернативный съезд писателей РСФСР. Пресса очень доброжелательно его поддержала. В собрание вошли и все русские писатели из союзных республик. Все объяснения от идеологии мерзки и несостоятельны, все ищут лучшей доли.

Вечером у В.С. в газете смотрел какой-то очередной фильм про евреев, их житье в "той России", погромы, судьбу еврейского народа. Хороши отдельные эпизоды, но все это тенденциозно.

31 октября, четверг. Много размышляю о книге — учебнике о писательском мастерстве. На прошлом семинаре говорил о жанре устных выступлений. Разбирал и отрывок "Красивая и молодая" романа Св. Ивановой (со стороны, немолодая женщина, переводчица из АПН. Интересно).

Сегодня был на выставке М. Шагала ("Шагал в России"), русский период. Для создания собственного мифа не нужно много эпитетов, достаточно одной-двух метафор. Ощущение… индивидуальности. Меткие разряды молнии гения. Здесь много можно взять для литературы: два одновременных ракурса, "полеты". Совершенно новые "мертвые души" — но это так сильно, что я, дабы не раздражаться, не досмотрел. С другой стороны, модернизму всегда не хватает мощи безапелляционности, он весь в попутчиках, в "фестончиках".

Накануне, в среду, участвовал в защите дипломных работ. Курс покойного Вл. Амлинского. Вспомнил и Володю, его честолюбие, фанаберию, нахрапистостъ, а курс у него хороший, хорошие ребята, хорошие лица. "Мой" Сережа Долгушин получил "5". Еще деталь: доводил курс Ю. Поляков. Сам он улетел в Америку. Его отзывы на работы как бы сделаны под копирку, но

четки и определенны.

В.С. в Ленинграде. С.П. заболел. Вчера был Женя Луганский, говорили о Вите Симакине. Не принял времени.

26 ноября, вторник. Сегодня в 12 прощались с Ю. Друниной в ЦДЛ. Она, депутат, кончила жизнь самоубийством. Настроение ужасное. Весь день думаю о ней. На даче, в гараже, включила двигатель в машине.

Обсуждали "Свалку" А. Вьюгина. Еще раз против модернизма. Коряво, но хорошо.

2 декабря, понедельник. По поводу повести "Стоящая в дверях" сегодня звонил В.А. Костров. "Это прочтут все, но могут быть свои трудности — внутренние демократы. Вы первый усомнились в том, что для многих со знаком плюс". Повесть лежит также, кроме "Нового мира", в "Современнике" и в "Москве". В "Нашем современнике" Саша Сегень, зав. прозой, прочел в два дня и сказал: в 6-й номер.

27-го пытался улететь в Тюмень читать лекции в университете. Промучился в аэропорту два дня и отказался. Видимо, лучше сначала эти лекции прописать.

3 декабря, вторник. Утром семинар, обсуждали Диму Гнатюка. Как всегда, отбивал его от ребят. Особенно агрессивны Олег и Павел. Рассказ не додержан, но у парня внутренняя сила… Особенно хорош в рассказе мальчик. Как и в любом талантливом произведении, все хочется переделать.

Вечером, в 17.00 ездил в Литинститут на семинар Наума Коржавина. Утром Е. Долматовский, с которым мы первыми начинаем семинары (ему 86 лет, первый выпуск Литинститута Симонов, Алигер и др.) рассказывал о Коржавине, как тот в общежитии дрался и сбрасывал кого-то в окно. Вот она, зависть стариков.

Наум Моисеевич без очков. Много говорил об Америке, о "научности" в создании литературы, формальности. Форма — это некое выделение из хаоса, выявление границ. Событие в искусстве — это стремление к гармонии у человека. Любое стихотворение — поиски этой гармонии. Занятие политикой, экономикой поэтому нечто другое, обратное. На семинаре сидели человек двенадцать. Остальным — неинтересно.

Вечером поздно по "Вестям" был сюжет в защиту телепередачи Невзорова, ее разрешают завтра, 4-го. ТВ показало одну женщину, которая сказала: да что ваше "российское" телевидение — на какую кнопку ни ткни, везде появится еврей.

Писал ли я, что вчера, заезжая за гонораром в СП РСФСР, видел Сашу Проханова? Встретились в коридоре, будто оба приплыли из далекого путешествия.

4 декабря, среда. Был у Е.С. Шальмана, говорили о глупости и легковерности народа и партийной хитрости вождей. Писал рецензию на В. Попова, на его "Флюиды". Думаю о новом романе. В.С. внезапно стало лучше. Кажется, начинает холодать.

8 декабря, воскресенье. В пятницу был в СП СССР, у Афиногенова, он теперь секретарь. Предложил должность секретаря — заниматься организацией съезда. Сказал, что наверняка в процессе назначения обойдут и волю Бакланова и Ананьева. Я его тоже понимаю, людей незанятых, умеющих уговаривать почти нет. Видимо, откажусь — не хватает у меня ни честолюбия, ни наглости сесть на место, которое еще недавно занимали Распутин и Белов.

В пятницу же была пресс-конференция в "Дружбе народов". Все, как было. Интересное выступление киргиза, советника постпредства. Почему сейчас не пишут о киргизском искусстве, не идут в Москве киргизские спектакли? Когда мы одевались, я ответил ему: рынок-с!

Был на даче. Завтра утром улетаю на три дня в Сухуми. Звонил в "Московские вести" — там все плохо.

26 декабря, четверг. Вчера вечером Горбачев подал в отставку и произнес свою речь по ТВ. Смотреть я не стал. Нет человека, которого бы я презирал больше. Я специалист по имитации. Это он, мой герой. Моя мечта — пощечина ему от имени народа.

В среду, 25-го, я произносил речь на вечере, посвященном 90-летию со дня рождения А. Фадеева. Была треть зала в Доме литераторов. Я взял половину своей речи из Владивостока и приклеил к ней новое начало.

"Два года тому назад я стоял на холме. Это был невысокий каменистый холм, сложенный из серого изъеденного плитняка, только приглядевшись к которому можно было увидеть какой-то порядок, а потом и кладку. Как-то дико было думать, что куча щебня — это старые башни, а ямы в щебне — это рвы. Да и сам я, оказывается, стоял на краешке башни. А впереди и внизу виделась долина, которую пересекала река, скорее ручей. Но назовем его потоком. Сверху были видны грядки с помидорами и большие делянки с низким малоазийским хлопком. А еще дальше свободно разворачивало свои серые шелка море. Был виден берег. Было невероятно подумать, что на этом берегу лежали крутобокие корабли ахейцев. Это был Гассарлыкский холм, вскопанный Шлиманом, и это была — если она когда-нибудь и где-нибудь была — легендарная Троя. Это было пространство мифа.

Как ничтожна, оказывается, роскошная эта долина рядом с величием слов. Как малы ее горизонты, как коротки расстояния,

как низок этот холм и как непрочны эти башни. Но велик другой землеустроитель, гениален другой архитектор и вне подражания иной режиссер этого пространства. О, дерзостная конкретность и всеобщность мифа! А рядом с ними, с этими громадами, произведенными нашим божественным воображением, притаилась крошечная фигурка гениального слепого певца. С певцами всегда что-нибудь неблагополучно.

Я недаром говорю о мифе на этом вечере, посвященном 90-летию со дня рождения замечательного писателя послереволюционного периода русской литературы Александра Александровича Фадеева".

Выступали Алексин, Данин, Прут, Островой, Н.И. Дикушина, Долматовский. А может быть, уже и литература закончила свою жизнь в нашей стране?

Вчера, наконец-то, достал лекарства для В.С. Как всегда, в конце декабря я измучился. Все скверно и плохо: пропадают деньги, которые были сложены в банк, жить становится все труднее и сложнее. Позавчера, в воскресенье, кто-то в восемь вечера во дворе разбил лобовое стекло на моей машине. Два дня я мучился, вставляя его. Вчера Татьяна Алексеевна улетела в Париж к Татьяне.

1992

2 января, четверг. Новый год встречали дома. Смотрели ТВ и читали. 2-го ходил на "Щелкунчик" в ГАБТ. Надпись "СССР" на занавеси еще есть. Театр потускнел, нет прежнего лоска. Спектакли тоже идут без блеска.

3 января. Ездил в издательство к Хруцкому. Он вернул мне роман "Казус" — их журнал для романа мал. Но думаю, посоветовался со своими постоянными авторами. Отвозил верстку сборника рассказов Г.С. Костровой. Она рассказала о том, как Володю выставили из журнала. В дни путча 78-летний Залыгин (с ее слов) испугался, даже отъезжал куда-то в ФРГ. Поговорили о возможности Залыгина перешагивать через людей. Отставка была объявлена Кострову, который лежал с язвой в больнице, через секретаршу Валентину Ивановну.

7 января. Весь вечер до глубокой ночи, смотрел прямую трансляцию из Богоявленского храма. Рождество. Сколько торжественных огней и искренних, переживающих рождение Бога и Спасителя, лиц! Но куда-то исчезла моя детская вера. С моими рассуждениями об универсализме веры и необходимости для человечества религиозной идеи. Позавчера в Обнинске начал "Стать писателем?" Пока идет первая глава: описание и технология Литинститута.

9 января. Вчера ходил в Малый театр, "Аз воздам", пьеса С.Кузнецова. Наверное, я об этом напишу. Конфликт высокого уровня театра и непритязательного, конъюнктурного уровня пьесы. А разве предыдущая классическая конъюнктура — "Любовь Яровая" — возникла не на этой сцене? Вчера читал только что купленную книжечку Парандовского "Эрос на Олимпе".

12 января. Воистину, надо писать дневник каждый вечер. Уже через день-два события становятся другой значимости.

Вечером с В.С. и С.П. ходили в Большой. "Тоска" на итальянском языке. Пригласил В. Мальченко. Места были прекрасные. Спектакль стабильный, пели очень хорошо. Мальченко — я впервые Володю вижу на оперной сцене — артист, оказывается, прекрасный. Публика в театре поблекла, меньше интеллигенции, больше интуристов средней руки. К вопросу о нереальности цен: билет 10 ряда партера — 10 рублей, стакан фанты в буфете — 2 рубля 30 коп.

Утром был на митинге. Много слышал едких слов и лозунгов. Много лозунгов антиеврейских.

В пятницу впервые — никому раньше не признавался — смотрел "Турандот" у Вахтангова. За сегодняшним спектаклем я

видел тот, первый, его отблески. Сегодняшние исполнители говорят с интонацией Борисовой и Ланового. Сколько же из этого спектакля возникло! Недаром на сцене 70 лет!

22 января, среда. Вчера — это интересно! — был в 16.30 в Музее В.И. Ленина на собрании в годовщину его смерти. На этот раз получить билет на заседание не было делом престижа, поэтому и был народ самый простой. Естественно, не было ни Горбачева, ни Яковлева, ни Ельцина, которые за свою карьеру много раз имя его упоминали. Не было и Бурбулиса, который заведовал кафедрой научного коммунизма и с этого кормился. Зал был полон, было много простых людей, которые с именем Ленина связывали свою молодость и надежды на заработанную и спокойную старость. Я слышал рассказ одной женщины, которая накануне всю ночь провела на Красной площади. После того, как в 23.00 "Вести" объявили о переносе тела и о захоронении его в Ленинграде на Волковом кладбище, она сорвалась и приехала на Красную. В эту ночь мороз был больше 20°. Апостолы покинули, верны остались только верующие. Многовато было крика, воплей об утраченном, риторики.

Смотрел несколько новых советских фильмов. Очень много школьности, переизбыток формы. С В.С. ходил на просмотровую комиссию. Фильм о Маяковском. Стремление доказать, что он уже никому не нужен.

23 января. На улице купил мороженое "Эскимо". Я обычно не помню цен, но здесь — мороженое! — и вот данные: 28 копеек еще полгода назад, 3 рубля 40 копеек сегодня.

Написал предисловие к книге Амутных. Виталий меня восхищает, дай бог ему социальное зрение — все остальное у него есть. Для завтрашней приемной комиссии отрецензировал Михаила Ершова — серьезное, сильное письмо. Беда русского писателя — он не графоман, ему не пробиться.

Во время конгресса, в перерыв, увидел Алксниса. Стоял в лиловом костюме рядом с двумя одетыми в меха дамами. Подошел к нему: "Товарищ Алкснис?", лицо у него сразу стало напряженным, видимо, привык жить в ожидании каверз и борьбы. Что-то будет. "Позвольте пожать вам руку". Лицо размягчилось, напряжение спало. Рука у него теплая, сильная. Он оказался ростом выше, чем я предполагал.

9 февраля, воскресенье. Днем был на митинге, собралась "Трудовая Москва". Было вдвое больше, нежели в прошлый раз, народа. В речи особенно не вслушивался, но лица были угрюмые и собранные. Людям действительно нечего терять. Сделал списочек — для повести — лозунгов.

Вечером вместе с В.С. был в "Мире" на выставке Ив.

Вологодаря "Гармония-90". Стареющий художник с верной рукой, пишет полотно и больше всего боится, чтобы все не узнали, что у него не стоит философия цитат, сопоставлений, эстетизации и пр.

Долго, до "Библиотеки В.И. Ленина", шли пешком.

15 февраля, суббота. Обнинск. В прошлый понедельник,

10-го днем, раздался звонок: сначала В.И. Гусев, потом В.П. Смирнов — грядут выборы ректора после ухода в министры культуры Е.Ю. Сидорова. Я имел неосторожность согласиться. Поманила меня увлекательность публичной, в частности, педагогической работы. Всю неделю хожу под гнетом этого своего обещания и разворачивающихся за моей спиной событий.

В тот же день Гусев объявил обо мне как о его кандидатуре на каком-то совете. Говорят, приезжал Сидоров, и совещались: Сидоров, Новиков, Киреев — значит, хотят Руслана. Ладно, как вывезет, даст бог, все рассосется, и чаша сия меня минует.

Во вторник был на правлении независимых писателей. Держу свой курс — внутренняя независимость от стаи.

В среду ездил в Егорьевск к Владику. Купил 20 метров пленки для парника. На обратном пути познакомился с местным дьяконом — отцом Георгием (Юрой). Очень душевная идея семейственности. Ему 26 лет, двое детей, живет в Сергиевом Посаде и каждую неделю мотается к семье на неполный день. Огромная дорога! Жалуется — в церкви все, как и в миру.

Видел еще один фильм Годора — "Китаянку". Понравилось очень, хотя, как и в прежней картине, цитаты, разведка социального, спасение культуры и т.д. Художник — всегда анти, всегда левый. Но это не про русскую интеллигенцию — она вечно у кормушки. Написал для "Труда" колонку "Бой цитат" и еще раньше сдал в "Гласность" рецензию "Чужая история не болит" на американский фильм "Молодая Екатерина". Неужели на ощупь я все же готовлю книгу о культуре? Кому она теперь нужна?

В четверг был на Арбате. Все столы завалены "русским": фигурки, шашки. Интересны новые матрешки, одна в одну: Ельцин, Горбачев, Андропов — до совсем крошечного В.И. Ленина.

Сегодня по радио о В.И. распространялась, нагло распоясавшись, Т.Н. Иванова. Редактор и у нее Лева Ярыгин, тот самый, который работал со мною над пьесой о В.И.

О политике не пишу, привыкаю. В "Независимой" статья Руцкого. Интересно, близко, но не верю — это не достоинство личности, а достоинства ловкого журналиста.

18 февраля, вторник. Был семинар. Говорил о Сен-Симоне и "Хаджи-Мурате". Политика и художественность — сплав. Пошел по социологии. Хотим мы или не хотим — держится литература

политикой, социальным, здесь мотор, и уход в башню из слоновой кости — для литературы гроб.

Езда в Переделкино в компании с И.Л. Жизнь определенно ведет меня по кругу. Дача Погодина с огромным кабинетом и маленьким ситцевым занавесом перед домашней сценой, огромное количество фотографий над столом, морозная снежная зима за окном. Я заглянул на террасу, о которой когда-то рассказывала мне тетя Муся, первая жена дяди Шуры, от которой он почти сразу после свадьбы ушел. Кажется, это мать Маргариты? Абажура, который я помню по ее рассказу, на террасе нет. Я все представлял себе по-другому. Но это был первый для меня живой рассказ о писателе, особенно крупном. Помню свои детские сомнения: как же они могли быть так близки с человеком, написавшим "Кремлевские куранты"?.. Кстати, первой пьесой, в которой я потом играл как артист, и были эти самые "Кремлевские куранты".

Отдал заметку в "Труд". Вечером был у Левы и Тани Скворцовых — у них "полотняная" свадьба, 35 лет брака. Ира и Яся очень славно разыграли викторину.

22 февраля. Раннее утро. Записываю основные события двух последних дней. Особенного ничего и не произошло. Кажется, институтом я загнан в угол и вообще загнан в угол своей крайней неуступчивостью.

В четверг утром — в приемной комиссии. Мой "абитуриент" прошел при счете 23–23. Почти всегда я пробиваю, на кого ставлю. Не очень ясная склока с апелляцией между Золотцевым и Б. Романовым. Но ведь эта коллегия, по сути, это единственное место, где можно говорить о литературе. Отчетливо сознаю начавшуюся мышиную возню. 15-го — собрание в Литинституте. Как жить, экономическое состояние. Меня корежит это стремление раздать и распродать побыстрее все.

В 17.00 — презентация "Дружбы народов" в ЦДРИ. Я выступал там, говоря о терроре и бедственном положении культуры. В концерте подробно видел Акопяна и Магомаева — мой, скрываемый, возраст. Парик Магомаева и крашеные волосы Акопяна.

В пятницу был на ТВ. "Книжный двор", который я веду. Примерно около часа меня записывали. Опять то же острое ощущение апелляции к высшему смыслу, не думаю, чтобы я дирекции понравился. В автобусе встретил Валю Демидову, мою редакторшу по передаче "Добрый вечер, Москва". Удивительно — встретил как родную.

13 марта, пятница. Весь мой дневник остановился после того, как ушел в минкультуры Е. Сидоров и меня выдвинули на

должность ректора. Я в странном положении. С одной стороны — зачем я ввязался, а с другой — почему же все отдавать, как В. Новиков?

Ситуация очень занятная. Подлоги, суета, борьба партий. Я нервничаю, но в суете участия не принимаю. Опубликовали мою программу — она, видимо, лучшая, хотя и не без изъянов, я писал ее три дня.

Вчера, 12-го, должны были состояться выборы: их перенесли. Оказывается, не по закону был собран ученый совет. Все продолжается. Чем все кончится, не знаю. Опять думаю: "Минуй меня чаша сия".

Всю неделю писал рецензии на детективы для издательства. Интересного мало, но много на это уходит сил. Ничего не пишу. Не графоман я, писать не люблю.

"Труд" опять опубликовал мою колонку.

Завтра из больницы выходит В.С.

17 марта, вторник. Утром, как всегда, семинар. Уже накануне в институте началась паника: дескать, в преддверии митинга надо отменить во вторник все семинары. Институт, дескать, работает до 3-х. Образ демократическо-истерической паники. Естественно, ни я, ни Е.А. Долматовский семинаров не отменили. Утром он мне жаловался: никто не хочет его печатать. Старика было жалко, когда он рассказывал о радио, которое ему отказывает, о "Лит. газете", которая его не востребует. Правда, через это смутно мерцали рассказы о том, как в свое время Долматовский отказался от своего отца, известного правоведа. Я спросил: "А почему вы не хотите напечататься в "Дне"? — "Ну, там мне не хочется". Это вечное нежелание интеллигенции определиться. Правда, и мне сейчас не очень хочется печататься в "Дне", после некоторых их выпадов и желтизны полемики.

Звонил недавно Мальгину: мне понадобился телефон М.В. Розановой, чтобы пригласить ее в "Книжный двор". Кстати, в воскресенье "Книжный двор" дал мое большое интервью. Проблема все та же: справедливость, литературный счет, мифы. И вот Андрюша отвечает: "А мне нужен телефон твоего приятеля Юр. Прокофьева. Он сменил и закрыл свой телефон". — "Я со своим "приятелем" разговариваю значительно реже, чем ты со своей приятельницей М.В.Р."

На семинаре говорили об Олеге Иващенко. Он читал свое эссе о книгах. Разговор о славе и постмодернизме.

Вечером вместе с Львом Ивановичем и Сергеем Петровичем были на митинге у Манежа. Пришли рано, было интересно наблюдать, как площадь заполнялась. Как милиция была вынуждена перекрыть движение, которое сначала закрывать не

собирались. Огромное количество народа — почти вплотную до Манежа. Жириновский со своего увешанного флагами и единомышленниками грузовика раздавал автографы.

Решение митинга о сборе подписей для отзыва мэра и президента. Необходимые миллионы подписей в нынешней ситуации, конечно, будут собраны. Выступление Лимонова: власть просто так не отдадут, будет и кровь. Выступление Невзорова: вам бы, дорогие соотечественники, надо было собраться здесь 19–23 августа.

Вечером застал на ТВ и "Новости", и "Вести" — везде смешки, и о митинге, об отзыве мэра и президента ни слова.

20 марта, пятница. Продолжается нервотрепка с выборами ректора. По-моему, все силы брошены, чтобы на это место не пустить меня. По крайней мере, вчера собирались И. Виноградов, Т. Бек, С. Чупринин — мои друзья, воодушевленные кастовой неприязнью. Эти же самые непримиримые ноты я начинаю слышать и в голосе Руслана Киреева. Команда, что ли, была дана — не пускать, или это выражение их лояльности и преданности своему лагерю? Самое интересное, что "другой", казалось бы, дружеский, лагерь не явился. Ах, русский человек, в нем всегда неприязнь к ближнему, а еще лучше — к близкому, превосходит общие, а иногда даже собственные интересы. Собираются ли удержаться В. Костров, Н. Старшинов на своих местах при новом, "демократическом" ректоре?

В среду, позавчера, состоялась защита дипломов. Я очень рад, что "отл." получила Лена Обухова (Трифонова). "Отл." получил и Алексей Гайдукасов, драматург — это мой вклад в дружбу с Инной Вишневской. Было чертовски приятно во время защиты читать отзывы, каждый из которых — произведение (как мне кажется) искусства. Это мое старое правило — все делать без халтуры, несуетливо, как художественное произведение.

Сегодня день рождения у В.С. - 55 лет, возраст.

25 марта, среда. Малеевка. Выездное заседание приемной комиссии. Много споров и, как всегда, сшибок по характерам. С большой радостью встречаю своих друзей и товарищей. Много и интересно говорили с Яковом Абр. Козловским и Юрием Кузнецовым. Оба раскрылись и рассказывали массу любопытного.

Юра Пшенкин со своею возней — "подкормкой" своих и мельтешением. Жаль, что не прошел в союз Кобенко — здесь амбиции и обиды наших писателей. Поразительно, что влетел в Союз как переводчик сын Мих. Числова — Игорь Числов. Последнему 27 лет, а мы-то рассматривали дела, которые лежали по 5–6 лет в комиссиях. Мальчику подвалило со всех сторон: и очередь подошла, и контрольный экземпляр из "Молодой

гвардии" подвезли. Все ломаются на детях…?

26 марта, четверг. Как я ни надеялся, оказался все же избранным ректором. Мне кажется, не я победил, а мои соперники проиграли. Писать об этом не хочется, но многое открылось заново: Р. Киреев, В. Новиков, В. Гусев и т.д. С разных сторон, но интересно.

11 апреля. Совершенно не успеваю писать дневник. Жизнь интересная, но холодная и плоская. Занимаюсь деньгами для института, хозяйством, переселением, переговорами с разными людьми и фирмами, французам сдали особняк "Знамени". Шли долгие изматывающие переговоры. Мне кажется, что я с энтузиазмом взялся за институт лишь потому, что это легче, чем каждый день сидеть за письменным столом. Но если я не найду возможности писать — я пропал.

О чем не написал? Об убийстве моего ученика Марсовича, талатливый был парень. О том, как я ходил вчера на спектакль Игоря Сиренко "Отравлена туника" по Гумилеву. Замечательный спектакль с ровной игрой и дивной Наташей Кулинкиной.

Приехал вечером Саша Офицеров из Рязани. Привез мед.

25 апреля. В институте продолжаются бои местного значения. Неудачный штурм гостиницы, которую захватили арендаторы. Разговаривал с Сержем Барковским относительно фонда "Русское слово". Приезжал наследный принц Бельгии Филипп. Высокий, голубоглазый, немного ошарашенный нашей бедностью человек. Жуткая усталость вечером.

25 июня. Вот и лето, я почти всю весну пропадал на службе. На днях видел Эдуарда Лимонова. Загорелый культурист, джинсики, общительность, черная курточка, солдатские ботинки. Показал ему комнату, где умер Платонов. Сразу просьба: сдать ему под квартиру (центр Москвы!) — и приедет ТВ.

22-го в 4.30 ночи не ТВ приехало, а ОМОН. Говорят, есть убитые, но пресса (официальная) тщательно это скрывает. Встретил 24 утром Викт. Кузнецова, с которым когда-то работал на радио, он — депутат Моссовета — подтвердил: убитых побросали, как бревна, в машину и увезли.

Состоялся ученый совет: утвердил письмо в правительство. Союз писателей отказался нас финансировать, если не "перейдем" к государству — погибнем. Все зыбко, фирмы и снимателя крутят, денег нет.

29 июня. Весь день шла аттестация. Много интересного, разные характеры, больные, симулянты и т.д.

30 июня. Рутинный, полный работы день. Вечером Театр им. Е. Симонова играл на нашей сцене водевили. Было, как всегда, интересно. Этот удивительный контраст низкой, домашней сцены

и театрального размашистого действия. Вася Мичков, премьер театра, снова оброс бородой.

Дома известие: умерла Юля. Как там один Валера? Но грех и позор сознается — у меня-то, помочь ему, денег нет: правительство сделало нищим и меня.

Ночью в 01.20 раздался телефонный звонок. Дословно: "Это Есин Сергей? Новый ректор…" — "Да". — "Мы здесь к вам скоро приедем с арендой Светланы Николаевны". Шантаж? Угроза? Какая-то игра Гафурова, который упрашивал вчера заключить договор на гостиницу с американцами! Голос молодой, вежливый, отчетливый, без акцента. Почему выбрано это время? Закончилась работа в ресторане и освободились номера и исчезли свидетели? Любитель позвонил, выйдя из метро? Все это продолжение криминальной ситуации с Морозовой. У нее уже были визиты к Пулатову и к Гафурову. На меня нажимают и жмут. Уступить я не могу: институт погибнет.

Заснул со снотворным.

1 июля. С прошлой записи дистанция — не было и секунды, чтобы написать страницу. Все это напоминает прежнюю юношескую работу на радио. Сердце болит за институт: как там пойдет дело дальше? Из событий: вышла "Стоящая в дверях" — начал публиковаться и я, в "Московском вестнике" идет "Казус". Школа быстрого реагирования — Наташа Иванова — в "Столице" уже написала заметочку, отметили и "Московские новости": насмеялся над демократией.

13 июля, понедельник. События последних дней. В ночь со среды на четверг в 20.45 раздался звонок в дверь. К счастью, я открыл дверь, заблокировав ее цепочкой. Два кавказских лица. Я ясно все разглядел, потому что на лестничной клетке света не было, а в прихожей горела лампа. Даже вполне четко могу сказать, что при всей моей плохой памяти на лица я одного узнал: парень, который сидел у меня в кабинете в день смены охраны по гостинице. Они рвались в комнату, я сумел отжать их, и спасла здесь задвижка, сделанная в свое время Витей Симакиным. Я сразу же вызвал милицию, которая через несколько минут появилась. Одним словом, *этот* инцидент оказался исчерпан.

14 июля, вторник. Звонил в 114 о/м (930-26-04) Вадиму Викт., рассказал о "звонке". Он попросил позвонить Анат. Анатольевичу (930-62-52). Последний сказал, что уходит в отпуск и просит позвонить Вадиму Викторовичу. Это милиция.

Звонили из ГБ — некто Рукавишников Валерий Анатольевич.

Итак, пожар. В это время я дневника не вел. Теперь впечатываю, так сказать, изложение событий по моей книге

"Сезон засолки огурцов".

Летом 1992 года о нем достаточно подробно писала пресса. От "Независимой", "Труда" и "Коммерсанта", поместившего материал под рубрикой "Терроризм в культуре", до "Дня" и "Литературной России".

Здесь высказывались и причины пожара, одна из них такая — "кавказцы мстят писателю" (подразумевались одновременно и моя повесть "Стоящая в дверях", и "гостиничное дело"). Моя личная версия, не доказанная, но построенная на убеждении, что это, конечно, месть за гостиницу. Именно в тот момент, когда она уже ушла из моих рук, когда и со мною делать что-либо было бессмысленно, потому что, отдав гостиницу вместе со всеми юридическими правами на нее и претензиями третьих лиц, я оказался вне досягаемости.

Вкратце, дело было так. В девять вечера ко мне домой позвонили, и через дверную цепочку я, кажется, узнал одного из чернобородых молодцов. Но я сумел захлопнуть дверь и запереть ее на замок. Приехала по моему вызову милиция (114 о/м), потом уехала, предложила звонить. Через час по телефону позвонили мне, а не я: вы с нами невежливо обошлись, берегитесь! Я выпил одно снотворное, потом другое, а в половине четвертого квартира запылала, от двери, под которую налили бензин или керосин — так установила экспертиза. По-летнему открытые настежь окна создавали огромную тягу. Это была не квартира, а домна. С.П., в эту ночь "сторживший" меня, вытащил меня по карнизу на соседский балкон, откуда уже нас снимала пожарная лестница. Ректор в трусах! Если бы прогорела дверь в последнюю комнату — мы бы пропали. Хорошо, что жена была в подмосковном санатории, в Малеевке. Я не смог бы ничего сделать, а занимался бы только ею. Было не страшно. Пожарные, когда не могли открыть дверь из-за рухнувших в прихожей полок, были в полной уверенности, что поперек двери, мешая движению, лежат трупы. Человек пытается выскользнуть из огненной ловушки и погибает. Страшно стало потом, через несколько недель. Тогда я шутил: "Вульгарно, когда на похоронах труп ректора пахнет шашлыком". Или: "Недоубив, каквказцы похитили у меня посмертную славу". Все это грустно и вульгарно.

Через пару месяцев пришло распоряжение правительства — институт стал государственным и получил свой бюджет.

Это был поджог?

Загорелась квартира ректора Литературного института имени Горького на улице Строителей. Огонь поглотил домашнее

имущество, часть книг и икон, находящихся в коридоре. По предварительным данным, причина пожара — поджог.

Ю. Татаринов, "Вечерняя Москва". 08.07.92.

* * *

В начале пятого утра в квартире ректора Литературного института запылала прихожая.

После ликвидации очага возгорания пожарные выяснили, что ректору несколько раз угрожали по телефону. Большого ущерба квартире не нанесено — обгорело несколько старых книг.

"Московская правда", 09.07.92.

Кавказцы мстят писателю Есину?

Вчера на рассвете в квартире известного писателя, ректора Литературного института им. Горького Сергея Есина произошел пожар. К приезду пожарных на улицу Строителей огнем был охвачен весь коридор. Здесь сгорело почти все, в том числе книги и несколько ценных икон (одна из них семнадцатого века). Комнаты удалось отстоять.

Пожарные считают, что причиной загорания стал поджог. По словам хозяина, последнее время ему несколько раз угрожали по телефону, а накануне пожара в квартиру пытались проникнуть несколько горячих кавказцев. Ну, а ночью, видно, кто-то облил дверь горючей жидкостью и поднес спичку…

"Московский комсомолец", 09.07.92.

Сгорели иконы

У ректора Литературного института им. Горького С. Есина сгорело семь икон, одна из которых была XVII века. Пожар начался в коридоре его трехкомнатной квартиры и благодаря быстрым действиям пожарных дальше не распространился. У члена Союза писателей также обгорели книги из его личной библиотеки.

По словам потерпевшего, ему кто-то звонил и набивался в гости. Следователи не исключают возможности поджога, хотя возможно, что причина пожара — короткое замыкание в электрощитке.

"Независимая газета", 09.07.92.

15 июля. Был у Ю.В. Бондарева и подписал письма о выходе института из-под руки СП РСФСР и переходе под эгиду Министерства высшего образования. Звонил Ю.В. Лавлинский по аренде этажа для "Литобозрения". Сюжет с дочкой певца Ворошило и Аллой Пароятниковой. Больше не пишу длинно.

Долго говорил с Макавеевым — опять новые идеи. В.С. сидит с утра и до вечера на кинофестивале.

17 июля, пятница. Сегодня вручение дипломов (заочники). Утром обдумывал речь. Итоги — только этика. Вечером еду на ТВ — "Книжный двор".

Вчера утром был на совете директоров ТК "Останкино". Знакомые места. Многих из прежних начальников я уже не узнаю: лица покойников. Коротко высказался; главная мысль: существуют две литературы — литература текстов и литература комментариев. На ТВ сейчас преобладает литература комментариев. Обнялись, как старые соратники, с Сагалаевым.

Самое поразительное: я присутствовал при десанте ОМОНа. Когда в одиннадцать я вышел, то грузовичок, с которого звучали песни ("Комсомольцы, беспокойные сердца"), уже отбуксировали. Площадка у ТВ была пуста, но у башни виднелся плотный ряд милиции в белых касках. Строй направлялся от 18 подъезда на другую сторону. А напротив них шли человек 100–150 демонстрантов. Я пошел по тротуару к метро. Справа на взгорке — знамена и лозунги, а налево — строй откормленных молодцов. И тут я засмеялся: удивительный контраст омоновской мощи и кучки людей.

28 июля. Сидел на собеседовании для переводчиков. Мне все больше и больше нравится Голышев. Он дал полабзаца текста из рассказа Уильямса "Проклятье". Первые строки — развернутая метафора. Теперь абитуриенты ее разгадывают.

В тот же день была консультация по этюду. Проводили ее вместе с Г.И. Седых.

31 июля. Писали этюд. Вот какие были предложены темы. Мы их после консультации выбрали с зав. кафедрой из списка, предложенного мастерами:

1. "Иду по коридору, а навстречу — Платонов с Булгаковым".
2. "Пьяная крыса утром на кухне".
3. "Печорин в коммунальной квартире".
4. "Обломов как бизнесмен".
5. "Участвовал бы я в разгроме памятников былой истории России?"

6. "Жажда слова".

1 августа. Был на изложении. Писали Паустовского. Милый, знакомый с детства отрывок про знаки препинания и героя-корректора, который "выправил" текст. За время экзамена прочел этюды семинара А.Е. Рекемчука.

3 августа, понедельник. Утром пришла "личная" охрана. Это каким-то образом на месяц договорились мои помощники. На работу в метро я ехал в окружении четверых молодых людей. Два охранника и двое проверяющих. Лица очень занятные. Особенно один — Сережа, высокий, хрупкий мальчик, напоминающий профессорского сына.

Вечером ночевать приедет другой мальчик — с собачкой. Сегодня звонил в Комитет по высшей школе. Госкомимущество не дает никакого ответа, и следовательно, наш вопрос не решается о передаче Литинститута в ведомство высшего образования, на все старания бывшего Союза писателей наложен как бы арест. Буду снова писать письмо Гайдару. Боже мой, что за власть, которая ничего не может!

4 августа, вторник. Вечер вчера провел с охраной: два Сережи. Один — высокий, стройный, с походкой балетного танцора, летит, а не ходит. Второй — маленький, шустрый. Сегодня Володя — белокурый, в розовой рубашке. Ночь в квартире провел с охранником Павлом и его огромной кавказской овчаркой. Рассказы Павла о собаках.

13 октября, вторник. Утром состоялся семинар — обсуждали Володю Кузнецова — он сделал фантастическое движение вперед. Ребята хорошо и умно говорили; Эдлис, который было взбрыкнул, вернулся в институт. Женский характер.

Вечером был в бассейне. Договорились с Земсковой о новой передаче.

Последнее время читал Амальрика — мне интересен ход его мыслей, и Копелева — сдержанное еврейство и гордыня.

14 октября, среда. Утром индивидуальная консультация с Кузнецовым. Утром же был в Библиотеке им. Ленина. Сюжет для следующего "Книжного двора". Какая прелесть — Музей книги! Как мы не любопытны, сколько изумительных вещей показали нам девушки.

Вечером звонок от Арсения Ларионова. Он "выбил" себе директорское место в "Совписе". Во вторник, в 15.00 в бывшем большом СП — дело института. Естественно, это наводка Сорокина. О падлы! Вечером смотрели фильм "Кикс" — актеры и убийство, все довольно плоско.

Дни проходят, писать не начал. Нужен новый слом в судьбе.

15 октября, четверг. Утром консультация Вл. Кузнецову. Слушал Куницына — интересно, но 5-й курс на него не ходит. Рассказывал о вере и религиозном сознании. Перекрутился он, конечно, быстровато. Еще немножко он стесняется громить коммунистов, но инерция слова к этому его подводит.

Вечером у нас в гостях была Наташа Бастина, рассказывала о Латвии. Зачем и кому все это нужно? Разорвали народ.

Читаю Меня, "Православное богослужение". Не мое.

16 октября, пятница. 9 часов — консультация с Кузнецовым. Ездил в общежитие — дикая грязь в душе и туалете, чудовищные кухни. Встречался в 14 часов со студентами 4-го и 3-го курсов, заочники.

Цены на билеты до Кельна повысились. Визу на паспорт мне сделали, из экономии почти решил ехать на машине. Рискну.

Вечером был на выставке Кириллова — русские, царские мотивы. Особенно хороши "Сокольники" и "Рында". Наш русский родной тип в тех рязанских декорациях.

17 октября, суббота. Ездил на дачу. Читал своего ученика Могилевского с его еврейством. Долго размышлял о коммерческих структурах — психика трещит.

19 октября, понедельник. 5.30. Сомнительное наслаждение просыпаться в четыре от дум об институте. События: в пятницу на позапрошлой неделе стало известно, что Гайдар подписал решение о передаче института Госкомобразованию, но здесь еще много неясного. Вечером уехал с В.С. на пароходе "Лев Толстой" — акция "Возрождение", плавно переходящая в Верещагинские дни.

Тот же, непостаревший пароход, что и шесть лет назад. Смена номенклатуры, но кормят лучше. Панченко, Л. Бородин, С. Селиванова, А. Симонов, Пахмутова, Лановой, Мальгин (последние на "Глебе Кржижановском"), князь Алексей Николаевич Оболенский. В пятницу же, через неделю, вернулись, ездили на дачу.

Все учусь. Но грех любопытства — тоже грех. Надо быть аскетичнее. Решил в Ирландию по обмену самому не ехать.

В институт пришли первые бумаги о переходе: решение правительства — закон. Переходим на контрактную систему. Все тихо.

Как всегда, не занимаюсь своими собственными делами.

5 ноября, четверг. Не пишу, восстанавливаю по памяти среду. Читал В. Розанова. Удивительная форма и удивительное вечное напряжение духа. Похоже, это я уже потерял, и теперь вопрос — найду ли.

Вечером был у Мальгина. Интересный разговор о поколении

(Евтушенко), о власти и предательстве ("перемене шкурок"). Он дал мне с собой кассету своей беседы с К. и подарил "Дядю Ваню" — альманах, который был у меня в единственном экземпляре и который я подарил Татьяне. Забегая вперед, должен признаться, что ничего так не роднит меня с их, Андрея, поколением, как эта брезгливость к власти. От шестидесятников же (я выбиваю это из себя) бытовое к ней подобострастие.

Дома удивительный сюрприз: в "Известиях" статья Василия Литвинова о мемуарах — в том числе пассаж обо мне ("В родном жанре"). Вклеиваю фрагмент, касающийся меня. Интересен, конечно, и автор: Вас. Матвеевич — бывший служащий "Нового мира", ненавидящий меня после моих публикаций в "Октябре", с его книгами о Шолохове и Островском.

6 ноября, пятница. Утром — на научной конференции, посвященной Октябрьской революции. Выступающие: Лужков, Попов, Волкогонов, Абалкин. Очень интересен был Абалкин: серединно, объективно. Но Волкогонов — какое разрушение личности, какая старая, плохо думающая и размышляющая дешевка!

Вечером — на торжественном заседании в Мраморном зале Моссовета. Вел Гончар. У меня была написана речь. Досказать мне ее не дали. В общем-то, это анализ ленинской статьи "Удержат ли большевики государственную власть?". Никогда еще я не читал с более удобной трибуны. Дневная подсветочка изнутри. И все время думал: дадут договорить или нет? На третьей странице, правда, когда начались выкрики про флаг, уходы из зала, появление уже с флагом СССР выживших из ума старух, я подумал — надо уходить. Первый выкрик: "Знаете ли вы, в каком зале говорите?". Я не стал спорить, ушел с трибуны и был спокоен и счастлив.

7 декабря, понедельник. Кельн. Вылетел с Н.А. Красиковым к Казаку. Машину отменили, билет оплатили немцы. Визит в институт славистики. Немцы очень заинтересованы в контактах с Литинститутом. В 16.00. беседа с ректором университета Кенигом. Филологические вопросы. Постепенное размагничивание Казака. Я с ним встречался раньше на "Книжном дворе". Еще по Москве я догадался: у меня соответствующая, организованная мне демократами репутация. Задача: сначала разрушить эту репутацию и утвердить себя. В 17.00 встреча в институте. Казак задавал мне вопросы. Все они заражены дешевым антируссизмом (антисоветизмом), начал цепляться, получил по сусалам… Вопрос об общественных науках и госпрограммах. Эти вопросы он привез еще из Москвы от своих знакомых. Я отбился и взял инициативу в свои руки.

Живем в крошечном отеле "Вэбер", в номере две кровати, умывальник и ширма, за которой душ.

Предыдущие события:

а) Телевизионная передача "Букеровская премия". Позвали меня вести Останкинскую студию — Потапов, Н.Иванова, Белявская, Архангельский, Немзер. Я провел ее, по-моему, неплохо. В четверг ее показали по ТВ. Меня вырезали. Отказался от дальнейшего сотрудничества.

б) Визит в институт приехавшего в Москву Казака. Встреча со студентами. Его словарь, чаепитие в деканате.

8 декабря. Утром гуляли по городу Кельну с Настей Буцко — прелестная девочка, много и интересно рассказывающая. Отвела нас в студенческую столовую. Это меня потрясло: огромный пищевой комбинат, чисто, быстро, вкусно, много. Дали огромный поднос с горой мяса, макарон, мисочкой супа и йогуртом. Город не произвел на меня никакого впечатления — обычное гнездовье людей. Все обычно и традиционно. Но на этот раз вдруг выплыл из-за домов и лавок, в тумане, собор.

В обед ходили на встречу с Паулихом — занимается связями. Это иностранный отдел. Подарил пряники и пепельницу. Пригласили его в Москву. После обеда были еще и у проректора по науке. Очень сложна система управления университетом: сенат, конвент, ректор, проректор. Ректор — на два года. Уже выбранный ректор тихо и скромно ждет, когда действующий освободит ему место. Прекрасно переводила Маша Зоркая.

Вечером был в продмаге — самом дешевом.

9 декабря. В гостях у Франка Гоблера и его жены Барбары. Хорошо кормили, и было интересно. Чистота, немецкий порядок. Говорили о литературе, о Казаке и Копелеве. Их споры — редактура Копелевым "Всемирного словаря литературы" Казака.

10 декабря, четверг. Утром купил зарядное устройство у некоего Расула. Беглец. Закончил Лейпцигскую академию, сидел в тюрьме в Кабуле, дал взятку, через Чехословакию выехал в Германию.

Возникло предощущение второй главы: избран ректором и — до Кельна.

Коля Красиков в Кельне. Интересный, предельно направленный на себя характер.

Вечером был потрясен музеем. Огромные залы с посудой, памятниками, предметами культуры. Гигантская мозаика — Дионис и пантера.

11 декабря, пятница. В Высшей профессиональной школе, двухчасовая беседа об образовании в Германии. Оно бесплатно, но… надо платить и платить. Учатся по многу лет. Нам это пока

не подходит.

Купил В.С. за 300 марок кожаную юбку и был в Музее Людвига Бетховена.

Молодец Микаэла, студентка Казака, мне многое сейчас ясно: любит это искусство и понимает не как шедевр, а состояние духа.

По улице проходили сахарные фигуры — белые ряженые с поразительными лицами. Все время на торговой улице играет в ситцевой рубахе наш русачок с потрепанным, лживо бодрым и старым лицом. От того оно еще отвратительнее. Стоило ли ради этого бросать родину?

Вечером были в гостях у фрау Вибе. Хороший, не немецкий стол, хороший разговор.

12 декабря, суббота. Гулял утром. Дом, набережная Рейна, Вокзал. В 15.00 заехал Франк, и ездили в Мух к Казаку. Коля "осел" от дома и роскоши. Был прекрасный торт и кофе. Поговорили, побранились, уехали. Вечером снова на часик выходил в город.

Начал писать главу о выборах. Главное, делать это каждый день. Путаюсь в подробностях, выдумках жизни. Слишком много раздал интервью. Писал? Думал? Говорил?

13 декабря, воскресенье. Утром были в православной церкви: водила Настя Буцко… В золотистой коробочке-шкурке крошечная церквушечка. Пели и служили на немецком языке. Сама служба — в готической часовне. Я даже заплакал.

С Володей (сын Маши Зоркой) и Настей ходили по городу к руинам. Скорбящие родители. Собор, разрушенный, как в Ковентри, законсервированные развалины. Старики, обрубленное пролетарское искусство. В соборе видели "Летящего ангела" Бухара. Может быть, это самое сильное у меня впечатление от Германии.

Вечером долго сидели у Маши дома, кормила она гороховым супом и сосисками. Спасибо ей. Добра и умна. Пошел через весь город в отель пешком.

Вечером же прочел статью Марка Захарова о символах — будто съел лягушку. Всю ночь не спал, терзался, боялся, мучился. Приготовился писать ответ. Вечером с Н.А. выпили — и зря.

14 декабря, понедельник. Утром гуляли по Кельну. Собор выскальзывает из-за домов, как привидение на свадьбе.

22 декабря, вторник. В 16.00 в институте начался бал куртуазных маньеристов. Тусовка, которая войдет в институтские легенды. Стол, на нем шампанское и ананас. Во фраках и сюртуках: Добрынин, Пеленягрэ, Степанцов. Ведет Севастьянов. В 18.00 в столовой началась грандиозная гулянка — танцы под оркестр. Институту это обошлось в 20 тысяч. Я несколько раз

вырубал свет и прятал в столовой ножи. Отчаянно плясал. И.С. - моя студентка — была в высоких ботфортах и стилизованном под охотничий камзол платье с жемчугами. Коричневая шляпа с пером.

30 декабря. Вечером в Кремле на банкете Моссовета. Никогда раньше я не видел такого здесь стола. Фаршированный судак. Шампанское, водка (столичная и лимонная), коньяк, вино. По залу ходил Игорь Бугаев. Столько свободных мест, а мне дали всего 20 билетов на деятелей искусства. Пятьдесят человек могли бы накормить! С речью после Лужкова обратился Патриарх. Меня удивило, что перед Рождеством он не осмелился благословить присутствующих: не русское сборище.

1993

19 января, вторник. Стал просыпаться поздно, мало бегаю. После бассейна бегал с трудом и долго восстанавливаюсь, болят ноги, ступни. Наконец-то появился тираж "Московского вестника". Здесь у меня новый роман. Это, конечно, поступок В. Гусева. Вот оно, русское слово и русское действие. В институте постепенно подтягиваю вожжи. Перевод института на другие рельсы — это очень тяжело.

Из последних вещей, которые меня тронули, — маленькая заметочка из "Столицы" в статье С. Чупринина. С этого кусочка сниму ксерокс и прикреплю к дневнику. Откуда этот склочный тон, эта фантастическая уверенность в своем лагере? Чудовищно! Надо бы написать статью, но на эту гадость не хочется тратить время. Мне нравится, какое специфическое у Сергея зрение. И в это же самое время преподает у меня в институте. Просит от меня определенной помощи. И так же Таня Бек — мы с ней дружески гуляем по садику, а она что-либо бабахает в изустной демократической прессе.

Весь вечер смотрел вручение премий в Московском доме кинематографистов. Я не видел ни одного фильма, но безошибочно, не по фамилиям, а из трех номинантов определял победителя-конъюнктура. Было очень много сального, ниже пояса, юмора, так любимого новой публикой.

Ездил в общежитие — там стало чище.

21 января, четверг. Был на балете в ГАБТе — возобновление "Русских сезонов". Особенно понравилась "Шахерезада". Но все это лишь воспоминания. Мы слишком много уделяли внимания музыке Стравинского. Днем был в министерстве. Секретарша по телевидению узнала меня.

22 января. Весь день хозяйственные дела. Вечером ходил в Театр современной драматургии на Трубной. Зал с его глубокой лепниной, зеркалами и всей роскошью, которая столько лет была заперта от публики. Играли Филозов, Коган и Полищук — все это прелестно (репетиции, правда, были с Гурченко, крутили по ТВ), но со второго акта ушел — действие не взрывается. Типичный постмодернизм — и в музыке, и в танцах, огромное количество цитат, поисков. Но, кажется, ставили Чехова.

Вечером приехал Ю.М. со своим приятелем Лешей. Хорошо посидели и вкусно поели. Ю.М., как всегда, искусен.

25 января, понедельник. Ю.М. Копылов, наконец-то, перевез из Электростали в Москву гараж Валерию в обмен на машину. Современные действия.

Прошедшие субботу и воскресенье работал: пишу повесть, воспоминания. Начинал еще до выборов, теперь изменился ракурс.

Сегодня умер Е.М. Винокуров. Похороны в четверг.

Прочел во втором номере "Знамени" мемуары Чуковского. Поразительно интересна его самопровокация (чувствуется по тексту) любви к вождю, описание Сталина на съезде, его обмен восторгами по этому поводу с Пастернаком. Сделал много выписок. Прочел статью Р. Киреева. Вечный титулярный советник, Руслан, этот старый большевик-примерник, двинулся в общем направлении: поиски большевистского разрушительного зла в русском народе. Но разве Иисус Христос, говоря о разрушении храма, не имел в виду разрушение мира во имя будущего? Будущее всегда требует разрушения и перестройки. Нищета обиды богатых. Мысли Маркса о прибавочной стоимости и присвоении безукоризненно точны и с точки зрения христианства.

Сегодня с кафедры Гусева украли пальто у корейца. С 16.00 до 21.00 — заседание кафедры у Ковского. Долгие препирательства с Чудаковой: хочет "выбить" себе эксклюзив на один семестр — полусвободное посещение.

28 января, четверг. Утром в общежитии давал интервью передаче "Добрый вечер, Москва". Фирма "Русская коллекция", которая снимала у нас подвал, уезжая, выломала все выключатели и решетки. Варварство! Об этом!

В 12.30 приехал на Донское, в крематорий. Похороны Винокурова. Я приготовил речь с первой фразой о том, что смерть поэта приближает нас, смертных, к бездне. Все раннее утро, в постели, просматривал трехтомник Винокурова, который он мне подарил осенью. Слово мне не дали, оттеснили. Все это стало выглядеть как ритуальное действие: Ваншенкин, Рассадин. Руководил, подвергая выступавших селекции, Вл. Савельев. Политика и смерть. Рассадин позволил себе анализ речей предыдущих ораторов и т.д.

Днем ученый совет. Попытка кражи книжной полки из общежития Витей Куллэ. Полки как "доказательство" у меня в кабинете. Полки пытались вынести через окно, завернув в одеяло. Зачем, Витя?

Вечером был в "Москве" — премия мэрии Москвы Л. Бородину. Проханов, Куняев, Распутин, Белов, Кожинов, Ирина Архипова. В кабинете главного старинная мебель, много бутылок, но мало пили. Кожинов чудесно пел романсы.

Я получил годовую премию "Нашего современника" за повесть "Стоящая в дверях".

29 января, пятница. Занимался землей под институт. Пишу и составляю бумаги. Распоряжения и указы правительства постоянно создают новую заботу и головную боль. Деканат: итоги сессии, увольнения, досдачи и т.д. Все распустились, и все расклеилось. Мелодия о либеральном институте произрастает. Выяснилось, что некому везти итальянок в аэропорт: надо покупать автобус.

Вечером ходил в Дом кино на фильм "В осаде" — триллер о захвате военного корабля. Не интересно. Дом кино был в полном составе. Ну, я-то, глупый и совсем не кумир зрителя, но как все умные люди смотрят? Встретил А. Мкртчяна. Он рассказал о методике вытеснения в свое время "Имитатора" с "Мосфильма": в объединении нужно было освободить место для Швейцера. Опять, по словам осмелевшего Мкртчяна, еврейская проблема.

30 января, суббота. Перевозили С.П. с квартиры на квартиру в Видном. Вот это удача. Были Крапивин, Саша, Валя, Игорь. Скрутили и подняли все быстро.

Вечером вчера смотрел "Аморальные истории" — далеко не все мне нравится. Секс в кружевах. Интересно, что молодежь, особенно пары, уходят почти с начала фильма — тайное стыдливое чувство.

Вчера шел "Книжный двор". Объективно это интересно; кроме меня — Чудакова, Мажейко, Войнович и книгоиздатели. Телевидение — это доверие к героям, их свободное видение. Попозже прошел в передаче "Добрый вечер, Москва" мой сюжет об институтском общежитии: арендаторы изуродовали помещение, из которого выехали.

18 февраля, четверг. Вернулся накануне в Москву. Был звонок в мое отсутствие Макавеева — я перезванивал. Страшит меня и отсутствие миллиона, который пообещал институту Гончар. Все остальное нормально. Был на семинаре с Тимуром Кибировым. Поток предметов и подобранных ассоциаций.

19 февраля, пятница. Заседание кафедры стилистики, посвященное Ушакову, составителю и редактору знаменитого словаря. Были его сестра и внук. Вот настоящая жизнь! Хорошо, что это еще в институте происходит. Купили ксерокс.

Вечером читал специальное дело ученого совета — придется переписывать в моей новой книге многое. Какая была против меня злоба!

28 февраля, воскресенье. Утром писали для ТВ "Салон у Глезера". Глезер — он, кстати, недавно крестился, — Рейн, Сапгир, Евг. Попов. Все же одна, к сожалению, эстетика, и хотят они всю новую литературу распределить между собой. Приехал еще Вик. Ерофеев. Сняли все, как надо, кормили блинами с

селедкой и маслом. Глезер заводит здесь огромное дело с типографией и своим рынком. За столом его жена Наташа сказала, что "Стрелец", альманах Глезера, надо расширять: новые авторы и т.д. "Никто этого не хочет". А всю другую литературу вокруг закрыть.

Накануне ездил на дачу. Еще не разграбили. Но в этом году на дачу никто не ездит. Билет 12 рублей в один конец. С 1 марта цена будет поднята в три раза.

9 марта. Записал для ТВ "Книжный двор" в СТД. Старые знакомые Сережа Никулин и Лаврик. Как всегда, Татьяна оттесняла меня, не давая говорить. Мука и раздражение невысказанного слова самые сильные. Все это, конечно, было интересно, но как умничали, тянули одеяло на себя Леонов, Ульянов и Покровский. Как теперь заговаривали о совести, а сколько помогли сделать безусловно разрушительных поступков. Они все умны и знают, что и как прочувствованно надо говорить.

20 марта, суббота. День рождения у В.С. Прошло, как обычно, с некоторым временным зазором и обычным меню. Все, как всегда, делали сами. С.П. варил плов. Были Скворцовы, подарившие дивные гиацинты белого цвета, Костровы и Ира с Аллой. Были еще Леша Офицеров и Таня, беременная на девятом месяце.

В 21.30 внезапно выступил Ельцин. Как всегда, злобное лицо и требование особого положения. Все очень напомнило август. Во имя себя под нож вся страна. Воистину обкомовская психология.

21 марта. В 16.00 заседание Парламента. Было горько и увлекательно следить за перипетиями проигранной борьбы. Мне кажется, народ все же не понимает, что происходит. С исчезновением последних социальных начал надеяться ему будет не на что.

В институте перечитывал роман Чернобровкина, завтра буду писать отзыв.

25 марта. Состоялся ученый совет. Отчитывался за год. Сделано оказалось много. Представлен также Устав института. Первое обсуждение прошло довольно бурно. Очень хорош был Хват (Сережа Запорожец) в роли буфетчика. Как всегда, "выговаривался" В.П. Смирнов.

В тот же вечер уехал в Нижний на Горьковские чтения.

26 марта, пятница. Поселился в "России", где жил в юности, когда привозил выставку "Советская Россия". Те же номера с полуудобствами. Постепенно узнавал гостиницу по панно на лестнице. Ничего не изменилось. Утром ушел в гости к Симакину. Написал речь, которую и сказал вечером в театре.

НА ГОРЬКОВСКИХ ЧТЕНИЯХ

Есть удивительный смысл в утренней, с поезда, прогулке по городу. Здесь разворачиваются прекрасные и новые картины, узнаются и расшифровываются духовные и исторические приоритеты. Все внове. А каждое историческое место будоражит воображение и заставляет биться сердце. Козьма Минин, Владимир Ленин, Тарас Шевченко, Николай Добролюбов. Бывший город Горький — "под городом Горьким, где ясные зорьки…?" — великий Нижний Новгород.

Есть что-то неловкое, этически уклончивое в водружении новых памятников на старые, еще в царских вензелях пьедесталы, но есть что-то кощунственное и в переименовании городов, когда бы и во имя чего оно ни совершалось. Истинные ценности не требуют административных украшений. Но административные решения могут вызывать интеллектуальную и этическую сутолоку. К счастью, история обладает чувством эха. Она, как собака, выбирающаяся на берег из пруда, стряхивает со своей шкуры лишнюю воду. Но лучше не тревожить великих могил. Горький заслуживает города, но и древний Нижний заслуживает своей исторической величальной песни. Но я, собственно, о другом.

Есть несколько мнений, почему сегодня, когда каждому порой дело только до себя, такая большая группа ученых, деятелей культуры, общественных деятелей собралась здесь, в Нижнем, на Горьковских чтениях, посвященных 125-летию со дня рождения писателя. Одна из версий такова: последняя тризна, последнее прощание с тенью надутого государством классика соцреализма. Классика, который, кстати, никогда по этим законам, выдуманным не им, сам не писал. Потому что по законам пишут ремесленные, самоспровоцированные поделки, а литература — беззаконна.

Думаю, нас сдернуло со своих мест стремление сказать невеждам и литературно-политическим конъюнктурщикам, всей вдруг шарахнувшейся массе невдумчивого читателя и полузнающего школьного литературоведения громкое: осторожнее! Мы ведь имеем дело с мировым классиком, с гордостью нашего русского духа. Мы имеем дело с очень большим деревом, на котором были и ложные побеги, и сухие сучья.

Почему такая политическая сутолока возникла вокруг этого имени? Я не буду повествовать о вехах этой выдающейся жизни. В 34 года быть выдвинутым в академики — и не пройти благодаря личному вмешательству царя. Стать первым защитником рабочих

людей, а они, кстати, есть у нас до сих пор — и спасти от смерти и истребления в революции одного из великих князей, о чем так увлекательно в своей книжке рассказала Нина Берберова. Он ведь первым заступился и за Шостаковича, о чем рассказало недавно опубликованное письмо Горького Сталину. Я держал в руках это письмо.

Но он, так любивший обманываться, иногда и обманывался. Однако обманулся ведь, исследуя нашу социалистическую действительность, и знаменитый Фейхтвангер. А у Фейхтвангера была возможность в любой момент уехать. Фейхтвангер в гостях! О, это нездоровое чувство близкой охотничьей мишени!

Прагматичный XX век разделил уже все: континенты, влияние на народы, национальные богатства, нефть и жвачку, атомное оружие и подлость. Не разделенной окончательно осталась лишь мировая литературная слава. Заметим это. Вот почему, и даже не в угоду новым значительным, появившимся в последнее время именам, а к выгоде прихлебателей и подпевал, отвоевывающих себе пространство для гнусного комментирования, подтачиваются и дискредитируются имена Шолохова и Горького. Но разве кто-либо, кроме политического деятеля, может снискать себе славу отрицанием? Слава такого рода остывает вместе с запахом свежих газет.

Оставим и писателю, и человеку право на ошибку.

Существует много версий о смерти Горького. Этот беспощадный наблюдатель жизни в быту тоже обладал лисьими повадками и, не будучи в состоянии действовать, умел выжидать. Эта версия через одного из крупнейших работников бывшего Агитпропа пришла ко мне от человека тоже из ЦК, но из отдела культуры, без мнения которого в области литературы не делалось ничего. Горький должен был выехать на конгресс деятелей культуры. И стало известно, что в этой немолодой голове созрел план прямым текстом доложить конгрессу, что же происходит на его, ставшей грузинской вотчиной, родине. А дальше — болезнь и смерть. Где здесь миф, где здесь правда? Но разве не укладывается этот апокриф в биографию?

В биографии Горького есть такой эпизод. В 1933 году он основал Литературный институт, позднее получивший его имя. Именно он, именно основал. Спорный вопрос: можно ли учить на писателя? Классику было виднее. Я это называю так: спрямить путь. Но под сенью имени Горького учились Твардовский, Симонов, Василий Белов, Виктор Астафьев, Чингиз Айтматов, Белла Ахмадулина, присутствующий здесь Семен Шуртаков и даже переменчивый Евгений Евтушенко. Институт — это удивительный комплекс зданий. Здесь родился Герцен, в

вестибюле стоит бюст Горького, во флигеле жил Осип Мандельштам. Здесь умер Андрей Платонов, и отсюда забрали его сына. Дружат между собой успокоившиеся тени. А мы, живые, продолжаем свои завистливые разборки.

Недавно на семинаре, который я веду со своими студентами, мы разговорились о том, бывает ли литература не социальной, есть ли независимая литература и независимые писатели. И тут кто-то предложил разобрать классический пример, заново, применительно к нашему времени проанализировать роман "Мать". Мы все перечитали этот роман. И вот, уходя поздно вечером после обсуждения романа из института, видя толпу обнищавших женщин возле станции метро "Тверская" (бывшей "Горьковской"), стоящих и торгующих, чтобы на разнице добыть кроху денег, батонами, пивом и пакетами с молоком, глядя на нищету, в которую погружается привычный нам мир, я вспомнил снова о великом романе, о просыпающейся в понимании социальной справедливости Ниловне и подумал: не дай бог, чтобы этот роман снова стал актуальным!

* * *

После торжественной части начался концерт. Привычный, но от этого не менее прекрасный в своей содержательной части, особенно после насильственно внедряемой телевизионной попсы. Здесь были силы Нижегородской филармонии, Оперного театра и Академического театра драмы, в котором все и происходило. Почти забытый ныне классический репертуар — от алябьевского "Соловья" до народной "Дубинушки": "Сама пойдет, сама пойдет…?" Но внимание все время раздваивалось. Над сценой висел молодой пышноусый портрет Алексея Максимовича. Я почему-то с трудом оторвал взгляд от этого очень знакомого и дорогого лица и все время думал: "Ну почему, как было встарь, не проходит этот концерт в Большом театре? Почему здесь нет ни сановного представителя министерства культуры, ни одного по-настоящему крупного писателя? Почему центральным демократическим властям совершенно наплевать на русского гения, вышедшего из нищеты этого народа и так много рассказавшего о нем? Но хорошо, что хоть есть земляки и региональные власти, которые оказываются и щедрее, и расчетливее, и умнее жаждущей только распоряжаться и не помнящей своего родства центральной власти.

28 марта. На открытии выставки "Горький и Новгород". Вечером уехал в Москву.

Все эти дни бушевал 9-й внеочередной съезд. Импичмент президенту был объявлен, но не прошел. Чудовищный, как и при избрании Ельцина спикером, счет. Не хватило около 50 голосов. Слава богу, что все так и осталось. Пока не гражданская война.

В Нижнем много сделал институтских дел.

29 марта, понедельник. В институте все амебно. В 16.00 рассказы Чернобровкина, который приехал из Киева. Он, как кошка, отыскивал лечебную травку.

Вечером "Последние" в Театре сатиры. Спектакль средний. Иван — Менглет — везде одинаков.

1 апреля, четверг. Весь день бился над визами для студентки в Германию. Отменили выездные визы в Москве, ожесточили визовую политику посольства. Раньше виза в ФРГ — 1–2 дня, теперь очередь в месяц.

Прочел воспоминания М. Кшессинской. Вот стоицизм к потерям и приобретениям. Она одинаково пишет и о единственной бархатной юбке, в которой она выехала на Кавказ в 1917-м из С.-Петербурга, и о своих пропавших изумрудах. Но какая страсть к великим князьям. Какое однообразие во вкусовых ощущениях лишь одного, генетически, видимо, довольно однообразного рода!

8 апреля. Ночь. Бессонница. Читаю Монтескье.

11 апреля, воскресенье. В субботу стирал в машине, занимался уборкой.

Дочитал так называемые "Воспоминания" Шелленберга. Интересен его взгляд на историю, на войну. Много общего. Оказалось, "забитость нашей страны шпионами" — сталинский миф. Уничижительная характеристика Власова.

Сегодня ездил на дачу. Посадил в теплице редиску и лук и на воздухе морковку.

Читал в "Независимой" статью о Евг.Харитонове. Интересно о евреях и времени.

14 апреля, среда. Продолжаю заниматься хозяйственными делами. Человек пустеет. Новая книга прекратилась.

Вечером был на "Фигаро" у Захарова: все тот же веселый бедлам. Места есть прелестные, но не относящиеся к Бомарше. Скучно. Публика какая-то посторонняя. Начавшаяся с энтузиазмом овация скоро гаснет. Много фейерверков, плясок, песен, оперных арий. Даже огромный монолог Фигаро искалечен.

15 апреля, четверг. Утвердили в общем Устав. Завтра переговоры об аренде гостиницы, одного крыла. Я боюсь. Уже один раз договорился до пожара у себя дома.

16 апреля, пятница. Начал переговоры о гостинице. Говорил с А.А. Долотцевым о процессе над ГКЧП. Все политизировалось,

буржуазия захватила власть и теперь уж не отдаст. Вера только в одно: народу, попробовавшему социализма, по-другому перестроиться трудно.

18 апреля, воскресенье. Пасха. В субботу ездил на дачу — обернулся за один день. Редиска под пленкой уже поднялась.

В воскресенье ходил в Театр на Красной Пресне. В малом зале играли спектакль "Тапочки" по моей повести "Редкие месяцы на берегу". Пришла Вишневская. Это спектакль с одной актрисой. Мне показалось интересно — царство текста, хотя текст иногда кровоточит: пиджак снимается с вешалки — и уже мужской монолог. Крики чаек, губная гармошка. Девушка, фамилию не записал, закончила ГИТИС, все сделала сама. Играет по провинции.

Вечером передавали "Итоги". Запомнился кадр "Встреча Ельцина с интеллигенцией". Все те же расползающиеся по тусовкам лица. Потом А. Стреляный говорил Киселеву, что инакомыслящих пора душить.

21 апреля, среда. Был у зубного. Днем привезли из типографии мою новую книгу. Вечером демократическая демонстрация на Пушкинской. Мне совсем не хочется быть в толпе. Прошла передача по ТВ — "Другие берега". Несколько моих язвительных замечаний. Завтра выпускной вечер.

22 апреля, четверг. Весь день нервничал. Получил свои 20 тысяч в "Чаре", пришлось с перерывами довольно долго стоять в очереди.

В 15.00 состоялся выпускной акт. Было ТВ. Выпускникам передали по книге Хаберта. Представители Хаберта приехали на огромной, занявшей половину двора, автомашине. Началось все с небольшого концерта — Лена Алхимова и баритон из Большого Юрий Нечаев. Был полный зал. Наша студентка Алла Панова была с детьми — бегали по проходу.

Вечером позвонили из Союза — Хасбулатов встречается с интеллигенцией — это будет в 17.00, тогда же, когда и встреча у Стерлигова. Дело здесь не в чести и достоинстве, а в личном мужестве. Сознаю, что у Хасбулатова из меня сделают марионетку. Смущает одно: деньги-то мне дает правительство Гайдара. За спиной институт, где большой долг. Весь раздвоен, думаю, послушаюсь сердца. Ах, эта трусость, пришедшая из прошлого!

23 апреля, пятница. Дилемма решилась очень просто и естественно. Пятница прошла в разговорах и разных делах, и когда я спохватился, в Белый дом уже не успевал. Пишу об этом без натяжек, хотя еще раньше решил туда не ехать. На Остоженку тоже опоздал на 10 минут. Оказалось, что президент аннулировал

аренду здания и встреча переносится в ЦДРИ. За эти 10 минут автобус с собравшимися уже ушел. Уехали с новым рейсом через час. В этот день проходила очередная демократическая манифестация, Москва заполнена испуганной милицией, и автобус тыкался безрезультатно в разные улицы. Поэтому сошли у Мясницкой и дальше добирались на метро.

Наконец-то я познакомился со своим родственником Г. Стерлиговым. Он, кстати, сказал очень энергичную и точную речь о времени, о его факторе Но общий смысл — в своей стране надо распоряжаться самим. Александр Викторович, как мне кажется, определяет свой имидж, но что у русского человека в душе — совсем неизвестно. Кожинов, с которым мы ждали автобуса, рассказывал, что именно Стерлигов расследовал дела больших "рыб", когда возглавлял московский ОБХС. Может быть, это подвижник и рыцарь? В целом русская интеллигенция произвела на меня довольно ничтожное впечатление: каждый чего-то хочет. Из знакомых: Рыбас, Майя Ганина, Крутов, Селиванова (она успела со встречи у Хасбулатова), Г. Корякина.

Для рассказа: две речи — Геринга и председателя Русской партии.

27 апреля. В субботу уехал в Обнинск. Много думал над рассказом. Кроме двух, моего возраста, мужчин, бывших друзей, вдруг на этой же лестничной клетке появилась женщина: крупная, статная, с отдышкой. Это уже какой-то диалог на троих.

В воскресенье прошел референдум. Приехал из Рязани Саша: там давали по 1,2 кг сливочного масла за появление на избирательных участках. Постепенно власть, в значении этих актов, отплывает от меня все дальше.

С субботы на воскресенье умерла Таня Хлопленкина. Вот они, усилия, натянутые как тетива.

29 апреля, четверг. В институте состоялся концерт замечательной певицы Г. Чернобы. Был А. Мальгин. Говорили о телевидении. "Комсомолка" сделала со мной интервью.

4 мая, вторник. Еще и еще раз убеждаюсь, что надо записывать ежедневно. 30-го, в пятницу, вечером уехал на дачу. В.С. с Сашей — утром, я вместе с Валей и С.П. на машине. Вечером 1-го по ТВ страшные пленки событий 1 мая. Естественно, ни правительству, ни телевидению не верю. Перед глазами лица и отдельные фигуры. Рыдающая пожилая женщина; адмирал, что-то втолковывающий супостату; омоновец, вернувшийся, чтобы ударить еще раз кого-то дубинкой. Народ, который стал жить так плохо, как никогда, попытался что-то продемонстрировать. Майская демонстрация с палками и дубинка. Мое-то мнение: народ после социализма может жить только при социализме.

Императив еще и в том, что вышли люди из-за унижения. Униженное государство, униженная раздетая история и униженный народ. Черт с ними, мне даже и на президента наплевать, но еще никогда Россией не управлял такой некомпетентный и безнравственный человек. Вот с чем не могу смириться.

2-го ездил в Москву на спектакль Малого "Не было ни гроша, да вдруг алтын". Вполне, впрочем, как всегда у А. Островского, современная пьеса. Но плохо ее поставил. Самойлов (Е.В.) играет какого-то придурка. Потряс эпизод с чаем, самоваром и шалью: народ лучше всего узнается по литературе. Сколько великодушия и сколько низости у этого народа.

Написал с трудом портреты Е. Сидорова, А. Рекемчука и М. Чудаковой для книги. Перечел статьи Чудаковой в "НМ". Нападки на коммунистов. Это нападки на историю и ее унижение. Но ведь она была, была!..

8 мая, суббота. Вечером 7-го вместе с "Книжным двором" на теплоходе "Илья Репин" уехал в путешествие. Празднует какой-то свой юбилей книжный центр. Сегодняшние сытые и довольные книготорговцы. Светит солнце. Перед погрузкой на теплоход долго осматриваю Речной вокзал. Фаянсовые и майоликовые панно на фасаде. Звезда-флюгер — до 1935-го она была над Кремлем над одной из башен. Памятник ушедшей эпохи. Зелень ранней весны. Проходим под мостом, оттуда мальчишки бросаются камнями. Социальная компенсация.

Была очень трудная рабочая неделя. Разбирался с гостиницей. В четверг, 6-го, был у министра Кинелева с бумагами по диссертационному совету, ремонту и т.д. Говорили о времени, государстве. Он, кажется, тоже не поклонник сегодняшнего дня. Нам обоим в этой стране и в это время неплохо, но точит обида за государство, за свой народ.

Был Олег, подарил два галстука.

Вечером 7-го — какой-то банкет. Сидели с Кожиновым и его женой, Еленой Владимировной Ермиловой. Православная дама, но хватка чувствуется. Долго говорили об интеллигентности и интеллигенции. Вспоминали запись встречи интеллигенции с Ельциным. Призыв стрелять, бить и взнуздать красно-коричневых. Только о себе. Мысль Лихачева: интеллигент это тот, кто способен заботиться сначала об общем.

В Угличе — загадка Дмитрия, легитимность власти, сцена из русской жизни. Это мои вопросы, на которые я не получил ответ.

Рассказ Кожинова о Виноградове.

Описал ли я Углич? Крошечный центр, красная церковь — на крови. Палаты (XVII века?), ров, две улицы, пристань. Пиво в

банках, датское — 550 рублей. Купил для Ирландии три пары часов по 2 500 рублей. Часы ворованные с завода и собранные дома продают на пристани.

10 мая. Вчера, 9-го, весь день в Ярославле. Такого неповторимого времени, наверное, не бывает в году. Новая зелень перекрывает по интенсивности цвета все старые пятна. Господи, какой красивый город! Как только удалось ему спастись? Сейчас, когда позолотили купола и покрасили стены церквей — все это выглядит ярче, заметнее. Какая веселая, без многозначительности, русская земля! Весь день снимали, и оглянуться не успел. Лишь часочек прошелся по набережной. Горькая и незабываемая картина: на набережной играет духовой оркестр, и возле него заранее собрались старые люди. У мужчин я заметил неглаженые брюки и нечищенные, ношеные ботинки. Женщины все причесаны. Старушки перестали краситься. Под какой-нибудь рыжей шевелюрой на два-три пальца седых волос. Старые танцы. Больно до слез.

Снимали с Кожиновым сюжет по Некрасову и с его женой Ел. Владимировной Ермиловой сюжет о Кузмине. Получилось не очень хорошо, однотонно, Е.В. - как ни странно — не без восточного происхождения. Но, как у всех новых евреев, с верой в Христа, церковными обрядами, крещением внуков, иконками, русской степенностью.

Интересна была встреча на полиграфическом комбинате. Поразила книга "Путешествие цесаревича на восток". Издано в 1893 году. Через 100 лет на полиграфкомбинате переиздали. Все те же 100 экземпляров номерных. Восхитило: не умерло мастерство.

Читал Шмелева. Для меня это новый писатель. Чудесная повесть "Человек из ресторана". Вот и опять социальность. Она приносит успех и тревожит воображение.

На комбинате делал интервью с Яковом Соломоновичем Коганом — директором старого, социалистического закваса, советского народного представления о жизни, человеком, нашедшим и в этом времени свой интерес, и с Александром Петровичем Судаковым — зам. министра информации. Он тоже мне понравился, и, кажется, именно он дал денег на издательство.

11 мая, вторник. Вчера дописали все остатки, а главное — финал. В Ново-Окатово — зелено. Гуляли по той же дороге, по которой мы ходили раньше с В.С. Под ветлой, слева от пристани, жарили шашлык. Я впервые много и с удовольствием ем мяса. Но выносливости к спиртному и буянству никакой. Наш молодняк, Миша (внешне похожий на Диккенса) и Юра (инженер, в зеленом

спортивном "махровом" костюме) могут и вовсе не ложиться. Было хорошо. Записали все остатки и в т.ч. финал — о культуре и интеллигенции: "Если лизоблюд — номенклатурная интеллигенция, то я мещанин".

Ночью приснилась Чудакова. Я забрался наверх и не могу слезть. Она с мужем внизу. Я спустился по какой-то пожарной лестнице. Весь сон хорошо говорил с Олей Морозовой из "Независимой". У меня больше терпимости и понимания человеческой природы. Но я уже стар.

С наслаждением читаю "Лето Господне" Шмелева. Как хочется веры, а она все дальше и дальше. Хорошо Ельцину: у всех на виду со свечкой, и уже "комфортно".

9 мая в Москве прошло вроде без эксцессов. Но толпы, как следует из радио, огромные. Народ входит во вкус, кучкуется.

До конца ехать не стану. Сойду у Яхромы (2-й шлюз).

12 мая, среда. Добирался домой на электричке. Оказалось, довольно быстро. Появился новый вид мародерства: треть сидений в электропоезде снята. Какие дачи они сейчас украшают? На какой ширпотреб ушел этот дерматин?

В пятницу, кажется, улетаю в Ирландию. Очень не хочется, совершенно не пишу, в институте все разваливается. К сожалению, совсем не занимаюсь студентами. Сейчас с утра иду в министерство к юристу. Из заслуживающего внимания статья в "Дне" — круглый стол "Творить свою цивилизацию".

14 мая, пятница. Улетаю в Ирландию. Чего? Зачем? Не хочется. Весь день занимался делами: приемная комиссия, Дубаев; склочничал с Олесей Николаевой — делил их полставки с Костровым. Вечером был на "Дяде Ване" в Театре у Розовского. Правдоподобно и все равно — пьеса из прошлого. Невольно сравниваю с "Не было ни гроша" в Малом. И поставлено в Малом плохо, но там ощущение сегодняшнего дня. Чехов с его трескотней о работе и бормотанием об интеллигенции устарел. Какая ныне интеллигенция?

16 мая. Ирландия. Тринити-колледж. Писательско-профессорский обмен Литинститута с ирландскими писателями. Раньше была Е.А. Кешокова, сейчас Ю. Кузнецов, Л. Царева. Долго ходили, смотрели. Столовая. Церковная галерея портретов и выпускники. В домике у Клер, писательницы — преподаватели заняты по 20–22 часа в неделю — разговоры о литературе. Все те же имена: Пастернак, Мандельштам, Ахматова. Осторожная разведочная дискуссия с писателями.

18 мая, вторник. Вчера плохо себя чувствовал. День интересный, но полон усталости.

Утром был в Национальной галерее. Пожалуй, все очень

любопытно, остров — как другой мир и в живописи, мир английский, тайный, со своими обычаями и пониманием времени. Интересно то, что, когда подходишь к "мастерам" — Гойе, Рембрандту, Пикассо, Матиссу, — будто другое напряжение и иной свет от картины. Сразу же иная точка отсчета и иной от них "ветерок". Запомнил портрет Гойи — белое лицо в луче света и черное платье; Эль Греко, с его сильной фигурой святого в черном; и "Отдых на пути в Египет" Рембрандта: в темноте осел, силуэты, в том числе и Марии с еле различимой куколкой на руках — фигуркой Христа, огоньки смутного дома на горе, куда их не пустили или куда, заробевшие, они не постучались, крошечный костерок. И вот мысль — во всех этих работах, вроде бы следуя жизни, художник до предела усложняет свою техническую задачу: и белое в блике солнца, и ночь, поглотившая почти все, и резкий до гротеска святой.

Днем были в гостях у писательницы С. - дивная старуха-романистка. Чуть ли не 10 человек детей, фраза одной из ее дочерей: "Мама, я родилась одинокой". Один из сыновей — дебил. Беседа в прелестной маленькой гостиной. Бутерброды, закатанные во что-то вроде блинов. С сережками из янтаря и желтизной в волосах, 50-летняя дама. Говорила о личной жизни О. Уайльда и Моэма.

С какой радостью писательницы на это накинулись!

Вечером — ирландский клуб. Читают вслух древние тексты. Извлечение сокровищ из небытия.

19 мая, среда. Утром поездка вместе с Марген. Как бы Архангельское, с замкнувшей перспективу цепью холмов. Яблоневый сад с розами. Мысль о бесконечности труда, который вложен в это сооружение. Самый старый и высокогорный в Ирландии замок. Кукла старика.

Вечером встреча в доме писателей. Все нелепо, без интереса у нас и публики. Присутствовал соглядатай из посольства, Хорев.

И ему, и окружающим все до лампочки.

Интересные ребята — преподаватели из Тринити-колледжа. Джон Мюрей. Днем гуляли там. В университете очень славно.

20 мая, четверг. Ночью болели ноги. Находился вчера. Вечером устроил себе длинную неспешную прогулку. Хотел "подумать" для новой повести, но думал о чем-то легкомысленном, легком, своем. Несколько раз заходил в магазинчики, листал журналы. На улицах легко, весело, много народу, в барах иногда пусто. Но попадались нищие.

Днем ездили в Музей Джойса, туда на автобусе, возвращались на электричке, вдоль моря по каменистому, при отливе в старых водорослях, песчаному берегу.

Башня Джойса — здесь есть какая-то история: сами эти башни для тяжелой морской артиллерии, сделанные на случай высадки армии и флота Наполеона. Есть какая-то тайна в приглашении сюда 22-летнего Джемса, в его недолгом пребывании, в бегстве. Внизу музей с немногими предметами, еще не ставшими по-настоящему музейными. Испытываю священный трепет — будто бы возникает новая религия. Второй этаж: металлическая кровать, гамак, стол, камин, печка металлическая, полка с предметами. Стол с неубранными бутылками пива — первая страница "Улисса".

Надписи, "впаянные" в асфальт центральных улиц: страницы из великой книги "Улисс".

21 мая, пятница. Вчера большое путешествие на автобусе. Весь день мне плохо, поэтому, может, я и не оценил. В общем, перед глазами как бы две фотографии: одна — снятая с вертолета, круги на траве и холм. Вторая — холм с ходом внутрь. Внутри поваленное, из грубых камней, святилище: некая беседка наоборот — но все это много древнее, чем пирамиды. 80 лет три поколения людей складывали камни, чтобы похоронить здесь пятерых. Наконец-то я увидел настоящие рыцарские замки. Теперь Квентин Дорвард выезжает у меня не просто из обычных ворот.

Записал еще надписи из путешествия Улисса — напротив кафе Харрисона. Это в записной книжке.

22 мая, суббота. Сегодня утром уезжали. Вчера в 11.00 были в Тринити-колледже, на русской кафедре. Джон, Сара Смит и некто Дима, наш советский еврей с грузинской фамилией — дело русских писателей в Ирландии.

В обед ездили в Линг — старинное, в часе езды, аббатство. Церкви и строения XI-XII веков. "Кухня Кэвала". Больше всего поразили надгробия — негде ступить ногой, везде покойник. Башня, как карандаш, из которой викинги выкуривали монахов с их золотом и серебром, как пчел.

Вечером были в обществе ирландско-русской дружбы. Старуха-президент. Вопросы, выдающие заинтересованность. Собирают деньги у входа. Было хорошо дружить, когда финансировали из Москвы. Ныне остались только верные.

28 мая, пятница. Пишу дневник в паузах — вагон качает. Как же не хотелось мне ехать в Крым! Татьяна Серг. Земскова уговорила: "Книжный двор" выехал вчера, я догоняю их сегодня. Суточная пауза на размышление. Сумасшедшая неделя с хозяйством, изгнанием из общежития монголов, избивших Виталика Амутных, выборами меня в профессоры (из 26 — 25 за, один испорченный бюллетень), пьянкой, проводами утром (к

открытию метро) В.С. в Сочи на "Кинотавр", утренними указаниями и т.п. Крым — Волошин, Чехов, Пушкин… Приготовил для чтения в поезде книги — и забыл.

30 мая, воскресенье. Симферополь. Встретила на вокзале Лариса Жарова.

Сняли чудесный сюжет, связанный с Пушкиным. Константин Константинович, бывший наш выпускник (семинар Скорино), занимается Пушкиным, делает открытия. Жуткая квартира в пятиэтажке, огромное количество спальных мест, диванов, кроватей, и в этих условиях работает и пишет. Боже мой, терпеливый народ, и его стремление жить настоящей жизнью! Чувство стыда за свою сытость, благополучие, обед в "деловом клубе".

Вечером вместе с Л.И. Бородиным участвовали в разговоре о Крыме. Проскочила мысль — без крови его теперь обратно в Россию не вернешь. И такая тенденция есть.

"Книжный двор" приехал вместе с десантом юмористов. М. Жванецкий, К. Новикова, прочие.

31 мая, понедельник. Бегал утром 20 минут по чудесной набережной реки. Прямо от гостиницы вдоль речки, по тропинке, среди свежей травы, птицы поют, солнце еще не жаркое.

Вчера ездили в Ялту. Снимали дом Чехова, в саду, короткий разговор. Классику, конечно, досталось, его размазывание, его деструктивное отношение к государству, его иудофилия — все это живет и процветает в сегодняшнем недоумочном сознании, все это аргументация сегодня. Татьяна Сергеевна передала разговор с Евг. Весником. "Есин, мой сосед по гаражу, чудесный парень". Лицо меняется: "Впрочем, я прочел, что он перешел в оппозицию". Демократия маски.

Я не ожидал, что так быстро увижу Ялту. Как хорошо! Два города в России я страстно люблю: Ленинград и Ялту.

Не пишется, не читается. Не могу сосредоточиться. Но постепенно выходит на глаза юмористическая тусовка. За столом Жванецкий с любопытством на меня поглядывает. Вчера вечером во время ужина — концерты идут здесь же, в Доме профсоюзов, где нас кормили — я заглянул вместе с Бородиным в зрительный зал. Над сценой шаржированные портреты участников: одна и та же линия губ, разрез глаз. Сегодня во время завтрака спросил о впечатлениях Витю, тоненького, будто лезвие, паренька-официанта. Он в восторге, как человек, впервые присоединившийся к искусству. Упал уровень первоначального знания. С Бородиным мы вспоминали, что раньше ходили в театр, почистив обувь и нагладив пиджаки.

5 июня, суббота. Полдень. Лежу на даче, на втором этаже,

гляжу в теплые, со временем вобравшие в себя желтизну и сочность доски потолка — совершенно счастлив и физически успокоен и ублаготворен. Выехал из Москвы 2-го.

Несколько дней не писал: отвратительные последние дни в Ялте, сутки в поезде с длинными разговорами, небольшой пьянкой.

Что было перед этим? Поездка в Коктебель. Иная география, суровая красота холодного моря. Дом Волошина, его мастерская, какая-то тайна его жизни. Снимаем в "Башне", я сижу на ступеньках, у топчанчика, где сидел Мандельштам. И самое поразительное: ощущение чуда рождения великого стихотворения: "Бессонница. Гомер. Тугие паруса. Я список кораблей дочел до половины".

После переезда из Симферополя жили в Мисхоре, в санатории "Красное знамя". Путевки для украинцев — 240 тыс. рублей, для тех, кто из России, — 360 тыс. рублей. Этим все сказано. Русский город. Как я сказал в камеру — заповедник русской литературы.

Был в среду на концерте: всерьез воспринимаются публикой и Клара Новикова, и Жванецкий с его национальной темой и юмором ниже пояса.

В поезде читал Волынского, сейчас Миллера. Делаю выписки. Книга выписок может получиться.

6 июня, воскресенье. На даче все посадил. "Расщепленная" повесть появляется. Пора брать машинку и писать.

7 июня, понедельник. В 14.00 день памяти А.С. Пушкина. Очень интересно говорил М.П. Еремин. С чувством, тихим голосом, о православии Пушкина.

8 июня, вторник. Утром встал в пять. Написал речь для конгресса "Защита книги" в Колонном зале.

В комнате президиума столкнулся с Ананьевым и Баклановым. Площадку я не уступил. Как будто их нет. Увидел старую, раздавшуюся спину Бакланова — стало его жалко. Кажется, он устал сам от себя. Вечером был прием. Как же быстро разграбили осетра!

СКРОМНОЕ ОБАЯНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ

"Не так давно в Колонном зале бывшего Дворянского собрания и бывшего Дома союзов в Москве проходил Конгресс в защиту книги. Ждали кого-нибудь из 15 зампредов Кабинета министров. Приехал один Федотов, тогдашний министр печати.

Господа! Есть ли, на первый взгляд, что-либо более бессмысленное, чем наш с вами конгресс? Его причина очевидна

— привлечь внимание общественности к бедственному положению отечественного книгоиздания. Ах, как хорошо знает об этом общественность, на своей шее испытавшая эту самую бедственность! Его цель — побудить государственные институты к выработке и проведению политики поддержки книжного дела в стране. Но что же здесь побуждать, когда до очевидности известна формула о том, что основа любой государственности, жизнеспособности и расцвета, фундамент просвещенной и цивилизованной жизни — в книге, в той духовной ауре, которая поднимается и мерцает над печатной страницей. В этом смысле книга материальна и действенна более, чем прокатный стан и баллистическая ракета. И хотя существует мнение Генри Миллера, что в вопросах культуры точка зрения консьержки и министра смыкаются, полагаю, то, что происходит у нас в области книгоиздательства, распространения и пропаганды книги, есть некий другой феномен. Я бы назвал его государственным комплексом самоуничтожения, государственным садомазохизмом, ибо, с одной стороны, одряхление культурно-духовных навыков, связанных с книгой, ведет к государственному суициду, а с другой — причиняет мучения в этой дьявольской игре с книгой своим гражданам, ибо каждый из них читатель.

Матери совершенно не все равно — читает ее ребенок книгу или смотрит телевизор. И даже самому догматически свободолюбивому государству небезразлично, какую книгу читает его гражданин. Одинаковым идиотизмом отдают народные избранники на фоне пустых продовольственных магазинов или в интерьере разрушенного рынка книг, кино, театра и культуры. Здесь невольно спрашиваешь себя: а чего, собственно, они сделали и для кого? Впрочем, все это вещи очевидные до зевоты.

Я представляю здесь пишущих людей, ибо сам профессиональный писатель, посвятивший себя некоей иной реальности. Говорю — здесь, помня своих студентов и преподавателей, людей, бросивших свои жизни на кон жреческой любви к литературе. Нет ничего более рискованного, чем жизнь писателя, ибо в 99 случаях из ста она проиграна изначально. Своей кровью и своим неудавшимся обывательским счастьем писатель кормит духовную жизнь своих читателей. Все это в равной мере относится и к ученому, к человеку науки. Книга — хрупкий итог их дней, усилий, а часто жизненного подвига. Где она? Куда она подевалась?

Многие ли из вас, сидящих в этом зале издателей, могут похвастаться, что издают книгу ради самой книги, ее скромного и несенсационного блеска, ее внутреннего негромкого достоинства

и стоицизма? Разве не вопрос: "А сумею ли перекрутиться?" возникает у вас при каждом новом названии рукописи, которую вы отправляете в типографию?

Что делать? Не знаю. Но писатель не в состоянии работать, хотя бы в отдалении не надеясь на востребованность его усилий. Издатель не может существовать под гильотиной голой копейки и инфляции. В конце концов, мы вправе сравнить некоторые абрисы жизни "в прошлом" и "теперь".

Не думаю, что, разрушив прежние идеологические стереотипы и заодно издательские структуры, сняв их с кошта, наше новое государство вправе сделать нам ручкой. Если оно не сознает, что, недобирая в налогах с преступных мафий и родственно-возлюбленных, а часто семейных производств, оно душит и раздевает законопослушного и по-интеллигентски покладистого книгоиздателя, то мы-то сознаем! Издатель-то понимает, с кого спрос и за чей счет! Невыгодное это дело — пилить сук, на котором сидишь.

Ах, как мне хотелось бы сейчас побрякать цитатами, поиграть историческими аналогиями из нашей жизни, разобрать журнальное существование, которое уже несколько раз цементировало наше духовное пространство! Впрочем, о журналах еще скажу позже, а сейчас о пропаганде книги, о ее тотальном неуважении.

Соседство итальянской косметики, французской парфюмерии и немецкого ширпотреба с изделиями нашего печатного станка в книжных магазинах. Беспринципное соседство разнохарактерной литературы на книжных лотках: порнографическая лань и политический монстр. Книга, традиционно в нашей стране бывшая специфическим товаром, превратилась просто в товар и в товар третьего сорта. Хоть раз на рекламных полосах крупных газет кто-нибудь видел рядом с рекламой "сникерсов" и "мерседесов" рекламные строки о выходе знаменитой книги? А в рекламных паузах первого канала, многочисленных, как прорехи асфальта на наших московских дорогах, кто-нибудь замечал и запомнил нечто книжное? "Проктор энд Гэмбл" восторжествовали над Брокгаузом и Эфроном, Сытиным, бывшим Политиздатом и моими любимцами — "Террой" и "Русской книгой". Даже единственная на останкинском канале передача "Книжный двор", которую иногда вместе с писателем Леонидом Бежиным и выдающимся энтузиастом книжного дела Татьяной Земсковой я имею честь вести, будто специально, как вымороченная и не нужная никому, сплошь и рядом идет без объявлений в программе телепередач. В неудобное для книгочеев утреннее, а главное, нефиксированное время. Аве, торгово-промышленный

Цезарь, идущие на смерть скромно приветствуют тебя!

А может быть, газеты торопятся разобрать вышедшую книгу, отрецензировать журнальную публикацию? Политик, диктатор нашего времени, диктует здесь свои узкопрагматические интересы. Здесь только редкие "свои", и все равно, какого они качества! Критические мафии, обслуживающие те или иные кланы, полагают, что их энергичные действия по высаживанию собственной рассады остаются незаметными для широкой публики. Увы, заметны. И все это не способствует уважению к книге ни со стороны рынка, ни со стороны инвесторов, ни со стороны государства. Давайте согласимся, что прибыльное дело должно вызывать уважение.

Что бы я предложил, имея в виду создавшееся положение, как дилетант?

1. Начну с журналов, главнейшего компонента нашей духовной жизни, основного редактора и "поставщика" нашей серьезной литературы. Они — "Новый мир", "Знамя", "Октябрь", "Москва", "Звезда", "Сибирские огни", "Наш современник" — должны быть взяты под государственное покровительство, а рассылка и распространение их — гарантироваться государством.

2. Продукция любого издательства, представляющая основной пласт духовно формирующей литературы, научная и научно-просветительская литература, а также русская классика должны быть освобождены от налогов. Снять их с энциклопедий, словарей, с медицинской — не знахарской! — литературы, с многострадальных гениев прошлого, с литературы христианской. Вопрос этот в каждом случае необходимо решать небольшой группой экспертов на местах.

3. Освободить от каких-либо налогов книготорговлю, занимающуюся распространением этой же самой духовно формирующей и учебной литературы.

4. Литература должна получить реальные льготы на государственном радио и на телевидении, преимущество на рекламных полосах средств массовой информации.

Писателю свойственно мечтать. Его нелепые фантазии уносили его на Луну, необитаемые острова, крутили над крышами Парижа и Москвы.

Как ни странно, эти нелепые фантазии, вернее, суть их оказывалась провидческой, иногда фантазии воплощались в жизнь. Я не верю ни в единое слово своих сегодняшних экономических мечтаний. Но вдруг? А может быть? Впрочем, в книгу-то я верю и отчетливо представляю, что издевательство и мучение книги не приносят неправеднику ни удачи, ни спокойствия, ни счастья".

15 июня, вторник. В субботу по дороге на дачу разбили мою машину. Дама из гастронома за рулем въехала мне в багажник. Никто в Москве последнее время не страхуется. Теперь предстоит процедура суда и т.п. Все это меня страшит.

Почти ничего не читаю, ничего не пишу, не успеваю. Голова занята самым простым — институтом. Вот она, оборотная сторона честолюбивого реванша.

23 июня, среда. В ДК МАИ состоялся чрезвычайный съезд ректоров. Сидел во втором ряду, весь накал страстей на лицах начальства был виден. Я и не предполагал, что разрушение высшей школы так сильно. По сравнению с положением по стране Литинститут в прекрасном состоянии. Большинство вузов даже не могут отпустить своих преподавателей в отпуск. Нет денег. Оказалось, все преждевременные обещания Ельцина — блеф, все осталось на бумаге, кредиты вузам не открыты и т.д.

Съезд начался очень решительно: забастовка, ультиматум, прервать и вызвать правительство. Начальство, сидящее в первом ряду президиума, — помощник президента по вопросам высшего образования, председатель комитета, наш министр — изображало, что все будто происходит как бы само собой, а не в результате их нерешительности, нежелания ставить вопросы и настаивать. Но постепенно они, как и всегда, взяли в ловушку боязливую массу интеллигенции: все ограничилось бумагами и устными репримантами. О, как просветлели эти лица!

24 июня, четверг. В 12.00 ученый совет. В 15.00. вручал свидетельство об окончании ВЛК. Как было грустно: это последнее "прости" от бывшего СССР: ребята из разных республик! Кому это мешало? К сожалению, все это исчезнет — и дружба, и любовь, и наше русское просвещение Востока.

В 16.00. принесли долгожданную бумагу от Госкомимущества: все передали нам! Как все же действовенен традиционный подход бюрократии…

25 июня, пятница. Сегодня выпускаем кубинцев. В 13.00.

29 июля, четверг. Был на панихиде по В.Я. Лакшину. Может быть, последний человек в литературе, который ко мне хорошо и сердечно относился. Я помню, как он читал "Соглядатая" в "Знамени". Как говорил о моем умении "втягивать" читателя. Скольким, по существу, я ему обязан!

Панихида состоялась в клубе "Известий" по Анастасьевскому. Долго ждали гроба с телом. Я не большой специалист по знакомствам: была вся Москва, из кучи людей все время выскальзывали знакомые лица. Не видел ни Бакланова, ни, кажется, кроме Труновой, никого из "Знамени". Вынырнула из-за

плеча головка самки шакала — Аллы Гербер. Недавно она отсветилась на ТВ из Израиля с М. Казаковым, теперь прибежала здесь проверить впечатления.

Наконец привезли гроб, и вдруг в зале раздалось какое-то сильное и упорное шуршание — это с принесенных цветов снимали целлофан.

Выступали с заученными или подготовленными речами. Афиногенов, Черниченко, Свободин, Раушенбах, еще академик — имя не помню… Скучно, все политика, политика. Несколько слов сказала Исмаилова. Искренне, истерично. Но в этих речах нет нежности прощания с покойником… В самом конце, когда я пробился сквозь толпу, увидел, что он лежал под грудой цветов с серым лицом и перекривившимся от боли или грусти огромным своим лбом.

В институте все плохо. Мне надоело.

4 августа, среда. Был на похоронах Виктора Поляничко, погибшего в Грозном. Все это происходило в ДК Сов. Армии. Там, где мы снимали для телевидения новогодний книжный бал. Поднимался по той же лестнице, где я так вальяжно ходил. К Лидии Яковлевне не подошел. От метро — море солдат и офицеров. Встретил Бор. Лещинского и Аду Петрову. Виктору двадцатому предложили быть главой администрации Ингушетии. 19 человек отказались до него, ему отказываться уже было нельзя. Но он — единственный, кто мог что-то сделать. Вспомнил Афганистан, свой бинокль.

День был жаркий. Во дворе министры, депутаты и т.д. Вдруг появилась огромная, в орденах, погонном золоте фигура Варенникова. Мне показалось, что все стали по стойке "смирно". Совершенно нестареющий Лигачев, Людмила Зыкина с черными крашеными волосами и с венком живых цветов. Я не мог забыть, что она сняла свою подпись под Обращением к народу.

Вечером звонил Петя Кузменко. Умер Гейченко. По телефону надиктовал некролог.

6 августа. Сегодня зарегистрировали институт в мэрии. Главой по этому делу числится, естественно, Мих. Влад. Шерр, но человек милый.

Видел Евг. Сидорова. Читал как министр культуры у нас лекцию для немцев.

Вечером — с грусти — напился.

30 августа, понедельник. В 13.00 состоялось собрание коллектива преподавателей. Я сделал развернутый доклад обо всем, что успелось за лето.

Потом профессор Вик. Вит. Богданов задал мне, ссылаясь на заметку в "Известиях", вопрос о Стерлигове: как, дескать, он

попал в наш в институт. Профессиональный демократ. Ответ. Арендовал на день зал.

3 сентября. Л.И. Скворцов — новый проректор по науке. Не кажется ли ему эта дорога слишком легкой?

В обед ходил на открытие магазина в издательской группе "Прогресс" у Крымского моста. Познакомился с бывшим министром печати Б.Ф. Ненашевым. "Я прочел все, что вы написали".

К моему удивлению, кто-то из выступающих цитировал мою статью-интервью в "Правде". О чтении классики в трудное время. После этого меня тут же вытащили. Сломалась камера "Книжного двора", и я проговорил то, что приготовил для нее: "Век палаточной цивилизации — год первый" и т.д.

1 сентября вышло мое огромное интервью в "Правде" и 3-го — речь на Конгрессе в защиту книги в "Дне".

4 сентября, суббота. В 19.00 был на приеме по случаю Дня города. Лауреатам Москвы вручали премии. Прием (в банкетной зале мэрии) был прекрасен. На столе персики и шведская водка "Абсолют". "Русскую" бы пить и не стали. Чем хуже качество жизни народа, тем выше уровень приемов. По три ножа и по три вилки с обеих сторон тарелок: и горячее рыбное и мясное, и жюльен и т.п. У меня ощущение, что ем что-то чужое. Познакомился с Генн. Бочкаревым. Русское иконописное лицо. Умен, страдает, добр.

Валя уезжает на кинорынок в Крым.

7 сентября, вторник. Пришлось отменить семинар. Весь день писали на ВДНХ выставку-ярмарку книг. Выставка бедна и маломерна. Почти нет современной литературы. Издатели хотят действовать наверняка. Среди моих собеседников оказался Сергей Станкевич. Он так растолстел, что я сперва его и не узнал. Политика плохо действует на человека. Его стремление скрыть, что практически в этой политической суете он уже ничего не читает. Сегодня пишем второй день.

8 сентября, среда. Весь день снимали на ярмарке. Из сведений: уезжая, съемочная группа получила лишь ЦУ — показать павильон Израиля, остальное по собственному усмотрению. Приезжаем: он один из самых крупных. Вокруг толпится сонм московских жителей. Вижу и Толю Рубинова — пришел искать Дину Рубину. С Диной я и вел интервью. Говорила о московской евреизации, о сплошь еврейских лицах на ТВ и т.д.

13 сентября. Обзор недели. Неделя за неделей, как обвал, рушатся безо всякой личной писательской пользы. Не удается выйти к душе, к тому божественному нетерпению, которое раньше жило во мне. Не хватает времени, а к вечеру цепенею от

усталости.

Кажется, что-то положительное возникает вокруг гостиниц. Выжидательная позиция, терпение начинают приносить плоды. Нашли, наконец, юриста и послали "Медсервису" решение Моссовета о субаренде только с согласия владельца. Там люди законопослушные.

Неделю прожил у меня мой студент Сер. Долженко с Юрием, своим братом, очень помогли нам с хозяйством и т.д.

14 сентября, вторник. Был на премьере в "Новой опере" — "Мария Стюарт" Доницетти. Нет слов, и не хочется описывать. Ощущение безграничного, без натуги, счастья. Все дорого, роскошно и по-настоящему.

Звонил Женя Колобов. Как он всегда был пластичен и безошибочен. По-крупному, с интересами.

18 декабря, суббота. На Малой сцене Театра Маяковского видел "Грозу". Интересно. Лестница. Молодые лица. Много выдумок со светом, вплоть до фрагментов из живописи. Но нет последнего зажигания.

Писал ли я, что привезли из Горького мою машину? Отремонтировали после аварии. Молодец Юра Долженко. Недорого.

27 сентября, понедельник. Я пропускаю весь новый сентябрьский путч, вернее отстранение парламента, или возвращение к просвещенной диктатуре, или черт его знает что. Все это так низко, так горько, столько заняло переживаний и размышлений. Низость и гадкость наших журналистов, их трусость, стремление выслужиться, подобострастная подлость, отсвет все тех же на все готовых теней, жуткая "собственная" цензура… Может быть, потихоньку я еще к этому вернусь, но, кажется, роману об этом быть…

Вчера ездил к Сереже Арцыбашеву — в Театр на Покровке, играющий возле метро "Красносельская". "Три сестры". Удивительный спектакль, где зрители сидят (зал на 30–40 мест) за столом вместе с сестрами Прозоровыми и едят прозоровские пироги и бутерброды. Еще раз "вслушался" в пьесу: какая низость — интеллигенция. Какие все это неинтересные, бездуховные, полные "штампов" в привычке жить, "себя вести", "отвечать", "поступать" люди! Мужичье наблюдает, как живут с их женами, жены живут с красавчиками-офицерами, офицеры наслаждаются "поверхностной" пенкой жизни. Чехов — это выразитель будущей для него, современной нам, низости интеллигенции.

Заезжал за мною Женя Колобов. Среди прочих рассказов были о вчерашнем концерте на Красной площади. Растропович дирижировал увертюрой 1812 года. В первом ряду Ельцин и

Вишневская, охрана, микрофоны, стреляли "пушки", но то, чего не видели телезрители: из-за зубцов Кремлевской стены торчали пулеметы, сидели, оглядывая площадь, снайперы, все было оцеплено штатской или военной солдатней.

Все время из Белого дома приходят разные сведения, положение совсем не такое розовое, как об этом говорит ТВ-общественность. Что-то пытается формулировать лишь один Невзоров. По аналогии с августом 91-го поведение иностранных государств — все признают беззаконие. Будто бы закон может стать незаконом из-за обстоятельств. Начал писать письмо Аверинцеву.

30 сентября, четверг. Прихожу к выводу — надо записывать. Ложь и трагедия у Белого дома. Чем больше властям сопротивляются, тем активнее "выжимают" народ. Жуткие сцены на ТВ. Сытое, противопоставляющееся "видео". В институте рутинное сопротивление, разруха.

Валя привезла статью Чудаковой. Она пойдет через день. О встрече т.н. писателей (Окуджаву искали в Переделкино) с президентом. Более лизоблюдной статьи — скрытые изощренные приемы, "улыбательное" лизание — я не читал и в годы Сталина.

3 октября воскресенье. В 12 часов поехал на Старый Арбат писать "Книжный двор" — 500-летие Арбата. В двух шагах прошел Ельцин — восковое, как бы поддутое лицо, огромное количество охраны. Пожали друг другу руки с пресс-секретарем президента Костиковым: "цитируем друг друга?". Только что в МК он сослался на "Имитатора".

В 13.00 началась война с омоном на другом конце улицы, на Смоленской. Впервые я имел возможность сравнить прессу и подробности жизни. Люди, загнанные в подполье жизни. Довольно много молодых людей. Я вижу поразительную решимость сражаться. Часты антиеврейские разговоры. Горящие баррикады (три ряда), энтузиазм, кирпичи и камни, летящие на щиты омона — это страшно. Страшна и сама обиженная и пустая площадь, с которой сдернули движение. Вот оно, народное восстание, булыжник — оружие пролетариата.

Еще утром я поскользнулся и сильно подвернул ногу. По ТВ подтвердили народное восстание. Смоленская площадь.

4 октября, понедельник. Утром пришел в институт. В пустом парке слышны автоматные очереди, разрывы снарядов, изредка возникает шум вертолетов. Долго отмечал, когда закончатся выстрелы. Они не закончились ни в 10, ни в 11, ни в 12 часов. Долго занимался зарплатой, которую не выдали. На первую лекцию не пришли преподаватели, но студенты пришли. Отпустил всех в 15 часов.

Утром, когда подходил к институту, увидел баррикаду в устье Тверской. Вечером перед ними видел еще и цепочки. Это демократы боялись штурма Кремля. Прошел по Тверской: огромное количество пьяной бомжотни.

Приехавший вечером Виталий Амутных рассказывал о палках колбасы, которую раздавали. Жуткие кадры осады БД и пленения Хасбулатова и Руцкого. Все время слушал голоса. Анализ у них не однотонный. Я думал о "таранящей" Ельцина интеллигенции. Не она ли двигала его к энергичным решениям? Лица ребят, взятых в БД.

Все действует по моему роману.

20 октября, среда. Не записываю всю эту политическую дребедень. Все кругом гнусно, жуликовато и грязно. Страну захватила банда единомышленников, еще более бессовестная, чем предыдущая банда геронтократов. Следующие одна за другой по ТВ марионетки — карлики и воры — надоели. Особенно гнусна интеллигенция. Я собираю в особую папочку ее подписи — гнусные акты предательства. Даже стальной Джо не позволял бы так о себе писать, как пишут отдельные интеллигенты о нынешних властителях.

Как личную потерю, как безбрежное горе, воспринимаю роль Владимирской Божией Матери в событиях. Ее "выдали" (подпись Щербакова, гарантии Лужкова и правительства) из ГТГ за шесть часов до молебна о непролитии крови. У Нее пошли отслоения красочного слоя. 800 лет! Церковь отгородилась иконой там, где надо бы встать с крестом перед танками! Проявлять настойчивость, когда кругом льется кровь. Выступил на ученом совете в ГТГ. Тезисы: где еще такое правительство, которое потребует от музея подобную акцию, где еще такой хранитель, который бы выдал?

В институте написали письмо протеста. Его далеко не все подписали. Некоторые, как всегда, струсили. Если посмотреть на подписи, то не правые и левые, а против насилия "гуманистов" восстали одни русские.

27 октября, среда. Обнинск. Сижу с воскресенья. Пытаюсь писать новый роман. Не получается внутреннего движения, секса, хотения. Всегда, когда "не получается", пытаюсь вспомнить, как начинал предыдущие вещи. И не могу вспомнить. Каждый раз по-разному.

28 октября. Вроде бы равнодушно придумал план. Учу английский, перечитываю старые газеты, смотрю ТВ. Особую ненависть вызывает В. Любовцев, говорящий о расколе Чехословакии и делающий параллели с СССР. Он-то инициативный служака.

29 октября, пятница. Доправил сегодня рассказ Сережи Толкачева "Цветные карандаши для пожилого человека" и так плакал в конце!

24 ноября, среда. Почему иногда совершенно не пишется дневник? Может быть, потому что чуть двинулся роман? Опять тот же умятый ложкой картофель, пюре. Уже готовы десять страниц, теперь хочу не хочу роман напишу.

Вчера состоялось заседание Платоновского общества, я его создал, выпестовал, и все почему-то накинулись на меня: отдавать чуть ли не здание под музей. У меня глухое чувство раздражения несправедливостью: ведь музей-то придумал я. Получат ли теперь они что-либо, кроме юридического адреса?!

О политике не пишу: по-моему, забыть надо все распри и политические обиды. Все — правые, левые, евреи, инородцы, христиане, коммунисты — должны объединиться против сегодняшнего режима.

Из предыдущего: говорил с Джимбиновым. У него было обо мне представление как о матером коммуняке. На мой имидж кто-то работает. Очень интересно говорил о Блоке и Горьком. Оказывается, значительная часть их литнаследства не печатается — "цех" героев "Дневников писателя" Достоевского. Слишком много и плохо о евреях. Достали!

Написал и отдал в "Столицу" открытое письмо С. Аверинцеву. Ожидаю скандала.

26 ноября, пятница. Открытие выставки Э. Лимонова в Музее Маяковского. Все, как и было у В.В. Новый план — "подарен его будущей женой в Нью-Йорке". Много ТВ. Все готовилось как возможность предвыборных речей. Кругом экстравагантный молодняк. Видел А. Мальгина, он указал мне на Я. Могутина — с сережками в ушах. Но пишет интересно. Я с С.П. сел очень удачно — в зале, возле стола, где разливали шампанское. Сережа, как ястреб, следил за тем, когда вынесут очередную бутылку, и был тут как тут.

27 ноября. Был с В.С. у Наталии Георгиевны Михайловской в гостях. По поводу поступления Риты в аспирантуру. Дивный мальчишечка Гоша — ложится спать в 19.15 без криков и стонов, как дрессированная мышка. Рита стала вегетарианкой после того, как на ее глазах в Пушкине рухнул путепровод. Но стол был замечательный, все как у покойницы-мамы. Картинка из "Книги о вкусной и здоровой пище".

27 ноября, суббота. Общее наблюдение: в эти выборы ТВ сильно даст прикурить правящей олигархии. Жириновский, Травкин и Говорухин столько сформулировали публично… Но брань на вороту не виснет. Я был свидетелем крушения одной

диктатуры и похорон величайшего диктатора, сейчас являюсь свидетелем порождения новой.

За столом Н.Г. меня удивила: оказывается, обо мне все время в газетах пописывают, а я-то и не знал!

1 декабря, среда. Вчера приехал из Венеции Женя Рейн, привез мне роскошный галстук. У него будет открытый семинар — 32 новых стихотворения И. Бродского.

Сережа как заведующий международным отделом, кажется, всерьез решил отправить меня в Албанию.

5 декабря, воскресенье. Записываю по порядку. Идет слалом обязательных дел. 3-го отгуляли 60-летие института. Присутствовали: Бондарев, Розов, Егоров, Вишневская (говорила смешно). Зал слушал Бондарева. Я сочинил коротенькую речь. И все это закончилось роскошным банкетом в 23-й аудитории.

10 декабря. 3.30 (местное). Я в Албании, в Тиране. Пишу лежа, в гостинице. Первые впечатления, кажется, еще сформирую. Но пока о гостинице: нет воды, я аккуратно заклеил все щели в окнах туалетной бумагой. Очень хочется вымыть руки. Так жалею, что накануне не вымылся у Иштвана и Татьяны.

Прилетел в Будапешт очень рано. Встречал Иштван, муж двоюродной сестры Л.И. Скворцова, и повез домой. За этот день я узнал и увидел в Будапеште намного больше, чем за прошлый раз, когда мы в жару носились в автобусе. Наверное, не утерплю и напишу статью, хотя зарекаюсь — надо продолжать начатый роман.

Поход с Иштваном в Экономический университет. Это здание бывшей таможни. Остались чугунные колонны. Как все добротно, как обо всем заботилась империя! Бронзовая скульптура К. Маркса в огромном актовом зале. С названия университета уже сняли имя Маркса. Во время собраний разных левых партий скульптуру Маркса стыдливо зашторивают. Но ректор — молодец, держит у себя в штате знаменитого экономиста.

Вечером с Таней гуляли по горе Геллерт. Зашли в храм, в пещеру в горе, здесь же проход в монастырь. Чудесное впечатление — фигура Богоматери, подсвеченная снизу, и шум города. Много приделов, все чисто. Раньше (до монастыря) было общежитие балерин. Кому мешал этот храм? Ах, коммунисты, почему такая нетерпимость? Статью, если буду писать, начну с памятника на вершине цитадели. Знаменитого Солдата уже нет. У самого памятника идут строительные работы, хотя многие фасады в городе изменились до неузнаваемости. Скалывают список имен воинов, погибших во время штурма Будапешта. Интересны подробности о фигуре Штроубла. Она делалась как памятник сыну Хорти, он был летчик, и скульптура была с винтом

в вытянутых руках. Потом в руки дали пальмовую ветвь. Ходят также легенды о двух парламентариях: их вроде бы стукнули наши, чтобы "устроить" штурм. Чудовищные идеи демократии! Сидели с Таней в "Винной аптеке", пили бургундское. Нет ничего лучше бочкового венгерского вина.

12 декабря. События: 10-го беседовал с послом в Албании Виктором Ефимовичем Нерубайло. Был на беседе в СП, потом ужинал с председателем. Еще двое: один (переводчик Есенина) — пишу для памяти, позже уточню; другой прозаик, бывший управделами Горбачева. Познакомились с Димой Козьминым (жена Наташа) — молодой дипломат, дивный парень. Проводил с ним все вечера, он много рассказывает, я рассказывал ему. Все по деталям записываю в записную книжку.

Вчера был в крепости Скандерберга. Город похож на Ялту. Встретил нашего бывшего выпускника Дмитрия. Он помнит адрес института, адрес общежития, многие утонувшие подробности, нашу Магдалину Рубеновну, преподавательницу русского языка.

Сегодня утром шофер посла вывез меня в посольство — голосовать. Все это для меня впервые, длинные списки, знакомые имена, по-старому осталась лишь комиссия, будка, стремление заглянуть в избирательный список. Я не знаю, как будет голосовать народ, разобраться в этом почти невозможно. Большинство стариков и пенсионеров окажутся в руках более грамотных и шустрых людей.

После ездили на берег Адриатики. Опять, как гвоздь, во мне сидела мысль об идиотизме всех фортификаций. Целые гроздья разных огневых точек вдоль берега моря, фланкируют долины, дороги, выходы и проходы в горах. Все страна рассчитана и стоит под перекрестным огнем.

Видели огромный античный амфитеатр — поразительное по замыслу сооружение. В VI веке он был подвергнут разрушению, вернее, в него были встроены две церквушки — Св. Стефана и Св. Екатерины. Здесь же небольшие катакомбы. Одна культура, как раковая опухоль, в недрах другой. К сожалению, в свое время церковки "распечатали", а потом даже украли пластмассовый шифер, прикрывающий фрески от дождя. Еще пару лет — и все это исчезнет, осыплется, снова, простояв столетия, уйдет в века. Иллирия!

Купался в море. Приехав, сидели у Димы и смотрели фильм с Абдуловым — "Гений". Опять воры, мафия. Мне отчего-то стало страшно — погубят они меня. Сейчас начну писать роман и учить английский.

Денег мне никаких не дали и вроде бы даже кормят плоховато. Мое время, мое поколение и переживания уже не

интересуют новое время и тусовку критиков. Это как бы письма и опыт мамонта.

14 декабря, вторник. Уже известны результаты выборов: Жириновский, Травкин, Зюганов. Народ все расставил по местам. Полагаю, что играл роль в первую очередь этический принцип, демагогия уходит. Народ готов мириться с общим недородом, голодом и холодом, но все-таки он видит, где жулики. Россия хочет своих, ей надоели усиленно внедряемые через ТВ и прессу еврейские политики, писатели, еврейская психопатия.

Утром работал, продолжал сцену у Дома. Заезжал Бодоль, пили кофе, поговорили о правительстве, о детях. У меня мысль об археологе-инопланетянине: он бы никогда ничего не установил, потому что и для военной доктрины здесь многовато.

В 11.00 был у министра просвещения. К сожалению, министр не похож на Кинелева. Знакомая осторожная фигура. Со мною был посол, и он-то министерство потрясет.

В 12.00 у министра культуры Димитера Анагности. 33 года назад он уехал из Москвы, учился во ВГИКе. Они не забыли язык, потому что не хотели его забывать. Много подробностей о Княжинском, Шукшине, Шепитько. "Я за приоритет для писателей. Не знаю, как насчет экономики (я не специалист), но Албания будет жить и сохраняться за счет культуры". Рассказывал, как приехал: "Я не знал, что значит 24 кадра в секунду, что такое производство кино. В день окончания Волчек собрал нас: "Что нужно, чтобы снимать кино?". Мы знали, что отвечать: "Камера и пленка". И тогда Волчек выкрикивал давно всем известный ответ: "И талант!". После того мы могли чувствовать себя специалистами".

Соображение: албанцы смотрят сейчас на Италию, как в свое время итальянцы — на Америку: уехать! Земля обетованная.

Продолжаю записи. Вечером в Доме Союза писателей Албании — Албано-Российское общество организовало встречу. Было человек тридцать, и все, кажется, было интересно. Я старался быть искренним, и поэтому получилось.

После хорошо поговорили за кофе. Двое бывших военных, выпускников московских училищ. Фамилии у меня в записной книжке, постараюсь использовать. Один писал Ходже о "датах" (но он сам их придумывал) и сел на восемь лет. Вышел и снова написал.

15 декабря, среда. Очень тяжелый день. Университет (филологи и русисты), декан, Институт албанской литературы. Встреча с коллективом посольства. Картинная галерея (все в блокноте), вечером у посла. Были: Дритеро Аголы, Дмитр Дасувани, Дазария, Лора Васильевна и Виктор Ефимович.

Вечером приходил Лили Баре — позвонить бывшей жене в Ленинград, там у него сын.

Из записей, которые сделал в Москве, вдогонку: прием у Виктора Ефимовича Нерубайло — посла России: хорошая кормежка, хорошие, интересные разговоры. Прогулка с Димой по парку за университетом. Разрушения, похожие на наши. Амфитеатр с вывороченными сиденьями. А еще дальше зоопарк, в котором уже нет зверей: грозный орел, испуганная лиса — все пусто.

Отьезд из Тираны в дождь. Моя боязнь, что вещи не успеют на пересадку. И удивительная, запомнившаяся мне на всю оставшуюся жизнь легкая пересадка и полет до Москвы.

31 декабря. В Новый год мы с Валей, Татьяна Алексеевна и Гена, муж покойной Тани Хлоплянкиной. Кажется, все ее забыли.

1994

7 января. Был в концертном зале "Россия". Вручение "Золотого Овна". Занудливое действие и ужин, который мы все честно за это заработали. Скучно, все куплено.

Дневник надо писать ежедневно или — бессмысленно.

Почти закончил первую главу нового романа.

17 января. Вчера Егор Гайдар подал в отставку. При всем скверном к нему отношении формулировка отставки безукоризненно честна, и я полностью с нею согласен: русские налогоплательщики должны будут расплачиваться за белорусскую инфляцию и строительство нового Белого дома (его стоимость в 5 раз превышает расходы на культуру) — преступление. Теперь народ это знает в образной форме.

Сегодня был на приеме по поводу 130-летия земства. В Свято-Даниловом монастыре. Из впечатлений внешних: сервировка, кухня, качество кухни, хотя и экономят. Я давно уже не видел такой коллекции хрусталя. Водка в графинах. Встретил Ник. Аркадьевича. Время поваров. Видел Ципко, С.В. и Н.С. Михалковых. Никита говорил о ненависти к России инородцев. Я спросил, что случилось с О.П. Табаковым? Мы когда-то вместе ужинали у Олега. Н.С. ответил: "Он наполовину еврей". — "Но наполовину!" — "Евреев наполовину не бывает". Его же мысль о русском характере: "Хорошо бы дом, но если его надо строить, то можно без него и обойтись".

18 января, вторник. Писали весь день "Книжный двор". Сюжет: с Володей Орловым — о "Шеврикуке", с Ефимом Лямпертом — о романе В.П. Астафьева. Ефиму 30 лет, он — врач-гинеколог-акушер, говорим и о романе "Побежденные" Ирины Головкиной. Ефима я провоцировал сказать больше, чем он хотел, т.е. о злости и злобе Астафьева. Но я сказал об отдельных, поразительных по силе сценах. Много размышляли о "Побежденных". Надо написать статью: невостребованное.

19 января. Ельцин принял отставку Гайдара. Утром был ректорат по поводу заочки. Шла речь о минимуме почасовой нагрузки. Все мыкались и суетились о себе. Интересы дела и института Минералова не интересуют. Совершенно неприлично явился Смирнов, рассказывал о своих успехах в Париже.

20 января, четверг. Весь день был дома. Приехал Анатолий из Сочи (родственник Копылова). Рассказывал о разгоне там демонстраций и патрулировании улиц. Мы незаметно вырастили поколение, которым ход порядка и ход событий в мире безразличен. Они целиком базируются на картинке в ТВ.

Продолжаю писать роман. Меня это увлекает.

23 января, воскресенье. Самое сложное — находиться "в состоянии прозы". Нельзя читать, писать, заниматься чем-либо — ты ждешь, боишься спугнуть, перемешать со знакомым. Роман выруливает на главу "Мать".

В субботу вместе со своим учеником Виталием Амутных был в Театре ЦДС на "Шарадах Бродвея". Спектакль (по фильму "Это все о Еве") с Л. Касаткиной. Ставил Бурдонский. Все увлекательно, но плосковато, нет изощренной, любимой мною мыслительной психологии.

Вчера ходил чинить видик. Взяли 36 тысяч.

28 января, пятница. В среду в "Литературке" вышла статья Евг. Щегловой "Стоящий за дверью. Сергей Есин и его герои". Неинтересно. Господи, милые, оставьте нас в покое, занимайтесь собою, как мы занимаемся собой, не копайтесь в нашем, у вас достаточно своих, не лезьте все мерить своим двойным гражданством, у нас оно одно.

Нападки на меня последнее время идут жестокие. Может быть, это и к лучшему. Все ожидают, что я буду бороться за Литинститут, а я все без боя освобожу, и тогда крутитесь сами с воспитанием своего подрастающего слабого юношества. ТВ, пресса постепенно из нас, русских, всех делают антисемитов, мне надоело быть каким-то анти.

31 января, понедельник. Был на "Беренике" в ЦДМ, в постановке Бородина. Мое давнее любопытство, что "слышали" современники, — удовлетворено. И снова соблазн: а как это звучит по-французски. Ведь те актеры и актрисы потрясали. Очень хороша и сама постановка: свет, светильники, которые все действующие лица держат в руках, архитектура, среди которой разворачиваются события. Играется все на роскошных лестницах бывшей оперы Зимина.

Утром страдал у зубного.

Вечером — секретариат СП. Говорили Бондарев, Распутин… Интересна мысль Бондарева: все — сейчас же. И Распутина: о закате литературы. Жесткое письмо идет, нехорошо тому, кто пишет в мягкой, прочной манере.

2 февраля, среда. В институте открылось совещание молодых. Девушки в столовой очень хорошо все подготовили. Обедал вместе с Распутиным.

Весь день прошел в скандалах: не из чего платить зарплату, не хватает 11 млн. Это все проделки правительства. Конфликт с Ольгой Вас., нашим молодым главбухом, разрастается: здесь все замешано на злой женской себялюбивой и пронырливой воле.

Вечером был с Викт. Симакиным в театре: "Шарф Коломбины"

с Васей Дичковым. Кружево вокруг холодного рассудочного текста Г. Саркисяна. Эстетика позаимствована от Фокина. О, это воровство в театре!

Скандал с В.С. Она готова предавать меня каждому встречному. Я — рационалист. "Тайные занятия рыбки" (секретные) упоминаются в рассказе у Селенджера. Мы не такие.

3 февраля, четверг. Вечером в ректорате сидели В. Распутин, С. Шуртаков, С. Иванов, Ю. Минералов, Лева Скворцов, я. Все это было после семинара прозы. С завистью сидел на семинаре: вот моя работа, а не унитазы. В ход пошла последняя бутылка коньяку из Албании. Много интересного рассказывал Шуртаков. Его курс: Бондарев, Мандель, Фридман (свободный человек) он же Бакланов. Рассказывал, кто из ребят что привозил с каникул из дома: Годенко (отец — директор МТС в Мордовии) — сушеную картошку, кто-то мед в бутылках и т.д. Я многое тоже высказал из своего обидного и потайного. Распутин подарил мне (подписал) "Сибирь".

4 февраля, пятница. Закрытие заседания. Опять говорил Бондарев. Приняли моих двоих: Долженко и Амутных. Секретариат благодарил меня.

5 февраля. Были у Михайловской. Чудный сын Маргариты Леонтьевой Гоша. Прекрасный торт из желе. Выпили крепко. Михайловская (от Розанова) начала тягостный разговор о евреях, предупреждая меня об отдельных высказываниях — особенно в марте, апреле. Надоело!

13 февраля, воскресенье. Анапа. Последнее время жил как в бреду. Мне кажется, у меня поехала крыша. Все из-за института. Я понимаю, что ничего не могу предотвратить, и остановить, и предвидеть, но мечусь, затыкаю щели в судне, которое топят. Еще хуже, когда затыкаю возможные бреши. Пишу какие-то письма, пытаюсь перехватить у судьбы инициативу. 4-го выдали зарплату по "расценкам" декабря. Понадеявшись на указ президента, а потом распоряжение правительства, я поднял (согласно указу) зарплату в 1,95 раза. Но, естественно, денег никаких не пришло, и я вернулся к старому.

Перевел старика Озерова на полставки. Его подтексты — библейство, но ему 80 лет и мифическая загрузка.

Писать о В.П. Смирнове не буду, все это сплошная боль. Вот как он ответил на приглашение студентов на панихиду по Пушкину 10 февраля в институте. Не желая сказать по-бытовому, что просто занят, заявил: "В этих стенах, осквернённых валютными пунктами…" За счет этих валютных пунктов он прожил месяц в Париже! (К слову, на панихиде служил отец Артемий, роскошный молодой, несколько кокетливый батюшка.

Бывший студент с филфака МГУ. Во время очень интересного слова — разжигал ладан перед панихидой — он что-то прыснул даже по-французски.)

А тут еще сумасшедший Вас. Вас. Калугин принялся душить Саркисову. Старуха по этому поводу написала письмо. Мрак! И еще проигранный процесс (разгильдяйство проректора по хозяйству Ларисы Ник. и Ашота, нашего юриста) по поводу жилого крыла нашего общежития.

От всего этого я и сбежал в отпуск, черт с вами, вы позируйте, а я линяю!

Завтра постараюсь написать о поезде, о попутчиках, а сегодня еще об одном событии последних дней. Твердо решил печатать уже давно написанные "Огурцы" и отправил их в "Современник". Предварительно дал прочитать В. Сорокину — откликнулся "литературным", в его манере, письмом, явно с наметкой на общественно-литературный резонанс, — и Рус. Киреееву. Этому дал с тайным расчетом, ибо в опусе довольно много места уделено и ему. У Руслана очень благодушный отзыв, сказал, что, например, не знал о моем звонке Новикову, с которым он дружен, сказал также, что в записках нет надсада и стремления кого-либо обидеть, но позиция и ситуация. Что скажет теперь Куняев? Надо обязательно добавить письмо Любимову и мою заметку в "Лит. России".

Живу в санатории им. Крупской. Разместили прекрасно.

14 февраля, понедельник. Звонил С.П. Вышло мое интервью в "НГ" Что-то со словом "вегетарианец". О новостях в институте пока говорить рано.

Утром ходил по Анапе. Самое главное — нашел раскопки уровней Горгиппии. Мне важно, чтобы за спиной обязательно был "крошечный", впаявшийся в землю — одни фундаменты — город, и тогда уже весь берег, небо, залив превращаются в место действия древнего мира. Босфорское царство! Синдская гавань!

В городе очень холодно после прошедшего урагана, пустынно. Граждане бывшего Советского Союза прекратили болеть. Пустыми стоят огромные санатории. Работают лишь два — Крупской и Чкалова. "Крупская", в котором живу я, заполнена в лучшем случае на 20–30 %. Все попытки оккупировать, удержаться на плаву обречены на поражение. Здесь ножницы: коллективы и тот стиль, за который могут платить только очень богатые люди.

Читаю "Улисса". Не пишется.

На косе среди моря — стаи лебедей и уток. Прошел мимо памятника-стелы. На ней надпись: "Здесь в здании курзала 1 февраля 1918 года была провозглашена Советская власть в г.

Анапе" (вырезано на камне).

"Устанавливается одновластный режим — Советская власть. 21 сентября 1993 года" (это самодеятельная надпись фломастерами или краской). И рядом: "Быть монарху" (цвет побледнее).

15 февраля, вторник. Включился в полный, как военнообязанный первого года службы, комплекс лечения: бегаю, хожу на процедуры, мало с кем разговариваю, много гуляю.

Во время прогулки у моря, на высоком обрыве, нашел кладбище. Это за маяком, и дежурный, поднимаясь на башню, должен его видеть. Есть несколько надгробий начала века. Живым нет дела до мертвых. Старинный русский деревенский обычай с деревянными крестами благороднее: память, пока крест не сгнил. Мертвые с нами, пока память о них живет. Видеть искрошенные бетонные надгробия — невыносимо.

В этом смысле мое положение ужасно. Мне надо бы самому подготовить фотографию, которая будет на моем надгробье. Я слишком много отдал сил своей деятельности как литератор, чтобы теперь о чем бы то ни было жалеть.

С.П. рассказывает о своем крошечном сыне. Эти рассказы не только меня занимают, но делают этого ребенка удивительно близким. Сострадание — вот путь к любви.

Написал несколько страниц в "Ошибку 2-х". Все время читаю "Улисса". Какая гениальная, поздно прочитанная книга! Она так проста во всей своей немыслимой изощренности, что невольно начинаешь себя корить: почему не я, не я это придумал и написал? Но есть еще один немаловажный момент: сколько же времени вложено в этот пухлый том!

Сегодня по ящику показали подписание договора Ельциным и Шаймиевым (Россия и Татарстан), потом женщина-корреспондент задала как бы обоим вопросы. С какой ненавистью Б.Н. смотрел на нее: надо делать еще одно интеллектуальное усилие, чтобы понять вопрос. Но внезапно инициативу ответа перехватил Шаймиев: как тяжело Ельцину привыкать, что кто-то из Казани равен тебе.

Идея рассказа: человек ходит по кладбищу и подправляет могилы, реставрирует дощечки.

Вооруженные нашими историческими знаниями, как никогда близко и подробно мы имели возможность наблюдать лицо тирана. Хорошо — тирана не будущего.

Не забыть попутчиков по поезду. В дороге прочел книжку Вероники Куцилло "Записки из Белого дома". На журналистском жаргоне Б.Н. — Бэн. Книжка резко ангажированного автора, и тем не менее есть поразительные пассажи (стр. 152). Уже

заканчивается штурм парламента, и до конца книги остается лишь пять страниц: "Я, кажется, перестаю нормально оценивать действительность. Те, за окном, они кто? Они же — наши, мои, т.е. президентские. А эти, внутри, с автоматами и без, они чьи? Не наши. Почему же те, молчаливо стоящие на набережной, вызывают ужас и ненависть? Их солдаты, их танки… И если бы я сейчас могла каким-то образом исчезнуть отсюда и очутиться на той стороне, хотела бы я этого? Нет. Я бы не простила себе предательства до конца жизни. Сбежать, уйти — я ведь это уже пробовала один раз и помню, что после этого чувствуешь".

Идея рассказа: живые ходят к мертвым в гости. Как бы вход в зеркало.

16 февраля, среда. Написал статью о книжке Вер. Куцилло. Кому — не знаю. С большими ехидными цитатами. Подтекст: что же вы, гады, трепали языком! Невольная аналогия мстительного человека: любой конфликт разрешается мирно, кроме конфликта с собственным парламентом.

Мельком показали по ТВ вскрытый гроб Гамсахурдиа. Как мало остается от человека. Но эти маски накладываются на мои постоянные мысли о смерти.

Завтра начну писать сцену "общежитие". Это трудно; писать надо помалу, иначе происходит сползание стиля, нет столь любимого мною уплотнения. Общежитие надо выходить.

С высокого берега видно, как под вечер лебеди перелетают в соседний заливчик: волны, барашки, пена. Вообще-то издалека лебедь напоминает сегодняшний скоростной реактивный истребитель. Летящая змея, хищная птица.

19 февраля, суббота. Тоталитаризм закончился в 1985 году. Дальше все пошло под горку. Нетерпение инородных диссидентов губит Россию. Мы так долго терпели и шли к другому государству, что не хватило сил на финишную. Пишу так, может быть, потому, что смотрю по ТВ Олимпийские игры.

Два соображения. После выступления Юрия Власова. Его отца (работника КГБ, отказавшегося от тесного сотрудничества с Берией) в 48 лет заставили сделать "прививку от рака", а через четыре месяца он погиб от саркомы. Вспомним также В.И. Ленина. В статье М. Алданова, связанной со смертью В.И., описывается факт выступления 20-летнего Ульянова в Самаре: пусть голод, голод создает революционную ситуацию.

В одном случае распущено КГБ (речь на 1-м съезде советов), в другом — пала империя.

Много говорят о Сараево. Мне иногда кажется, что режиму Б.Н. очень сейчас нужна была бы, чтоб продержаться, война из патриотических побуждений.

20 февраля, воскресенье. Сегодня был дивный день. Солнце, море синее, снег у берега растаял. Лебеди берут хлеб из рук.

Пишу уже в половине двенадцатого ночи. Видел сон, от него и проснулся. Вдруг во сне из моего правого бедра фонтаном через какие-то прорывы потек гной, похожий на поносную жидкость светло-горчичного цвета. Я спал в своей комнате и закричал, вскочил: Валя, Валя! Определенно, была какая-то радость освобождения, за которой должно было прийти и выздоровление. Со второго раза Валя зашевелилась у себя, и я увидел через щель в двери, что она в руке несет йод, который, не донеся до меня, разлила. Швырнув пузырек, она пошла к себе, сказав, дескать, что сама больна. И тут почувствовал, что хочется взять тяжелый молоток и ударить по голове. Опять было чувство гнева, обиды и досады. Нельзя же так любить только себя!

После завтрака уехали на машине с соседом по столу Алексеем, подполковником, живущим в Новороссийске. Долго размышлял об особенностях Краснодарского края. Климат и возможности почвы здесь таковы, что мужик вынужден все время ждать результата, работать, наш — философствует, он ищет смысл. В этом отношении краснодарский мужик — политик, наш — философ.

Несколько поразительных моментов почувствовал от осмотра города. Сверху — вид Цемесской бухты. Памятник погибшим кораблям из бронзовых волн, на каждой из которых абрис и название судна, затонувшего в 1918 году, помечено и расстояние от берега. Невольно вглядываешься в прозрачную воду: не покажутся ли призраки? Хорош и гранитный красноватый коленопреклоненный матрос, глядящий на воду. Все на века. Трагично и сильно. Здесь же где-то и сгинувший по халатности с пассажирами несколько лет назад "Адмирал Нахимов".

На другой стороне огромный, в духе монумента на Пресне, памятник высадки куниковцев. Идея потрясающая: чудовищная плита, как часть судна, и выходящие через десантный люк люди. Видно, что все это стоило немало. И со всем можно было бы смириться, даже с торопливостью Л.И. Брежнева, стремящегося отбить себе место в бессмертие. Но памятник этот проецируется на бедность ближайших бетонных пятиэтажек. Я представил себе маленькие кухни, тонкие, лишенные звукоизоляции стены и подумал: а нельзя ли было воздвигнуть что-нибудь подешевле?

Утром бегал и купался. Вечером опять болит левая нога. Сосуды.

22 февраля, вторник. В моих двух комнатах два туалета, два радиоприемника и цветной телевизор. Идут Олимпийские игры. Иногда, когда заканчивается передача, бывают странные и

смешные моменты: реклама подпирает конец программы, а переключаешь на другую — там тоже банковские дела, мебель для офисов или аукцион московской недвижимости, но в это же самое время и по радио продают по самым дешевым и убыточным для продавца ценам партии английского шоколада или итальянской обуви. Ходил давать телефонограмму по случаю 23 февраля. По дороге купил "Литературную газету".

"Москва, Литинститут, Льву Ивановичу Скворцову.

Дорогой Лева, поздравляю тебя и в твоем лице всех наших оруженосцев профессорского, преподавательского, студенческого, аспирантского и технического контингентов с былым праздником Советской Армии. Желаю всем здоровья. С особым волнением вспоминаю наших фронтовиков: Георгия Ивановича Куницына, Михаила Петровича Лобанова, Юрия Давидовича Левитанского и всех других. Пошли им Бог долгих лет жизни. Сергей Есин".

Интересно, как воспримут этот текст?

В санатории много увечных детей: хромота, волочит ножку, согнутая ручка. Глядя на них, сердце обливается кровью. Но еще больше жалко матерей.

"Литературка" идиотически пытается меня "достать". Опять о валютном окне в институте. Мерзко. Действительно, вторая древнейшая.

23 февраля среда. Вечером шел по лестнице, на ступеньках Антон (лет шесть, без руки) играет с приятелем в электронную игру. Бодро, без смущения нажимая культей на кнопку.

Сегодня же вечером танцы. Все увечные ребята любят танцевать, и делают это очень ловко. Элегантный Алексей перетаптывается на месте. Антон же любит плавать и все норовит прыгнуть с вышки.

Вечером объявили о решении Думы об амнистии. То, что голосовал против Гайдар, понятно. Даже смятение я прочел на его лице по ТВ. Я с ужасом воспринимал эти события, зная Бэна. Боюсь, он не остановится ни перед чем. От судьбы трудно уйти, когда человек обходит ее виток, она догоняет и хлопает его.

Не вернуться ли мне в Москву? Страшно.

Написал сцену обольщения. Хорошо. Роман скользит, как плохой конькобежец. Но образ, кажется, я поймал.

Днем был с Алексеем и Петром на дне рождения Людмилы Андреевны. Странная компания. Богатый, многообильный стол. Какая-то неясная молодежь.

24 февраля, четверг. Плохо спал. Отхожу от вчерашних безумств. Возраст таков, что уже два бокала шампанского для меня — излишество. Вчера поздно выяснилось лицо дамы, которая нас пригласила. Она многие годы работала в бюро

туризма Анапы, продала квартиру за 27 млн и уходит в монастырь. Думаю, что просто временно выплывает в другую жизнь, прячась от кого-то. Судя по разговорам за столом, мирской жизни она не прерывает. Раньше мы привыкли, что имидж санатория до некоторой степени спасает нас от нежелательных знакомых. Я понял, что мою общительность надо попридержать.

Сегодня выступил Ельцин. Надоело слушать речи, написанные помощниками. В этом смысле Ленин да и Сталин были интереснее, в их выступлениях чувствовалось собственное дыхание.

Немножко писал.

25 февраля, пятница. Когда возникает свое — исчезает чужое. Жил я более или менее спокойно до 13.30. Позвонил С.П. Что-то происходит с арбитражем. Ольга Васильевна, наш главбух, сказала: Есин специально уехал, а я на суд не пойду.

Второй раз охватывает меня всепоглощающий гнев по ее поводу. Пошел и сдал билет. Еду в Москву 28-го, на 10 дней раньше…

Но одновременно С.П. передал мне телефон в Анапе некоей Светы, моей родственницы, которая только что мне звонила. Светлана Ивантеева из Владивостока? Света из Дубны? Это племянница Светик, дочь Тамары Мироновой. Нашел ее (Черноморская, 46). Сели, поговорили, сколько вспомнили о нашем детстве. Боже мой, куда все улетело? Покойники живы в моей памяти.

26 февраля, суббота. В 15.00 подал в отставку Казанник. Перед этим, накануне, я слышал его интервью. Значит, на него давят со страшной силой. Власть — еще две-три отставки — будет опозоренной.

Сегодня шел по набережной и, как всегда, стоя писал роман. Нос к носу столкнулся с одетым в камуфляж парнем, омоновцем из Нижнего. Получает 350 (я — 100) тыс. в месяц, живет в двухкомнатной квартире. Жена и ребенок. Рассказывал жуткие вещи о Москве. Жили они, кстати, 95 человек, в "Украине". Не без удобств. Толпа все время шла безоружной. Может быть, были вооружены 10–12 человек впереди. Толпа смешала их, и они разбежались. Интересно, что о потерянном, отнятом у омоновцев и брошенном оружии никто не заикается.

Встреча с этим Сережей — судьба. Буду писать роман дальше. Послезавтра уезжаю.

27 февраля, воскресенье. Весь день сегодня ходил. Немножко писал. Был в краеведческом музее. На месте Анапы стоял большой мусульманский город. Все разбили, разорили в порошок. Вечером улицы почти не освещены. Так, наверное, было в

прошлом веке. И масса полуголодных собак. Дружба собачьего народа: скрещиваются немыслимые породы.

Немного поменял роман. Практически целиком первую главу. А пусть дальше время вертит сюжет. Напишу еще смерть отца и путч.

Главный грех — уныние.

28 февраля, понедельник. Уехал из Анапы. С утра уже чувствовал себя простуженным. Когда массажистка Оля хлопала на прощанье меня по бокам, чувствовал, как внутри все хрипело.

Прелестный, выстроенный в сталинском духе — "культура и порядок" — вокзал в Тоннельной. По дороге в автобусе все жаловались, что ездить стало невозможно, цена на билеты чуть ли не удваивается через месяц.

Поезд оказался на диво чистый и ухоженный, но за какую-то немыслимую цену. Проводница русская, переехавшая из Латвии, рассказывает, что все практически пришлось бросить, чтобы получить хоть какую-то зарплату. Ее сменил латыш, которому возвращают "прежние" земли.

Со мною в купе два крутых — или омоновца, или рэкетира, или и то, и другое, молодые симпатичные парни. Приступ разгулялся. Пью чай и ем мед. Засыпаю довольно рано. Один из молодцов за простынкой ночью трахает пассажирку, претенциозную, старше его лет на 5–6.

2 марта. Приехал в 5.00 по расписанию. На работе все разваливается. Поговорил с Ольгой: или заявление и тогда готовиться выступать на суде буду я, или выступай. Приехал домой и сразу свалился.

4 марта. Утром 3-го температура 38,5. Еле доплелся. Просидел на суде. Дело — к повторному рассмотрению.

Теперь болею дома. Звонил Ерохин. Бедняжку объявили на какой-то тусовке антисемитом, ибо в статье о Минкине он сказал: "русский бы так не поступил". Замучили нас еврейским вопросом. Этот вопрос касается только евреев, и пусть они его и разбирают. Есть еврейский вопрос или нет еврейского вопроса, но Алла Гербер все равно лишь бойкая публицистка, не писатель.

Еще из сведений: Нерлер прислал ответ на мою публикацию об "окне" Мандельштама. Не пожалел денег. Он сам в Нью-Йорке, Аверинцев — в Вене, и оттуда защищают интересы О.Э. Мандельштама, заключенного, погибшего из-за того, что не получил лишней тарелки супа. Хорошо защищают. Я представляю реакцию самого О.Э.: живое или мертвое? Объяснил же я им, что через это окно — половина наших институтских доходов!

8 марта. Весь день на ТВ ведьмин шабаш. Одна дикторша спрашивала у какой-то иностранной дамы: "Сколько

американских бизнесменов нужно привезти в Россию, чтобы настало возрождение?".

6-го ездил с В.С. на "Емелю", премьеру спектакля, который поставил Симакин.

10 марта, четверг. Слушал "Евгения Онегина" в Театре Станиславского и Немировича-Данченко. Боже мой, слушаю всю жизнь — что за чудо эта опера. Как светло соединились здесь два гения русских. Поразительно угаданы народные песни в ткани этого довольно рафинированного действия. Особенность русской музыкальной культуры — мы хотим знать слова, и в русской опере это необходимо, как нигде. Каждый звук здесь волнует, каждое выпорхнувшее слово заново осмысливается. Но может быть, я смотрю этот спектакль в последний раз? Смерть страшна не червями и могилой в полиэтиленовом гробу, а потерей этого дивного: "Слыхали ль вы за рощей глас ночной?".

11 марта. Был на совещании в правительстве Москвы, мое письмо Ю.М. Лужкову, которое я долго и старательно сочинял, возымело действие: мэр со всей определенностью заявил, что фасады и ограды в этом же году нам отремонтируют. Проводивший заседание Александр Сергеевич Матросов (очень большой начальник) дал указание готовить проект реконструкции института. Заковыка же здесь такая: а не перейти ли Литинституту с его собственностью к городу?

1995

18 января, среда. Вечером писал на Радио две передачи "Студию молодых" и "Писатели *у* микрофона". В первой были интересные ребята. Леша Сизов, ученик Рекемчука, оказывается, с блестящей прозой, тонкой и с великолепными глубокими ассоциациями, и два поэта: Дима Добровольский и Марина Кравцова. У Димы еще великолепные тонкие песни. Он кончил или почти закончил авиа-какой-то институт. Рыжий, одутловатый парень, родом из Костромы. Марина — химик, уже закончила Ленинский пединститут. Она до слез меня тронула, сказала: "Я думала — это передача по ТВ. На мне ни одной своей вещи, и даже шуба взята на стороне". Бедная девочка, но ее жизнь — это плетение ее слов.

В другой передаче высказал свою заветную мысль о Чечне. Когда мы видим матерей и сестер, перегораживающих дороги нашим танкам, невольно думается: а разве матери не видели, что их сыновья, и мужья, и братья привозят из Москвы, куда они ездили как охотники в лес, как лисы в курятник, — сумки денег? Эти деньги — слезы и беда других матерей и жен. Разве они не

знали, что поддельные авизо обогатили их мужчин?

Весь день занимался хозяйством вместо других своих сотрудников. Сегодня Гр.Гр., хохол-бригадир написал письмо: "Л.Н. отремонтировали квартиру, а она теперь хочет отблагодарить Серг.Голака, другого хохла, за счет института".

17 января, вторник. Защита докторской Прониным. Все это было прекрасно. Влад. был элегантен и язвителен. Первая половина дня была занята разборкой подряда: замена труб в общежитии. Один из подрядчиков написал письмо на Лар.Ник.: она за счет украинцев отремонтировала квартиру и теперь хочет одного отблагодарить за счет другого.

19 января, четверг, Крещение. Именно поэтому не созвали ученый совет. Завтра, с 14 по 18 — совещание одно за другим по ремонту. Приехала Л.Н. и пошла в бой. К счастью, в этот момент были Лев Ив. и Буханцов. Пасую против хамства. Вечером она с торжеством принесла мне подметное письмо. Видимо, его написал давний клиент Вал. Сорокина. Институт пуст, конфликтов нет. Дазыбао вывесил кто-то из ВЛК или их друзья. Как всегда, дикая обида на несправедливость ко мне. Нет сил работать, дышать.

20 января, пятница. Весь день крутился со злосчастной трубой в общежитии. Из событий ученого совета было два: сообщение М.П.Еремина о Грибоедове — вот здесь и понимаешь, для чего нужно 80-летие эрудита и что такое спокойная несуетная жизнь в литературе; и мое чтение анонимного стихотворения — грязной инвективы на меня. Создано все это в недрах заочки и ВЛК. Это еще раз свидетельствует о том, какие писатели у нас есть и каких писателей мы воспитываем.

"Тайному биографу, бабьезадому шустрило с "Дороги в Смольный" СЕРГЕЮ Графомановичу ЗАСОЛО-
ОГУРЕЧНОМУ посвящается

Вот Есин именем Сергей.
Писатель тоже преизрядный,
профессор, будь оно неладно,
литинститутовский ей-ей.
К нему я глупый с челобитной
ходил: коллега, уголок
мне дай пещеры первобытной!
Но некто бросил уголек
в его казенную квартиру,
и в ней, ей-ей, пожар возник,
и много, видишь ли, возни

с ремонтом кухни и сортиру.
А я, как юный пионер,
а он, как бедный инженер,
душ человеческих ваятель.
Он мне сказал: вали, приятель!
Таким писателям пока
в системе рыночной не место…?
Ах, ты задуй тебе с норд-веста!
Ах ты, цыпленок — из ЦК!
А ведь поди ж ты, инженер!
Знаток оттенка и нюанса.
Солист. А я — актер миманса,
всегдашний юный пионер.
Он, как и прежде, "вашим-нашим",
а мы по-пионерски пашем.
Мы состоим в одном Союзе,
как два шара в бильярдной лузе.
Но он под номером один,
а я под градусом.
И все же мы в разные системы вхожи:
товарищ — я. Он — господин.
Но, правда, я таких господ, как он,
вгонял в холодный пот.
Итак, пусть занесет в меню:
Его вгоню пять раз на дню.
Разок — от имени бродяг
с дипломами литинститута.
Второй — от имени бумаг,
что испражнил он почему-то,
а третий пот — за тех, кто пал,
служа не есинской халтуре,
а той большой литературе,
где конь Сергея не ступал.
Четвертый… Впрочем, полукровок
Грешно гонять без тренировок!
Я это, право, о коне…
ПЕГАСЕ… АСЕ… ЕСИ… НЕ".

Все последние дни лениво по полчаса, стучу на машинке "Гувернера", который не идет, потому что нет внутренней моей собственной личной темы, и перечитываю "Лолиту" холодным цепким взором. Вся конструкция, перекрытия и подпорные стали обнажены. Совершенство и мастерство редчайшие, во всем крайняя продуманность. Очень продуманные соединения и ходы

подготовлены и проаргументированы так точно, что выглядят органическими. Особенно мне нравится "Изабель г-жи Гейз". Набоков практически полно вводит "кирпич" с крыши" в свой сюжет, а ничего, проглатываю. Пустая и привычная суета. Просто, видимо, я бегу от себя.

23 января, понедельник."…?и очутился я в Париже". Осуществилась давно проектируемая командировка в Париж. Это Париж (Сорбона-8), с которой у института давний и тщательно выполняемый обмен. Встретил Клода Фриу, который заезжал как-то ко мне в Москву. Я с Б.Н. Тарасовым, зав. кафедрой зарубежной литературы и писателем-литературоведом. Его книжки о Паскале и Чаадаеве имели в свое время успех. Нам дали каждому по… долларов. Гостиница стоит по 210 в сутки, поэтому, выбрали совместное горемычное житие. В таком же крошечном (гостиница две звезды) номере я в юности жил в Японии. Правда, там был телевизор. Две койки, один стул, две тумбочки. Раздеваясь, рубашку и джинсы кладу на шкаф. А что поделать, иначе не на что будет ездить в метро и ходить обедать. Питаемся пока московскими запасами. Так живет профессура в доблестное послеперестроечное время.

Париж, в принципе, город скорее небольшой, во всяком случае с Москвой не сравнится. Рассмотрел памятник Карлу Великому у Нотр-Дам и Генриху IV на Новом мосту. Город, конечно, бесконечной эстетической неожиданности, как Ленинград, но на этот раз он меня не удивил. Очень хотелось бы увидеть улицу Старой Голубятни, на которой жил д'Артаньян. Но Лувр, подсвеченный снизу, Н.-Д., Сорбонна с ее поразительными амфитеатрами (например, амфитеатр Ришелье) и мраморными полами — все это волнует. В церкви Св.Устена видел могилу Кольбера, здесь даже стоял. Легенды, оказывается, имеют прототипы. Но, в конечном итоге, цивилизация стоит лишь столько, сколько напридумает и напишет литература.

Раздумываю, когда звонить сестре.

24 января, вторник. День, посвященный д'Артаньяну. В 11.45 подъехала на машине Ирэн Сокологорская. Поехали на обед в Сен-Дени. По дороге о студентах: шустры, активны, но устрашающе необразованны. Вспомнил своих, особенно 5-й и 4-й курсы, которые взращивались под клекот необязательных впечатлений. Ресторан специализируется на гасконской кухне. Знал, что будет болеть пузо, но взял салат по-гасконски: чуть зелени, копченое мясо и жареная гусиная печенка с грецкими орехами. Гуся этого бедного сажают в узкую клеточку и набивают кормом через воронку, отчего печень разрастается и разбухает. Вообще, в гасконской кухне: утка и гусь, нафаршифрованные

особым образом, в жиру, отчего мясо как-то изменяется. Жареный гусь с овощами был необыкновенен и дивно хорош (похоже на "табака", видимо, и технология схожа). Но потом доля уважения к д'Артаньяну сказалась на болях в желудке,

После обеда пошел в базилику С.-Д. - могилы королей. Именно здесь, у гроба Людовика XIII, Атос принял клятву Бражелона. На меня все это произвело невероятное впечатление: Людовик XV, XIV, Мария Медичи, Капетинги и т.д. Все вылизано и расставлено в соответствии с экскурсионной логикой. Я представляю, какой хай производят все эти родственники, когда гаснет подсветка и уходят экскурсоводы. Выясняют — из-за него рухнуло королевство и прервалась династия. Как удивительно разнообразны надгробия: Филипп Красивый — совсем (по сегодняшним меркам) не красивый. Длинный оказывается коротким и т.д. И все это во время революции потрошилось, выбрасывалось. Все, как и у нас. Говорили об этом с Б.Н. вечером. Все то же неразумное, между богатством и бедностью, мещанское сословие.

На обеде выяснились некоторые подробности: М.О.Чудакова, остановившаяся в Париже у Фриу, далеко не афиширует своих взглядов. Все здесь воспринимается совсем не так, как есть на самом деле: демократия лишь как только демократия. Не она разваливала страну, и не демократическая интеллигенция давала разрешение Б.Н.Е. на штурм Белого дома и на ввод войск в Чечню. Письма подписывались не против инакомыслящих писателей, ученых, артистов, а против "фашистов", против антисемитов и т.д. Что и кто конкретно стоит за этими словами-фетишами, западная интеллигенция не знает.

В метро Тарасов перевел заголовок газеты, которую читал юноша: "Партизанская война в Чечне развертывается".

Вечером шел дождь. Сена уже затопила набережную, идущую вдоль правого берега, по которой еще вчера ездили машины.

Звонил Татьяне. Она очень обрадовалась. Поеду к ней в следующую среду.

25 января, среда. Жуткое наводнение на Сене. Вчера и сегодня временами шел дождь, коричневая вода в реке поднялась, закрыла шоссе вдоль набережной на нижнем уровне. Вода подошла и уже мочит осветительные приборы, которыми вечерами подсвечивается мост.

Все-таки это единственный город в мире, где русский человек, воспитанный на переводной французской литературе, чувствует себя так свободно. Огромное количество знакомых и памятных реалий, привычные названия улиц, имена, вошедшие в плоть нашей культуры. И, естественно, прущее через край,

прыскающее в глаза самодовольное богатство внешней культуры. На чем все это держится? Откуда такое обилие праздных людей на улицах? Откуда такое пренебрежение — при безработице — физическими формами труда: негры и алжирцы асфальтируют дороги, подметают улицы и вывозят мусор.

Утром, доплетясь до Ситэ со своей пл.Республики с толстой, по моде начала века мясистой теткой из металла в центре, я решил войти во Дворец правосудия. И все-таки власти, видимо, откуда-то ждут удара. Возле каждого государственного здания, на больших перекрестках, стоит их величество полицейский, чистенький, доброжелательный в опрятной форме и почти обязательно привлекательно-молодой. Во дворце на входе "для посетителей", всех обстоятельно, как в Кремле на прием, обыскивают, не чурались магнитными воротцами и осмотром сумочек, но потом можно почти свободно разгуливать почти по всей территории. Дом закона, который всегда старался стать не правилом, не исключением, а Законом, ибо, видимо, это и есть единственное прочное основание для труда и жизни. Какая свобода, какие роскошные холлы, вестибюли и приемные, сколько места и воздуха. Место поднимает власть. И как оно охраняется.

В 13.00 встретился с Б.Н. в Сорбонне. Я уже сходил в Люксембургский сад, чистый, ухоженный, скорее окультуренное пространство, нежели сад. Так же, как Тюильри, куда я поеду; все это заслуживает скорее любования, нежели любви, нужна сила, вольность, корень, рвущий камень. Этого ничего делать не положено. Германский порядок менее крут и значителен, чем местный.

Январь. Париж. Пройдя почти весь Сен-Жермен, добрались до книжного магазина "Глобус". Стоит трехтомник Алешкина, и лежит мой том "Избранного". Цена 120 франков — 12 кг отборных мемуаров. Б.Н. сказал, раньше магазинов было три, нынче, с падением интереса к русистике, торговля книгами сократилась.

Вечером долго и медленно разглядывал скульптуры по фасаду Лувра, которые мы все воспринимаем так же, как и печные трубы: это скульптуры деятелей государства, науки, искусства. Абеляр соседствует с Монтенем. Скульптур много, десятки, многих этих деятелей я не знаю или не могу прочесть их имена. Мазарини и Ришелье стоят через площадь напротив друг друга и пускают друг в друга ядовитые взгляды: счастливый и несчастливый любовник Анны Австрийской! Огромный, похожий, как его у нас представляет Вобан.

26 января, четверг. Совершили экскурсию на метро до ст. "Булонский лес", даже через лес, под дождем мимо Большого каскада озер — здесь был момент, когда какой-то вежливый

господин взялся подвезти нас до этих озер на "мерседесе" и подвез, через весь лес с голыми взывающими ветками на "вид Эйфелевой башни" к высокому обрыву над Сеной, где расположен дворец Шайо. Сверху опять бесконечная поразительно точная и от этого чуть скучная линия через башню к "Военной школе".

Две вещи поражают — Эйфелевая башня в переплетении ее металлических конструкций и сам Дом инвалидов: двери, огромное количество пушек — обстреливают точно и сейчас, — мемориальные улицы, церкви со свешивающимися с потолка вражескими знаменами. В каждом "жесте" — разумное воспитательное начало. Родина-мать. У нашей Родины, по-моему, слишком мало сыновей.

27 января, пятница. Утром позвонил Павлу и уехал в Малье. Долгий разговор о потери цели в жизни. Он уехал лет 20–25 тому назад из Киева. "10 лет прорывался, стал кандидатом наук, а все 140 р.". Выперли, слежка и КГБ. Он живет недалеко от замка Во-Ле-Виконт. Определенно я иду по следам Дюма. Мельком из машины увидел купол, под которым спал Людовик XIV (по Дюма). Мой визит оказался не таким уж спонтанно-бескорыстным, вернее, мое приглашение. Мы перед обедом съездили купили чугунную печку, которую Павел сторговал раньше.

Для меня все здесь безумно интересно. Дом, набитый старыми вещами и антиквариатом. С нашей точки зрения, поле жизни — музей.

История Павла: жена бросила, дочка ушла, дом, который он нанимал, становится не по средствам. Мечта вернуться на родину лопнула: он боится. Рассказывал, как пытался купить квартиру в Москве. Умереть чуть ли не проще. Какая удивительно грустная и безрезультатная жизнь. Рассказал все это Б.Н., он точно определил: самообслуживание.

Для "жизни без детей" — огромный пустой дом, полный постелей, на которых никто не спит, и игрушек: внизу педальный автомобиль, наверху электрическая железная дорога.

28 января, суббота. Наш номер стоит 230 долларов в день, если вдвоем, и 210 — если поодиночке. Окно в колодец, на дне которого какой-то зал или цех, а по бокам окна таких же отельчиков. Одна звезда. Туристский, но белье приличное, меняют ежедневно, и жить можно. Один стул, шкаф и две тумбочки, в которых наши продукты. Питаемся в основном длинными, дивного вкуса французскими батонами и дешевыми яйцами. Одна из особенностей жизни: топят только ночью, днем батареи даже не теплые, а просто не холодные.

Утром были в Толстовском обществе. Читали по-французски два доклада. Один о христианстве у Толстого — дочь или внучка

философа Лосского; другой — Жорж Нива невысокий литературовед (автор книги о Солженицыне) — о воображении (отсутствии) в романе "Воскресенье". Я хорошо сосредоточился и написал пару страничек в "Гувернера". Забегая вперед, скажу, что утром во время пробежки впервые прочувствовал и понял, что "Гувернера" я напишу. Вдруг увиделась жена второго героя, которая приехала и живет в одном номере (они муж и жена по фиктивным паспортам) с героем основным. Главное, есть ощущение, и с остальным справлюсь. Обидно, что герои не сразу выстроились и возникли под пером, и значит, предстоит внести уточнения, произвести серьезную редактуру.

Во время докладов записал в блокнот (возможно, несправедливо). "Седовласые, милые, высохшие люди, собравшись, делали все, чтобы убить живое слово, все расщепить, расчленить, лишить жизни, превратить все в человеческое мясо, действуют по алгебраическим законам скотобойни: поиски к поискам, потрошки к потрошкам, а рожки пойдут на варку клея".

К 15 часам пришли к Зинаиде Алексеевне Шаховской. Старуха — родилась в 1906 году, значит, ей 88 — меня околдовала, так умна, ясна и определенна. Я всегда в разговорах о ней в Москве относился с иронией: страсть юных недоумков к аристократии, какой там еще редактор "Русской мысли", так, дамочка с определенной злобой и долей рабочего антисоветизма. Мы запели с нею на два голоса сразу: "Я не признаю общечеловеческих ценностей". И я: "Я против интеграции Европы, снятия границ и мирового правительства. Во главе этого правительства станет такой монстр, что нам всем не поздоровится. Граница — это то, что может спасти человека" — "я это понимаю и разделяю".

Много говорили о библейцах. Держалась в рамках, но тема эта для нее из выстраданных и больных. Подарила мне книжку 23-го года, переизданную в 1978 году "Имка-пресс" "Россия и евреи", написанную (авторы) евреями. По ее словам, основная мысль книги — разрушение России нанесло еврейству огромный урон. То же самое происходит и сейчас. Вообще она много говорила о России, которая сейчас, по ее словам, переживает страшное время. Она с симпатией рассказывает о времени Хрущева и о Москве, куда она попала женой дипломата в 1920-х. Ее сегодняшния впечатления — глубокие, особенно от чиновников и их жен, которые стремятся ее посетить: ради приобщения к аристократизму. Главная ее печаль-забота — что ее не знают как писательницу в России.

15 романов и 4 тома воспоминаний по-французски.

Я постараюсь сделать все, чтобы заинтересовать

С.А.Кондратова и издать воспоминания и "Россия и евреи" в "Терре". Книги придется брать в архиве, куда все свое "нищее имущество" она передала. На первой странице она написала "Это честная и хорошая книга должна появиться в России — Зинаида Шаховская, 29.01.95".

Когда она встала с дивана и, опираясь на палку, — я пытался поддержать ее, "нет, нет, меня поддерживать не надо, я пока могу сама" — пошла за книгами в другую комнату, я обратил внимание: она высокая. Я-то всегда полагал, что долго живут только маленькие старушки.

Из подробностей: "Мой врач и друзья предупреждены, чтобы, если я почувствую себя плохо, никаких возвращений с того света, никаких машин и приборов. Старость дана человеку как последнее испытание, в наказание".

Она одна — все это, возможно, ждет и меня.

Возвращались к площади Республики, домой, пешком. Огромный Св.Августин, обошли темный парк Монсо, впечатление произвела церковь Магдалены с огромной фигурой Христа на фризе фронтона. По ту сторону рю Рех (Королевской) — обелиск из Луксора: две цивилизации смотрят друг на друга. Дальше начались бульвары: Итальянский, Капуцинов, витрины, отели, столики, пламя реклам — мне это неинтересно. Где заканчивается история — мне скучно.

29 января, воскресенье. Прочел только что с массой выписок книгу З.Шаховской. "В поисках Набокова": вот как надо писать — беспощадно. Импульс ее ясен: 500 страниц, сцена в "Галкиморе", когда Набоков- сука! — не узнал З.Ал. Беспощадно, но объективно и с любовью. Но и хороша расчетливость Набокова: он добился своего — книги-легенды Шаховской.

Вечером были у Натальи Борисовны Соллогуб, дочери писателя Б.С. Зайцева. Они с мужем Андреем Владимировичем живут в районе бульвара Гарибальди в собственной квартире. Здесь же сразу выучили меня ритуалу хождения в гости: я в джинсах и кофте, а хозяйка — в строгом костюме и на каблуках. У Андрея Владимировича белый платочек в кармане. Их браку 62 года. Двое, кажется, детей и с десяток внуков. Опять к восхищению стоицизмом. Хозяйка, не стесняясь, сказала: я вся в операциях, у меня в теле протез, титановый гвоздь и в бедре такой же искусственный сустав, у Андрея Владимировича почти потеряно зрение, он все время шарит по столу и берет не те предметы. Очень снижен слух, говорить приходится громко: здравствуйте, Андрей Владимирович (!!!) Прибавляется у меня и чувство зависти — семья. Большая, расчлененная, с многоветвистыми заботами. У Михаила, старшего сына, недавно,

например, умерла няня, сорока лет- рак. К этим старикам надо прибавить еще и Ирину Сергеевну Мамонтову (в доме у нее мы впервые встретились с Натальей Борисовной), плохо, с палкой передвигающуюся старушку, в русом, в отличие от своей совершенно побелевшей подруги, парике. В конце вечера она — мы проводили ее до такси — еле двигалась, стараясь не отрывать ног от асфальта.

Старики покормили нас небогатым ужином с закуской, супом, кусками вареной курицы с овощами и соусом, фруктами (несколько мандаринов) и чаем с печеньем и шоколадом.

Говорили о Чечне, выборах во Франции, об их московских впечатлениях, о религии. Здесь мы не сошлись с Н.Б. в ее экуменизме. Об архиве Зайцева: он почти весь здесь и кажется прилично разобранным.

Н.Б. показала комнату — кабинет отца, где он и умер, прожив в этой квартире лишь три месяца. Здесь, видимо, и ее кабинет; стоят новые книги Солженицына, "Живаго", стихи Бродского. Я рассказал о доме-музее писателей в Орле и просил Н.Б. подумать — не разослать ли архив, тем более, дети с внуками ездили по России недели две, и им нравились люди и страна. Это, действительно, сохраниться может что-то лишь на родине. Так что я посоветовал поступить с архивом — в ЦГАЛИ.

Я сам все время суетился, помогал носить тарелки, предупреждал движения — мысль о мучениях и труде, которые испытали эти женщины, меня угнетала, сердце начало сжиматься…?

Совершенно освоились в парижском метро. Оно мне нравится: предельно близко каждый раз подвозит к месту назначения. Поздно вечером здесь попадаются прелестные экземпляры бомжей. Один, например, спал, лежа на полу, подложив под голову какую-то дорожную сумку. Гуляя по городу, по Сите, в уголках набережной видели, как три бомжа на костерке готовили какую-то пищу. Подоспели человек шесть чистеньких, одетых в роскошную форму полицейских. Люди, в этот раз оказавшиеся на набережной, с удовольствием наблюдали за стычкой нищеты и закона. Сена очень поднялась, оставив под водой причалы, аншлаги, порой торчащие из воды в 10–20 метрах от берега. Два наших соотечественника снимались у Нового Маяка, у статуи Генриха IV. Кадр строился так, чтобы попали король и один из героев, и тот кричит фотографу: пусть в кадр войдет и наводнение — затопленный под мостом на косе скверик с закрытыми будками для мороженого.

30 января, понедельник. "Утром ездили с К.Фриу в банк открывать счет. По дороге показал уголки Монпарнаса и

знаменитое место, перекресток литературы: здесь одно напротив другого — "Куполь", "Ротонда".

Рядом небольшая гостиница, где останавливался Маяковский. Говорили о Р.Роллане, который знал положение в России, А.Жиде. Кто обманывался, кто был обманут? Я вспомнил Фейхтвангера, который просто боялся.

В 15 часов были у Анастасии Владимировны Солдатенковой, правнучке Пушкина. Солдатенкова (Солдатенков — купец, строитель Боткинской больницы; ее, кажется, переименовали) она по мужу. Опять — 80 лет, удивительно бодрая, генетическое здоровье, несмотря на диабет. Еще водит машину. Буду ездить до 85, а уже там как получится. Квартиру подарил племянник, поэтому "платит лишь 1600". Шьет, переписывается, вяжет на двух вязальных машинах. Жизнь как радостный дар: у меня очаровательные внуки, был очаровательный муж, очаровательные правнуки… Очень рада, что инкогнито съездила в Ленинград. Очень славно, вкусно нас накормила, подарила еще по коробке кофе. Жертвы своей бедной родины.

В 17 часов встретились с Ольгой Михайловной Ткачук (Герасимовой) — по мужу. Рассказывала о поразительной ненависти во Львове к русским. Они с мужем оттуда, и недавно ездили на машине. В трамвае вечно рассуждают: "Есть три великих поэта: Шекспир, Гете и Шевченко"". То же самое говорила о неприязни Франции к русским. Все радуются, что развалилась империя. Радуются неудачам в Чечне, слабости Советской Армии. С восхищением говорит о русской системе образования и сравнивала ее с французской.

Провели хороший и веселый вечер. Муж Юра, компьютерщик у "Филипса", валился с ног от усталости. Но как хочет домой. Сколько тоски по нашей русской открытой и ясной жизни.

Мои записки не передают и части глубины и уникальности всех этих людей. Здесь, видимо, порок стиля: много описательности, которую я не хочу довести до конца.

31 января, вторник. Вечером были у Клода Фриу и Сокологорской. Огромная мастерская бывшего живописца. Подобного я еще в своей жизни не видел. Во всю стену плоскость стекла и по утрам — сверкание отовсюду. Всюду пыльно, пахнет кошкой и собакой — белая афганская борзая. Борзая нянчит кошкиных детишек, таскает их, требует, чтобы кошка их кормила. Ездили в ресторанчик ужинать: много мяса и прекрасный пирог с яблоками и сметаной.

Сын у Клода и Ирэны — Игорь, дивный, толстоватый парень. Он учился год в Лите и жил у нас в общаге. Помнит многих ребят.

1 февраля, среда. Были, наконец-то, в гостях у Татьяны.

Квартира и жизнь у нее хорошая, но тоже страшная. Татьяна выложилась, встречая нас, Марк сразу же уехал в Париж, у него какие-то политические игры с Шираком. Видимо, у Татьяны нет никакой внутренней личной жизни. Марк, судя по его кабинету, другой: все у него по досье и полочкам.

Очень хорошо переделали гараж, в нем живет теперь Т.Н., моя мачеха. Довольно уютно.

Вечером осмотрели лицей. Все поражает; кабинеты, компьютеры, стадион за школой, столовая. Куда, интересно, в таком случае идут деньги наших налогоплательщиков?

2 февраля, четверг. Очень боюсь за лекцию в субботу. Решил всю ее написать. Это я в Москве не продумал, но и уезжал, как всегда, в спешке. Одновременно гоню повесть. Я всегда пишу, когда плохо на душе, кое-что проясняется, и, наверное, я все успею.

Вечером был в Лувре — 20 франков — после 15-ти. Обошел скорым шагом. Самое интересное — пирамида и нижняя подвальная часть, подножье средневекового Луврского замка. Все это значительно меньше Эрмитажа. Дворец с сухой и какой-то вымученно-декоративной роскошью. Живопись у меня больше не смотрится. Вижу свое время. Кажется, с музеями я покончил. В последний раз, видимо, взглянул на Афродиту и Нику. Джоконда впечатления не произвела, подозреваю, что она ближе к живому, нежели к искусству. В принципе, довольно мало человечество натворило за свою историю, значительно больше проорало.

3 февраля, пятница. Каждый день бегаю. Сегодня бегал, несмотря на то что не спал — волнуюсь. Утром пошел на Пьер-Лашез, это очень близко от дома. Увидел, наконец, Стену коммунаров — сохранился кусок старой стены и в ней как бы высеченные лица. Потрясают, еще памятники жертвам Дахау и Равенсбрюка. Все кладбище на меня действует плохо, сумрачно, тревожно. Очень хочется сделать еще рывок, но, видимо, и я свою жизнь проорал: не смог сосредоточиться на новом материале, всю жизнь чего-то боялся. Разыскал и постоял возле памятников и плит: Абеляра и Элоизы, Аполлинера (плита с поэтическим текстом) возле одинаковых, подновленных памятников Мольера и Лафонтена. У Пруста огромная гранитная плита и много цветов, у Бальзака (бюст), у Пиаф (плита с распятьем). Специально отыскал могилу-часовенку м-ль Марс (написано просто Mars), пустота — в решетку всунут старый, поникший искусственный цветок. Видел большой, одна надпись, памятник "Тальма" — и все. А ведь потрясали эпоху. Возле Д. Моррисона сидят ребята, все внизу расписано иероглифами.

Весь вечер писал лекцию. Написал и доволен своей работой.

Вечером прошел по Темпль до Риволи. Пусто, скучно — Париж начал мне надоедать.

4 февраля, суббота. Утром в Институте славистики прочел лекцию. Аудитория вряд ли восприняла меня адекватно, хотя были вопросы: например, сравните свою позицию и позицию Лимонова. Собою я доволен: лекции буду продолжать, дополнять, превращу в курс. На лекции была Таня. Потом долго с ней гуляли. Она накормила нас с Б.Н. в кафе с видом на Люксембургский сад. Подарил ей еще две книжки "Есенина" и свое "Избранное". Расстались, настроение у меня грустное. Вечером были с Б.Н. у Варвары Александровны Марс (урожденная Урусова) и ее мужа Оливье. Прекрасная квартира на Острове, рядом живут Ротшильды, и рядом Помпиду. Дом, как мне показалось, пахнул Парижем времен революции. Винтовая лестница с деревянными ступенями.

Говорили о эакодированности и заструктуированности французов. Мы — другие, и в этом наше счастье.

Еще днем Б.Н. сделал мне подарок. В улицу Драка (дракон), идущую от бульвара Сен-Жермен, оказывается, впадает улица Старой Голубятни. Здесь жил г-н д'Артаньян. Сейчас только один отель в большом бургундском доме. Пусто и неинтересно. Выходит улица к церкви Сан-Сюльпис.

16 февраля, четверг. Практически после Франции не пишу. Москва встретила кучей проблем, и главная — резкое неприятие меня в институте, неприязнь Смирновым, Калугиным и вокруг них. Я отчетливо сознаю, что это их собственная проблема: ненаписанные диссертации, неутверждение в профессуре, сужение круга исследований и собственная близкая старость, которая гонит их шебуршиться — вот причина. Но все это, так же как и закулисную привычку чесать языками, переносить трудно. По спине я чувствую неприязнь. Хотя бы за то, что пишу, за имя, за то, что выкручиваюсь без нянек. С Володенькой, нашим дорогим, связано, конечно, и квартирное решение. Хочется выхватить голубчику из института квартирку и остаться чистеньким. И здесь самое хорошее: ату его, отвлекающий момент.

А проблема Сорокина, а Калугина… Ну последний-то психованный. Сорокин — это, конечно, редкая звезда работников, рожденных нашей советской властью.

…Как я не люблю эту работу. А делать ее надо — честь и достоинство важнее. Проживу.

Вчера, 15-го в "Юности" выдали премию — Диплом им. Катаева за роман "Затмение Марса", 250 тыс. рублей и медаль Полевого. Хорошо и интересно говорили. Говорил хорошо и я

сам. Были Л.И.Скворцов, В. Орлов.

Вчера же появилась в "Новом мире" разгромная рецензия Аллы Марченко на "Сезон засолки огурцов". Вполне естественно, это про "ихних". Переживу. Главное, заметили — и слава богу.

У С.П. "Юность" приняла повесть. Мне здесь есть чему завидовать. Наверное, я горжусь ею больше, чем "Марсом".

17 февраля. Прилетела из Берлина В.С. Утром разбирался со своей зарплатой, которую мне назначили во время моей командировки в Париж. Она оказалась ровно в два раза больше —

1 млн?200 тысяч. Постарались Саша и Оля, Лев Ив. подписал. Были аргументы, но все не забыли и себя. Привел все до уровня прежней нормы — 600 тысяч. И тем не менее, чувствую, что вокруг меня творится сговоренная вороватость Саши и Оли.

Все-таки В.П. своего добился: ощущение травли вокруг меня проявляется, и я нервничаю, не могу работать. Пора решиться уйти, но привычный порядок сломить — это меня страшит. В конце концов, так мало сделано для института, почему же я должен сдавать позиции? Моя нерешительность и стремление поступить со всеми по-человечески только плодят интриганов.

Вчера встретил старого Юрия Павловича, которого имел неосторожность оставить в ученом совете и дать часы, и он сухо, как с покойником, со мною поздоровался. Писал ли я, что мне заказывают роман о В.И.Ленине? Это, может быть, и есть выход. Верность никогда не подводит.

18 февраля, пятница. Весь рабочий день продолжается 14 часов, как на рабских рудниках. Одно сладкое утешение — визит Александра Терехова. Прекрасный красивый человек с очень сильным чувством слова. Я поклонник его "Зёмы". Ему достается, и не пускают к пирогу известности за стихийно русское начало. Во время часового разговора снял с меня допрос по всем параметрам, касающимся творчества: как писать, что, как не страдать. Вынюхивал, как собака, травку, когда больно. Вечером был Нерлер, подарил книжку о Мандельштаме. Как в прошлый раз до театральной нашей ссоры мы хорошо поговорили: одни "Огурцы" подарил ему, другие — библиотеке Мандельштамовского общества, а третьи — С.С.Аверинцеву в Вену. С.С. сейчас заведует кафедрой славистики в Венском университете.

Плохо и тревожно сплю. Все надоело. Ощущение, что Смирнов, Калугин ведут против меня интригу. На ближайшем совете все выскажу — или перевыборы, или определим срок этих выборов.

В 15.15. по радио опять шла моя передача — "Студия молодых". Послушать не удалось, опять был потерявший мое

уважение Саши, с пожарными идеями.

19 февраля, суббота. Накануне вечером и отрывками в субботу читаю дневники К.И.Чуковского. Карандашом делаю пометы, а потом спишу цитаты. Концепция моего "словаря" выжимается с каждым днем все отчетливее. Надо бросать институт и садиться за дело, иначе ничего не получится. Если соглашусь работать, то не более трех дней. Понедельник, вторник, четверг.

Четверг. Сегодня, по сути, все решится. Мне надоели разговоры за моей спиной, интриги, разные голоса… Пусть похлебают из моей чаши… Распустим ученый совет и выберем новый, и совет выберет нового ректора. Или пусть ясно и четко проголосует: когда я должен устроить перевыборы.

Последнее время стремлюсь выплыть изо всех сил из финансовой бездны: но, встречаясь с ректорами, я все время слышу — положение у всех почти такое же. Мы, хозяйственники, считатели унитазов. И вторая забота: оградить институт от воровства своих и чужих, которые все тянут свои щупальца.

Вчера был на "акции", как называет в С.П. - встрече армии и деятелей искусств. Все происходило в Академии Жуковского. Здесь даже в музее портреты Ленина и старая экспозиция — историю не стараются переписать. Но поразил меня, конечно, сам дворец, балкон, с которого Наполеон наблюдал за горящей Москвой. Прекрасно, что вся фасадная часть с лепниной и бальным, под куполом, залом сохранились. В стены не вбито ни одного гвоздя.

Из окна наблюдал прибытие Грачева. Не видел только "знаменитого Пашиного "мерседеса", как писали о нем "Московский комсомолец" и чеченская газета, выходящая в Москве. Акция называлась "Деятели литературы и искусства в поддержку армии". Дожили, армию, которая защищала всех крыльями истребителей, — защищать силами искусства… Было человек 200. Неожиданным здесь было то, что есть люди, которые открыто идентифицируют себя с понятием "русский".

У меня было готово выступление: между двумя цитатами Толстого, но я их еще использую. О Чечне.

С усмешкой наблюдал сановитость нашего писательского корпуса: Баранова-Гонченко, Ляпин, Лыкошин, Ганичев. Грустно наблюдать начальников от литературы, не подкрепленных литературой.

Вообще-то это был урок с банкетом для министра обороны. Министр, как мне кажется, ясно ощущает, что "свои" для него в этом деле, а чужие — в зале Совмина, но там все-таки власть. Впрочем, еда и питье были хороши.

Из деятелей были: Андрей Ростоцкий, читавший прелестные стихи Дениса Давыдова, Н.Бурляев — Языкова, В. Конкин — рассказывавший смешное, Меньшов, читающий из Гудзенко. Это люди высокого калибра, умудряющиеся отделять свою духовную жизнь от лицедейства.

Был в "Терре", говорил с С.А. Фестиваль мы проводим фактически за его счет. Говорили о Терехове. Он полагает, что этот парень значительно выше Амутных.

Пришел около двух. В.С.: "Я тебя потеряла, всех обзвонила, вдруг вижу: ты сидишь на "НТВ" очень грустный".

Сегодня решающий день.

23 февраля, четверг. День ученого совета. Но сначала вклеиваю старую заметочку из "Культуры". Это все еще наш друг Бакланов. Все это к вопросу: свои и наши. Или искусство вовремя снова перевернуться. Сколько раз Г.Я. ел хлеб нашего Президента, а вот опять не выгодно.

Писал ли, что все время чувствую за спиной шелест недоброжелательства? В прошлое воскресенье вдруг в ЦДЛ в Малом зале нарисовалась конференция "Будущее Литинститута". Я не пошел, но потом Е.Н. Лебедев и Е.А. Кешокова рассказали. Собрались друзья и последователи Арсения Конецкого. Недавно он подарил мне свою книгу, где о нем пишут "лидер современной поэзии". А стихов-то нет, один надрыв, одно желание близкой славы.

Кстати, в среду на защите дипломов маленький скандал: встал Ю.Д. Левитанский и сказал про ученицу Т.Бек: "А поэзия здесь и не ночевала".

Еще во время вступительного слова, когда эта ученица читала свои стихи, я тоже заметил: или пустое "штукарство", "арабески", или я ничего не понимаю. Звериная морда "постмодерна" опять получила отпор русского поэта.

То, что произошло на ученом совете, так грустно, что даже не хочется писать. Всем олухам я решил дать бой: "Я решил досрочные — я так считаю — выборы, но тогда пусть новый ректор решает все экономические вопросы".

Выступили: В.И.Гусев, М.П. Еремин, Л.А.Озеров, В.В.Сорокин, А.И.Горшков. Гусев: "Вы видите кого-нибудь, кто мог бы Есина заменить?" Еремин: "Закон, когда нет блага и благодати". Всю бучу подняли: Ковский, Смирнов, Калугин — хорош или нет, С.Н. - здесь не надо ставить этого вопроса, надо объявлять выборы. Они считают, что решение, за которое они все проголосовали два года назад о моем сроке в пять лет, можно отменить. Все это люди, которые пили у меня в доме за мое избрание. Они были главным двигателем на выборах. Я не

оправдал их надежд: я все должен был давать им сверх меры и вне очереди.

Именно Калугин и Смирнов получили годовой и полугодовой отпуск на написание докторской диссертации, и оба не написали. Смирнов месяц пробыл в Париже. Первым. Недодал!

Сегодня увидел призрак рассказа о Смирнове. Месть должна быть совершена!

28 февраля, вторник. Утром за час с небольшим провел семинар.

За последнее время это, пожалуй, единственная аудитория, где я чувствую себя в атмосфере любви и доброжелательности. Меня страшит только одно: не повторяюсь ли я?

В 12.20 дневным поездом отправился в Ленинград — здесь, в Гатчине участвовал в фестивале "Литература и кино". В дороге небольшая разборка: одного билета не хватает. Я за 60 тысяч еду в купе проводницы.

Отплыли — и сразу ощущение защищенности, покоя и счастья. Повесть моя на новой главе, но еще не стартую.

По дороге записал: это инерция семинара. "Очень несложно написать первую повесть. Даже с интеллектом, честолюбием и сердцем. Очень нетрудно подавать надежды. Но вот жить и писать, и писать долго…?"

Мне часто кажется, что когда молодой писатель пожелает писать про детство — значит, чувствует упадок сил. Конечно, это не навеяно чтением в вагоне новой повести А.Терехова. Повесть прекрасна, он вообще редкий писатель, сохраняющий в себе и интеллигентное и народное начала. Но тем не менее думалось,

Переехали через Волгу у Калинина. Сразу вспомнилась моя армейская служба.

1 марта, среда. Были на экскурсии в прелестном Гатчинском дворце. Мне очень нравится отделка, небольшой тронный зал, сама география дворца, озера, видные из окон. Портреты мальчика Павла и гр.Бобринского.

Вечером состоялось открытие, на котором я выступил, споря со своей старой подругой Галиной Семеновной Пахомовой. Сейчас она министр культуры области, раньше — секретарь по пропаганде обкома. Как она, имея такие чины, все отдала и сдалась. Служит ли народу или просто служит? Все ли забыла? По крайней мере, кажется, именно она дала деньги. Выступая, я спорил с ней, — с ней, которая процитировала Д.С.Лихачева. Смысл этой цитатки в одном: дальнейшее величие России прирастать, дескать, будет только культурой. Но ведь такой народ, столько в свое время построили и сделали! Я-то лично верю, что мы еще утвердимся как великая нация.

После многих лет встретился с Даниилом Граниным. Чем-то, осмотрительностью и осторожной боязнью потерять чувство собственного достоинства, он напомнил мне Бакланова. Мельком в разговоре Гранин мне сказал: зачем вы "взяли на себя обузу, Литинститут. Вы так интересно и много в свое время писали". Очень волнуется: выживут ли журналы. Для его сухой, рациональной прозы это спасение.

2 марта, среда. Весь день смотрел фильмы. Поставил для себя рекорд — 6 фильмов, просмотренных от начала до конца. С большим трудом выруливаю на отношение с Клепиковым. Украинцы подвели и вместо призов привезли коробку сувениров. Пока лучшие фильмы это "Хромые внидут первыми" М.Каца (Укр.) и "Танец дьявола", фильм-балет на музыку Гладкова.

3 марта, четверг. Утром приехал Саша. Передал, что С.П. прочел в "Юности" гранки и его сфотографировали. Жуткие, нештучные фильмы. Посмотрел "Закат" Зельдовича. Это холодно, рационально, значительно по плотности уступающее Бабелю с огромной ненавистью к России. С особым антирусским смаком сделана сцена погрома.

Не дописал вчера о смерти Листьева. Пресса, особенно ТВ, устроила по этому поводу общенациональный траур. Сегодня в газете прочел: "У него в портфеле 1,5 тыс. долларов". Откуда эти деньги? Западный богач у себя такие деньги в портфеле не носит. Я глубоко уверен, что все дело в "дачах" за рекламу. Нельзя так: я беру, беру, а теперь я хочу стать честным в связи с назначением меня большим начальником и брать больше не буду.

8 марта, среда. Пишу уже в Москве. Собственно, уехал из Ленинграда, из Гатчины в понедельник во время бурно текущего банкета. Накануне вечером распределили "свои" четыре приза. Все это проделали быстро, четко, мне даже не пришлось пользоваться своими двумя голосами.

Как и "Танцы" — единогласно. Колебался, не зная куда склониться и куда примкнуть, лишь Е.Леонов-Гладищев. Во время объявления результатов на пресс-конференции и позже, через два часа в зале сложилось ощущение, что в целом результатами довольны. Сомнения у всех вызывает "Идиот" ("Жизнь с идиотом") Александра Рогожкина, но здесь ответственность с нами разделила В.С. с ее призом "Призрак Марлен".

Уже в самом начале вечера, после того как я объявил результаты, я почувствовал, что значит быть председателем жюри. О, это излучение недовольных. Сзади меня сидел Шиловский, который точно рассчитывал на высокое место, а получил приз зрительских симпатий и излучал злобу. Объявление результатов — смерть короля. Его фавориты уже заранее считают,

что они как бы сами по себе и никому и ничем не обязаны, — они равнодушны и отстранены.

На всякий случай вклеиваю наше жюри.

Президент фестиваля — Даниил Александрович Гранин.

Жюри

Председатель: Есин С.Н. - писатель;

Леонов-Гладышев Евгений Борисович — актер;

Клепиков Юрий Николаевич — кинодраматург;

Плаксина Евгения Ивановна — киновед;

Сэпман Ираида Владимировна — киновед;

Тримбач Сергей Васильевич — кинокритик.

Самый, конечно, самостоятельный из всех был Клепиков. Единство наших с ним мнений, видимо, все и решило. Он же предложил и грандиозные формулировки. I. Мих.Кац — "За режиссуру, утверждающую красоту и силу кинематографической образности". 2. Реж. Олегу Григоровичу "За вдохновенное включение хореографической киноверсии повести Гоголя "Вий". 3. Александру Рогожкину ("Идиот") — "За дерзость кинометафоры". 4. Алексею Балабанову ("Замок" по Ф.Кафке) — "За выдающееся решение сложной творческой задачи, соответствующее стилю и духу произведения".

Утром 7-го провел семинар. Разбирал этюды. Впереди такая тьма работы, что мне с ней не разобраться.

Женя Цимбал — "Повесть непогашенной луны" — со словами: "Так приходит слава" — передал В.С. кроссворд из "Мегаполис-Экспресс": "96. Автор романа "Имитатор", ректор Литературного института, 98. Коллега Цельсия и Фаренгейта".

10 марта, четверг. Сумасшедший рабочий день. Утром к двум Есенинский комитет. Здесь же по Строгановскому переулку музей — первый московский адрес Есенина. Очень милая ситцевая подделка мещанской квартиры. Хорошо, что делается хоть что-то. Все это и любовь к Есенину расширяют русское пространство.

В обед ездил к Кондратову — отвозил счет на ж/д и договаривался насчет 25 млн рублей приза. Это удивительный человек, вызывающий у меня чувство восхищения и глубокого уважения. Отвез ему свою собственную гравюрку "Гатчина". Ох, как она мне нравилась с одинокой фигуркой Павла, но чувство благодарности оказалось сильнее.

Вечером опять два "мероприятия": Клуб независимых, где недолго говорили о клубе как духовном прибежище. Он, конечно, не действует, но мы "пока все в нем".

Перед "Академией" в предбаннике встретил Руслана Киреева: он помялся, помялся и ушел, поняв. Видимо, Академия так и

возникнет, как русский вариант пен-центра. К сожалению, невольно здесь окажутся люди достаточно себя скомпрометировавшие плохим письмом. На Клубе мы с Костровым оказались по другую сторону решения о Чечне с Коганом, на "Академии" — с Киреевым и Андр. Дементьевым. Все трепыхаются, стремясь удержаться на плаву.

Моя задача сейчас: сохранить институт, сделав как можно более индивидуального добра, и посадить вокруг или хотя бы поддержать как можно больше русского, из чего возникнет самодеятельная инициатива.

Русские пролетарии всей страны, объединяйтесь.

В руки пошел ленинский материал — значит, роман мне писать.

13 марта, понедельник. Вчера и позавчера на даче: обрезал смородину, обломал малину, пожег все сучья, вычистил теплицу, выграблил от листьев участок. Я чувствую, как катострафически уходят силы, слабеют память и интерес к жизни. "Гувернер" почти не двигается. Но возникло одно место — разговор за столом: современное, Чечня, Листьев и т.д., и фигуры туристов.

Читаю новую повесть Крупина в "Нашем современнике". Мне кажется, что это прекрасно, по крайней мере много страсти и истинности, веры в Бога, дай бог и дальше ему этой веры. Потрясает еще его удивительный юмор, направленный на сегодняшних деятелей, всякие его перевертыши: Марина Смешневская (Вишневская), Мулат Сукоджава, Гаврик Пупов (Попов), Сперлер (Черненко), Шакелогонов и?т.д.

Наконец, в пятницу был у Юдина: бросай работать. У меня, говорит, есть 20 тысяч, на восемь лет мне хватит. Решиться бы, но я не чувствую за собою никаких тылов.

Ваня Панкеев в пятницу прочел удивительный обо мне пассаж как о телеведущем, в "М.Правде". А на следующий день показали "Книжный двор" — уныло, скучно и дешево.

14 марта, вторник. Два события в институте. На семинаре был Петя Алешкин. В нем, великом издателе, совмещаются: отсутствие глубокой культуры и детская откровенность. "Я убийца" написан им за две недели. Я часов по 12 пишу, пока рука не устанет.

Второе событие случилось в общежитии: со второго этажа, из помещения "Литобоза" за ночь вынесли два холодильника. Ай да студенты! Скорее всего, это предприимчивость наших заочников!

15 марта, среда. Защитилась Лена Семенова, как всегда, с вывертами, еле справляется с собой. Перед самой защитой видел ее на лестнице с бутылкой пива. На бутылке еще обратил внимание на надпись: "1900" — это цена.

Вечером был в Театре Моссовета на пьесе Голдсмита "Ночь ошибок" — это начинается цикл премии мэрии. В антракте зашел в музей: стенды, посвященные актерам, которых в основном я знал: Раневская, Плятт, Марецкая, Завадский. Невольно, как делаю теперь, сравнил даты их жизни с собственным возрастом: осталось совсем немного, а я порхаю, пытаюсь услужить всем, мало работаю, трачусь на институт. И отчетливо знаю, что не будет никакой благодарности.

16 марта, четверг. Ездил в общежитие смотреть сантехнику: сколько же за три года сделано! А главное, не останавливается конвейер по производству литераторов. Самое интересное, что в комнатах у актеров, которые здесь живут временно, по просьбе О.Табакова, значительно чище, м.б., литература располагает к грязи?

20 марта, понедельник. Сегодня день рождения В.С. С половины второго я дома занимался хозяйством. Встал в шесть и все утро тоже чистил и мыл. Увы, прошла жизнь, а я все за всех: и дом, и стирка белья, и дача, и квартира — все на мне. А еще институт, и еще пишу. Если смотреть правде в лицо — то в бытовом смысле моя жизнь сложилась ужасно. Значительно лучше устроилась В.С.

В случае необходимости она всегда уходит в свои болезни. А потом читает, смотрит ТВ, будто бы я создан для подельной работы горничной и кухонного мужика.

22 марта, среда. Состоялась защита Павла Лося. Получил отлично. Доволен сегодняшним днем: многое сделано. Утром проходил от метро "Охотный ряд" к институту. Над Моссоветом сменили эмблему. Вместо герба СССР — похожий на солдатскую бляху щит Георгия Победоносца. Вот так постепенно отламывать и откидывать будут нашу историю. Новые господа не станут ни перед чем, чтобы сохранить свои голубые и черные понастроенные клозеты.

23 марта, среда. Вчера от Саши Барбуха из Симферополя пожаловала собачка: щенок, ротвейлер по кличке Долли. Если бывает любовь с первого взгляда — она состоялась!

Дивный веселенький щенок. Весь вечер я был в состоянии ажиотации: ходил в зоомагазин за прививками, кормом и т.д.

Сегодня в институте началась двухдневная конференция "Новая Россия" — это рериховское общество. Минута, когда все сосредоточились на мысли: "Пусть всему миру будет хорошо" — показалась мне знаменательной.

Писал ли я, как на 100 000 рублей меня "накололо" земство? Я внес за аренду зала, и они мне пока не вернули. Все эти движения — движения честолюбцев. В "МП" большой обзор ТВ —

книжные передачи. Игорь Михайлов перебирает Кириллова, Сароскину, "Графомана" и т.п. Пассаж обо мне:

"…?Но потом вдруг ловишь себя на том, что в следующем сюжете с каким-то тревожным нетерпением жаждешь увидеть снова Есина. А что если не появится и не подведет итог? Как быть? В кого верить, если он — все: мои мысли, чувства, капризы и радости? Кто еще вложит свои "персты" в мои "язвы"?

Здесь как бы количество Есина на экране обратно пропорционально его обаянию. А книги уже — фон. Названия не запоминаются. "Метеориты" сгорают, не оставив следа.

То ли дело газета. Простенько и со вкусом — вышли в свет… и т. д."?

29 марта, среда. Как всегда, в 15 часов состоялась защита. Трое дипломников: Саня Янкова (Болгария), Исса Абидола (Сирия) — получили "отлично". Я всегда радуюсь чему-то неожиданному и дерзкому в наших работах.

За последнее время прочел роман Краснова "Лагда" — нечеловек, офицеры, еврейская проблема. Прекрасны юные военные сцены. Разгромленный имперский быт ушел от нас, как Атлантида. Особенно хорош Петрик. Самое трудное в литературе все же писать любовь.

Вчера, во вторник, у меня на семинаре был В.Н. Крупин. Вел себя доброжелательно, но с достоинством, ребята почему-то на него нападали, особенно наши восточные девушки.

Вечером ездил на Киевский вокзал за мясом для собаки. На обратном пути заходил к Пронину. Вл.Александрович "разбирал" мои "Огурцы". Слишком большая честь для подробного живописания Новикова и компании. В конце концов, и они, мои оппоненты, меня избрали. Все это судьба, случай, ситуация.

В "Независимой" моя статья о гатчинском кинофестивале. Я почему-то счастлив, ибо очень хотел напечататься в "Независимой". Несмотря на все скрытое недоброжелательство С.Федякина, пробился.

30 марта, четверг. Этот чертов институт высасывает из меня все силы. Не работаю, мысль уходит. Сегодня состоялся ученый совет — ровно три года как я ректор, а уже столько врагов. В коридоре института встретил В.В. - прошли мимо друг друга, не поздоровались. Ничего, кроме холодного презрения, у меня нет.

Вечером в институтском дворе встретил Гришу Могилевского, своего старого ученика. Он сейчас торгует кухонной посудой и, по его признанию, не пишет. Говорит, нет морального стержня. Обменялись с ним подарками: я ему "Огурцы", он мне роскошную тефалевую сковороду со стеклянной крышкой.

Весь вечер занимался собакой и кухней. Весна, все болит, головокружение, старость, немощь. События в России разворачиваются стремительно. Жаль, конечно, что снова не увижу империю, национализацию и мощную Россию…

31 марта, пятница. Утром был в мастерской художника Тарасова, возле филиала МХАТа. У него новый портрет — Е.Леонова. Покойный артист сидит в кресле, левая рука подпирает щеку, щека чуть деформирована и глаз косит — это создает грустно-лукавое выражение. Последний взгляд. Сразу вспомнил, как вел с Е.Леоновым интервью по поводу выхода его книжки. Говорили о потере в быту искусства портрета: ушла Раневская — нет, ушел Смоктуновский — нет. Разве фотография способна заменить живописный портрет? У Валерия особый взгляд: народный портрет нового времени — человек, как иносказание своей судьбы и долга. Интересно, что я по колориту определил учителя Тарасова — Гелий Коржев.

Днем был в Думе на пресс-конференции Зюганова, посвященной изданию "Концепции национальной безопасности России в 1995 году". Дума встретила сочным, как в Радиокомитете во времена застойные, запахом столовой.

Зюганов говорил очень определенно и решительно. За его словами продуманная концепция мер и убежденность. За последнее время он очень сильно вырос как политик. Вот и еще раз вспомнишь о методологии и твердом марксистском обосновании.

Я еще и еще раз убеждаюсь, что из всех объединений мне ближе всего коммунисты с их сочувствием к рабу, к простому обездоленному человеку.

Была М.О. Чудакова — подарил ей "Огурцы". Она заинтересовалась ими после рецензии Марченко. Интересно теперь ее мнение. Самое любопытное, что с нею мне интересно и увлекательно. За те месяцы, что она отсутствовала в институте, я по ней соскучился.

Вечером ушел со второго действия "Титула" Галина в "Современнике". Мертво и искусственно все это. Все вымучено. Хороши только Гармаш и Толмачева, но как-то сами по себе; смесь антирусского и сегодняшнего, вернее, уже ушедшего. Театр увядает, в нем нет свежей дерзости.

Собачка сегодня съела телевизионный провод, провод от охранной сигнализации был съеден еще раньше.

1 апреля. Весь день занимаюсь собакой — компенсация за отсутствие детей: строгаю мясо, хожу в магазин за молоком и яйцами, за творогом, за витаминами. Деньжищ уходит прорва.

Вчера "для пап и мам" открылась наконец-то Третьяковская

галерея. Лена Алхимова, богиня пианизма, как-то втолкнула меня в очередь сотрудников. Господи, как преступно долго я не пользовался этой благодатной подпиткой. У меня ощущение, что Третьяковская поможет России — слишком силен ее внутренний потенциал. Все здесь родное и излучающее наше, русское. Необыкновенное впечатление оказали на меня на этот раз отцы древнерусского искусства. Произошло какое-то просветление. Но что я раньше воспринимал умом, я теперь увидел сердцем, и это увиденное меня потрясло. Насколько все величественно и грандиозно. Невольно сопоставляю со светской живописью. Искусство здесь все крепче, ближе к Богу, к вечной жизни человека. Так дорого отзываются и все народные картины, которые помню с детства. Время дошлифовало их, отмыло случайные черты.

Но происходит переоценка: не так уже хватает за сердце Левитан (TV действует, и его пейзажи иногда величественны), сух и формален Крамской, но выдвинулся Врубель, и, наоборот, померк Филонов или художники начала века. А в целом — какой блеск и мощь русского искусства.

2 апреля. День рождения у Т. Скворцовой. Долго спорил со свояком Льва Ивановича о сегодня и завтра России. Ему все кажется, что он мог бы стать доктором наук и известным фармакологом. Сидит в Женеве (он сидел там долго и страстно любит ту жизнь), если бы "мы жили как в Финляндии". Люди предавшие и тайно всегда предававшие Россию, с наслаждением компенсируя свое прежнее лакейство перед партией и властями, сейчас с наслаждением перечеркивают все ее прошлое. Какой доли они хотят для своих внуков? Банка с кока-колой застит все. Скорее всего, милый свояк так и не вылез бы из клеточки своей социальной предопределенности.

По ТВ показали панихиду по Максимову в одном из московских храмов. Со свечками стояли те, кто именно последнее время, в пору выступлений Максимова в "Правде", страстно ненавидел его. М.б., Максимов последний искренний человек моего поколения. Очень жаль, что в Париже я не успел встретиться с ним. Сначала он был в больнице, а потом я не проявил настойчивости: встречусь в Москве и уже здесь подарю ему книгу.

Получил письмо от З.А.Шаховской. Я взял на себя лоббирование выпуска ее мемуаров, и здесь много мне удается сделать. Она пишет об "Огурцах" и о чувстве юмора в этой книге.

Чеченская война продолжается. За всем этим я вижу лицемерие обеих сторон. Мы пытаемся опять покорить Чечню. М.б., устроить референдум и отпустить ее на все четыре стороны?

7 апреля, пятница. Утром ходил в Думу. Собрались у Тарасова. Все земские деятели, вице-президенты, члены совета. Наша предводительница — г-жа Панина, судя по статьям в "Российских ведомостях", занимается не земством, а только составлением своего капитала. Крутятся какие-то деньги, отпущенные земству правительством (Шахрай 500 млн на "Буквари") и областями в частном банке, какая-то нескладуха с помещениями на Новом Арбате и т.д.

Но еще у дверей Думы нам вручили листовку. Практически все понимают, что Мавроди не чист на руку, но… хотя бы что-то. Самое интересное, как стало известно вечером, незначительным большинством Дума сегодня подтвердила иммунитет Мавроди. Деньги победили в Думе честность и право.

Относительно Паниной выработали план: в среду собираем совет, отзываем, как учредители, свои подписи.

Пока ждем опоздавшего Поповича, "новый" Тарасов рассказал — он депутат ВС РСФСР последнего инициатора созыва — как вместе с Ельциным он был в Б.Д. в августе 91-го. Ельцин и Г.Г. сидели смертельно пьяные. Уже была договоренность об отправке

на самолете Ельцина в Италию. Деятельный Лужков суетился с генералами. И вдруг он весело закричал: наше время, мы победим, наконец-то есть жертва! Речь шла о трагедии в тоннеле под Новым Арбатом и Садовым. Впрочем, эти события еще будут обрастать подробностями.

Был на открытии клуба "Терры" в Бутове. Мне постепенно стала ясна стратегия С.Кондратова. Он собирается жить и издавать книги долго. Купил книгу Троцкого "Сталин".

9 апреля, воскресенье. Был на даче в Обнинске. Ощущение, что "Гувернер" пойдет. По крайней мере, возникла "идея" кроме чисто художественно-обличительной. Сформулировать отчасти ее мне помог отец Петр во время презентации "Терры" в Бутово. Идея эта христианская, суметь бы воплотить. Надо еще набрать "портреты".

15 апреля, суббота. Неделя полна событий. Но все это не имеет никакого отношения к моей духовной жизни. Живу не расчетливо, легкомысленно, как в начале жизни.

Понедельник. Встречал вечером С.П. из Кельна. По работе без него было трудно. Рассказал много интересного.

Вторник. Как следует ожидать: Лощиц, с которым была договоренность, и висело объявление "Исторический роман сегодня" — сам Лощиц очень хотел бы преподавать в институте, и я понимаю, что у него есть то, чего нет у меня, какая-то вознесенная русскость и истинная вера в Бога, — Лощиц на семинар не явился. Обычная ситуация: подводят, и, как всегда, свои, "правые", русские, националисты.

Среда. Вечером ездил в Красногорск. Было большое собрание совета по земству. Как свидетельствует пресса, Панина занята своими делами, бизнесом и как бы крутит земские деньги, мужики тайно собрались, чтобы сместить женщину. Все это производит впечатление горькое. Но она наконец-то, вижу вблизи — типичная фигура сегодня. Таковы, видимо, и "голубчики" из верхов.

Четверг. Прочел рассказ Ю. из Симферополя. Прекрасный, талантливый парень. Бедный, несчастный, дай бог ему счастья.

Пятница. Утром конференция по патриотизму в Т-ре на Таганке. Записи в тетради. Очень интересные и точные формулы: Листьев для развала страны сделал не меньше, чем могли бы сделать несколько дивизий. Агенты разрушения: Лихачев, Аверинцев, Табаков. Вечером заседание Славянской академии. Говорили о людях, учредителях и т. п. Шансов мало, игра.

Суббота. Писали "пилот" для ТВ. "Книжный двор" закрыт, я дал довольно жесткое по этому поводу интервью на прошлой неделе. Новая передача называется "Наблюдатель". Диалог: я и

Лямпорт. Сюжеты: проза Серг. Гандлевского "Предпоследняя черта", Окуджава, Владимов. Думаю, передача не выйдет. Пассажи здесь любопытные.

19 апреля. Никогда я еще не писал по такому свежему следу. Только что вошел в самолет и только что потерял 2 тыс. 600 марок, принадлежащих Лене Бородину. Конверт, который он мне вручил, из мелкого бокового кармана, видимо, выпал в машине или на выходе. Маленькая надежда, что он выпал дома, когда я прощался и "сели на дорожку". С одной стороны, это моя "денежная" непруха. С другой, диссидентская психология Лени: привез за пару часов, когда я уходил с работы. Я ведь мог бы выправить справку, не трястись и т.п. Горько до безумия потому, что я экономил на себе постоянно, берег каждую копейку, а теперь придется возвращать

2 тыс. долларов. Но мне и наука. Только куда учиться, когда я так стар. Я ведь никогда не нарушал никаких правил, связанных с границей. Если бы теперь все забыть и хотя бы 6 дней провести нормально. Но ведь теперь не смогу сделать и ради чего я еду — поработать над своей рукописью. Я, видимо, не любимец Бога.

За что я плачу? Кому должен?

20 апреля четверг. Какая могла бы быть поездка, если бы не злосчастная потеря пакета. Вчера плохо спал, но м.б., это связано с плотным ужином в "Короне" на Маркетплац. Было человек 12, я сидел рядом с Барбарой, переводчицей и преподавательницей русского языка. Говорит и слушает свободно. Удивило меня, что она ученица Фасмера, который мне еще в 20 казалось принадлежит истории. Поговорили о преподавании стилистики. Наша традиция опирается на все богатство художественных текстов. Немцы, видимо, правы.

Марбург — чудо красоты, и здесь бы жить да жить. Ощущение, среда и красота старинного города невероятные. Всего этого можно достичь, если из поколения в поколение строить эту порядочную и комфортабельную жизнь.

Утром за завтраком Пулатов рассказал, как во время его "романа" с Евтушенко последний, съездив в Париж, хотел, чтобы тот оплатил ему еще, дескать, несуществующую — из Парижа в Нью-Йорк — поездку: билет, дескать, потерял. Проверили по Парижскому компьютеру — такой поездки не было. Впрочем, я не делал здесь выводов: ловчилы, они и есть ловчилы.

Из рассказов Пулатова интересны также требование Жени Сидорова, летевшего с писателями тоже в Нью-Йорк, оплатить, как главе делегации, билет 1-го класса. Он, дескать, тогда будет выходить как персона из переднего люка, а все остальные из заднего. Вот здесь уже все ясно: утверждение себя как деятеля

через спесь. Трагедия непишущего писателя. Сейчас сижу наверху города: панорама передо мной. Это сделать могли только века. Так тихо и прекрасно. Под сердцем какой-то клубок несчастий.

Ходил в храм Елизаветы и поднялся на самый верх, к замку. Такого я пожалуй еще не видел. Купил йогурты, хлеба и кг апельсинов. Это обед. Завтрак в гостинице был "крепкий". Немцы привыкли есть помногу.

Читаю "Сталина" Троцкого. Крепкий, добротный стиль, идея, информативно. Ныне вожди уже сами не пишут, а стиль литобработчиков ничтожен.

Необходимо записать рассказ Пулатова о пути в СП. Возможно, это одна из версий, много бы я отдал, чтобы прочесть еще и версию, скажем, Евтушенко, Ананьева или Бакланова.

Итак, в августе 91-го Пулатов вместе с женой и сыном в Переделкино. Он — председатель Азиатского пен-центра и член оргкомитета по подготовке к 9-му съезду СП. В Переделкино ажиотация: русские, патриоты, как бы уже кричат, что пора бить жидов. Одни и те же лица по ТВ. К вечеру из Москвы наприезжали с листовками в защиту Ельцина. "Патриоты" поутихли. В это же время Пулатова — последний уверяет, что все чистая случайность — Битов зовет на заседание Пен-клуба: Рыбаков слагает свои полномочия, и назначены выборы нового президента. Кандидатуры две: Евтушенко и Битов. Атмосфера на заседании самая воинствующая: одной из первых выступает Наталия Иванова: мы разгромим русский фашизм, теперь очень важно добить гадину в ее гнезде. Выступают Ананьев и Бакланов. Расклад голосов в районе 60:100 в пользу Битова. Вот то, что Евтушенко не выиграл выбора, считает Пулатов, и предопределило его агрессивность по отношению к СП. "Теперь давайте чистить союз, пора разбираться с ним".

Из рассказа я не понял (это можно проверить по "Литгазете") — в тот же или на следующий день состоялось заседание секретариата, но на нем Бакланов, Ананьев, Черниченко и Евтушенко потребовали от секретариата объяснить по поводу "поддержки" ГКЧП.

Все равно мне не удается порядок живого и динамичного рассказа Пулатова со многими подробностями. Из деталей беру лишь сценку: трусость Михалкова, Грибова, Скворцова, Суровцева. Двое последних говорили, что опоздали и поэтому бумагу не подписали. Грибов и Михалков отказались от постов секретарей, ушли в отставку.

В этой ситуации Пулатов бросил свой билет члена СП: какую демократию вы, дескать, строите, издеваясь над стариками.

Дальше пленум — все известно. Черниченко выворачивает

руки Бондареву и кричит, что меня не тронет, я депутат, есть неприкосновенность. Из деталей — нажим перед пленумом националов, намеревавшихся войти в правление и т.д.

Другой сюжет, который необходимо записать — это Барбара, — преподавательница русского в Университете имени принца Филиппа. Само по себе это все очень занятно: принц, перейдя в протестантизм, выселяет из монастыря монахов и объявляет первый протестантский университет.

В то время, когда тут учился Ломоносов, здесь было 123 студента. Барбара показала мне дом, где Ломоносов бывал у профессора Вольфа, дом невесты Ломоносова, где он жил (под самым замком, где жил Пастернак). В свое время Евтушенко обнял дом с доской Пастернака. Постараюсь я сделать то же самое. На обоих домах — доски; это — энтузиазм и старание Барбары.

Михаил Васильевич Ломоносов 1711 — 1765

"Везде исследуйте всечасно, Что, есть велико и прекрасно, Чего еще не видел свет".

У Пастернака "Охранная грамота": "Прощай философия".

21 апреля, пятница. Утром встречались с ректором Университета. Очень славный и симпатичный мужчина с породистым умным лицом. Вечером я встретил его на собрании иностранных студентов. Днем — мэр Марбурга. Все неинтересно, обсуждали проблему недели культуры. Запомнилась мэрия с ее прекрасными старинными залами. Вечером после университета сидел в "домашнем баре", у директора гимназии Рексуса — много пива. Интересный разговор о коммунистах, о защите нашей профессии. Та же "горячая" демагогия, что и у нас, но с другим знаком.

22 апреля, суббота. Записываю кратко. Дом Лотти — в тетрадь.

1. Посещение Вейцлера. Обязательно об этом напишу. Возникла даже мысль сделать статью в словарь — как возникает сюжет,

2. Шахта "Фортуна". 150 метров вниз. Поражает чистота и точность всех соединений.

3. Весь вечер провел у Гюнтера Яна — толстый, с большим животом — жена Ингрид — в Беденкорфе. Дом напротив замка через долину. Та степень достатка, когда люди живут для себя, не заботясь особенно о будущем, занимаясь внутренним миром и детьми. Он преподает экономику в школе бизнеса. Подавали тушеные свиные ноги с капустой (варят 10 часов, семь раз нагревая и остужая). Приехал мэр и "глава парламента". Особая совестливая сердечность. Удивительное тепло нисходит от этого

человека.

Перед ужином приехала Барбара и потом отвезла нас в Марбург.

23 апреля, воскресенье. Состоялся литературный (платный) утренник в кафе возле ратуши. Было человек 80, распродали

15 "Имитаторов" на немецком языке, которые г-н Легге где-то раздобыл. Я сказал несколько фраз, а потом минут 30 все слушали чтение на немецком первой главы. Потом минут 40 читали Пулатова. Я был потрясен терпением публики — это напомнило мне атмосферу литературных вечеров начала века. Откровенно скучали русские студенты. Кстати, мы отправляем в Германию учиться русских студентов, а они и не собираются возвращаться на родину. На родину им наплевать.

Весь день много работы. Писал, гуляя по старому Ботаническому саду.

25 апреля. Улетали в Москву. В этот день утром я впервые побегал по Ботаническому саду. Плохо перенес полет. В самолете думал о том, что завтрак в отеле, который мы в первые два-три дня с жадностью съедали, в последние дни стали оставлять: как же мы, значит, хронически недоедали. В организме чего-то не хватает.

1 мая, понедельник. Обнинск. Приехал еще в субботу. Единственное утешение — собака. Читаю верстку "Марса" для однотомника в "Голосе". Всю неделю провел с больной головой. Гигантское количество работы и хозяйственных дел. Не пишу и не занимаюсь английским. Надо брать себя в руки, я чувствую, как постепенно деградирую. Моих сил хватает пока только на институт.

3 мая, среда. После праздников первый рабочий день. В 4 утра встал и отвез С.П. в аэропорт. Он летит на заработки — переводчиком в круиз. Берут по западным меркам, а своим — по меркам крохоборства и нищеты. Переводчик — 20 долл. в день. Ну ладно, пусть хоть попутешествует за капиталистический счет.

Сегодня в Содружестве (у Пулатова) состоялось чествование ветеранов. В конференц-зале накрыли стол для заседаний и поставили несколько столиков. Чуть-чуть водки и бутерброды. Вели все это Пулатов и Розов. Пулатов умница, в рот ни капли, а ведь бывало в Марбурге довольно крепко принимал, здесь достойно и, как всегда, точно найдя себя, произнес речь. Вел все это В.С. Розов. Он сказал, что был сегодня в церкви, помолился и принес сюда 50 свечей **—**

50 лет победы. Зажгли в память уходивших в каждый год. Все было трогательно и по-настоящему. На этих стариков, еще пытающихся вспомнить себя молодыми, смотреть было очень

больно. Куда все делось, как быстро все исчезло. Лобанов, Годенко, Викулов… Было человек 70. Очень хорошо говорила И. Стрелкова.

Я выступал не первым — все уже выпили по одной-две, раздухарились — и поэтому старался быть покороче.

Мои тезисы: в этом зале, где пела Наташа Ростова, никогда еще не видели столько аристократии — по крови, пролитой за Родину, и аристократии духа. Я пожелал всем быть счастливыми в детях, внуках и литературе. Если говорить о родине — ко всем она была сурова по-разному — она меня воспитала, дала мне образование и профессию, моя советская родина.

Сегодня позвонили из ТВ, "Очевидное-невероятное", пошел брак, просят переснять. Очень жаль, интервью в Герценовской комнате "было хорошо"!

4 мая, четверг. Вечером позвонил Ю.Бондарев и долго говорил о "Затмении Марса". Он хорошо проработал роман и знает его подробно. Главная мысль: еще, дескать, никто со времен Достоевского не показывал такого опустошенного героя и не делал этого с такой обезоруживающей искренностью. Литаврин, по словам Ю.В. - это тип. Дай бы бог. Давно я не слушал с таким вниманием отзыва о своей работе. Врать или комплиментничать ему смысла нет никакого.

5 мая, пятница. Приезжали из "Невероятного", на этот раз вместе с С.П. Капицей. Разговор с Капицей не произвел на меня впечатления: вопросы были самые общие и незаинтересованные. Гуманитарная сфера — не его, видимо, с частицами и атомами он чувствует себя спокойнее.

Читаю этюды студентов — "Обсуждение Валерия Осинского на фоне Бронной улицы, в весенний день". За год мне становится заметнее движение ребят. Возможно, я сделал мало ошибок, по крайней мере, в двух или трех очень сомнительных случаях (например, Илья Балакин и Маша Лежнева) — появился стиль. Я вообще заметил: на заданную тему ребята пишут интереснее, нежели самостоятельно.

6 мая, суббота. Утром написал письмо Лужкову о ремонте институтского двора.

В 16 часов был на вечере в "Правде". Выступили Глазьев, Говорухин, Лужков и Ольга Ульянова, племянница Ленина. Зал был наэлектризован. Распространялась "Правда" (выпуск — май, 10, 1945). На первых страницах Приказ Главкома.

Вечером звонил Кожемяко: шесть раз, дескать, Ильин (зам.) спрашивал, приехал ли Есин? Обида была, просидел никчемно в зрительном зале. Кожемяко мне сказал: это твоя гордыня, ни к кому не подошел.

9 мая. С утра в Обнинске — копал и сажал картошку. Телевизор не включал: этих двух народов не видел. Это не отсутствие любопытства, а печаль и трагическое сознание прошедшей жизни, искомканной режимом — с этим я еще раз не хотел встречаться. Я не хочу пособничать этому празднику. И проданной Победе, даже как зритель.

Вечером был у дяди Лени Сергеева — день Победы и 75 лет Елене Викторовне, его жене. Последний стол "как надо". В тщательно продуманных салатах, в полубедности, в двух букетиках ландышей — крушение бывшей советской служивой аристократии. Они уйдут, и гнездо будет разрушено. Генеральский дом!

Дядя Леня хорошо говорил о мировом значении Победы. Перед праздником Бакланов выступал в "Без ретуши". Ох, эти разговоры не пишущих честолюбцев!

16 мая, вторник. Пишу лежа, 7.15 утра, маленький отель у площади Трокадеро, Париж. На неделю поехал вместе с бывшим ВОАПом на конференцию о книге. Думал, что, как всегда, вояж не состоится, меня вытеснят, поедут другие. Уезжать из Москвы не хотелось. В институте, как всегда, неспокойно; за последнее время меня страшат также все сборы, которые занимают как минимум день, пишется плохо. Но все оказалось совсем по-другому.

Летели плохо (это скорее к предыдущему пассажу), в Аэрофлоте стало совсем тесно, буквально некуда протянуть ноги. Голова начала отчаянно болеть, "писателей" трое: Н.Иленов, Гр.Горин и я,

Утром сегодня побегал в парке под Трокадеро. Хорошо, красиво, над головой вздымается Эйфелева башня. В Париже все время открываются для меня тысячи деталей. В парке, например, бюст П.Валери или Аполлон у Музея кино.

Вчера Гриша, милый и доброжелательный человек, рассказывал смешные интересные истории о том, как его выселяли из квартиры на улице Горького.

Последние дни читаю верстку книги: все очень неровно. Ясно одно: политика катастрофически стареет. В некоторых местах я уже сам не помню своих намеков. Веяние времени: корректор везде поднял, до заглавной, слово "Бог". И все-таки моя новая книга, верно, станет одним из лучших хрестоматийных свидетельств времени. Повесть "В родном эфире" — это технология тоталитарной практической идеологии времен упадка,

16 мая, вторник. Коротко описываю утро. Ходил в Пушкинский центр, где открыта выставка. Два интересных

обстоятельства: дама из магазина "Глоба" сказала, что я очень "иду" и что они уже второй раз заказывают мои книги. Подарил ей "Огурцы" и сказал, что вышлю, если они пойдут. Второе — явление Глезера: он собирается устроить скандал по поводу непринятия его в Пен-центр. Ваксберг, предвидя это, уже приготовился отказаться вести пресс-конференцию.

На площади Трокадеро, когда я начал спускаться вниз, к реке, внезапно встретил Сергея Александровича Кондратова вместе с Анатолием Аверкиным. Обрадовался им ужасно. Они утащили меня в гости к Татьяне Максимовой, вдове Владимира Емельяновича. Это за авеню Фоша. Собственную квартиру, которую Максимовы купили раньше и куда переехали сравнительно недавно, — сдавали. Татьяна выглядит очень моложаво. Говорила о продаже своего дома в Брюсселе. В том числе Татьяна рассказала: "Взять место на Сен-Женевьев-де-Буа очень трудно. Но на этот раз ей помог Никита Струве. В свое время он взял место, планируя его для Солженицына. Но теперь у Солженицына все в порядке. И место отошло Максимову.

Кормила клубникой и черешней — вкусно, значение мужа чуть переоценивает. Как и любая бесстилевая литература — он отплывает. Вряд ли вскоре его будут печатать еще и еще, читателя в последнее время он интересовал как публицист. Обедали: доблестный Кондратов кормил обедом. Вкусно. Впервые ел улиток.

Вечером было очень плохо. Весь день болела голова. Видимо, возраст, и встают проблемы акклиматизации. Кстати, у меня отчего-то возник окончательный план на последние два года жизни: "Гувернер", "Словарь терминов" конец срока, и я категорически не переизбираюсь и начинаю писать "Ленина". Я сделаю биографию, которую потом будут переиздавать всю жизнь.

Проводил утром Сер. Кондратова. Совершил огромное пешее путешествие через Тюильри, Елисейские поля до пл.Революции. Через ворота Сен-Дени вернулся обратно с обедом… Обошел вокруг Елисейского дворца — сегодня день инаугурации. Удивило только одно: проход вокруг дворца, окруженного телевизионной техникой, абсолютно свободен.

Вечером было выступление Ерофеева, Нарбиковой, Глезера и Сапгира. Все это проходило, как в Германии, через чтение собственных отрывков. Не без способности и таланта, но довольно однообразно. Главный недостаток этой прозы — раскованный рационализм. Рационализм по общему замыслу и понимания своей недостаточности и "накачивание" своей фантазии по части эротических и "грязных" деталей. Особенно это видно по Валерии Нарбиковой: какие-то унитазы, младенцы,

которых насилуют через рот хоботами. Нарбикова сидела сытая и довольная, как кошка. В штанах, черных ботинках, белой кофте с бусами — одежде почти невинной — и спокойным, почти бесстрастным невинным же голосом читала эту похабель. Ее отрывок был так же сильно политизирован. В основе его какой-то дедушка, лежащий в гробу, в упоминании которого угадывался В.И.Ленин.

Витя прочел рассказ "Как мы зарезали Францию" — обычный его рациональный с очень плотной присыпкой. Саша Глезер — публично, в чтении отрывков, сводил с кем-то свои вечные счеты. Всем хочется в большую литературу.

19 мая, пятница. Утром состоялась дискуссия. Я выступил, кажется, удачно, полемизируя с Витей Ерофеевым против его модернизма. Был Алик Гинзбург, полный рассказов, повел меня в "Русскую мысль". Там поговорил со своим выпускником молодым армянином Манукяном, посидел за столом Горбаневской. Редакция помещается в большой квартире, все доброжелательно, интересно, кажется, и газета на уровне разговора. Но пришел домой, стал читать — газета-то предельно политизирована. В ней нет мягкости Алика Гинзбурга. А жаль.

Вечером был на коктейле в издательстве. Купил четыре тома эротических гравюр, как потащу в Москву — не знаю; покопался в книгах, долго по бульварам и Елисейским полям шел домой на улицу Клебера. Дочитал "Аккомпаниаторшу" Берберовой.

20 мая, суббота. Утро было занято журналистской дискуссией, где господа, прекрасно устроившиеся вне эпицентра страданий и не знающие, что такое быть голодным, рассуждали о России и что в ней не так уж плохо. Вели дискуссию Алик Гинзбург и некая Лора (из "Фигаро"), которая вобщем, по сравнению с соотечественниками, проявила большую лояльность. Я вмешался после Дымарского (сын), Грачева Андрея, г-на Сироткина — Россия полна страданий. Отвечая мне, почему-то Дымарский сказал о моем таланте оратора. Вот уж не ожидал.

После обеда — хлеб и сыр — пошел пешком на Монмартровское кладбище. Нашел могилы Вестриса, Нижинского и Стендаля. Был на могиле Золя. Еще раз поразился отношению к прошлому. Целая улица лежит прямо над кладбищем. Сделано все, чтобы не разрушить ни одной могилы. Проверить в Москве: в одной могиле Нижинский и Лифарь или Лифарь установил надгробие.

В 20 часов вечер памяти Максимова. Народу мало. Интересна была только Розанова в своей скандальной манере. Говорила о выразительности ненависти. После провожал С.Кардеа (Бахметьеву) до Пасси и отправился искать дом Бальзака. Нашел:

вниз по лестнице, длинное, одноэтажное строение. Бахметьева рассказывала о своей длинной истории попадания во Францию. Хотелось! Два фиктивных брака. О М.В. Розановой говорит ужасно.

21 мая, воскресенье. Утром был у Тани. Она встречала меня с Колей на вокзале. Поговорили, поотвели душу. Марк как-то впервые был добр. Иногда из-за его угрюмости вылезает веселый парень, похожий на Колю. Таня кормила запеченными улитками, моллюсками, жаренными с картофелем и мясом.

Шел от Восточного вокзала пешком. Путешествие вдоль Лувра,

27 мая, суббота. Вернулся в Москву в понедельник. Субботу и воскресенье много ходил и расписался. В субботу ездил с Оскоцким на Сен-Женевьев-де-Буа. Здесь все знакомо, ибо по фамилии — это Россия. Видел надгробия Кшесинской, Тарковского, Зайцева и многих других. Война коммуны с кладбищем. Вторжение в русские порядки целых рядов католиков. Интересная история с полотером.

В институте скандал: Краснопресненский банк прекратил платежи. Моя интуиция, как всегда, меня не подвела. Неделя была напряженной — вручение дипломов на заочке. Защита моих студентов, Ученый совет. Защитились Тарпищев Паша и Илющенко Олег. Я полагал, что последний не защитится никогда, но проза его меня даже давила своей неординарностью. Он похож и на меня, но я его все же не сломал.

28 мая, воскресенье. Утром ездил в Красногорск на учредительный съезд "Духовного наследия". Час проговорил перед началом заседания с Бондаревым. Чувствуется его голод по собеседнику не литературных сплетен, а литературы. Еще раз говорили о "Марсе". Понимаю, что это вызвано минутой, но тем не менее и я вслед за Бондаревым думаю: "Время будут изучать и узнавать по моему роману".

Роман немножко записался, по крайней мере для меня конструкция его становится все непреложнее и непреложнее. Как всегда в этих случаях, мне начинает казаться, что случившееся в романе случилось и в жизни.

3 июня, суббота. Утром был на съезде объединения "Моя Отчизна". Пригласил Вл.Егоров. Это все, оказывается, комсомольские вожди. Состоялось все в Октябрьском зале Дома Союзов, в том самом зале, где судили Бухарина. Очень интересно, как бывшие комсомольские вожди (Мишин) призывают поддерживать частных предпринимателей — банкиров и торговцев.

Вечером был на радио. Читали отрывок из "Затмения Марса"

и потом минут десять я говорил. Собою недоволен — слишком часто обращаюсь к старым теориям.

Вечером были Андрей Полунин и Илья Балакин — мои ученики. Я болею, кажется, у меня или камни, или простата. Старость чувствуется на каждом шагу.

4 июня, воскресенье.. Читал работы Е.Вдовиной и книгу Юры Мэттью Рюнтю "Нуриев без макияжа" — жуткая, чудовищная беллетристика с подделкой под документ.

8 июня, четверг. Совершенно перестал интересоваться политикой. В институте идут госэкзамены. Конфликт с Дубаевым. Вчера во время последнего зачета по литературе поставили три неуда. Это значит, пересдавать через год. Этим можно гордиться: перешли Рубикон.

В метро с каждым днем все больше и больше нищих. Порою меня охватывает ужас.

Потихонечку идет роман. Я уже пишу путешествие от Александрии в Каир.

16 июня, пятница. Вписываю дату только как точку отсчета. На самом деле в датах несколько запутался. В пятницу, в 16 часов от С.П. на Фрунзенской отъехали на автобусах, через жуткую жару и Москву в Шереметьево. В Якутске — пленум Правления, и в общем — меня обязали быть там. Живу в каком-то неявном состоянии под солнцем, которое не заходит и не заходит несколько суток, под топором речи, которую еще не знаю, как буду произносить. Мне неясна еще сама идея Пленумов, их пафос, их воздействие на формирование общественного мнения. Пока — это пленум о взаимодействии национальных литератур. Должна же русская литература растить литературы национальные и вместе с ними чувство сепаратизма и отчужденности российских народов?

Конспективно черчу абрисы последней недели, как их помню. Обратный отсчет.

В среду утром приходила Тоня Сергеева с дочерью и ее подругой. Она надеется, что, перебравшись к нам в институт из Университета, девочки найдут некоторое равновесие, не будут снимать где-то комнату, т.е. личную жизнь устроят по модели, как видит ее мама. Все это не так, и так не произойдет. Интереснее им, конечно, будет у нас, но жизнь свою они будут выбирать сами.

В среду, 14-го, вручал дипломы 32 своим студентам. Я говорил довольно складно и удачно: "совместный праздник", "начало пути". О житейском содержании этих понятий.

В 16 часов был на совещании комиссии по премиям. Судя по всему, премию мне присудили, но до сентября еще два с лишним

месяца, и или я что-нибудь ляпну, либо на меня что-нибудь донесут. По крайней мере, несколько членов комиссии — Е.Колобов, В.Каретников — были искренни, поздравляя меня.

В 15 часов был на юбилее в "Юности". В последнем номере у меня вышла заметка об этом юбилее, в которой я опять не утерпел и свел кое-какие старые личные счеты. О, эта накипь юности. К сожалению, приехал поздно и не застал ни Е. Сидорова ни В.П.Аксенова.

В 19.00 был на вечере Джойса и презентации его трехтомника. Кажется, хорошо говорил о Джойсе в жизни моего поколения. В этом смысле, полагаю, составил некоторый контраст С.Б.Джимбинову, говорившему о писателе с бумажками в руках.

Четверг, 15-е, утром встречался с Бел. Интересен как тип со своей жесткой системой недуховности и гедонизма. Это один из персонажей моего "Гувернера". После этого в 12.00 говорил на ВЛК. Конфликт между бумажкой, корочкой и содержанием. Тем не менее, первый мой выпуск ВЛК прошел. В 14.00 заседание приемной комиссии.

Пятница, 16-е. В 14 часов на кафедре у Смирнова. Говорили о нагрузке. Хорошо быть правым, когда ты гость и хозяин.

Опять возвращаюсь в Якутск, а перед этим в самолет. Цивилизация вывешенных поверху улиц тепловых цепей. Живем в каком-то обкомовском пансионате с внутренним двором. В самолете интересен маневр, как Ганичев и Лыкошин ушли бочком-бочком в первый класс.

В субботу в Якутске участвовал в ТВ-передаче вместе с Распутиным, Машбашем, Сорокиным.

Гнетет речь.

18 шюня, воскресенье. Сегодня состоялся пленум. Он проходил в соответствии с лучшими традициями. Со своими народными, отсвечивающими речами полезли националы. Речь Ганичева была многословна, вязка, с привычной аргументацией. Если бы не выступление Гусева, Нади Мирошниченко, П.Проскурина, обнаживших тему — катастрофу русских, — пленум мог бы считаться проигранным. Все это наложилось на ситуацию в Буденовске. Заложники, Шамиль Басаев, Ельцин, цедящий что-то бессмысленно-нелепое о Чечне. Черномырдин, беседующий по телефону с бандитом. Никогда еще телевизионный персонаж не пользовался в народе такой ненавистью.

Вечером был концерт в оперном театре. "Травиата", "Чио-чио-

сан", "Дон-Кихот" — все это следы Москвы, ее Консерватории, ее театральных и балетных училищ.

Вечером — опять по ТВ встреча с Черномырдиным —

захотелось сжечь его чучело.

19 июня, понедельник. Утром выступил на Пленуме. У меня было три тезиса: цензура на ТВ, русский язык и значение русской литературы для культуры и, наконец, положение с переводом в национальных литературах — советская халява больше не повторится.

В 13 часов на "Борисе Бедном" — вдоль по Лене. Чудесный музей на берегу. Все новизна, но чудесно: зелень, высокий берег, блеск воды.

Острог, дом купца, церковь — все это требует огромных сил и денег по поддержанию порядка и, конечно, скоро придет в запустение. Все держится на энтузиазме 89-летнего… Органический русский патриот, потому что все помнит и достаточно образован. Когда националы подчеркнуто дружат, мне кажется, что они дружат против русских.

Очень плохо себя чувствую. Тяжесть, сонливость. Заказал себе билет на два дня раньше. Хорошо бы улететь.

21 июня, среда. 10.00. Москва. В 12 по местному вылетел в Москву. В 12 по Москве был дома. Всю дорогу читал Нагибина. Вечер обрушился на меня новостями, и главные из них — "Духовное наследие". Как бы умерить собственное честолюбие и решить, что мне нужно.

27 июня. Вся неделя очень сложна из-за банковских историй. Впервые я понял, что такое крушение банка. Послал в "Правду" свое письмо Парамоновой и "Приписку". Конечно, в Пресня-банке взбесятся. Но они меня загнали, пускай получат.

В 17 часов вместе с "Духовным наследием" от Рау-корпорации на автобусе — в Тверь. Всю дорогу проговорил с Аристовым из Черноголовки. Вечером купался вместе с Г.Орехановой в Волге. Город выглядит так, будто только вчера закончилась война. По домам век XIX — вчера. Самое незабываемое впечатление — это рука Эсамбаева в ресторане с оттопыренным мизинцем и бриллиантовым кольцом, тянущаяся к тарелке с хлебом.

28-го поздно вечером вернулся с Орехановой. Ее речи произвели на меня впечатление. Убежденный человек, уверенный в том, что она имеет. В конечном счете, заражает не логика и не факты, а страсть. Она над фактами.

1 и 2 июля — лето уже покатилось к устью. Был на даче. День прошел хорошо: писалось, тянул роман, хоть было много дум об институте. Вернулся вечером к "Итогам". Киселев принял совершенно лакейскую интонацию. Еще не в открытую, зная бесконечные уловки этого господина, Ельцина еще не бросили, но любовь и "угощайтесь" перемещаются к Черномырдину. Воистину старая КПСС взрастила в своих недрах людей без совести и

принципов. Как они, однако, начали пользоваться демократической терминологией! Заговорили о приоритете личного над государственным. В высшей степени этим господам наплевать и на чужое личное, и на общее государственное. Я до физической осязаемости вижу их сытое, подернутое солнцем брюшко, ради которого все и делается. Я вижу их щенков и их раскормленных, тупоголовых самок.

В понедельник утром, 3 июня, читал "Смиренную прозу" Саши Барбуха. Мне уже ясно преимущество нового поколения, но, видимо, и у моего поколения есть какие-то преимущества? Где они? И в чем? Как прекрасно ребята стартуют! Но вот хватит ли дыхания, чтобы свою жизнь превратить в законченную и закругленную метафору. Метафора потом закруглится в две строки в словаре.

Очень плохо чувствует себя В.С. Я боюсь будущего, чужого страдания, своего нетерпения, незавершенной жизни. Боюсь болезней и смерти близких. Господи, пошли мне смерть на лету.

Утром Пресня-банк денег опять не дал. Жулье.

4 июля. вторник. Поехала крыша у Володи Макарова, замечательного тихого мальчика, которого мы намечали на поездку в Кельн. Он прошел блестящую аттестацию — и вдруг сексуальный бред, мания преследования. С грустью я смотрю на этого ребенка, хочется прижать к себе и защитить. Тем более, повторяю, все у него плохо. Руслан Киреев хорошо о нем отзывается. Я очень боялся, что все это абберация моего подозрительного зрения, но, к сожалению, это же подтвердил и наш врач Дима Харазашвили. Свои впечатления о Володе запечатал в конверт и вшил в его личное дело.

В обед приходил В.П.Смирнов, забрал свое заявление и в качестве отступного взял отпуск на написание диссертации. Все это производило жалкое впечатление. По старой коммунистической памяти он увязывал свой уход с вопросами и намеком на готовое волнение студентов, со звонками, дескать, от прессы, которая будто бы связывает его уход с уходом Лебедева. Ст…й, жа…й, пл…й м…к. Но я все равно люблю его краснобайство и завирания.

5 июля, среда. Состоялся пленум "Духовного наследия". Кажется, меня выдвигают в Думу. Конечно, я надеюсь, я не пройду. Но это дает мне опыт. Интересен был банкет. Комсомольцы во главе с Игорем Маляровым привычно и талантливо поглощали красную рыбу. Пресня-банк агонизирует. Правительство установило плавучий курс для доллара 430–490 — это источник фантастических спекуляций. Во время пленума глаз отдыхал на лицах; я люблю эту родную круголюдность — видя,

как полковники один за другим распространяются о содеянном, у меня возникла мысль: у них получите.

Мне совершенно не нужно, чтобы мои книги читали, достаточно того, что я их сформулировал и написал.

В "Новом литературном обозрении" разгромная рецензия на "Огурцы" — очень гуд!

6 июля, четверг. "Правда" напечатала статью о пленуме в Якутске. Заканчивается она ссылкой на меня о государственной цензуре.

Отдиктовал "Биографию" для сборника. Мне кажется, это получилось, хотя жанр, скорее, эссе. Вечером впервые после пожара был в Белом доме. Я удивляюсь, как люди там работают. Для меня он еще полон теней и отзвуков стрельбы. Я все время принюхивался: не пахнет ли пожаром. Белый дом — это, конечно, наша родовая травма. Хороша и округа: чугунная решетка, которая, конечно, стальная, потому что даже в слове ее не хочется сравнивать с решеткой в Летнем саду. Люди на Есенинский комитет собрались все знакомые. Большое звено диковатых красно-коричневых с шелудивым боровом Га-ым. Ситуацию все не понимают и держат в уме только свой "клин". Выступал два раза, первый раз — о клубах и значении поэта, второй — о проекте Константиновского заповедника. Меня удивляет, что государство, Минкультуры спохватываются об этом только под праздники. Никому, кроме русского заунывного сердца, С.А.Есенин не нужен.

Чеченский позор продолжается. Как из всего этого выкрутятся Черномырдин и правительство?

11 июля, вторник. Очень долго добивался разговора с Кинелевым. В этом не было умысла министра. Трещит политика, рушится министерство. В воскресенье Киселев, страдая, облизывал правительство. Какая стыдоба в оправдании Ельцина. Воровско-дворовый жаргон: Грачев его подставил. Будто бы "он" — несмышленыш. Тем не менее быстро и точно поговорил с Кинелевым. И для себя сделал вывод, что значит, когда невозможно созвониться.

Две ступеньки публикации (по старым поводам) в "Огоньке". Одна — из ЦДЛ (с вечера Джойса), вторая — по поводу нашей пресс-конференции в институте. "Вечер в честь Джойса в ЦДЛ, сочли необходимым прийти писатели В.Ерофеев и С.Есин, профессор С.Джимбинов и переводчик "Улисса" С.Хоружий.

Вечер проходил культурно, с налетом добротного академизма. Профессор Джимбинов рассказал о Джойсе все, что можно: про ирландскую специфику и "поток сознания", про пресловутую элитарность и странную любовь к "человеку толпы". Виктор Ерофеев слегка укорил Джойса за наивность и

простодушие. Сергей Есин, напротив, простодушно сообщил, что не сумел одолеть "Улисса", но зато рассказал, как бегал трусцой по Дублину, городу, где происходят события романа. Размеренный ход вечера резко нарушился с появлением на сцене художника Александра Бренера, известного своими эпатирующими акциями. Достав из широких штанин нечто, Бренер с выражением зачитал свое "Письмо к ирландским писателям". Дамы визжали, падали в обморок, смеялись и плакали".

Однако главный герой мероприятия, философ Сергей Хоружий, нашел выступление Бренера "самый удачным в программе вечера", потому что таким экстравагантным образом удалось хоть чуть-чуть разрушить "стилистику ЦДЛ, навсегда пропитанную миазмами официоза".

Я начинаю собирать коллекцию преднамеренных обманов: вот и Виктория Шохина объяснила, что "не одолел", но ведь сказал-то я по-другому. Не забыть бы сюда девочку из "Нового Литературного обозрения".

Вчера выплатили зарплату. Вечером слушал Левитанского: почему не профессор, почему мало платят.

И еще публикация из "Правды". И в этой статье не сказано то, что было на самом деле. Участники пленума постарались этого не заметить.

В воскресенье писал "Гувернера". Написал сцену в магазине, доволен, но все это так старомодно, приземленно, в принципе, ничтожно. Но чем же тогда занять себя.

17 июня, понедельник. Дневник пишу мало. Во-первых, как всегда, дневник не идет, когда пишешь роман, а во-вторых, просто мало физических сил. Прошлая неделя была в хозяйственных хлопотах и беспокойствах. Наконец-то нашел письмо из агентства "Гласность", которое заказало мне автобиографию, но Галина Васильевна сегодня положила его вместо 371 п/ящика на почте в 37-й. На почте сказали, что ключей от ящика клиентов у них нет.

Вся неделя, и суббота, и воскресенье — под тревогой нездоровья В.С. Завтра ей ложиться в больницу. Это хуже, чем самому. Со всех сторон плохо — я привязан к дому, собаке, болезни В.С. В воскресенье она вечером сказала мне: я-то предполагала, что ты умрешь рано, а я долго после тебя буду жить… Возможно, несмотря на ее болезнь, так и будет.

Читаю монографию В. Панкеева о Гумилеве — слабовато. Много дел с хозяйством.

Сегодня позвонил И.Васильев: в "Коммерсанте" он прочел о том, что меня сделали номинатом на премию.

Прочел В.Маканина — "Кавказский пленный" — почувствовал себя дерьмом.

Неделю занимаюсь институтским хозяйством.

1 августа. Позвонил С.И. Смирнов: как пишется "Временитель"? Ему заказали писать грамоты к премии мэрии Москвы. С В.С. очень плохо. Сердце болит.

18 августа, воскресенье. Дневника не веду, ибо все мои впечатления от сегодняшнего дня поглощены романом. Он движется, и уже чувствуется конец. Бог мне послал Толю с его рассказом о совхозе. И вообще Бог послал. Любое замедление романа — это всегда благо, потому что в цель незаконченного эпизода вклинивается еще что-то. Вот и Толя-Коляня получит у меня престарелую директоршу музея, занимающуюся реституцией. Боюсь, это словечко вызовет у меня милый образ Жени Сидорова. Недаром Пруст написал свою Одетту с собственного шофера и сожителя.

Коммунисты, как всегда, определились по-своему: разобрали все "учебные" места для сражений и оставили мне Москву. Теперь не будет ни Москвы и ничего.

Идут экзамены в институт. Четверг и суббота были чудовищны по напряжению, но кое-что радует. К сожалению, плох и необъективен детский семинар — Сережа Иванов не тянет.

Я пропускаю целый ворох мелких событий, который не внес в дневник. Большие разговоры о Николае, во время которых он выявлялся как большой и патологический врун. Для меня это интереснейший литературный тип, потому что время это идет от полного непонимания, что у собеседника может быть искренность, чтобы понять и опыт, и ум, разобраться и с враньем. К сожалению, за последнее время я все чаще и чаще встречаюсь с тем, что не могу перевести в художественный тип жизненный. Это, видимо, связано с моим прошлым бытовика и внутренней установкой на героя с душой, того, что мы раньше называли положительным.

Вчера, 3 сентября, я был заранее приглашен в Третьяковскую галерею на празднование Сретения. Меня попросили даже осмыслить это событие. Я приготовил трехминутную речь, над которой неделю сладостно размышлял, и в которой собрал давно покоившиеся у меня мысли о христианстве и религии.

Заранее придя в зал, я представился г-ну Святославу Бэлза, телевизионному конферансье, моему соседу по дому, о чем мы подшутили, и встретился с неким г-ном Олешковичем ("О" или "А" я в силу традиционных оглашений некоторых гласных не расслышал), Михаилом Антоновичем (запомнил С.П.). Я сел в зал и даже подумал, что в случае необходимости меня выдернут, это

будет даже как-то особо телевизионно. Правда, некоторое недовольство собою, не всецело демократической своей точкой зрения, я услышал. Но ведь у нас демократия и плюрализм.

Из содержания концерта: потрясающе играл Николай Петров "Богатырские ворота" — мне кажется, что у его рояля струн в 10 раз больше, нежели когда играют другие. И было еще два выступления, даже три: Святослава Бэлзы, который с присущей ему эрудицией и оптимизмом поведал присутствующим некоторые сведения из энциклопедии для детей и взрослых, вспомнив даже незабвенную корреспондентку Пушкина Ишимову. Потом выступал Леша Баталов, мой старый приятель, который рассказал о доме в Лаврушинском, в котором жил (в это время я жил в коммунальной квартире), дом Леши знаменит тем, что именно его облетала булгаковская ведьма Маргарита и разбила всем стекла; кроме заезжавшей сюда Ахматовой, квартировавшего Пастернака, заходившего Мандельштама, здесь жила такая тьма писательских подлецов, которых хватило бы, чтобы посадить абсолютно всех, кроме доносителей-писателей, итак, Леша рассказывал о доме, об Ахматовой, о том, как он учился живописи, и о тайном причастии, которое он принял в детстве. Я тоже принял причастие в 14 лет в Елоховском соборе, но отнюдь не тайно, принял и принял. Выступавший вслед за ним Володя Васильев — здесь я еще раз убедился, что танцору на сцене лучше всего плясать, а драматическому актеру произносить написанные не им монологи — итак, Васильев стал рассказывать о своем, с детства доверительном отношении с религией. Даже привел слова своей мамы: "Впереди Пресвятая Богородица-Заступница, я за ней, Володичка". И второе, уже присловье, никогда не забываемое в русских семьях: "С Божьей помощью". Немножко это напоминало выступление старых большевиков, искусственно приблизивших к 1917-му или к 1905 году — момент вступления в партию. Вообще эти ребята, кажется, так же клялись, получая свои очередные регалии, верности КПСС, как нынче Богу. Но это вопрос особый, хотя и издавна меня интересующий — об этике высказываний.

Я глядел на этих друзей, полный зависти, и предвкушал, как выйду вслед за ними, скажу нечто поумнее. Чего уж они предвидели в моей речи антидемократического, что не дали мне слова.

3 сентября, воскресенье. Собственно, всю неделю шла атака на мою премию. Язвительные завуалированные замечания следовали постоянно. Наконец, все разрядилось, в заметке "Нового времени". Не забудем два обстоятельства: журнал в одном доме с "Новым миром", где Алла Марченко и где, конечно,

чуть-чуть ворожит не забывающая ничего Мариэтта Чудакова. Я не их, этим все сказано. И не люблю "чистый" стиль зарубежной интеллигенции. Второе обстоятельство: кто-то из моих "переносчиков" в эти дни сказал: в "Новом времени" только и говорят о премии. Есть еще и третья составляющая: в редколлегии все сплошь друзья юности — красавец Ганюшкин, с которым работали в "Комсомолке" и который уже тогда был серьезен и важен, а я свистун, главный редактор Александр Пумпянский, умный комсомольский ребенок, который не забыл, как мы во время фестиваля делали с ним интервью со Стенли Крамером и его со мной посылали лишь в качестве переводчика, а так был умен, так на много претендовал. И еще знакомый — Кронид Любарский, тоже, наверное, не забыл нашу схватку в Копенгагене — его время, все разрушили, КГБ нет, за всеми следит ФСК, русский в Европе — человек второго сорта.

Сама заметка в жанре доноса, с плачем по упущенным возможностям для своих. И комментировать по этому поводу не хочется.

Накануне в пятницу поругался со Смеховой: во время 16-й передачи "Студии молодых". Она, как всегда, обвинила меня в рекламе института. А собственно, ради чего я передачу делаю. Ради того, чтобы у нее была работа. Но здесь еще сказалась и установка: мне надоела и сама передача, и глупость Аллы с ее поверхностными и традиционными вопросами. Где-то она у меня вызывает то же ощущение — прямолинейности подхода, отсутствия за вопросом глубины и внутренней работы.

Еще накануне, в четверг, вышла "Правда". Взял ее с подачи Уражцева: "Духовное наследие" и КПРФ объединились и подали общий список. Меня, естественно, прокатили. Всем им, конечно, не обязательно знать, что в тот момент, когда они предали партию, я, который всю жизнь испытывал давление и пренебрежение аппарата, оставался с ней и со своими обязанностями, клятвами и обещаниями, столько делал последнее время для "Наследия" — они меня прокатили.

10 сентября, воскресенье. Был сегодня у сестры Елены. Видел дядю Толю. Ему 85 лет, умен, с хорошей памятью, реакцией, первичен. Помню его молодым в 50-х! Поговорили всласть. Я чувствую, они мной гордятся. Я стоял на остановке под домом, а он смотрел на меня из освещенного окна. Много вспоминал отца.

13 сентября, среда. Случайно попал на совещание к С.А. Филатову, главе администрации Президента. Кремль изнутри все современнее и роскошнее. Окна кабинета на 4 этаже выходят на звонницу Ивана Великого и самый большой колокол можно

хорошо рассмотреть. Были Гельман, Афиногенов, Бакланов, Васильев, Чудакова и несколько человек, которых я вижу впервые — интеллигенция, с которой хотели бы познакомиться перед выборами.

В толстой записной книжке, где у меня "Гувернер", записана вся беседа. Филатов даже заметил: "хотя здесь и не записывают".

Все это совещание демонстрирует, как определенная интеллигенция через шуточки и неявки (не было Искандера) постепенно отчаливает от президента. Филатов говорил о разнообразных новых программах.

Я был доволен собой: ни на йоту собою не поступился. Начало моей речи: "Если бы я желал победы этому режиму, я бы посоветовал ему… а. Все на выборы с объяснениями, б. Пакет законов о пожилом человеке, в. Молодежь, г. Интересы русских в Семипалатинске, Крыму, Прибалтике. Не утерпел и ответил на какую-то реплику о том, что интеллигенция привела демократию к власти и осталась ни с чем — "Брак по расчету редко бывает счастливым". О поддержке писателей: достаточно запустить бывшую писательскую собственность, и всем хватит. С.А. отреагировал на Переделкино, где у него все союзники, очень живо: только суд. Сам Филатов, как ни странно, мне понравился — убежден, хотя его слова о сделанном в историческом плане — дескать, очень много — жалки. Коммунисты отличались тем, что делали все в историческом плане — это положение Советского Союза…"?

На следующий день: поясняю: а. Все партии и блоки должны заключить соглашение о проведении этого общего лозунга в жизнь. Пропаганда: не голосуйте за фамилии, имена, отдайте голоса за людей, которых вы наверняка знаете; б. Человек должен знать, как его похоронят, и быть уверен, что по нему справят поминки;

в. Местное самоуправление. Оно может называться как угодно, но в его название должно входить слово совет; г. Телевидение: оно скучно, потому что оно без идеологии и без национальных интересов.

18 сентября, понедельник. В Синем зале дома Сов.Мин. — в расстрелянном парламенте, был на заседании Есенинского комитета. Вел Юр. Фед. Яров. Первое ощущение — подновленный старой цековской демагогии. Все те же самые демагогические приемы, но без четкости и с заискивающей ласковостью. В президиуме кроме Ярова — Ф.Кузнецов, постоянно подобострастно вставляющий словечки, Прокушев Ю.Л., Сидоров Е.Ю., отчего-то все время вспоминающий Литинститут и поглядывающий на меня. Обменялись вестью о смерти Пименова,

и он поздравил меня с премией — вот, знать, было разговоров, если заклинило.

Бросается в глаза цвет лиц писателей и кормленой бюрократии: писатели серые, изжеванные, Ляпин уже полгода в одних и тех же светлых ботинках, у бюрократии — цвет лица розовый, здоровый.

Щепетильность момента в том, что разговоры о тратах и об увековечивании памяти на фоне разрухи, голодный народ за скобками — и это до старой памяти никто не может забыть.

— Никогда, как мне кажется, раньше писатели не были административно так принижены. Хозяева устроили сатурналий и на пару часов пригласили своих лакеев в гостиные.

19 сентября, вторник. Утром семинар: обсуждали М. Лежневу. Меня удивляет, как за год все мои ребята выросли, в том числе и Маша.

В этот день хоронили бывшего ректора В.Пименова. При старом времени был бы Дом литераторов, венки, панихида. Здесь обошлось почти по нищенскому разряду. Панихида в морге, на Иваньковском шоссе. Катафалк запоздал на 1,5 часа. От института нас трое или четверо.

20–24 сентября.Самое главное — тревога за В.С. Беспокоит то, что ситуация вне моей воли и контроля. При всем ее мужестве она беззащитна перед своими тонкими венами и механикой медицины. Каждый ее рассказ доводит меня почти до сердцебиения и обморока. Несмотря на свой спор и интенсивную жизнь я чувствую — я первый.

В пятницу развернулась трагедия у Димы. Позвонила накануне его отъезда в Германию Элизабет и сказала, что любовь прошла. Это схема. За всем этим, кажется, ее пока работающий в какой-то секретухе отец. Вербуем все, как и у нас. Кто-то заинтересовался ее "русским другом".

25 сентября. Утром видел, как вынимали старика с рельсов в метро.Чудом дед остался жив. Кажется, весь состав прошел над ним. Поразило бесстрашие какого-то парня из публики. Он спрыгнул на рельсы и подал старика другому. Кажется, электроэнергию на линии на этот момент отключили. Запомнились реплики: "Ты, главное, на провода не наступай". Прибежала белая от страха милиция. Старик уже лежал на платформе. У него, кажется, лишь несколько глубоких царапин на лице. Невольный сюжет: столкнули, чтобы завладеть квартирой?

26 сентября, вторник. Обсуждали Сашу Азаряна. Кажется, я не ошибся, за его косноязычием какое-то новое качество — литература. Если бы не его самоуверенность и нежелание учиться.

27 сентября, среда. Приехал Клод Фриу. Был на его лекции "Французские путешественники о России". "Я еду за аргументами" (Кюстин).

2 октябя, понедельник. Сегодня в 11 часов состоялось открытие памятника Сергею Есенину. Вход был строго по пропускам. Я подошел к старшине, к майору, которые управлялись с двумя рациями, с просьбой пропустить пару десятков студентов и преподавателей. Все отсылали меня один к другому. Полковник сказал: "Пусть мне скажет главный администратор". "Кто? Покажите мне его". Я повернулся и, кинув собственный пригласительный билет, ушел. Я не мог как ректор быть на литературном торжестве, когда моих студентов, как баранов, держат за загородкой. Навстречу мне очень торжественно и благостно, я бы сказал — образцово прошествовали Н.Д. и А.И. Солженицины. Потом со всклоченной бородой и в кожаной курточке прошмыгнул Борис Можаев.

В пятницу, 6 октября, вышла "Правда" с моей статьей "Господа, собираясь в Париж, одевайтесь поскромнее". Отзывы о моей едкости и непримиримости. Мне эта статья, несмотря на сокращения и обструганную аргументацию, тоже нравится.

В воскресенье, 8 октября, ходил на концерт Кати Ричаррди. Я ее слушал в 76-м году в Рекиверме. На этот раз своей уверенностью, женственностью, мастерством она переломила зал, но "тогда" это был пулемет, отстреливающий в слушателя немыслимой энергии и красоты пассажи.

Субботу и воскресенье писал. На концерте много думал о романе и решил ввести "Грот Афродиты" — новую сцену.

Всю неделю жил. Навел порядок в квартире и все вычистил.

В пятницу очень хорошо Е.Ю.Сидоров говорил о повести С.П. Толкачева. Я рад. Но все они лишь штукари и отличники. В литературе надо жить, рисковать и отдать ей все, даже семью.

9 октября, понедельник. Ну, наконец-то я получил первый по-настоящему политический донос. Героем стал… Это еще раз подтверждает правило: ничего не делай хорошего плохому человеку… написал донос на своего бывшего друга все пять лет, хочет скандала, чтобы по политическим соображениям уехать в Германию.

10 октября, вторник. Утро — интересное обсуждение Осинского. Собираюсь в Ирак. Поездка внезапная, но другой возможности увидеть Вавилон у меня не будет.

Все нищие и калеки страны хлынули в Москву. У меня сердце обрывается, глядя иногда на увечья и страдания людей. Это стало какой-то выставкой нашего общего убожества и страданий.

12 октября, четверг. К 15 часам?поехал на традиционную,

оказывается, встречу с мэром Ю.М. Лужковым, посвященную открытию театрального сезона. Состоялась встреча в филиале Малого театра, отремонтированном и реконструированном с немыслимой по московским меркам роскошью. Видимо, здание строилось так, чтобы — я забегаю вперед — можно было накрыть а ля фуршет человек на 800 — т.е. как "театр со своей публикой". Сама встреча проходила в жанре умиления и восхваления Ю.М. (надо сказать, что и я ему обязан за ремонт фасада института). Практически из всех выступающих ничего не просил только Анат.Смелянекий, сказав о маразме наименования улиц: "разыменовали" улицу Станиславского, Южинский переулок и ул.Немировича-Данченко. Остальные: Яновская, Белякович, Розовский — наши театр.корифеи — во вкрадчивой манере независимой прислуги просили квартир, площадей, зарплат. Лужков практически никому не отказал, и для всех это было чем-то благостным, хотя раньше все это просто было. Игорь Моисеев говорил о звукопоглощающих потолках, которые того и гляди рухнут на голову, а денег нет, и здесь же сказал, что МХАТ три месяца не получает зарплаты и работает. Где наши доходы, где наши деньги? На этом фоне благотворительность Лужкова и подкормка на фуршете выглядят специфически.

13–14 октября, пятница — суббота. Улетел в Багдад на референдум о подтверждении полномочий Саддама Хусейна еще на пять лет. Поздно, часов в пять, прибыли в Амман. Если бы можно было объявить, точнее, если бы я всегда записывал, что дают есть в самолетах, то, по-моему, выиграла бы Израильская авиакомпания. Или я находился в Москве?

В 19 часов на двух автобусах, в ночь, отправились в Багдад. Из-за бардака ни один самолет в Ирак не летает. В стране отменены даже местные рейсы. Уже в автобусе я узнал, что нам предстоит проехать около 1000 км.

Я вряд ли смогу описать дорогу. Несколько темных и заплеванных хар-чевен, куда мы приставали, запертые при них лавочки с пыльными продуктами.

К часу дня подъехали к Багдаду. Город напоминает мне Каир и Кабул. В обоих арабское население, и через Каир течет река. Очень похоже на Каир, архитектура — центр с огромными отелями. В одном из них — "Палестина" нас и поселили.

Размышляю о демократии, тоталитаризме, народе. Из страны, кажется, выпускают очень неохотно, но лица у молодых людей хорошие, и на них ощущение покоя, как было у наших, до перестройки. Нужна ли людям сильная власть? Или кто-то обязан сделать их жизнь простой и здоровой? Тогда почему многие с такой теплотой вспоминают Сталина?

Вечером купались в бассейне и смотрели "народное шествие" — в поддержку референдума в центре. Все это было довольно энергично. В конечном счете и в России Саддама поддерживают и в противовес своим, и как антиамериканца, и антисиониста.

15 октября, воскресенье. Утром заглянул в окно: свободная, широкая река и внизу — пальма, как картинка из детской книжки. Любовь к городу — это любовь с первого взгляда, а м.б., чувство — это мой город! Сам город — мощный, сотворенный с размахом — центральные улицы, огромные отели, площади и широкое вкрапление старых районов. А ведь есть с чем сравнивать: от Дели и Стамбула до Кабула. Главное ощущение — почти позабытое чувство личной безопасности. Видимо, это наложило отпечаток на поведение людей: очень несуетное, лица у всех открытые, добрые. В городе в лавках продают спиртное, но ни одного пьяного не видел. Превращаясь в А.Жида, могу написать гимн молодежи. Много вообще красивых людей. Референдум. Собственно, игра известна, и как бы ни была плохо обставлена сама процедура, очевидна почти такая же экстатическая, как у нас, вера и любовь к Сталину, — любовь народа к Саддаму Хусейну. И тогда о чем же здесь говорить?

Был на четырех избирательных участках. Огромное поле возможностей для журналистов говорить о показухе, но, по сути, все это лишь неловкость и недостаток культуры у людей.

Придумал сюжет. См. зап. книжечка. Наверное, никогда не напишу.

Вечером ездил на объявление результатов. Церемония, которую ждали сотни журналистов, затягивалась, и я в 11.20 ушел. Водитель автобуса, который нас вез обратно, хотел слупить с нас 15 долларов. Костя Эккерт из "Известий" мужественно по-арабски отбрехался.

Последняя подробность, объясняющая всю ситуацию: арабский журналист сказал мне, пока мы ожидали начала церемонии: "Когда Россия поднимется снова и займет свое место… Без России арабским народам стало очень трудно, и мы ждем этого".

16 октября, понедельник. Незабываемая поездка на юг, в сторону Ефрата, к развалинам Вавилона. Развалины, конечно, производящие большое впечатление, реставрированы. Это выразительно, но создает ощущение, что с тобою играют. Новый выстроенный дворец для "почетных гостей" на холме, который насыпали в том месте, где когда-то проходило русло реки, омывавшей город.

Обедали, потом видели комплекс мечетей, посвященных

имаму Хусейну в Кербале. Первый внук Мухаммеда, обезглавленный здесь (над его головой — другая знаменитая мечеть в Каире). Сверху мечеть отделана золотом, а изнутри — гигантским набором зеркал. Современные хрустальные люстры и вентиляторы, как ни странно, вписываются в интерьер.

Истовость верующих, особенно молодежи, вот крепость этой веры и этика религии делают государство крепким. На людей я не устаю удивляться — их открытости, устремленности.

С нами ехали несколько молодых заносчивых ребят из Чехословакии. У них, как они говорят, не было денег, "у нас доллары!", и они чудесно путешествовали "на халяву", минуя наши сборы: экскурсоводу, шоферу и т.д. Народ не ропщет. Меня вообще поражает единство народа и правительства,

Вечером гуляли по городу. Впереди у меня куча денег, которые мне надо истратить.

17 октября, вторник. Утром час проработал. Недостаток финала — я кручу вокруг да около, постепенно, для себя, формулируя то, что хотелось бы сказать.

На нашем этаже в коридоре напротив холла с лифтами круглосуточно, меняя друг друга, сидят молодые люди, которые здороваются, когда мы приходим или уходим. Сегодня один из них куда-то вышел, но оставил на стуле папочку с листиком бумаги. В графах были какие-то арабские слова, но еще стояли цифры наших номеров. Быстренько прикинув, я обнаружил график: когда я ухожу и когда прихожу в номер.

В десять поехали с С.И.Журавлевым и Олегом Захаровым на базар. По дороге купили носки, а потом С.И. долго водил нас по лавкам антикваров. Огромное количество серебра, старинного оружия, богатств, которые люди вынуждены были продать. Было интересно, но тем не менее у меня разболелась голова от постоянного прикидывания наших и "их" цен, от разговоров о таможне, риске и о том, сколько за все это можно бы было получить "там".

После обеда ездил с переводчиком Хасаном в университет и быстро с деканом и зав. кафедрой русской литературы и языка все решили относительно обмена. Не помню имен этих людей, но многие из них учились в одно время со мною в МГУ. Хасан — замечательный парень, с совершенно русской психологией и русской, народной, оценкой наших российских событий.

18 октября, среда. Бесцельные шатания по базару. С.И. в коротких штанах с голыми ногами изображает из себя американца-магната ("О май френд!"), мы при нем. Смотрим и прицениваемся к грудам серебра. Иногда С.П. вздыхает, излагая нам московские цены, сколько бы можно за это получить, но

опасно: вывоз золота и серебра из страны запрещен.

В 17 часов уехали в Тикрит, на родину Саддама, ребята-журналисты; обедал с университетской профессурой в какой-то чистенькой столовой. Брат одного из преподавателей кафедры немецкого языка хозяин этого заведения. "Кормят всегда чисто и в долг". Было много мяса в разных видах — на лавашах, и салаты. Купил ботинки. Не тот размер и дорого.

Я не уехал с журналистами, потому что на вечер назначена встреча с министром. Присутствовали: Хасин, Гази (старый писатель с седыми усами и капризами мальчика, он так же, как и я, закончил МГУ), министр, Олег, С.И. и я. Начались возвышенные тосты и названия друга друга "брат", хотя никаких резонов для братства, кроме выгоды, нет. Министр невысокого роста, круглолицый человек, пил и энергично, по-отечески одаривал всех кусками жареного мяса. Все было очень мило.

За несколько часов до этого праздника какой-то другой старик, увидев, что мы выходим из ювелирной лавки, отозвал меня и быстро сказал по-русски, что, поговорив с нашими соотечественниками, он понял, почему погиб советский строй.

Мне-то ясно, почему погибнет любой подобный строй. Дай Бог и Аллах здоровья Саддаму — без него чиновники все разнесут и растащат.

19 октября, четверг. Олег переел, у него расстроился желудок, он уже не хочет мечей, сабель и шпаг. Он мучается. Утром С.И. уехал на базар, а я работаю. В легкой дымке передо мной река. Действительно, мне нравятся эта страна и эти люди. И главное — правдивость и чувство безопасности.

С.И. приехал с рынка. Купил две сабли: одну из них предлагает — на выбор — Олегу и сторговал вазу — 4 кг. серебра.

Выехали из Багдада в 15.00, но, оказывается, нам еще надо заехать на рынок, купить ту самую вазу, которую С.И. присмотрел. Мероприятие заняло около часа, потом шофер — очень немолодой иракец, заезжал домой, отдавал деньги.

Проезд через ночную пустыню, еда в придорожных харчевнях, костры и пропускные пункты через каждые 30–40 км — все это тоже, хотя и специфическое, но большое удовольствие.

Два момента поразили во время пути: средневековый рыцарский замок, внезапно оказавшийся невдалеке от Аммана в голой пустыне, и стадо овец, совершенно в библейской первозданности, разбросанное в полностью лишенной растительности пустыне. А рядом — совершенный и многотребовательный мир.

Опоздали на час на самолет, к счастью, он опаздывал на три часа. Всю дорогу проговорил с Костей Эккертом, белокурым

парнем из "Известий". Прекрасный рассказчик и прекрасный аналитический ум, много видел и знает, быстрый, хотя, наверное, и неглубокий, явно ангажированный и убежденный западник с тоской по Израилю. Все четыре часа проговорил с ним с наслаждением.

За мною сидел космонавт Андриан Николаев. Пили все безбожно. Когда уже в Москве Николаев проходил мимо меня, я обратил внимание: костюм на нем старый, может быть, семидесятых, и в руках давно вышедший из моды огромный портфель из кожзаменителя.

Встретил С.П., Вал.Сергеевна, и звали на какую-то премьеру.

26 октября. Вечером был на обеде в резиденции французского посла на Большой Якиманке. Ул. Димитрова уже нет, нет и блестящей защиты болгарина на процессе, его выступления против Геринга. Нет фашизма, нет противостояния… Пожалуй, никогда еще я не обедал в такой изысканной обстановке… Это, конечно, стоило бы описать, сам особняк, его гостиные с роскошными люстрами и двумя портретами: Екатерины Вел. и Петра I. Обед состоялся по поводу приезда каких-то французских литераторов, которых я не запомнил. Из наших были С.Чупринин, Л.Петрушевская, с последней я, памятуя традиционно наши юношеские распри, не поздоровался, С.Рассадин, с которым я не поздоровался тоже, Пелевин. С послом (имен, как всегда, не помню) мы долго говорили о культуре. Это каждая страна и каждый мир — кладбища в России и Франции, и об их "ложной классике". Я все же чувствую, что французы довольно снисходительно относятся к Мопассану, Дюма… О, эта жажда современности…?

Во время обеда произошла диспозиция, которую я нигде раньше не наблюдал. Что это — скаредность французов или их пренебрежение к личности. Переводчики не сидели за столом, а на стульчике примыкали к говорящим. Шептали на ухо. Мне было не по себе.

27 октября. Видел днем Светлану Силину, она с внуком приехала из Владивостока. Чудесный плотный парнишка трех лет. С грустью поговорили. Она проехала весь бывший Союз: говорили о пассивности народа.

Сегодня стало плохо С.Онаприенко, нашему студенту со 2-го курса. Я положил его в деканате. Пульс 240. Я посмотрел — запястья у него в следах от бритвы.

1 ноября, среда. Был на вечере, посвященном 20-летию покойного Евг.Руб. Симонова. Опоздал почти на час, потому что брал В.С. из больницы. Мужеству ее я поражаюсь: такая самостоятельность и вера в жизнь. Вечер происходил в ВТО на

Арбате, а потом в Театре Симонова в Калошином переулке, напротив. Поразительно было выступление Борисовой — монолог Клеопатры после гибели Антония. Самым уникальным — Михаил Ульянов, в свое время вытеснивший Симонова из театра.

На юбилее встретил Юрия Изюмова. Поговорили.

2 ноября, четверг. Днем — ученый совет. Кажется, я научился вести его по-новому. Я не волнуюсь, да и все явления принимаю в их совокупности. А главное, меня очень заинтересовало то, что я делаю.

Вечером состоялась конференция по Бунину. Выступления Джимбинова и Вл. Гусева были блестящими. Первый — о грехе Бунина, нарисовавшего забитую и темную деревню. Именно это и заставило "критику" собраться в славословиях автору. Второй, Гусев — о Бунине как продолжателе Большого стиля, начало которого Гусев ведет от Карамзина.

Роман опять отпал.

Был М.П. Лобанов, говорил комплименты по поводу "Марса".

Елена Алимовна Кешокова, наш замечательный декан, принесла цитату из какой-то книги 1991 года о социальной психологии. Здесь обнадеживающая цитата обо мне.

6 ноября, понедельник. Утром был в институте, занимался английским с Сарой Смит. Она постепенно что-то из меня выколачивает. Интересно рассказывала о своем дяде, который оставил дневник — печатать только после смерти всех его жен. Исследователь, приехавший из Канады (его биограф), сразу кинулся смотреть место, где говорилось о встрече именно с ним, в свое время. Прочтя, он на следующий день улетел. Отношение этого дяди со своими двумя женами в конце жизни приняло злое соревнование: кто кого переживет, значит, чье завещание будет действительно.

Наступающий праздник отмечен москвичами огромной очередью у Макдоналдса. В метро те же нищие на своих местах.

Несколько дней назад был репортер из "Файнейшил таймс". Ему я развил мысль о реализме как русском методе. Социалистический реализм — это лишь одно из ответвлений модернизма, ибо модернизм всегда отличается в первую очередь бледностью слова.

Вечером был у Г. Будикова в его новой гигантской квартире, полной антиквариата: знать, кому-то в новой жизни не так уж и плохо. Интересно, что вся эта новая жизнь проходит за двойными железными дверями с новыми итальянскими замками.

Вышло какое-то воззвание, которое я подписал. Ощущение тревоги.

7 ноября, вторник. Телевидение все с большим почтением

говорит о коммунистических демонстрациях. Милые журналисты не уверены, что если парламентская власть изменится, им не дадут по спине.

Вчера, как уже писал, был у Ген.Вас. Будникова в его новой квартире — все выглядит прекрасно, его старый антиквариат засиял. Не хочется даже думать, откуда и как все взялось. Полагаю, что это тот случай, когда все взялось из труда.

Интересен был спор с "неангажированной" Бахметьевой. Все понаслышке: литература, идеология, левые и правые. Интересная тенденция, собственно, почему они спорят, они не только хотят жить удобно, демократически в быту, но и еще знать, что о них не говорят плохо, как о конъюнктурщиках.

Ничего не пишется, плохо себя чувствую.

Вечером Киселев "пытал" Зюганова: все это было недостойно. Киселев все больше и больше приобретает черты провокатора, по приемам соединяется с Невзоровым.

14 ноября, вторник. Обсуждали рассказы Тани Трониной. Эта тихая девочка удивительно быстро растет.

Руслан Киреев рассказал, что говорил с Залыгиным. Тот сокрушался, что заметочка Марченко прошла мимо него. "Как же так мы поступили с Сергеем Николаевичем".

Господи, я-то об этом и забыл.

Вечером ездил на новую дачу Мальгина. Сколько же новая собственность требует денег. Все ставни, включая второй этаж, из железа.

15 ноября, среда. Утром, вернувшись, добил последние абзацы романа. Нужна правка и т.д., но дело сделано. Пора нацеливаться на следующее.

В 15 часов был на круглом столе о культуре. Выступавший Костя Щербаков сказал, что культура, как никогда в России, в высочайшем развитии. Он имел в виду фестивали, а я — народную культуру. Она в жутком упадке. Хорошо говорил Кинелёв. Деятели культуры каждый тянул одеяло на себя. Все выступали, а не делали дело. Я решил промолчать, хотя был готов.

Написал и отослал в НГ страничку по поводу обращения Е.Сидорова, М.Ульянова и др. А судьи кто?

17 ноября, пятница. "Рабочая трибуна" напечатала мое большое интервью.

18–19 ноября, суббота — воскресенье. В "Независимой" вышла моя небольшая статейка. В тот же день уехал в Обнинск с собакой. Топил печку и спал. Утром в воскресенье занимался досками и вечером уехал. Ощущение тихой и благостной гармонии.

Это, видимо, связано и с тем, что в среду закончил роман. Все, поставил на черновике точку. Откровенно не знаю, что из этого получилось. Но пока не сяду редактировать — несколько дней свободы. Впрочем, уже думаю о литературоведческой книжке.

По ТВ — политическая борьба. Самое поразительное — поцелуй Ельцина и Назарбаева. В тот момент, когда в Казахстане в тюрьме находятся арестованные казаки.

20 ноября, понедельник. В средине дня был на юбилее Лобанова. Хорошо говорил С.Ю. Куняев — о воле. Я ввел понятие "русский стоик". Я безумно люблю этого старика. Вечером звонил из Стамбула С.П. Их круиз убыточный, денег им не платят. "Я не могу купить себе кофе". Зарегистрировали мой фонд, это был последний именной.

"И другой мой любимый автор — Сергей Есин. Представлять его российскому книголюбу нет необходимости. Хотелось бы обратить внимание на его новый роман "Затмение Марса". Напечатан он в "Юности". Роман удивительно талантливо написан. Перед нами история молодого человека, испорченного временем". Это Бондарев в "Книжн.об.", ноябрь, 14.

21 ноября, вторник. Привезли мое интервью в "Домашнем чтении". Игорь Медведев сделал "окрестности".

На семинар пришел Андрей Платонов, очень интересно рассказывал об Израиле. С Андреем мы когда-то вместе работали, он художник. Днем Елена Алимовна принесла ж-л "Мой", в котором повесть Владимира Лямпорта. Здесь есть страницы, посвященные моим встречам с автором в Ялте. Сделаю копию и заложу в свои папки.

22 ноября, среда. Состоялось отчетно-перевыборное собрание Союза писателей Москвы — Гусевского. Накануне прошла интрига. Комсомольский проспект, в котором восторжествовали самые "светлые" силы — Ганичев, Ляпин, Лыкошин и т.д., хотели заменить непокорного Гусева "своим" и покладистым Валентином Сорокиным. Для меня это было достаточно важно.

Само собрание произвело на меня впечатление. Все те же, не постаревшие лица плохих, в своей основе, писателей. Они донашивают свои костюмы; все будто посыпаны пеплом и перхотью. Это все радетели за "советскую халяву". Халявы больше никогда не будет. Тем не менее благоразумия у всех хватило выбрать Гусева.

На собрании сидел с Ириной Ивановной Стрелковой. Говорили о Кобенко и о менталитете современного писателя. Она похвалила мои "Огурцы", сказав, что я писал книгу в хорошем настроении — это тоже повлияло, что она написала на книгу

рецензию в альманахе "Реалист".

По дороге я прочел — альманах подарил его главный редактор Юра Поляков, — что наиболее интересно для нее сейчас то, как мои реальные герои со временем отразятся в моих книгах в художественной форме.

23 ноября, четверг. В среду приехал С.П. из своего круиза. Поездка, кажется, была неудачной: переводчикам — круиз убыточный — не заплатили, и они еле-еле вылетели на чартерном рейсе из Стамбула.

Утром занимался с Сарой Смит. Днем Минералов принес известие, что накануне состоялась кафедра, где Дмитренко говорил о нелигитимном ученом совете и нелигитимном ректоре. Переждем.

Днем состоялся "дневник" албанской литературы. Его прекрасно организовали приехавшие в институт супруги Шепло. Эти вечера надо устраивать чаще: здесь лицо института.

27 ноября. Написал вводку к "Бертолетовой соли" С.П. План изменился, и я сделал комментарий о состоянии литературы. Читаю список "НГ?" на премии. Все интересно, но прорыва по-прежнему нет. Даже интереснейший Юрий Козлов соскочил в "Ночной охоте" на модный триллер.

Вчера был у меня Вл.Павлович. Предложил ему мир. Он его, по-бабьи капризничая, отверг. Отношение к нему теперь у меня брезгливое.

Вечером был у Вульфа. Очень интересно рассказывал о знаменитом чемодане с письмами Степановой. Особенно о романе П.Маркова и…?

29 ноября, среда. Утром в 10.30 началось собрание Российского авторского общества. Командует (по существу) всем этим пожилой армянин Тер-Григорян. Так и видятся за этой фигурой ее советские чиновные подвиги, "знаменитый армянский лисий ум", в котором нет ничего возвышенного, и одна хитрость и куча родственничков, детей, внуков, которые все должны быть накормлены, напоены, выучены за границей за счет этого самого общества и его авторов. По анонимному, в списках, голосованию я получил 1973 голоса из 2458, значит, 470 человек меня вычеркнули: или я не из их клана, или не знают. Выбрали председателем Андрея Эшпая при вице-президенте Горине. Занятна была Ирэна Андреева, нашедшая после верховных советов иную плоскость активности. Микаэл Таривердиев, во что бы то ни стало желающий, чтобы его выбрали вице-председателем. Все это довольно смешно.

После двух занимался в институте делами, а в 18 часов у меня начался мой авторский вечер в Некрасовской библиотеке

стараниями Андрея Михайловича Стахевича. Я, как всегда, над всем этим не работал, ни прессой, ни телевидением не занимался. Речь моя была традиционной с упором на биографию и "признание". "Опубликован" плагиат Гребнева по "Времени желаний". А чего, собственно, скрывать?

Вечером, в 20.30 у меня в кабинете начали заседание по анти-букеру. Это попытка выявить действительно что-то интересное и не связанное с кланами, тенденциями в литературе. Я удивился, как легко и определенно, кидая листочки с баллами (1-е место — 5, 2-е — 3, 3-е — 1) мы быстро получили результат — Алексей Варламов "Рождение". Прекрасная молодая вещь, в которой главное для меня идея и путь прихода к Богу.

Все это будет держаться в тайне до понедельника, надо немножко напакостить Букериаде.

Закончили наше собрание около 12 ночи. Присутствовали Ефим Лямперт, Игорь Зотов, Олег Давыдов, Виктория Шохина, в Ленинград звонили Золотаревскому и… Ефим, конечно, немножко тянул энергичную линию — Гандлевского и Сорокина.

30 ноября, четверг. Самое знаменательное — это звонок из "Юности": С.П. присудили премию Катаева за его "Бульон". Меня это восхитило, ибо я с этим согласен. Занятно, что оттеснили учеников Орлова, которыми "Юность" заполнена.

Вечером состоялся ученый совет с голосованием о том, что заведовать кафедрой может только штатный сотрудник. Похоже, что это акт против Е.Лебедева, он штатный сотрудник ИМЛИ, у Кузнецова.

Утверждали программу лит-ры XX века на кафедре В.П.Смирнова. Он ответил мне тем, что выбросили меня из учебных программ, где я стоял раньше. Это после того, как я вошел в школьную программу и "Словарь Казака". Повторяюсь с чувством брезгливости.

1 декабря, пятница. Вечером был у Модестова. Квартира — книжный шкаф. Долго говорили о студентах-албанцах, о переводе. Дома Долли съела мои тапочки, привезенные из Багдада.

4 декабря, понедельник. Праздник Введения Богородицы во храм. В эти дни состоялся 3-й Всемирный русский народный собор. Именно поэтому его участников пригласили на литургию с участием Патриарха в Кремле, в Успенский собор. Наверное, это один из значительных дней в моей жизни.

Бог дал мне на это время зрение, и я во время литургии разглядел и имена святых, и их лица, и их одежду. Поразила и сама композиция живописи собора, законченность и вписываемость фресок, иконостаса, икон.

Я мало кого видел по сторонам, хотя стоял рядом с Крупиным и Беловым.

Я принимал причастие. Я не очень понял, в чем конкретность действия, но понял сердцем.

Все было очень близко: Патриарх, прислуживающие ему иерархи, даже его охрана.

После литургии я исповедовался и причастился из рук Патриарха.

А чего мне, собственно, было бояться исповеди? Я не лгу, не стяжаю. Я только умничаю и сомневаюсь. Под тканью, которой меня покрыл священник, я сказал все.

Собственно, служба в Успенском соборе — это начало действия 3-го Всемирного русского народного собора. Я просидел весь день в Свято-Даниловом монастыре и, конечно, услышал и узнал много интересного, но, в принципе, это, конечно, бесовское явление, и Церковь взяла на себя светскую миссию как бы в предверии выборов дать возможность высказаться всем известным политическим лидерам: Лапшин, Зюганов, Жириновский, Гайдар, Черномырдин, Шумейко, Рыбкин, Михалков, Лужков, Рыжков и т.д.

Два обстоятельства были интересны: Патриарх прервал свою речь, дабы пожать руку прибывшему с опозданием Черномырдину, и фронтальное рассмотрение президиума.

Я сидел на балконе и сверху всех хорошо разглядел. Слева направо:. Г.Свиридов, Т.Петрова, Н.Михалков, В.Шумейко, Е.Панина, Черномырдин, митр.Кирилл, Патр. Алексий, Ганичев, Рыбкин, Лужков, кн. Дм. Мих. Шаховской, Бурляев, Распутин.

Из них не менее семи членов КПСС. Самый богатый человек в России — Черномырдин и нищий Распутин, гении, нувориши и нищие. А Шумейко, а Рыбкин — бесы. А Михалков с его скандалом из-за денег Фонда, которые он отдал в траст…?

5 декабря, вторник. На семинаре выступил В.И. Белов. Я почему-то отчаянно волновался за его медлительную манеру. Покоряет его бесхитростность и правдивость. "Я не очень хорошо выговариваю, потому что у меня искусственная челюсть" и т.п. Много говорил об ответственности русских перед Судьбой и о технологии письма.

В 15 часов ходил на семинар Бек. Прекрасные стихи Саши Авдеева. С каким трудом я додержал его до 3-го курса. Однозначно коснулся этого снобистского семинара, но очень простые стихи. В его стихах по органической, взрослой повадке что-то предвещает очень крупное явление. Если только бросит пить!

Вышла "НГ?" со статьей "Антибукер". Все произошло,

случилось, но счастья нет. Чего мне надо? Редактирую роман. Он, кажется, плох, да вдобавок ко всему потеряно 2 страницы — начало второй главы.

В.С. по-прежнему находит в себе силы, чтобы жить. Слава богу, сегодняшний, вторичный диагноз не подтвердился, не рак.

6 декабря, среда. Утром сидел дома и до 12 учил язык и писал дневник. В первом часу пошел к метро и по дороге у стенда с газетами увидел такую сцену. Пожилая женщина читала вслух газету своему мужу. Это была восторженная статья о Волкогонове.

Вечером ТВ передало: Волкогонов умер в возрасте 68 лет. Впервые у меня нет жалости по поводу смерти человека. Сам фронт массы его книг, тиражи тоже не говорят за него — институт, холуи.

7 декабря, четверг. В 15 часов ушел вместе с Л.И. в Пушкинскую библиотеку на вечер В.М.Сидорова. Поэт он, конечно, не самого первого ряда, философ путаный, но его рассуждения о сегодняшнем дне интересны: у России последний выбор. И выбор — это не голосование, а состояние общества.

"Вечерний клуб" поместил статью Жени Некрасова об "Антибукере". Что пресса скажет еще?

Сегодня высказался о романе Владимова Ал.Михайлов-старший: в год 50-летия Победы апологетика Власова — кощунственна.

8 декабря, пятница. День: в 9.30 у Лены Ивановой — у нее умерла мать, тетя Валя, тетка Валентины Сергеевны. Старушка лежала вся обтянутая кожей, но лицо ее меня не пугало. Это было спокойное, умиротворенное лицо. В 12.00 я заехал в институт, был на Поварской. На заседании Исполкома в том числе речь шла о письме СП России президенту. Они требуют имущество и институт. В общем, одна подлость и гадость. Отметить бы, что в руководстве СП ни одного классного писателя. Бездарь и есть бездарь.

Вечером был на д.р. у Сиренко на ул. Радио. Прелестный капустник, фуршет. Я сказал несколько слов и подарил "Марса".

10 декабря, воскресенье. Утром звонил Илья Кириллов. В свое время, два года назад, я послал его в Кельн как представителя русского меньшинства в нашем институте. Он писал в "Дне", был привержен русской идее. Теперь Илья хочет уехать в Германию как политический изгнанник. Звонил, чтобы я устроил вечер Сергея Ковалева, так называемого правозащитника. Нобелевской премии, которую он считал лежащей у себя в кармане, ему не дали. Сергей Ковалев баллотируется в Думу по Чертановскому округу. Соперник у него Олег Румянцев. Хочет во что бы то ни стало провести этот вечер в Литинституте до 17-го,

до выборов. Этого они не дождутся.

Накануне, в субботу, которую мы работали, поругался с Союзом писателей РФ. Мы договорились проводить вместе Всероссийское совещание молодых писателей. Все переиграли. Вместо конца января, быстро-быстро в Переделкино 11 декабря. Всего 30 человек, из ближайшего центра. Спонсоры — афганцы — хотят перед выборами тоже отсвистать.

Выборная суета усиливается. У станции метро "Университет" висит аэростат "Голосуйте за Артема Тарасова". Того самого, который как предприниматель прославился в начале перестройки. Нынче он экономист!

Весь день занимался второй главой "Гувернера". По-моему, плохо и торопливо.

13 декабря, среда. Вчера к 17 часов ездил в СП России на открытие выставки иллюстраций к "Тихому Дону" М.А.Шолохова и на вечер, посвященный 30-летию со дня вручения М.А. Нобелевской премии. Все те же круглощекие начальники, ничего, по сути, не читавшие и не читающие и ничем, кроме "любви к России", не знаменитые. Это как мой С. Когда я говорю ему, что надо работать, он говорит мне, что "любит до слез Россию и страдает".

Были: Ганичев, Мелентьев, Алексеев, Лыкошин, Осипов и т.д. Говорили тот же умница П.Палиевский и Л.Колодный, сделавший, конечно, мировое открытие, сразу долженствующее прекратить все шепоты о плагиате Шолохова. Сын Шолохова Михаил прочел потрясающее письмо к своей матери. Здесь — интрига московских писателей, многие названы по фамилиям,

Все два дня мучился, внутренне готовясь к выступлению, и произнес небольшой спич с тезисом: "За что наша интеллигенция ненавидит Шолохова?". Собою я доволен. Сказал. По мере того, как я говорю все резче и резче, мне все легче.

Читаю Владимова — "Генерал и его армия".

23 декабря, суббота. Бросил взгляд на дату своей последней записи. Вчера вечером позвонил Женя Капишин, с которым мы вместе учились в академии, и сказал: "Умер Валера Юдин. Умер в своей постели, тихо и незаметно. Сломали дверь больше чем через неделю. По подсчетам, умер он числа 13". Смерть эта меня потрясла, как не потрясла смерть Визбора, моего тоже если не друга, то человека, с которым была прожита молодость. С Валерой-то вместе было прожевано немало еще со времен академии. У меня остался его Бахтин, у него много подписанных мною книг. Надо быть готовым всегда, и мои существенные планы в любой момент могут оказаться неосуществленными: книга о литературоведении, том мемуаров и еще роман о В.И.Ленине,

который я обещал издательству.

Теперь по порядку.

В воскресенье состоялись выборы, принесшие победу коммунистам, и в понедельник в институте я отгулял день своего рождения. Утром в день выборов позвонила Чудакова и предложила сделать прогноз. Ошибки. Переходят 5-процентный барьер: коммунисты, ЛДПР, "Наш Дом". Гайдару я дал 1,5 млн? избирателей, Федоровым по 1,5 млн, Яблоку — 4, женщинам — 7. На самом деле прошли барьер 4 блока: Зюганов, Жириновский, Черномырдин, Явлинский. Но ведь и я ему по-человечески симпатизировал, но полагал, что и все видят, что этот умный перенек не имеет ясной позитивной программы и играет сразу в две руки: разным группам людей вселяет разные надежды. Это лидер мелкой буржуазии.

На следующий день встретил свой день рождения. Отделался я от всего малой кровью, организовав все веселье в столовой Литинститута. Было человек 90 — для многих это был еще и праздник победы на выборах, многие пришли, зная, что я сочувствую коммунистам и они мне сочувствуют. По крайней мере накануне выборов, в субботу в "Правде" появилась моя статья "Россия может избежать второго политического затмения". И, оценивая события, кстати, от имени ЦК КПРФ, меня поздравил с 60-летием Г.А.Зюганов.

Присутствующих не отмечаю, но заведу папку со своим "праздником". Кстати, мысль об этой папке навела меня на то, чтобы написать еще одну книжку своих мемуаров. И еще раз кстати: это уже сегодняшнее событие — позвонил мне С.В.Михалков, которому я подарил свои "Огурцы" во время гулянки на Поварской (об этом дальше) и сказал: книжка о писателе и безусловно останется в литературе. Ругал обложку, говорил, что надо добавлять и выпускать серьезной большой книгой в твердой обложке. Особенно хвалил мою речь о Фадееве.

На следующий день после моего дня рождения, 19 декабря проводил семинар. Обсуждали Сашу Родионова, внука Ан.Гребнева "Во сне сгорело у меня платье". Чувствуется, что парень талантливый, но опять аэропортовские игры в народность…?

В четверг, 21 декабря, в 14 час., как обещал мне Т.И.Пулатов, состоялось — о как я боюсь этих слов — мое чествование в Содружестве писательских союзов на Поварской. Бывший знаменитый кабинет Маркова, стены, завешенные коврами с вытканными на них портретами восточных классиков. Если бы была жива мать! Но не было даже Вал.Серг., потому что в этот день у нее был диализ. Было два параллельных стола. Я

очень жалею, что не взял микрофона и не записал всех речей. Все-таки за одно могу поручиться, что большинство говоривших были искренни. Основной тезис — меня, слабого и в душе переменчивого человека хвалили за стойкость, за верность, за умение делать дело, работать и держать слово. Бондарев сказал, что видит во мне одного из крупнейших современных писателей. Были: С.В. Михалков, Пулатов, Ю.В.Бондарев, А.Кешоков (не говорил), Р.Г.Гамзатов, Я. Козловский, Н.И. Старшинов, В.Г.Распутин, Вл. Анар, В. Костров, Ю.Т.Грибов (нынче он работает в "Красной звезде") и довольно много других: Крупии, Ниязи и т.д. Из институтских был Лева Скворцов, Серг.Петр., Серг.Мартынов, который спел для меня под аккомпанимент гитары песню. Дикие куплеты пел наш физрук В.А.Тычинин на мотив "Сиреневый туман". Закончилось все около 16 часов.

Около пяти ко мне в кабинет — я вернулся на работу, потому что в 19.15 на Таганке было вручение "Антибукера" и, с одной стороны, мне надо было пару часов где-то перекантоваться, а с другой, я во что бы то ни стало хотел к своему черному костюму первый раз в жизни надеть рубашку со стоячим воротничком и черную бабочку: прихоть и протест какого-нибудь пародиста Иванова, который отсвечивает, изображая из себя джентльмена и являясь злодеем, — итого около 17 ко мне явился Илья Кириллов и долго нудил, требуя за один день академическую справку. "Я бы стал на колени перед Кельнским собором и целовал землю". Я пытался объяснить ему, что он бросает под колеса свою судьбу и может быть готовым только на роль "мальчика на автозаправке". "Илья, вы понимаете, что без меня вы никогда бы в Германию первый раз не уехали". "Только это и останавливает меня написать о вас, а заказы были и, их готовы уже были оплатить долларами" Не знаю, подействовали ли на него мои резоны, но в субботу он позвонил и извинился за тон и т.д. Главное, не дать гневу себя увлечь!

В девятнадцать часов я вносил свою бабочку и черный пиджак в "Московский коммерческий клуб" в ресторан "Слобода" на Большой Коммунистической возле Таганской площади. О всей этой истории достаточно подробно писала "Независимая газета" — вручение "Антибукера". В своей речи, которая у меня была в кармане, я говорил, почему я ввязался в эту кутерьму. Отдельные фразы были адресованы В.Третьякову, который в интервью накануне допустил некоторые пассажи об участим Литинститута в этом событии. Речь эту я не произнес, решив не читать, а в пределах написанного импровизировать (речь где-то в бумагах, и ее я не переписывал).

Церемонию начал В.Третьяков, следующим был я. Виталий

отклонился от главной причины — мы все недовольны коррумпированным "Букером". Все это, наверное, будет в "Независимой". В своем выступлении я подчеркнул эту мысль.

Занятны были встречи с Аллой Марченко. Она посмотрела на меня, как на льва, который бросается на овечку. Я сказал: "Алла, мы сражаемся с идеями, а не с людьми". Аналогичная встреча произошла и с Натальей Ивановой, именно о ней говорил Булгаков "со скошенными к носу от постоянного вранья глазами". Но в жизни она все же мила.

Еда была изысканная, но маловато. Было ли мое любимое мороженое и пюре — не дождался: валился с ног, устал.

22 декабря, пятница. Вручение призов по конкурсу "Умное сердце" (А.Платонов) "Московского железнодорожника". Обычная операция патриотов: наградили своих — Распутин, Белов, Крупин и Сережа Сибирцев. Тем не менее люди были свои, все по-русски сидели, еда была вкусная, сытная, и ее было достаточно.

27 декабря, среда. Похоронили Валерия. Это было в ритуальном зале при Боткинской больнице, где мы хоронили Ю.Томашевского. Собрались человек семьдесят. В этой смерти и похоронах все трагично. Гроб не открывали. Трагичной оказалась судьба наследства. Я представляю, что эти книги и уже ничего не стоящую мебель вывезут родные в Киев, но именно эти книги нужны только специалисту и купит их только специалист. Квартира уйдет так называемой дочке, которая, кажется, еще и не знает, что умер отец. Валерий тогда работал в ЦК и не хотел доводить до суда дело о мнимом отцовстве, удочерив приплод одной певицы из Театра оперетты.

На панихиде говорили я и Капишин. Валера действительно был замечательным человеком, высоко несшим знамя дружбы. Если я действительно совершенствую себя уже в моем преклонном возрасте, то раздел "дружба" идет по Валере. Поминки были в Доме актера. Все говорили, прощаясь со своей молодостью и совсем не радуясь, что жизнь дала им еще кусок баловства. Было много старых знакомых: В.К. Егоров, Казбек. Огромный и уже совсем взрослый Артем — племянник Валеры. Пятьдесят четыре года. Воистину, все точные формулы уже захватили поэты: "Милый мой, ты у меня в груди".

Все время думаю о прошедших выборах. Власти, проиграв их, затевают что-то новенькое.

Читаю Дженнифер Джонстон — мать моей учительницы Сары. Почти мужской роман, который мог бы написать и я.

28 декабря, четверг. Вручили значок "Почетный работник высшего образования России". Церемония происходила в Комитете. В старости все эти желанные радости (20 % прибавки к

зарплате) уже не имеют прежнего значения. Днем написал страницу представления для Изюмова. Они хотят наградить меня какой-то премией и попросили самого написать "за что". Мой фрагмент должен войти в статью Изюмова — под статью я и написал, обозвав себя русским националистом.

В.С. страдает и ездит на диализ. Сейчас у нее идея-фикс — поехать на фестиваль в Берлин, не выпасть из тележки. Ее воля к жизни меня потрясает, я бы сдался. Смерть ходит над христианами, и они ее любят.

Вечером был в библиотеке у Стахевича, а потом долго говорил с С.П. Это был редкий случай его откровенности. Сердце за него болит.

Вчера вечером побил собаку, всю ночь до утра думал об этом, запомнила ли она зло. Переживал. Дал себе слово — больше не буду.

31 декабря, воскресенье. Пишу около 21, уже началась программа Киселева. Весь день занимался хозяйством, ходил в магазин за хлебом, свеклой и т.д. Впрочем, и вчера занимался тем же — стирал белье и убирался. Вообще, перепады моей жизни фантастические: стирка, грязные руки, раздражение, а потом надел серый костюм и пошел на ежегодный новогодний прием в Кремль. На этот раз В.С. осталась дома, и поэтому я остался до самого конца и сумел рассмотреть все, чего не успел рассмотреть раньше. В конце этого был зал с прекрасной едой на столах. Удручали лица — мелкие и суетные. Весь вечер неумолчно гремела музыка. Я отношу это к тому, что собравшиеся люди не знали, что сказать друг другу, и пользовались эстрадными штампами как формулами общения. Надо сказать, что Сталин был более требователен к программам, которые разыгрывались на кремлевских банкетах. Звездой вечера, который я описываю, стала вульгарная певица Аллегрова, и все, что происходило на сцене банкетного зала, несло на себе неистребимый налет вульгарности. Пошлые, кричащие голоса, банальные, из подворотни, смыслы.

В зале я не видел писателей, крупных оперных артистов. Любовь к телевизионной узнаваемости — телевидение, как бог нации, — к банальным, верняково примелькавшимся людям. Напротив меня за столом сидел с женой Кобзон, для которого немыслимо было бы попасть на прием к президенту в Америке.

Две речи произносились в самом начале: Лужков, без бумажки, уверенным голосом победителя говорил о том, что в Москве стало и становится лучше и лучше. Об этом же по бумажке говорил Ельцин. С точки зрения этого зала все было совершенно справедливо. Но когда я думаю о нищих, сидящих в каждом московском переходе метро, думаю о стоящих заводах, разрушенном военно-промышленном комплексе, о городских и районных закрытых театрах, я думаю о лживости этих речей.

Несколько наблюдений, связанных со сбором гостей в верхнем фойе: растерянный, крошечного роста Шахрай, так рвущийся в самые первые лица государства. Интересная сцена, как почти интуитивно в центре зала услышишь, не отслушаешь — собрались М.Захаров, Жириновский и Боровой. На каком из языков, интересно, они говорили?

И последнее наблюдение: в прошлом году сидящий где-то в центре зала адвокат Андрей Макаров был героем вечера, выиграв конкурс веса — 167 кг, потом шли Зыкина и Ельцин. Ныне его

поместили за 87, 85-м столом (всего, объявили, столов 92), и он оказался сразу же у дверей, через которые входили гости.

1996

4 января, четверг. Если завести бредень назад, то: в новогоднюю ночь — я, Валя, Генка, муж покойной Тони Хлоплянкиной и Татьяна Алексеевна. О чем здесь говорить и писать. Выборы? Они прошли, и интересны только результаты партий и средства, которые затрачены каждой из партий для достижения результатов. Бои в Чечне, которые обеспечивают жиреющий Мост-банк и сытый имидж Черномырдина. На экране разворачивается стремление наших властей во что бы то ни стало сохранить войну и бои в Чечне, потому что это возможность существования этой власти. Результатов можно добиться только жесткой рукой и непопулярными мерами, адекватными сегодняшней мировой демагогии.

В институте все, как прежде: занимаюсь экзаменами, лукавством бухгалтерии, отчетностью, отоплением. Сегодня лопнуло отопление в зале. Я пришел, когда все махали руками. Пришлось быстро организовать людей, чтобы убрать воду с паркета, иначе — многотысячные ремонты. А что значит "организовывать"? Это браться за тряпку самому. Руки до сих пор у меня черные от краски, которая натекла в воду.

Сегодня снова объявился виденный мною на новогоднем балу Иосиф Кобзон. Я хорошо рассмотрел его атлетическую моложавую фигуру и тогда же сказал Наташе Дуровой, с которой мы сидели за одним столом: "Мог ли бы появиться человек с такой же репутацией, как у Кобзона, скажем, на вечере с присутствием Президента США? А у нас, при нашем президенте, пожалуйста!". И его жену Нелли я хорошо запомнил, высокую женщину с белой кожей и прекрасным жемчужным ожерельем в квадратном вырезе платья. Они сидели напротив, и я все отметил: какое большое количество людей подходило к ним, чтобы обменяться поцелуем. Конечно, это были владетельные персоны.

Итак, через три дня после памятной субботы Кобзон объявился. Здесь интересна еще одна фигура — Бовин, (заметка в "Труде" от 04.01.96).

В воскресенье вместе с В.С. был в Театре Олега Табакова, смотрел "Последние" Горького. Еще раз возникла мысль о величии Горького как драматурга и величии реалистического театра. Сидели мы так близко, что иногда актеров можно было коснуться рукой. Самое интересное, наверное, это все же Яковлева, держащая спектакль силой своего нервного

напряжения. Здесь все хорошо без исключения, сделан каждый образ. Любопытно, конечно, то, что волновало людей в прошлой жизни: стыдно ли дворянину служить в полиции или нет? Но чем строить драматургию сейчас? И другой мотив — частная собственность, деньги. Этот мотив сейчас актуален. Но за деньги уже не купишь трепета духовных отношений: в обществе эти духовные отношения исчезли.

Понедельник. Перенесенный на ногах грипп дал осложнение: у меня жесточайший фарингит. Тем не менее вынужден пойти с В.С. в кино. Саму ее отпускать страшно. Весь день читал роман дипломника "Аудиенция у князя". Очень все долго. Гомосексуальная тема зашагала по литературе. Все за границей, с блеском чужой хемингуэевской жизни.

Среда. Утром с Л.И. говорили о назначении В.Г. Кинелева вице-

премьером. Он сохраняет и свой предыдущий пост. Л.И. сказал, что Кинелев, видимо, идет на социальные вопросы вместо Скокова. В этом случае высшей школе будет легче. Я нахожу, что "откуда деньгам браться". Как бы ни было благорасположено лицо, но в стране нет средств. Куда же они делись? Куда делся труд поколений? Привожу выписку из одного из последних номеров "Труда".

Международное канадское радио: "Казахстанские дипломаты, оставшиеся в Израиле после визита в эту страну президента Назарбаева для закладки зданий посольства Казахстана, направились третьего января за покупками и истратили за три часа 250 тысяч долларов. Среди них были министры здравоохранения, энергетики и юстиции, а также сын Назарбаева. Один из дипломатов купил на тысячу долларов конфет в качестве подарков для детей, другой потратил 30 тыс. долларов не ювелирные украшения и 10 тысяч — на одежду. ("Труд", 9 января).

Вечером был в Театре зверей у Н.Дуровой, вместе с Лешей, сыном Яси, и Леной, его женой. Дивно. Я вспоминал собственные картины из детства.

12 января, пятница. Вечер. В 13.00. был на заупокойной по тете Вале. В список собственно Ивановской родни я внес своих: мать, отца, Юрия. Слова "обедня", как иностранный язык, постепенно доходят до моего ума и сердца.

По телевизору крутится преступление в Кизляре. Все в плену идеологических клише. Но совершенно очевидно, что это народ со своим представлением о чести и совести. Врать иноверцам "можно" сколько угодно. Я не верю ни единому слову людей, говорящих по ТВ.

13 января, суббота. В 13 часов был на Шаболовке на стихобоях. Вел и пригласил меня Юра Поляков. Из трех поэтов — Олега Филипенко, Николай Дмитриев (он потомственный учитель словесности), Юрий Корея. Я выбрал Дмитриева с его ясным, русским и напряженным стихом.

В метро видел надпись фломастером на мраморе: "И Ленин такой молодой и юный Октябрь впереди".

17 января, среда. Встречался с умницей Сережей Кондратовым. Дело в том, что мой отъезд в понедельник в Ярославль не состоялся. В.С. поставила так, что или она переносит время диализа, чтобы ни от кого, особенно от С.П., не зависеть, или я вынужден остаться. Я остаюсь во вторник, иду на коллегию в Госкомпечать. Вопрос о господдержке. Список чудовищный, свидетельствующий о полном перерождении аппарата и о стремлении во что бы то ни стало "вырвать". Много заведомо коммерческих изданий. Вот и встретился с Сережей, который час просидел и прореферировал весь список. Оказалось, что, с моей легкой руки, после знакомства в Париже с Грызуновым он стал его советником.

Сегодня утром ко мне в кабинет врываются омоновцы: был звонок, институт заминирован, освободите помещение. Естественно, я и не шевельнулся. Вскоре все рассосалось: звонок вроде был по нашему же институтскому телефону — кому-то хотелось погулять.

И вторая новость: утром звонили из Обнинска — взломали и обчистили дачу. И это в благоприятный для Стрельца день. Под вечер позвонил Куняев: прочел "Гувернера" и говорит, что здорово. Я по-прежнему не верю и сомневаюсь.

Вечером был на творческом вечере у Сани Кузнецова. Он прекрасный человек, но зачем-то лепит из себя большого писателя. Впрочем, я его люблю: вспомнил молодость, Визбора. "Под конец жизни я разошелся с ним во взглядах". Вначале Саша был в смокинге, а закончил вечер в черкесске.

Весь позор с Первомайской, кажется, закончился. Взяли штурмом село, будто это Бородино.

19 января, пятница. Еще вчера позвонили из Обнинска: будто бы ограблена дача и просят приехать опознать отобранные у грабителей вещи. Оказалось, все не совсем так: в этом году до дачи еще не добрались, вызвали по поводу прошлогоднего грабежа. Поймали. Кто? — спрашиваю у милиционера. Молодые славные ребята. Одного из них зовут Саша. Из Обнинска. Совсем зеленые. Но если бы вы знали, какая в деревне царит нищета.

В разговоре долго говорили о положении дела в милиции: денег не платят, начальник — противник возбуждения уголовного

дела — открытый вор. С.П., который ездил на машине со мною, спрашивает, кто победил на выборах. Коммунисты. Это в архидемократическом Обнинске. Я помню город на следующий день после путча. Отсюда вывод: коммунисты победят везде, где плохо, где все повержено.

Вчера звонил Куняев: наговорил много лестного про роман, хотя я не уверен, что читал он его подробно. Берут в 3 и 4 номера. Я сомневаюсь.

Вечером звонил Вульф: реакция после моей статьи.

23 января, вторник. Вчера состоялись выборы спикера в Верховную палату. Им стал Строев. Это политическое нагнетание не меняется, не может кончиться ничем хорошим. Радости от победы "наших" нет. Тревога за людей, за страну-то я не тревожусь. Для России иногда требуется, чтобы было плохо. Она вывернется и выйдет окрепшей. Но, как всегда, за свою "крепость" она заплатит людьми, своим народом.

Вечером был в СТД на презентации книги Вульфа. Была Степанова, все говорили о потрясающем успехе книги. Из людей, на которых мне интересно было посмотреть, были: И.Соловьева, И.Саввина. В свое время Соловьева была рецензентом "Живем только два раза" в "Новом мире". Сейчас это седовласая и живая семидесятилетняя женщина. В конце вечера, после фуршета призналась мне, что выпила бутылку водки.

Постарела и Саввина. На лице какие-то пятна. Пыталась бурчать на меня из-за заметки в "Независимой" ("Я еще не дочитала"). Пристально, оказывается, интеллигенция следит за каждым печатным словом.

Очень много говорили о "любви". В присутствии 90-летней женщины в этом было что-то развратное. М.б., и сенсации бы не было, если бы книга вышла "потом". Что-то здесь есть недостаточное.

25 января, среда. Утром был у посла Македонии на ул. Дм.Ульянова. Посольство — в квартире на 1-м этаже. Посол — Г. Тодоровский — славный профессор, на пенсии. Говорили об обмане и о литературе. Маленькая, наперсточная страна, крошечное посольство. Начинаю испытывать жалость к этому миру.

28 января, воскресенье. Ничего не поделаешь, придется писать о похоронах и смерти Юрия Давидовича Левитанского. До слез жаль старика, и он сейчас, как живой, передо мною. Вечером в четверг мне позвонила его третья жена Ирина: умер Юрий Давидович. Я по своему жесткому обыкновению подумал: опять все хозяйственное напряжение, как и в случае с Томашевским, падет на меня. А не ходим ли мы на кладбища потому, что

боимся, как бы наши собственные похороны не оказались пустыми? Обмен.

Юрий Давидович умер в мэрии, после какого-то совещания, где демократы — в виде заговора — рассуждали, как сыграть так, чтобы выиграл президентские выборы Ельцин. Приблизительно на такой же сходке я был летом *у* Филатова. Кстати, как я и предсказывал тогда, выборы они проиграли.

Утром в пятницу, половина десятого, я уже отдиктовал некролог, который в субботу поместила "Московская правда". Спасибо Саше Егорунину, который помог мне и дал точные наводки и сам же поставил в номер. К двенадцати в институте уже стояла выставка из книг Юрия Давидовича. Но тут возникли вопросы с охраной, которая ушла из общежития, и я забыл о дате похорон: 12 часов, ЦДЛ, панихида. С этим и уехал в Обнинск в надежде отдохнуть и приехать вечером в воскресенье. Но в субботу эта несчастная дата — 12 дня — всплыла у меня в памяти.

Все это я описываю, чтобы стало ясно и происходящее далее. Еще не было двух, ушел по совершенно темному поселку, через ж.д. пути, через лес, опоздал на электричку. Первоначально я хотел переодеться, но, к счастью, этого не произошло, потому что на кладбище я бы продрог.

В одиннадцать я приезжаю в Москву, ровно к 12 — в ЦДЛ. Сразу же вижу в Малом зале принаряженные и, скорее, торжественные, нежели траурные фигуры. Командует всем Эдлис. Я подхожу: "Дай мне слово". Он: "Нет". Я становлюсь в сторонку и наблюдаю. Говорят Соколов, Евтушенко, длинно Эдлис, Поженян, Вознесенский. Вознесенский не готов, и спасибо ему лишь за то, что он читает стихи Левитанского. Евтушенко читает свою какую-то полупрозу-

полустихи. Эдлис, как опытный актер и драматург, поигрывает и делает вид, что забывает закрыть "траурный митинг". Потом вспоминает и возвращается. Проходя мимо меня, останавливается (из зала все наблюдают и по-своему комментируют): "На кладбище выступишь!". К этому времени в моем сознании уже готова статья о том, как мне не дали слова: демократы и у гробовой ямы воюют с патриотами. Я говорю: "Нет, я болен, я не могу ехать на кладбище". Я-то понимаю, что меня не хотят выпускать на публику, боятся моих слов, боятся, что я схвачусь по поводу основных тезисов Эдлиса — Левитанского убила чеченская пуля и по поводу об одиночестве. Через пару минут остываю: "Скажу на кладбище". Я-то выше того, чтобы воевать у могилы.

Могила братьев Квантришвили. Гроб Левитанского — его

хоронили за счет Ильи Коллерова (бензин). Несколько речей, в том числе и моя: последний поэт русской традиции. Могила обтянута материей. Бригада совершенно трезвых благообразных могильщиков. Деньги, видимо, платили огромные. Читающий молитвы раввин. Холодно.

Вечером конспектировал на компьютере статью В.Бондаренко об Айтматове.

29 января, понедельник. Разворачивается история с Сашей Авдеевым, проректором. Он, видимо, болен, но во мне зреет и поднимается брезгливость к его финансовой нечистоплотности, после которой я уже не могу с ним работать.

Был в финском посольстве на вечере Класа Андерсона — ихний министр культуры и пианист. Заманивая заповедным для нас словом "посольство", министр-финн собрал целый зал в своем пресс-центре. Были и правые, и левые. Аннинский, министр культуры, вместе со своей женой. Чем старше женщина, тем лучше шуба. Куча людей, от бабушки русской поэзии Андрея Дементьева до Евгения Попова, прозаика, прикидывались, что их интересует поэзия. Слушал, склонив голову, многовалентный Аннинский. Каждый готов был написать, спровоцировать свое мнение, проанализировать за поездку, за лишнее приглашение, за книгу на финской бумаге.

После литчасти был хороший шведский стол, и во время еды играл на ф-но министр, ему помогал какой-то хороший саксофонист. Министр-то мне понравился. Стихи в русских переводах неплохи, да и играл он замечательно. Самодостаточный человек. Эстетика министра в стихах — морское дно.

30 января, вторник. В "Некрасовке" состоялся вечер В.И.Гусева. Общий вывод — Гусев каким-то логическим образом хорошо действует на меня, и другой — мне кажется, люди хотят объединиться и что-то слушать. Молодец и директор библиотеки — Андр.Мих. Стахевич — все время что-то крутит, придумывает, будоражит людей. Мой вечер в библиотеке следующий —

21 февраля.

31 января, среда. Утром звонил Вульф — резонанс на мою статью о Степановой. Ему звонила Е.Фадеева, знаменитая актрисса приходят письма. Поделился с Виталием, что иду на вечер Бондаренко. Умный, как змей, Виталий сказал, что объявленной в афише Дорониной не будет. Не было ни Киреева, ни Аннинского. Немилосерден был популистский, агрессивно-единый, едкий как щелок, русский дух. К счастью, я взял себя в руки и не произнес свою заготовку.

1 февраля, четверг. Начал статью для "Завтра". Поговорил с

Авдеевым, который почти плакал. Я решил оставить его на гостинице. Волнуюсь за статью о Табакове. И надо бы начинать что-то новое.

2 февраля, пятница. Я не могу противостоять наглости и бесстыдству. Конфликты с Ольгой Васильевной. Внутри нее бродят страсти из-за денег. Подбираюсь к гостинице. Там, как и везде, тоже нечисто.

Вечером Юлия Борисовна вынесла тарелку с остатками из столовой для приблудившейся собаки. Не успела она оглянуться — тарелку украл бомж.

7 февраля, среда. В музее Герцена на Сивцевом Вражке, в доме напротив Кремлевской поликлиники состоялся вечер памяти Лакшина. Были званы Маканин, Е.Колобов, Глузский и Ваншенкин. Говорили и еще люди из зала. Несколько дней перед этим я читал много Лакшина и восхищался этим чтением — здесь интересны даже не факты, а сам автор и характер его построений. Мне кажется, без ложной скромности, я говорил не хуже всех. Говорил о памяти, приводя набоковскую дифиницию о смерти. Он увидел новую этику у людей, которые всю жизнь маскировались под традиционную интеллигентность. Сердце не выдержало.

Закончил и даю читать статью о смерти Левитанского. Статью о Набокове "Независимая" притормаживает.

9 февраля. Был в Сопове. Я опять влез в большое строительство. Это все боязнь деньги истратить на себя.

Вышло "Домашнее чтение" со сказкой Е. Нестериной и моим предисловием. Вечером по ТВ Жириновский против В. Анпилова. Одно из свойств длительных показов по TV: Ампилов уже не выглядит таким идиотом, потому что здесь он разворачивает мысль, а Жириновский показан демагогом и одесситом — это они сами себя так показывают, — и какой испуганный Любимов! Как он, оказывается, боится "передела собственности". Этот, уже лысеющий, молодой отпрыск.

11 февраля, воскресенье. Весь день был дома. Читал, учил английский. Вчера.

1. В квартире у Рерихов. Поразили картины, которые видел в музеях. Портрет ("Пускаю руку, как собаку").

2. Панихида в 15 часов по Пушкину в Литинституте. Был народ в третий раз.

3. Чехов на Таганке. Театр становится театром.

13 февраля, вторник. Третья попытка напечатать дневник на компьютере. Обе предыдущих провалились, а жаль: при первой я довольно подробно описал свое посещение квартиры Рериха на Ленинском проспекте, а во время второй — Чудаковых.

Два события, заслуживающих внимания, сегодня имели

место: презентация Вавилонского талмуда в мэрии и эпизод из моих отношений с журналом "Современник".

Самое главное, что я сумел дождаться, вытерпев всю презентацию — о ней речь особо, — когда выкатили целую тележку с книгами. Я выхватил лакомый том, который тут же полистал перед началом церемонии, и был таков.

В известной мере на этой презентации я был марсианином, засланным на обитаемую планету. Меня не удивили море еврейских лиц, джентльмены в широких фетровых шляпах и лапсердаках, разгуливающих по зданию, но сколько, оказывается, моих знакомых, считавшихся долгие годы и полагавших себя русскими, вдруг бойко заговорили с соотечественниками, прибывшими сюда из другой страны, — на идиш, а то и на иврите. Ситуация напомнила знаменитый магазин в романе Булгакова, когда дамы вдруг защебетали по-французски.

Самой любопытной фигурой на этой презентации (кстати, он ее и вел) оказался московский демон — Александр Яковлев. Занятно из его политпросветских уст было услышать о том, что ужасы большевизма не давали возможности появления талмуда на русском. Смотря на этого дряхлого героя, я вспоминал о своей трусости и о своем уже подзабытом желании на каком-нибудь подобном приеме подойти к дорогому Александру Николаевичу и харкнуть ему в рожу. Самое занятное — представить, что будет потом. Обо всем этом я думал не только во время фуршета, глядя на Александра Николаевича жующего. Были красная икра и традиционная фаршированная рыба. На нее налетели. Но, главное, на выходе — уже став счастливым обладателем книги — я один на один почти столкнулся с Александром Николаевичем в коридоре. Он был с высоким, вполне интеллигентного вида охранником. Тут я понял, что плюнуть, по трусости, не смогу. А если подойти и с самой лилейной улыбкой попросить у Александра Николаевича как сопредседателя попечительского совета проекта дать мне автограф на этой замечательной книге. Я не сомневаюсь, он, конечно, бы нашелся. Но все же?

Теперь о другом инциденте. Около двенадцати часов дня раздался звонок от Саши Сегеня. Это заведующий отделом прозы, мой редактор и младший приятель. Задыхаясь, как мне показалось, от собственной смелости или дерзости, он сказал, что читает мой роман, что роман не получился, что он написан без любви к людям и что лучше бы я его забрал, не говоря ничего главному редактору о звонке. Я, правда, сказал, что вкусы и видение литературы могут быть разными, что мне, например, крайне не нравится роман Лили Беляевой, который я сейчас читаю, но свой роман тем не менее я, естественно, забираю. У

меня одно условие — чтобы роман привезли мне в институт. С таким настроением я и поехал на презентацию.

14 февраля. Утром у меня на столе — в этот день я перепутал дни недели и пришел в институт в половине девятого — оказалась моя, в папке, рукопись "Гувернера" с письмом С. Ю. Куняева. Собственно, в случившемся я виню только редакционную политику. Журнал, раздираемый стремлением, почти как в старое время, услужить союзникам, "своим", плохо пишущим секретарям, да еще здесь "молодняк", который на компьютерах строчит свои затеи. И уже обещано журнальное место, и уже выпито под это пиво. Я отчетливо представляю, как любимый мною Саня под горячую раздраженную руку сократил все "общие", как ему казалось, места, обнажил "сюжет", а когда все это перечел, то и сам понял, что получилась мура собачья. От отчаянья он кинулся звонить мне. Я все это себе представил довольно живо и сразу же написал письмо Куняеву. Вот оно, но сначала письмо, которое редактор "Современника" — совсем недавно называвший меня по телефону Чеховым и говоривший, о замечательном романе — прислал мне.

Сюда впечатать два письма.

Весь день я занимался хозяйством института. Говорил с Харловым, ездил в общежитие, пугал своих приворовывающих красавиц, потом ругался на летучке с Шишковой по поводу отпущенной в Париж без спросу и замены. Овчинниковой, пришлось кое-что решать по поводу моего вечера, который состоится 21 февраля в Некрасовской библиотеке. Я решил уйти от своей литературы и сосредоточиться на публицистике. Так сказать, второй, аккомпанирующий, ряд должны составить "независимый" Лямпорт, Скворцов, Вишневская и поэты из Литинститута.

16 февраля, пятница. Утром, когда я брал из гаража машину, чтобы везти Вал. Серг. в Химки, в 19-ю больницу, где вроде бы ей — по протекции ее нового главного — должны сделать пересадку, я обратил внимание на какие-то странные личности, жмущихся к нашей книжной лавке. Мельком я махнул рукой: "Открывается только в десять", — и уехал.

Описывать весь этот переезд, бывшую больницу Главкосмоса, запустение и шоссе (раньше избыточность лозунгов — нынче переизбыточность рекламы), забитое иномарками, не буду. Сбылись, кстати, и мои предсказания, что из этого вряд ли что-либо получится. Новый главный делает популистский шаг, и должен сказать, довольно удачный. Положа руку на сердце, не могу не отметить здесь: на меня так дохнуло моими собственными методами, что я даже удивился. Но я не болтун.

Так вот, когда я вернулся, то через весь наш двор, от конюшен, в которых расположились гаражи, архив и эта самая книжная лавка, до флигеля, в котором читальный зал, была вытянута очередь. "Терра", которой принадлежит лавка, раскручивает жуткую книжку Лаврова. Здесь невозможно говорить ни о каком качестве литературы, но какова сила рекламы, особенно помещенной в "Московском комсомольце"! Это показательно, но и обидно для нашего института, который бьется и старается над словом, а тут приходит неопрятный, немолодой, по сути своей нищий читатель и заявляет о своих вкусах.

О вчерашнем хрипатом выступлении Ельцина, о дебатах между Нуйкитным и Кожиновым по телевидению ничего не говорю, как о почти не имеющем никакого значения. Презрение к этой фигуре, видимо, такое же, какое в начале века испытывали к Николаю II. Ельцина, правда, иногда оживляет какая-то дьявольская сила.

Вчера в "Независимой" появилась моя статья на полполосы об Олеге Табакове. У редактора просто чутье на самые дорогие для автора куски. Изменили заголовок — вместо "Олег Табаков, как зеркало русской революции" стоит, конечно, тоже занятное названьице "Подвал Олега Табакова", но оно — не мое. Также обидно за предпоследний абзац об орле на папахе героя. Абзац точнее привязывал и мою статью, и Табакова к сегодняшнему дню: "Выгнившая тыква в черной папахе с большим красивым орлом. Я, кстати, сидя на первом, литерном, ряду, очень упорно, я бы сказал, впился в этого орла. Моя ошибка? Ошибка художника или та указующая мелочь, которая иногда ворожит нашу удачу? Мне показалось, что впопыхах на папахе бывшего полицмейстера оказался не орел времен первой русской революции, а птичка, которую нарисовал современный художник и повесил на парадный мундир сегодняшнего воинства. Птичка с сегодняшней кокарды. Чертовщина какая-то".

Вечером в пятницу был в консерватории на певческой ассамблее. Название, конечно, заковыристое, но полтора часа из опер Чайковского — это хорошо. Много размышлений о стиле и основных мотивах. Именно этим — отсутствием боязни повториться — силен настоящий классик.

22 февраля, четверг. Мне иногда бывает грустно, что мир мой чрезвычайно сужен, а мои впечатления — лишь искусство да институт, работа. Видимо, сухое и рациональное у меня сердце. Вот и сейчас, оглядываясь на прошедшее, вижу только спектакли и другое, связанное с общественным началом жизни.

Начну по порядку. Самое значительное, конечно, — это спектакль по пьесе Теннеси Уильямса "Костюм для летнего отеля"

в Театре Гоголя, поставленный Сережей Яшиным. Много нахлынуло на меня, когда я после стольких лет снова попал в этот театр. До сих пор живо помнятся и читка пьесы, и завлит Лариса — она и на этот раз встретила меня, как почетного гостя, у входа, — и премьера "Сорокового дня". В те времена я почти каждый раз ходил на спектакль. Именно тогда, во время читки пьесы в кабинете директора, я и познакомился со Светланой Брагарник. С ней-то и произошел у меня в среду инцидент во время приема, посвященного 75-летию газеты "Труд" в "Славянской", у Киевского вокзала.

Но сначала о спектакле Яшина. Вал. Сергеевна долго колебалась, идти ей или не идти в театр, пока не выяснила, что играет Брагарник. На меня произвела впечатление сама пьеса. Много знакомых мотивов и из "Ночь нежна", из "Праздника, который всегда с тобой" — так оно и должно быть, если драматург берется за сложнейшие отношения Скотта Фицджеральда, его жены Зельмы и прикручивает еще некую сердечность между Хэмом и Скоттом. Допускаю, что Теннеси здесь что-то привиделось исключительно из своего, но все равно взаимоотношение двух пишущих и, видимо, честолюбивых супругов чрезвычайно интересно. Зельма, роль, о которой актриса может только мечтать. Тем не менее Брагарник в этом спектакле ни мне, ни Валентине Сергеевне особенно не показалась. Возможно, это было еще и потому, что рядом с нею работал совершенно невероятный молодой актер — Олег Гущин. Здесь было такое удивительное попадание в придуманный образ, здесь была необычная актерская фактура. Не влюбиться в артиста было просто невозможно. Природа его таланта мне лично была совершенно ясна, но какова незащищенность, какова дерзость оставаться самим собой. Может быть, поэтому у меня, сидящего в третьем или четвертом ряду, образ Светланы Брагарник как-то запал.

Но между этим "запал" и инцидентом был еще спектакль у Табакова. Конечно, после моей статьи я ожидал и одновременно побаивался звонка Табакова. Наконец, через пару дней, он позвонил. О статье деликатно почти не говорили, Табаков тут же пригласил меня на пьесу Миллера "Чемпионы" (Миллер не первый, не второй, а третий — Джейсон). Олег пробормотал что-то о пьесе, которую он привез двадцать лет назад, но которая оказалась вдруг безумно актуальной сегодня. Пьеса оказалась старомодной и плоской. А может быть, в букете талантов Табакова нет ничего от феи Режиссуры? Переклички не вызывали энтузиазма публики, подтексты были мелки.

На кратком описании этого впечатления я и заканчиваю

временную перебивку и перехожу непосредственно к банкету по поводу 75-летия газеты "Труд". Опять хочется сделать отступление и хотя бы высказать расхожую мысль: чем ниже всеобщий уровень жизни, тем роскошнее банкеты и сытнее презентации. Описывать ли мне зал, декорированный воздушными шариками? Столы, заставленные разносолами русской и французской кухни, сфинксообразные молодые официанты, оркестр и певец с косичкой. Еще в холле я встретил Леню Павлючика, Лешу Филиппова, сына моей старой сотрудницы Татьяны Филипповой, и с ними какую-то даму со смутно знакомым мне лицом. В общем, смутно знакомая дама вместе со Светланой Сорокиной и Леонидом Петровичем Кравченко оказалась моей соседкой по столу, и в тот момент, когда Леня галантно ходил встречать Чурикову с Памфиловым, я начал светский разговор с Алексеем. Алексей — театровед, поэтому и разговор шел о театре: дескать, а что вы, Леша, последний раз видели в театре? "А что на вас, Сергей Николаевич, произвело за последнее время большое впечатление?" Если кто-нибудь когда-нибудь будет читать мой дневник, то подойдя к этому месту, читатель догадается. Вот именно, со своей куриной памятью на лица, фамилии, имена я сказал: "Мы с Валентиной Сергеевной ходили в Театр Гоголя на "Костюм", на Брагарник, но она нас разочаровала. Ее явно переигрывает ее партнер". Опускаю все другие подробности.

5 марта, вторник. Утром вместе с Валентиной Сергеевной вернулся из Ленинграда, из Гатчины, где вчера вечером закрылся Второй фестиваль "Литература и кино". Сейчас с пологого спуска этой тяжелой недели обо всем этом не хочется писать, да и все призеры уже обнародованы и завтра появятся в газетах. Я определенно дал слабину, пропустив вперед Ирину Евтееву с "Элексиром" по Гофману. Нажали на меня Рогожкин и Клепиков. Сережа Урсуляк с его "Летними людьми" по горьковским "Дачникам" был выше, но ленинградцы нажали.

Показательным для нашего времени всеобщей трусости был эпизод с призом (10 миллионов рублей) компартии. Перед тем как пригласить Валерия Тарасова с этими деньгами (а он депутат Думы), я звонил в Гатчину: нужен коммунист, с призом? Конечно, деньги всегда нужны, и на жюри мы этот приз утвердили как приз для молодых режиссеров. А потом испугался мэр, зав. отделом культуры, бывшая секретарь горкома, и от приза отказались. О, как коммунисты, еще более вальяжно и сытно пристроившиеся при новом режиме, боятся своего прошлого! Пришлось ломать решение, дарить белорусам какую-то мелочь, я устроил скандал, было плохо с сердцем, Валентина Сергеевна меня отпаивала и

отливала. Потом на закрытии фестиваля мне практически не дали слова, потому что боялись моих истерических "разоблачений", и решение жюри озвучивал довольно пошлыми шуточками Игорь Дмитриев. Все боялись, что я что-нибудь ляпну. Я уехал злой и недовольный собою.

В поезде меня приятно удивил специальный блокиратор на дверь, который проводник с вечера раздавал вместе, как в самолете, со стерильным "завтраком-ужином". Это от бандитов, которые своим ключом отпирают дверь и прыскают на пассажиров сонной отравой из баллончиков. Это нравы перед выборами Президента, который неугомонно трещит о стабилизации. Страна предателей, трусов и воров.

Утром в десять успел на семинар, где обсуждали рассказики Натальи Бутовой. Девочка, конечно, растет, но самое трудное — заставить студента страдать.

Днем вручали премию Сереже Толкачеву в "Юности". Я искренне за него порадовался. В своей речи он много говорил обо мне. Премия "Юности" имеет для меня магическое значение, потому что в свое время меня ею обделили. Скорее, неожиданно для всех и, наверное, и для меня С. П. вырос в значительного писателя, и я, если он не будет пить и иметь стабильный быт, уверен в его будущем.

К пяти часам надо было еще идти в Московское отделение, где в кабинете Гусева состоялось совещание общественного совета о союзовской собственности. Главным действующим лицом здесь был Феликс Кузнецов. Где собственность, там всегда Кузнецов. Я полагаю, что заговорил Ф.Ф. об общественной собственности потому, что не получается что-то с приватизацией переделкинской дачи. Ему вторил Юра Поляков, наш реалист, о необходимости дружбы с Лужковым и властями. Моя мысль, которая не отрицала и прагматического подхода, заключалась в том, что союзу надо вспомнить, что он и политическая организация. Власть, не любящая ту часть писателей, к которой мы принадлежим, прислушается только к сильной и уверенной в себе оппозиции.

7 марта, среда. Мне пора менять жизнь, потому что видимость необходимости событий и собственного участия в них сделали почти невозможным мое писание. Отметил ли я, что вчера в СП видел Сашу Сегеня, того самого, после разговора с которым я отозвал из "Нашего современника" свой роман? Садизм должен быть утонченным. Войдя в комнату, где мы заседали, я не только пожал ему руку, но и сел рядом. Он, естественно, ожидал от меня намеков или каких-либо недружественных движений, а я очень ласково с ним разговаривал. Со Станиславом Юрьевичем

Куняевым мы встретились на похоронах Бориса Можаева, и точно так же я пожал ему руку. В глазах друг у друга мы прочли, что все помним, и у обоих у нас в сознании остались письма, которыми мы обменялись. Господи, да кто знает что-нибудь о качествах произведения, кроме самого писателя? Кто лучше него предощущает ошибки или собственную удачу? Тем более что я помню, как Куняев рассказывал мне, как колебался, прочитав "Побежденных", их лучшую публикацию последних лет. Бородин говорит, что, дескать, роман хороший. Это и решило.

С похоронами Можаева, как рассказывал Вл. Гусев, все было не очень благополучно. Похороны нынче стоят от 5 до 7 миллионов рублей. В конце своей жизни, с момента перестройки, Можаев много лавировал. Русак по духу и крови, он, конечно, хотел, чтобы его принимали в демократических салонах. Все это было заметно и замечено как той, так и другой стороной. И запомнилось. Вот почему позже и "патриоты", и "демократы" эти расходы не захотели нести. Но все так или иначе образовалось. Народу собралось много, почти столько же, как и на похороны Ю. Левитанского, но публика, в основном другая, пожалуй, из прежних был только Поженян. Сенсацией стало появление Солженицына. Я обратил внимание на его большие крупные ступни в тяжелых ботинках. Ноги были какие-то дьявольские. И вообще, вид классика был расчетливо сбалансирован. Его речь была прекрасной, оппозиционной, он говорил о Чечне, о России, о самом Можаеве. Она, конечно, будет напечатана, и поэтому я ее не фиксировал. С прибытием Солженицына писатели расчетливо расположились так, чтобы в телевизионном кадре отсветиться вместе с ним. Очень выразителен был В. Бондаренко, который забыл о своей ругани автора "Гулага", картинно и скорбно служил ему фоном. Вел все, естественно, Феликс Феодосьевич. Многие были в черных пиджаках. Речи, как обычно, "я и покойный…?". От важности момента Солоухин в первую половину своей речи забыл "окать". Напомнил о себе Юрий Любимов, что-то воркуя о цензуре, гнете и репрессиях. А в уголочке на стуле сидел почти никем не замеченный Виктор Сергеевич Розов. Хорошо говорил Гусев: о мужестве быть в литературе мужчиной.

Еще до начала церемонии В.Н. Ганичев, который позже тоже выступал и рассказывал, как он покойного печатал в "Роман-

газете" и в "Молодой гвардии", предупредил меня, что писателей принимает директор ФСК Михаил Иванович Барсуков и, если я хочу, могу поехать.

8 марта, четверг. Сон меня сморил, и историю продолжаю вечером на следующий день. День прошел в обычной институтской суматохе, но вечером раздался звонок от Тани

Набатниковой. Это продолжение вчерашней истории. Оказывается, в Союз писателей звонил один из помощников Барсукова и передал просьбу директора не особенно его цитировать, он, оказывается, вчера слишком разоткровенничался и наговорил лишнего.

Барсуков действительно кое-что сказал, с точки зрения политика, лишневатого. В частности, у него было несколько инвектив, которые могли быть сочтены за антисемитские. Но, в принципе, он говорил вещи широко известные, о том, что развал СССР планировался американским еврейским капиталом, и именно об этом предупреждал Крючков, о том, что вице-президент Гор, самый большой ненавистник России, еврей, а Клинтон полукровка, о том, что идет грабеж средств, которые посылаются в Чечню и т. д. Многое из того, о чем говорил Барсуков, было известно, но в его устах эти мифы приобрели характер реальности. Самое ужасное, когда слухи подтверждаются. Гусинский ввел в Россию Еврейский конгресс. Кстати, сегодня один из телезрителей в передаче цитировал по какой-то еврейской газете Лужкова, который вроде бы на этом же конгрессе сказал, что из 141 нации, населяющей планету, евреи самые умные.

Внутренняя цель, из-за которой писатели решили встретиться с Барсуковым, это все та же собственность. За большим столом для заседаний в кабинете министра с хрустальными лампами, русскими пейзажами на стенах и портретом Ельцина над рабочим столом директора нас собралось человек двадцать. Неизбежные Ганичев и Кузнецов, Василий Иванович Белов — он сидел напротив меня, Гусев, Сорокин, Лыкошин, Числов и многочисленный писательский люд. Этим и отличается "патриотический" союз — шубным уровнем. Поэтому разговора не получилось. В.Н. Ганичеву, по комсомольской привычке, надо было отсветиться самому Кузнецов повитийствовал, имея под прицелом переделкинские дачи. Я попытался поставить вопрос остро, по крайней мере сформулировал вопрос о качестве двух альтернативных союзов. Другой мой тезис: отдайте писателям их собственность, которой сейчас завладели посторонние писателям люди, и писатели, может быть, прокормятся и сами, но здесь меня перебили, и в своей вялой манере Ганичев стал играть роль начальника. В общем, если говорить грубо, то Барсуков выполнил свою задачу: доказал писателям, что он очень неглупый, знающий, патриотически настроенный человек, а вот писатели своей задачи не выполнили.

Из деталей. Подавали чай с шоколадными конфетами. Я съел за счет КГБ шесть конфет.

В Грозном новая вспышка боев. Мое убеждение, что ситуацию можно усмирить только огнем и мечом. Цивилизованный и деликатный русский против демагогии и бандитов.

10 марта, воскресенье. Все три дня праздников ездил на работу. Начал внимательное чтение и редактуру "Гувернера". Боюсь, мои опасения, что роман скучен, не оправданы. Пауза, которая образовалась, позволила мне вернуться к тексту. Я пользуюсь и теми замечаниями и правкой, которые сделал "Наш современник". Все, что ни происходит — к лучшему. Я полагаю, что смогу расцветить текст и углубить характеры.

На последнем собрании в Московском отделении (об этом я писал) я сидел не только рядом с Сегенем, но с другой стороны сидел тоже наш выпускник и прекрасный молодой писатель Миша Попов. С ним мы немножко подшучивали над диковатым образом прогрессистов. Миша сказал, и здесь сердце у меня екнуло, потому что это и мои мысли: "Я не понимаю, почему Бродский плохой поэт?" — "И я, Миша, не понимаю, и всегда, встречаясь со "своими", когда речь заходит о Бродском, даже как бы извиняясь, но твердо говорил, что считаю Бродского выдающимся поэтом. Причем я понимаю, когда судит о нем Юрий Кузнецов, у него свои профессиональные и личностные претензии, но, скажем, среднеодаренная союзовская поросль…"

Эта ассоциация пришла в голову, когда я внимательно изучил поправки и замечания "Современника". Вот уж цензура, так цензура! Ничего хотя бы отдаленно напоминающего "сексуальное"! Мир продолжает жить в длинных семейных трусах и фиолетовых дамских панталонах. Убирается все, что хотя бы слегка могло быть воспринято как критика деревни. Все, что рождено возле деревенского колодца, априори — талантливо, умно, нравственно и культурно. Ленин с его замечанием, вполне, кстати, в частностях справедливым, об идиотизме деревенской жизни! В этом смысле показателен эпизод о разграблении новыми русскими шведского стола. Далее шло воспоминание об алчности пожилых, даже интеллигентных женщинах на презентациях в начале перестройки. Из контекста было ясно: это от приближающегося голода, от общего снижения уровня жизни, в том числе и питания. Весь эпизод редакция похерила. Многозначительна переписка на полях рукописи редакционных начальников. Один пишет: "Ерунда! Так делают их дамочки!". Другой поддерживает высокий дух корпоративной лояльности и чертит праведным карандашом: "Согласен!".

В пятницу ездил на дачу в Сопово. Копылов дом построил. Фундамент низковат. Сколько это все стоит! Но главное, встроенная в новый дом, сохранилась избушка Юрия.

Я все чаще и чаще думаю об умерших родных. О маме, об отце, о Юре, бабушке, лежащей высоко на сопке над Владивостоком, о покойных тетках: Вере, Тосе и Нюре.

11 марта, понедельник. Вечером был на "Корсаре" в Театре Станиславского и Немировича-Данченко. Сидел в амфитеатре, и хорошо был виден зал и пол сцены. Воистину этот легонький балет стал для меня любимым. Облегченная музыка все время действует, и все время без какой-либо тяжести изящно и волшебно танцует действие. Я получил удовольствие в чистом виде, ничуть не умничал, ничего не сопоставлял. Но вдруг одна мысль прорезала это созерцательное сибаритство: я твердо выделил взглядом то место на сцене, где я мальчиком танцевал в балете Спадовеккиа "Берег счастья". Это "Артек", компания детей разных национальностей, ставших воинами-интернационалистами во время войны. Смутно помню военные сцены, но утренние пионерские, довоенные и послевоенные, хорошо помню. Куда делся этот нынче наверняка приватизированный и растащенный лагерь, куда делись интернационалисты, когда-то счастливые дети и где люди, которые это когда-то танцевали? В афишке уже ни одного знакомого мне имени. Только некая Голикова ходит в фигурантках. Не дочка ли это нашей красавицы Зины Голиковой? Ни с кем не вижусь, ни с кем не встречаюсь. Вроде бы слышал, что Света Пейч торговала билетами в филармонии. Если бы поднять всех покойников, которые танцевали на этой сцене, то танцующие скелеты заполнили бы сценическое пространство.

Из "Нашего современника" мне привезли файл набора "Гувернера". Это облегчит мне редактирование и переделку. Постепенно я понял, что "Современник" просто испугался романа. Настроение хорошее и легкое, все к благу, роман, я думаю, выпишу до блеска. Кое на какие мои собственные просчеты при редактуре Сегень мне указал.

12 марта, вторник. Утром на семинаре был Ефим Лямпорт. Говорил интересно о корневом значении журналистики и о "Прогулках с Пушкиным" Синявского. О необходимости наполнения формулы. О пустоте и о легкости письма. Ребята были агрессивны, ибо умная и логическая речь подразумевает очевидное, а если очевидное, то "почему это высказываю не я". Умников не любят. Но еще до семинара Ефим показал мне только что полученный загранпаспорт, в котором уже поставлена печать "Отъезд на постоянное место жительства". Ефим уезжает и, как сказал мне, твердо решил заняться в Америке врачебной практикой. "Я могу рассчитывать только на свои 32 года. Три года на то, чтобы сдать экзамены, а потом натурализоваться и

получить работу". А я подумал: "Выжили, отжали. И здесь не русские или евреи, не писатели или критики, здесь тусовка писательского истеблишмента, которому Ефим своими инвективами мешал. Битовы, Окуджавы, Ивановы, Чупринины, вся братия. Разговоры Лямпорта, что в этом виновата Шохина или кто-либо, — это лишь романтические размышления о происшедшем".

В обед был у Кондратова по делам фестиваля: возил ему протокол заседания жюри, по которому он должен будет выплатить 25 миллионов рублей пяти молодым актерам. Кабинет Сережи украшают несколько прекрасных портретов художника Ф. Барбышева, который оформлял мое "Избранное". "Здесь никогда не будет портрета Солженицына". Поговорили об А.И., об "Иване Денисовиче", о Достоевском, Шолохове и А. Толстом. Из списка фамилий ясна и тема — эпопея. А значит, поговорили и о "Красном колесе". Солженицын пытается заполнить пространство "Колеса" документами и "правдой" вместо того, чтобы заполнять собой. Это уже моя негустая мысль. Дальше разговор скользнул на толстые журналы, которые по своей маломощности не могут определять литературной жизни, и была высказана идея "Отечественных записок", которые сразу можно было бы раскрутить до тиража 200 тысяч экземпляров, и тогда попробуй с ними не посчитаться. "Бросай свой институт и становись главным редактором. Зарплата наверняка будет побольше, чем у ректора". Пофантазировали, что хорошо бы журнал устроить в бывшем особняке "Знамени".

Вечером у меня был актер Сережа Юшкевич, подарил ему "Марса".

На следующий день, вдогонку:

С легчайшей подачи нашего физрука Тычинина пошел вчера объясняться на заочку. Была одна Неля, хорошо поговорили. Я объяснил ей, что если отстал с переездом в основное здание деканата, то все равно вижу низкий уровень, который дает заочное, отписки вместо рецензий, несоответствие учебного плана. Если на все закрываю глаза, то это не от слабости.

Под вечер пришла Галина Александровна с одной дагестанкой, слабой девицей из семинара Цыбина, которая уже две недели тырится в общежитие. Ее курс давно уехал, но желательно пожить в Москве. Речь шла о том, что мы то разрешаем, а то нет кому-либо жить. И вдруг в разговоре Г.А. сказала: "Я так ненавижу сейчас этот Кавказ за то, что они сделали с нашими ребятами". На этих словах все отчуждение между нами рухнуло.

13 марта, среда. Всю ночь болело горло, страх смерти, с

вечера два телефонных звонка: Вульф — о "большом успехе" "Бесприданницы" и Глеб — надо быть на вечере "Голоса" в четверг. Глеб вспомнил о моем мифическом так и не изданном шеститомнике. Шестикнижье!

На работу не ходил, только продиктовал С.П. по телефону факс в Париж Клоду Фриу и обсудили письмо в Израиль какому-то неопределенному любителю, желающему заниматься у нас в институте на заочном отделении.

Вечером звонил Коля Кузьменко, проректор по АХЧ, рассказывал о героических сражениях с московской канализацией. Все наши протечки в гостинице объясняются просто: были засорены протоки в колодцах. Я представляю, как ночью ребята бегали по двору и вскрывали один за другим канализационные колодцы, и один за другим колодцы оказывались полны воды и дерьма.

14 марта, четверг. Совершенно больным пошел сначала на английский, где рассказывал Саре Смит о нашем походе со Стенфордом на "Корсара" и об экскурсии по ночной Москве, потом говорил об аренде спортивного зала под магазин. Потом шло продолжение скандала с кафедрой литературы XVIII века. Писал ли я, что Евгений Николаевич Лебедев ушел из института? Один раз я застукал его, как он читал лекцию в нетрезвом виде, второй раз лекция не состоялась, потому что он не пришел на работу. Лебедев развязал и начал пить. Я объявил ему выговор, он подал заявление об уходе, я подписал. Теперь кафедра "протестует" против назначения Минералова завкафедрой. Во всем этом какая-то нечистая возня самого Лебедева, а главное, тихой и скромной Леночки Буяновой. Я написал Лебедеву письмо, но он не угомонился. Пойду напролом, в понедельник соберу кафедру, в четверг все поведую ученому совету. Против слухов и домыслов лишь одно оружие — гласность. Придется кое-какие вещи назвать своими именами.

Вечером был на вечере "Голоса". Писатели устроили из этого вечера несколько небольших своих. Особенно хорош был Ананьев, который скромно изображал из себя жертву тоталитарного режима и правдолюбца. Сидевший рядом со мною Лева Колодный шепнул, как тот не захотел печатать в "Октябре" его статью о рукописях Шолохова. Потом истерика Лили Беляевой, рассказ об адмирале Ушакове — Ганичева, комментарий ко всему Кожинова. Я выступал три минуты. Вспомнил об унижениях и заискиваниях в прежних редакциях.

21 марта, четверг. На следующий день после дня рождения В. С. Как и всегда, чувство потерянности, нежелания жить. Уже две недели не проходит простуда, которую я вынужден

переносить на ногах. Кашель, сопли. Невольно вспоминаю свою покойную мать, у которой тоже все начиналось с простуды и кашлей. На это наслаиваются непорядки с деньгами в институте, сложности на кафедре у Лебедева. Не забываю закон, что надо в условиях служивой системы бояться пьяниц: они коварны и, чтобы отмазаться от своих недостатков, продадут и заложат ближнего. Как правило, у них плохо и с честью, и с совестью. Выбили из колеи и две смерти в институте. Лев Адольфович Озеров — 82 года, и Маргарита Леонтьева, дочь Наталии Георгиевны Михайловской — 28. Обоих безмерно жалко, потому что оба были люди, преданные литературе и живые. Маргарита делала несколько раз со мною интервью, последнее время много была связана с "Духовным наследием", хорошо и интересно работала, писала диссертацию. Я как-то уже прикинул, чтобы после аспирантуры оставить ее преподавать в институте. Как по-своему распоряжается судьба!

Вчера, на похоронах Озерова, где мне пришлось сказать несколько слов, я увидел Льва Ошанина, еще пару лет назад гражданского мужа Маргариты. Разница была, кажется, лет в 60, но он жив, бодр, шутит. Кажется, чтобы не травмировать, ему не сказали о ее смерти.

Об Озерове, наверное, будет много написано, а я не смогу сказать кратко. Да и знаю плохо его писания. Здесь было, конечно, много точности, хорошая филологическая школа, огромная жизнь в литературе, но много и книжного, терпеливого и вторичного. Но в институте он был незаменим. Наша довольно беспринципная молодежь его стеснялась. Все групповые и национальные пристрастия у него заканчивались на пороге большой литературы. С одинаковой тихой твердостью он защищал Пастернака, Мандельштама, Маяковского, Горького и Платонова от инвектив сегодняшних литконъюнктурщиков. Я не уверен, что во время последних выборов он голосовал за меня, но это мой электорат и человек, который создавал непередаваемую ауру института.

Из событий, которые надо бы обязательно отметить. Это, во-первых, премьера в Театре Гоголя "Бесприданницы" А. Островского. Мне понравился несколько затянутый спектакль Серг. Яшина. Сенсация, конечно, — Олег Гущин в роли Карандышева. Новая концепция — главный обиженный Карандышев, и поразительное поле вокруг актера. Но это все в прошлую пятницу.

Валин день рождения неожиданно прошел хорошо. Мы обошлись без скандала. Были Дарико, Лена, сестра Вали, Сара, моя преподавательница английского, с мужем Стенфордом, Лева

с Татьяной и С.П., который в этот день взвалил на себя бремя хозяйства. Утром я сотворил фаршированного судака, но он развалился, хотя и был очень вкусным.

Писать надо каждый день, столько уходит подробностей, но сил не хватает.

25 марта, понедельник. Утром, еще не было восьми, позвонил проректор Николай Евтеевич. На этот раз он, зная мой характер, начал очень правильно: "Только не волнуйтесь, Сергей Николаевич, не берите близко к сердцу. Всем буду заниматься я…"

Повесился наш дворник Виктор Иванович. Он работал у нас уже пару лет, и все были очень довольны его работой. Хотя у Виктора Ивановича и было три участка — это довольно существенный заработок, около миллиона, — но убирал он их идеально. Мне в короткой форме не удастся нарисовать его портрет, но человек он был вежливый, выдержанный, доброжелательный. К сожалению, я ни разу не поговорил с ним долго. Он был по профессии художником, специалистом по росписи тканей и до перестройки работал на каком-то комбинате в Кунцево. Потом комбинат закрыли, и в поисках работы он пришел в институт. Что его толкнуло к самоубийству? Вопрос этот, конечно, праздный. В известной мере ответ на него уже есть: что значит пятидесятилетнему человеку остаться без профессии! Чтобы быть объективным, скажу, что жена от него ушла, девятнадцатилетнюю дочь он уже несколько лет не видел. Но как рассказали наши рабочие — он им жаловался, — был и еще один фактор. Виктор Иванович жил неподалеку, в коммунальной квартире, в доме, который купила какая-то фирма. Коммуналку расселили, остался один несговорчивый Виктор Иванович. Его несколько раз пугали по ночам, ломились в дверь. Он жаловался ребятам: "Они меня, — он имел в виду кавказцев, — убьют".

Повесился он в бойлерной, стоя на коленях, на какой-то проволоке. В эту бойлерную мы всегда на ночь запирали нашу институтскую собаку Музу. Виктор Иванович ее выпускал утром, и она ждала Евгению Александровну, которая приходила попозже. Муза в это время была рядом, потом долго ее не могли вытащить из подвала.

Сегодня в два тридцать приходила ко мне Мариэтта Чудакова. Она позвонила мне домой еще вчера и сказала, что хотела бы взять отпуск за свой счет для написания учебника по советской литературе. М.О. Чудакова поломала все наши договоренности. Сначала она не смогла читать в первом семестре. Все сорвалось из-за какой-то иностранной командировки. Потом заболела, потом снова поехала за рубеж — читать в Америке. Там

у нее и вызрела идея быстро закончить учебник.

Разговор был тяжелый и долгий. В конечном итоге М.О. Чудакова написала заявление. Чего там все разговоры о стремлении просвещать юношество.

"Уважаемый Сергей Николаевич, обращаюсь к Вам с важной для меня просьбой.

По нашим с Вами планам я должна в настоящее время приступить к работе в институте и выполнить свою нагрузку (около 300 часов) этого учебного года.

Однако мои обстоятельства складываются так, что я не могу этого сделать — хотя сожалею об этом. Дело в том, что я интенсивно работаю над учебником литературы советского времени — моим главным научным делом последних лет. В то же время у меня все больше часов забирает моя общественная деятельность (как вы знаете — я осталась членом Президентского совета). В ближайшие три месяца я буду, возможно, еще более активно участвовать в предвыборной кампании президента.

В связи с этими двумя обстоятельствами очень прошу Вас предоставить мне отпуск за свой счет до 1 июня сего года.

Я очень надеюсь, что мы с Вами сумеем впоследствии найти возможность — часы и время года — для того, чтобы я отработала те часы, которые я должна институту.

С надеждой на понимание

М. Чудакова, профессор кафедры творчества,

член Президентского совета.

25 марта 1996, Москва".

Но здесь есть и благородство. На перевыборную кампанию берет отпуск. Другая бы просто не ходила на работу.

27 марта, среда. Для начала своей избирательной кампании Лужков выбрал выступление в "Керосинке", в Университете нефти и газа на Ленинском проспекте. Когда пришел пригласительный билет, мне почему-то показалось, что это будет встреча мэра с ректорами, где можно будет что-то сказать и что-то попросить. Но главная цель была другая — через средства массовой информации озвучить идеи Лужкова. Кстати, какая была охрана, сколько гаишников, какое немыслимое количество черных машин! Послушать предвыборную речь мэра приехали все "шестерки". Ни при каком режиме подобного не бывало. Мальчики стояли стеной.

Зал был полон. Лужков — он выпускник "Керосинки" — проговорил свою речь, из которой следовало, что он сторонник капитализма, предпринимательства, больших состояний, банков. Все остальное, что он говорил о равенстве, социальной справедливости, неимущих, пенсионерах, школьниках и

студентах — все это был туман. В одном котелке не найдется средств для всех.

Встреча для ректоров все же состоялась. После речи, телекамер и аплодисментов — в зале заседаний ученого совета "Керосинки" состоялась пьянка. Я сразу понял, что ни о чем серьезном поговорить нельзя. А у меня так много в институте проблем. Двор, крыша, реконструкция. Впрочем, на этой встрече всего было достаточно: икры, коньяка, фруктов, бутербродов с деликатесами. Но как сановные ректор и профессура "Керосинки" пели о мэре! Меня всегда поражает эта внутренняя несвобода пожилых людей, которым практически уже нечего терять. Его, оказывается, заметили еще студентом! Особенно меня поразил Карабасов, ректор Института стали и сплавов. Кажется, я был доверенным лицом, когда этот Карабасов, секретарь обкома, баллотировался на какую-то крупную должность. Чего он-то запел, доктор наук? Куда он дел свое убежденное коммунистическое прошлое? Впрочем, всегда пристальнее и взыскательнее глядишь на людей знакомых. Ой, как грустно!

29 марта, пятница. Рангун, ныне Янма. Все это я еще, наверное, объясню чуть позже: огромный перелет, длившийся 22 часа с остановками в Дубаи, Дели, Бангкоке до Рангуна. Небольшая страна настояла, чтобы весь мир произносил название ее столицы не так, как мир привык, как вошло во все справочники и в художественную литературу, не повинуясь британской традиции, а как произносилось это слово искони, как удобнее было туземной, а не европейской гортани. Живем в прекрасном отеле, в свое время построенном повелением Хрущева. Нет только никакой таблички.

12 апреля, пятница. Вчера, в чистый четверг, прилетел из Бирмы. Улетал вместе с Тимуром Пулатовым в четверг, две недели назад. Для поездки я взял две недели отпуска и, несмотря на то что ехал в составе делегации от Содружества писателей, внес еще 650 долларов на билет. Сначала вроде бы Пулатов обещал взять меня за счет сообщества, но перед самой поездкой выжал из меня деньги за билет (кажется, не все, не полную сумму), по крайней мере, в поездке, во время наших скандалов, он раз пять говорил мне, что внес за меня 500 долларов.

Вообще, Пулатов странный человек. Такой мелкой барственности, хамства и пренебрежения к людям я почти не видел. У него острое чувство лести и конъюктуры. Потом его привычка все время говорить о "власти", "предательстве", "величии". Пыткой стало и мое с ним пребывание в одном номере. Он ни на минуту не может остаться один и без собеседника, причем все его разговоры касаются только интриг по

собственности, борьбе с ненавистным ему В. Ганичевым и воспоминаний о том, как он, оттеснив Евтушенко, взял власть. Совершенно искренне считает себя лидером и полагает, что без него русские писатели пропадут. Но это лишь одна сторона этого человека. В Бирме я впервые взял в руки его книжку и, прочитав несколько его повестей, должен сказать, что писатель он великолепный. Пишет он всю жизнь по-русски и в его речи и текстах язык точен, органичен и природен. В его прозе жизнь рассматривается несколько абстрактно, в притчевой форме. Надо быть ребенком и иметь редкую веру в себя, чтобы так все живописать.

Третьим членом нашей делегации была Галина Федоровна Минина, бирманистка с удивительно приятным щебечущим голосом. Галине Федоровне, я полагаю, уже крепко за пятьдесят, она инвалид второй группы, потому что перенесла операцию на мозге, у нее вырезали опухоль, но, может быть, всем сравнительным успехом нашей поездки мы обязаны ей. В Бирме она бывала бессчетное число раз, кажется, ее знает половина страны, она различает всех бирманцев в лицо, и ее знакомые — во всех слоях общества и, конечно, огромное количество разных министров, администраторов и деятелей искусства. Большинство ссор с Пулатовым "первого периода" происходило из-за нее. Пулатову, которому очень хотелось — о, эти черты восточного человека! — купить какие-то камешки и золото, все время казалось, что во время покупок Галина Федоровна недостаточно внимательна к нему. Она действительно у сверкающих прилавков увлекалась, потому что тоже покупала что-то и себе, но претензии Тимура — я ей плачу, пусть обслуживает только меня — казались мне необоснованными. Потом эта хамская привычка торговаться и стремление торговаться через толмача: "Ты ее защищаешь, вы снюхались". Написал ли я, что по своему героическому стоицизму Галина Федоровна очень напомнила мне В.С.? Каждый вторник, четверг и субботу — дни диализов В.С. - я сжимаюсь и начинаю бояться плохих известий.

21 апреля, воскресенье. Я все же поддался на уговоры Валентина Сорокина и поехал на совещание молодых писателей в Сыктывкар. Вместе с нами ехал еще Юрий Кузнецов. Вопреки моим ожиданиям, в вагоне не было никакой пьянки, ехали довольно весело и дружно. Я читал рукопись Оксаны Северниной и книжку по английскому языку. Поначалу моя поездка казалась мне данью моей заинтересованности в делах союза, нежели деловой. Я твердо условился, что выезжаю обратно на следующий день или вылетаю в среду утром. Но по приезде сразу выяснилось, что я смогу и поработать. Все было организовано

очень четко и определенно. Кстати, обе дамы, возглавляющие союз, вернее, отделение в Сыктывкаре, мои "крестницы", обеим я давал рекомендации. Одна — Лена Габузова, эта еще с семинара в Лемью, а вторая Елена Васильева, — детская писательница.

Итак, все было организовано чудесно, и уже в 4 часа дня я сел читать и проработал над рукописями до половины третьего ночи.

26 апреля, пятница. Уже много дней не пишу. Настроение плохое, в институте все разваливается, за коммуналку обрушиваются чудовищные счета. Вчера состоялся ученый совет с голосованием по Минералову. Голосование, естественно, провалилось, ибо Минералов слишком нахрапист и прямолинеен. Но удалось выслушать много гадостей, талантливо срежиссированных Е.Н. По моим соображениям, несмотря на его английский язык и бесконечные интеллигентные цитирования, дрянь он изрядная, ибо вся ситуация организована и сыграна из больницы.

Вечером ходил с В.С. в Дом кинематографистов, где у меня прихватило сердце.

Убит Джохар Дудаев, прессу это волнует уже много дней. Никакой жалости к этому герою, нет жалости и к этой стране, сосущей кровь из моей Родины.

Сегодня на работу приехал позже. Урок из вчерашнего — усталость и стремление не делать лишнего. Пусть каждый получает свое.

Вечером проводили семинар с обсуждением романа Оксаны Северниной. К сожалению, роман написан плохим, скучным языком, но мысль о выморочности интеллигенции прекрасна. Жаль, что роман не получился.

30 апреля, вторник. Пропустил поездку на дачу и то состояние удивительного спокойствия и ощущения полноты жизни, которое неизбежно появляется у меня там. Господи, вот бы и жить там: от рассвета до заката, с разной погодой, облачностью. Следить за тем, как разваливаются почки, ходить в телогрейке и сидеть по два часа за пишущей машинкой. Все мое время проваливается в быт, в выполнение обязанностей, которые я выполняю за кого-то. За одного я делаю его работу, другому я просто отпускаю грехи.

С утра проводил семинар. Это мой долг студентам за поездку в Сыктывкар. Позвал Льва Колодного, который рассказывал о Шолохове и об идее своей книжки. Здесь же всплыла и его работа о В.И. Ленине. Все это определенные знаки, тем более, что звонил Саша Варламов, надо уже заключать договор на мой роман о В.И. Наверное, буду писать две книжки параллельно.

В обед было две депутации: одна — Михаил Павлович

Еремин, который уже и готов был взять кафедру, а вторая — Станислав Бемович Джимбинов. Оба сказали мне, что ни в коем случае не связывают меня и Минералова. Противостоят лишь Минералову. До обоих я постарался донести всю казуальность поведения Лебедева. Я действительно в этой всей истории был лоялен по отношению к Е.Н. Но надежда, что все выяснится само собой, — плохая надежда. Меня и слушать-то, в общем, не захотели. Значительно приятнее было ректора потравить. Но потом надо было прийти и покаяться. "А я и не знал, что вы, оказывается, пришли не проверять Лебедева, а слушать Ровнер". Ах, ах, младенцы!

В день ученого совета, ночью, звонил Гусев. Впрочем, он звонил и вчера. Состоялась предварительная, скорее пробная, защита Калугина и, выпив четыре рюмки, он признался, что хотел бы срочно стать ректором. Господи, да пусть будет! Пусть попробует, если сумеет. Пусть будет первый сумасшедший ректор. Пишу, но твердо знаю: всю горечь и оскорбительность ситуации передать не смогу. Господи, какой грязный малый, а читает стихи, рассуждает о возвышенном.

Яндарбиев, преемник Дудаева, о гибели которого много говорили средства массовой информации, оказался жив. Он, кстати, выпускник наших Высших литературных курсов.

1 мая, среда. Весь день чистил библиотеку, отложил целый ящик поэзии, которую решил подарить Сереже Мартынову. Надо бы, конечно, наклеить экслибрисы, ну да бог с ними, среди книг есть и те, которые я покупал еще во время службы в армии.

По телевизору демонстрации, которые везде прошли спокойно. Ельцин пляшет на смотровой площадке Воробьевых гор с какой-то фигуранткой и призывает всех голосовать за себя. Я бы сказал так: за реформы, но без Ельцина. Ну сколько можно врать? Почему государством должен управлять человек с такой тупой и лживой биографией? Почему стыд не выест глаза?

4 мая, суббота. Компьютер меня не слушается, и я, час промучившись, продолжаю писать большими буквами. Праздники провел в суматохе, первого остался в Москве, потому что 2-го надо было провожать в Париж с аэродрома в Шереметьево Льва Ивановича и Сережу — двух проректоров. Уехал на дачу только во второй половине дня.

После двух дней сражения с комньютером за строчную букву продолжаю. В праздничный четверг вместе с Ашотом и его компаньонами вычистили весь участок, пожгли мусор, расчистили фасад и вымыли дачу. Дай Бог мне здоровья, и чтобы не погибла рассада в теплице.

5 мая, воскресенье. Был на 35-летии Сережи Кондратова. Все

это происходило в гостинице "Балчуг Кемпинский", той самой гостинице "Бухарест", которая стоит на другой стороне реки, напротив гостиницы "Россия", и которая из всех московских гостиниц была первой отреставрирована. Такой роскоши я прежде не видел, даже не предполагал, что она существует. Пир происходил в "надстроенном" этаже, в "библиотеке". По отношению к Кондратову это показалось мне символичным. Еду, напитки, десертный стол оставляю в стороне. Самое поразительное — вид на Кремль, на мост, на храм Василия Блаженного, гостиницу "Россия", на кораблики внизу. Наверное, это было самое дорогое блюдо этого приема. По крайней мере, все со своими тарелками, стаканами столпились на балкончике, с которого расстилался поразительный вид. Гости мне особенно не запомнились (было человек пятьдесят, элита), кроме двух: президент банка "Империал" (бывший замминистра по печати — вот откуда такие фантазии на его телевизионной рекламе, советское "культурное" прошлое дает о себе знать) и мой коллега, писатель-фантаст…

Теперь основное. После того как гости основательно закусили и выпили, все высыпали на балкончик-веранду, с которого расстилался единственный и неповторимый вид на город, и решили, что, по русской традиции, надо попеть. Самое интересное, что€ мы пели: "Там, вдали за рекой", "Вот кто-то с горочки спустился", "Артиллеристы, Сталин дал приказ" — песни советских лет.

Когда я уходил, то Толя Аверкин, помощник Сережи, который меня провожал, ибо без "карточки" даже такого респектабельного и седого джентльмена, как ректор Литинститута, в бабочке и смокинге, в опасное и криминальное время из гостиницы не выпустят: а вдруг сопрет жемчужное ожерелье! — так вот, когда Толя меня провожал, он мне показал внутренний, как стеклянная труба, дворик. Сверху, с очень большой высоты, как через подзорную трубу, было видно: огромный стол с тарелками, блюдами и цветами. За столом сидели человек тридцать гостей и ужинали, а перед ними на эстраде разыгрывался спектакль, как мне сказал Толя, Чехова. Вот этой роскоши, этого немыслимого пренебрежения к искусству нашу публику еще научить можно, но петь незнакомые и неродные песни мы не будем. Самое интересное, что такое же положение и у молодежи. На всех своих тусовках они не поют песни, которые слушают, а все старенькое: "Миленький ты мой", "Черный ворон", "Что стоишь, качаясь", "Гори, гори моя звезда".

7 мая, вторник. Наконец-то открыли мемориальную аудиторию Евгения Долматовского. Пресса быть не соизволила, ибо здесь особенно ни на что не покусишься. Из наших тоже народа было немного. Товарищи, поэты, сослуживцы с кафедры — тоже не удосужились. Я выступал недолго, и выступление мое было искренним, потому что Долматовский действительно создал много песен и отдельных формул, вошедших в нашу жизнь и ставших формулами нашей духовной жизни. Мне оставалось только удивляться этому. Хорошо говорили Вас. Субботин и Нина Краснова, его ученики. Как кто-то справедливо отметил: событие это, безусловно, имеет значение в культурной жизни страны. После небольшого собрания в одиннадцатой аудитории, когда прозвучал звонок на следующую лекцию, спустились в ректорат и посидели там, поговорили, выпили по "фронтовой". Ели любимые Евгением Ароновичем медовые пряники. Их принесла Мирослава Ивановна, его жена. Кстати, она его бывшая ученица. Галя Долматовская блистательно отсутствовала. Это не кинофильм, рядом с которым можно потусоваться.

Приехал Саша Мамай, которому я очень рад.

9 мая, четверг. По ТВ показали парад на Красной площади. По сравнению с прошлыми годами довольно убогое зрелище. Не поставили на парад технику, видимо, чтобы не срамиться. Ельцин и Черномырдин на мавзолее В.И. Ленина выглядят как самозванцы. Не одно и то же — создать империю и ее разрушить.

Днем ездил на аэродром встречать фрау Вибе и Бруно Цилинского из Кельна. Настроены они, конечно, оба, совершенно не зная нашей ситуации, чрезвычайно демократически. Для меня

это еще один пример власти дурмана средств массовой информации.

Вечером ходил с Мамаем на концерт в консерваторию. Восьмая симфония Шостаковича и концерт для фортепиано с оркестром Моцарта. Здесь надо говорить о всех трех факторах: моей любви к удивительному Николаю Петрову, о поразительном сочинении Шостаковича и дирижере Василии Синайском, в котором я не предполагал такой силы. Впервые я музыку воспринимал биологически, не как некие логические построения и разные темы, которые должны переплетаться, воевать и дополнять друг друга, а как нечто бушующее в моей собственной душе. Разговоры Саши о том, что симфония о войне или о каком-то периоде, мне смешны, потому что это — сразу обо всем. Николай Петров был как всегда. Ведь не люблю я его, ведь не могу забыть ему его фразу о шандалах и о том, что ими и кого надо бить, а ничего поделать с собой не могу. Музыка и чувства стекают с его пальцев. Каждый его звук цепляет за сердце.

На концерте встретил Юрия Исааковича Белявского, главного редактора газеты "Культура", где работает В.С. Потащил меня в третий раз знакомиться с Петровым. Кажется, Белявский дружит с ним многие годы. "Читал-с", — сказал Петров, здороваясь со мною. Белявский сказал мне, что Петров — дитя двух линий: знаменитого баса Петрова и знаменитого виолончелиста Большого театра Фейхтенгольца. "Вот такой нужен сплав, чтобы получился русский национальный гений". Здесь я почувствовал себя ущемленным.

Без десяти двенадцать, когда я уже спал, позвонила какая-то сумасшедшая студентка: у нее конфликт с охраной. Говорила мне, что они сделали ей замечание, когда в два часа ночи она жарила на кухне рыбу и почему-то при этом смеялась. Конфликт этический, видите ли. Этично ли звонить ректору в полночь?

10 мая, пятница. Ездили с Сашей на дачу. Наконец-то собрал вторую теплицу. Рабочий Дима, который делал мне въезд на участок, нагло обобрал меня, как липку. Вместо 300 тыс. рублей, о которых мы с ним договорились, запросил полтора "лимона". Сговорились на миллионе. Рабочий класс! Я ему стал выговаривать, что он не истратил блоки, о которых мы с ним договаривались, куда я, дескать, теперь их буду девать. "Это твои проблемы". Мне нравится, что люди, которые никогда ничего не прочли, вдруг ухватили не свойственную им терминологию.

16 мая, четверг. Пишу поздно вечером, к сожалению, не записываю все поденно — и сил не хватает, и времени, а потом начинаю конспектировать. Не люблю я этого. Вечером встретил из Парижа Стенфорда. Сегодня он ночует у нас, а завтра переедет

на свою квартиру. Стенфорд мил, хорошо относится ко мне, и, возможно, с ним я заговорю по-английски. У него другая, нежели у Сары, метода, он требует, чтобы я не переводил, а лишь улавливал общий смысл.

В воскресенье вышел на работу и сразу же несколько "гадостей". Поговорил со Смирновым, чтобы передвинуть "текучку" с первого перезагруженного курса на второй. Он скривился и начал мне лениво доказывать, что лучше держать ее на первом. С таким же успехом я могу доказать, что ее лучше держать и на первом, и на втором. С моей точки зрения, со второго начинать полезнее, да и ребята немножко поразгрузятся. Во всем, что В.П. говорит и делает, сквозит обида непонятой и недолюбившей провинциалки. Боже мой, сколько в нашем институте легенд! О лучшем в Москве лекторе, о неповторимом специалисте по Ломоносову или Тютчеву…

А ведь, по сути, всего-навсего интерпретаторы предисловий к чужим книжкам. Все больше и больше убеждаюсь, что литературоведение в его массе — никчемная и амбициозная наука. Перебирание в большинстве случаев камешков на берегу. Но точит-то эти камешки и раскладывает на берегу океан. Кто будет?

В понедельник не пришел на экзамен Лебедев, и под его, видимо, давлением не пришла Ровнер. Лебедеву, конечно, стыдно после моего с ним последнего разговора. Я согласился на все условия: все три спецкурса. Но когда мы подошли к его фронтальному курсу, к XVIII веку, я отказал. Лебедев, видимо, был пьян и искал себе героического отступления, он просто послал меня… На следущий день Г.В. перезвонила его секретарше, но не соединились. Я хотел поступить, как старший и более мудрый, а потом и у меня заело…

В понедельник же первый курс разыграл на сцене плавтовский "Котел". Все было, как в античные времена, все роли исполняли мужчины, особенно хороши были братья Черепановы. В роли какой-то дуэньи был мил и мой Юра Роговцев. Как естественно держались ребята, какой замечательный педагог Елена Алимовна! Для меня это представление тоже было хорошим уроком: и в прежние времена, как и теперь, зрительский интерес держался на быте, на нравах, на перипетиях семейных отношений.

Сегодня — экзамены у аспирантов. Мое счастье, что они хорошо отвечали.

В 15 часов началась защита дипломов. Я счастлив, что пятерку получил Виталий Амутных. А ведь при другом раскладе смело мог бы и не получить.

22 мая, среда. Вечером вместе с Толкачевым ходили в болгарское посольство на прием по случаю дня славянской письменности. Помню прием позапрошлого года, когда на огромной террасе с видом на Москву жарили люля и была масса знаменитых лиц. Тогда я еще разговорился с Геращенко и сказал ему, что уважаю его за твердость. Нынче народа, может быть, было больше, но лица все помятые, неизвестные. Как тень прошлого, промелькнул Андрей Дементьев. Еды было скандально мало, все ходили с пустыми тарелками. Стало заметно, что Болгария обеднела и из богатой державы, ибо была огородом всех социалистических стран, превратилась в заштатную странишку со следами, как протертые кружева, былого величия. Зачем такой же, как в Версале, прием? Интересная мыслишка пришла мне в голову. Практически за этот прием, как за чечевичную похлебку, Болгария купила первородство грамоты и культуры огромной державы — России.

Ганичев подскакал к Сергею Александровичу Филатову. Чуть позже он же и рассказал мне, что в СП "скандал": ПАУ (объединение Бондарева, Ларионова, Журавлева) присудило премию имени Шолохова Г.А. Зюганову. Средства массовой информации в соответствии с предыдущими годами оповестили всех, что премию присудил Союз писателей России. Союз немедленно присудил премию покойному Можаеву и еще кому-то. Президент, удовлетворенный верноподданическим поступком русских писателей, прислал поздравления — вот с этими-то сообщениями и поправками Ганичев ходил к Филатову докладывать.

Утром собрал небольшое совещание по диссертации Калугина. Были Гусев, который решил у себя на кафедре эту диссертацию доделывать, найдя, что диссертация годится и как теория; Скворцов, который практически у меня за спиной решил обсуждать эту работу на кафедре, не просто как книгу, а как диссертацию; Минералов; Горшков, который "диссертацию" прочел и уверяет, что в ней нет ни единой крупицы науки, а только перепевы Лурье и Лихачева; Толкачев, как зритель и свидетель.

Мое сообщение состояло в том, что: а) я не для того создавал специализированные советы, чтобы за моей спиной через них пропускать негодную и малонаучную продукцию; репутация диссертации — это репутация и моя, и Литературного института;

б) если вы, господа, так относитесь ко мне и так поддерживаете моих и института недругов, то отныне я не чувствую себя связанным с вами морально.

Стали говорить, что пошел пресс и наплыв: Авчинникова,

Писарева, Баканова. У всех диссертации недотянутые, но все уверены, что у себя их пожалеют, не завалят, пропустят снисходительно. Это значит, что слух уже прошел: у нас полегче, посвободнее, поблатнее, чем где бы то ни было. Я так и сказал.

Потом все оправдывались, виляли, но понимали, что принимают участие не в очень благородном деле. Собственно, текста Калугина мне смотреть было не нужно, я помню, как Васенька года три назад читал на ученом совете свой доклад. Заказали ему как специалисту сообщение об Аввакуме, а он прочел что-то между Курбским и Грозным. Я тогда же понял, что он и не самый умный человек, и не очень грамотный ученый. Грамотный бы выкрутился. Писал популярную книжку, из нее с наглым и победительным видом и прочел главу. Чутье-то на плотный и сочный текст с пульсирующей мыслью у нас, господа, есть.

24 мая, пятница. С грустью сознаюсь, что моя попытка многих лет удержаться от ведения ежедневника, "склеротички", как называет его Ваня Панкеев, куда можно заносить свои планы на много дней вперед, оказалась неудачной. Завел. Раньше я все держал в памяти, плыл иногда по волнам, но тем не менее в главном никого не подводил и успевал.

Вот мое расписание на сегодня:

8.45 — Стенфорд, муж Сары Смит, которая ползимы преподавала мне английский, приехал в Москву и теперь по старой дружбе совершенствует в языке меня. Я занимаюсь с ним до десяти, до начала работы, два раза в неделю.

13.00 — Должны приехать Б.А. Кузнецов, Вацлав Михальский и еще один деятель книжной торговли из московской мэрии по поводу организации постоянной летней ярмарки во дворе института. Мэрия к институту, да и ко мне относится неплохо, и хотя представляю, какие возникнут трудности с уборкой мусора, с порядком, с размещением лотков с книгами и стоянками автомашин, даже с туалетом, ибо если эту проблему не решить, то загадят весь двор, — разрешил.

А между тем у меня с 12.30 начался кандидатский экзамен по философии. Я еще с горечью вспоминаю экзамен по теории литературы, когда один из студентов-выпускников не смог ни единого слова сказать ни о Тютчеве, ни о Мандельштаме. Я пережил физическое чувство позора. Надо бы, конечно, поставить парню двойку, но наши ревнители справедливости и свободы, дабы затереть отсутствие собственной работы, надавили на меня, я не захотел конфликтовать, поступил, как и всегда в жизни, конформистски и согласился на тройку. Боже, каких же преподавателей для провинции, светил местных университетов

мы готовим! А ведь еще протиснется и в Москву, начнет преподавать в столице. Впрочем, диссертацию, может быть, и напишет, есть какая-то бойкость заемных фраз. Но и диссертация у него будет в цейтноте.

Порадовал ответ девочки, специализирующейся по стилистике. У нее в билете был вопрос о "Герое нашего времени". Я приготовился к знакомым еще со школьной скамьи дефинициям, но внезапно она заговорила о литературной традиции того времени, и получалось, что роман не гора в долине, не одинокий колосс, а некая литературная дискуссия, и Лермонтов, как и любой литератор, был подвержен и литературной моде, и стремлению к дискуссии. Это было так неожиданно, что я не утерпел и принялся думать, кто же ей читал в институте этот период. Про себя я назвал всех троих: Лебедева, Дмитренко и Еремина. Но я забыл, что в свое время читал и Минералов, а оказался именно он.

Вспомнил о Лебедеве, но о нем позже. Пришло новое коллективное письмо, подписанное студентами. Письмо явно инспирировано кем-то из вражеского лагеря. (Ненавижу себя, что написал эти слова "вражеский лагерь", опустился до несвойственной мне терминологии и мировосприятия.) Жалко и ребят, будущих и сегодняшних литераторов, которые опустились до коллективных писем. О писатель, действующий в одиночку в этом мире!

Если о Минералове, то такая в обиходе зануда, но как знающ, как много на лекциях дает нового и оригинального материала! Но если об экзаменах по философии, то я еще раз понял, какое значение имеют хороший и добросовестный лектор и его требовательность. Здесь важны не его артистизм, не эффектность, а тяжелая повседневная, часто нудная работа. Здесь должен сказать, что росту уровня подготовки в институте по философии мы обязаны кафедре и, конечно, Александру Ивановичу Зимину.

16.00 — Вручение премии имени Шолохова Г.А. Зюганову.

До этого, в четверг, на совещании у Пулатова по поводу юбилея А.А. Фадеева у своего бывшего дружка Арсения Ларионова я выяснил, что информация В.Н. Ганичева, о которой я услышал в болгарском посольстве, грешит неточностями. Учредителями этой премии являются не давно исчезнувшее ПАУ, а "Молодая гвардия", "Современный писатель", "Международное сообщество писателей" и другие не менее почтенные организации.

К сожалению, перед началом церемонии состоялся довольно длинный концерт, гда три прелестные русские женщины пели песни, и русские, и советские. Все это было мило, но я не был на

это настроен. Мне даже показалось, что затягивается торжественная часть, потому что не приехал главный герой. Кроме Зюганова, премию присудили также Е. Носову и А. Кешокову.

Кстати, в самом присуждении этой премии политическому деятелю не было ничего неожиданного. Ранее эта премия присуждалась Кастро и боснийскому сербу Караджичу. Но и Кешоков, и Зюганов были на месте. Больной и старый Носов прислал телеграмму.

Речи Бондарева, Пулатова, Зюганова. Бедноватый фуршет. Ощущение перелицованности жизни. В речи Зюганова — ни одного лишнего слова. Изящно, как авиационная конструкция. Пулатов зовет меня на сцену. Я отказываюсь. "Не щепетильничай, — я внес тебя в жюри". — "Ты поздновато внес". Скорее всего, я не принципиальничаю, а просто боюсь светиться на сцене в телевизионных камерах. Для подкрепления авторитета на сцену вызывают на все готового Сорокина с его почти профессорско-артистической, видимо, импонирующей публике внешностью, и в синем костюме. Сорокин, конечно, стесняется, потому что ректор сидит в зале и ректора уже вызывали, а он из каких-то своих резонов не пошел на почетное место.

Поздно вечером в четверг даю Виктору Кожемяко интервью для "Правды". Исходная точка — новые бумажки, присланные мне из Госкомвуза, где они открещиваются от правительства — обещанных президентом денег нет. Говорю язвительно, немножко парадоксально, раздраженно. Все время рефлексирую: неудачник это говорит, которого не позвали на пир победителей, или все же патриот, для которого происходящее больно? Однако, как и все, страшусь прихода коммунистов. Окружение Зюганова опасно и невежественно, я ведь имел с ними дело. За них, собственно, я опять лезу в петлю. А они с депутатской неприкосновенностью или без нее в критическую минуту рассосутся, как клопы, по щелям. Сделать ничего нельзя. Парламентским путем власть взять почти невозможно. Это все плохо кончается, хотя бы в Чили. И, естественно, страшусь каких-либо прямых действий. Договариваюсь с Виктором, что обработанный материал он мне покажет в среду в 9 утра. Сам Виктор уже обносился, плохая, старая, нынче донашиваемая обувь. Вот они — итоги нашей жизни.

Вечером в пятницу уезжаем со Стенфордом на дачу. К сожалению, у Сережи ломается дверь в квартире, звонит его жена Валя, ночует с ребятенком у нас, поздно вечером Сережа должен ехать встречать итальянцев, в общем все окружены обязательствами. Уезжаю с некоторым смятенным духом, надо бы

остаться, помочь ему, но эти самые обязательства, полная сумка продуктов у Стенфорда. Я, как прагматик, понимаю, что лишний час общения со Стенфордом — это мои шансы сделать рывок в языке. Мои обязательства перед огородом, дачей, уже посаженными растениями, которые надо подкармливать, перед будущим летом, землей, сам я на исходе измота. Валентина Сергеевна со своей мучительно-героической жизнью, от которой я тоже устаю. Еду, беру себе тайм-аут. Тем более что и воскресенье у меня занято, на даче только сутки, накануне я обещал Юре Полякову, который регулярно берет меня в свои передачи, поучаствовать у него в какой-то викторине.

26 мая, воскресенье. Сто километров туда, сто километров обратно, лопата, грабли, потом уже в Москве душ, бритье, и умный, вальяжный, сановный, все знающий, по каждому вопросу имеющий свое мнение, — я уже у Полякова.

Вот здесь вопрос: почему я до сих пор хватаюсь почти за все, не отказываюсь от многих телевизионных и радиоинтервью? Боюсь, я уже столько наговорил, что надо крепче демонстрировать якобы свои силы и якобы свои связи. Их у меня нет. Мое имя не соединено ни с какими тусовками, беззащитное.

Викторина происходила в ресторане "Дон-Кихот" на Петровском бульваре, в здании "Энциклопедии". Видимо, все государственные учреждения выживают нынче одинаково. Вначале, когда я пришел, у меня возникла легкая паника. Как всегда, в своей вечной спешке я не делаю никаких заготовок, полагаясь на свою ловкость, а на этот раз Поляков попросил меня, чтобы я задал пару вопросов. Я ведь не цитатчик, мне трудно будет вспомнить какие-либо имена или литературные даты — основной хлеб викторилиста. Но потом я пошел в какую-то относительно тихую комнату, где переодевалась девица и кормили осветителей и шоферов, сосисками и быстренько набросал для себя пяток вопросов, которые и мне показались занятными. В передаче, в конечном счете, я скомпоновал два вопроса об осведомителях, когда открылись архивы охранки. "Какие профессии держали здесь лидерство?" Литераторы, журналисты и актеры. Второй вопрос был повеселее — сначала пассаж о неграмотности нашего правительства, а потом: "Какое произведение русского классика должны были в школе, институте или, как вольные читатели, прочесть наши правители, чтобы у них навсегда отпало желание лезть в Чечню?" — "Хаджи-Мурат".

29 мая, среда. Вчера в "Труде" появилась моя маленькая заметочка о Чечне. Честно говоря, мне показалось, что она появиться бы и не должна, потому что чеченский вопрос сделал в тот день еще один виток. За несколько дней до этого наше

правительство договорилось с Яндарбиевым, и он должен был прилететь в Москву на переговоры с Ельциным. Я хотел бы посмотреть, как любой русский царь принял так мятежника. Тем не менее встреча состоялась. Определенно, наши парни шапки зря не носят. Оставили Яндарбиева на день в Москве как почетного гостя, считай заложника, а тем временем Ельцин совершил свой опереточный наезд в Чечню. Побывал в приграничном к Грозному селе, а основное время провел в военном городке, где и пообедал. В тот же день вернулся в Москву. И вот, в силу этой-то поездки, которая меняла пропагандистскую расстановку сил, я полагал, что мой текст не появится. Вот они в компании президента Северной Осетии Ахсарбека Галазова, Александра Шохина, Василия Лихачева (зам. председателя Совета Федерации), Александра Лебедя.

"Ректор Литературного института Сергей Есин: — Я хотел бы, чтобы все случилось так, как говорит и верит наш президент. Переговорили, подписали и — война окончена. Но устранены ли причины? Перестали ли виться большие деньги вокруг Чечни? Устранены ли противоречия между национальными элитами и московской экономикой? Забыли ли мы Буденновск — нашу национальную травму? Российские войска уже много раз по приказу сверху давали тайм-аут, как мы говорили еще совсем недавно, "бандитским формированиям", а потом все начиналось сначала. Что радикального есть в новой договоренности? Почему нельзя было прекратить эту войну раньше? Впрочем, в этом благородном процессе замирения я все же очень надеюсь и на выпускника Высших литературных курсов при Литературном институте Зелимхана Яндарбиева. Он у нас в институте хорошо узнал русскую литературу, являющуюся отражением русского национального характера — мощи, великодушия и терпимости. Но терпимость и терпение — это разные слова одного корня.

Война окончилась? Покончено ли с войной?"

30 мая, четверг. Основным событием дня, конечно, был день рождения Геннадия Васильевича Будникова. Я прихватил с собою Сережу и Стенфорда — оба должны посмотреть редчайший московский интерьер с антиквариатом, портретами на стенах, с музейной мебелью. Да и стол у ребят не подкачал, все было по высшей марке, без жлобства. По своему вечному отсутствию памяти запомнить, кто был, я не смог. Справа от меня сидел замминистра печати Аркадий (вставлю имена потом), человек еще старой партийной закалки, не афиширующий своих пристрастий, но явно не без коммунистических настроений. Два молодых банкира, один из них бывший мимошник с двумя иностранными языками. Бывший генерал, помощник министра и

завкафедрой в землеустроительной академии, бывший соратник и друг Янаева. Всем было хорошо, и все о Гене говорили искренне.

31 мая, пятница. Встал около пяти утра и повез Валентину Сергеевну к Дому кино — она все же решила лететь в Сочи на несколько дней. Еще два дня назад, во вторник, диализ у нее прошел плохо, приехала домой с каким-то колотуном, ее трясло, звонила мне на работу, меня вызывали с заседания кафедры, и тогда же она прокричала мне в трубку, что никуда не поедет. Но, впрочем, я и тогда уже знал, что она сто раз может все перерешить. А звонила даже не для того, чтобы я все бросил и срочно приехал, потому что знала, что приехать я не могу, а чтобы прокричать кому-нибудь свои болести.

Во вторник была итоговая кафедра. Я сделал много замечаний по защитам дипломных работ, их низком уровне, работы иногда не читаются мастерами, нет предварительных обсуждений. Кажется, я только-только начинаю понимать, что значит вести кафедру. Но и наши вконец уставшие мастера тоже хороши. К началу следующего года обязательно возьму в институт кого-нибудь из молодежи.

Кстати, из дипломной работы: "Даже крысы в общаге имеют задумчивый вид — И писали б стихи, но они не имеют бумаги". Галина Топаева.

Писал ли я, что две недели назад сначала Эмилия Алексеевна, а потом и Липатов прочитали "Гувернера"? Я успокоился, потому что в лукавство и недобросовестность Липатова поверить не могу — прям как ломовой конь. Печатать будут в девятом номере. Оба сказали: совершенно новая для меня работа и совершенно по-новому решенные образы. Началась обычная гонка. Сегодня еще только конец мая, а я уже живу осенью. Боже мой, как для меня дорог этот период с конца мая по 21 июня — жизнь, день все повышается, и здесь я бессмертен, а потом сразу лето вроде уже и закончилось, осень и надо дожить год, чтобы, дай бог, выйти на новый.

2 июня, воскресенье. В субботу с С.П. и Стенфордом ездили на дачу. Я полюбил эти уикэнды, во время которых лишь садовая, очень подтягивающая меня работа, и разговоры по-английски. Стенфорд бьется с моей памятью, но результаты более чем скромные.

Успокоившись за "Гувернера", я вдруг сразу переключился на раздумья о книжке о Ленине и по поводу своих собранных цитат — литературоведение. Последнее я смог бы сделать между делом, но надо разобрать цитаты.

Получаются две интересные модели для написания романа о В.И. Ленине: один вариант — с точки зрения самого Владимира

Ильича, оправдать этот ход — пара пустяков; второй — с точки зрения Надежды Константиновны. Параллельные мемуары, тем более известно, что Сталин в мемуары Крупской очень вмешивался. Если даже я повторю книгу Крупской, то все равно лучшего чтения для нашего читателя подобрать будет трудно. Мне останется только пофантазировать, прорезать все подсознанием, тем, что бурлило и часто вело и не помещалось в рациональное. В революции было много евреев. У них-то у каждого были свои мотивы.

Ельцинская кампания продолжается с предельным бесстыдством. В передергивании карт соревнуются все персонажи. Сегодня вдруг стал рассуждать у Киселева о Новочеркасске Лебедь, днем Лимонов говорил о том, что коммунистов не надо допускать ни до какой руководящей службы. Попробовал бы он возиться с канализацией, бюджетом, крышами, протечками, вечной нехваткой денег, амбициями преподавателей, идиотизмом налогов. Здесь кишка тонка, рассуждать проще. Как я и предполагал, в Чечне ничего не остановилось, опять русские танки, сожгли БТР, нужны честные решительные действия против боевиков. Чечню надо заставить определиться.

Возникла идея книги "Власть культуры", надо попробовать бы собрать статьи. Не забыть бы!

Завтра надо разбираться с кражей досок. Видимо, Валера Осинский к этому причастен, и госэкзамены, как заноза в голове, сидят, еще и Лебедев, этот конфликт надо ликвидировать. Тем более что я не хочу ухода его из института, готов отдать читать ему все курсы, но и оставлять заведующим кафедры тоже не желаю. Пьющий человек всегда слаб.

4 июня, вторник. В понедельник стало известно, что с "европейским лоском" — выражение телевидения, "элегантный" Собчак проиграл выборы на должность ленинградского мэра. В этом я вижу некоторый перст судьбы, хотя трудно предугадать, чем это отзовется или как это можно экстраполировать на президентские выборы. Не верю я в коллективный разум народа, не верю я в его сообразительность, но в месть судьбы верю.

Это все вдогонку — то, что я не записал раньше.

И еще — в Чечне, естественно, никакого замирения. Опять сожгли БТР, опять взяли каких-то заложников, пятичасовая прогулка нашего президента по военному городку в Грозном — лишь предвыборный трюк. Старый человек за свои властолюбивые амбиции платит молодой и горячей кровью соотечественников. Уверен только в одном, кровь эта отольется на его внуках, на его выморочном роде.

Каждое утро во время тридцатиминутной поездки в институт

я разговариваю со своим шофером Федей. Федя по утрам еще убирает, как дворник, территорию возле дома брата, где он живет. Это где-то рядом с Ленинским проспектом. Он говорит, что нет ни одного дня, чтобы на своем участке он не видел какой-нибудь вскрытой, искореженной машины или не услышал, что чье-то авто угнали. "Власть очень ослабла в смысле борьбы с криминальными структурами", — это его заявление. Сегодняшнее Федино сообщение: "На Ленинском вчера стреляли из автоматов. Целыми очередями, вы не слышали?".

В институте идут государственные экзамены. Отвечают очень неровно. Хитроумный Виталик Амутных получил трояк. Владимир Павлович спрашивает студиозусов разные мелочи. Я уже устал от пафоса, и пафос этот кажется мне почти смешным.

Вечером был вместе с Сергеем Петровичем и Стенфордом на концерте ансамбля Игоря Моисеева в концертном зале "Россия". Это все старые, любимые и много раз виденные мною прежде номера. Не могу сказать, что скучно и без обычного блеска, но смотрится все это как бы под другим углом зрения. Я понял, что раньше этот ковер плясок существовал на фоне нашей общей народной жизни, где молдавские и грузинские танцы были танцами и этнографией нашей общей великой родины. Сейчас последние общеполитические события нас лишили этой народной жизни, и все помертвело, сломалось, потеряло первоначальный смысл. Глядя на какой-нибудь молдавский танец, я думаю о Великой Румынии, снятом с пьедестала бюсте Пушкина в центре Кишинева и неистовой русофобии, ненависти к русским, которые внедряются сегодня в сознание людей в этой стране.

Самое, конечно, удивительное — это огромная танцевальная сцена в конце спектакля: еврейская свадьба. Здесь много выдумки, много любви, нежности к, видимо, с детства запомнившимся картинам быта. Неизменная Хава Нагила, которой весь зал дружно стал подпевать. Все очень мило. Начиналось с русской дореволюционной кадрили — закончилось еврейской обаятельной свадьбой.

В связи с этим вспомнил свое удивление, когда в начале перестройки многие деятели искусства стали открывать тайну своего рождения, ранее тщательно скрываемую: во время совместной передачи по радио Миша Казаков, позже уехавший в Израиль, признался в верности своим родителям, потом всегда и вечно русский Лев Аннинский начал подавать сигналы о своем еврейском родстве, знаменитый учащийся кулинарного техникума нескромно принялся демонстрировать комсомольский билет, в котором была обозначена его национальность — осетин. Сейчас Хазанов имеет двойное гражданство. Велика Россия, а

убегать или уезжать в эмиграцию некуда.

8 июня, суббота. Чеченские события, как я и предполагал, продолжают немирно развиваться. Все действия правительства и Ельцина — это лишь предвыборные маневры. Я полагаю, и Ельцин, и это самое правительство в плену иных сил и, ничего, не рискуя всем, сделать не могут.

В четверг после ученого совета, прошедшего на этот раз как никогда мирно, ко мне зашел Вахид Итоев, представившийся нашим выпускником. Он из Чечни, сейчас в эмиграции в Москве, печатается в "Правде" и, как говорит, в свое время возглавил оппозицию по отношению к покойному Дудаеву. По сути, не сказал ничего нового, но ощущение подлинности и очевидца на меня подействовали. Все происходит из-за нефти. На нефтеперерабатывающий завод в Грозный поступает 6–7 тысяч тонн своей нефти и 25 тысяч из Башкирии и Татарии. Здесь вырабатывается почти 100 % всех авиационных масел. Дальше выписываю фразы, которые осторожно записал во время этой беседы: "Нет двух более похожих, чем чеченцы и русские, народов". "Вся нефть продавалась. Чеченцы скупили сейчас на эти деньги пол-Стамбула и все турецкое морское побережье и хохочут, глядя на то, что происходит в России". "Вначале Дудаев брал 25 %, а 75 % отсылал в Москву. Но когда он потребовал сначала 50, а потом75 % выручки для себя, началась война". "Чечня — это огромная черная дыра, куда слетались все наркотики мира, и отсюда распространялись. В Чечне было шесть или семь лабораторий наркотиков, причем несколько было расположено в шахтах стратегических ракет". "В Грозном погибли около 17 тысяч русских и чеченских детей…"

12 июня, среда. Вчера появилось мое огромное, чуть ли не на полосу, интервью в "Правде". Я рад, что обозначил позиции, утерпел и не лизнул. Впрочем, может быть, если бы позвали, и лизнул? Сережа Мартынов сказал, что в этом интервью я не отдал себя взаймы коммунистам. И тем не менее передержки в статье есть, я собою не совсем доволен.

Во вторник день прошел, как у заведенного. Утром госэкзамены, заочники, как всегда, отвечали лучше. Так получилось, что русскую литературу XIX века принимал только один Анатолий Сергеевич Демин, а он не забойщик. Пришлось снимать Минералова с курсового экзамена по литературе XVIII века, переносить этот экзамен на четыре часа позже, сажать Минералова на госы и садиться самому. К моей радости, и XVIII век ребята тоже знают. Минералов заполнил все лакуны, которые оставил после себя словоохотливый Лебедев. К моему удивлению, и я сам довольно хорошо "наблатыкался", а главное, помню

университетский курс и задаю вопросы как заправский профессор.

После обеда ездил на ТВ, где что-то говорил в передаче Вани Панкеева. Ваня ловок, и я ему по-своему благодарен.

Вечером пришлось вести конференцию по писателям СНГ в библиотеке Некрасова, это рядом, и долго говорил с Ильей Шапиро.

Сегодня ходили со Стенфордом на выставку "Сокровища Трои", находки Шлимана. Выставка, как я и ожидал, не произвела на меня никакого впечатления, значительно интереснее выставленное в боковых двух зальчиках греческое и римское искусство. Эти экспонаты за жизнь я видел уже много раз, но все это интересно и глубоко. Золото на меня не производит впечатления. При выходе лежали небольшие бланки и просьбы — напишите отзыв. Я написал: "не отдавайте".

Значительно интереснее другая выставка, развернутая в музее имени Пушкина. "Москва — Берлин". Масса любопытнейших экспонатов и произведений искусств из других музеев — здравствуйте! — архитектурные проекты, даже киноленты "Броненосец "Потемкин", посмотрел знаменитую "Лестницу"), много экспонатов и с немецкой стороны, все это рассматриваешь с любопытством. Плохо, что устроители выставки во что бы то ни стало стремятся доказать, что фашистский режим и наш, советский, — это совсем одно и то же. Нет, это не так.

На обратном пути, шли к Кропоткинской, встретили огромные толпы людей, идущих к Васильевскому спуску, где сегодня состоится концерт-митинг (подобные словосочетания — изобретение наших дней, которыми стараются все оправдать). Опытный взгляд сразу же выделил кучки людей, видимо, связанных какой-то рабочей общностью: служащие из контор и банков — и сразу вспомнил старые разнарядки на демонстрации.

По телевидению неслыханные клекоты в пользу Ельцина. Выглядит он, конечно, кормленее, сытнее и вальяжнее других кандидатов. Боже мой, что же будет дальше?

В Чечне по-прежнему не мирно. В Москве в метро взорвали мину, есть жертвы. Лужков и Ельцин пытаются это столкнуть на коммунистов.

13 июня, четверг. Утром все решилось у врача. После нескольких часов исследований я получил отсрочку. Лишь только язва желудка. Господи, как хочется закончить жизнь без страданий, на лету, и не создавать трудности своим близким. Хочется стать депутатом, министром только из-за одного: похоронят на общественный счет.

Сегодня состоялась защита двух студентов-заочников: Саши Малюгина, которого я выпускаю, и Саши Скоробогатова, на него пишу только рецензию. От обоих ощущение законченности профессиональных навыков. Особенно хорош Малюгин, его суховатые, с эстетикой кактуса конструкции меня, не умеющего делать такое, радуют.

Вечером проводил совещание: из общежития украли 4 кубометра полового бруса. С участием или с молчаливым согласием Валеры Осинского — сам герой вертелся, не по-мужски лил грязь на Сережу Лыгарева, начальника охраны. После совещания ощущение съеденой мухи, бурчит в животе до сих пор.

Позже смотрел телевизор. Политика — это жизнь без этики. Особенно хорошо и артистично врет Ельцин. Ему не скучно. Такой удивительной, беспринципной лжи я не видел при коммунистах, ни при Сталине, ни при Хрущеве, ни при Горбачеве. Ощущение, что Ельцин не из этого народа. Интервью у Ельцина на какой-то поляночке брал совершенно морально разнагишенный Эльдар Рязанов, степень его холуйства и заискивания фантастическая, это при том, что он стремится быть даже развязным, дескать, два старика разговаривают про жизнь друг с другом. Поразила трехпалая ельцинская левая рука.

14 июня, пятница. Чего же здесь скрывать, что все сейчас живут выборами? Это не только выборы главы государства, каждый еще и совершает некий собственный мистический суд. Я еле сдерживаюсь, чтобы на дню по нескольку раз не ввязываться в политические споры. Например, вечером, когда я уходил из института, в столовой встретил Гришу, своего бывшего ученика. Он как коммерсант, конечно, за Ельцина. Гришу поддерживает Володя, бармен. Гришу еще очень интересует продажа земли. Вот этого ему, оказывается, только и недостает для счастливой жизни. Вот если бы продавали землю… Здесь он видит огромные возможности для обогащения государства. Мои резоны, что надо сначала заставить действовать законы, создать возможности, чтобы органы правопорядка могли защитить твою собственность, на это нужны годы и годы, а уж потом об этом можно говорить. Но чего Гриша-то, горожанин, так беспокоится и волнуется по поводу земли? Все хотят продавать, покупать, но не созидать.

Сегодня утром получил поразительное письмо. Во-первых, оно отпечатано на компьютере, помещено в конверт с окошечком, в которое просвечивает отпечатанный на компьютере же адрес. Письмо составлено как сугубо личное и выглядит как сугубо личное. Я не могу утерпеть и перепечатываю:

"Здравствуйте, уважаемые Сергей Николаевич и Валентина Сергеевна!

Я решил написать Вам письмо, потому что мне важно поделиться своими мыслями с Вами — людьми, которые испытали жизнь.

Я родился и вырос в Замоскворечье. Большую часть жизни посвятил своему родному городу.

Мы с Вами знаем, что российский человек всегда доверял власти. (Вот тут у меня возникло далеко не первое уже сомнение относительно этого письма. Первая мысль, как у человека, знакомого с аппаратными играми: кто писал, кто готовил, кому принадлежит эта светлая идея? Ведь письмо это проходило не через одни руки, шлифуясь и оттачиваясь. Кто-то даже за его текст получил гонорар или даже премию. И какой в принципе дешевый, популистский ход. Я уже не говорю, сколько все это стоит в рамках целого города, потому что, как я понял по почтовому ящику соседей, по крайней мере в нашем районе письмо распространялось широко.) *Он был уверен, что в трудную минуту она его не бросит, хоть что-то, но даст. Хоть как-то, но поможет. Хоть плохо, но защитит. В нашем отношении к власти есть что-то сыновнее, родственное, что, кстати, позволяет выносить тяжкие испытания.* (И вот здесь я подумал: как важны для точки зрения координаты отсчета. Сытое и властное место, вид из правительственной ложи или с галерки.) *И я задаю вопрос: имеет ли государство право на крутом повороте бросать людей на произвол судьбы?*

Нет! Вся моя работа направлена на то, чтобы доказать, что городская власть верна Вам.

В это непростое время в Москве введен бесплатный проезд для пенсионеров, выплачиваются регулярно пенсии, одиноким и нетрудоспособным пенсионерам помогают на дому, выдаются бесплатные санаторные путевки для инвалидов, предоставляются отдельные квартиры ветеранам. (Здесь тоже хочется привести маленький комментарий. Пользуетесь-то вы, голубчик Лужков, капиталист и убежденный сторонник капитализма, социальной аргументацией из арсенала коммунистической пропаганды.) *В Москве — самая высокая пенсия по стране, и она будет еще выше.* (И это естественно, потому что в Москве вращается около 80 % всех денег России, и Москва город очень богатый, и возможности московского мэра и правительства неизмеримо больше, чем возможности любого другого города).

За четыре года мы не только удержали Москву от многих бед, но и приумножили ее. Мы сохранили ее лицо, умыли, начали реконструировать и отстраивать. Мне часто приходится идти на конфликт с правительством России, отстаивать интересы Москвы, но несмотря на это, все мои идеи находят душевную

(Хорош эпитет, как долго его, наверное, искали. Не только о собственной поддержке избирателями позаботился мэр, но еще и перед президентом выслужился, еще раз откозырял и продемонстрировал свою лояльность) *и полную поддержку Президента Бориса Николаевича Ельцина*.

Но сейчас я беспокоюсь, что страна не переживет новых потрясений и переделов после смены власти, еще одной диктатуры. (Когда страну трясли, чтобы получить власть, страна все могла пережить, а вот теперь она совсем расшаталась и управлять ею, следовательно, должны одни и те же люди?) *Современный город не приспособлен для революций. В городе работы очень много, можно сказать, непочатый край.*

Я буду благодарен, если на выборах мэра города Вы поддержите мою кандидатуру. Это будет означать, что Вы лично оценили мой труд. Но я буду вдвойне благодарен Вам, если Вы, (некий компьютерный пропуск, а затем выделенные разрядкой, как и в самом начале, имена), *Сергей Николаевич и Валентина Сергеевна, поддержите Президента России Бориса Николаевича Ельцина. Этот выбор — единственно верный путь для России. В этом я твердо убежден.*

Желаю Вам и Вашим родным всего доброго. Пусть все мы будем жить в благополучной и процветающей России.

Искренне Ваш,

мэр Москвы

Юрий Лужков".

Ах, прелесть компьютерных дописок! Уже через несколько дней через работающую у нас в институте и живущую в одном доме со мною Надю Годенко узнал, что она тоже получила письмо от мэра. Это уже была заготовка на мать-одиночку. Неплохо. Какая же борьба идет за каждый голос избирателя, как же всем хочется во власть. Впрочем, через несколько месяцев заканчивается и у меня срок моего избрания. Посмотрим, как в этом случае поведу себя я.

В институте сегодня занимался крышей. Препирался с невероятно пройдошистым Андреем Ореховым по этому поводу. Организовываю хитрую мену: я ему вход с Тверской, который когда-то был по проекту в доме, и, кстати, помещался в доме банк, а он мне — ремонт крыши над всем зданием. Все у нас проносилось. Дом давно требует капитального ремонта, прогнили стропила, рушатся своды в подвалах. Крышу пока оценили миллионов в триста. Андрей жмется, я его понимаю, дорого. Если бы не лето, которое когда-нибудь закончится, то я бы его пересидел, а тут приходится выходить с инициативами.

Заканчиваю читать верстку "Гувернера" для "Юности". В этом

романе единственный персонаж, который мне нравится — автор, очень не глуп. Боюсь, что начинаю понимать Пушкина: "Ай да Пушкин, ай да сукин сын!"

17 июня, понедельник. Вчера состоялись выборы. Ехал с дачи, по дороге два раза спустило колесо. К счастью, во второй раз на повороте к Балабанову. А здесь как раз небольшой пункт по вулканизации и перемонтировке колес. Невольно хорошо подумал о новом времени, раньше бы мне куковать, таких лавчонок в то время не было. Кстати, в этой лавочке командует молодой, еще нет тридцати, парень: отец — академик из Обнинска, мать закончила иняз, работает по переводной информатике, брат — выпускник физтеха. Если меня не дурит, то любопытно для времени. Но парень какой-то приблатненный.

Первые результаты выборов под ликование комментаторов оказались неутешительными для Зюганова. Атмосфера на экране в связи с этим мерзостная. Все стараются ущипнуть, съязвить, пнуть противника. Главный козырь — коммуняки, и вот раньше были лагеря и не было колбасы. Нынче и без лагерей мрут больше, чем в лагерях. К утру выяснилось общее соотношение 35 — 32 в пользу Ельцина. Боже мой, это при том, что ты уже у власти, что на тебя брошена вся государственная пропагандистская машина и любой, от Киселева до Рязанова, торопится послужить памперсом для сановного президентского зада. Какой ничтожный результат!

Неожиданно для всех третьим вырвался Лебедь — около 17 процентов. Этот генеральский сапог, о котором я и раньше говорил Валентине, когда она, восторженная, приехала из Приднестровья, раздулся сразу же неимоверно. Все говорят о том, что, дескать, он передаст свои голоса… Не та страна, чтобы что-то можно было передать. Мы сами с усами. Прелестную подробность, со слов, сообщила "Свобода": предвыборную кампанию Лебедя финансирует Чубайс. Не удивлюсь, если Лебедь — это один из иезуитских планов Ельцина. Для себя по-прежнему связываю Лебедя с путчем 91-го и расстрелом Белого дома в 93-м. Если бы и народ об этом вспомнил.

Странное чувство возникло после этого вечернего смотрения телевидения. Будто труба слива — так иногда видно, как в реку падает вал грязной воды из такой трубы — поливала тебя несколько часов подряд. Брезгливое ощущение нездоровой кожи и грязи во рту. Дал себе вроде слово не лезть в политику.

Весь день в институте нервничал из-за хозяйственных дел: телефоны, аренды, ремонты. А осенью профессора и преподаватели придут, а все, как и было встарь.

Вечером в "Культуре" нашел небольшую заметочку: "Стал

известен список претендентов на получение литературной премии имени Льва Толстого за 1996 год. Жюри литературной премии имени Льва Толстого обсудило список кандидатов на получение этой престижной награды. В числе претендентов значатся имена известных писателей: Михаила Алексеева, Анатолия Ананьева, Виктора Астафьева, Дмитрия Балашова, Андрея Битова, Владимира Богомолова, Сергея Залыгина, Сергея Есина, Станислава Куняева, Виктора Лихоносова, Сергея Михалкова, Евгения Носова, Владимира Солоухина и Анатолия Ткаченко…?" Конъюнктура, генеральские претензии, былое встретились с действующей литературой. Чрезвычайно интересно, как этот ребус будет решен. Впрочем, мне почти безразлично. Усилия надо прикладывать к новой вещи. Ленин у меня почти уже крутится.

18 июня, вторник. Я хотел начать эту запись дневника с мысли, которую я обдумывал с утра. Это — политическое самоубийство генерала Лебедя. Сегодня утром передали, что генерал, сделавший феноменальную политическую карьеру за год после отставки и набравший на выборах президента 17 % голосов, вдруг согласился на место председателя Совета безопасности и помощника президента по национальной безопасности. Расчет Ельцина чрезвычайно прост: на ближайших выборах он получит голоса избирателей Лебедя и сильную фигуру, готовую на все при возможных народных волнениях. Ясно только одно — голосов-то Ельцин не получит. Народ за последнее время поумнел, и его не так легко будет провести. Генерал продался за конфетку. Впрочем, во всей этой игре с новыми куклами я вижу признаки приближающейся диктатуры. Спаси и сохрани нас Господь.

Умер Сергей Сергеевич Иванов, брат Валентины Сергеевны. Читал книгу и захрапел. Несколько дней назад он вместе с женой Машей переехал в новую квартиру, практически дети оттеснили их в однокомнатную из привычной трехкомнатной. Можно только смутно представить, что он чувствовал. История его сына Сергея и новой невестки заслуживает отдельного описания. Поездки в качестве челноков в Турцию и Польшу, какая-то палатка в Петровско-

Разумовском, потеря навыков и интересов интеллигентной семьи. Все это — если не трагедия, то знак времени.

Днем сегодня приходил Валера, мой племянник. Ему не платят зарплату с 14 апреля, практически они голодают, Валера занимается извозом, красит кому-нибудь колеса, моет машины. Возил какой-то даме продукты в забегаловку, где она торговала. Но дама прогорела, предварительно купив себе роскошную машину. Двое детей, больная неработающая жена. Бедный

подполковник российской армии.

Сегодня написал характеристики на весь свой курс, а потом договорился устроить небольшой вечер для выпускников.

Боже мой, какая грустная жизнь. Суечусь, суечусь, а смерть рядом. Сидит, косая, на табуретке, читает книжку, в которую внесено и мое имя. На какой странице? Самое трагичное в моем положении, что мне в этой гонке за справедливостью и некоторой литературной незабывчивостью надо рассчитывать только на свои силы, все постараться дописать и вчерне закончить, потому что я не оставляю после себя заинтересованных лиц.

20 июня, четверг. Сегодня вручали дипломы очному отделению. Получилось довольно нарядно. К случаю в Москву приехали Игорь Черницкий и Коля Романов, проездом на праздник в Брест. На празднике будет Ельцин. Дня через два Зюганов в Думе станет, наверное, рассказывать — когда Ельцин сказал о Победе, вся площадь, как один, принялась скандировать: "Да здравствует, Советский Союз!". Я тут же пригласил ребят выступить у нас в институте перед началом торжественного акта. Игорь прочитал два текста Пушкина: "Что в имени тебе моем", а после "Скребницей чистил он коня…?". Я заметил, что к стихам студенты Литинститута прислушивались, как к текстам, не очень известным, но с большим интересом. После торжественной части мне Альберт Сергин, наш директор столовой, поставил бесплатно закуску, а арендатор, Илья Шапиро, как спонсор, доставил выпивку. Впервые студенты меня за что-то поблагодарили. Надо сказать также, что с этим потоком институт заканчивали две кореянки. Девчата принесли розы. Не забуду никогда в жизни.

21 июня, пятница. Все утро писал о перевороте, о Лебеде, об изъятии русского окружения Ельцина — Коржакове, Барсукове, Грачеве, — об его проигранном первом туре, а потом какой-то сбой в компьютере, и все полетело.

Ничего не пишется, волнения за институт. Вчера вроде бы договорился с Ореховым относительно ремонта крыши. Завтра похороны Сергея Сергеевича Иванова.

22 июня, суббота. День тяжелейший. Уже вечером, когда я вернулся домой, сил ехать на дачу не было. А ведь чего делал-то: только разговаривал да говорил. Минут сорок пришлось полежать на кровати, прежде чем идти в гараж за машиной, собирать вещи. Кстати, впервые выехали с Валентиной Сергеевной: ровно год, с тех пор как она легла в больницу прошлым летом, она на даче не была. Вывез подышать.

Утром ездили в морг, где-то в районе Октябрьского поля, в нескольких остановках на автобусе от больницы В.С. В одном преимущество настоящего времени над прошлым: с покойниками

возни стало, видимо, меньше. Бизнес это прибыльный, везде понаделали при моргах ритуальные залы. Мрамор, мало света, медные светильники, тихие голоса. Все, как говорится, для занятого сегодняшнего человека, облегчить его многоделовую жизнь. Мне ведь тоже из морга — переодеться дома и ехать в Думу. От вечного — к политике.

Сергей Сергеевич лежал, как никогда, благостный, тихий и даже, может быть, помолодевший. Поговорили с родными. Увидел, наконец, легендарную Клавдию, невестка, новая жена сына Сергея Сергеевича и племянница В.С. Худая, вполне современная женщина с еле сдерживаемым внутренним темпераментом, внутри у нее, наверное, все клокочет. Накануне Сергей Сергеевич хорошо выпил. Все новое: новый район, первый этаж, нет телефона. Зато вроде бы переспектива для молодых. Внук Дима на похороны прийти не смог, он работает где-то грузчиком, может быть, приедет в крематорий в Митино. Вспомнил "Обмен" Трифонова. Новая, сегодняшняя ситуация и прежняя. Руки зачесались сесть за письменный стол и сделать что-нибудь в прежнем жанре.

В Думу приехал по наводке Валеры Тарасова. Я доверенное лицо Зюганова. Коммунисты, конечно, меня, как всегда, обманут, но неприятие мое нынешнего режима слишком уж велико. Снимали клипы, которые пойдут по ТВ в отпущенное по закону для кандидата в президенты время. Само выступление не столь важно, я постарался сделать его в несколько ироничном виде. Первый дубль был лучше, емче, острее. Суть выступления — мы не знаем ни программы одного, ни программы другого, давайте будем выбирать по этике, по делам.

Самое интересное во всем — это обстановка в комитете Думы по культуре. Сидели в кабинете у Губенко. Снимали в кабинете Говорухина, временно превращенном в студию. В кабинете Губенко сидели Руцкой, с которым прежде я не был знаком, и Жанна Болотова. Атмосфера довольно пессимистическая, я больше слушал, нежели говорил. Общее впечатление нехорошее. Люди привыкли к своему положению, хотелось бы, чтобы Зюганов победил, но мы все равно в Думе не пропадем. Все признавались, что считают положение Зюганова во втором туре безнадежным. Люди усталые и равнодушные. Понравился мне только адвокат компартии Иванов, он тоже был в кабинете Губенко. У Руцкого навыки полковника: рас-счи-тайсь! Я никогда не смогу простить ему поведение на Верховном Совете РСФСР и развала компартии. Теперь он спохватился. Я все время старался дистанцироваться от этой публики. Даже не остался в комнате, когда зашел Зюганов. Сидел в приемной, читал "Дейли-коммерсант". И Руцкой, и

Зюганов, уходя, нашли меня и пожали руку. Зюганов показался мне человеком, борющимся со своим страхом и не очень решительным.

29 июня, суббота. К дневнику почти остыл, но это всегда бывает или когда захлестывает жизнь, или когда наступает апатия. Я бы сказал, мой случай совмещает и то, и другое. Жуткий политический непроходняк. Я невольно вспомнил слова Ленина из "Государства и революции" о так называемых демократических выборах: все возможности на стороне власти. Надо бы найти цитату и позже ее впечатать. Удивительный информационный террор всех патриотических сил, т. е. сил, которые не на стороне Ельцина. Впрочем, несмотря ни на что, уже несколько дней меня гоняют по всем радиостанциям. Я имею в виду выступление, записанное в Думе. Было, как и в случае моей последней публикации, много звонков. Всех особенно взволновало сравнение Ельцина и Лужкова. Моей телевизионной записи пока в эфире нет, я очень боюсь, что ее двинут перед самыми выборами. Ельцин, конечно, выиграет, и головы мне не сносить.

В институте довольно спокойно провел последний ученый совет. Как ни странно, атмосфера поменялась, когда встал вопрос, что я реально могу повернуться и уйти, хлопнув дверью. Вдруг все как-то поняли, что станет просто хуже и не исключено, что многие потеряют работу. Положение действительно в институте отчаянное. Правительство еще не перевело денег на стипендию и зарплату ни за апрель, ни за май, нет, естественно, и отпускных.

Каким-то образом мне удалось выплатить стипендию студентам и аспирантам. Удастся ли набрать денег на отпускные? Вчера звонил в казначейство: если в понедельник не получу деньги, дам телеграмму президенту. Орехов привез из Новгорода безрадостное известие: банк отказался финансировать нашу крышу. Вчера, как назло, весь день лил дождь. Возможность получить деньги одна: вернуться в зарплате к ставкам, реально финансируемым правительством. Они подчас в семь-восемь раз ниже того, что мы выплачиваем. Это дворники, уборщицы, слесари. Преподаватели и профессура получают в три-четыре раза больше, чем им выделяет бюджет, многие об этом и не догадываются. И еще удивительный сюжет: объем моей работы неизмеримо вырос за эти четыре года — раньше в институте не было аренд, гостиницы, компьютерного цеха, платных иностранных студентов, издательства, курсов иностранного языка, лицея, подготовительных курсов, экспериментального театра, книжной лавки.

Стенфорд вчера водил нас с Валентиной Сергеевной на

"Травиату" в Большой. Пресса об этом спектакле уже пошумела. К сожалению, к границе страсти ни певцы, ни дирижер, ни постановщик не поднялись. Я не принял новшества Васильева "опластичить" увертюру и антракты балетной парой. Это облегчает оперу, в которой достаточно плоских, а иногда и пошлых моментов. Сцены бала похожи на бал в "Евгении Онегине" в постановке Станиславского и на бал в "Анне на шее". Видимо, эти знакомые с детства картины тревожили Васильева.

Вчера же заключил договор с "Армадой" на роман о В.И. Ленине. Гвоздик в мозгах уже сидит.

6 июля, воскресенье. Пишу, вернувшись из Киева.

Уехал туда, воспользовавшись приглашением Черницкого и небольшим институтским делом к киевским властям. У нас учатся очень много ребят с Украины, и я решил разведать, не поможет ли самостийная власть чем-нибудь своему будущему искусству. Закончится все это небольшой проверкой на вшивость. Я почти уверен, что никто и ничем не поможет, и по-прежнему ребята будут кататься за свой счет, а стоимость билетов будет расти и жизнь будет дорожать.

Второе дело, приведшее меня в Киев — это встреча с Борисом Олейником, председателем Украинского фонда культуры. Собственно, это попытка найти спонсора для фильма Игоря Черницкого. Сценарий Игорь написал по моему роману "Затмение Марса", сам бог велел и мне здесь немножко побеспокоиться. Олейник мне не отказал, обещал подыскать спонсора, но я буду еще писать ему письмо. Из того, что может быть интересно: его распря с Украинским союзом писателей. Он сказал, чтобы я написал письмо еще и Мушкетику, я сказал, что писать не буду. Он сказал, что в ссоре со всем самостийным писательским союзом. Его рассказ, как он только что в Страсбурге говорил о выборах в России. Как бы вы, дорогие европейцы, посмотрели, если бы в вашу страну приехали семь президентов и заявили, что дальнейшую дружбу с вашей страной не видят, если победит на выборах действующий президент. В связи с этой олейниковской инвективой я вспоминил, как несколько месяцев назад приехали в Москву, слетелись эти господа из наших бывших республик, и Тер-Петросян пугал всех неизбежными репрессиями и другими ужасами, если победят коммунисты.

Собственно, из-за этих выборов я и уехал. Победа Ельцина казалась неизбежной, мне было не пережить ночи перед телевизором, и как раз вечером 3-го, в среду, я и уехал. О поражении Зюганова я узнал где-то на железнодорожной стоянке. Мужской голос на перроне по-утреннему бодро сказал: победил Ельцин. Сорок процентов, которые получил лидер компартии, это

такой электорат, с которым необходимо считаться. Собственно говоря, это лучший результат, что бы Зюганов делал со своей победой? Страна разорена, промышленность и сельское хозяйство гибнут. Теперь, наверное, все и начнется, ибо правительство не выполнит никаких своих обязательств, денег, чтобы заплатить долги по зарплатам и пенсиям, нет, я боюсь, что мы опять перейдем на революционный путь развития. Тем не менее осенью, когда похолодает и произойдет отрезвление, я жду народных волнений. Обидно, конечно, и за то, что выборы проиграны Зюгановым из-за нерешительности, из-за стремления все раздать и развести строго по своим. Ни одного свежего молодого лица в его окружении.

Перед лицом общего дела и судьбы страны "патриоты" — теперь уже ставлю это слово в кавычки — не смогли объединиться. Нина Андреева никак не смогла поступиться принципами; председатель Союза офицеров Терехов перед самыми выборами затеял перед камерой разборку; Ампилов в свое время не смог промолчать. Впрочем, чего ждать от этого страдающего logorea gradus gravis — недержанием речи. Я помню его замечательные, оснащенные ленинскими цитатами выступления на партийных собраниях Гостелерадио. Ну просто не мог промолчать, сердешный! Наши писатели-почвенники, борцы за всеобщую, как грамотность, нравственность, перед самыми выборами заговорили о неприятии молодежной культуры и о грядущей тотальной борьбе с гомосексуализмом, как будто бы человек виноват, что таким его создал Бог. А в это время на гетеро- и гомодискотеках молодняк плясал в маечках, на которых было любовно написано: "Ельцин — наш президент!". Здесь, конечно, надо вспомнить Клинтона, выигравшего выборы, только пообещав американцам, страдающим гомосексуализмом, службу в армии. Клинтон, наверное, заглянул в энциклопедию и узнал, что каждый десятый мужчина рожден с генетическим дефектом, диктующим эту нездоровую страсть. Наши деятели и политики были последовательны в своей тупой и неколебимой решимости во всем навести порядок. Ни один не поступился принципами! Ни одного не свернуть! Я абсолютно уверен, что всеми ими руководило неизбывное большевистское честолюбие и тщеславие. Как же, господа из телевидения установили свои камеры, наконец-то пришло мое время говорить и поучать! Боже мой, опять обманули, и обманулась страна. Сегодня по телевидению в киселевских "Итогах" какие-то бабы объясняли, почему они голосовали за Ельцина — мы сначала за Лебедя, а когда Лебедь утек к президенту, мы за президента. Кругом одни ублюдки.

Вчера в бане — вернулся в Москву в субботу утром и сразу, с

того же Киевского вокзала, уехал в Обнинск — один работяга, матерясь, рассказывал, что чуть ли не подрался со своим напарником, который голосовал за Ельцина: да что сделал он тебе хорошего? Тут же, в парилке, сидел сын этого работяги, молодой, совершенно литой из мускулов парень лет двадцати двух, на горле коротенькая золотая цепочка. Во время этого разговора парень ушел, отец сказал: стесняется, голосовал за Ельцина. И тут же начал рассказывать, что парень льет бетонные плиты, работа тяжелая, физическая, платят немного, вернее, недоплачивают. Отец приводил цифры, сравнивал деньги, полученные за одну плиту, с продажной ценой. Я подумал, что парень уже никогда не получит высшего образования и сын парня тоже этого образования, скорее всего, не получит. Кстати, в Зюганове нет ни смелости Ельцина, ни его мужского товарного и наглого вида. В конкурсе причесок победила шевелюра Ельцина.

Закончу некоторыми киевскими впечатлениями. Киев, как всегда, прекрасен. Я даже боюсь: не начинаю ли я изменять лучшему городу всей земли — Ленинграду. Коля Романов и Игорь Черницкий — прекрасные экскурсоводы. Они показали мне места в центре, которые я прежде или не видел, или на которые не обращал должного внимания. Не забыть мне теперь тысячелетней липы, археологической тропы с развалинами фундаментов терема Ольги и жертвенника. Я открыл для себя и необыкновенную гражданскую кирпичную архитектуру Киева. Одно необычно: в будний день на Крещатике и в центре столько народа, что можно подумать, будто шествует праздник. В смысле антирусских новаций и демократического прогресса киевляне, как и прежде, впереди планеты всей. Напротив гостиницы "Москва" снесен памятник Ленину и Октябрю. Теперь на этом месте дырка. Снесен памятник Гайдару. На шпиле, венчавшем цирк, который располагается возле вокзала, какой-то умелец выпилил из металлического кольца звезду. Теперь цирк напоминает какой-то аппарат для пеленга вражеской станции. Срубить звезду у стоящего неподалеку огромного шпиля, ознаменовывающего победу в войне, силенок пока не хватило. Еще функционирует памятник Дружбе Народов над киевскими кручами. Все, как и положено, как на панно в московском метро на станции "Киевская": бандурист, русак-работяга и так далее, всех по паре. Одновременно наблюдается, по словам Игоря, полный развал в культуре. Украинское кино уже уничтожено. Ада Роговцева, бывшая звезда Киевской драмы, уже не в театре, потому что у жены главы Администрации Президента жена тоже актриса. Факультет кино и телевидения — расположен в Лавре, и мы зашли туда по дороге, Игорь здесь преподает — в "руинах". Мы

погуляли по зданию, и моему-то опытному взгляду все это видно.

10 июля, среда. Проводил Стенфорда. Он очень привык к русской жизни, провожать его было жалко, и мы все к нему привыкли. Пожалуй, за свою жизнь я еще не встречал более естественного и милого человека, чем этот ирландец. Дай Бог ему счастья. Я простился около пяти часов с ним у таможни, а вечером почти в двенадцать позвонила из Парижа Сара, самолет еще, оказывается, из Москвы не вылетел. А ведь рейс переносили, звонили домой, раза два или даже три. В этот день все пошло кувырком, не было шофера, который должен был привезти Стенфорда в институт, я служил за шофера, поэтому в отпуск, как я предполагал, в среду уйти не удалось. Завтра опять на работу. Меня волнуют крыша и то, что "Русское золото", поселившееся во флигеле, не пересылает арендную плату.

11 июля, четверг. Кажется, я ушел дней на десять в отпуск. Этих отпусков у меня скопилось за несколько лет. Уехал вместе с В.С., она тоже взяла отпуск.

На меня на даче нахлынула какая-то благодать, понял, как долго я ничего не делал руками, как обо всем соскучился. Сделал стеллаж на второй, дворовой террасе. Готовлюсь к большой работе, часть которой, конечно, буду делать в Обнинске. Все к этому времени должно быть под рукой и на месте: книги, вырезки, заготовки. Роман о В.И. Ленине.

Начал одновременно со своей "физической" работой и статью, предваряющую книжку публицистики. Название уже известно — "Власть культуры". Как, оказывается, много можно сделать за день, если тебя все время не подгоняют мелкие бюрократические события. Продвинулась и сразу получила нужную интонацию статья и внезапно, как бы махом, сложилась книжка: статьи по хронологическому принципу, каждую статью или интервью буду предварять цитатой из дневника!

15 июля, понедельник. Накануне весь день был в плохом настроении. Разобрал все свои статьи последних лет, из которых собрался сделать книгу. Все довольно интересно, но масса похожих и скучноватых интервью. Я всегда радовался, когда журналисты быстро и довольно четко делали из наших бесед приличные интервью. Теперь я увидел, как сильно эти интервью отличаются от моих статей. Насколько в статьях все плотнее, мощнее по слову и по мысли. Хорошо, что, повинуясь какому-то наитию, я взял на дачу в Обнинск два тома своих дневниковых записей. Как, оказывается, при соблюдении временной дистанции все это интересно. Над дневниками надо начинать работать и обязательно их печатать, может быть, при жизни. Но, к сожалению, для книжки они не подойдут. Сами куски из них

будут длинноваты, а потом дневники просто жалко портить, превращая их в подсобный материал. В общем, мучился я, мучился, а потом стал продолжать писать статью. Нашел верный тон и даже тему книжки — книга диссидента.

Из телевизора узнал: Чубайс назначен главой Администрации Президента. Держись, Россия! Но как же можно так врать? Еще недавно Ельцин удалил Чубайса из правительства, как одну из самых ненавистных народу фигур. Кажется, еще вчера Чубайс заявлял, что никогда он, свободный человек, не станет участвовать в правительстве. Теперь становятся понятными и суматоха по поводу денег, выносимых из Белого дома Лисовским, и чубайсовская поспешность, и его разглагольствование на волнах каналов.

16 июля, вторник. Вчера вечером вернулся из Обнинска, чтобы везти В.С. на гемодиализ. Правда, утром мне предстояло встретиться с Эмилией Алексеевной по "Гувернеру", побывать в пулатовском союзе, зайти на работу и вечером встретиться с родней у приехавшей из Парижа Татьяны. Две вещи удивительны: во-первых, Эмилии нравится мой роман, она говорит, что читает его с интересом, что я сменил манеру, и она, дескать, торопится домой, где ее ждут недочитанные страницы. По ее мнению, особенно удались мне женские образы. Я начал рассказывать ей о том, как создавался роман, как я ездил на Кипр с Сашей и его родителями и что практически роман сочинен и сконструирован. Из жизни только пейзаж, море, посудина на море, пирамиды, Иерусалим и автобус. Все остальное "сочинено". В процессе этого рассказа я и сам поразился, как много здесь придумок. Столько, что я и сам не ожидал. Я ведь, как и все литераторы, живу под магией материального возникновения прозы. Значит, где-то видел, что-то слышал. И видел, и слышал, но возникает иногда и нечто, чего я не знаю и сам.

Второе, что поразило, это возникновение некоторой правки в пятой, еврейской, главе. Все, что у меня написано, так ничтожно, так мало, а вот и этого малого Липатов боится. Ряд пассажей пришлось убрать, увести в подтекст, почти везде заменить слово "еврей" на некое иносказание. Хорошо, что пока мне удалось отбить пассаж о специфике нашего, родного хазара. Мысль очень простенькая: наш, русский, советский еврей — самый специфический. Ни один еврей в мире не ругает страну, в которой родился и в которой живет. А наш ругает, впрочем, в романе об этом поцветистее и с большими подробностями. Удалось вывести из-под редакторского ножа и строчки об Энштейне-антисионисте. Но бояться еще надо, редакция — существо норовистое, и по старой памяти потихонечку они могут

вынуть из романа все, что захотят. Эмилия Алексеевна призналась, что по телефону ругалась с Липатовым, но он боится Натана Злотникова и еще парочки редакционных. Заодно позлословили об одном из писателей. Есть стиль, есть эпизоды, но ослабла общая воля к вещи, к предмету словесной живописи. Эмилия жестоко произнесла слово "исписался". Я полагаю, что мастера такого калибра исписаться не могут.

Днем был на заседании совета по русской прозе. Я пришел не к самому началу, но то, что Федь говорил, было довольно разумно: о том, что необходимо понять молодежь, о провале лирической поэзии и сокращении драматических приемов. К моменту моего прихода Федь высказал уже свой главный тезис, что русскоязычная литература в принципе портит русскую. Конечно, сказано это было в среде интернационалистов, но ведь действительно неумение колдовать над словом вносит в наше искусство газетчину, стереотипы решений. Все, говорящие на русском, считают, что они им владеют с исчерпывающей полнотой, но ведь это не так. И есть ограниченность в словесной ткани у любого национала, пишущего на русском языке. Все это довольно трудно доказать, довольно легко опровергнуть при помощи демагогии, но я чувствую здесь определенную правоту.

Вечером у Татьяны хорошо подкормились. Она постаралась, и все было вкусно и интересно. Таня меняется не быстро, все так же мила, тонка, серебриста в смехе, но похожего у нас мало, только зов крови. Я люблю свою родню. Всю. Глядя на Николя, я невольно и безо всяких на то оснований думаю: может быть, этот французский, плохо понимающий по-русски мальчик будет продолжателем моего дела. Захватывающе интересно увидеть свое место в будущем, даже как твои до последнего дня собираемые папки для вырезок и бумаг наследнички, высвобождая жизненное пространство, понесут на помойку.

17 июля, среда. Окончательно определился с отпуском: с сегодняшней среды по четверг, 25 июля. В пятницу, 26-го начинается первый экзамен на дневном отделении. Четверг на то, чтобы разобраться с темами этюдов, возможными жалобами и — вперед.

23 июля, вторник. Впервые, наверное, так спокойно, размеренно я живу на даче, деля свое время между хозяйством, чтением и творческой работой. Как в принципе я ненавижу, не люблю это слово — "творчество", "творческая". Пользуюсь как термином.

Весь этот период много думал о романе "В. И. Ленин". Взятые на себя обязательства меня страшат. Боюсь и гор материала, который придется перелопатить. Но, как и всегда, тема идет мне

в руку. Вот и сейчас попалась статья об изгнании Троцкого.

Я поражаюсь, как много беру от В.С. Ведь раньше я никогда не держался за старые журналы. Кажется, наступила очередь тем номерам, которые я не прочел в перестройку. С жадностью проглотил в "Знамени" подборку рассказов, писем и стихов Шаламова. Стихи прекрасные, в рассказах много столь любимой мною манеры мыслить, а не только "изобразительности" и точности, накрахмаленного и демонстративно выставленного, как у Бунина, слова. Самое интересное у Шаламова — стихи. Самое любопытное — переписка с Солженицыным. Здесь два характера, две жизненные установки. Расчетливость и постоянная экономия собственных сил и времени для творчества, для художественности у Солженицына мне претит. Последний, кстати, не дал его вдове права опубликовать и свои письма к покойному Шаламову. Но многое становится ясным и из ответов лагерника "второго сорта". Из подробностей, из самых доброжелательных ответов и отзывов на публикацию "Ивана Денисовича" становится ясно, что Солженицын сидел не в самых трудных лагерях и почти всегда "на подсосе", на шарашке, в общем, не на черных, убийственных работах.

Неожиданным для меня оказалось скептическое отношение Шаламова к евреям. Это видно и по его замечаниям о судьбе солженицынского Цезаря Марковича, и по списку доносчиков, из-за которых Шаламову закатали второй срок.

Прочел за несколько недель "Культуру". Жуткие и почти бездоказательные нападки на Горького. Судьба этого писателя очень раздражает нашу интеллигенцию. Во-первых, ему позволено было менять свое мнение, чего не позволено щелкоперам, ибо оно у него органично, и заблуждался он органично и естественно. Во-вторых, он создал литературу из того, что современный интеллигент не знает и знать не хочет, а если бы и хотел, то узнать и сострадать этой простой народной жизни он бы не смог. Да как же он посмел! Как он осмелился, а мы учились, учились, складывали слова, а у нас не получается так, и нашу гладкую и нешершавую писанину почему-то не ценят.

Попалась отвратительная статья Бориса Васильева о религии. Все этот старый прихлебатель валит на большевиков. Взять бы и кое-какие факты из этой статьи проверить. Как снимали фильм о вскрытии мощей Сергия Радонежского — с какого года вошли в обиход золотые зубы, которые, по словам писателя, выкапывали и выламывали уже в двадцатые и тридцатые у буржуазных покойников большевики. Мерзость.

24 июля, среда. На один день приехал раньше с дачи. Сегодня мне вручали уже давно обещанный указом президента

орден. Процедура эта проходила в десять часов в Министерстве культуры, ужасном современном здании на Китайском проезде, которое я помню еще по прежним годам. Внизу, в вестибюле, серого камня полы; поразило меня малолюдство учреждения, которое я привык видеть кишащим деятелями культуры. Все блеклое, как бы выцветающее. Я помню зал заседания коллегии по тому времени, когда выступал здесь на совещании по созданию мемориального центра Булгакова. Тогда я впервые увидел недосягаемую, как мне казалось, Чудакову. Сегодня этот зал не вызывает у меня почтения, какие-то недозавинченные батареи отопления, традиционно красный цвет на креслах пообтерся. До того, как появился Е.Ю. Сидоров, наш министр, о котором я достаточно много и подробно пишу, стали просачиваться члены коллегии и рассаживаться за большой длинный стол. Здесь тоже все траченные молью. Из знакомых лиц только Валера Подгородинский, с которым мы вместе выбивали госпремию Вите Симакину, и Костя Щербаков — усатый полуседой младенец. Глядя на него, я все время думаю: служба у них, сердешных, в породе. Зал был почти полный, видимо, из-за спешки и занятости предвыборной кампанией никаких вручений не производили, а вот теперь как бы награждения и по случаю Победы. Лица все не молодые, но в своем подавляющем большинстве русские. Вот кто вывозит русскую культуру.

Орден мне вручили одному из первых. Зная о циркулирующих по Москве слухах о новом министре, я довольно бодро посоветовал Евгению Юрьевичу (про себя я все равно зову его Женей Сидоровым), итак, в момент рукопожатия я пожелал Жене Сидорову скорее возвращаться под родные знамена. В этот же момент я вспомнил свой кабинет в институте с вываливающейся в углу краской и неизменное красное знамя с Лениным и положенными словами. А что? Пожалуй бы, и уступил Жене кресло, продавленное когда-то его же ягодицами. В связи с награждением я сделал довольно наглый министру подарок, презентовал ему "Огурцы", которые в значительной части посвящены его персоне и которые он, конечно, хорошо знает.

Среди награжденных много было музейных работников. Вспомнил мысль Наполеона: я даю человеку бляху, орден, и привязываю к себе на всю жизнь. Из лиц более или менее известных только Пресняков-старший и Марта Цифринович. Кажется, Цифринович получала какое-то звание, за нее я искренне порадовался.

Сам орден с межеумочным названием "Дружбы" показался мне мелковатым, его никак не сравнишь с прежним — "Дружба народов". Ленточка зелененькая, все это легковесно. Но тем не

менее это мой первый орден. Я еще не остыл и очень хорошо помню, как на Гостелерадио меня лишили "Веселых ребят", которые в последний момент отдали Максиму Шостаковичу. Пришел старший Шостакович, Максим не выезжает, его не отмечают, старый Лапин, который любил меня и которого я тоже любил, вычеркнул из списка меня и вписал Максима. А Максим вскоре остался за рубежом.

После министерства заехал на работу, решали с Зоей Михайловной, что делать с семинаром публицистики. Кажется, я договорюсь с Апенченко. Начинаются экзамены, начинается работа.

За время тех десяти или пятнадцати минут, которые я пробыл в своем кабинете, позвонила Мариэтта Омаровна. Сказала, что кто-то в Омске или в Бийске видел мое выступление по ТВ как доверенного лица Геннадия Зюганова. Ее это очень удивило, меня тоже, потому что не далее как вчера Тарасов сказал мне: "Не получилось, твое телевизионное выступление мы никуда не давали". Позиция, дескать, неясная, размытая, не ясно, за что ты выступаешь. А вам ясно? Вот вы и профукали президентское место. Тем не менее позвал меня в пятницу на встречу с Зюгановым. Я полагаю, что там я сумею много сказать, терять мне нечего, возраст у меня такой, что надо говорить правду. Буду защищать, буду не щадить себя, буду писать книжку о Ленине, но все равно они — суки.

25 июля, четверг. Утром разнес по семинарам и группам темы для этюдов, получилось довольно интересно. Начались приемные экзамены. Вечером определил темы для группы публицистов. Апенченко сделал это интересно: "Событие года", "Трудный день", "Деловой человек", "Музыка в переходах — нищие в метро", "Ветераны войны и афганцы", "Почему я хотел бы (не хочу) стать депутатом Государственной думы", "Что я знаю о русской публицистике", "Правду, правду, только правду. Но что такое правда?"

"Известия" на своих страницах поместили гимн на инаугурацию президента. Какие-то странные слова, очень напоминающие времена Сталина: "Первый сокол — Ленин. Второй сокол — Сталин". "Культура" тоже постаралась, опубликовав картину-коллаж из галереи Марата Гельмана. Ельцин и Лебедь на фоне идиллического пейзажа. У людей моего поколения сразу же возникают совершенно определенные ассоциации.

Опять что-то взорвали.

26 июля, пятница. Сегодня абитуриенты писали этюды. Пару часиков сумел урвать и прочел, отредактировав свою статью в

новую книжку. Есть и заголовочек "Жизнь на фоне". Говорил с Юрой Апенченко. Сказал ему, что вдруг перестал чувствовать обиду на Бакланова, меня тяготят враги, я знаю, что многим ему обязан. Невольно зашел разговор об отношениях Бакланов — Бондарев. Когда-то они ходили всегда только вместе, их проза была почти неразличима, а теперь, на склоне лет, ссора переросла в открытую и непримиримую войну. Я рассказал, что хотел сделать вечер знаменитого литинститутского семинара Паустовского, через который прошли не только эти двое, но и Шуртаков, Евдокимов, Годенко и многие другие. Бондарев сразу же мне отрезал: "Если будет Григорий Яковлевич, я не приеду". На это Апенченко сказал, он ведь с Баклановым довольно долго работал: текст Юриного рассказа у меня выписан на отдельной бумажке.

29 июля, понедельник. Сегодня, когда по телевидению смотрел на стачку горняков Приморья, которым уже не платят бог знает сколько зарплату, я невольно позлорадствовал: скоро дождутся и всеобщей забастовки горняков. И тут же подумал: боже мой, почему я хочу, чтобы моей родине стало плохо? И еще от одной картинки на телеэкране резануло по сердцу: ночью убили паренька, вышедшего с блокпоста, успели отрезать ухо — обезобразить труп. Эту, как сказал бы эстет, натуралистическую картинку тут же показали. Троих нападавших на блокпост боевиков из пулемета расстреляли. Если бы эти дети знали, что творят!

Какая чудовищная ответственность лежит на взрослых. Взрослые же делят власть и планируют министерства. Все время возникают новые указы, как будто из указов могут возникнуть деньги, продукты и жилье. Рассказывают такой эпизод. Стоят старушки в очереди и разговаривают между собой о политике, о Ельцине. Мы-то за него голосовали, а он Чубайса привел. Ненависть к Чубайсу всеобщая.

В институте сегодня писали изложение. Отрывок из Мамина-

Сибиряка довольно трудный, но чрезвычайно русский и неожиданный. Может смущать некоторое многотемье, но на то они и писатели будущие, чтобы справляться с трудностями.

В субботу и воскресенье еще раз в уме переделал всю книжку. Теперь будет так: введение "Жизнь на фоне" и четыре раздела. Первый — политика, второй — культура, третий — литература и институт, четвертый — искусство, сюда войдет большинство статей о кино. Распределил и все статьи. Последний раздел закончится "Смертью Левитанского". Хорошо бы написать еще статью о проигравших коммунистах, мои к ним претензии. Возникла идея иллюстраций. На это натолкнул "Канкан" Сера,

которым "Независимая газета" в свое время иллюстрировала мою статью о бессмертных шалостях интеллигенции. "И просят, и клянут". Сейчас буду потихонечку готовить комментарии на полях.

30 июля, вторник. Уже довольно давно Вл. Павл. Смирнов в преддверии начинающегося у него на кафедре ремонта попросил присмотреть за портретом Горького с кафедры. Я сказал, чтобы несли ко мне в кабинет: на окнах решетки, поблизости охрана. Честно говоря, мой кабинет постепенно превращается в маленький склад. Чтобы летом во время безлюдья не вынесли, я велел поставить в кабинет и два телевизора с видеомагнитофонами, которые недавно купили для занятий с иностранцами. Тащат, воруют все. Записал ли я, что недавно из общежития украли 4,5 кубометра досок, которые сняли с полов и которые я припас, чтобы поставить стеллажи у нас в архиве? Портрет поставили к стеночке, и я забыл. Сегодня, после двух дней отсутствия, возвращаюсь на работу и вижу, портрет висит на стене возле окна. И сразу же в комнате наступила такая теплота, такая мягкость, что я на собственнном опыте понял, почему так любила аристократия вешать живопись в свои жилища. Это не просто живописные пятна, это какая-то мягкая энергия жизни. Кажется, по возможности, я начну собирать живопись и дома.

Сегодня весь вечер разбирался с книгами, присланными на конкурс Пенны. Все это, конечно, очень разные книги, авторы, но меня потрясает амбиция писателей. По условиям конкурса, автор может представить себя и сам. Так, боже мой, какой только гадости они ни нанесли. Особенно здесь постарались юмористы с разливанным морем своей несусветной пошлости. Постараюсь побольше всего прочесть, но в целом ряде случаев действовать буду беззастенчиво: Искандер со своим зубоскальством по поводу Ленина пусть будет представлен кем-либо другим из членов жюри, а не мной. Из, так сказать, по именам заметного сегодня вечером прочел Зою Богуславскую, это даже не Надежда Кожевникова — компот с бараниной. Всем хочется описывать свое молодое сексуальное, а на этот раз, в отличие, наверное, от жизни, героическое поведение. Там, где в жизни дала, замещается на литературное не дало.

Днем в институте читал этюды, очень много посредственного. Хорошо ставит оценки Рейн.

5 августа, понедельник. В Обнинске, как всегда, чтобы забыться, занимался хозяйственными делами. Начал строить стеллажи в гараже. Неожиданно оказались некоторый урожай огурцов и много зеленого перца. По старой нищей привычке советского человека все запасать впрок и надеяться только на свои силы зеленый перец заморозил, но огурцы в этом году солить не буду.

Все время, в хозяйстве ли, в каком-либо низком чтении, много думал о двух своих книгах. Степень беспокойства уже так велика, что пора бы и начинать конкретную работу, иначе пойду вразнос. Первую главу "Публицистика", наверное, закончу выдержками из дневника. На это меня натолкнул разговор с моим вечным оппонентом Мариэттой Омаровной Чудаковой. Но об этом чуть позже.

Что касается В.И., то, может быть, написать этот роман от лица трех женщин: матери, Крупской и Арманд? Как это оправдать — не знаю, но повод для размышления и внедрения в материал здесь есть. Все получится, конечно, значительно проще, да и уже написанные куски "Константина Петровича" не дадут мне особенно уклониться — листов десять там есть. Ничего не ясно, все покажет материал, в который надо влезть, но я пока стою, потому что еще не набирается книжка о культуре. Интересно отметить, что "масть пошла". Как и всегда бывает во время счастливой или в будущем удачной работы, сами по себе идут в руки материалы: вдруг попалась статеечка в "Советской России" об Илье Николаевиче, отце Ленина.

В пятницу шел экзамен по русскому языку и литературе, М.О. пришла, и мы с нею впервые после многих месяцев имели беседу. Разговор, естественно, зашел о выборах. Все удивлялась, как я стал доверенным лицом Зюганова. Лицом-то таким я не стал, потому что ни официального согласия не давал, ни удостоверения не получал, но по радио и по телевидению так меня объявляли. Это правило моих политических доброжелателей — поступать так, как им хочется и как удобнее и выгоднее. М.О. все упирала на зюгановскую бородавку и на фразу в какой-то книжке генсека Зюганова, что через несколько лет после смерти "вождя" — вождем он назвал Сталина, — продолжение фразы я опускаю, итак, в разрезе репрессий 37-го это безнравственно. Конечно, это все плохо сказано, хотя я и могу согласиться с мыслью Чудаковой, что каждое неловкое слово — это этика. Я согласился и даже сам об этом говорил, что новые коммунистические чиновники не хотели победы, потому что

сейчас всем им удобно, все заняли прекрасные думские кабинеты и получили думское обслуживание, они не знают, что с этой победой делать, потому что страна разоренная, и только ее фантастические заделы и богатство позволяют нам до сих пор жить и сводить концы с концами. У коммунистов нет радикальной, кроме равноправия и народовластия, программы. Но это совсем не значит, что единственная реальная альтернатива им — Ельцин. На его бестрепетном загривке дебила столько смертей, униженная империя, смерти в Чечне и т.д.

Читаю книги на премию Пенна. Все одно и то же: борьба с гадиной, старые ходы в литературе, имитирующие новые. Произвела впечатление только книжка никому не известного Михаила Волостнова "Несусветное в Поганочках". Это опять, кстати, народная тема.

В Приморье большая забастовка шахтеров. Скандал разгорается, и ТВ, дабы продемонстрировать объективность и просто для того, чтобы оно было острым и смотрелось, иначе в него не засунешь рекламы, довольно много об этом дает материалов. Здесь конфликт между губернатором Наздратенко, который много сделал для победы Ельцина в Приморье и также, видимо, много сделал в исчезновении половины суммы бюджетных перечислений для шахтеров. В этом эпизоде очень выявилась воровская, коррупционная сущность режима, не сдерживаемая, как на Западе, устоявшимися противовесами верховного самоуправства.

7 августа, среда. В Грозном боевики снова смогли взять штурмом город. Ночью его отбили. Опять ужасные жертвы. Все это показывает ложность позиции правительства. На этом фоне будущая инаугурация президента. Сегодня с умилением телевидение говорит, что Ельцин принял вариант инаугурации более дешевый. Разгон туч над Ивановской площадью будет стоить шесть миллиардов рублей. Поэтому президент решил проводить инаугурацию в Кремлевском дворце съездов, дескать, денег в стране мало. Вспоминаю поездку президента в Чечню, его твердые обещания — с войной покончено. Как же люди после этого могут глядеть в глаза друг другу? Погибли в один день около ста наших солдат. Нет там никакого мирного населения. Классовая борьба и националистические интересы. Запугивание народа и массовый психоз, вызванный идеологическим террором заинтересованных групп.

Знаменательно, что штурм Грозного начался после того, как нашли "присоски", отводы от нефтепроводов, на этом сырье работают подпольные нефтеперерабатывающие заводы. Войну в Чечне можно кончить только в Москве. Преступники здесь.

Московское телевидение и ангажированные журналисты все ищут виновных, кто отдал приказ, кто из генералов и как бездарно воюет, но почему не хотят пойти чуть дальше: ситуация вызвана режимом, который во главу угла поставил накопление и обогащение за счет государства, народа, собственных чеченских, а лучше русских граждан и ресурсов. Я лично во всем виню только одного нашего бездарного и самонадеянного президента.

12 августа, понедельник. Сейчас ни о чем нельзя говорить, кроме Чечни. В Грозном, судя по прессе и телевидению, творится ад. Передают о двухстах убитых и почти семистах раненых. Почему это должно происходить в мирной, невоюющей стране? Чьи интересы оплачивает кровь русского молодняка? Кстати, я регулярно просматриваю списки убитых, раненых и пропавших без вести, которые систематически печатает "Труд". Ни разу я не встречал в этих столбцах еврейской фамилии. При сегодняшнем состоянии экономики и ведении наших политических дел русские по-прежнему остаются наиболее бедной — Черномырдины, естественно, не в счет — частью населения, русскому Ване нечем откупиться ни от военкома, ни от врачебной комиссии, ни от его превосходительства Министерства обороны. Мир праху твоему, не успевший проюношествовать и убитый чеченской мусульманской пулей, мир праху твоему, погибший за доллары в чужом кармане, русский Ваня!

На этом зловещем и знаменательном фоне происходила торжественная инаугурация президента. России она обошлась недешево, и можно только удивляться, как вино и хлеб на пиршественном столе кремлевского приема не превратились в кровь и тела павших солдат. У меня все это не вызвало никакого любопытства, и всю церемонию я видел мельком в ночных новостях. Все дико: и орден "За заслуги перед Отечеством" первой степени, который вместе с золотой нашейной цепью, вроде тех, которые мы видели на старинных портретах коронованных особ, вручал бывшему секретарю обкома из Свердловска другой секретарь обкома, из Орла, правда, еще вчера считавшийся одним из верных и последовательных сторонников коммунистической идеи, — итак, диким мне показался этот орден с цепью, взятой, кажется, с какого-нибудь портрета Карла V, который Ельцину вручал федерал Строев, и присутствие Патриарха, читающего свою речь по листку бумаги, и нелепое появление председателя Конституционного суда, олицетворяющего закон в стране, где царит беззаконие и криминалы торжествуют, и вся эта безвкусная смесь русских диких лиц и американских ритуалов, сама идея проводить торжество с нерусским наименованием, как на Ивановской площади, с величием и размахом оперы Глинки

"Жизнь за царя", так и во Дворце съездов, с его стилистикой бюрократической партийной роскоши — все нелепо, купечески, во всем дикий оскал азиатчины.

В пятницу же, конечно, после торжества и банкета президент подписал указ о трауре. Кстати, это было бы прекрасным поводом отменить ярмарку инаугурации и провести ее хотя бы в собственном кабинете под оком двух-трех телевизионных камер.

В четверг и в пятницу, параллельно президентским торжествам, в институте шло собеседование. Я полагаю, в этом толку и пользы было больше. Вот и опять мы набрали шестьдесят человек на первый курс. Ребята, которые поступали во время первого года моего ректорства, уже заканчивают институт. Обмелела ли Россия? Обмелело среднее образование. Ребята не знают вещей из гуманитарной области, которые мы в свое время изучали и знали в четвертом или пятом классе. Наибольшее впечатление оставила группа девочек-переводчиц из Чувашии. Я полагал, что здесь пойдет национальный блатняк, дочки, племянницы, родственницы, дочки любовниц и дочки шоферов, в общем, как в старое советское время при возникновении целевых наборов, но девчонки владеют той страстью к слову и чувствованием русской литературы, которые сейчас отличают их от московских профессорских писюх. Все остальное пока просто благополучно.

18 августа, воскресенье. Нет сил писать о Чечне, о вписавшемся в эту картину Лебеде, занявшемся типичным русским предательством. Я с нетерпением жду, когда его, по натуре провокатора и предателя, переиграет еще больший провокатор и подлец — наш президент — и выбросит с политической сцены, как провонявшую кухонную тряпку. Вот здесь я буду всей душой с президентом. Теперь я вижу, как все в нем, в генерале, искусственно: неподвижное лицо, немногословие жулика на допросе, вечная готовность найти виновного.

Всю неделю читал книги на конкурс. Есть вещи исключительные. Впечатление произвели на меня "До и во время" Владимира Шарова и "Гонщик" Александра Бородыни. Есть и любопытный молодняк: совершенно по простой манере русский Сергей Кочергин "Ближе к Богу" и Александр Кан "Костюмер", впрочем у последнего много размазано, много претензий, чтобы получилось, как на Западе. Редчайший случай в сегодняшней литературе — у Кочергина в героях ходит чистый и трогательный русский человек с ощущением справедливости и верой в чистоту, любовь и Бога.

Завтра-послезавтра подобью бабки и примусь за свой следующий "аттракцион". Знаю ли я хоть один день без труда?

Последнее время тревожат сны со слезами и мукой. Я готов к смерти хоть завтра, обидно только, что не смог реализовать много заготовок. Если я умру скоро и внезапно, так еще и не связав "формально" себя с Богом, то умру с ясной и отчетливой верой в его существование и в любви к нему. Умру, несмотря на все свои смертные грехи, праведником. Если есть, конечно, высший суд и высшая справедливость. И зачем мне ложное смирение и ложная, умильная скромность? Мои любовь и вера сильнее и крепче, чем у умильных и лицемерных.

19 августа, понедельник. Сегодня прошло пять лет со дня так называемого "августовского путча". История разберется: был это путч или предательство? Не надо уповать на Бога, что он накажет виновных, у него много забот с пошатнувшейся везде нравственностью и верой людей. Виновные, как всегда бывает, накажут себя сами. Не мог Господь сделать так, чтобы большинство его народа жило впроголодь и постепенно теряло свое лицо. По вере ли он дает прибыток и богатство? Никогда не смогу даже помыслить, что за неверие по незнанию в него, Господь способен лишить свое чадо хлеба и достойной жизни. И что за вера, к которой приходишь в дни тоски и горя?

Пять лет прошло. Все помню, и как утром разбудил меня по телефону Сережа: "переворот", и мой дневной поход по Москве, и свидание с Женей, когда он спрашивал меня: "Как?". А что я ему мог ответить? И разве тогда же я не чувствовал, чем все это кончится для моей родины? Где она сейчас? Сколько лоскутных государств возникло по периферии России.

Размышляя о случившемся, я все более и более начинаю думать о том, что беда наша в захвате центральной власти выходцами из деревень. Здесь и крестьянская, ушлая, направленная на себя психология, и отсутствие настоящей марксистской подготовки. Первые революционные призывы были другими. Было выгодно, и все эти Горбачевы и Черненки *это*, марксистское, знали, с натугой выучили и отдекламировали профессорам в своих партшколах. Сначала выкресты из крестьян захватили своей ласковой обстоятельностью Политбюро, потом, как куль с овсом, свалившийся с чужой телеги и проданный первому попавшемуся цыгану, сдали великую державу лихим и голодным проходимцам, назвавшимся демократами.

Сегодня с утра по всем каналам и телевидения, и радио начался такой шабаш воспоминаний! А что сделано-то? Ради чего сложили головы трое полупьяных мальцов на Смоленской и кто их сегодня вспоминает? Не получилось из них всенародных героев. А какое было отпевание, какая панихида! Единственное утешение, что я эти пять лет не сидел сложа руки. "Эффект

близнецов", "Стоящая в дверях", "В сезон засолки огурцов", "Затмение Марса", через несколько дней выходит "Гувернер" и наполовину готова книга "Власть культуры" — из статей, интервью, очерков, написанных за последнее время. Никто не будет вспоминать, что я удержал на плаву и спас Литинститут, никто не вспомнит пожар в моей квартире, но то, что я написал, — это только мое.

Сегодня продолжал читать книги, присланные на конкурс. Невероятное впечатление от нового, в восьмом номере "Современника" рассказа Распутина "В той же земле". Давно литература не производила на меня такого сильного физического воздействия: когда я закончил чтение, вдруг заболело сердце. Женщина сама, без помощи муниципальных организаций хоронит свою мать. Как круто и точно взято, как роскошно, со скрытой страстью сделано. Там, где мы, средние литераторы, пишем сотни страниц, мастер ограничивается лишь несколькими. И как сильно это направлено против существующего порядка, унизившего и разорившего всех нас. Я не говорю здесь о пластике и физической осязаемости распутинских деталей. Каменистая могила, внучка, открывающая дверь в комнату мертвой бабушки — она там одна.

Вечером по лживым волнам ТВ показали какую-то интеллигентскую тусовку, выдаваемую за Совет по культуре при Администрации Президента. Ростропович, который никому, кроме нас, бедных, во всем мире уже не нужен; Искандер, который уже давно ничего про новое не пишет, а все талдычит своего Сандро; Мариэтта Омаровна, знаменитая своими призывами и страстью к президенту. Культура. Культура просит не менять ей Сидорова. Если действительно кресло министра культуры предлагалось много раз свежо выходившей замуж Федосеевой-Шукшиной, которой декретом надо бы запретить носить вторую половину фамилии, или Алле Борисовне Пугачевой, носительнице и пропагандистке самых мещанских и вульгарных взглядов, то — пусть будет Сидоров. За пять лет он очень многое узнал, а если еще и посмелеет, то дела у него пойдут. Он, конечно, не Фурцева, но ведь и не Федосеева-Шукшина. Кстати, дочка Шукшина Оля поступает на заочный к нам в институт. Я читал ее этюд вместо куда-то исчезнувшего с экзаменов другого носителя культуры, Анатолия Приставкина — деятели культуры удивительно умеют отлынивать от своих платных обязанностей, — и поставил "отлично". Искренне, хотя чуть больше, чем следовало, нажимала на "папу" и на свою веру в Бога. Подторговываем, дочка, искренностью?

24 августа, суббота. Сегодня у В.С. гемодиализ, он закончится около часа, я решил ее ждать, чтобы отвезти на дачу.

Кончается лето, это, может быть, последние ее вольные дни перед операцией. Анализы у нее ухудшились, и ей опять пришлось перейти на трехразовый диализ.

Вся неделя прошла в чтении: дочитал книжки на конкурс Пенне и отослал записку со своим решением. Ее надо бы перепечатать сюда, и я позже это сделаю. Сам документ у меня в папке, в "личном". Прочел и около ста этюдов заочников. Все это наложилось на августовскую жару, на мое беспокойство по поводу необъятной работы с Лениным. Просыпаюсь по ночам и долго читаю Крупскую или другие книжки по теме. Собираю библиографию. Замысел уточняется, становится более определенным и менее экстравагантным. Уже ничего о "тайных" мемуарах Крупской я не пишу. Вся Крупская, ее главы, это, скорее, "мое-ее" отображение. Любимый, скользящий между автором и героем психологический монолог. Все опять будут приставать, что мало диалога.

С горечью и болью наблюдал за войной в Чечне. Московские политики продолжают на крови русских мальчишек и чеченских недорослей свою мерзкую политику. Президент уже зло и мстительно напомнил Лебедю, что он слишком много говорил о прекращении огня в Чечне, когда баллотировался в президенты. А вот теперь, дескать, у него власть, а он ничего сделать с нею не может. Из чувства объективности надо отметить, что никакой власти у Лебедя, конечно, нет: ибо власть президента и власть секретаря его Совета безопасности — это власть разная. Решает, и ставит цели, и соглашается на все только хозяин. Этого скалозуба пригласили в правительство, чтобы потом сделать из него котлету, не съедобную ни в какой политике. Сколько политических вертухаев промелькнули и исчезли ныне из нашего обзора. Я думаю, Лебедь долго будет умываться из-за своей соблазнительности пойти во власть. Сейчас в Чечне объявляют какое-то подписанное Лебедем и Масхадовым перемирие. Я в перемирие не верю. Тяжелый фельдфебельский бас, неподвижное лицо, медлительные, как бы властные жесты Лебедя сегодня уже перестали производить впечатление. Хитрость здесь не спасает. Обещанный военными настоящий, с участием авиации штурм Грозного не состоялся.

Откликушествовал на Пушкинской площади Сергей Адамович Ковалев, как какая-то былинная птица-мразь, питающаяся исключительно русской кровью. Пресса и так называемое прогрессивное общественное мнение не дало военным исполнить свой долг. Каждый раз, когда я смотрю и слушаю корреспондентов НТВ, я думаю, какими путями до их кошельков доходят деньги чеченской мафии. Самое интересное —

это тоже прорывается по каналам ТВ и даже НТВ — каждый командир танка, солдат, офицер, служащие сейчас в Чечне, знают, как надо поступать: *додавить*, а вот наши политики и высший комсостав, участвующий в политической игре, этого, к сожалению, не знают. Как дешевка и старая размазня выступил по поводу штурма министр обороны, "элитный генерал" Родионов. Против бандитских правил мы выступаем с правилами средневековой рыцарской вежливости. Развели город по зонам, отдельные каналы для выхода, совместные комендатуры. Через два-три месяца все, я уверен, в Чечне начнется сначала. Совместные комендатуры смешны. Я полагаю, что со временем русская часть этих комендатур будет вырезана. Хоть бы кто-нибудь вспомнил и задумался над тем, что понятие "советский народ" не такая уж смешная и нелепая дефиниция. В этом понятии была доминанта народа, людей труда. Сейчас утверждается доминанта национальных элит. Шкворень партии прошивал все общество, не давая националистам высунуть носа. Сейчас национальные элиты действуют в своих интересах, мальчики, которые никогда не получат образование и, наверное, даже не станут собственниками, воюют за их интересы. Но хватит об этом.

29 августа, четверг. Не писал несколько дней. Прошлые понедельник и вторник по восемь часов с 10 до 18 шли собеседования у заочников. Дни были нехорошие, жаркие, но я понимал, что самоуважение у наших будущих студентов начинается с серьезности вопросов, которые мы им задаем. Они должны попасть в институт через определенные интеллектуальные трудности, должны почувствовать себя молодцами. Я иногда сам удивлялся себе, как могу я, не умолкая, пропускать, одного за другим, по полсотни человек в день. Каждый раз приходилось мне заново строить свой сюжет, выяснять бытовую, нравственную и творческую сторону характера абитуриента.

Один из парней был прошлогодний. Я спросил его: на чем вы сломались в прошлом году? Он ответил: на Сергее Николаевиче Есине — и повторил мне весь наш с ним прошлогодний диалог, мои вопросы и его ответы. Как они все запоминают! Здесь, пожалуй, есть причина стараться, задавать вопросы и спрашивать немыслимое. А может быть, это мое честолюбие: ректор Есин создает миф о писателе Есине?

Я сам иногда удивляюсь, сколько литературоведческого мусора у меня в голове. Мой стиль — ухватиться за то, что мой собеседник вроде бы знает. Он начинает рассказывать мне о набоковской Лолите, уверяет меня, что это его любимый роман, и

тут я спрашиваю его, как называется родной город Лолиты и как звучит фамилия ее матери? О, Илона Давыдова, давшая возможность мне по-английски наизусть выучить эти тексты!

Несколько дней подряд звонил Игорь Семиречинский: остановилась "Правда", и он пристает ко мне, написать об этом несколько слов в их специальный номер. Я отдиктовал небольшую статейку Екатерине Яковлевне, и она показалась мне достойной "Независимой газеты", да и Игорь по своему обыкновению в назначенное время не позвонил. Отправил статейку по факсу в "Независимую". После нескольких дней ожиданий — мой текст, как политический, обязательно должен был прочесть Третьяков — заметка в среду, 28 августа, появилась. Назвали они ее "Правда" как штрих к биографии общества". К сожалению, и "Независимая" не обошлась без редактуры, вырезали очень важный для меня абзац о соратниках Зюганова, удобно рассевшихся в думских кабинетах и не желавших победы. Обидно, особенно потому, что ни оригинала, ни копии у меня не осталось. Уповаю на Екатерину Яковлевну, а вдруг у нее сохранились стенографические записи?

В Чечне, в Грозном, пока все вроде бы успокаивается. Боже, сделай так, чтобы я был не прав. С.П. завтра утром отправляется в поездку по Дунаю. Едет в круиз переводчиком, но бесплатно, только за стол и каюту.

30 августа, пятница. Я редко вижу сны, что определенным образом свидетельствует, что я не подвержен озарениям и не ведом высшими силами. Тем не менее совсем недавно видел сон, который мне показался неожиданным и страшным. Если его трактовать прямо, чего я всегда опасаюсь, полагая все это суевериями, недостойными Божьего создания, то сон устрашающий. Мне снилось, будто бы я, покойная мама, покойный брат Юрий живем в нашей комнате в коммунальной квартире на Гранатном переулке. Ночь. Полная темного. Я твердо ощущаю присутствие мамы и Юрия в комнате, но мне хочется выйти в туалет, в коридор. Ощупью я пробираюсь к двери и очень, до физической очевидности, ощущаю тяжесть и фактуру дверного крючка. На ощупь я отбрасываю крючок, открываю дверь, и в коридоре, где всегда горит красноватым свечением электрическая лампочка, полная темнота. В ужасе я снова заскакиваю в комнату и просыпаюсь.

Пишу уже вдогонку событиям. Сидорова снова назначили министром культуры, я этому рад, потому что политическая острота ушла, а он, конечно, лучше и Губенко, и Аллы Борисовны Пугачевой. Уже сидит несколько лет, значит, чему-то научился. Рассказывают, что всю волну с его назначением поднимала

дорогая жена Вера.

Я только могу представить себе количество звонков по телефону и уклончивых, выжимающих собеседников разговоров. Оскорбило правительство своего будущего министра, конечно, смертельно. Всех просто взяли и назначили, а его, так сказать, добивали — назначили последним.

1 сентября, воскресенье. Обнинск. Нездоровится, это обычное нездоровье и простуда в конце недели после лета без отдыха, нервов и скандалов. У меня уже так бывало. Всю неделю работаю, а в выходные лечусь, привожу себя в порядок, пью мед, аспирин и чай. Это значит, что организм уже чертовски ослаблен.

Всю субботу и воскресенье — уехал в пятницу вдвоем с Крапивиным и отвозил его утром до его участка — читал Ленина, мемуары Соломона и другую подобную литературу. Когда читаю, роман у меня вроде складывается, а перестаю — опять наступает отчаяние перед неподъемной этой работой. И все же ни с чем не сравнимое удовольствие от интеллектуального движения. Сколько времени ушло на доски, на копку огорода, на езду по строительным магазинам. Все это в зачет моей судьбе не поставят, но это жизнь, и это мне нравится.

2 сентября, понедельник. Утром состоялся митинг — по старой памяти мы называем любое собрание митингом, — посвященный началу учебного года. В этом году, в отличие от прошлого, народу собралось много. Толпа, как в прежние годы, для меня была не безличная, многих ребят я уже прочно знаю по именам, по рукописям, по их проказам. Новые абитуриенты понаприносили цветов. Речь я, кажется, произнес неплохую, сказав по пунктам, не формально и в своей манере все, что я хотел сказать. О западной и русской литературе, о политике и литературе, о государственном и частном, о труде и успехе. Выступали после меня запланированные Рейн и Рекемчук. Александр Евсеевич напомнил: ровно 50 лет назад на этом же месте, в этот же день 1 сентября стояли абитуриенты, вернее, новые студенты и перечислил их имена: Ю. Бондарев, В. Тендряков, В. Солоухин, Г. Бакланов, В. Бушин, А. Рекемчук… Я вспомнил, как я, знавший об этом факте, собирался в этом году собрать живых участников этого набора. Потом, когда Александр Евсеевич закончил свою речь, мы поделились нашими общими наблюдениями: на предложение собраться все отвечали, а *этот* будет? Бакланов не хотел быть с Бондаревым, Солоухин с Бушиным и т. д.

Вечером смотрел по петербургскому каналу передачу из цикла "Исторические расследования". Передача была о В.И. Ленине, тема — его болезнь. В конце меня поразила дата — 1996

год, а в передаче участвовал уже покойный Д. Волкогонов — были также Ю. Афанасьев, медик-профессор Александр Гофман, бывший министр здравоохранения СССР академик Петровский. Этот хоть сказал, что в свое время, накануне празднования столетия со дня рождения В.И. Ленина, когда на Западе готовили целый букет инвектив и прорабатывалась версия смерти Ленина от застарелого сифилиса, он с коллегами детально пересмотрел историю болезни В.И. и теперь с полной уверенностью отвечает — никакого сифилиса не было. Все остальные были постыдны. Особенно Волкогонов, стоящий, как показало время, уже одной ногой в гробу. Во всех утверждениях — а главная мысль всей компании: Ленин, став главой государства, был уже недееспособен, не мог принимать ответственных и взвешенных государственных решений, — во всех утверждениях троицы была даже не ненависть, а ясно понятая неглупыми людьми конъюнктура. Пропагандистская передача, имеющая целью разрушить у новых поколений известные стереотипы, как и любое неправое дело, начала бить по своим: невольно возникают нежелательные для пропагандистов ассоциации с еле держащимся на ногах, вечно отдыхающим или пьяным Ельциным. Стрельнула даже фразочка, что В.И. вынужден был слишком часто брать отпуска и затягивать свой отдых. Гнусно все это, но, видимо, таков стиль мировой игры.

3 сентября, вторник. Утром, как обычно по вторникам, провел семинар. Я очень рад, что к нам вернулся Володя Кузнецов. Говорил с ребятами о чтении летом и установил график обсуждений на первый семестр. Радует разброс их летнего чтения. Многие схватились за классику, за Толстого и Достоевского. Тем не менее довольно долго говорили о Маркесе, Прусте, Джойсе. Я рассказывал о своих впечатлениях от конкурса Пенны. Я чувствую, результаты его меня саднят. Записал ли я их: Фазиль Искандер, Распутин, Петрушевская. Завтра попрошу Мишу Семерникова, руководителя конкурса, прислать мне факсом результаты всех поименные. Мне кажется, большинство нашего жюри всего потока не прочло, впаялись в своих, клановых. Обидно до ужаса, потому что надо бы отметить или хотя бы заметить в списке целый ряд иных произведений и имен. Читали партиями и классами.

Провел кафедру, всех особенно не ругал, но высказал свою точку зрения на некий наплювизм преподавателей. На уровне кафедры провернул дело с новым союзом. Вместо ассоциации будет так: "Союз Писателей Литературный Институт".

Вечером говорил с Юрой Копыловым, он отдал церкви свое роскошное подворье возле моего скромного Сопова, доставшегося

мне от брата. Когда я соглашался принимать в обмен на свою новую автомашину это братнино наследство от племянника, то предполагал Юрину мистическую помощь и тайную мысль: выйду на пенсию, поеду сюда писать, а мой друг будет поблизости. Минут пятнадцать на машине и полчаса пешком. Поэтому я помалкивал, когда в прошлом году его присные драли с меня бешеные деньги за строительство. Я это, с грустью надо констатировать, предвидел. Сливки, которые можно было снять из знания советской конъюнктуры: перепродать заводские остатки, подворовать немножко, получить взятки — все это заканчивается. Торговое пространство делится крупными акулами, общеэкономическая ситуация мелеет, у простых и вовсе небогатых людей, которые и есть основные покупатели, нет денег.

4 сентября, среда. Днем долго говорил с Джоном о современном русском языке, хотя вряд ли сказал что-либо новое. Моя главная мысль — о прокрустовом ложе языковых шаблонов, которых появляется с каждым днем все больше и больше. Я заметил, что даже очень некультурные люди и дети по каждому поводу стали говорить: "Это не моя проблема". Формула позволяет ничего не допускать к сердцу, не испытывать чувства неловкости, когда проблема не твоя, а ты тем не менее даже задуматься о ней не хочешь.

Вечером, в шесть, вручали дипломы и премии в мэрии. Знакомый мраморный зал Моссовета. На этот раз вручал премии вице-мэр Валерий Шанцев, подозрительно быстро выздоровевший после покушения на него во время выборов. Список лауреатов был довольно значителен. Я рад, что смогли дать премию Юре Козлову, Алле Суриковой и отчасти даже Львову-Анохину. Двое первых, не в пример Анатолию Киму, отчетливо понимают мое здесь старание. Алла подарила мне дивную серебряную или несеребряную чашку для кофе и блюдце. Это в первый раз, поэтому я запомню. Банкет был победнее, чем в прошлом году. Шустрая Алла узнала, что эта премия дает немыслимые льготы по уплате за квартиру и коммунальные услуги, я в это не верю.

5 сентября, четверг. Утром из Белгорода приехал Андрей Полонский получать диплом доцента. Мы с ним поговорили, в том числе и о его будущей докторской диссертации. Уже отсюда возникла у меня идея создавать докторский спецсовет по русскому языку.

У всех на языке заявление Ельцина о необходимости делать ему операцию на сердце. Теле- и радиостанции приводят успокоительные прогнозы, что, дескать, лишь один процент этих, хотя и на сухом сердце, операций заканчиваются летальным исходом. Может быть, окружение хочет разделаться с ним таким

путем? Все гадают, передаст ли он кому-либо свои полномочия на время болезни, а это один-два месяца. Меня здесь волнует совершенно другое, нравственное основание всей этой истории. А может быть, история повторяется, если судить по недавно показанной передаче по телевидению о Ленине и его болезни. Я об этом писал в своем дневнике несколькими днями раньше. Значит, перед выборами он знал, что не может полнокачественно управлять огромной страной? Значит, скрыл, и опять, в который раз, соврал. Ельцин в этом смысле представляет собой какой-то феномен вранья. Есть, говорят, какие-то породы собак, совершенно лишенных чувства боли, наш президент совершенно, как мне кажется, лишен чувства стыда за свое наглое и обескураживающее вранье.

На работе занимался студентами, у которых полно проблем в начале учебного года, подчищал письма, в том числе Кучме о студентах-украинцах. Мне нравится ставить наших бывших советских вождей в сложное положение. У нас в институте студентов-украинцев больше тридцати, просьба моя простенькая и бескорыстная, помогите хотя бы своим, хотя бы, как раньше, оплатите дорогу. Конечно, не ответит, конечно, не оплатят, но само по себе это любопытно.

6 сентября, пятница. Зарплату мы выплачиваем по частям, когда находим деньги. Вчера выплатили лаборантам, в понедельник выплатим работникам общежития, последние в этой очереди станут управленцы.

Дни всегда подбираются по принципу: то густо, то пусто. Сегодня Вячеслав Всеволодович Иванов прочел последнюю, третью лекцию у нас в институте. В конференц-зале было полно, хотя перед этим ходили слухи, дескать, лектор Кома плохой, читает скучно. Читает медленно, в обычной манере собирания мысли. Не байки рассказывает, а мысли, заготовленные, у нас на глазах как бы рождает и выпускает в свет. Читал он о психологии творчества. Много акцента, но без него, видимо, и не справишься. Бахтин, Выгодский. Мне все это очень нравится, хотя и не исключено, что во время лекции на тугих кусках можно и пяток минут соснуть. Наши, как всегда, много говорят об уникальности вуза и собственной неповторимости, но любой конкуренции боятся смертельно.

Поговорил с Чудаковой о чтении ее спецкурса по Булгакову на ВЛК. В свое время, под налетом вопросов этих вполне взрослых и независимых чудаков, она сказала, что все они антисемиты, и читать больше на ВЛК она не станет. В этом году Булгакова и на очном, и на заочном очень хорошо прочел Сахаров. Спросил у М.О., хотелось бы ей читать в этом семестре Булгакова? Лучше

нет, призналась. Ну и хорошо, всем хватит места, славы и популярности.

Вечером ходил на прием в бирманское посольство. Хорошо кормили. Прием был организован в честь троих писателей-бирманцев, прибывших в порядке обмена в Москву. Это их ответ на наше с Пулатовым посещение. С Пулатовым я ссорюсь из-за его хамовитости, но бирманцы тем не менее живут в институтской гостинице. Накануне мы в институте давали им обед в своей новой столовой, рассказ о которой — отдельный сюжет. В посольстве поговорил с Галиной Федоровной. Она мне подарила книжку о Леночке Западовой, я ее прочту и, пожалуй, напишу обещанную статью о Бирме — Ньямне, как сейчас называют. Эти пагоды, жара, тропическая зелень, королевский дворец еще сидят во мне и требуют разрешения. Тем более что посол попросил нас обязательно написать, когда мы уезжали. Дай бог, чтобы получилось.

После приема зашел в институт и долго, до библиотеки Ленина, шел вместе с Сережей Мартыновым пешком. Было хорошо, Москва в центре прекрасна. Как сильно оживил центр храм Христа Спасителя, видимый почти отовсюду. Когда подошли ближе — какая это громада! Размеры, конечно, циклопические. Как только *они* смогли решиться разрушить такое? Ведь здесь очевидно, сколько каторжного труда запрессовано в строении.

13 сентября, пятница. Дневник — это теперь, наверное, единственный вид литературы, на который мне еще хватает сил. Усталость ли пришла? С возрастом ли пришло равнодушие к формам жизни? Или это холодное понимание невозвратности и неповторяемости человеческой натуры? Разве меньше демагогии, подлости и пресловутой партийности стало с крушением тоталитаризма? Разве новые вожди чем-нибудь отличаются от старых? Мы стали ближе к Христу, но хоть что-нибудь оторвали от своего эгоизма, дабы быть совершеннее? Колесо дней катится все по той же дороге, разбрызгивая вокруг себя грязь.

Уже, пожалуй, неинтересно писать о чеченской катострофе. Как и предрекалось, поступки Лебедя — торопливый популизм неглубокого человека. За державу обидно! Вчера на лотке возле института я видел книжечку Лебедя именно с таким названием. В контексте сегодняшнего дня это становится ироничным и занятным. В Чечне все осталось, конечно, по-старому. От того, что мое предвидение почти оправдалось, мне совсем не радостно. Как никогда, я понимаю боль за Родину и за гибнущих русских людей. Нам дорого обходятся орлы на чернильницах у Ельцина, сосредоточенная раздумчивость Черномырдина и эксперименты сытых молодых людей, Гайдара и Чубайса, новые кремлевские

интерьеры, роскошные витрины ГУМа, огромная реклама на Тверской. Когда-то мы об этом всем мечтали. Мы и помыслить, конечно, не могли об изменении строя, но рассуждали примерно так: ну, чему бы помешала жвачка или кока-кола, чему бы помешала свобода киноэкрана? Оказалось, не очень глупы, хотя и негибки, были старые джентльмены, сидящие на Старой площади.

Но вернусь к молодым толстомясым героям, о которых уже написал в предыдущем абзаце. Всем им, конечно, — это мой общий и постоянный русский завистливый стон — перестройка дала многое, вот здесь воистину лакеи стали господами. Как вальяжен Чубайс, начинавший свою карьеру с чтения политэкономии в театральном училище. Может быть, там он набрался изысканных театральных жестов? Милый Гайдар — о дедушке не говорю, видимо, сентиментальность идет рука об руку с юношеской жестокостью — отнюдь не похудел и нынче проводит лето в Чехословакии, где снял виллу. Внучок Ельцина учится, говорят, в частной школе в Англии, и дедушка с бабушкой платят за него 25 тысяч долларов в год.

Последний самый безнравственный скандал в политической сфере — это операция на сердце у Ельцина. Не пишу подробно, потому что этим заняты средства массовой информации и газеты. По-человечески каждого попавшего в беду жаль. Но ведь, значит, знал, когда шел на выборы, знал: болен, значит, знали об этом его дочка, врачи? Значит, многомиллионная страна была обманута? Президентство — как способ получить дорогостоящую операцию на сердце за государственный счет? С большим интересом наблюдаем мы все сейчас за медицинскими силами, брошенными на спасение верховной власти, удобной новой буржуазии. Оказывается, целая структура создана для обслуживания высоких показателей здоровья. Все это на фоне разрушения народной медицины.

Последнее, о чем бы хотел, вернее, на что хватает времени, чтобы написать в дневнике, это приезд Вольфганга Казака. Талантливо я прибавляю и прибавляю себе работы. Несколько последних дней приходилось крутиться вокруг его визита, его мании, его диплома почетного доктора. Юра Космынин вчера принес грамоту. Она ручной работы на тряпичной с водяными знаками бумаге. В центре реплика с одной из иллюстраций "Апостола". Роскошный шрифт и буквицы. Мантия Казака производства Вячеслава Зайцева висит у меня в шкафу. Вчера его ездил встречать С.П. - мэтр капризен и полон собственного величия. В нашей гостинице, куда мы его поместили, не оказалось по оплошности горничной туалетной бумаги, кельнский славист по этому поводу бедному С.П. сделал

репримант. Сегодня в два часа я с ним обедаю. Постараюсь высказать ему как можно больше, даже не относящееся к нему, а только к моей политической досаде.

16 сентября, понедельник. Пятничная лекция Казака и мой с ним часовой разговор. Он читал о "Тарусских страницах". Этот альманах, конечно, запал ему в душу, и здесь доктор организовал свою концепцию сопротивления. Я думаю, все это происходило не так, скорее, люди пытались писать правдивее, а часто по-другому, нежели их современники. У "Тарусских страниц", конечно, сильно диссидентство, но — и это главное — произведения, включенные в них, не обладают самодостаточной литературной мощью. Стихи Панченко, Коржавина и Слуцкого не самые сильные. Именно здесь, противопоставляя их стихам Винокурова — тот писал, что готов отвечать только за себя, а не за сделанное предшественниками, — Казак строит свои политические концепции. Хорошо, что прямо на лекции не промолчала Елена Алимовна, в характере которой есть редкое бесстрашие, а потом и я ей помог. Я думаю, такой отпор многолюбимый небожитель Казак получил впервые.

Что касается разговора, здесь речь шла о сокращении квоты. Немцы все время предъявляют нам претензии по отбору студентов, а нам посылать некого. Ни один из германистов, которым Казак покровительствует, не ударил палец о палец, чтобы помочь нам набрать немецкую группу. Ни Зоркая, ни Дмитренко, ни Сотникова, ни Микушевич. Я об этом и сказал. Интерес к немецкому языку падает. Если, как вы считаете, падает к русскому, то на фоне той же культурной разрухи, падает и к немецкому. Не без вашей помощи, не без ваших любимых диссидентов эта культурная ситуация и возникла. У нас сейчас лишь тринадцать студентов изучают немецкий язык, из них двое пятикурсников, которым ехать куда-либо уже поздновато, а двое намечены к отправке в Германию. Мы решили сокращать обмен, он нам не выгоден. Мы посылаем студента на полгода, а немцы шлют нам своих сериями по два месяца. Каждый раз встречи, общежитие, оформление. Здесь еще и финансовый аспект: немцы эти поездки организовывают за счет государства, а мы — за счет института, за счет коммерческих средств, ибо других нет.

21 сентября, суббота. Все время пытаюсь освоить новый портативный компьютер. Старость — она и есть старость. То, что молодые делают не задумываясь, четко и быстро, у меня получается со скрипом, с попыткой все понять и умом проследить извивы работы очень быстрого устройства. А здесь, как и в жизни, надо полагаться на инстинкт, порыв, а порою даже и случай. Я своим высшим достижением считаю то, что я в сорок лет

научился управлять машиной.

Дневник, как хотелось бы, не могу писать ежедневно. За неделю так устаю на работе, что, когда прихожу домой, сил на какое-то интеллектуальное движение не хватает — тупо смотрю телевизор или читаю газету. Пропадает огромное количество деталей и наблюдений. А дневник сейчас, наверное, единственная литература, которая имеет право на существование. Что-то пытаюсь сделать за воскресенье, но краски выцветают, как у акварели, слишком долго лежащей на солнце.

Вышел девятый номер "Юности" с "Гувернером", но меня это не радует. Я уже знаю, что все решат, что это старомодно, неоригинально, пресно. Время такое, что литература искусственно градуируется по возрастному принципу, и у шестидесятников, заведомо известно, хорошо получиться не может. Пресса сейчас в руках у молодых, и они мстят за былое, за геронтократические пристрастия былых времен. Впрочем, это принцип, как мне кажется, поддерживается в первую очередь именно молодой и старой еврейской интеллигенцией, но Бог им судья, разные культуры, здесь уже ничего не поделаешь.

В пятницу уехал в Обнинск. Недавно я понял, что если у меня и есть хобби, а я-то грустно полагал, что не обладаю никакой страстью, то это строительство. Мой мещанский ум любит сосредоточиваться скорее на конструктивных особенностях и различных хозяйственных усовершенствованиях, нежели на извивах моей прозы. Вот и на этот раз я переделал въезд в гараж. Сосед Дима и на этот раз взял с меня очень большие деньги, а сделал все плохо, пришлось с ним ругаться. Потом разбирал на зиму теплицу и мысленно проектировал еще одну — новую. Новая тепличка будет стоять, прислонившись к солнечной стороне дома. Я так видел на картинке. Сделаю я ее из оконных рам, которые освободятся после того, как вставят металлические евроокна. Полагаю, что жить на даче в Обнинске станет очень хорошо и комфортно, когда я выполню все свои строительные планы и умру. По дороге домой размышлял о даче под Сопово, в которую я вломил уйму денег. Там еще надо все обшить вагонкой, устроить колодец.

Увлекся книжкой Георгия Соломона "Среди красных вождей", ни озлобленности, ни конъюнктуры, старый убежденный большевик, портреты новых вождей. В одной из загранпоездок носил чемодан Ленина. Это все по преимуществу дипломаты или люди, увиденные глазами дипломата. Чего стоит только портрет Зиновьева, который в 1917-м был еще подвижным и живым парнем. Вагоны с деликатесами, которые гонят из-за границы, преимущественно из Германии, для утробы молодого вождя.

Сюжеты с Иоффе, Литвиновым, Чичериным, Гуковским. А мелкая, в основном грамотная, еврейская челядь, наполнившая и присосавшаяся к советским постпредствам. Картина, отчего-то напомнившая мне о нашем времени. Наши политические деятели, ставшие, как Черномырдин, Гавриил Попов и многие другие, внезапно чрезвычайно богатыми. И еще в этой связи невольно вспоминаются политические процессы 30-х годов и невероятная беспощадность Сталина по отношению к бывшим друзьям. По замечаниям современников и соратников, Сталин отличался личной безукоризненной честностью и почти монашеским аскетизмом. Не месть ли это за былой грабеж?

Прочел большие работы студентов Трониной и Вьюгина. Вьюгин теперь восстанавливается в институте и уже окончательно переехал в Россию из Эстонии или Латвии. Выперли. Я помню, как он мотался туда и обратно, подторговывая дезодорантами и шампунями. На что-то надеялся. Судя по его роману, прошел жуткую школу, не исключено, что и кровавую. Его новый роман о киллерах читается с захватывающим интересом. К сожалению, парень что-то потерял из стиля, с которым пришел в институт. Я до сих пор помню рассказ, с которым он поступал — "Мародер".

В понедельник напишу Вьюгину и Трониной по письму.

24 сентября, вторник. Сегодня "МК" поместил такую заметочку: "Литературная общественность взбудоражена слухами о создании еще одного Союза писателей. Этот предполагаемый союз может возникнуть на базе Литературного института, а его членами могут стать все писатели, когда-либо закончившие сам институт и Высшие литературные курсы. При этом ориентация нового союза обещает быть принципиально внеполитической, хотя в это трудно поверить. Напомним, что выпускниками института являются тысячи писателей нынешнего СНГ. По слухам, руководство так называемого "бондаревского" Союза писателей России на Комсомольском проспекте встревожено возможностью появления новой писательской структуры, которая сможет оттянуть к себе крупные писательские силы, если, конечно, допустить, что такие еще имеются".

25 сентября, среда. В понедельник не вышел на работу Коля Кузьменко. Поэтому схватка из-за бойлерной в общежитии впереди. Я абсолютно уверен, что там со стороны "Медэкспорта", получателя тепла и энергии, который перераспределяет ее нам, административное воровство. Заправляет там всем некто Козлов. Практически об этом я написал три недели назад префекту Систеру, но перемен к лучшему пока не вижу.

Сегодня с раннего утра дома. Заказал пластмассовые пакеты для окон, и сегодня их должны ставить. Стоит это дорого,

практически пришлось отказывать себе в таком необходимом, как отпуск, и насущном, как хорошая обувь, но я полагал, что в ближайшее время состоится операция у Вал. Серг. и в ее-то комнате надо иметь герметическое и легко поддающееся регулировке окно. В этом году, в отличие от предыдущих, затопят на две недели позже — с 1 октября. В доме стоит холод, и я уже простужен. Это результат последней ночи. Результат ведения дел в нашей стране.

С утра читал "Историю Французской революции" Карлейля — поразительно, как в третий раз, счатая революцию 1917-го и перестройку, повлекшую за собой смену строя, все развивается по одному сценарию: с недовольства верхов, подтачивающих власть — аристократии, русской и французской, вспомним великих князей и братьев короля, партийной элиты, потом усилия масонов, спецслужб других государств, а в наше время еще диссидентствующей, преимущественно еврейской, интеллигенцией. Со счетов, конечно, нельзя сбрасывать еще и эксплуатируемые массы — и оглупляемый, оглушенный народ. Интересно, что в книге Карлейля я встретил слово "перестройка". Вот она — черная магия слова.

Сегодня утром Вал. Серг. ездила к хирургу относительно операции — и вдруг телефонный звонок: операция отменяется, велика степень риска, и хирург полагает, что она хорошо реабилитировалась после диализа, хорошо выглядит. Имеет, конечно, значение, что и сама Вал. Серг. операции не хочет, справедливо боится. Моя-то точка зрения обывательская: Бога нечего гневить, если хорошо, то не следует стремиться добиваться лучшего.

Окна, естественно, не поставили, только привезли. Рабочие-

перевозчики сказали: монтажники прибудут, наверное, через полчаса. Вечером я позвонил на фирму: ах-ах, простите, что вам не позвонили. А я-то надеялся, что капитализм пристрастит наших распоясавшихся бытовых работников.

Во вторник с успехом провел семинар с обсуждением новой повести Павла Платонова. Сделал это даже с некоторым вдохновением. За последнее время ребята меня радуют, они все чрезвычайно быстро взрослеют. Они уже по-другому говорят, чем два года назад. Мне кажется, что нынешнее поколение шагает быстрее и размашистее. Я до сих пор кажусь себе вчерашним мальчиком.

11 октября. Исполнилось двадцать лет, как умерла мама.

Во второй половине дня был в Содружестве Пулатова на заседании по празднованию 95-летия со дня рождения Фадеева. Обидно, что в основном собрались старые люди, теперь это мои

собеседники. Как всегда, очень интересно говорил С.В. Михалков. Из старых знакомых — Нина Ивановна Долгушина, с которой я познакомился пять лет назад в Чугуевке. Не исключено, что мне опять придется лететь во Владивосток. Там меня, говорят, ждут. Фадеев, как и Горький, знаковая фигура времени, на которой скрестилось общественное мнение, базирующееся, впрочем, на незнании.

По дороге домой в метро читал статью нашего пятикурсника Алексея Иванова в "Литучебе". Статья о Литинституте называется "Тридцатилетние". Тезис, довольно спорный, что тридцатилетние — соль земли и именно в это время пишутся все лучшие произведния. Приводится в качестве примера Анат. Ким и Саша Соколов. А Вольтер, написавший "Кандида", кажется, в шестьдесят? А многие другие писатели, чей талант расцвел именно в зрелом возрасте? У Алексея ощущение, что старшие его не пускают в литературу и старшим тоже в литературе не дают жить, но не возрастные силы, а некоторые другие. Но в статье есть боль и волнение. Много закавыченных, но без сноски на имя цитат из меня. "Нас встретили на пороге словами: "Если вы решились прийти сюда, знайте, что вашу жизнь вы уже проиграли". Мое, мое. Интересно и восприятие меня студентами: "Помню, когда пришли первого сентября, на крыльце стоял ректор и приветствовал нас. Он говорил, а ветер развевал седую прядь волос. Он говорил, что Литинститут — это непотопляемая субмарина, и рубил ладонью воздух — какая хорошая мысль! Да и было похоже, что стоит он на капитанском мостике. Затем распахнул дверь, а субмарина начала свое погружение. И вот плывем уже три с половиной года, и готов плыть хоть всю жизнь". А я-то со стороны кажусь себе еще мичманом.

"Независимая" 20-го поместила заметку Александра Панова о церемонии вручения Казаку мантии и грамоты. Выделяю фразу: "Выбор оправданный и объяснимый — Казак имеет немалые заслуги перед русской литературой и перед Литературным институтом, в частности (на церемонии присуждения степени ректор Литинститута Сергей Есин вспомнил "милый Кельн" и семинары Казака)". Хороша и газетная фотография — я надеваю на Казака мантию, которая застегнута на "женскую" сторону по недогляду наших милых дам — Е. Кешоковой и моей секретарши Галины Васильевны, ездивших в дом моделей Зайцева: обе докторские мантии были сделаны на Барбару — нашего второго доктора Honoris causa; итак, я надеваю, вытянув руки, шапочку на доктора "полицейского литературоведения" (так Казака в прежние времена обзывали в "Литературке"). Оба — и Казак, и ректор — самодовольны до отвращения.

26 сентября, четверг. Вчера вечером ездил на презентацию книги "Desert Warrior" by Prince Khaled ben Abdel Fziz Al Saud. Прислали огромный конверт с приглашением. Все — и сам билет, и конверт на роскошной бумаге, фамилия и имя — напечатано типографским способом. Сама презентация — в "Редиссон-Славянской", отеле, в котором останавливался Клинтон и где всегда так хорошо на всяких сборищах кормили и поили. Во всем ощущение роскоши и немыслимого богатства. Так, впрочем, оно и оказалось, ибо автор книги — забегая вперед скажу, что ее, кажется, а это как раз меня и привлекало, не раздавали, — племянник нынешнего саудовского короля, военный министр, "параллельный" американскому генералу главнокомандующий арабскими войсками. Герой последней иракской войны. Пригласил министра Лужков: попытаться продать ему кое-что из военного снаряжения?

Когда я вошел, то сразу увидел, что публика разнокалиберная и ее излишне много, да и повели всех, к моей неожиданности, не в милый банкетный, а в конференц-зал. Презентация началась на тридцать минут позже. Боже, но какие были речи! С каким придыханием наши штатские и военные произносили слова "ваше высочество". С каким энтузиазмом льстили. Как упоительно говорили о дружбе. Хусейна называли не иначе, как "багдадский правитель". Наши новые богатые (богатые ли?) продавали своих бедных соотечественников и продавались. С каким упоением говорили о войне, в которой я не был на стороне американцев. Долго я эту трескотню выдержать не мог. У подвернувшегося поблизости охранника бесцеремонно спросил: "Жратва после пресс-конференции будет?". Охранник ответил: "Если и будет, то не для всех". Я представил себе, что мне придется проталкиваться через этих "не для всех", качать свои права, стыдобушка-то какая. Я тут же, бочком-бочком, и вышел прочь к домашнему супу и домашним же, из холодильника, рыбным котлетам. Обычное хамское отношение к широкой публике. Нагнали, а потом, желая сэкономить, ищут кто познатнее, кого нельзя не накормить, а кто и самим воздухом королевского высочества будет сыт.

В три пятнадцать состоялся ученый совет. Прошло довольно легко, Минералов стал завкафедрой, Корниенко — профессором. Это и неплохо, она работящая, неглупая. Вышла из печати — привезли сигнал — новая книжка Вишневской о Сумарокове. Сделали хорошо, я рад, как младенец.

30 сентября, понедельник. Был на вечере, посвященном Фаине Раневской, в Театре Моссовета. Самое удивительное — на той же сцене, где совсем недавно она играла и я ее видел, сейчас говорят о ней в прошедшем времени. Собственные воспоминания

и мемориальные материалы — на сцене стоял огромный компьютерный экран и все время шли отрывки из фильмов — не совмещаются. Я уже давно не видел собрания, в котором были бы задействованы такие культурные силы. Перечисляю только участников: Мария Миронова ("Я с ней познакомилась до катастрофы, до революции 1917 года, в 1916 году"); Зацепина (она с ней снималась в двух фильмах и рассказывала эпизод, как в перерывах между съемками Плятт и Раневская говорили, употребляя "русские слова", о затрещине, которую Раневская ей дала, чтобы получились слезы); Юрский читал Пушкина, но уже без прежнего, задыхающегося усилия, как читал в юности; Райкин прочел стихотворение Давида Самойлова и стихотворение Пушкина, но в самом конце так улыбнулся, что стало ясно, что молодой Райкин тоже актерский гений; Ольга Остроумова читала Ахматову — читала хорошо, но во всем этом была художественная невнятица, я понимал только слова, а не смысл; как всегда, Елена Камбурова пела, скорее декламировала, очень неплохо, но, как и всегда, чужое торжество превращала в свое; Владимир Васильев танцевал вместе с кремлевскими солистами "Золушку" (во всем вечере была тайная идея уподобить Раневскую Золушке советской власти), а потом передал букет цветов Г. Улановой. Оказывается, и она была здесь, на этом вечере. Я рад, что, кажется, поднялся со своего места первый, а потом и зал, а может быть, как говорится, весь зал в едином порыве. Пропускаю Карцева. Но не могу не сказать о Хазанове. Он читал некоторые свои мифические миниатюрки. В них было столько пошлости и грубоватой физиологической нечистоплотности, что выступившему следом Евгению Колобову с его оркестром зал, просто в пику, устроил бурную овацию. Настоящее искусство предполагает свободу.

Продиктовал "примечания" к первой главе "Власти культуры". Прекрасная мысль откомментировать уже давно написанные и начинающие стариться статьи переводит все в жанр чистой истории культуры и политики. Мысль счастливая.

1 октября, вторник. Надо бы начать с жуткой новой склоки, которая началась у меня с заочным отделением, с Низовой и Вартановой, но начну тем не менее с обсуждения Максима Курочкина. Сегодня впервые пришел на обсуждение Юра Козлов. Он говорил о Монблане постмодернистской литературы, из которой публике известна лишь крохотная часть. Шарик рулетки не попал на обозначенное число. Но попадает у 95 %. Меня порадовало, что его речь была неконкретна, но наступательна. Он против того, что этим молодым засранцам интеллектуалам наиболее дорого: они могут лишь сосчитать, понять, но не могут

со страстью прочувствовать. Письмо образованных импотентов. Пьеса Максима как формула, конечно, шедевр. Здесь придуманы такие ходы и вариации, что мне и не снились. Не хватает страсти. Обычная болезнь современных детей.

Что за дела: уже третий ректор борется с бабами, которые готовы сплетничать, покрывать преподавателей и студентов, снижать марку института, подменять требовательность слюнями, а бабы живут, а ректоры ложатся с инфарктами. Валя Сорокин, наш русский миляга-патриот, по своему обыкновению, уехал проводить очередное союзовское мероприятие. По этому поводу заочники, которых он "ведет", написали письмо.

5 октября, суббота. Решился поехать в обязательную поездку с Барбарой Кархофф в Ростов Великий. Я уже давно ничем себя не баловал, предпочитая отсиживаться на даче. Господи, какая осень, какой день, как таинственна и необъятна русская природа. Барбара взяла с собой какого-то мальчика-англичанина, вроде бы ее крестника. Крестник двадцати одного года, почти как разведчик говорящий по-русски, но вроде работающий в каком-то отделении английского банка или фирмы в Москве. Сергей Петрович взял еще нашего стажера норвежца с именем, похожим на Вермут. И у этого Вермута, и у Барбары, и у крестника Карла я увидел блеск в глазах по мере того, как перед нами разворачивались русские просторы.

Кремль оказался хорошо отреставрированным по сравнению с теми давними временами, когда я его последний раз видел. Это успели еще коммунисты. Невероятная русская цивилизация как бы поднимается в последнее время со дна. А может быть, раньше мы отказывались ее видеть и понимать? Мне это видится в малом и большом. Там обновленной оказалась церквушка, там ставят новую, там оказывается понятным что-то из русского характера. Как же проиграли большевики, решив разом покончить со всем религиозным, в том числе и хозяйственным укладом! Вокруг каждого монастыря были свои хозяйственные просторы, свои правила, а чаще всего — лучшие в округе — свои рабочие места. Изменилась ли жизнь к лучшему, когда церкви стали складами? В Ростове показывают казармы, в которых еще в допетровское время жили строители метрополичьего ансамбля. Хорошие, крепкие дома. К Олимпиаде 1980 года казармы решили разрушить, а на их месте воздвигнуть стоянку для экскурсионных автобусов. Разрушить с танками, взрывчаткой и неограниченными солдатскими ресурсами не смогли. Были дома, теперь уже несколько десятков лет стоят развалины. Кому мешали казармы?

9 октября, среда. Делаю эту запись второй раз, В. С. включила на кухне чайник — и компьютер вырубился, пара

последних страниц пропала. Кажется, я хорошо написал о своих тяготах жизни, об институте, ставшем мне ненавистным, о правительстве, которое не дает денег на культуру, а притворяется, что оно цивилизованное правительство, о наших преподавателях с замашками советских обывателей. Об этих двух назойливых и глупых бабах с заочки, с которыми идет постоянная и противная война, в которой мне не хочется пользоваться запрещенными приемами, а они пользуются. На что трачу время!

Из записной книжки. В понедельник, 7-го, вечер памяти Талькова. Дисциплина зала. Много самодеятельности. "Русский", "православие" — это такой же штамп, что и раньше "коммунизм". Поет Романов. Стихи плохие.

Написал письмо в Кельн. Через фрау Вибе. О Логачеве. Деньги.

Времени ни на что не хватает. Приходится заниматься сплетнями.

В воскресенье, 6-го, приезжали Черницкий и Романов. Привезли пирог.

Днем был в Обнинске. Разобрал теплицу и отдал долги.

Звонок — умер Куницын.

К двенадцати часам ходил на гражданскую панихиду в Дом литераторов. Пока шел, вспоминал, как несколько лет назад шел почти тем же путем в Гнесинку к Георгию Ивановичу на юбилей. Было много народу, стояла жара, и все еще, казалось, выправится.

Выступал я вторым после Гусева, прекрасно сказавшего о Георгии Ивановиче. Утром по просьбе Володи Куницына я написал статью о покойном для "Завтра", так что тезисы у меня были. После меня говорили Элем Климов, один из главнейших демократов начала перестройки, Ваншенкин, Марлен Хуциев, Володя Костров. Очень хорошо говорил старший Михайлов, который представлял, наверное, в этом же зале с подробностями и себя. Впрочем, через этот зал пройдут многие из нас. Только как замечание: мне показалось, что Климов в своей речи намекал, его опять кто-то угнетает. О, как сладко нашей интеллигенции жить под чьей-либо пятой.

12 октября, суббота. Страну сотрясают политические телевизионные разборки. Только что Борис Федоров, бывший председатель Национального спортивного комитета, — а нам помнится что-то о льготах на беспошлинную торговлю спиртным, полученных этим фондом, — только что Федоров сообщил, что Коржаков требовал с него 40 миллионов долларов, как тут же собирает бывший начальник президентской охраны пресс-конференцию и, в свою очередь, разоблачает Чубайса, Федорова, Гусинского, Березовского и косвенно, в намеках, многих других.

На этом фоне наши институтские склоки кажутся мелочью: комиссия на заочном отделении устанавливает, кажется, ряд поддельных подписей и другие безобразия. Все, как в государстве: вспоминаю дела с поддельными авизо.

Сегодня утром написал "собственное мнение" о проходящем по конкурсу Калугине. Пришлось вспомнить даже старинный эпизод, когда этот молодой человек бранил престарелую М.Р. Саркисову, и другую аргументацию.

Приезжал в институт Валерий, мой племянник, его обворовали в метро новым, не слыханным прежде мною способом. Из китайской куртки, сшитой из искусственного блестящего, а самое главное, очень скользкого шелка, выдавили бумажник. Вор "косил" под глухонемого, тыкался моему племяннику в живот. Потом долго терзали в милиции и так и не выдали бедному подполковнику Валере справку, что его обворовали. Теперь ему предстоит новый произвол: пересдавать на автомобильные права. Картины нашего советского полицейского произвола ужасны. Чувствуя свою безнаказанность, милиция даже не стесняется посторонних и посетителей. Царят воровство и обирание клиентов. Справку не дают, потому что какой-то босс боится повышения статистики по преступлениям в Москве.

Альберт Дмитриевич, наш директор институтской столовой, о котором я раньше еще не писал, обзавелся швейцаром. Надо сказать, что столовая эта в вечернее время работает как кафе и бар. Итак, этот швейцар, чрезвычайно милый и обаятельный негр, хорошо говорящий по-русски, учится в МГУ на физическом факультете, в аспирантуре. Работа у негра с четырех или шести вечера по музыкальным дням, когда играет джаз. Платит негру Альберт Дмитриевич около 500 тысяч рублей в месяц. Для людей, знакомых с нашими предыдущими порядками и с положением в Союзе с иностранцами, картинка эта увлекательнейшая.

16 октября, среда. Переписываю из записной книжки. Владивосток. Хотел, наконец-то, взять с собою маленький компьютер, чтобы не мучиться потом, обрабатывая свои дневниковые обрывки, но перед отъездом позвонил Виталий Вульф и сказал: вернешься без компьютера. Отчасти он был и прав, но мы жили в крошечном общежитии для спортсменов-олимпийцев, и, конечно, все бы обошлось.

Когда в последний раз уезжал из Владивостока, то думал, никогда больше не увижу этот город, это море, сопки, не побываю у родных мне могил бабушки, тети Веры, дяди Васи, дяди Коли, Юры, сына дяди Васи. Всех я помню еще молодыми, красивыми. Смерть тогда еще не подбиралась к ним. Но вот жизнь

распорядилась иначе.

Две недели назад у Пулатова возникла идея моей поездки на круглый стол по Фадееву в связи с надвигавшимся 95-летием классика. Шли долгие препирательства: за счет союза или за счет института. Я, еще памятуя старые годы и огромные очереди на самолеты, потребовал зарегистрированный билет обратно. Пулатов как-то долго не мог понять, что ехать за счет института я не могу, не имею внутреннего права, когда такая нехватка денег, долго телился и, наконец, позвонил: "Фирма "Трансавиа" предоставляет тебе и Мише Фадееву бесплатный билет туда и обратно".

Как я уже написал, поселили в гостинице на 7-10 человек для олимпийцев, в разговоре промелькнул термин "высшее спортивное мастерство". Сегодня с утра — приехали во вторник, под вечер — сидим без воды, света, тепла: отключили электроэнергию. Сразу вспомнились виденные по телевидению стачки и забастовки энергетиков и распри между губернатором края Евгением Наздратенко и мэром Владивостока Черепковым. Последний производит впечатление ненормального. Два года назад Наздратенко отстранил Черепкова от должности, и тот два года судился, пока московский суд не признал его отстранение незаконным. Целое лето край сотрясали забастовки, энергию отключали на 10–20 часов в сутки, и ясно, что такое лето, холодильники, которые не работают. Экономика, судя по всему, разрушена, ни Наздратенко, ни Черепкову взять средств неоткуда, они могут только манипулировать и маневрировать остатками. Интеллигенция, как всегда, без мозгов, и разделилась. Наздратенко, который обещает более уверенным голосом и наглее, пользуется большей популярностью. Саша Брюханов, корреспондент местного радио, который брал у меня интервью, говорил о баснословных взятках, выданных, чтобы отстранить Черепкова, о взятке в миллион долларов, которую увезло из Владивостока одно из первых лиц государства, С-ец.

В городе все как бы осыпалось. Стоят отдельные хорошо отремонтированные дома, огромное количество японских, с правым управлением, автомашин. Японцы от старых машин очистили все свои свалки. Сияют новые, на английском языке вывески, невероятное количество хорошо одетых длинноногих девиц с блудливыми глазами, но чувствуется запустение и вползающая разруха. Все неухожено. Крыши домов старые, и что станет, когда они окончательно проржавеют, шифер на них разрушится. На центральных улицах грязь, памятники облезли, монументальная группа "Борцам революции" на центральной улице обнесена барьерчиком, потому что отваливаются куски. В

свое время Черепков разрешил пенсионерам ездить в городском транспорте бесплатно, но в городе все больше и больше "коммерческих" рейсов, на которые это правило не распространяется. Нахохлившиеся бабульки часами ждут муниципального автобуса.

К четырем часам в день приезда пошли на обед к Нине Ивановне Великой, мощной старухе, похожей чем-то на Раневскую, заведующей кафедрой литературы в университете, ее я помню еще по прошлому приезду. Как сказали бы раньше, к даме кавалерственной. Напомню, именно она и Нина Ивановна Дикушина стали основательницами владивостокских встреч. Это еще раз свидетельствует, что для любого самого неподъемного дела достаточно лишь одного инициативного человека. Двадцать пять лет назад дело это было не только престижным, но и беспроигрышным, хорошо, что эти старушки не забросили его сейчас, когда оно у принципиальных демократов может вызвать некоторое сомнение.

Постараюсь бегло, без лишних слов, описать обед и однокомнатную квартиру Нины Ивановны. Без книг, некий профессорский аскетизм, зато обед заслуживает невероятной похвалы. Здесь, видимо, помогали аспирантки, а частичным финансированием занимался краевой фонд культуры в лице Майи Александровны Афиногеновой, тоже старой знакомицы. Раньше был бы ресторан, какая-нибудь обкомовская дача. Но разве бы в ресторане подали три салата, какой-то китайский с изюмом, "Фантази" с рисом и крабами. А рыбные котлеты из кеты, а голубцы как горячее блюдо, а помидоры с кремом, а два торта и бесконечные, не боящиеся обкомовского окрика разговоры!

Вечером ездил к своей двоюродной сестре Светлане. Отвозил коробку старых детских вещей и игрушек, которые Наташа, жена Валеры, посылала для светланиного внука. Живут они, как и прежде, в трехкомнатной квартире, которую Светлане оставил прежний муж. Новых вещей практически нет. Саша — сожитель дочери Светланы, тоже Светы, теперь уже ее муж. У них прелестный мальчонка, Сергуня. Саша уже оставил свою "крутую" работу, о которой я все время выспрашивал его в прежний приезд, и теперь занимается работой самой обычной: зимой ходил матросом в море. Его прощание с крутым бизнесом выразилось в том, что ему пришлось продать не только его звуковую аппаратуру, но и золотые бирюльки, которыми он очень гордился. Пять лет назад Саше был двадцать один год.

Живописал последний свой рейс в Корею с частной коммерческой фирмой. За рейс не заплатили, во Владивостоке приходилось долго, частями выбивать "гонорар". В самой Корее

капитан, экономя деньги, восемь дней не кормил своих матросов. Съели все старые сухари, крупы, заплесневелые галеты, начались какие-то желудочные заболевания. После восьми дней такого курорта команда подписала кабальный договор на оставшийся рейс. Где ты, профсоюз, прежний неусыпный страж трудящихся!

В среду состоялся круглый стол по творчеству Фадеева. Многое здесь вращалось вокруг статьи Вячеслава Всеволодовича Иванова, Комы, который недавно читал лекцию у нас в институте. Взгляд злого, несправедливого мальчика из-за соседского забора. Тезисы: циник, бездарный писатель, сатрап. Независимо от справедливости или несправедливости этих утверждений, я полагаю, что в высказываниях Комы было много тайного, того, что говорилось за столом у его родителей. Выступали Н.И. Дикушина, Н.И. Великая, Сергей Филиппович Кривашенко — новый, вместо Великой, заведующий кафедрой литературы в университете. Интересная была подборка фадеевских писем у Дикушиной, особенно письма Пастернака о Сталине. Мне всегда кажется, что в исступленных письмах писателей, в их дневниковых записях есть некий двойной смысл: не были ли эти восторженные свидетельства простыми алиби для КГБ или каких-то лиц, которые могли еще при жизни прочесть эти частные заметки? Не писалось ли это заранее для следователей с Лубянки?

Надо бы для себя не забыть, что Фадеев был, со слов Миши Фадеева и Н.И. Дикушиной, личным врагом Берии. Высказывание М.А. Фадеева о поразительном чувстве одиночества у его отца в конце жизни. Здесь прорвался какой-то надрыв в отношениях родителей. Если иметь в виду характер и профессию А. О. Степановой, то многое понятно. Демократ Миша (в конце 1980-х опрометчиво вступивший в КПСС) также подчеркнул, что предсмертное письмо Фадеева было, при всей критике партийных методов руководства литературой, написано человеком, не разочаровавшимся в идеях коммунизма и коммунистах. Идеалы сохранились. Это письмо об исправлении жизни через социальное. Тоже деталь: самоубийство совершилось на даче, где на первом этаже находился лишь один человек, одиннадцатилетний сын. Потом мне Миша рассказывал: "Я даже не обратил внимания на выстрел, участок был огромный, было много охотничьего оружия, ружья висели на стенах, брат и отец часто стреляли из мелкашек и т. д.". И дальше: "На груди была крошечная, без крови, дырочка". Но это в каких-то более поздних разговорах.

Вернусь к конференции. Тут я хотел бы подчеркнуть выступление И.В. Григорай, литературоведа из Дальневосточного

университета: она говорила о возвращении Фадеева к народному характеру, натуральное здесь теснило социальное и историческое. Все это очень созвучно с моей теорией, что в большую литературу можно проникнуть только через положительного героя. Здесь же, на конференции у меня возникла идея на следующий год прочесть спецкурс по Фадееву. Если, конечно, буду жив и если соглашусь баллотироваться на второй срок.

23 октября, среда. На работе скопилось столько дел, будто меня специально ждали, чтобы выплеснуть все это. Но положение как-то пока нормализовалось. Комиссия по заочке сделала заключение, которого вполне хватило бы, чтобы выгнать из института всех людей, которые столько лет отравляют мне жизнь, но, как всегда, мне жалко, в душе шевелится дурацкая совестливость и боязнь Бога.

Дома застал все по-старому. Кажется, решилась моя поездка в Германию, к сожалению, не удалось достать визу на более продолжительный срок. В самое ближайшее время предстоит выступление на заключительном заседании конкурса Пенне. Может быть, победит Распутин. Уже стало ясно, что по молодежной номинации победит Волостнов с его "Поганочками". К моему удивлению, он оказался слушателем ВЛК. Ни в пятницу, ни в субботу не удастся поехать на дачу. У дяди Лени Сергеева золотая свадьба, и надо обязательно сходить. Может быть, все в последний раз.

27 октября, воскресенье. Вчера на час назад перевели время. Сейчас четыре часа утра по "новому времени". Заполню страничку дневника и уеду на дачу. С.П. укатил туда вместе со старыми рамами от окон и балконными дверьми еще вчера утром. У нас новые "европейские" окна для очень богатых людей. Конечно, все это нам не по карману, но, наверное, это и есть признак мещанской бедности — одна дорогая, из другого времени, вещь в доме.

Со второй половины дня субботы уехал сначала в институт, потому что по своей добросовестности, прежде чем выступать перед публикой, хотел прочесть второй рассказ В. Распутина,

"В больнице". Здесь больше бытописательства, собственного больничного опыта и меньше закругленности трагической метафоры, которая так поразила меня. В Дом литераторов пришел, когда там уже закончились обсуждение и дискуссия между Распутиным и Искандером. Говорят, это было интересно. Честно, я волновался, потому что втравил Распутина в это состязание. Записал ли я в дневнике, что недели за три до финала почти час говорил с Валентином Григорьевичем по

телефону: он отказывался от дальнейшего участия в конкурсе, ссылался на то, что с двумя рассказами ему вступать в борьбу неловко и т.д. Обычная рефлексия боязни, но Распутин человек удивительный, и, может быть, здесь действительно обычная русская искренность и совестливость. Все, дескать, с книгами, а я только с рассказами.

В кабинете у директора Дома, Носкова, собрались не мои друзья, а, скорее, недруги — члены жюри. Контактен и демократичен был только Сидоров. Я, правда, ему отплатил его же монетой, в самом конце вечера, когда победитель был уже выявлен и Женя, от этой победы бывший в полной растерянности, отказался от выступления, я дал ему совет поблагодарить всю публику и поздравить всех финалистов. Итак, в кабинете Носкова было мне неуютно. Немножко поговорил с Давыдовым и вспомнил о его дочери и талантливейшей жене Торощиной. Войнович, которого я видел вживую практически впервые, оказался маленького, идеального размера для честолюбца, роста. Налетевшее телевидение снимало в основном демократов, обходя единственного затесавшегося сюда человека другой партии — меня. А чего, собственно, я из другой партии? Я просто за то, чтобы в государстве не воровали, чтобы была жизнь, а не ярем. За отсутствие лжи и за нашу русскую спокойную и доброжелательную жизнь, без врагов и с достатком. Здесь же был и мой сосед Слава Бэлза, который, я-то помню, не дал мне сказать в Третьяковской галерее во время открытия выставки Владимирской Богоматери. "Я — ваш нелюбимый сосед". — "Почему же нелюбимый?"

Начался заключительный тур. Пока комиссия считает, три члена жюри говорят о тех лауреатах, по поводу которых каждый из них был закоперщиком. Я говорил о Распутине. Передо мною был Солоухин, построивший свою речь довольно легкомысленно, не пожелавший что-либо сказать о самом Искандере. Знаю сто лет несколько его баек, как он, Солоухин, был в комитете по присуждению Ленинских премий и на них давили мнение и диктат ЦК. К моему тексту, который по просьбе Миши Семернякова я написал раньше для итальянцев, я приделал некую полемику: дескать, опыт мой не так обширен, как у Солоухина, ибо я в жюри раньше почти не состоял, а вот только был в жюри Антибукера — отметил свою принадлежность к другой литературе, — а там у нас просто: покидали в шапку свои предложения и сделали писателя знаменитым. После этого с потерями, но без бумажки, рассказал свой текст.

После меня выступал с несколькими словами о Петрушевской Войнович. В его речи было много нажима и агрессивных

утверждений только собственного мнения. Я ведь не забыл, как Лена Нестерина, моя ученица, вернула мне книгу Петрушевской со словами: я не буду читать эту гадость. Здесь взгляд на жизнь и этику. Потом Галя Кострова сказала мне, что говорил я хорошо, лучше всех, но отчаянно волновался. Во время одного из концертных номеров принесли решение счетной комиссии. Я просунул голову — сидел во втором ряду президиума, прямо за Сидоровым и рядом с Солоухиным — и увидел: Искандер — 132 голоса, Распутин — 167 или что-то вроде этого и 47 — Петрушевская, которая, кстати, на церемонию не пришла. Это была и моя победа, я-то знаю: рассказы Распутина я обсудил на своем семинаре, раздал довольно много билетов своим студентам.

Был у дяди Лени Сергеева. Мне так нравится их большая семья, такие чистые и хорошие люди. Мне кажется порой, что я их всех недостоин, я выдаю себя за другого. Отвез огромный букет роз, новый свой роман и бутылку "Уссурийского бальзама", который привез из Владивостока. Дядя Леня — это последний человек, который помнит, любил и теперь соединяет меня с мамой.

Пять утра, иду в гараж и уезжаю на дачу.

28 октября, понедельник. Субботнее присуждение премии Распутину — полное название Международная литературная премия (по прозе) "Москва? — ?Пенне" — вызвало сегодня обвал средств массовой информации, пришлось дать интервью "Свободе", "Вечернему клубу", "Труду". Постепенно я понял, что в этом все усматривают некий политический реванш. Именно поэтому перепечатываю в дневник свое представление в жюри кандидатуры Распутина:

"Рассказ Валентина Распутина "В ту же землю" — одна из жемчужин новой русской литературы, свидетельствующая, что русская литература вопреки некоторым расхожим мнениям не погибла, что идеалы ее по-прежнему высоки, а мастерство не утрачено.

Распутин один из тех редчайшего разлива писателей, почти любое произведение которого не только вызывает толки, но и — что главное — обрастает мифом суперреальности, надолго удерживается в сознании читателя, становясь как бы его собственным открытием и наблюдением. Что касается литературы такого качества и имен — здесь я не боюсь пересола — это Толстой, Достоевский, Тургенев, а если говорить конкретно о повестях и рассказах самого Распутина — это не только классическое "Уроки французского", но и повести "Живи и помни", "Прощание с Матерой", "Пожар".

Русский читатель знает, сколько здесь провидческой мощи.

Особенность взгляда Распутина-писателя — сочувствие маленькому человеку. В России это человеку обездоленный. В сегодняшней России человеку, социально обреченному на нищету, но все еще несущему высоко свои нравственные принципы, эта душевная бескомпромиссность героев Распутина декларирует порой даже нравственный ригоризм.

Сюжет рассказа "В ту же землю" чрезвычайно прост: смерть матери-старухи героини и ее похороны. Это действительно сюжет, но сказать это — значит не сказать ничего, потому что поразительные художественные детали уйдут. А здесь еще и жизнь, и судьба, и узнаваемые реальные подробности, знакомые сегодняшнему россиянину.

Это были тайные похороны, тут же, в городской черте, почти в городском парке, это был самодельный гроб, это был старенький легковой автомобиль, а не катафалк. Героиня не хочет контактировать с государством и его структурами, даже муниципальными. И здесь не только ее тотальная бедность и девиз любой коммунальной службы, даже похоронной, — грабь человека в нужде, — здесь еще и нечто другое: неприятие всего жизненного уклада. Неприятие не на политическом, а на нравственном, бытовом и этическом уровнях. Вот так.

Я уже говорил о маленьком человеке в распутинском творчестве. По своей пронзительности героиня рассказа "В ту же землю" не уступает, или уступает немногим, бедному Акакию Акакиевичу Башмачкину — знаменитому и провидческому герою гоголевской "Шинели".

Еще в пятницу вышла в нашем издании книжка литературных статей Адамовича "С другого берега". Новый для меня и очень доказательный, хотя и не всегда приемлемый, взгляд на явления советской литературы. Читаю с восхищением. Горжусь и собою, и нашей кафедрой, подготовившей книжку.

В воскресенье на даче сгреб все листья и окопал теплицу. Было хорошо. Вечером топил баню.

30 октября, среда. Состоялся "творческий вечер Валентина Сорокина". Это особая эстетика и специфика взвинченного поведения. Но, может быть, здесь и некоторая недостаточность общеинтеллектуальной подготовки. Вечер состоялся в малом, камерном зале Дома армии. Из выступающих интересен, пожалуй, был только Вл. Гусев, по-своему и оригинально сплетший свою речь. Среди прочих аргументов здесь была и русская *оголтелость*. Словечко очень милое и многое объясняющее. Зал был полон, чувствовалась большая подготовительная работа. Практически, кроме Проханова, здесь был весь патриотический бомонд.

Приходится нюхать свое, родное. Ганичев, Куняев, Петелин, Проскурин, Виноградов, Ларионов и др. Банкет состоялся наверху, на четвертом этаже, в библиотеке. Все было до слез бедновато, с воспоминанием о прошлом изобилии. Но ведь раньше хорошо жили не потому, что были талантливее или моложе, а лишь оттого, что демагогическое условие времени было такое, за счет других, угнетенных и нищих простых писателей жили. А теперь байки рассказываем, что всем было хорошо. Из фигур неординарных мне запомнился Шевцов. Одна из родственниц Сорокина ожгла меня полосующим взглядом. В своей речи, опершись на мысль Куняева посвятить Сорокину какое-либо из своих любимых стихотворений, я раздумывал, что же посвятить мне: *Соглядатая, Временителя, Имитатор* — у меня без посвящения. Все это говорилось не без моего рабочего, институтского смысла. Еще есть роман *Гувернер*.

В понедельник вышла заметка в "МК", злобно описывающая весь процесс присуждения премии "Москва? — ?Пенне". Тут же на меня обрушился ворох средств массовой информации: "Вечерний клуб", "Свобода", "Труд", но и все, и *наши*, и чужие не решаются сказать главное: дали не той тусовке, поэтому и нервничаем. А если и дальше так будет, останемся без доходов.

Каждый раз, когда еду на работу, вижу, какое безобразие возводится на стрелке Москвы-реки: памятник Петру I и 300-

летию русского флота. Поднятая длань царя, разрушителя устоев Православной церкви, бьет по шапке храма Христа Спасителя. По размерам они почти равны.

Во вторник вечером звонил Алексей Подберезкин, просит встретиться в програме "Один на один" с Зюгановым. Утром в среду прислали мне книжку Г.А., читаю, профессорская книжка, написанная негустым профессорским слогом.

В четверг ученый совет, который принесет мне не много радостей, утром я еду провожать в Шереметьево Лямпорта. Свои же евреи дожали этого интересного человека.

Политические склоки перестают меня интересовать. Бушует скандал по поводу введения в Совет безопасности банкира и владельца Березовского. Березовские всего мира объединяются на шее русского народа.

2 ноября, суббота. Пятница и суббота ознаменованы большими скандалами с В.С., тема все та же: отъезд С.П. на две недели за рубеж. В этом она, как глубоко больной и привязанный к месту человек, видит ущемление своих прав. Мы всегда сражаемся только со своими ближними. Чтобы скрестить всегда готовое и наточенное копье, нужна видимая и осязаемая цель. Какой смысл завидовать Новодворской или Фаллачи, какой

смысл завидовать английской королеве, баронессе Ротшильд или Майе Плисецкой? Объектом может быть только вооруженный и видимый всадник… Все это относится к любому нашему ближнему.

Как я и предполагал, коммунисты всегда обманут. Весь сырбор из-за моей встречи с Зюгановым внезапно ушел в песок: вроде бы Любимов сказал, что ему и каналу нужен более энергичный оппонент, типа человека из Администрации Президента. Это стало известно в четверг вечером и, слава богу, ничего путного, кроме вопросов, достаточно злых, я бы Зюганову и не задал. Просмотрел его книжку. В какой мере книжку эту писал Подберезкин и его аппарат?

Склока с заочным отделением разгорается. Убедить никого ни в чем невозможно, ибо здесь я имею дело с самонадеянной и некультурной силой. Эти заочные дамы вместе с сумасшедшим Васей так долго травили меня, мешали жить, мешали работать, на склоки оттягивали силы от института, что придется пойти до самого последнего конца. Дуры, они не понимают, что впереди возможна реорганизация. При всех условиях, лично моей жизни, ее внешним очертаниям, можно позавидовать.

В пятницу был на радио, где записали одну главку из "Гувернера". Но перед этим полчаса пробыл в пулатовском союзе, где Тулеев, уже как министр по делам СНГ, встречался с писателями. Я тоже сказал несколько слов, говорил сбивчиво и путано, проблемы, которые имеются, никем поняты быть не могут, и понять их никто не хочет, потому что под этим должны быть деньги и воля к добру. Ни того, ни другого у нашего правительства нет. Тулеев сидел, как совестливый кот, который стянул у хозяйки шмат сала.

Вчера вечером по телевизору показали Березовского, который рассуждал о том, как надо восстанавливать Чечню. Это на фоне жуткой истории, как расстреляли родителей прокурора, занимавшегося Буденовском. Автобус, на котором ехали старики, остановила банда боевиков, потом в автобус вошла женщина и указала: "Они". Стариков расстреляли и десять дней не давали похоронить. Ничего более страшного я пока о Чечне не слыхал. И Березовский ее восстанавливает. А надо ли ее восстанавливать! Может быть, это зачумленное место? Оставить, обнести колючей проволокой, рано или поздно, если они не изменятся, мировое сообщество поймет, что эту рану надо выжечь.

Так не хочется ехать в Германию, жизнь перестала меня нести. Потихонечку заканчиваю свою книжечку "Власть культуры". Возникает идея с оформлением. Практически надо наработать еще один публицистический слой.

Думаю о письме Дорониной об организации при институте актерского факультета. Для института это что-то новенькое.

5 ноября, вторник. Марбург. Никогда не предполагал, что придется увидеть этот город во второй раз. Все тот же замок, видимый с шоссе из Франкфурта, все тот же франкфуртский аэропорт с его бесконечным лабиринтом переходов, все тот же встречающий нас на своей машине толстый Гюнтер. Еще накануне, в Москве, уже стало известно, что Гюнтер встретит нас на полчаса позже, минуя всю процедуру, у стойки "Аэрофлота". Это были прекрасные полчаса, когда можно было наблюдать публику и разглядеть удивительное здание. Я должен сказать, что в аэропортах, где обычно более обеспеченная публика, встречается большое количество просто красивых и хорошо и модно одетых людей. Будто сидишь в кинотеатре и видишь фильм про аэропорт и западную действительность. Боже, какая вольготная и свободная жизнь, почему-то нет толпы и сутолоки, бесконечное количество стоек, какие все спокойные и доброжелательные от сытости люди. Кстати, пока искали стойку, пришлось не один раз обращаться к персоналу — и тут я заметил, что среди этих немок, говорящих на прекрасном немецком языке, очень много турчанок, африканок и вообще женщин с иными, нежели у немцев, лицами. Достаток и спокойствие цивилизуют и ассимилируют быстрее, нежели нищета, насилие, ненависть и неприятие. А позже, когда мы с толстым Гюнтером — чадолюбивый Гюнтер, оказывается, забирал детей из школы — мчались по шоссе, я подумал, что богатство страны созидают порядок, люди и их количество. Каждая пара рук, даже чужих "этнически", черных или в крапинку, прибавляет и присовокупляет богатство страны.

Уже в аэропорту я узнал, что лечу не один, как мне раньше сказали, а вместе с Викторией Токаревой и Леонидом Бородиным. Леня просто окликнул меня, когда я уже стоял на регистрацию. Я тут же вспомнил двухлетней давности кошмарную историю с его деньгами, взятыми для передачи кому-то в Германию, которые я забыл в Москве. Я убирал перед самым отъездом, уже в плаще, за заигравшимся и наделавшим на паркете лужу щенком, и конверт с деньгами, который я постарался положить поаккуратнее, во внутренний карман плаща, сполз по шелковой подкладке и упал на пол, я заметил это, я его поднял, положил на письменный стол, чтобы забрать немедленно, что-то меня отвлекло, конверт остался на столе. Не писал ли об этом два года назад в своем diary? Значит, тогдашний ужас запомнился очень сильно. Я тут же, так сказать, прямо на поле боя, стал объяснять Лене, где я обнаружил отсутствие конверта, как в состоянии аффекта я тогда

же прорвался через таможенный контроль, выскочил на площадь: машины с С.П. и шофером уже нет, а я еще надеялся, что свою пропажу найду где-нибудь на полу в автомобиле. И уже в Марбурге, когда мы на машине Гюнера, такого толстого, что садились передние рессоры, проезжали крошечный город, я снова завел прежнюю тему и, будто оправдываясь и обкладывая свои вымыслы реальностями, принялся показывать здание главпочтамта и те, выкрашенные желтым, телефонные автоматы у входа, откуда я звонил в Москву, и Валя ответила мне, что никаких денег не видит. Ужас своего немедленного, у автоматов, планирования — где достать, где взять, у кого перезанять и чего себя лишить — я здесь не передаю.

И потом, наверное, и в момент этого проезда меня всегда поражало одно: ничего в этом городе внешне не меняется. Кажется, те же вещи на витринах, те же горшки с цветами на подоконниках. Я бы не смог здесь жить. О чем хотя бы писать свой diary? Сколько за это время случилось и сгорело у нас в России!

К сожалению, не могу описать ни нашу встречу с Викторией, ни наш перелет в три часа, ни наши разговоры. Вика, конечно, очень непосредственный человек, у которого все получается шутя и играючи. Мне бы надо завидовать ее таланту, ее легкости, удачливости в делах, ее изысканности и откровенности. Но при всей ее очаровательной коммуникабельности я не могу всю ее удачливость в литературе и делах отнести только за этот счет. Вика рассказала поразительную историю женитьбы ее отца, видимо, чистого разлива петербургского жителя, на ее матери. Мальчик, худенький и узкоплеченький, поехал на практику во время голода на Украину и встретил юную восемнадцатилетнюю девушку — "много розового и сладкого мяса". Поехала она с ним в Ленинград только потому, что расправлялся со всеми неимоверный голод. А на кой молоденькой и красивенькой девахе этот цыпленок? Стараюсь передать все ближе к Викиному тексту. А когда цыпленок, под влиянием огромной родни, собравшейся внезапно в огромной столовой, в доме на Невском — они молча воззрились и на своего кровного молодого петушка и на некошерную курочку: кого ты, дескать, Моня, нам привел? — вот когда цыпленок-петушок, осаженный родственным благоразумием, вдруг сказал: "Ты, голубушка, поезжай пока домой, мне надо служить в Красной армии", тогда скромная некошерная девица молвила своим не самым тихим голосом: "Дак, с какими якими очами я отсюда стикаю?". И осталась. Все события дальше должны были привести к появлению сначала на свет, а потом и в литературе писательницы Токаревой.

Может быть, когда-нибудь мне удастся включить в дневник и разговоры с Бородиным. Я много с ним встречался, но плохо его знаю. По крайней мере, в его высказываниях есть русская печаль обреченности и есть трезвость понимания: я писатель-самозванец и всем своим литературным успехом обязан политике. Кстати, когда он вышел из лагерей, на его счету было 52 тысячи марок. Его дела вели за него "Грани" или "Посев". Сейчас с деньгами пусто. У него тоже, как почти у всех нас, русских, нелады с критикой. По словам Вики, мы оба с Леней числимся по ведомству антисемитов. Может быть, это справедливо в той части, что до вступления в литературу, лет до 35–40, мы об этом экстравагантном чувстве и не помышляли. Школа советская привила нам эту вакцину.

Вечером традиционная "Крона" была закрыта, и мы сидели в какой-то забегаловке. Все старые друзья — Легге, Пафф, пришла в восемь после трех уроков Барбара, как всегда внезапно и неожиданно возник Слава Куприянов. Я пил "Гиннес" и доел мороженое за Викой, Леней, у которого ко всем его несчастьям еще и поджелудочная, за Толей Кимом, он тоже оказался в стольном Марбурге.

В забегаловке нашей компании прислуживал молодой, лет двадцати двух, кельнер. Прелестная, от природы обаятельная морда. Ни о чем он серьезном не думал, жил, как птица. Такая обаятельная мордаха, такой редкой пластики фигура. Правда, Виктория с ее психологической наблюдательностью сразу сказала, что парень педрило. Я не о том. Сидят за столом четверо очень известных руских писателей, Толя строит из себя классика, я приноравливаюсь к этому, за Бородина его книги, за Токареву ее издатели и гонорары, но, боже, как бы сейчас поменять все былое и прошлое на эту легкость движений и безоблачное и ясное понимание жизни. Какая тоска, а перед парнем расстилается весь двадцать первый век.

С Куприяновым поговорили о Евг. Харитонове — он его знал. В поведении тот, говорит Слава, в первую очередь был брутальным.

В тот момент, когда в забегаловке, которая, впрочем, мне очень понравилась, мы ели какую-то домашнюю колбасу на больших тарелках и я наблюдал за обаятельным официнтом, стало известно, что Ельцину сделали операцию и она прошла удачно. Ну, и слава богу. Человек страдающий всегда достоин прощения. Через час, уже по телевидению, я видел демонстрации на Красной площади в Москве и на Дворцовой в Ленинграде: старики и старухи несли плакаты "Мы хотим есть". В еду входит и хирургическая операция нашего президента.

6 ноября, среда. Все утро, что мне не свойственно, медленно, заглядывая в магазины, не волнуясь, не завидуя и не нервничая, гулял по городу. Но еще до этого Леня и Вика вместе с Куприяновым уехали, кажется, в Бохум, в ту гимназию, где я был прошлый раз. Они классики, у обоих вышло в Германии много книг, им и работать. Моя цель тоже определена — покупка кейса для переносного компьютера. Я впервые решил совершенно даже не думать о деньгах, а скромно, но точно купить, что мне хочется.

Но все началось с того, что утром я совершил пробежку в моем любимом старом университетском ботаническом саду. Замотанный обстоятельствами и жизнью, я совершенно не обращал внимания на себя, и вдруг такая передышка. Как прекрасно жить вместе с рассветом, наблюдать, как тьма отгорает, и знакомые дорожки, здания и беседки появляются, словно на проявляемом позитиве. Будто ничего не изменилось, и утки в извилистом ручейке и в небольшом бассейне плавают те же самые, и та же женщина, видимая в освещенное окно, моет полы и убирает лаборатории в еще чуть только наметившемся в отступающей темноте здании. Но вот таких золотых и хрустящих листьев в прошлый раз явно не было. Впрочем, новшество есть. Пробегая вдоль подпорной стены, отгораживающей уступ парка от улицы, под одной из арок я увидел, уже правда покинутое, гнездо бомжа. Неужели дошло?

Разброс цен на компьютерные кейсы от 400 до 50 марок. Купил бы не задумываясь и за 400, но кейс мне нравится не вполне, хотя знаю, что привыкну и буду его любить и с удовольствием с ним ездить. Вообще переносный компьютер приносит мне тьму удовольствий. В магазине слышал русскую и литовскую речь. Соотечественники ведут себя довольно вольно.

Утром за завтраком материализовал совет, данный мне накануне Викторией, прихватить со шведского стола бутерброд. "Часика в три тебе так захочется есть, и ты с таким удовольствием его съешь, что этим будут перекрыты некоторые неудобства за столом". Я поразился тогда тому, что практически это совет из "Гувернера". Готовый к этому поступку психологически, я мастерски выполнил операцию и был чрезвычайно счастлив в три часа, когда согрел привезенным из Москвы кипятильником чай и выпил его с куском хлеба и куском копченой ветчины, а мед я купил в здешнем магазине, так же, кстати, как и фруктовый, дивного аромата чай.

День прошел в милых блужданиях по городу.

Вечером вместе с Барбарой поехали в одну из школ, куда собрали студентов и старшеклассников, говорящих по-русски. Собрались вместе с учителями человек сорок. Мы долго

препирались с Барбарой: она настаивала, чтобы я воспользовался уже готовой их формой, так любимой у нас до революции, читал одну из глав вслух, я почти согласился с нею, но в последний момент решил прочитать привычную для меня лекцию по литературе. Ребята были этнические немцы, переехавшие в Германию с родителями из России. Русские за границей учатся, оказывается, только одному предмету — экономике. Глядя на них, я решил потратиться, в смысле потратить силы, ведь почти наверняка с подобным человеком им за жизнь уже не встретиться. Я говорил им о русском менталитете, что хоть они по крови и немцы, но не должны забывать русскую книгу и русский язык, говорил о преимуществах делового человека знать литературу по сравнению с человеком, который ее не знает. Я выкладывался хотя по знакомым блокам и чувствовал себя молодцом.

Вечером вместе с Барбарой, Наташей Громовой и Толей Кимом ездили в какой-то немецкий национальный ресторанчик. У меня сейчас, когда я выбиваю эти слова на клавиатуре, начинают течь слюнки. Розовый, огромный кусок предварительно подкопченного свиного мяса, кислая тушеная капуста и горка жареного картофеля. Ресторан уютный, капитальный, красивый. По стенам старинные, сделавшие бы честь гравюрному кабинету почти любого музея, эстампы. Владеет рестораном одна и та же семья уже в третьем или в четвертом поколении.

7 ноября, четверг. Только написав это число, сообразил, что сегодня один из самых значительных праздников — годовщина Октябрьской революции. Как там в Москве? Сегодня ночью опять появились московские сны, а значит, и московские тревоги. Волнуюсь за В.С., за институт, за свое будущее.

Утром прощались с Кимом. Было интересно наблюдать, как много мясного он ест за завтраком.

День у меня сегодня до вечера свободный, я ходил к замку и побродил по музею. Здесь, конечно, никаких слов не хватает, чтобы сказать, сколько в этот музей вхлопано денег и как замечательно все получилось. Выше всяких похвал экспозиция, включающая новый комфорт и удобства в старые замковые стены, и сами экспонаты. Много мебели, костюмов, предметов быта разных слоев общества. Если экспонируются крестьянские стулья, то в стеклянной витрине их стоит полдюжины, все традиционные, похожие, но в каждом личная индивидуальность мастера и хозяина. Интересна и сама конструкция замка: узкие, оформленные стеклом щели в полу, показывающие конструктивные проходы и колодцы. Видимо, национальный характер ничего не ломать, а достраивать и совершенствовать.

Неожиданное около часа дня явление — один из мальчишек, бывших вчера на моей лекции, пришел ко мне в гостиницу проконсультироваться по поводу своих стихов. Зовут Денис Швыдкой. Сразу признался, что полуеврей, живет в Харькове. Интересная подробность — его тетка замужем за актером Маковецким.

Таланта у парня нет, обычная ровность и ощущение, что он во всех областях жизни боек и расторопен. Есть гладкость, но читал мало, лишь бурлящие по-молодому эндокринные железы. Поговорили хорошо. Здесь парень довольно случайно получил стипендию, приехал по обмену на практику, сдал минимум по языку и послал документы на конкурс: пригласили два университета, еще ганноверский. Он выбрал Марбург. Живет на помощь родителей и приработки. Что-то делает с бутылками на пивзаводе. Шесть часов непрерывного труда по два раза в неделю — 90 марок. В месяц собирается около четырехсот. Работу, если не лениться и хорошенько потопать, найти можно. Возмущается тем, что здесь есть "дискриминация": "Посылают за разрешением на право работы. Говорят так, дескать, работайте, но если нам с биржи в течение недели пришлют немца — не взыщите".

В четыре часа вместе с Барбарой ездили в какое-то знаменитое кафе, где выпекают немыслимые пирожные. Кафе старинное, как и вчерашний ресторан. В ассортименте до тридцати сортов тортов и пирожных. Вкуса необыкновенного. С

Барбарой договаривались, что я завтра в школе буду читать из "Имитатора". Русскую литературу внедряют в умы школьников, как Екатерина Великая внедряла в России картошку. Надоело чувствовать себя побирушкой, настоял, что в кафе заплачу я. В восемь часов предстоит еще какое-то суаре, кажется, в том же подвале у директора гимназии, что и в прошлый раз.

Удивительный город, хожу по нему уже четвертый день, а ботинки все еще чистые. Никакой пыли и грязи.

Вечером были в том же подвале, что и почти два года назад. Хозяин — директор гимназии. Огромный дом, "мерседес", гараж с откидывающимся по радиоуправлению входом, подвал-бар, отделанный под какой-то кубрик на корабле. На столе вдоволь хлеба, ветчины, сыра, немножко зелени, вдоволь вина и пива. Кто-то из наших заохал, вот, дескать, обычный директор гимназии! Нет у меня зависти к их жизни, я хочу только своей и у себя. За столом скучные, полурастительные разговоры из общих мест. Зачем им всем литература? Впрочем, книга отзывов аккуратно ведется. Я нашел там и министра Сидорова, и свои фотографии, и пожелания прошлых времен.

Как-то получилось, что мы, русские, уединились у рояля и с наслаждением спели песни военной и послевоенной поры. Совершенно безголосая, по ее собственным словам, Виктория жестко аккомпанировала и держала наше сборище. К моему удивлению, все знали слова — и Куприянов, и Вика, и Леня. Разошлись в первом часу, чрезвычайно довольные.

8 ноября, пятница. В ежедневном писании дневника тоже есть и свои минусы — не отстаивается. В компьютере тоже есть опасность. Слово, его компьютерная ровность и товарный вид затягивают. Не становлюсь ли я постепенно графоманом и автором произведения о физиологии собственных дней? Не заглушаю ли дневником тоску по настоящему и по жгущей руку продукции? А так вроде бы какое-то дело. Только собственной духовной работы нет, съели ее или возраст, или отсутствие андреналина. Нет и желаний, кроме самых низких и тупых, скорее пассивных фантазий. И от интеллектуальной деятельности иногда только недолгое физиологическое удовольствие. А потом все пропадает.

Сейчас вечером, уже в номере гостиницы передо мною в телевизоре только что бежали CNN-овские новости, несчастные и голодные дети в Сомали, камера суетится и показывает слезу ребенка, а у меня ничего, кроме изобразительного любопытства да неосознаного соображения: хорошо всем в одинаковой степени быть не может, чужое страдание подстраховывает от собственных. И страданий на всех тоже одинаковая доля, кому больше, а кому,

значит, меньше. Значит, меньше нам, белым, мне. И страдания всем не хватит.

Утром ездили с Барбарой в гимназию. Я уже заранее был раздражен: некая постсоветская, но на немецких дрожжах настоящая обязаловка. Но сначала о школе. Конечно, и снаружи, и изнутри, и по оборудованию она прекрасна. Впрочем, противопоставления, как ожидается по фразе, не будет. Мне нравятся немецкие дети, их осмысленные лица, и вообще не следует по одному-двум случайно встретившимся дебилам думать о целом поколении. Растут хорошие ребята. Но — ближе к первому впечатлению. Поразили вначале дети: такие сытые и уверенные, у всех гладкая и вылощенная, с просвечивающим через нее румянцем, кожа. Мы попали во время перемены, и только этим, наверное, объясняется мое следующее наблюдение: все жуют. Кто яблоко, кто какую-то булочку, стоя, на ходу, сидя на подоконнике. Физиология питания у немцев, конечно, сильна. Немецкая кухня — обильная и натуральная. Опять забегая вперед, поделюсь, что когда через пару часов мы с Барбарой обедали в одном деревенском ресторанчике и нам подали шницель, я понял, что под словом "шницель" я раньше понимал нечто другое. Этот шницель, сдобренный хреном, сильно отличался от тех, которые подают в институтских столовых и в деликатесных российских ресторанах, он в пять раз больше по площади и в десять раз значительнее по весу. Не этим ли объясняется и румянец, и немецкая стать, и пузо у мужиков, и их отменные немецкие зады, и ранняя солидность. Умеют жить в радость и в собственное удовольствие.

В учительской, скорее, зале, в котором много воздуха и простора, стоит ксерокс — немыслимая роскошь сегодняшней любой нашей государственной канцелярии, какие-то другие приборы, облегчающие объяснение и делающие его наглядным, и много учителей-мужчин. Парень-учитель, в класс которого мы шли, усатый, уверенный, выпускник Геттингенского университета, производил прекрасное впечатление. Класс у него был двенадцатый, почти выпускной, он сказал, что сейчас они изучают "Страдания молодого Вертера", а сам он преподает английский и немецкую литературу. Кстати, здесь и другие, более экстравагантные сочетания не в новость. Жена директора гимназии, у которого мы были в гостях накануне, тоже учительница, преподает одновременно физкультуру и французский язык. Тем не менее, судя по моим наблюдениям, интеллектуалов местные университеты не готовят.

Забегаю опять вперед, видимо, в этих забеганиях моя, как скажут литературоведы, поэтика: собою я остался доволен.

Никакого художественного чтения все того же "Имитатора", хотя отрывок из четвертой главы у меня был приготовлен. Я в хорошем темпе, с вопросами и ответами провел сорок пять минут и, чтобы не разжижать впечатления, уехал. Говорил много о психологии творчества, о значении литературы в жизни человека, об обаянии литературы в бизнесе и т.д. Кстати, книга о психологии творчества упорно строится в ряд того, что собираюсь, если буду жив, написать.

Не буду рисовать карту нашей с Барбарой многочасовой прогулки по окрестностям Марбурга. Какая дивная, какая хорошо и плотно заселенная земля! Как важно, чтобы цивилизацию реже сотрясали войны и революции и чтобы меньше было перестроек.

На каждом холме — или бывший замок, или его развалины. Но все это было, все было построено, и вокруг этих гигантских, требовавших немыслимого труда построек, кипели и развивались человеческие отношения. С каждой горы вид разворачивается необычный. Особенно мне понравилось в Аменинбурге. Только что прошел град, и мы забежали в кафе, висящее под замком, почти над пропастью, под замковыми стенами: внизу кукольный городок, долина с квадратами полей, потом горные цепи вдалеке, а ближе к нам холмы с рощами и кустарником, белеющие селения. Открывался Божий мир во всем его величии, и за ним вставала косматая вселенная. Погода, вернее, состояние погоды и света постоянно менялось. Облака будто варились на глазах, как вареники в гигантской кастрюле. Пространство то расширялось, то сужалось. Вдалеке, на одной из вершин, на узкой, как карандаш, башне, на острие вращался промышленный, с тремя лопастями-крыльями ветряк. Призрак Перро, размахивающий руками. Но тут что-то двинулось в колеснице облаков, театральный мастер раздвинул новый ряд кулис, и вот уже за первым призраком появился другой, тоже, наверное, сумасшедший. Постояли, покрутились. Сначала прямо перед ними кто-то протянул легкую кисею, потом кисея уплотнилась, глубина исчезла. Опять смена декораций — оба ветряка сгинули, будто ушли заволоченные туманами, не сумев выплыть из них, растаяли в мире небытия. Не приснилась ли вся эта картина? Мир опять поменялся, не намекая на какие-либо планетарные альтернативы, стал визуально цельным, но, как пасхальное яйцо в коробке, обложенной ватой, катастрофически сузился, будто бы стал снова иным. Словно постоянно в природе совершалась борьба света и тьмы, ангелов и сил мрака. Я это к тому, что, может быть, не зря столько туманных мечтаний на религиозной почве появилось именно в этой стране. Потом, почти рядом с нами, за окном, обманно-досягаемая волшебно-мистическая вдруг

возникла радуга. Броском кисти на полнеба. Кто позволил себе это чудо? Кто этот небесный художник? А чуть позже над первой дугой повисла вторая многоцветная дуга. Постояли, демонстрируя в переменчивом мире устойчивость небесной воли, а еще через пять минут они обе красно-зеленым сгустком догорали в темном от кипящих туч проходе между двумя рядами вершин. Даже в Гималаях я не видел ничего столь величественного и, по сути, религиозного. Музыка Баха, воплотившаяся в беззвучном показе небесных страстей.

9 ноября, суббота. Наконец-то я избавился от одного из своих младенческих комплексов. Чего я, собственно, всю жизнь за границей боялся? Быть смешным? Казаться неуверенным? Своей собственной незащищенности? Гипотетической опасности, которая подстерегает всех нас в этой жизни? Все оказалось значительно проще. Я ведь даже не объявляю "тему". А все очень несложно: без какой-либо посторонней помощи, ориентируясь только на вывески и свой очень плохой, неуверенный и несовершенный английский, который я учу всю жизнь, а последние три года ежедневно, я уехал на поезде во Франкфурт, прошатался там весь день и вернулся поздно вечером в Марбург.

Вот маршрут и тема моих франкфуртских скитаний: вокзал, пешком до дома Гете, осмотр музея, пешком же по городу с заходом на цветочно-мясной рынок в центре, где был поражен и немецкому естественному изобилию, и культу и изобилию мяса (эти вымытые, по виду почти фарфоровые свиные ножки, эта требуха, похожая на сделанную из синтетических материалов, эта немыслимая чистота, при которой когда-то бегающее и живое превратилось почти в предмет: новая эстетика), посещение Doma, посещение религиозного музея при соборе (безвкусица и кощунство с ночным детским горшком, на котором в качестве сентиментального утешения нарисован ангел, и безвкусица и кощунство, когда на ризе иерарха, на спине немыслимой гладью вышита Тайная вечеря, ситуация не только Божьего отчаяния, но и отступничества его учеников), большая прогулка по городу, Майн, похожий для меня на реку-Москву, большой блошиный, ну в точности как в Москве, рынок, между двумя мостами. Около четырехсот ступенек вверх, и я на верхней смотровой площадке собора.

Франкфурт, через который я с десяток раз летал, название которого с детства сидит у меня в ушах, потому что здесь была штаб-квартира американской армии, и значит, пропаганда вбила название в голову. С башни собора хорошо проглядывается география — вдоль реки. Но старого города по существу нет, во время войны его разбомбили. Остатки — это незыблемый и

прекрасный собор и еще лишь несколько зданий. Гигантские небоскребы, гнездо которых выросло в центре, не поражают, а читаются скорее вялым вызовом американцам: и мы так можем! Эта выставочная гигантомания кажется особенно бессмысленной, когда понимаешь, что большую часть города составляют трех-четырехэтажные виллы и частные дома.

Дом Гете — практически тоже новодел, мемориальных предметов почти нет. Но получить представление об образе жизни можно. Наверное, такие крупные люди и могут вызреть только в достатке. В огромном для семьи из четырех человек доме — дед поэта был бургомистром, что, конечно, свидетельствует об уровне, — жили еще четыре служанки. Самая любопытная и, наверное, самая подлинная комната — это кухня. Как и в веймарском доме, каменная раковина, много разных медных форм для выпечки желе и приготовления паштетов. Здесь даже "качалка" для воды. Кухне, видимо, немцы, понимая ее жизненную задачу, всегда, а не только в музейном деле, придавали огромное значение.

Прямо над домиком Гете строится нечто огромное — новая высотка, и понимаешь, что современная жизнь, ее задачи, комфорт и удобства культуру догрызут.

Отдельная тема — большое число русских на улицах. Один раз я обратился к двум респектабельным пожилым немцам — оказалось, еврейская пара из Москвы, эмигранты. В музее я примкнул к русской группе, осматривающей мебель и обсуждавшей квартирный вопрос в позапрошлом веке, в центре меня остановила, видимо, в свою очередь приняв за благоразумного старого бюргера, молодая русская парочка. Забраться на крышу собора меня соблазнили две молодые девушки, говорящие по-русски, и на блошином рынке я видел дородного молодца, собиравшего в конце рабочего дня непроданный товар в ящик — иконы. Русские пленницы, вывезенные контрабандой.

В поезде читал Крупскую. Первая глава ленинских "воспоминаний" будет любовь к жене. Вторая — может быть — Шушенское? А не сделать ли книжку по именам: Мартов, Плеханов?

10 ноября, воскресенье. Утро началось с традиционного выступления в кафе Vetter. Царствовала здесь Виктория со своими семью переведенными на немецкий язык книгами. Немцы меня удивляют: в воскресенье собрать аудиторию, да еще за пять марок. Впрочем, во время этих чтений все что-то едят или пьют. С Викторией мы все время грызем. Я намекаю, что, кроме литературной одаренности, в ее счастливой судьбе еще ворожит

ей и папина линия, она округляет свои кукольные глаза: ну как это? Как это? А вот очень просто. Как не пустили на Запад Леонова, философски настроенного писателя, который при обычном сочетании, конечно, был бы Западу интересен. Как, в принципе, не пустили на Запад Шолохова? А все очень просто: еврейские барышни и талантливые, с быстрыми еврейскими мозгами юноши трясли перед своими коллегами-переводчиками пейсами, уверяли, что говорить и переводить этих писателей почти неприлично, да еще намек, что писатели эти, дескать, не в ладах с неким вопросом. Не родись красивой, не родись счастливой, а родись полуеврейкой. Но это не о Виктории. Виктория человек талантливый!

Описал ли я Людвига Легге, организатора всей этой русской трескотни? Вечный путаник, неизменно ходящий в светлой фетровой шляпе. Длинный, с усами, чрезвычайно деятельный. Видимо, когда-то очень давно он перебежал из ГДР, знает все бюрократические порядки и при помощи своей шляпы, производящей невыразимо интеллиентное впечатление, выбивает деньги на всякие городские мероприятия, связанные с литературой. "Марбургский литературный кружок". Немцы охотно и много на все это дают, понимая, что большинство денежек останется в местных магазинах, ресторанах и кафе, а прибыль — в виде влияния, репутации, слухов о прекрасной и незакатной стране Германии.

Вот и Виктория Самуиловна, умнейшая женщина — делаю вставку прямо в компьютерную версию, — заявляет мне: дескать, кто же в Германии ходит в химии, в искусственном? Все, как один, — в натуральной коже, хлопке, шелке, а едят только высокоэкологичную свинину. Да нет, отвечаю я ей, барышня, здесь тоже есть богатые и бедные, и богатые едят и носят совершенно другое, нежели в их демократическом государстве носят и едят демократически настроенные бедные люди. Чтобы закончить тему кружка, должен сказать, что в нем действует поразительная, почти военная дисциплина. Людвиг талантливо одних посылает отвезти нас в аэропорт; другой, этим другим был Гюнтер, привез нас в Марбург из Франкфурта; третий безропотно переводит; четвертые везут в поездку по Рейну. Леня говорит, что за всем этим, как он думает, стоит четкая масонская организация со своей иерархией и жесткой системой подчинения.

В этот же день Леня рассказывал мне, что после того, как вышел "Имитатор", он затребовал к себе в тюрьму полную справку обо мне. Оказывается, на воле существовали люди, которые обслуживали диссидентов и практически ежедневно писали им письма. Какие-то женщины сидели на работе, а тогда можно было

сидеть и ничего в течение целого рабочего дня не делать, и писали письма. Причем можно было заказывать определенную тематику, и они с готовностью переписывали десятки страниц материалов и конспектировали сведения из книг. В частности, так, рассказывал Бородин, он начал собирать материалы о Марине Мнишек. На одной из подобных женщин Леня и женился на второй или третий день после того, как вышел из лагеря. Национальность этих жалостливых дам у меня не вызывала никакого сомнения. Теперь относительно меня: по словам Лени, это были не просто сведения, а досье. Судя по всему, сведения были самые различные.

После "чтений" пошли в китайский ресторан. Ресторан был тот же самый, что и прошлый раз, с видом на город, меню, кажется, тоже аналогичное. Но хозяева не унывали от повторяемости сюжетов, и посетители весело, хотя и в меру, пили пиво и ели разнообразную китайскую еду.

11 ноября, понедельник. Большая поездка на Рейн. Это меня по-настоящему потрясло. Все оказалось совсем не так, как возле Бонна, где реку я все же видел, и вовсе не так, как я мог это себе представить. Все великие реки похожи своей внутренней силой и самодостаточностью. Таков же и Рейн. Крутые — река течет почти в каньоне — берега, сплошные шпалеры виноградников. Немыслимая крутизна этих виноградников, замки почти на каждом утесе или горе. Так высоко, что кажется, здесь невозможно и жить, и дышать. А по низу, почти у самой воды селение за селением, городок за городком. И главное: неотвязная мысль о череде человеческих поколений, поднявших все это обозримое хозяйство, подпорные стенки под виноградники, вычистившие эти земли, выстроившие эти замки. И сколько здесь пролилось крови! Внизу, вдоль реки, по обоим берегам тянутся линии железных дорог и автомобильные шоссе, а наверху еще сохранились "рабочие" остатки дорог, по которым прошли римские легионы.

В качестве платы за гостеприимство и за божественные пейзажи пришлось в школе, в 11 классе, а потом и в учительской, прочесть что-то вроде лекции. Я начал ее с "литературных мест": с гесарлыкского холма, с рассуждения о величии литературного образа, возвышающегося над прототипом. А потом перешел к Вертеру, потому что рядом, где я был в прошлый раз, скала Лорелеи. Собственно, возле этого места, воспетого после фон Брентано и Гете всеми поэтами Германии, и располагается сама школа.

Впечатления здесь у меня раздваиваются. Хочется описать и саму школу, прекрасного немецкого качества, все продумано,

функционально и удобно, умных и въедливых ребят, учителей, среди которых все же преобладают мужчины, и природу, среди которой расположен город. Здесь Рейн делает почти под прямым углом поворот, а каньон уже и отвеснее, чем где бы то ни было на реке. Здесь, наверное, в старые времена происходили кораблекрушения чаще, чем в других местах. Привычка литературы сваливать неудачи в мужских делах на женщин. О, Лорелея! Заботливая Барбара приготовила мне ксерокс со знаменитого стихотворения. Пожалуй, это лучше, чем бинокль. Через эти стихи этнографические и даже географические подробности видятся яснее.

Лорелея, легионеры. Бохум, дом Паффа.

13 ноября, среда. Презентация книги Адамовича вечером в "Нашем современнике". Громкое, шипящее красноречие Гусева.

14 ноября, четверг. Вечером был на "Овечке" в Театре Моссовета. Это пьеса Надежды Птушкиной, имя для меня смутно знакомое, а сам спектакль — одна из многочисленных ныне московских антреприз. Играет Чурикова, бывший балетный танцор Гедеминас Таранда и молоденькая актриса Ирина Макимкина. Пьеса эта вызвала в Москве шок. Вишневская во всех служебных комнатах и на кафедрах рассказывает ее содержание. Всех смущает шокирующее количество слов про сперму, про совокупление, про баловство библейских пастухов с черной овечкой. По сути, здесь действительно играют библейскую историю, и только всеобщее невежество не позволяет видеть громадные куски внутренних заимствований из Томаса Манна с его "Иосифом". Здесь все необычно, на месте даже огрузневший танцор, стилистика спектакля в известной мере подогнана под него. Танцев порядочно, и опять — они не мешают. Самое интересное в пьесе, в ее медленном и подробном расмотрении — это ее еврейские корни. Библия вообще странный документ, который проговаривается, даже защищая боговдохновенный народ, чаще, чем, наверное, кому-то хотелось. Ведь Иаков, от которого пошли 12 колен рода иудейского, получил свое благословение обманом, а жена его Рахиль, тоже дама-основательница, совершила кражу домашних богов у собственного отца. Здесь есть над чем поразмышлять. И все же спектакль однотонен, не возвышается до сочувствия или облегчения собственой совести.

Почти рядом со мной сидел осетин Хазанов, перед самым поднятием занавеса показалась в партере рекламная физиономия Вознесенского вместе с Зоей Богуславской, похожей на птицу Березовского. Кстати, СМИ пишут о том, что Березовский отрекся от своего лакомого израильского гражданства. Чистые деньги и

власть, как известно, вкуснее, нежели дымок и запах от жертвенника со Стены плача.

Весь день шла тяжелая, рутинная работа со студентами: посещаемость, прогулы, стипендия, ремонты, пожарные и общежитие, на которое все зарят рот. Вышло два моих интервью: в "Книжном обозрении", которое делал А. Щуплов, и в "Вечернем клубе", которое мастерски сварганил Женя Некрасов.

Сегодня же был Саша Варламов: в "Армаде" обеспокоены слухом, что я могу вернуть им задаток и не сделать романа.

15 ноября, пятница. "Московский комсомолец" опубликовал сегодня матриалы по разоблачению незаконности и жульничества предвыборной кампании Ельцина. Дело о выносе 500 тысяч долларов из Белого дома как бы тогда же комментируют в частном разговоре Чубайс, Красавченко и Ильин. И разговор убийственный, а для меня главное — лексика. После Лифшица с его бессмертным "не будем жадничать" по манере выражаться этот разговор — нечто неподражаемое. Правительство и сановники говорят, как на воровской малине. Это убивает. Самого материала, если он справедлив, хватило бы в Америке, чтобы рухнуло правительство и президент получил импичмент. У нас ничего не случится. А уж кто нами управляет, нам всем давно известно.

Вышел сегодня материальчик по телевидению, который двумя днями раньше делал Сережа Мартынов. Я сам не видел, но, с его же слов, материал сильно обкорнан, особенно цензура испугалась слова *экссгумация*. Политическая цензура, судя по всему, усиливается. Наше телевидение слишком завязано на доходах из Чечни и слишком сильно пахнет чесноком. Сережа говорит, что почти все работающие на НТВ имеют израильское гражданство. Ах, принять бы закон, запрещающий работу на каналах телевидения в качестве штатных сотрудников людей с иным гражданством, нежели российское! Например, некто Ступник, постоянно вещающий из Белоруссии, тоже гражданин Израиля.

До одиннадцати гладил белье.

17 ноября, воскресенье. Вчера ночью взорвали жилой дом в Каспийске, это городок возле Махачкалы на берегу Каспия. Погибло почти все руководство погранотряда. Видимо, пограничники сильно мешали кому-то или перевозить оружие, или перевозить наркотики, или вывозить деньги. Жертвы чудовищные, много детей. По сведениям из газет, заложили до 100 килограммов тротила. На место этого явного теракта вылетал Черномырдин, собственно, по попустительству которого все подобное и творится. По телевидению показали его умело

скорбное лицо. Его собственные денежки политы раздавленной русской кровью. Не верю ни единому его слову, ни единому шевелению его правительственной брови. Такая ненависть охватывает меня, когда в подобных ситуациях вижу их деланые лица. Ничто человеческое мне не чуждо. Крокодилы.

Вечером долго и упорно по НТВ врал Киселев. Показали Березовского, Киселев задавал ему скоординированные острые вопросы. Например, вопрос о его израильском гражданстве. Вопрос: прилично ли, чтобы пост заместителя секретаря Совета безопасности занимал ситезен другого государства? Березовский уверял, что он не гражданин Израиля, а просто компьютер Министерства внутренних дел Израиля показывает, что он, Березовский, гражданин. А за чужой компьютер он ответствености не несет.

В субботу был на даче. Разгребал листья и удивлялся, что меня еще не ограбили. На обратном пути всю дорогу в машине думал о своей борьбе в институте, зачем мне все это надо?

Читал Соломона, потихонечку выявляю форму. Материал сам начинает идти в руки, это хороший признак. Кстати, записал ли я, что в пятницу у меня был Саша Варламов из "Армады" и сказал, что мне надо будет в романе брать ленинскую жизнь всю, а не до 1917 года, как предполагалось раньше. Может быть, это и к лучшему?

19 ноября, вторник. Сегодня день объявленного накануне траура. Трауры по стране возникают все чаще и чаще, к ним стали привыкать, тем более что по ощущению это не день взаимной и всеобщей скорби, а, скорее, дань правительственной приверженности европейским обычам. Из-под развалин вытащили 109 человек и, кажется, только сорок живых. Горе не бывает мельче или крупнее, но я вспомнил беспрецедентный траур по Листьеву. Как здесь уравнять происходящее?

Сегодня на семинаре играли в "молодого автора, принесшего в издательство заявку на роман". Я еще раз поразился талантливости своих ребят. Как ни странно, лучшей была Маша Лежнева. Ее беспретенциозность и невинная пошлость оказались самыми естественными для категории нового романа.

Весь день занимался институтскими делами: целый ряд планов и проектов, которым посвятил все лето и в которых увязал, подходят к завершению. Остались последние удары — Ассоциация писателей и Академия. Что это осуществится — не верится. По этому поводу идет много разнообразнейших разговоров. В тот момент, когда все писательские организации рушатся, работает только Литинститут. Это, естественно, вызывает раздражение у недругов. На своей страх и риск запустил

в печать книгу писем Фадеева, если она выйдет к 25-му, к юбилею, будет прекрасно.

20 ноября, среда. Под утро мне приснился сон, будто я в Америке. Но почему-то среди совершенно американских автомобилей ездит наш институтский беленький рафик, я — за рулем. Почему-то удивительно высоко сидеть и мне страшно. Только умом я понимаю, что еду не на какой-то стремянке на колесиках. Вдобавок ко всему оставляю машину на улице и долго плутаю по какому-то банку или общежитию. Здесь меня угощают то ли йогуртом, то ли кефиром. Когда я выхожу на улицу, то понимаю, что не помню, в какую сторону ехать к гостинице, где я остановился. Мой рафик тоже пропал. Я думаю, что его угнали. Но, скорее, понимаю, что я просто не могу его отыскать. Начинаю блуждать по переулкам и вглядываюсь в проносящиеся мимо машины, и в этот момент телефонный звонок.

Спросонья не врубаюсь, кто это, наконец понимаю — Ефим Лямпорт из Америки. Он еще раз благодарит меня за проводы. Я думаю о его жене и дочке. Тороплю его: не трать деньги. Говорит, что 25-го уже будет телефон и квартира. Быстро у них все там решается. Голос у Ефима бодрый и напористый. Дай бог ему там счастья. Я твердо знаю, что сначала мне снился сон про Америку и про мой автобус, а уж потом раздался телефонный звонок.

Вечером к семи часам вместе с С.П. поехал в Госдуму, где в комитете по культуре должна была состояться так называемая "гостиная". Пригласивший меня Валерий Тарасов сказал, что будет фуршет, это, конечно, меня сильно воодушевило. Состоялся большой и дружный плач по культуре. Собрались в приемной комитета перед дверью с надписью "Станислав Сергеевич Говорухин" человек сто народа. Перечислю лишь тех, кого я знаю: Хренников, Богословский, Бурляев, Доронина, Усанов, Иванов (художник, очень, кстати, хорошо говоривший о новой Третьяковской галерее и о пороках в ее экспозиции). Начал все это какой-то искусствовед из Союза художников, фамилии которого я не запомнил. В основном все жаловались и ныли по поводу гибели культуры, слова и выражения самые банальные. Говорухин как бы и спровоцировал тон.

Все было весьма справедливо, но не конструктивно. Как люди осведомленные, все сообщали интересные факты, но в интерпретации не шли дальше плохих министров и нежелания правительства выдать деньги. Позже в своем выступлении я говорил, что правительство денег дать и не может, ибо в государстве, где не работает промышленность и не существует сельское хозяйство, денег взять неоткуда, их можно только отнять у пенсионеров, образования и детей, бюджет на пределе.

Теперь о фактах. Во время пожара в особняке МИДа сгорели картины Врубеля и четыре панно Богачевского. Лужков реконструирует Гостиный Двор, надстраивая над ним еще один этаж, но все почему-то забыли, что это творение Кваренги. О безобразиях возле Кремлевской стены. И еще фактик: за год от суррогата водки в стране погибают до 50 тысяч человек.

Интересно говорила Доронина, она начала с каких-то стихов, к месту, Есенина, и получалось все значительно. Я сидел недалеко от нее и видел ее лицо, песцы, сапоги с цепями и застежками, жемчуга и руку, лежащую на коленях. Актриса она редкостная, потому что сумела передать свою страсть и пафос залу. Речь ее тоже о гибели культуры, культуры русской. Дальше, несколько затянув, она рассказала о разделе МХАТа, это, как считала она, был пробный шар к уничтожению русского театра. Система Дорониной кажется довольно логичной. В своей речи я сумел не подделаться под общий плаксивый тон и сохранить объективность. Проблема, как считаю я, не в министре и правительстве, а во власти как таковой. Только изменение ее может привести снова к созданию подшерстка культуры. Я рад, что в присутствии Зюганова смог спросить у него: "Почему, Геннадий Андреевич, вы так блистательно сумели проиграть президентские выборы?". Фраза буквальна, потом я говорил об отсутствии новых идей, лозунгов и политической воли к победе. Сначала, когда я рассказывал об институте и о моих знаниях хозяйства и канализации, о недостатках лицемерного государственного финансирования, он удовлетворенно и одобряюще кивал мне головой. Сидящий с ним рядом Рыжков недоумевающе глядел на меня, особенно когда я закончил и мне много хлопали. Впрочем, во время фуршета Зюганов подошел и сказал: "Благодарю за жесткую критику". Тут же я договорился с ним о встрече в нашем институте.

Кормили в Думе хорошо. Были водка, вино, шампанское, ветчина, сервелат, прекрасные сандвичи с селедкой — специалитет комитета по культуре, фрукты. Хорошо поел за счет налогоплательщиков.

28 ноября, четверг. Не писал дневник больше недели. Как всегда, с трудом доработал неделю, а в субботу уехал в Обнинск. Простудился или в бане, или утром на террасе, когда начал писать доклад. Как всегда, я беру на себя груз лишний, не умея отстоять себя, и вхожу в чужие обстоятельства. Так и тут: позвонили из Министерства просвещения, вернее, из того "отделения" нашего министерства, которое было раньше "министерством просвящения", и попросили принять участие в конференции "Русская школа". Памятуя, что я общественный, в

кавычках, деятель, я согласился. Дел в институте было столько, что своевременно подготовиться я не сумел, заболела Екатерина Яковлевна, наша институтская стенографистка, и я к субботе, когда наступило время одуматься и оглядеться по сторонам, оказался один на один с этим самым докладом. Правда, Лев Иванович и Александр Иванович Горшков снабдили меня некоторыми материалами. Пришлось работать всю субботу на даче, а утром вместе с компьютером я перебрался на террасу и просидел там часа два. Вот здесь и простудился. Ну, еще грешу и на вечернюю баню, которая была очень хороша.

В понедельник, несмотря на нездоровье, сделал этот доклад, и вернувшись домой, принялся читать "Ночного сторожа" Валеры Осинского. Роман по общей идее оказался не таким уж плохим, даже интересным: грустная любовная история на фоне выдавливания русских из Молдавии. Валера очень хитро все мотивировал и даже сумасшествие главного героя подкрепил некоей генетической подпорченностью — его отец и мать двоюродные брат и сестра. Хорошо придумана специальность героя — он ездит по стране вместе с вагоном-рефрижератором. Картины быта и картины распада страны. Все это сдобрено так увлекающими меня "социалистическими хитростями" — бесконечными приемами воровства. Но, как почти всегда у Осинского, все это написано весьма плохо, нет культуры и образованности, слово корявое, мутное. Во вторник наметил лишь абрисы разбора, в следующий вторник возьмусь за главное, за стиль.

Вечером среды и утром четверга читал "записки стенографистки" — книжку, которую написала Екатерина Яковлевна. Все это оказалось значительно лучше, нежели я мог себе представить. Интересна сцена возле синагоги и информация, что весь район Бронных был заселен евреями. Сколько, оказывается, страстей бушевало вокруг Литинститута! Мне сейчас, когда я работаю здесь, кажется, я столько отдаю своих жизненных сил, очевидно, последние минуты незамутненного старостью сознания распыляю среди этих дворов, аудиторий и коридоров, что каждый камень еще сто лет будет кричать обо мне. Не будет, забудут на второй день. Столько глупцов, негодяев, честолюбцев и тупиц вкладывали свои усилия в это заколдованное место! Собственно, об этом и мемуары Екатерины Яковлевны. Сколько мошек летело на этот свет! Впрочем, с грустью я понимал тщетность любых человеческих усилий. Все поглотит жерло забвения. Тем не менее радуюсь этой маленькой книжечке. Всю жизнь проведя возле пищущих людей, перепечатав столько книг и пьес самых великих советских писателей, понимая

невероятность человеческого дара отражать реальность и придумывать новую, не надеясь ни на что, человек вдруг взял и сумел написать свою собственную книгу. Как поднимется авторитет в собственной семье! Как возвысится самооценка! Но и мне приятно быть неким богом-созидателем и Гарун-аль-Рашидом.

Вечером в четверг состоялся ученый совет. Выступала Н.И. Дикушина со своими изысканиями по письмам Фадеева. Утвердили добавления в устав, и добавили новых членов ученого совета: Оля, Сережа, Коля. Делал я это отчасти из-за голосов, приближаются новые выборы и нужен "свой" электорат. И тем не менее стремлюсь, чтобы судьба вновь повернулась и сама, помимо моих боязливых желаний и наперекор им, освободила меня от этой непомерной тяжести, хочу на волю. Как и годы, проведенные на радио, кажутся мне проведенными в одной комнате, так и почти пять лет в институте — это годы, проведенные в моем кабинете. Перед глазами все один и тот же "пейзаж": облупленная стена, окно с решеткой, знамя с неизменными буквами и Лениным, стол, заваленный бумагами. Сил писать, управлять, терпеть больше нет. Написал ли я, что назначил на следующий четверг конференцию? По идее, по требованию Минвуза мы будем утверждать поправки к уставу, но на самом деле все должно решиться: останусь ли я на второй срок.

29 ноября, пятница. В два часа дня в кабинете у Левы мы с Шуваловым подписали учредительные документы о создании Академии российской словесности. В уставе есть пункт, говорящий о преемственности академии, в свое время организованной по указу Екатерины II. Начиналась вся эта честолюбивая трескотня еще два года назад, и в ее "основании", главным "мотором", стоял Юра Беляев. Я полагаю, что кроме того, что он безумно честолюбивый человек, он еще и нервный, но именно нервным удается иногда то, что не получается у нормальных людей. Вообще-то, все это афера, потому что нет ни помещения, не финансирования, и даже, чтобы внести регистрационный взнос, пришлось скидываться, и я дал ровно половину, сто тысяч рублей. Как учредитель, в готовый список совершенно нагло я "всадил" своих — Л. Скворцова, А. Горшкова, И. Вишневскую и В. Гусева. Против последнего вдруг были какие-

то жуткие напряги. Как я понимаю, здесь особенно усердствовал Поволяев. Видимо, когда-то Гусев прямо и по-солдатски где-нибудь написал о его полной литературной неодаренности. Вдобавок ко всему Валерий Дмитриевич, по слухам, был замешан как директор Литфонда России в каких-то

историях. По крайней мере, Литфонд вышел из перестройки с потерей Дома творчества в Голицыно. Я по запаху чувствую воровство. У Беляева и загипнотизированного им Шувалова вообще страсть к условным в литературе людям. Но, в принципе, говорят, что обычно в подобных организациях до 30 % — это люди со стороны, у нас вроде бы таких процентов 10. Мне надо было бы проявить принципиальность, но сжался в комок ради общего дела. Вообще все согласовывалось и проходило так долго, что в списке академиков уже много покойников — например, Б.Можаев. Бог с ними, пусть это будет посмертным венком. Как символический курьез, отмечу, — женщина-юрист из Госдумы, которая должна была принести уставные документы, опоздала на час. На шампанское и конфеты мы тоже скинулись с Левой.

Вечером у меня брал интервью Юра Апенченко. Я долго ему втолковывал, что с юности я не поумнел, он всегда был образованнее и умнее меня, но вот теперь он берет у меня интервью. Он сказал: но в тебе всегда было что-то другое.

3 декабря, вторник. Семинар, продолжали обсуждать Валерия Осинского. Говорили о стиле его романа. Как всегда, по-своему прочли роман Лена и Оксана. С одной стороны, интересно взята политическая и бытовая жизнь, а с другой — низка культура самого автора. Любопытнейший писатель, но возможно, что его талант пожухнет, спрямится, когда Валера начнет работать в беллетристической манере. Сейчас он изобретает мир, будто бы мир до него и не существовал.

Вечером был на презентации совместной финско-русской книжки в финляндском посольстве. Все та же тусовка, все тот же обсевший русскую жизнь липкий полупорнографический стиль. Состояние русской прозы по книге не видно, она переведена, но зато видно состояние русско-финского отбора. Во время горделивой презентации, где литераторы считали себя уже почти европейскими знаменитостями, хотя все они лишь пешки в культурно-политической игре, было очень скучно, писательские глупости были невыразительны, нападки русских на большевиков и Ленина — старыми и лишенными воли, а финскую репризу о том, что Мартина Ларни печатали у нас, когда в Финляндии его уже не читали, я уже слышал год назад все в тех же залах и из тех же уст. Видимо, зависть к собственному писателю у его молодого собрата слишком сильна.

Но кормили финны, как и год назад, очень хорошо. Особенно замечательны были копченая кета и молочный мусс с горячим компотом. Отдадим также должное селедке в горчичном соусе, разварной картошке, салату с грибами. Северный акцент стола всех определенно радовал. Иногда мне кажется, что в нашей

стране даже самые обеспеченные интеллигенты живут от презентации до презентации. Конечно, не голодаем, но живем безалаберно.

Встретил Игоря Виноградова, нынешнего редактора "Континента". Хорошо и спокойно за этой самой копченой рыбой поговорили о современной литературе, посетовали, что ситуация такова, что имена, как раньше, не возникают даже при самых престижных публикациях. Критика изовралась и предлагает публике только своих кланово-национальных, публика рекомендациям критики верить перестала, литература все больше и больше начинает жить в своем кружке, а читатель перестал брать в руки серьезную книжку. С другой стороны, я знаю, что всегда молодежь пробивалась трудно, и имя возникает из мелочей, постоянного напора и работы. А мы-то как пробивались? Но ведь уже организовалось имя у Пелевина, скажем, и у Бородыни. По сути дела, мысль Пастернака в ее прагматическом значении не изменилась, — "привлечь к себе любовь пространства". Без этого имени не сделаешь, интриги, знакомства не помогут. Но, впрочем, я понимаю, что это мой идеалистически-романтический взгляд. Пробьемся штыком и лопатой.

Увидел чрезвычайно важного от провинциальной спеси Сережу Чупринина. То, что для меня уже давно прошедший этап — редакторство, участие во всяких комиссиях — для него все это еще полно смысла. Он участвует в литературном процессе. Протянул мне два величественных, как наша демократическая власть, пальца.

После длинного перерыва встретил Андрея Мальгина. Я полагаю, что его продажа "Столицы" (моя версия) была ошибкой. Деньги в наше время решают далеко не все. Он вывалился из тележки общественной деятельности, что с его гибкостью и напором, наверное, более важно, чем все остальное. Переговорили о его болезнях (летом у него была болезнь Боткина), богатстве и рыбках в аквариуме. У него дома прекрасный аквариум с редчайшими тропическими рыбками. Каждую неделю приходит специалист, все чистит, меняет воду, ухаживает за рыбами. Одна какая-то рыбка собирается метать икру, брюшко у нее распухло, но вот никак не разродится. Андрюша переживает и волнуется.

Остальные персонажи приема проплыли тенями: Пьецух, Клемантович, чей роман я недавно прочитал, Гареев, который для меня нов, но как порнограф интересен, если мне не изменяет память, он сидел за порнографию, кажется, связанную с газетой "Еще", и весь мир его освобождал. Видел также Женю Попова, Витю Славкина. Особенно выделяю его жену, подругу юности

Нину. Как она только умудряется чувствовать себя значительной, ничего собой не представляя?

4 декабря, среда. Весь день внутренне готовился к собранию. Для меня это процесс. Удастся ли мне убедить пол-института и превратить обычное собрание профессорско-преподавательского коллектива в собственное перевыборное? Всю ночь читал финскую книгу.

5 декабря, четверг. Я должен описать один из самых невероятных дней в своей жизни. Через час после того, как все свершилось, Алекандр Сергеевич Орлов, наш знаменитый историк сказал: "Это было как переход Суворова через Альпы". Я это расшифровал для себя: поступил так, как никто и не ожидал. Сказал это Александр Сергевич уже "на шампанском", уже после двух голосований, открытого и тайного, когда меня единодушно (93 за) избрали ректором на второй срок. Все-таки, несколько планируя события, я многого и не предполагал. Не предполагал такой быстроты и единодушия.

Лишь догадываясь о результатах и в известной мере провоцируя их, я тем не менее готовился к нескольким вариантам итога. Но в отличие от своих оппонентов, которые жрали водку, трепали языками и вели в институте разрушительную работу, я размышлял над этим долго и упорно, я все время занимался не только собой, но и нашим хозяйством, проводил огромную и изматывающую душевную работу. Как актер перед премьерой, долго и мучительно совершенствовал все "мизансцены" и основные монологи. Я старался предвидеть и отработать все реплики. Про себя я могу сказать, что я умею не только терпеть, но и ждать. Но я всегда больше полагался на случай, нежели сам шел в атаку. Последние события, а именно выборы Ельцина и референдум Лукашенко, заставили меня быть решительным. Я ведь отчетливо сознаю, сколько я сделал для института, и понимаю, что в общем-то создал систему, при которой он действительно почти автономен и лишь отчасти зависит от бюджета.

Я люблю эту работу. Я, наконец, стал действительно ощущать себя общественным деятелем, так почему должен был отдать это сумашедшему или пьянице и трепачу? Только потому, что прошлый раз они меня выбирали, болели и радели и потом стали требовать, чтобы я им дал то, чего не мог дать? Но разве кое-что не получили? Оба отгуляли целый год в оплачиваемых отпусках. Но где эта, давно ожидаемая мною и коллективом, докторская диссертация одного? Какую-то невнятицу, выдаваемую за докторскую, написал другой. Ладно, все это позади. Теперь уже это все заработал я сам и никому ничего не должен. Пора по

порядку. И стало скучно все это писать. Тем не менее напрягусь и постараюсь все изложить связно.

Уже около месяца назад из министерства пришло циркулярное письмо, где всем ректорам предлагалось утвердить на общем собрании коллектива или на конференции представителей все поправки к уставу. Прочитав письмо, я сразу понял, что судьба дает мне редкий шанс прощупать коллектив и неожиданно, лишая своих противников возможности трепать мне нервы и держать в подвешенном состоянии, провести выборы досрочно. Я рассчитал так: в конце концов, я тоже живой человек и имею право располагать своим временем. У меня впереди огромный роман. Да и жизнь последнее время просто протекает сквозь пальцы. Проживу. Начну продавать собственность, и лет на пять-шесть мне хватит.

Возвращаюсь к своему плану. Я минут за двадцать? — ? тридцать провожу поправки, среди которых одна была щепетильная, потому что против нее горой была наша заочка: выборный на заочке декан. Прощай тогда самодеятельность, прощай "золотое дно". И после "поправок" тут же от коллектива требую: через неделю, обязательно еще в декабре, выборы ректора. Конечно, у меня мелькала мысль, что могут потребовать выборы — о эта русская страсть к демократии и ее нелюбовь к лишним собраниям! — выборы немедленно. Так оно и случилось, раздались голоса: давайте прямо сейчас. Ректора мы, дескать, уже знаем. Ни при каком-либо другом ректоре институт бы не устоял. Потом с умной и взвешенной речью выступил Валентин Митрофанович Сидоров. Вел собрание Гусев. Потом в каком-то едином порыве, включая и персонажей, для которых я не самый любимый человек, все открытым порядком проголосовали за меня, и тут я будто бы опомнился. Нет, говорю, голубчики. Если вы меня хотите, если я вам, как говорили в давние века казаки, "люб", то давайте-ка я перед вами сейчас отчитаюсь, а потом мы эти самые выборы проведем по всей необходимой процедуре, то есть превратим их в тайные. Предполагал ли я такой исход дела? Правда, с одной стороны, я всегда в курсе того, что происходит в институте, и всегда готов на эту тему говорить безо всякой подготовки, но на это собрание все же принес бумаги с результатами деятельности наших служб и подразделений за пять лет. Кропотливо и настойчиво готовился. Все — дальше неинтересно. Я конечно, понимал, что, голосуя за меня, все думают и о собственных интересах, а здесь я человек проверенный. Но кто сказал, что единодушие не щекочет душу?

6 декабря, пятница. Утром ездил в бывший Госкомвуз, отвозил, как и обещал раньше, личное дело Натальи Васильевны

Корниенко и документы на утверждение ее в звании профессора. В качестве некоего стимула и предрождественского подарка искренне и, конечно, не как некую взятку купил два ананаса, апельсины, бананы, виноград. Про себя отметил, что, как и почти вся кафедра, на собрании она не была. Здесь и умысел, и общественная лень. Нужно обладать определенным бесстыдством, чтобы использовать человека, которого не любишь и не уважаешь.

8 декабря, воскреснье. В 16.25 уехал в Ярославль. По дороге читал Адамовича. Прекрасный фирменный поезд. Откидывающиеся, как в самолете, кресла. Проводница разносит чай, кофе и печенье. Признаемся, что раньше таких удобств не было. Я попал в детский вагон. В середине, по бокам вагона, встроена с одной стороны деревянная кроватка для малышей, одна общая кровать, на которую мамаши должны класть как бы поперек своих младенцев, а с другой стороны через проход вытянулся детский манеж метров в пять. Глядя на все это, на спокойный и солидный комфорт, на публику, среди которой нет бабок в черных "плюшовках", челноков, пьяниц и старых дедов, разворачивающих при всех свои портянки, я невольно думаю, а может быть, приживемся, может быть, все правильно и Россия стабилизируется. Она, как большое животное, перевернется с бока на живот, словно лошадь или корова, подтянет ноги, тяжело встанет, а потом пойдет, зашагает, заржет, побежит. Вот эта мысль о справедливости моей собственной правоты, о моих политических выступлениях, а практически о необходимости и обязательности для России прожить исторический отрезок, который она прожила, вот эта мысль последнее время преследут меня все чаще. Совесть зудит.

Всю дорогу читал Георгия Адамовича, восхищался его статьями, удивительным анализом явлений русской советской литературы, отчеркивал отдельные строчки и абзацы, чтобы потом сделать выписки. Добью я или не добью книжку о литературном мастерстве? Я размахнулся так, будто собираюсь прожить сто лет.

Учил английский. Боже мой, сколько счастья в четырех свободных часах.

Потрясло: в конце пути, перед самим Ярославлем проводница сняла неиспользованный до конца рулончик туалетной бумаг и понесла его к себе в купе.

Добавление позже. На следующий день. В ресторане я видел на вертушке рулон туалетной бумаги, перехлестнутый замком, на который обычно закрывают на улицах велосипеды.

9 декабря, понедельник. Ярославль. Утром открытие конференции, посвященной Н.А. Некрасову. Впечатление, которое

на меня произвел доклад Ю.И. Минералова. Обычно монотонный, он, когда речь зашла о науке, расцвел. Я слушал его доклад о юности Некрасова, раскрыв рот.

Посещение музея, знакомство с городом, ощущение Волги, струящаяся и постоянно двигающаяся живая масса. Решаю утром не ехать в Карабиху, а писать выступление.

10 декабря, вторник. Все утро пишу речь. Перепечатываю с дискетки внизу в гостинице.

Прогулка по городу. Впечатление от Театра Волкова.

Во время вечера. Минералов внизу, в зале. Моя речь и аплодисменты всего театра. Пришлось добавить два абзаца о выставке.

11 декабря, среда. Вернулся в 11.20. и сразу же с вокзала в институт. Удивительное чувство, наполненое состояние в Ярославле сменилось узкой московской прагматичностью. Будто еще сутки назад я не жил напряженной жизнью ума и сердца.

Из неприятного — Сережа Толкачев подал заявление об уходе. Так сказать, в мое отсутствие, когда сам улетел вместе с Валентином Митрофановичем в Индию. Исстрадался я за всех. Жалко и его, и его Валю, и их малыша. А меня все напрягают, напрягают. Я уже давно заметил, у меня начало болеть сердце.

Вечером из почтового ящика вынул вырезку — послание моего соседа Ашота — из "Вечернего клуба" от 10 декабря. Рубрика "Избрание". Заголовок: "Сергей Есин получает второй срок". Сам текст: "В минувший четверг ректор Литературного института Сергей Есин был во второй раз избран на собственную должность. Доблестная борьба с рэкетирами и ржавыми трубами (о которой, напомним, Есин поведал недавно в нашей рубрике "Клубные встречи") получила самую высшую оценку: избрали ректора единогласно — и это при тайном голосовании. "Уставный" пятилетний срок ректорства Есина истекает весной будущего года; досрочно провести выборы он попросил сам. И второй любопытный нюанс: в голосовании, помимо профессорско-преподавательского состава, участвовали выборщики от студентов и учащихся Высших литературных курсов". Заметка снабжена и моим небольшим портретом. Это, конечно, работа Жени Некрасова, хотя подписано это некоей Антониной Величко. Мои ученики не дремлют.

Вечером в институте моя студентка Оксана Севернина во время разговоров о переводе ее на французский семинар сказала мне, что она и Санчик Родионов получили премию по 400 долларов от "Искусства кино" за "заявки" на киносценарий. Тонкость справедливого выбора этого совершенно объективного и лояльного журнала здесь в том, что милый мой семинарист

Санчик внучок небезызвестного Анатолия Гребнева, сценариста и Ленинского лауреата. Вспоминаю также, как этот благообразный уроженец Тбилиси совершенно беззастенчиво увел мой рассказ "Текущий день", превратив его в собственный сценарий совместного с Райзманом фильма "Время желаний". Особенно эта кража была заметна по сценарию, опубликованному все в том же "Искусстве кино". Вокруг этого в свое время возникла целая история, Гребнев жаловался Валентине Сергеевне на случайные совпадения, винил Женю Григорьева, который хорошо знал этот рассказ, но на обсуждении гребневского сценария не обмолвился ни словом. Как будто Женя мог что-либо сказать супротив тогда абсолютно административно великого Гребнева? Лучше всего эту историю знает Галя Юркова (Данелия), которая по моему рассказу сняла свой дипломный фильм. В общем, очень предприимчивая династия, которая победительно называется то Миндадзе, то Гремина, а вот теперь — Санчик Родионов. Копает старый крот. Но Санчик мальчик, безусловно, талантливый, будем надеяться, что по части этики у него все будет не в деда. Хотя само по себе у прозаика стремление попробовать свои силы на конкурсе заявок для кино, как бы в семейном ведомстве папы, его друзей и любимого дедушки, вызывает предположение, что мальчик чрезвычайно наивный.

12 декабря, четверг. Нежданный праздник: День Конституции. Никаких конституций я со времен школы не читаю, потому что та, сталинская конституция в своем словесном оформлении казалась мне совершенной. В любом государстве решают все не фразы, а люди. Народовластие в лице *советов* тоже казалось мне совершенным. Страна гуляет с разнообразными переносами выходных и рабочих три или четыре дня. Иногда мне кажется, что наше правительство делает все, чтобы народ гулял как можно дольше, отстал от него, от правительства, и побольше пил на последнее водки. Институт работает по другому принципу: 12-го, как у всех, свободный день, я не решаюсь назвать этот день праздником, потому что это день русской кабалы, а дальше, как обычно, свободные суббота и воскресенье.

Утром ездил на телевидение по просьбе Саши Шаталова. Он долго меня снимал для какого-то завтрашнего репортажа и "в запас" для передачи, которая пойдет лишь после Нового года. Павильон, где Саша работает, находится на Студии Горького. Я не был здесь лет пятнадцать? — ?двадцать, когда это было еще святилище, в котором витали тени знаменитых актеров и режиссеров. Здесь громким-то голосом говорить было, казалось, невозможно. Полукруглые коридоры с ковровыми дорожками, свет, лившийся из окон в вестибюле. Теперь все пришло в дикий

упадок. Будто бардак после нападения роты перестоявшихся курсантов. Все время неотступно преследовала мысль, что студия эта давно уже ничего не снимает. Я только мысленно мог себе представить размеры воровства, которое совершается в этих стенах. Повешенные на стенах кадры из фильмов кажутся какими-то непристойностями, паркет побуровел, скособочился, вывернулся. Говорил об институте, о политике, немножко о литературе, выйдет, конечно, из всего этого какая-нибудь обычная телевизионная гадость.

После студии поехал в больницу к Юре Коп-ву. Он опять запил, и его заложили в больницу. Отделение с ключами от входных дверей, с решетками на окнах, все похоже на комфортабельную тюрьму или комфортабельный дурдом. Юру жалко, его кормят какими-то очень сильными невролептиками, это делает его речь и реакцию заторможенными. Устроился он, правда, неплохо. В его одноместной палате есть телевизор, холодильник, его зовут к телефону, и еще ему из дома привезли видеомагнитофон: на холодильнике целая гора видеопленок с триллерами. Богатые и болеют по-другому.

По дороге у Феди сняли номер с машины. Он не вовремя прошел техосмотр, который на автобусах полагается, оказывается, производить два раза в год. Гаишник оказался неуступчивый и обозленный. А буквально через двадцать минут на Каширке Федора снова остановили, дескать, без номера. И хотя по правилам в течение дня ездить парень еще мог, но задача обнаглевшего чиновника любого ранга — грабь. Они все прекрасно понимают безответность народа, попадающего к ним в лапы. "Положи мне, как партизан, сто тысяч рублей в рукавицу". Федя сказал, что этот молодой грабитель на пятьдесят тысяч не согласился. "Из рук в руки я не беру". По сообщению Феди, денег такие ребятишки собирают немерено. Внаглую грабят, как хотят. Попасться в лапы подобной власти — это уже пропасть.

13 декабря, пятница. Весь день на работе, мелкая повседневная суета. По ящику видел передачу Саши. Все его поругивают, но мне кажется, передача емкая и информативная. Часть коммерческая и часть идеологическая, последняя — совершенно очевидно — кланово-демократическая. Это и не неожиданно: фундаторы компании "телепроект" Сережа Ливнев, руководитель Студии Горького, и Сережа Фукс. Предположений не делаю, но можно было бы представить себе, если бы я был владельцем какой-нибудь компании на территории института. Какие при этом открываются возможности! Если бы я только увидел договора аренды, счета за коммуналку и телефон, я бы здесь рассуждал более определенно.

Так сказать, в политической части передачи показали госпожу Новодворскую, которую приняли в какой-то союз писателей. Ее рассуждения по этому поводу. Она говорила о коммунистических козлищах и демократических овнах. Вот, дескать, как хорошо, что они теперь разделены. Последовал вопрос Саши, а не состояли ли раньше демократические овны в козлищах. Вопрос располневшей профессиональной демократке не понравился. Новодворская затараторила о чем-то другом. Всегда заметно, когда интервьюируемый неискренен и подвирает. Профессия, оказывается, может состоять из постоянного и крепкого антисоветизма и антирусскости.

Бедная Россия, она является собственностью любого пришельца! Особенно, если этот пришелец хочет иметь сразу два гражданства. Признаюсь, что меня все больше и больше раздражает нерусский этнический тип, рассуждающий о судьбе России. Татьяну Миткову уже просто не могу видеть, чем же ей так досадила Россия, почему она так любит Чечню? Там, естественно, все по-прежнему, ликующе-злобные чеченские женщины, убийство русских, требования денег в долларах за освобождение пленных. Чихали они на все договоры, но то, что война не идет — какое это благо. Все чаще я сомневаюсь в правильности всех своих политических дефиниций. А так ли уж был не прав этот вечно выскакивающий везде Ковалев? Кстати, чтобы не забыть, несколько дней назад по телевидению сказали, что человеком, теоретически оправдавшим ввод наших войск в Чечню, был Сергей Шахрай. Это сказано было в связи с тем, что он опять заходил в каких-то больших начальниках.

Вечером у меня был Станислав Бемович Джимбинов, говорили о положении России, о коммунистах, о демократах. Теперь он тоже очень создавшимся положением обеспокоен. Я думаю, что обострение этого беспокойства связано с тем, что, по его словам, уже три года его никуда за границу не приглашают. В связи с этим плохо, наверное, и с деньгами. Говорили о покупке институтом части его богатейшей библиотеки. Джимбинов — непишущий ученый. Лекции его чрезвычайно содержательны и наполнены, но сочинений нет. Как мне кажется, все его время уходит на книги — купить, притащить в логово. По его словам, его библиотека состоит из 17 тысяч томов, а к примеру, в библиотеке у Горького в особняке на Малой Никитской было всего 12 тысяч. Составленный на машинке аккуратненько списочек лучше всего говорит о том, куда уходит время профессора. Тем не менее списочек потрясающий, Джимбинов не пропустил ни одной новинки за последние десять лет. Надо сделать все, чтобы как можно больше купить. Цену он предлагает

очень сносную — семь тысяч за любой том. В разговоре возникла книга о Парвусе. Так уж я устроен, что мое само идет ко мне в руки. Я воспринял появление этих книг в институте как знамение. Значит, смогу написать книгу о Ленине.

Вечером с Валентиной Сергеевной ходили в Дом кино. Показывали новый фильм Гринуэя "Интимный дневник" (Pillow book). Перед фильмом выступал английский посол. Я очень высоко оценил его незлобивость и юмор.

15 декабря, воскресенье. Весь день занимался уборкой и глажкой постельного белья. В перерывах читал и приловчился смотреть телевизор, когда на гладильной машине прокатываю простыни. На этот раз много осталось непрочитанного на Антибукер. Я жалею, что не отказался участвовать в жюри с самого начала. Характер текстов таков, что ничего путного не будет — все это постмодернистская литература, отходы от Букера. На этот раз и в жюри люди, в чье понимание задач этой премии я очень не верю. Младший Михайлов варит свою конъюнктуру, в конце концов, он кормится с "современной литературы". Курицын обладает другой, нежели русская традиция, повествовательной практикой и является заложником своих новых взглядов и возрастной быстроты. Для Борисовой — это ее собственный муж и ее симпатии к библейской теме и обманчивой глубине текста. Варламов слишком связан с журналами, отсюда естественное раздражение и подтягивание одеяла на себя.

Посмотрел Антона Уткина в "Новом мире", Добродеева в "Знамени". Все это, конечно, очень хорошо. Смущает меня лишь приниженность замысла. Для меня литература — это сегодняшний день. Евангелисты ведь тоже описывали лишь современный им день, репортаж из сегодня.

Вечером вчитывался в "Жизнь без нас" Андрея Битова. Как всегда, многое сделано, углы затерты и блестят, много холодного сверканья, но интересен замысел, и рациональный ум много читающего интеллектуала-работяги продуцирует прекрасные кренделя. Но как собственная неуверенность толкает автора в сторону антисоветизма, как он, оказывается, все это не любил. Все время с оглядкой, что скажут его сотоварищи по русской писательской организации, по Пен-центру. Мы-то знаем, как искренними в литературе "делаются" самые рациональные куски.

"Не думал уже, что когда-нибудь еще раз так сильно невзлюблю Советскую власть… Ты что же, Сука, *еще* делаешь! мстишь, что ли?" Это по поводу того, что 94-летний Олег Волков, выгуливая во дворе собачку, упал в канаву, оставленную незасыпанной рабочими. "Что это за халтура злая, наковыряла и

бросила, ушла на перерыв, запила. И никто за нее не ответит? Все та же Сонька, спившаяся, опустившаяся, недомытая… бомжиха Сонька, прикинувшись жертвой демократии, развалилась от Калининграда до Сахалина, облекая похмелье в политические мотивы… и нет ей конца, хотя и ужалась с одной шестой до одной седьмой части света". За этим пассажем просто нелюбовь ко всему русскому.

16 декабря, понедельник. Как трудно начинать неделю неотдохнувшим. И тем не менее весь день прокрутился на месте: студенты, документы, антибукеровский конкурс, регистрация академии, регистрация писательского союза. Подспудно все время сидит мысль о моих недругах. Надо бы опять поступить круто и определенно. Почему я должен все время думать о них и держать их в памяти, пусть лучше они думают, куда бы им устроиться.

Занимался проектом "стакан молока": старая моя идея — утром давать студенту булочку и стакан фруктового сока или молока. Теперь это претворяется в 200-граммовый пакет и булку или рогалик, которые раньше, еще при советской власти, стоили 3 копейки. Конечно, хорошо бы иметь натуральный стакан, и я был готов купить пару сотен граненых стаканов, но тут возникнет целая история с санэпидемстанцией, мытьем посуды и прочее. Больше всего я боюсь чиновников и их "принципиальности", под которой только взятка. Взятка становится каким-то глобальным всепоглощающим феноменом русской жизни.

Узнал, что приказом Бугаева сняли с работы моего соседа Андрея Михайловича Стахевича, директора Некрасовской библиотеки. Пришли трое из бугаевского комитета и предъявили приказ "за разовое нарушение трудовой дисципилины" — не пустил вроде какую-то очередную проверочную комиссию. Это, конечно, предлог, хотя можно было бы предположить некие политические мотивы, ибо Стахевич, конечно, скорее русский патриот, нежели демократ. В библиотеке все время возникали всякие интересные конференции, встречи с писателями. Но истинная причина, как я полагаю, заключается в желании московской мэрии выстроить на территории библиотеки какой-то центр. Цепкость и яростность чиновников я почувствал несколько лет назад, когда собирали совещание по поводу моего письма Лужкову. В этом проекте я предлагал создать культурно-просветительский комплекс на территории Нерасовки и Литинститута. Во-первых: мы вам все построим и сделаем — только переходите со своим Литинститутом из федеральной собственоти в городскую. И во-вторых: только не поднимайте вопроса о пустующем пока здании одного из флигелей Некрасовки, по поводу этого флигеля уже есть проект и

заинтересованость. Стахевич в свое время мне рассказывал, что здесь предполагается целое подземное и надземное царство. Тогда же я понял, что время упущено, дни А.М., как противника этого проекта, сочтены. Взятки, полагаю, уже распределены, и деньги, наверное, уже получены.

Весь вечер и ночь читал разности на Антибукер. Наиболее значительное произведение, вернее, произведшее на меня наибольшее впечатление — это "Поле битвы — Достоевский" Юрия Кувалдина. Очень сильно и прямо. Я даже не могу сказать, что это антиеврейское произведение, просто отражающее сегодняшнее положение этого вопроса. Какое движение сделал Кувалдин, как продвинулся со времени своей последней вещи. И как я деградирую, закопавшись в своем литинститутском хозяйстве. Ведь когда захочу вернуться к чистоте и оригинальности мысли, то не смогу. Время и обстоятельства загоняют меня в тупик. Просмотрел Буйды "Ермо" — о некоем аристократе и человеке мира, Михаила Панина "Труп твоего врага" — современный интеллигент, 30 лет жизни в общаге, Сергея Солоуха "Клуб одиноких сердец унтера Пришибеева" — современная и несовременная молодежь, почти бытовые очерки, сцепленные скорее случайностью, нежели замыслом, один с другим — все это лишь разная степень умения университетской молодежи писать. Нет ни мысли острой и пульсирующей, ни сегодняшнего жесткого дня. Не принимаю абстрактной, умозрительной литературы эрудиции и примера. Так же и мои ученички, скорее образцы двигают ими, нежели собственные мысль и терзания.

17 декабря, вторник. Закончили обсуждать роман Валеры Осинского.

18 декабря, среда. Не пошел на работу и целый день занимался хозяйством. Вечером на мой день рождения пришли Лева с Таней и Юра Апенченко. Был еще Сережа Мартынов. Лева принес, как всегда, стихи. Имел успех приготовленный мною по "Книге о вкусной и здоровой пище" фаршированный судак.

19 декабря, четверг. Каждый мой последующий день, как бой. Я начинаю бой в понедельник и размышляю, как бы мне дожить до спасительной пятницы. Творчество уходит в сторону, институт, как трясина, его интересы, конференции, студенты, быт, хозяйство поглощают и затягивают меня.

Утро началось с конференции по Фадееву в ИМЛИ. К счастью, я успел с изданием писем Фадеева, и книжка, тиражом в 100 экз., успела выйти именно сегодня утром. Мои компьютерщики и Нина Ивановна Дикушина, готовившая публикацию, просто молодцы. До конфренции мы даже успели развернуть в верхнем фойе

ИМЛИ небольшую продажу. К сожалению, я не смог послушать всего, потому что торопился придать последние штрихи организации встречи с Г.А. Зюгановым. О выступлении у нас я договорился с ним, когда в Думе напал на него. Это компенсация за мою искренность.

Сначала встреча была назначена на 15 часов, но загодя перезвонились, и Г.А. сказал, что ему удобнее было бы в 13 часов. Приехал на нескольких машинах с охраной, пресс-ребятами и моим приятелем Валерием Тарасовым. Во время встречи, которая продолжалась три часа, был сдержан, остер, умен и напорист. Мне даже показалось, что он стал артистичнее. Зал был полон, ребята задавали сложные вопросы и не все доброжелательные.

Во время встречи все люстры горят, наши лихие студенты сидят на полу, проходы заставлены приставными стульями, и вдруг вламываются телевизионщики, сразу две камеры, а это значит — два оператора, два звукооператора, два осветителя, молодцы сразу же ставят треноги, ведут себя нагло и напористо. Я, привыкший чувствовать себя на своей территории барином, сразу обрываю Геннадия Андреевича и из президиума громко говорю следующий текст: "Ребята с телевидения, здесь Литературный институт, а не вокзал, снимите куртки, разденьтесь в ректорате, а потом работайте. Я студентам не разрешаю ходить в пальто в институте, а тут вы со своими привычками…?"

Картина, которую нарисовал Зюганов, была зловеща, но доказательна. Общество действительно разваливается, президент действительно немощен, криминальный элемент, действительно, в обществе превалирует. Из "моего" гость очень хорошо сказал об Ястржембском: "Раньше пресс-секретарь президента тоже врал, но человек был, видимо, совестливый и отводил глаза в сторону. Этот врет с удовольствием". После выступления Г.А. угостили пирогом. Наш фотограф Саша Волоховский немножко обалдел, когда капустным пирогом накорили и его. Саша в институте работает еще около месяца, и для него, молодого человека, такие "связи"!

Вечером, к пяти, поехал в "Независимую газету" на Антибукер. Вся разыгравшаяся там сцена очень напомнила мне сцену в Гатчине, когда Рогожкин и Клепиков выбивали из меня "ленфильмовские" премии. Я торопился хоть что-то дать Урсуляку и "вписать" в общую процедуру приз компартии, а они, понимая, что Тарасов с деньгами уже находится в Гатчине и под письмом об этом призе стояла моя подпись, — вели со мною торг. Будто бы Клепиков до этого получал какие-то призы и премии не из рук и клюва партии? Тогда не было еще наших двух дам,

задержавшихся на фильме, и я на них не надеялся, а оказалось, что дамы-то, как и я, за Урсуляка. Дав мой, "партийный" приз и произведя размены, Р. и К. еще сотворили "демократический" демарш, сказав, что сразу уезжают. Кстати, в Ленинградской области на последних выборах победил коммунист. Интересно, перестроилась ли гатчинская администрация снова?

Процедура на Антибукере началась с того, что Михайлов, крутящий свои мелкопроизводственные шалости, лоббировал Бакина. Сразу же выяснилось, что этот Бакин представил свои старые рассказы, собранные лишь под обложку в 1996 году. Понравившегося мне "Гонщика" Буйды(?) и повесть Любецкой(?) с предисловием Аннинского сняли из листа, потому что они не проходят якобы по срокам. Все это я напомнил, но Слава Курицын и Михайлов заговорили о "тексте", общем впечатлении именно 1996 года. Несколько раз предлагали голосовать и каждый раз я, не читавший еще тогда этих рассказов, поднимал руку за в надежде, что именно организаторы этой игры сами снимут свои предложения. И каждый раз никто не снимал. Не ожидал я такой линии от Зотова, который накануне сказал мне, что за Еливтерова трое — я, Борисова и Курицын, а тот у меня на глазах вилял три раза. В конечном итоге проголосовали за Бакина, потом по тишине, установившейся после подсчета, обнаружили, что сотворили подлость, начали подтверждать свое голосование, я поднял вместе с Курициным, который вместе с Сашей все это устроил, руку против, но бал был сыгран. Не попрощавшись, я ушел.

Обидно, что так хорошо начавшаяся премия скатилась на позицию Букера, который, правда, в этом году поступил хотя и не по правилам, но не подло. По отношению к Игорю Зотову, молчуну, вспомнил все разговоры с Ефимом Лямпортом. Ефим с ним рядом работал, слишком коротка дистанция, с короткой дистанции, оказывается, видится детальнее. Ощущение такое, что нажрался гадости. Милый Алеша Варламов, тоже игравший в свою игру и поддерживавший или полуподдерживавший игры молодежи, знает ли он, что его еще вчера почетная премия Антибукер-95 нынче превратилась в кусок дерьма и в деньги.

20 декабря, пятница. Александр Иванович Горшков был совершенно прав, заставив меня провести досрочные выборы. Он говорил так: во-первых, на следующий год, в марте, когда у вас заканчивается срок, вам уже будет не 60 лет, а 61. Во-вторых, еще несколько месяцев вам придется жить в атмосфере неуверенности и психологического давления. Сразу же после выборов в моей психологии многое поменялось. Если раньше я думал, и это в известном роде было справедливо, что определенные люди

добыли мне победу на выборах, то теперь стало ясно, что всего я добился только сам, своим трудом, служением делу, упорством. Институт — это моя судьба и моя собственная площадка для жизни, которую я не желаю уступать кому бы то ни было. Здесь сейчас столько сотворенного именно моей кровью, сколько не снилось ни одному из этих говорунов.

Людмила Михайловна Царева недаром много раз говорила мне, что, дескать, я недооцениваю себя и при любом раскладе событий и поляризации людей грядущие выборы обязательно выиграю. И, действительно во мне много поменялось. Здесь и не только это невиданное голосование с поразительным результатом — 131 голос "за", хотя в зале сидели и мои бывшие недруги. Взяли бюллетени, посидели, подумали над ними и выбрали все же того, кого не хотели в прошлый раз. Я посмотрел по списку, кто брал бюллетени: Чудакова, Сотникова, Винонен, кафедра иностранных языков, которая, со слов М.В. Тр-ой, вся, кроме нее, раньше голосовала против меня. Я недооценивал людей, их наблюдательность, их разум, понимание ситуации. Я считал только свои недостатки. Вспыльчив, мелочен, занудлив, службист, не имею своей личной жизни и не даю ее никому. Но, оказывается, меня даже немножко любят. Я по студентам уже давно заметил этот перелом, который произошел в отношении меня. Я думаю, и К., и С., и Ф. (которого не люблю, ибо считаю мелким пиндюристом и крохобором от литературы), еще по инерции на своих лекциях отзываются обо мне неуважительно, но слушают их, наверное, уже снисходительно, подразумевая несложившуюся научную судьбу и одного, и второго, и третьего. Я позволил теперь заметить, и как трогательно поздравили меня с днем рождения, случившимся вскоре после выборов, студенты моего семинара, подарившие коробку конфет, и тотально нищая библиотека с ее тремя гвоздичками, и Зоя Михайловна, связавшая мне четвертую шапочку и четвертый шарф. И здесь уже забываешь о собственном эгоистичном творчестве, надо работать, надо класть себя, как говорилось раньше, на алтарь Отечества. Чертовски приятная это штука, чувствовать себя до некоторой степени жертвой.

Мои "именины", которые я решил провести в институте — второй, расширенный, человек до двадцати тайм — откладываются до понедельника. Я решил не портить и вечер себе, и вечер ребятам- студентам, совмещая сразу два праздника.

Уже давно ребята во главе с Лешей Тиматковым и Андреем Чемодановым решили провести у нас в конференц-зале вечер, а потом и небольшую тусовочку с выпивкой по поводу семилетнего юбилея их самиздатовского журнала "Алконост" (сказочная птица

с человеческим лицом, изображавшаяся на старинных лубочных картинах). Я сделал вид, что заботливый ректор обеспокоен порядком проведения вечера, но на самом деле мне было просто интересно. В этот день я пришел в джинсах и свитере, но в здании оказалось жарко, я скинул куртку и на синюю рубашку надел свою пятнистую омоновскую робу. Со стороны, наверное, было для незнающих меня — а народа собралось чуть меньше, чем на Зюганова — довольно странно: седой усатый дядька, в комуфляжной куртке и джинсах, сидит у выхода в зал на парте. Мест уже не хватало, и я сел на столик, где лежали алконостовские листовки. Мне было интересно, свободно, наши ребята выступали передо мной уже в другом качестве, и я думал, как хорошо, что на нашей земле есть место, где ребята могут почитать стихи, попеть, побузить. Со сцены, где сидели члены редколлегии и авторы, как бы из президиума, я, видимо, просматривался очень отчетливо, и это у ребят создавало определенный настрой. Но они не дергались, здесь были свои правила игры: они — хозяева, я — на их вечере гость.

У меня была еще одна причина остаться на этом вечере. В самом его конце должен был разыгрываться на аукционе сборник "Алконоста", сделанный в единственном экземпляре с автографами авторов, их стихами, фотографиями и даже отдельными оригиналами предыдущих журнальных обложек. Я не мог позволить себе, чтобы сборник ушел из института. Аукцион начался с нескольких тысяч рублей, набавлял Коля да составилась еще какая-то веселая коллективка, которая занимала деньги в общак для покупки. Почти с последним возгласом аукциониста, когда "молот" уже практически ударил по "наковальне", в этот зазор я успел вставить "триста пятьдесят тысяч рублей" и — сборник стал моим.

Из сильных впечатлений вечера — стихи Андрея Чемоданова (которого я долго третировал за пьянство, а может быть, к этому примешивалась ревность к Е. Сидорову, в чьем семинаре Андрей состоит) и пение Леши Тиматкова. Сильный, крупный голос и свободная, раскованная манера. Милый, естественный и талантливый человек. Как я люблю этих ребят!

21 декабря, суббота. Сегодня вечером встречал Сару и Стенфорда, приезжающих на католическое Рождество из Дублина, но днем успел побывать у Миши Фадеева. Он делал небольшой прием в честь дам-дальневосточниц — Нины Ивановны Великой (Великая на Тихом) и Нины Ивановны Дикушиной. Частично героем вечера был и я. В нашем издательстве вышла книга, составленная Н.И. Дикушиной из писем Фадеева. Писатели забыли, чью руку лизали, кто добывал для них ордена, тиражи,

дачи в Переделкино, квартиры и ордена. Вот это желание востановить справедливость и заставило меня, когда узнал, что под каким-то благовидным предлогом "Современный писатель" (бывший "Совпис") отказал напечатать к юбилею эту книгу, ввязаться в процесс. Сделали тиражом в сотню экземпляров за месяц. Теперь для писателей Фадеев — душитель их никчемной и продажной свободы.

До гостевого стола с салатами и прочей гастрономической разностью смотрели на видеопленке архивные киноматериалы, связанные с Фадеевым, — в основном похороны и съезды. Самое интересное — это похороны самого Фадеева. Правительство, вожди — Хрущев, Микоян, Суслов, Ворошилов, литературные недруги — Софронов и Сурков, которым он наплевал перед смертью своим прощальным, омытым кровью письмом в рожи, умывшись, вынуждены хоронить бывшего генсека литературы и меняться в почетном карауле возле его гроба. Сатрап, функционер, душитель словесности, плохой неискренний писатель, так почему же такая очередища в Колонный зал Дома Союзов, почему же такая сутолока на Новодевичьем кладбище? Попутно заглянул в новое издание "Словаря" Казака. В статье *космополитизм* сказано: "Представить себе тон и масштабы начавшейся в 1947 году травли, зачинщиком которой стал Фадеев и которая была направлена против самых видных литературоведов и критиков (среди них В. Жирмунский, В. Пропп, Б. Эйхенбаум), изучавших влияние западноевропейской литературы на русскую, например, в эпоху классицизма или в сказочных мотивах. Кампания носила отчасти антисемитские черты". Бог с ним, с Фадеевым, но нашего русского иностранца, если он даже врет, доказывая, что не существовала самостоятельно русская литература, не трожь, не замай.

22 декабря, воскресенье. Сара и Стенфорд пришли к нам обедать. Доехали они с приключением. Их вещи оказались потерянными и дойдут до Москвы только через сутки. Неразбериха бывает не только в "Аэрофлоте". За обедом оба вспомнили о генерале Лебеде и о недавней бойне в Чечне, жертвах среди работников международного Красного Креста, иностранцев. Я подумал: когда свое, ближнее, а не только общегуманитарное, то — заболело. Наших, русских таким же бандитским способом перебили тьму, а тут международная общественность забеспокоилась. И с Лебедем тоже все ясно. Значит, его эти же самые международные силы накачивают, готовят. Запасной Явлинскому. У нас-то о нем, об этом генерале, уже забыли.

Ночью звонил Ефим Лямпорт. Я представляю, как ему

тоскливо там, этому так глубоко обрусевшему московскому еврею, в сытом Нью-Йорке. И мне тоскливо здесь без него. Немножко поговорили о литературных новостях, в которых я не горазд. Как бы мы с ним, с Ефимушкой, вдвоем, если бы он был в Москве, обточили и этот хитроумный Антибукер и хитрозадого Ал. Мих-ва-мл.

Опять совершенно неотдохнувшим завтра пойду на работу. Завтра наши доблестные студенты играют что-то античное. После античного давно мною обещанная "клиентам" пьянка по случаю моего дня рождения. Рабочий вариант. Все-таки Елена Алимовна Кешокова молодец. А ведь эту самую ненавистную античку заставил ее читать я. А как и сама втянулась, и дело поставила. Ребята горят. Сегодня по телефону разбирался с площадкой для генеральной репетиции между студентами, играющими Менандра, и нашим театром экспериментальной драмы Анатолия Дьяченко. Возможностей в институте уже не хватает, а у меня есть еще другие разнообразные планы.

23 декабря, понедельник. Господи, как же мне понравился студенческий спектакль. Удивительное растет поколение, раскованные, свободные, без всяких комплексов. Играли "Косу" Менандра. Пьеса, конечно, наивная и отчасти непонятная, но видеть наших девиц в простынях-хитонах, да и сами студентки и студенты, после того как походят в "свободных одеждах", будут античность чувствовать получше.

Вечером состоялось "парти". Подарили мне дивный портфель (Бонки), огромный том "Хроники человечества", и Сергей Иванович Лыгарев подарил наручники. Задарили. Чувствую себя обласканным и теперь рвусь в бой, чем-нибудь людям отплатить.

24 декабря, вторник. После выпивки спал, как водится, мало, да и грызло чувство беспокойства. В конце семестра обсуждать уже нечего, и приходится крутиться самому. Я так опрометчиво студентам и пообещал, не дав им никакого задания. Накануне, правда, предвидя собственные трудности, позвонил Валентину Григорьевичу Распутину, но он вроде приболел. Попутно, во время разговора, он стал распрашивать меня, как ему платить налоги за Международную премию "Пенне". Я ахнул, щепетильность метра безгранична. Я долго ему объяснял, что премию дали итальянцы, как бы из рук в руки, и ни по какой налоговой инспекции она наверняка не проходит. Распутин ответил: "Они только и ждут, чтобы меня подловить".

Как ни странно, к утру сквозь плохой сон и дрему разработал план семинара и понял, что возникших идей хватит, если быть экономным, на несколько занятий. Решил провести занятие по "деловому письму" и разобрать со студентами писательскую

анкету из "Российской провинции". В качестве примера письма привел свое письмо к Гайдару о переходе института на бюджет. В нем много подтекстов, ловушек, рифмовок, апелляций к самолюбию и государственности. Во время разбора анкеты сообразил, что хорошо бы снабдить ребят еще и классным заданием. То есть по тем же вопросам, по которым работали классики, чтобы отвечали и студенты. Через полчаса стали сравнивать свежие и опубликованные в журнале образцы. Как бы оппонировал не я, а Георгий Свиридов, Анатолий Ким, Валентин Распутин, Юрий Бондарев, Евгений Челышев, Даниил Гранин, Борис Раушенбах, Владимир Солоухин. В конце не утерпел и прочитал свой собственный ответ на анкету. Он, кстати, по размерам самый большой.

Наиболее запомнившиеся ответы были у Лены Нестериной и Валеры Осинского.

Вечером состоялось заседание, посвященное юбилею Фадеева. Была половина зала в Доме литераторов, стыдливо снявших имя писателя со своей вывески. Параллельно в Малом зале, в котором обычно проводят похороны, состоялось какое-то чествование. Писатели, естественно, пошли на живого. Те, кто когда-то лизал Фадееву ладони и с них подбирал государственные крохи, естественно, не пришли. Не дрогнули только самые верные. Выступала Либединская, которая очень давно рассказывала мне о Фадееве, рассказ ее не забылся, дом ее с Либединским был домом, куда Александр Александрович мог явиться в любое время и в любом виде. Нальют, если надо, стакан и уложат спать. Сидели в президиуме Сергей Михалков, Яков Козловский. Все говорили так, как бог на душу послал, не по обязаловке, хорошо и интересно. Михалков свои воспоминания прочел по рукописи, видимо, написал к этому вечеру. Козловский приводил факты подлого литературного вранья. Ссылался на статью Рассадина в "Вечерке". Сравнивал интерпретацию якобы рассказанного автору Кулиевым о его отношении к Федину (с Кулиевым Яков Абрамович Козловский вместе воевал) с кулиевской же книгой воспоминаний. Но, Боже мой, как трудно верить любому писателю, даже его дневникам и интимным воспоминаниям, если это писалось и говорилось в годы тоталитаризма. Я не уверен, что знаменитое высказывание Пастернака о Сталине и в письме к Фадееву, и в дневнике Чуковского не маленькая пастернаковская деза. Придут с обыском, а в моих личных бумагах и в моих личных письмах сказано о вожде народов так сладко. Поверят ли в этом случае доносчикам? Но тем не менее со Сталиным мы зарапортовались: все великие империи строились на костях, иначе нельзя, пусть

мне приведут примеры. Кровь — стимул первоначального накопления и первоначального строительства.

В своей речи я использовал мысль о расплате художника с властями предержащими. А действительно, таковую из всех знакомых мне писательских историй Фадеев, пожалуй, осуществил единственный. Всегда в глазах потомков прав погибший, ушедший. Присутствовала, правда, еще и моя старая мысль о "Молодой гвардии" как величайшем мифе XX века. Но это еще и глубоко русский народный мф. Именно таков русский национальный менталитет: общественное, Родину ставить выше личного. Отдали жизни, чтобы земля не жила под чужим игом. Без громкости, истерики и фраз, но русскому действительно лучше умереть стоя, чем жить на коленях.

В Москве морозы. На обратном пути в метро купил "МК". Здесь большое интервью с Коржаковым. На фоне всеобщей разрухи идет борьба за власть, влияние и право доразвалить. В "МК" сообщение-

заметочка о Пен-центре. "Известные писатели-правозащитники, входящие в Пен, единогласно продлили еще на два года пребывание Андрея Битова президентом Русского Пена…?" Продлили. В этой же заметочке: "Сотни знаменитых писателей мира, например, поставили свои подписи в защиту Валерии Новодворской…?" Так уж и знаменитых? Заметочка подписана Сергеем Мнацаканяном, всегда подсуетится, всегда откликнется.

Президент вышел на работу. Теперь мы должны начинать платить за его немощь, самолюбие и настойчивое стремление его семьи жить так, как она живет. Папочка-то так болен, что ему давно уже не нужно работать, он давно уже пенсионного возраста. Просто разбойники, а не деятели и народ. Тем не менее на жизнь я смотрю с любопытством.

25 декабря, среда. С.П. прилетел из Индии.

Сегодня решил отсидеться дома. Пришел Сергей Юрьевич Худашов, и мы долго просидели с ним у компьютера. Меня поражает, что я в этом возрасте начинаю что-то соображать. И, конечно, восхищает та виртуозность, с которой молодежь крутится с этими кнопками. Здесь происходит некоторое биологическое сращение человека и машины. Не могу понять, интересно ли мне было бы жить и наблюдать за следующим веком? Скорее всего, нет. Много думаю над иллюстрациями для своей книги. За субботу и воскресенье должен привести ее в порядок.

26 декабря, четверг. Выступал на пресс-конференции в Госдуме. Как всегда, заполошный звонок накануне, надо держать

фронт. Всерьез ничего не объяснили, стратегии никакой нет. Уже в Госдуме узнал, что пресс-конференция называется "Униженное искусство", это значит, надо говорить в тон названия. Никогда коммунисты, видимо, не научатся грамотно проводить свои акции. Тут же выяснилось, что я не задаю вопросы, а лишь говорю для затравки. У меня был только час, постарался мягко, через подтексты выразить свое отношение к происходящему. Коммунистам, конечно, не понравился, потому что не стонал. Всем в высшей степени наплевать, что я чиновник и мои чиновничьи места раздаются не совсем так, как их. Другим — потому что был все же радикален и не умилялся деятельностью правительства. Тезис: куда все это делось? Передо мной со множеством уже слышанных повторов говорил Говорухин. Почему общественные деятели не понимают, что повторяться в дословных выражениях нельзя?

Вчера Ельцин по ТВ требовал отдать пенсии пенсионерам и делает вид, что не знал, что эти пенсии ушли на его избирательную кампанию, на интерьеры его апартаментов и на его лечение. За последнее время в Москве прошли два съезда кардиологов. Демократическое рабство. Были сказаны даже слова об этике. Ельцин — бог бесстыдства.

В 15.15 состоялся ученый совет. Лобанов долго рассказывал о Германии и об ангажированности "Словаря" Казака. Приняли решение обсудить словарь на одном из ученых советов или сделать круглый стол. Надо не забыть, словарь претендует на абсолютную объективность, а Лобанов уверяет, что он ангажирован, как ни один в мире словарь такого рода. Им будут пользоваться и студенты, и преподаватели, потому что это легкая добыча для лектора и отвечающего на экзаменах студента.

Загулял С.П. Пожалуй, пора его отпускать на волю. В рабстве держать нельзя никого. Горькая свобода может быть слаще ватного и спокойного рабства.

28 декабря, суббота. Накануне, в пятницу, купили и установили в углу, возле доски объявлений, елку. О.В. без особой своей прижимистости дала деньги, украсили елку старыми, оставшимися от прежних праздников игрушками, купили килограмм дешевеньких конфет и килограмм баранок — все повесили.

Утром я перегонял машину из гаража возле дома на Ленинском в институт — 3-го везти Сару и Стенфорда в аэропорт, а Федю я отпускаю домой — до 8-го. Он собирается жениться и уже попросил у меня взаймы денег на калым.

В институте я застал полный разгром. На елке уже нет ни одного даже конфетного фантика, кажется, что обдирали елку не

дети, а голодные вороны. Треть всех бубликов и баранок лежало на полу. А милые дети, устроив этот бедлам, тихо и скромно сдавали экзамены. Посидел в аудитории у Аниты Борисовны Можаевой, знают тексты старшекурсники неплохо. Я тоже, оказывается, многое помню, уже стал ориентироваться в науке, совершенно абстрактной и никак не связанной с предметом, название которого лежит в самом слове — "литературоведение". Чтение лекций нашими доморощенными корифеями — это довольно легкая работа, когда она выполняется не без выдающихся личностных качеств.

Порядка в институте нет, все готовы действовать только по заведенным правилам. Сегодня идут экзамены, гардероб не работает, снизу через разбитое стекло в туалете здание поддувается, лаборантов, кроме Нины Ивановны Молевой, на работе не было никаких. В понедельник устрою большой и основательный разгром.

Дневник мой неинтересен. Не умею я разбалтывать все некими глубокими рассуждениями о жизни, о философии, о Боге, о смысле существования. Пишу только факты, да и сами по себе они так незначительны.

Вечером с Сарой и Стенфордом ходили в "Новую оперу" к Евгению Колобову. Здание им дали возле Таганки. Слушали "Евгения Онегина". Все как обычно, без единой купюры, но и без единой паузы для аплодисментов, для перемены декораций. Оркестр сидел и в зрительном зале, и чуть ли не на хорах. Зал оформлен бедно-современно, где не знаешь, из-за отсутствия денег такой аскетизм или этот аскетизм стоит баснословных денег. Но мне все это очень понравилось, сама русская опера, действительно картины русской жизни, такие родные и до сих пор современные. В музыке и русская метель, и наши туманы, и раздолья. Здесь вся русская жизнь. До слез тронул меня молодой тенор, поющий Ленского. Толстый, какой-то домашний, все эти фраки и сюртуки висят на нем, как на бомже, но русская чувствующая душа и настоящее русское ощущение. Никакой аффектации, сентиментальщины или итальянского, на публику, форсирования голоса. И я так счастлив, что услышал знакомые куски пушкинского текста. Сколько в них искренности и точности! Мое. Никому этого не отдам.

29 декабря, воскресенье. Сегодня снился зловещий сон, который почему-то хорошо запомнился. Вообще, когда я вижу во сне своих умерших родных, чувство беспокойства охватывает меня на несколько дней. Мне снилось, что я поменял свою квартиру на квартиру моего умершего брата Юрия на улице Космонавтов. В этом же доме жил когда-то и мой покойный отец.

И это я во сне же держал в памяти. Меня смущало, что квартира оказалась какая-то не такая, ветер продувал с улицы через балкон, и было холодно. Меня потом, во сне же, начало волновать, что я об обмене не посоветовался с Валентиной Сергеевной, и стал думать, далеко ли ей будет ездить теперь на диализ и удобно ли ей в этой квартире будет жить. Грустно. Когда я проснулся, то подумал, не зовут ли меня к себе дорогие и милые мне родные?

В четыре придет на обед Стенфорд, и мы пойдем с ним на "Ромео и Джульетту". Удивительные у этих немосквичей связи. На "Ромео" мы идем по какой-то записочке, которую мне передала Сара. Дальше больше. Как и обозначено в записочке, мы идем с 16-го подъезда и оказываемся на директорском входе, напротив ложи дирекции. Внизу все в бархате и с миллиционером у входа. Но все, как в сказке: чем глубже, тем неожиданнее и страшнее. Оказывается, наши места — в царской ложе. Я содрогнулся, только подумав, что совсем недавно здесь сидела английская королева, а перед нею Ельцин, Хрущев, Сталин. Продолжать этот ряд не хватило ни памяти, ни эрудиции. В аванложе, довольно большом салоне, столик с телефонами, полный набор. Совсем, кажется, близко к небу. К счастью, чтобы не заносился окончательно, в ложе мы оказались на последнем, четвертом ряду. Но и с него видно замечательно.

Скучно. Ушли после второго действия. Наверное, гениально. Но вспомнил Уланову и ее партнера. Нет продыху, Ананиашвили и новый Фадеечев. Память пытается наложить на них другой виденный ранее и уже полузабытый рисунок.

30 декабря, понедельник. Иногда мне кажется, что если действительно самое интересное мое сочинение, как я считаю, — дневник, то он дается мне огромным трудом, ради него я и проживаю дни. Слава богу, год уже к концу, а декабрь — неизменно самый трудный для меня в этом году месяц. Все чрезвычайно прессуется: политика, праздники, житейские перемены, учеба, работа, писания.

Утром составил в уме план: обязательно посмотреть студенческий спектакль — другая группа первого курса в рамках антички играет "Облака" Аристофана. Сама по себе прекрасная форма вдумчивого и прочного усвоения текста, и, слава богу, что мы ее вроде вспомнили. Спектакль получился другой, нежели у предыдущей группы, но по-своему тоже замечательный. Есть вообще особая прелесть в молодом искусстве, которое ни на что особенно, как только на молодость, не претендует. Очень хорош был Ваня Угаров, игравший старика, который приводил сына обучаться к Сократу. В моей речи после окончания спектакля я

говорил, что спектакль можно трактовать как спектакль о вреде высшего элитарного образования. Как бы про нас.

Вечером, к 10 часам, пошел на прием в Кремль. С утра приехал в костюме на работу, а шелковую рубашку, бабочку и ботинки взял с собой. Переоделся. Собственно говоря, мог бы сразу уходить, потому что встретил своего министра Кинелева. Тут я удивился, как много людей уже знают о моем переизбрании. Кинелев: "Я вас поздравляю". — "Это я вас поздравляю с тем, что минимум об одном институте у вас не будет болеть голова".

К этим приемам уже попривыкли. Много свободных мест. Чиновники веселятся. Я на этот раз оказался с метростроевцами и семейной парой из Центра моды России. Алексей Анатольевич Тихонов и Людмила. Они потом утащили меня танцевать вниз, и впервые я побывал в партере, где роится правительство. Выступление Ельцина. Опять упирал на согласие. Он хочет согласия, когда взял власть и взял для своих все богатство страны. Стол был победнее, хотя все в изоблии. Налегал на ананасы и рыбу. Бездарный концерт с некоей Штурм — это сама пошлость в коротком платье. На входе девочки полуголые в прозрачных кафтанах, под которыми совершенно ясно читаются линии голых ягодиц. На выходе некие русские дамы в ведрах вручают гостям сатанинскую выдумку — гороскопы. Есть и витязи с обтянутыми гениталиями. Самое сильное впечатление — это красный, как на шафере, пришедшем на свадьбу в заводскую столовую, пиджак вице-премьера Илюшина и песня о Марусе, которую спел эстрадный певец Малинин, объявив, что это любимая песня Юрия Михайловича Лужкова. Пиджак, песня, ну и вкусы у новой власти. Бал воров.

31 декабря, вторник. С раннего утра занимался хозяйством, готовил фаршированного судака. Потом — Федя женится, и я ездил с его братом Женей на работу за деньгами для него. Федю я отпустил еще 29-го для "представления" родителям невесты, которые живут где-то в деревне рядом с деревней Федора. "Если я женюсь не на татарке, отец меня выгонит из дома". Накануне Федя попросил у меня тысячу долларов, и я пообещал, если получу обещанный гонорар в "Терре". Получил, положил в сейф. На кремлевский прием я побоялся взять деньги с собой. Теперь пришлось бросать раскочегаренную кухню и ехать. Валентина Сергеевна с утра в больнице, я — у плиты. Для Федьки мне ничего не жалко, он охотно делает что-то для меня, я стараюсь сделать что-то приятное и хорошее для него. С удовольствием наблюдаю за двумя братьями и преисполнен какой-то удивительной симпатии к их отцу. Видимо, прекрасный и очень

моральный человек. Он хорошо привил своим сыновьям этические нормы и семейное чувство, которое я так люблю в людях. К Федору за год совместной работы я очень привязался и полюбил его.

В машине. Долгие разговоры с Женей. На свадьбе — минимум 200 человек родни. Отец настаивает проводить свадьбу в деревне. Калым. Ничего не хотят необычного и интеллигентного, хорошо воспитаны под честную жизнь.

Вечером в десять пришли гости: Сара и Стенфорд, Сережа Мартынов с женой Виорикой. К моему удивлению, вечер прошел славно, хотя и чуть длинновато — сидели до шести, до открытия метро.

Так и было написано в 1990 году. Позже я выяснил — Юровский другой, а ведь так думал!